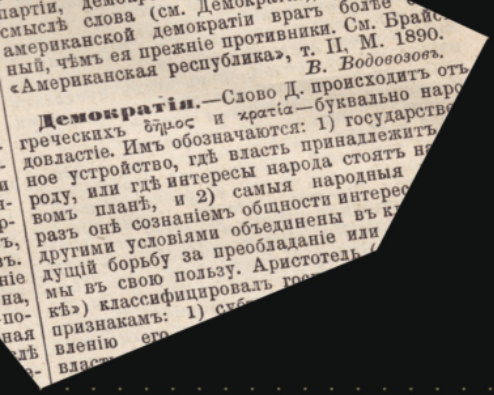

партіи, демо
смыслѣ слова (см. Демокра
американской демократіи врагъ болѣе
ный, чѣмъ ея прежніе противники. См. Брайс
«Американская республика», т. II, М. 1890.
В. Водовозовъ.

Демократія.—Слово Д. происходитъ отъ
греческихъ δῆμος и κρατία—буквально наро
довластіе. Имъ обозначаются: 1) государствен
ное устройство, гдѣ власть принадлежитъ
роду, или гдѣ интересы народа стоятъ на
вомъ планѣ, и 2) самыя народныя
разъ онѣ сознаніемъ общности интерес
другими условіями объединены въ к
дущій борьбу за преобладаніе или
мы въ свою пользу. Аристотедь (
кѣ») классифицировалъ гос
признакамъ: 1)
вленію его

В. В. Водовозов

Жажду бури... 2

Воспоминания, дневник

РОССИЯ В МЕМУАРАХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания революционера и публициста Василия Васильевича Водовозова (1864–1933), охватывающие период с 1880-х и до конца 1917 года, публикуются впервые. Начиная с колоритных описаний тюремного и ссылочного быта, мемуарист повествует об истории своего участия в освободительном движении, сотрудничестве с газетами и журналами демократического направления, о деятельности в Трудовой фракции Государственной Думы, а также отношениях с политическими деятелями того времени. Среди знакомых В. В. Водовозова были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. В. Тарле, священник Г. А. Гапон, А. В. Луначарский и А. Ф. Керенский. Особый интерес представляет критический портрет В. И. Ленина, с которым автор тесно общался в молодости. В качестве дополнения в книге представлен дневник 1919–1920 годов, описывающий драматический быт советского Петрограда: продовольственные карточки, дефицит дров, одежды и продуктов питания, обыски и репрессии. В послесловии прослеживается дальнейший жизненный путь Водовозова, закончившийся трагической смертью в эмиграции.

- В. В. Водовозов
  - ЧАСТЬ IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
    - Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев
    - Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием «Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. – Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. – Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана
    - Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот

выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»
- Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение
- Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родичевского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу
- Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности Трудовая группа. – Караваев, Березин. – Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной казни и амнистии. – Священник Тихвинский. Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы
- Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского

○ ЧАСТЬ V. РЕВОЛЮЦИЯ 1917
- Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности
- Глава II. А. Ф. Керенский. – Керенский в IV Думе. – Керенский в 1917 г. – Мои личные встречи с ним в 1917 г. – Падение его популярности в связи с делом Корнилова
- Глава III. Моя работа в феврале – июне 1917 г. –

Моя литературная деятельность. – Статья в защиту свободы печати. – Брошюры, в частности брошюра о желательных условиях мира. Нападки на нее с двух сторон. – Моя митинговая работа. – Крестьянские митинги
- Глава IV. Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание
- Глава V. Моя поездка на Кавказ в августе 1917 г
- Глава VI. Сентябрь и октябрь 1917 г.; партийная жизнь в Петербурге. – Краткие агитационные поездки в Новгородскую губернию. – Длительная поездка в Оренбургскую губернию. – Возвращение в Петербург. – Эпилог

○ ПРИЛОЖЕНИЕ
- В. В. Водовозов
- В. В. Водовозов
- В. В. Водовозов
- В. В. ВОДОВОЗОВ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННИК»
- ЭМИГРАЦИЯ: «Я РЕШИЛ УМЕРЕТЬ…»

○ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В. В. ВОДОВОЗОВА762
○ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
○ АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН763
○ СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15
○ 16
○ 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149

- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193

- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237

- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281

- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325

- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369

- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413

- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457

- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501

- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545

- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589

- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633

- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677

- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721

- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763

В. В. Водовозов
«Жажду бури…». Воспоминания, дневник. Том II

ЧАСТЬ IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ БЛИЖАЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава I. 9 января 1905 г. – Священник Гапон. – Арест В. И. Семевского. – Запрещение «Нашей жизни» и «Сына Отечества». – Моя поездка в Москву. – Киев

Война с Японией продолжалась, неудача следовала за неудачей. Недовольство народа правительством, упорно длящим войну, смысл и цель которой были непонятны, росло и наконец проявилось в Петербурге событием, оставшимся в истории либо под хронологической датой 9 января 1905 г., либо под политически окрашенным названием «кровавого воскресенья».

Событие это было многократно описано и в существенных чертах известно хорошо, хотя некоторые вопросы, с ним связанные, до сих пор не вполне ясны; в том числе на личность главного его деятеля, священника Гапона, окончательный взгляд не установился, – да вряд ли когда-нибудь и установится: слишком сложна и противоречива его деятельность, хотя его личность, вероятно, довольно элементарна. Большинство писавших о нем после его смерти склонны характеризовать его одним словом: «провокатор», «полицейский наемник», «грубый эгоист» и тому подобное. Несмотря на то что есть много, к сожалению – слишком много, фактов, которые можно привести в оправдание такой характеристики, я до сих пор не могу отделаться от того обаяния, которое он в свое время производил на всех его видавших, в том числе и на меня, и думаю, что такая характеристика слишком проста и не охватывает всего человека.

Я был на трех или четырех рабочих собраниях, на которых выступал Гапон; только один раз мне удалось поговорить с ним лично в течение нескольких минут, но не этот краткий разговор, а его речи к рабочим, его наружность, его пафос произвели на меня незабываемое впечатление.

– Клянитесь, братья, пролить свою кровь до последней капли, чтобы рабочему человеку жилось на Руси, как подобает человеку, – говорил он, поднимая крест.

– Клянемся, клянемся! – гудела толпа.

«Петр Амьенский», – вставало у меня в голове историческое воспоминание.

Нет, это не был провокатор, эта сцена не была заранее разучена и подготовлена в полицейском участке, или… или на свете нет ничего искреннего и верить нельзя никому. Это же действительно вдохновенный пророк, человек глубоко

религиозный, глубоко верующий и в Евангелие, и в свое дело. Позднее… да, позднее он был шпионом и провокатором, но тогда – тогда дело другое. Значит, по крайней мере, его глубокая вера была не так уж глубока, если она не выдержала нескольких испытаний, к тому же вовсе не особенно тяжелых?

Не думаю. Чем более я живу на свете, тем более я поражаюсь сложностью и противоречивостью человеческой натуры: даже одновременно, тем более в разное время.

Когда-то очень давно в одном немецком описании поездки в Россию я натолкнулся на мысль, которая у меня прочно засела в голове: «С русскими никогда не знаешь, как себя вести: сегодня он действует как герой, завтра как прохвост (ein Schurke)».

Это наблюдение глубоко верно, но только с одной необходимой поправкой: вместо слова «с русскими» нужно поставить «с людьми». Немец принял общечеловеческую черту за национальную. Разве, например, Рошфор не был героем, когда вел борьбу с Наполеоном, еще большим героем, когда из места ссылки спасался вплавь по океану, кишащему акулами, на иностранный корабль, заранее договоренный, после таинственных и опасных переговоров из места заключения, и не был прохвостом, не гнушающимся никакой клеветой и никаким сговором с заведомыми мерзавцами в своей агитации за Буланже или против Дрейфуса[1]? И не один Рошфор. Рошфор мне случайно пришел в голову; таких Рошфоров можно было бы привести сотни и тысячи.

Через 10 месяцев, в октябре того же 1905 г., я говорил о Гапоне с П. Б. Струве. Когда я сказал, что Гапон – человек глубоко верующий, Струве фыркнул.

– Гапон – верующий?!

Струве знал Гапона после его бегства за границу. Гапон побывал на вершине если не формальной власти, то психологической власти над многотысячной толпой и был, хотя и недолго, истинным «властителем дум»[2] всего рабочего класса и всей интеллигенции России. Такое властительство совершенно одинаково с формальной властью редко проходит даром; от него кружится голова. Добиваясь среди русской эмиграции той же власти, какою он пользовался в России, Гапон прибегал к мелким, дрянным интригам и в интригах растерял веру в свое дело, а вместе с нею и веру в Евангелие и в своего бога.

Но вот и другие впечатления от личности Гапона.

В феврале или марте 1905 г. я был в Киеве и рассказывал С. Н. Булгакову о событиях 9 января. Когда я привел наизусть, слово в слово, – я тогда помнил, – воззвание Гапона к народу, написанное им после разгрома рабочих вечером 9 января, в

котором Гапон слал проклятие царю-убийце и разрешение народа от присяги[3], Булгаков вскочил с места.

– Как, как? Повторите еще раз.

Я повторил.

– Да ведь это, это… – Булгаков не находил слов. – Да ведь это язык библейского пророка! Это что-то вдохновенное самим Богом!

Сам человек религиозный, Булгаков, никогда не видавший и не слыхавший Гапона, почувствовал родственную себе душу даже в моем пересказе.

Прибавлю к этому, что связь Гапона с Зубатовым[4] и вообще политической полицией не была и не могла быть тайной: об этом знали и говорили все.

Я объяснял эту связь следующим образом. Гапон – деревенский казак[5], вырос в монархической религиозной и вместе с тем вполне демократической среде. Пройдя духовное учебное заведение, он углубил свое религиозное чувство (что, конечно, бывает далеко не всегда; имеются и прямо обратные случаи) и, сохранив близкую связь с родной деревней, остался монархистом-демократом по душевному складу и по не вполне продуманным политическим убеждениям. Такие ведь бывали в России, и даже немало. Стоит вспомнить хотя бы Мартьянова, о котором говорит Герцен[6].

Для Гапона именно царь должен был облагодетельствовать народ, и если теперь народу живется плохо, то ответственность за это лежит не на царе, равно как не на Боге, а на «господах», стоящих между царем и народом. Идеология, опровергаемая всей историей, но разделявшаяся очень многими и более интеллигентными, и более образованными людьми, чем Гапон. Ту же идеологию пропагандировал рабочим Зубатов. Для него она была ширмой, прикрывавшей иные цели, для Гапона – самой его душевной сущностью. Но союз между ними был совершенно естествен и психологически необходим. В этот союз Гапон принес свою веру, Зубатов – свою полицейскую опытность. Без большого труда Зубатов сумел сделать из Гапона свое орудие (не из него одного: Мария Вильбушевич была образованнее Гапона, прошла революционную школу, к тому же она была еврейка[7], – и все-таки сделалась сторонницей зубатовского полицейского социализма[8], а в искренности Вильбушевич не сомневался никто из ее знавших, в частности С. Н. Прокопович). Идя по этой дороге, Гапон сблизился с петербургским градоначальником Фуллоном и петербургской полицией вообще. Тут, несомненно, он часто должен был видеть, что его цели не тождественны с целями полиции, но, как часто бывает, он надеялся при помощи своего

малороссийского лукавства обмануть полицию и сделать ее своим орудием.

Иногда революционеры или люди революционных устремлений, особенно очень юные, не вышедшие из гимназического возраста, поступали на службу в полицию в расчете перехитрить ее и заставить ее служить своим целям, то есть целям революции. Результат в таких случаях всегда был обратный: они обращались в орудие полицейского сыска и либо кончали самоубийством, либо обращались в шпионов и провокаторов. Но это не говорит против их искренности вначале[9].

Случай с Гапоном гораздо сложнее. Совершенно несомненно, что при содействии Гапона сети, раскинутые полицией с целью сыска, принесли ей богатейший улов. Но рядом с этим столь же бесспорно, что Гапон, создавший на деньги, полученные от полиции, свои рабочие организации и двинувший рабочую массу к Зимнему дворцу, дал могучий толчок революционному развитию рабочего класса; более того, он дал первый сигнал к первой русской революции, из которой вытекла и вторая.

События 9 января и, может быть, всего более письмо Гапона, о котором я сказал выше, вызвали в обществе горячее сочувствие к Гапону. Однако упорно ходившие слухи о его полицейских связях сильно смущали многих.

– Как ты смотришь на Гапона: герой или сыщик? – спросил меня мой товарищ А. М. Ону недели через две после 9 января.

– Герой, – решительно ответил я.

Теперь я ответил бы: «И герой, и сыщик вместе».

В одной из первых книжек «Русского богатства» за 1905 г. (или замещавшего его журнала под названием, кажется, «Русские записки»[10]) появилась характеристика Гапона, вышедшая из-под пера Короленко[11]. В общем Короленко стоял на той же точке зрения, что и я. В полное собрание своих сочинений он ее не включил, – очевидно, позднейшая, чисто провокаторская и шпионская деятельность Гапона убедила Короленко в ее ошибочности. Об этом следует пожалеть. Статью эту теперь трудно достать. Между тем она написана с обычным для Короленко мастерством, была в свое время вполне правильной с точки зрения известных тогда фактов и – скажу сильнее – является и сейчас правильной, хотя и частично: там ярко и верно нарисован Гапон, но не весь Гапон, а одна его половина. И, во всяком случае, статья сохраняет свою историческую ценность, как взгляд современника на личность и дело Гапона.

Вскоре после трагической гибели Гапона, а может быть, даже незадолго до нее в Англии вышла «Автобиография отца Гапона»; потом она появилась и в русском переводе с английского[12].

Написана она, конечно, не Гапоном; он не знал английского, равно как ни одного иностранного языка, да и по-русски самостоятельно написать целую книгу не смог бы. Она написана несколькими эмигрантами по рассказам Гапона и, конечно, не в меньшей мере отражает личности ее действительных авторов, чем личность Гапона. Но все-таки из нее ясно виден и Гапон: если не тот, каким он был во всей полноте своей двойственной личности, то тот Гапон, каким он хотел быть. Конечно, в книге очень много умолчаний; немало и прямой неправды. Но все-таки в главном она – правда, хотя и не вся правда.

В года два тому назад вышедших в советской России мемуарах Русанова рассказывается, как писалась автобиография Гапона, хотя рассказ не доведен до конца, так как Русанов говорит только о том, в чем он сам принимал непосредственное участие, а он в конце концов отказался от составления чужой автобиографии. Тут рассказано о грубой жадности Гапона при гонорарных расчетах[13]. Вообще Гапон является здесь в очень неприглядном виде: в таком же виде он является в мемуарах Поссе[14] и вообще у всех, кто встречался с ним за границей или после возвращения.

Более того, на меня самого он произвел совсем не симпатичное впечатление, когда я увидел его по прошествии долгих месяцев бурного года.

Случилось это в сентябре (если не в августе) 1905 г.[15] В комнату иностранного отдела в редакции «Нашей жизни» вбежал Неманов:

– Идите к Португалову, у него – Гапон.

Я тотчас же бросился в «Провинциальную хронику» и растерялся: где же Гапон?

Я ясно помнил Гапона. В священнической рясе, с высоко поднятым в правой руке крестом, это был Петр Амьенский: величественная фигура, скорее высокого, чем среднего роста, с благородным выражением умного лица, с медлительными жестами, обыкновенно усваиваемыми священниками. Теперь с Португаловым сидела какая-то вертлявая фигура в пиджачке, низкого роста, с мелкими чертами лица, с быстрыми движениями, нервно курившая папиросу.

– Вы не знакомы? Водовозов, священник Гапон, – представил нас друг другу Португалов.

– Как же, как же, мы знакомы; я имел честь познакомиться с господином Водовозовым, – затараторила фигура.

Пришлось сознаваться в ошибке; это был Гапон. Только не тот Гапон, а другой, кем-то подмененный.

Собралась часть нашей редакции, в том числе и Ходский.

Нужно заметить, что в нашей редакции тогда не было двух мнений о Гапоне. Изложенное выше мое первое мнение о Гапоне как о герое было общим. Впрочем, к осени, то есть еще до этого визита, появились и сомнения, но большинство стояло на своем.

Гапон рассказал, что он в Петербурге нелегально, хотел бы легализоваться, но неудобно просить о легализации, совершив только что новое правонарушение беспаспортного въезда в Россию; поэтому нужно просить о разрешении ему въезда в Петербург. Ввиду этого он и пришел просить Португалова как человека, наиболее близко с ним знакомого в нашей редакции, чтобы тот познакомил его с Ходским, а Ходский просил бы Витте. Португалов попросил у Гапона разрешение познакомить с ним членов нашей редакции, гарантировав ему сохранение тайны. Мы заговорили о пребывании Гапона за границей. Гапон рассказал нам о своей жизни, о своих встречах и переговорах с эмигрантами. Рассказы его были плоски, бездарны, мелочны. Человек, ведший за собой десятки тысяч народа под знаменем известных политических требований, ровно ничего не понимал в политических вопросах, в политических программах, во взаимных отношениях партий. Он ушел.

Мы все смотрели друг на друга, разводя руками.

– Вот что такое Гапон!

Через несколько дней Ходский был у Витте и исполнил свое обещание Гапону.

– Что вы говорите о разрешении Гапону въезда в Петербург! Гапон давно себе это разрешил. Неужели вы этого не знаете? – ответил Витте и тем пресек дальнейший разговор на эту тему[16].

Прошло 12 лет. Первая революция была раздавлена на московских баррикадах и обойдена обманом 17 октября[17]; пронеслись годы тяжелой реакции; шумела новая, более страшная военная гроза, и началась новая революция. На первое время все вздохнули свободнее.

Ко мне пришли два раньше незнакомых мне рабочих.

– Мы к вам с просьбой. Нельзя ли реабилитировать Гапона?

– То есть… Что вы этим хотите сказать?

– Про Гапона говорят, что он провокатор, шпион, а мы этому не верим.

– То есть как это не верите? Вы не читали рассказа Рутенберга[18], почему он убил Гапона?

– Слышали, да все это вранье. Ничему мы не верим. Это был святой человек. Он нам глаза открыл. Не мог он быть шпионом.

– Но что же вы хотите от меня?

– Вы пишете. Напишите в газетах, что это неправда.

– Да ведь нельзя же просто написать: неправда. Надо

привести доказательства. А какие у вас доказательства?

Доказательств у моих рабочих не было. Но у них была вера в Гапона, и эту веру они пронесли через 12 лет своей рабочей жизни, пронесли, несмотря на все доказательства противного. Такую веру в себя не мог возбудить «просто провокатор».

От этого длинного экскурса в область человеческой психологии возвращаюсь к фактическому изложению.

5 или 6 января началась в Петербурге забастовка, нарушившая всю нормальную жизнь. Забастовали и типографии, и мы, газетчики, были свободны.

Вечером 8 января в помещении редакции «Сына Отечества» собралось человек 80 петербургских литераторов и профессоров. Тут были представлены все прогрессивные издания Петербурга: ежедневные, как «Сын Отечества» и «Наша жизнь», ежемесячные – «Русское богатство», «Вестник Европы» и «Мир Божий», еженедельные – «Право» и др.; было немало людей, стоявших вне редакций, как Н. И. Кареев, генерал В. Д. Кузьмин-Караваев и др. Чувствовалось веяние начинающейся революции, но на завтра предстояло большое кровопролитие, – в этом не сомневался никто. Что делать, чтобы предупредить его? Никто не мог предложить хорошего совета, и собрание чувствовало себя удрученным[19]. Решено – все сознавали безнадежность этой меры, но лучшего ничего не могли выдумать, – отправить депутацию к министру внутренних дел Святополк-Мирскому и Витте: просить их предупредить кровопролитие, которое грозит тяжелыми последствиями для всей России. Надо было выбрать депутацию. Выкрикивали имена:

– Анненский, Арсеньев, Максим Горький, Кареев, Кузьмин-Караваев, Мякотин, Плеханов, Семевский, – прозвучали имена (и еще, кажется, два, которых я теперь не могу вспомнить)[20].

Из этих имен я назвал Кареева, и, следовательно, именно мне Кареев обязан сомнительным удовольствием просидеть три недели в Петропавловской крепости и быть увековеченным на картине Екатерины Сергеевны Кавос, изображающей его в тюремной камере. Из названных лиц все соглашались немедленно, без всяких отговорок трусости или скромности. Только В. Д. Кузьмин-Караваев, в то время игравший заметную роль в общественной жизни Петербурга, категорически отказался, по-видимому считая звание делегата от неразрешенного собрания литераторов несовместимым с его генеральским мундиром. Остальные девять лиц сейчас же уехали. После их отъезда делать было нечего, коллегиальный организованный разговор был невозможен и объявлен перерыв. Но и говорить по отдельным кружкам было не о чем, – все было полно ожиданием возврата

делегатов. Время тянулось удивительно медленно.

Часа через полтора или два делегаты вернулись. Приняты они были немедленно обоими министрами[21], но и тот и другой отказались что-либо сделать.

Собрание тоскливо разошлось в предчувствии тяжелого дня.

На следующий день я вышел из дому часов в 9 утра. Перед тем ко мне зашел Саша Гиберман. Это был сын моей старинной знакомой, женщины-врача Полины Израилевны Гиберман, близкой родственницы жены В. П. Воронцова. Сашу Гибермана я знал с его раннего детства и очень любил. Это был мальчик в высшей степени одаренный и много обещавший в будущем, с очень пытливым умом, всем разносторонне интересующийся, много и серьезно читавший. Он часто бывал у меня, о многом расспрашивал и находился под моим влиянием. В это время он был гимназистом, кажется, седьмого или восьмого класса и лет ему было 17–18; жил он постоянно в Киеве, но в этот момент почему-то находился в Петербурге. Через год после этого он трагически погиб; расскажу об этом в своем месте. Он пришел ко мне, зная, что я в этот день буду ходить по городу; ему хочется того же, и хочет он ходить со мною. Мне было неприятно вести мальчика туда, где есть некоторая, хотя и незначительная опасность; неприятно также как бы вводить мальчика, которому надо еще учиться, в политическую жизнь. Но мальчик был очень развитой, а стоять в стороне от политики в то время и для менее развитого и для еще более юного было невозможно, и я, хотя и неохотно, согласился.

Мы пошли. Мне очень трудно описать этот день сколько-нибудь систематически. Все отдельные моменты в настоящее время хронологически спутались в моей голове, хотя многие из них в отдельности стоят очень ярко в памяти и хотя в первые месяцы и годы они стояли у меня в памяти в самом стройном порядке. Главных моментов, шествия самого Гапона, я, впрочем, не видал вовсе; видал только второстепенные. Не могу вспомнить даже содержания моей собственной очень краткой речи, которую я в тот день произнес в Публичной библиотеке. Первое впечатление было на Васильевском острове (я жил на нем во 2-й линии, и оттуда началось наше путешествие), кажется, в 4-й линии – пролог. Кучка рабочих. Один ораторствует против войны. Против него выступил какой-то субъект в наушниках[22], кричавший надрывным голосом:

– Нам нужен незамерзающий порт на Тихом океане. Кто говорит против войны, тех представляйте в сыскную полицию!

– Да зачем вам представлять кого-нибудь в сыскную полицию? – крикнул я. – Вы сами сыскная полиция.

Раздался смех.

С Васильевского острова мы прошли беспрепятственно через Дворцовый мост к Зимнему дворцу, хотя везде мы видели всякие наряды полиции и войска; те и другие были наготове. Публики было мало. Мы пошли по Невскому. Тут публики было больше; все это была публика того же рода, как и мы с Сашей; обычной занятой публики не было. Мы ходили в разных направлениях, по разным прилегающим к Невскому улицам. Толпы народа делались все гуще. Наконец мы наняли где-то извозчика и поехали по Морской по направлению опять к Невскому. Тут мы услышали со стороны Невского трескотню ружейных выстрелов. Мы продолжали наш путь. Когда мы были совсем у угла Невского, раздался крик: «Извозчика, извозчика», – и мы увидели нескольких студентов, несших на руках человеческое тело. Мы соскочили со своего; студенты положили на него тело, все окровавленное, но живое; один из них сел с раненым и увез его.

По Невскому бежала врассыпную толпа рабочих, – ее преследовал военный отряд, стреляя вдогонку. Мы с угла Морской видели эту погоню.

Не помню, от кого я услышал: идите в Публичную библиотеку, и мы последовали этому зову. Не знаю, как мы проникли туда: были ли взломаны двери или они были открыты (кажется, верно последнее, потом я слышал, что в читальном зале было даже несколько человек работавших, которые ушли, недовольные нарушением порядка). Толпа, и мы с Сашей с нею, проникла в читальный зад. На стол вскочил Максим Горький и произнес краткую, но произведшую сильное впечатление речь; содержание ее совершенно не помню. За ним на тот же стол вскочил я и тоже произнес краткую речь. Как я уже сказал, содержание ее я тоже не помню, но закончил ее возгласом: долой кровавого царя.

Совершенно неожиданно в ответ раздался возглас по моему адресу какой-то пожилой женщины:

– Стыдно вам!

Толпа, однако, была на моей стороне, и женщина вызвала крики по своему адресу:

– Вам стыдно, царь убивает на улице людей, а вы! – Толпа наседала на женщину, некоторые грозили ей кулаками.

Я боялся, что может произойти расправа; Горький, видимо, боялся того же, но, к счастью, дело обошлось мирно, – женщину выставили, и она ушла. Других ораторов не нашлось; толпа разошлась, и я тоже ушел.

Затем мы вновь бродили по улицам. В одном месте мы встретили отряд конных казаков, преследовавший с шашками

наголо толпу, бежавшую и прятавшуюся в воротах и других углублениях в стенах домов. Мы тоже спрятались в одной такой нише, и казаки промчались мимо нас. Вновь несколько раз слышали ружейную пальбу, но ни убитых, ни раненых больше не видели.

Часам к двум, по-видимому, все было кончено. Улицы начали редеть, но войска и полиция оставались. Утомленные впечатлениями дня, мы решили пойти домой. Идти надо было пешком, так как извозчиков нигде не было, конки тоже не ходили. Но идти домой оказалось не так-то просто. Пойдешь по одной улице, – вдруг она оказывается прегражденной отрядом казаков или полиции.

– Назад! Здесь нельзя.

Приходилось поворачивать. На другой улице то же самое. Мы направлялись к Дворцовому мосту, но дойти до него не удалось и пришлось повернуть к Николаевскому. Через него мы прошли благополучно и часов в шесть были дома.

Кровь, таким образом, я сам видел только один раз, но она носилась в воздухе. Я чувствовал, что где-то, где я не был, она пролита целыми потоками. Число убитых в этот день никогда, насколько я знаю, не было установлено с точностью. Цифра, приведенная в официальном сообщении о событиях дня, была невелика[23], но она совершенно не соответствовала истине. Цифры, называвшиеся в публике, со ссылками на разные источники, и потом сообщенные в разных мемуарах и исторических работах о 9 января, достигали 2000. Вероятно, они преувеличены. Во всяком случае, убитые исчисляются сотнями, если не больше.

На следующий день я обошел места вчерашних боев и видел поваленные телеграфные столбы, вывороченные из мостовых булыжники. Все говорило, что бой был ярый и что накануне я самых важных событий, собственно, не видел. Видел я стены домов и окна, изрешеченные пулями; узнал, что пуля не разбивает стекла вдребезги, но производит в нем правильную круглую дыру с ровными краями, от которой радиусами расходится несколько трещин[24].

Через несколько дней я встретился на империале[25] конки с одним знакомым рабочим. Мы заговорили о событиях 9 января.

– Знаете, что я думаю? – сказал он. – Я думаю, что нет ни Бога, ни царя.

Я остолбенел; строй мысли, из которого вытекла эта фраза, был для меня непонятен. Если отрицание Бога для меня понятно, если мне понятно, что бессмысленные жестокости или стрельба по хоругвям и иконам, не вызвавшие кар со стороны Бога, могут

отнять у человека веру, то царь для меня был не допускавшей сомнения реальностью. Но продолжение разговора ввело меня в душевный строй моего собеседника. Царь для него не только носитель верховной власти, но и воплощение определенного идеала, как Бог не только Творец мира, но и верховное Добро; последнего не оказалось, – нет больше Бога, нет больше царя, а есть, может быть, черт и самозванец. У меня в памяти смутно вертелись слова Ив[ана] Шуйского:

– Нет на Руси царя![26]

Это как раз тот самый строй мысли, очевидно, верно схваченный Алексеем Толстым.

Нет Бога, нет царя. Эту формулу в следующие недели я слышал многократно. Она заменила формулу: «Бог на небе, царь на земле», и даже промежуточную между ними: «До Бога высоко, до царя далеко», и «Милует царь, да не милует псарь». Нет Бога, нет царя – результат работы Гапона на деньги Зубатова и Фуллона.

11 января я поздно вернулся домой с какого-то собрания. Утомленный беготней предыдущих дней, я скоро заснул и спал крепко. Среди ночи в мою комнату вошел В. И. Семевский, разбудил меня, обнял и сказал:

– Прощай, меня увозят, я арестован.

Я приподнялся, но сознание ко мне в полной мере вернулось не сразу, – простился, ничего не понимая, и тотчас же свалился на подушку. Минут через пять я вновь приподнялся, увидел, что комната освещена лампой (электричества тогда в квартире еще не было) и что в углу сидит полицейский.

– Лежать смирно! – раздался грозный окрик.

Я еще настолько находился во власти сна, что окрик на меня подействовал и я вновь повалился на подушки, но тотчас же проснулся, поднялся и начал одеваться. Окрик повторен не был.

Я пошел в комнату матери. Она была одета, но в состоянии полного изнеможения. Оказалось, что часа в два ночи явилась полиция, произвела поверхностный обыск во всей квартире, в том числе и моей комнаты, причем я не проснулся, но не в комнате Василия Ивановича; для обыска в ней с ее большой библиотекой и архивом, очевидно, не было времени, – и ее просто запечатали[27]. Затем часа в три ночи Василия Ивановича увели, куда – неизвестно.

Я тотчас же решил, что арест вызван участием Василия Ивановича в депутации к Святополку и Витте. Однако это надо было проверить. Дождавшись утра, я пошел к Карееву. Мне открыла дверь его дочь и на обычный вопрос, дома ли Николай Иванович, ответила:

– Папа сегодня ночью арестован.

Дело становилось совершенно ясным. В тот же день мы узнали, что арестованы все делегаты, кроме Арсеньева, для которого почему-то сделано было исключение[28].

Начались обычные хлопоты о свидании, и таковые были даны, не знаю, всем ли арестованным или только некоторым. Раз из соседней квартиры мне сообщили, что из жандармского управления вызывают мою мать для свидания (телефоны тогда были распространены мало, и у нас его не было). Как раз моей матери не было дома. Рискнул поехать я, и меня допустили. Свидание продолжалось полчаса и было так называемым личным, т. е. не через решетку. При свидании присутствовал жандармский офицер, который был погружен в какие-то бумаги и делал вид, что не обращает на нас внимания; мне удалось тайно передать Василию Ивановичу карандаш и перочинный нож, на отсутствие которых он особенно жаловался, и их он провез благополучно в крепость. Однако когда я сделал какое-то неуважительное замечание по поводу арестов, жандарм очень резко вскинулся на меня и закричал:

– Я прекращаю свидание.

Мне пришлось извиниться (я не помню теперь, в чем состояло мое замечание, но помню, что оно, принимая во внимание условия места, действительно было нетактичным), и жандарм смягчился. В заключение мне было сказано, что свидания В. И. Семевскому с моей матерью вообще разрешены, помнится, два раза в неделю и будут происходить здесь, на Тверской, в жандармском управлении.

То же самое было и с Кареевым.

Я дал совет Софье А[ндреевне] Кареевой непременно захватить с собой на свидание карандаш и нож. Но Софья Андреевна решительно заявила мне:

– Я хорошо знаю моего мужа, – он ни за что не возьмет; не может же он быть в положении гимназиста, которого поймали на шалости.

И не сделала этого. Между тем потом Кареев говорил мне, что он, конечно, взял бы, так как оставаться не только без пера и чернил, но и без карандаша невесело.

Недели через три арестованных выпустили, за исключением М. Горького, которого держали дольше, несмотря на взрыв в Европе общественного негодования, вызванного его арестом. В конце концов, однако, правительство должно было отступить перед натиском этого негодования, и последний из депутатов общественного мнения к министрам оказался на свободе.

Каждый день мы, члены редакции «Нашей жизни»,

собирались в обычное время в помещении нашей редакции в надежде узнать, когда сможем, наконец, возобновить издание газеты. Но расходившееся море не могло сразу войти в берега, и рабочие за работу не принимались. Наконец, из типографии пришла весть, что завтра (помнится, это «завтра» приходилось на пятницу, 14 января) типография открывается и мы должны сдать ей материал. На следующий день я был чем-то задержан и явился в редакцию с некоторым опозданием. Уже на лестнице я заподозрил что-то неладное: по ней поднимались и спускались в большом числе какие-то подозрительные фигуры, не похожие ни на обычных посетителей нашей редакции, ни на обычную публику этой лестницы. Тогда, с осмотрительностью выждав момент, когда на лестнице было сравнительно пусто, я быстро отворил дверь в редакцию и сразу понял, что в редакции происходит обыск: прихожая была полна полицейскими мундирами. Все стояли спиной к входной двери, и я, видимо никем не замеченный, успел быстро затворить дверь и быстро же спуститься к выходу. Во всяком случае, за мной не гнались, и я ушел благополучно.

Дома я застал у моей матери г-жу Юлию Безродную (беллетристку), жену Евг[ения] Ад[ольфовича] Ганейзера, члена редакции «Сына Отечества».

– «Сын Отечества» выйдет завтра? – спросил я.

– Да.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Конечно.

– А я сильно сомневаюсь, – возразил я и рассказал ту сцену, свидетелем которой был только что.

Безродная словно сорвалась с места и моментально уехала.

Вечером, на всякий случай почистившись дома и почистив свои карманы, я вновь отправился в редакцию. Пройдя несколько раз вверх и вниз по лестнице и не заметив ничего подозрительного, я осторожно отворил дверь. В редакции уже никого не было, кроме Ходского.

– Был обыск, – рассказал он, – довольно продолжительный и внимательный. Рылись в столах, на столах, в конторе, в карманах у членов редакции; ничего не нашли подозрительного и ушли, составив протокол. Обыск продолжался с 2 до 6. Редакция разошлась, газеты не составив, да и из типографии известно, что наборщики не приступили к работе. Надеются, что завтра можно будет работать беспрепятственно.

На «завтра» работа действительно возобновилась у нас и в «Сыне Отечества».

Время было еще горячее. Мы писали по адресу правительства

в тоне очень резком, «Сын Отечества» – еще того более. Почти каждый день были митинги или собрания, на которых и я выступал со своими речами.

4 февраля был в Москве убит великий князь Сергей Александрович. Мы написали сухой некролог и вышли без траурной рамки. То же самое сделал и «Сын Отечества». В тот же день обе газеты были запрещены на три месяца с отдачей, по истечении этого срока, под предварительную цензуру.

Была ли это гибель?

С этим вопросом шел я в редакцию. Ходский был удручен, однако решил бороться.

В момент своего запрещения газета имела тираж от 60 до 70 000 экземпляров. «Сын Отечества» немного больше. Если не считать дешевых газет («Свет», «Газета-Копейка» тогда еще не существовала, дешевая «Биржевка», кажется, тоже[29]), этот тираж был максимальный, которого до того времени достигала какая бы то ни было большая русская газета. Старинное «Новое время», казалось бы прочно стоявшее на ногах, в это время сильно отставало в тираже от двух радикальных газет Петербурга и вряд ли в то время благополучно сводило концы с концами.

Нужно заметить, что время японской войны и первой революции было для литературных, в особенности газетных, заработков переломным временем или, по крайней мере, началом переломного времени. Именно с этих пор заработок самого заурядного газетчика, по крайней мере не очень щепетильного в выборе органа, начал расти и в конце первого десятилетия XX в. определялся в 6, 9, 12 и более тысяч рублей в год. Тургенев в свое время получал всего – и от гонораров, и от продажи своих сочинений, – от 5 до 6000 р. в год, как он говорит в одном из своих писем, а Леонид Андреев, величина в литературе, конечно, гораздо меньшая, получал в «Русской воле» (в 1916 г.) свыше 30 000 р. До японской войны только один Л. Толстой мог бы получать, если бы захотел, больше этого. Главным образом для подъема заработков много сделали «Биржевые ведомости» в Петербурге со времени вступления в них Гаккебуша (это было после первой революции) и «Русское слово» в Москве. Конечно, возможным это стало благодаря значительному росту тиража газет, связанному с ростом грамотности и интереса к печатному слову и экономическим ростом России в начале XX века до мировой войны.

Но мы в «Нашей жизни» этими благами еще не пользовались или пользовались в самой малой степени.

Незадолго перед тем возникшая «Русь» молодого А. А. Суворина[30], филиальное отделение «Нового времени», имевшее

задачей взять себе либеральную публику, тоже в популярности отставало от нас. Возникнув в ноябре 1904 г. с ничтожными денежными средствами, не превышавшими 20 000 рублей, мы через три месяца существования вполне окупались и уже обещали в недалеком будущем хороший доход издателю (Ходскому)[31].

Ходский вел дело очень экономно. Заставить Ходского произвести какой-либо экстренный расход на редакцию было почти невозможно. Жалованья у нас были очень скромные: редактор получал 300 рублей в месяц, заведующие отделами (и я в их числе) 200 рублей; даже военный корреспондент (Рыкачев, впоследствии убитый на великой войне), писавший нам превосходные корреспонденции, обращавшие на себя общее внимание, получал всего 800 рублей жалованья, кроме небольшого построчного гонорара. Построчный гонорар у нас равнялся для большинства сотрудников 10 копеек. В «Сыне Отечества» и жалованья, и гонорары были раза в полтора-два выше.

И вот – запрещение на три месяца. Находясь под запретом, газета несет большую часть обычных расходов, не получая в то же время ни копейки доходов; с типографией, с квартирой она связана контрактами; сотрудников она не может распустить, а подписчиков она обязана удовлетворить либо возвратом подписных денег, либо другой газетой; доход от объявлений и розничная продажа не только прекращаются, но даже после возобновления газеты восстановляются не сразу в полном объеме.

Нам, постоянным сотрудникам, Ходский предложил на время запрещения жалованье в размере 2/3 обычного. Мы все согласились без единого слова возражения; лично я считал это большим великодушием и щедростью со стороны Ходского и не рассчитывал на это. Я смотрел на будущее газеты довольно мрачно, не рассчитывая, что в Петербурге она сможет существовать под предварительной цензурой. Напротив, Ходский и большинство редакции были настроен оптимистично.

Невольный трехмесячный досуг я истратил на сотрудничество в ежемесячных журналах и на написание нескольких брошюр: о пропорциональной системе выборов, к которой я относился с решительным отрицанием для России и вообще для больших государств, признавая ее целесообразность только в государствах маленьких и притом уже давно живущих политическою жизнью, как Швейцария; о применимости всеобщего избирательного права в России, о делении России на избирательные округа и некоторые другие[32]; проредактировал перевод книги Кеннана[33] и т. д. Мои брошюры издавали Парамонов, Мария Малых и другие издательства; некоторые

потребовали повторных изданий. Кроме того, я несколько раз ездил в Москву и один раз в Киев. В этом последнем, столь хорошо мне знакомом городе было устроено собрание для прочтения мною доклада о происшествиях 9 января в Петербурге.

В одной из прежних частей моих воспоминаний я рассказывал, как устраивались под легальным флагом в существовавшем там Литературно-артистическом обществе собрания, по существу нелегальные. Так было раньше, в эпоху тяжелой реакции. Теперь, при явном приближении революции, это было еще легче. Я не помню, какой литературный предлог был выдуман для моего доклада, но действительная тема его была хорошо всем известна, и на доклад набралась масса народа, конечно – преимущественно радикальной молодежи. Я начал доклад словами:

– 9 января в России началась революция.

Слова эти произвели сильное впечатление, удивившее меня самого. В Петербурге и Москве революция была уже общепризнанным фактом; никто не сомневался в ней. Но в Киеве даже революционеры ее наступления еще не чувствовали; она была еще только предметом желаний и ожиданий. Между тем самый факт возможности такого доклада, как мой, свидетельствовал, что власти находятся в полной растерянности и распустили вожжи. Доклад прошел вполне благополучно и вызвал массу вопросов, на которые я отвечал.

4 или 5 мая «Наша жизнь» возобновилась[34]. Тут пришлось убедиться, что хотя период был явно революционный, но мое киевское впечатление о распущенных вожжах было односторонним. Правда, мы говорили тоном небывалым в русской легальной печати, но это далеко не всегда сходило с рук. «Предварительная цензура» понималась теперь не так, как раньше, – не так, как в Киеве с «Киевскими откликами». Мы не посылали в цензуру каждую отдельную статью, но должны были весь номер представлять в сверстанном виде к 11 часам. Между тем при отсутствии предварительной цензуры газетный материал сдается в типографию в два-три часа ночи и иногда даже позднее. Таким образом, газета, издававшаяся под предварительной цензурой, помимо того, что она не может говорить все своим голосом и сообщать всех фактов, доступных другим газетам, помимо этого она всегда запаздывает сравнительно со своими свободными от нее конкурентами, что немедленно отражается на интересе, возбуждаемом ею в читателях, и, следовательно, на количестве подписчиков. Иногда – и довольно часто – цензор предлагал выкинуть какой-нибудь абзац или целую статью, причем, однако, оставлять белые полосы, как это делалось

впоследствии (во время мировой войны), не позволялось: пустота должна быть заполненной чем-нибудь, конечно, тоже нуждавшимся в быстром разрешении цензора, дававшемся в 12 часов – 1 час ночи. Часто при этом выход номера задерживался позже почтового часа, а так как почта, сама далеко не вполне аккуратная, была весьма придирчива, то при опоздании на несколько минут газета разносилась городским подписчикам только вечером, а иногородним отправлялась с вечерними поездами или даже на следующий день. Нередко бывало еще хуже: цензор задерживал весь номер, и он вовсе не появлялся. И это случалось в среднем не реже чем раз в неделю, а то и два.

С этого и благодаря этому начался упадок «Нашей жизни». В одинаковом положении с ней был и «Сын Отечества», но у последнего – неисчерпанный денежный капитал более чем в сотню тысяч рублей, внесенный издателем Юрицыным; у нас его не было. Однако газета все-таки сильно читалась и имела заметное влияние на общественное мнение.

Глава II. Демонстрация в Павловске по поводу Цусимы. – Моя поездка в Одессу в связи с восстанием «Потемкина». – Встреча с Вильямсом. – Заезд в Киев. – Арест моей жены. – Новая поездка в Киев и лекция Лункевича. – Я приговорен к трехмесячному аресту. – Моя первая эмиграция. – 17 октября 1905. – Рассказ Иоллоса о Рейснере. – Возвращение в Петербург на пароходе с П. Б. Струве. – Судьба А. Гибермана

14 или 15 мая 1905 г. произошла Цусима. Известие о ней пришло на другой день, пришло не сразу, а в несколько приемов. Первые телеграммы сообщали только о сражении, исход которого был изложен не вполне ясно, хотя в поражении нельзя было сомневаться с самого начала. Ужас событий нарастал с каждой новой телеграммой и после полудня стал во всей полноте. Откуда-то пронеслось предложение: пойдем сегодня на музыку в Павловск и заставим ее замолчать, – нельзя праздновать в такой день, день траура. Кому принадлежала эта мысль, кто ее пропагандировал, – не знаю. Во всяком случае, в распоряжении пропагандистов этого проекта не было ни типографского станка, ни телефонов (тогда таковых в Петербурге было очень мало), а главное, не было времени: мысль не могла возникнуть раньше полудня, а в 5–6 час. вечера о ней знали все в Петербурге. Я в числе других поехал в Павловск с одним из многочисленных идущих туда поездов часов в 6 или 7. Поезд был переполнен так, как я до тех пор никогда не видал: публика в вагонах стояла стоймя, тесно друг к другу, как сельди в бочке; жались на площадках, сидели верхом на буферах. Не дошло только до того, чтобы взбираться на крыши вагонов, – это изобретение эпохи великой войны. Сразу был ясен характер публики и смысл ее поездки.

В соответствии с этим павловский парк был тоже переполнен. У меня ясно встает в памяти умная фигура П. Н. Милюкова, появлявшаяся в разных местах парка. Сильно удивило меня присутствие мирного, не питающего ни малейшей симпатии к революционным эксцессам Ив[ана] М[ихайловича] Гревса.

– С каких это пор ты стал таким меломаном? – с иронией спросил его я.

– Я? Я всегда любил музыку и в Павловске бывал часто. А вот тебя я здесь до сих пор что-то не встречал.

Гревс действительно любил музыку, но… не такую.

Возбуждение чувствовалось очень сильное. Но речей, настоящих ораторских речей с трибуны пока еще не было. Разговаривали по отдельным кружкам. Более других сплачивал около себя слушателей П. Н. Милюков, но и он речей не произносил.

В обычный час, кажется в 7, явился оркестр военной музыки и в своем павильоне заиграл какую-то бравурную мелодию, совершенно не подходившую к настроению момента. Вся публика бросилась к павильону с криками:

– Стыдно! Позор! Замолчите! Россия гибнет, а вы что-то празднуете, – и тому подобное.

Сжимались кулаки, поднимались даже зонтики и палки, но, к счастью, насилия не было произведено. Оркестр замолчал, потом сложил свои инструменты и ушел.

Собственно, задача демонстрации была закончена; никакого плана на дальнейшее не было, и делать было нам больше нечего. Но сразу и просто разойтись было психологически невозможно. В отдельных местах парка начались речи, произносимые со скамей, однако речи очень краткие, ни одна из которых не продолжалась более 5 минут, все – одного содержания, которое может быть сведено в одну краткую формулу: «Долой самодержавие». За одну из таких речей был тут же арестован А. И. Новиков (бывший земский начальник, потом городской голова одного из южных городов, кажется Баку), который после нескольких дней ареста был благодаря своим высокопоставленным связям освобожден и в виде наказания подвергнут иногда употребляемой, довольно бессмысленной каре домашним арестом; я у него бывал во время отбытия им этой кары.

Произнес и я такую речь. Общий смысл ее был тот же, что и у других ораторов, но, кажется, я один или один из немногих прибавил к формуле «долой» пункт положительной программы: учредительное собрание, избранное всеобщей подачей голосов. Ко мне бросился полицейский с явным намерением меня арестовать, но между мною и им быстро, как будто нечаянно, стал Милюков, около него сгрудилось несколько человек из публики, а мне подала руку какая-то незнакомая мне пожилая дама, и мы вместе с ней спокойно вышли из парка. Таким образом П. Н. Милюков и эта дама спасли меня от ареста[35].

В парк я больше не возвращался и вернулся в Петербург с

первым поездом.

В июне того же 1905 г. на Черном море произошло восстание броненосца «Потемкин»[36]. Редакция командировала меня в Одессу разузнать об этом происшествии. Я прибыл туда, когда «Потемкин» уже ушел в море, и видел только следы разрушения, произведенного бомбардировкой, но не самую бомбардировку. Причин и общего характера происшествий никто в Одессе тогда еще не понимал, и, собрав по свежим следам те сведения, которые оказалось возможным получить, и описав их в наскоро набросанной корреспонденции, я уехал.

По дороге в Одессу в ноябре я встретился с мистером Вильямсом, впоследствии приобретшим большую известность в качестве члена редакции «Times», ведшим там русский отдел с большим, редким в иностранце пониманием России. Познакомился с ним я еще в 1903 г. в Штутгарте у П. Б. Струве. Только что перед тем из Петербурга и России вообще был выслан корреспондент «Times» за мрачное освещение финансового, экономического и политического положения России[37]. Рассерженный и оскорбленный этим «Times» заявил, что своему корреспонденту он вполне доверяет, посылать в Россию другого не считает возможным и нужным, а будет держать свое доверенное лицо в Штутгарте и будет просить Струве сообщать ему те обильные сведения, которые скапливаются у него из России. И вот этот корреспондент (фамилию его я забыл) приехал в Штутгарт. Одновременно с ним приехал Вильямс, тогда бывший корреспондентом радикальной «Manchester Guardian», одной из очень немногих больших английских газет, издающихся в провинции. Оба англичанина провели несколько времени вместе в Штутгарте, но первый скоро уехал из него, и остался один Вильямс. Не помню, тогда же ли он перешел в «Times» или он оставался корреспондентом «Manchester Guardian», а в «Times» устроился как-нибудь иначе[38], но те полтора или два месяца, что я провел в Штутгарте, я видался с Вильямсом чуть не ежедневно. Потом он бывал у меня в Петербурге, и вот я встретился с ним в поезде, везшем нас в Одессу.

Англичанин из Новой Зеландии, кажется, доктор одного из германских университетов[39], хороший языковед, в частности порядочно говоривший по-русски, Вильямс производил впечатление широко образованного человека с широким кругом интересов. Он добросовестно старался понять жизнь страны, которую изучал, и из всякого человека, с которым его сталкивала судьба, старался выжать все что только можно. Он очень интересно ставил вопросы и умел вовлекать в живой разговор. Всю дорогу от Петербурга до Одессы и потом два или три дня в

Одессе мы провели с ним вместе.

Из Одессы на возвратном пути я заехал в Киев, где оставалась моя жена, до тех пор не перебравшаяся еще в Петербург. Специальной цели заезда, вроде лекции или доклада, у меня не было, и оставаться в Киеве я не хотел более суток. Но в первый же день, когда я, побывав в нашей редакции «Киевских откликов» и посетив различных знакомых, вернулся домой, произошло событие, столь обычное и всегда тем не менее неожиданное. Часов в 11 или 12 вечера раздался звонок, – и появились жандармерия и полиция.

Обыск продолжался часа три; затем забрали мою жену и увели. На этот раз дело было киевское, местное, направленное не против меня, а специально против моей жены. Причины ареста мы тогда не понимали. Впоследствии для нас выяснилось, что моя жена явилась одной из многих жертв Азефа. Моя жена вообще поддерживала дружеские связи с с[оциалистами]-[революционе]рами, иногда давала им деньги, иногда – квартиру для их совещаний. Один раз, еще до моего переселения из Киева, я встретил у нее Азефа и имел честь познакомиться с ним, но встреча была совершенно мимолетная. Впечатление от Азефа у меня осталось общее со всеми: «На редкость гнусная рожа».

Приходилось отложить свой отъезд из Киева, хотя я и чувствовал неловкость по отношению к редакции «Нашей жизни»: только что окончились трехмесячные невольные каникулы, а я уже манкирую.

Сходил в жандармское управление, где, к счастью, уже не было моего старого знакомца Новицкого, – получил свидание с женой, побывал у нее в тюрьме. Убеждение у нас обоих было, что арест не серьезный и что скоро она будет освобождена. Поэтому я решил уехать в Петербург[40], оставив заботу о жене на ее близкой приятельнице, молодой барышне Варваре Ваховской, которая в это время гостила у нее и осталась в нашей квартире и после моего отъезда[41]. Действительно, через две недели жена была освобождена без других последствий, кроме отобрания подписки о невыезде.

В сентябре того же года я еще раз съездил в Киев, – на этот раз потому, что у моей жены нужно было произвести, хотя и не серьезную, глазную операцию. У нее по-прежнему гостила В. Ваховская, дело ее было в неопределенном положении, и в это же время у нас остановился наш хороший знакомый, небезызвестный писатель по вопросам естествознания Лункевич (автор ряда популярных брошюр, изданных Павленковым[42]). Он ехал с Кавказа через Одессу и Киев в Москву и в Киеве собирался пробыть дня два. Его рассказы о ходе событий и нарастании

революции на Кавказе были в высшей степени интересны, и я предложил ему устроить прочтение доклада в Литературно-артистическом обществе, как за полгода перед тем я сам читал там же доклад о революционных событиях в Петербурге 9 января.

Лункевич охотно согласился, и с тою же быстротой, с какой была организована демонстрация в Павловске, быстротой, возможной лишь в такое революционное время, я в один день организовал чтение доклада и оповестил публику[43].

Вместительная зала Литературно-артистического общества была набита битком. Я открыл собрание и предоставил слово Лункевичу. Он начал свой рассказ. Зала слушала с большим интересом и вниманием. Вдруг меня отозвали.

– Полиция внизу, ее задерживают; сейчас она явится. Наряд громадный!

Я выбежал навстречу полиции и застал ее на лестнице.

– В чем дело?

– Здесь нелегальное собрание. Я требую, чтобы оно разошлось спокойно.

– Хорошо, это будет исполнено, но я прошу вас не входить в зал, потому что ваше присутствие может вызвать скандал, и я не отвечаю за сохранение порядка. Без вас мне удастся убедить публику разойтись. Дайте мне пятнадцать минут срока.

Пристав согласился.

Я вернулся в зал. Пока я не без труда продирался через публику, переполнявшую помещение и уже знавшую о полиции, я слышал, как один молодой человек спрашивал:

– А где же Водовозов?

– Водовозова, конечно, давно след простыл, – ответил другой.

В эту минуту он заметил меня и сконфузился.

Ввиду явной взволнованности публики Лункевич не мог продолжать своего доклада и оборвал его. Я занял свое председательское место, позвонил и сообщил публике о требовании полиции. Раздались крики:

– Не расходиться! К черту полицию!

Я начал убеждать публику подчиниться требованию полиции. Ведь доклад все равно сорван, – закончен он не будет, а протест нерасхождением не имеет решительно никакого смысла: мы будем переписаны, может быть, переарестованы, может быть, будут другие нежелательные последствия (я имел в виду закрытие Литературно-артистического общества), но пользы от этого никому не будет.

– Водовозов трусит!

– Я, господа, не трушу. Сейчас уходить можно свободно, но я не ухожу, а дожидаюсь конца и подчинюсь решению собрания.

Если оно решит большинством голосов не расходиться, я не уйду, но повторяю: оставаться не имеет решительно никакого смысла. Я ставлю вопрос на голоса: расходиться или оставаться. Кто за расходиться – поднимите руку.

– Требую слова, мне слова!

Пришлось двум лицам дать слово. Они заговорили взволнованно, бестолково, доказывая, что расходиться по требованию полиции позорно, что мы в своем праве, что полиция вторгается в мирное собрание незаконно, что мы постоянно беспрекословно подчиняемся и этим вызываем рост наглости полиции и т. д. Дав наговориться одному оратору и оборвав второго, я указал, что пятнадцатиминутный срок, данный мне полицией, истекает, и решительно поставил вопрос на голосование. Явное несомненное большинство высказалось за расхождение. Большинство стало бы еще гораздо больше, если бы голосование было проведено вначале, но люди более мирные, узнав, что выход свободен, тотчас же массой потекли к выходу. Голосование было произведено в сильно поредевшем зале; вероятно, налицо оставалось не больше четверти всей первоначальной публики. В числе ушедших был и Лункевич, но только по моему решительному требованию.

– Я решительно требую, чтобы вы уходили и не искали другого ночлега, а шли ко мне. Возьмите Ваховскую и уходите, – шепнул я ему.

Он пытался возражать, но подчинился.

Итак, голосование дало разумное решение, но в ту минуту, когда оно определилось, в залу вошла полиция с саблями наголо.

Публика повскакала с мест, раздались крики:

– Долой полицию, к черту полицию!

– Я объявляю собрание задержанным. Все присутствующие будут переписаны, – провозгласил частный пристав.

– Вы мне обещали пятнадцать минут срока. Когда вы вошли в залу, истекло только тринадцать. Собрание постановило разойтись, и я требую, что вы его выпустили спокойно, согласно с вашим обещанием, – сказал я.

– Сейчас приступаем к переписыванию. Кто имеет документы, будет выпущен немедленно. Кто их не имеет, будет задержан до установления личности, – заявил пристав, оставляя без ответа мои слова.

– Я повторяю, – начал вновь я, – что вы согласились на срок в пятнадцать минут…

Но пристав не обращал на меня внимания.

– В соседней комнате происходит запись. Подходите по очереди.

Публика разошлась по соседним комнатам. В одной из них какая-то барышня запустила в городового подушкой с дивана; тот бросился на нее со шпагой в руке, – правда, в ножнах; барышня с диким визгом бросилась убегать, городовой за ней, но, видимо, без желания ее нагнать, через несколько шагов он остановился.

Началась запись. Я подошел первым и заявил, что паспорта с собой не захватил.

– Вас я очень хорошо знаю, – сказал пристав с ироническим подчеркиванием слова «очень». – По окончании переписи будут открыты выходные двери, и вы можете уйти.

Я отошел от стола, и сейчас же на меня насели разные знакомые, мужчины и женщины.

– Я не захватил паспорта, поручитесь за меня перед приставом.

Я сделал это, и пристав принял мое показание. Обеспеченным документами и рекомендованным мною предоставлялась свобода в пределах помещения Литературно-артистического общества, а не имеющих документы отводили в заднюю комнату, в которой их изолировали под охраной городовых. Тут начали ко мне обращаться с просьбами об удостоверении их личности люди мне незнакомые и между ними – особенно настойчиво один:

– Я нелегальный; если меня задержат, для меня – гибель.

– Зачем же вы, если вы нелегальный, идете на такое собрание и зачем вы остаетесь на нем, когда выход свободен, а оставаться явно опасно?

– Я нелегальный, спасите меня, – повторял он с крайне растерянным видом. – Назовите меня так-то (не помню как).

«Что, если это провокатор?» – думал я. Но растерянность его, явный страх были искренними, и с чувством брезгливости я хотел исполнить его желание, но в это время ко мне обратился пристав, очевидно понявший характер разговора:

– Господин Водовозов, я больше ваших удостоверений принимать не стану. Довольно!

Я спустился вниз, в раздевальную. Вся она была полна народом, видимо желавшим уходить. Но выходные стеклянные двери были заперты на замок, а за стеклом стояли городовые. Публика показывала им кулаки и кричала всякие ругательства. Наконец, раздался звон разбитого стекла, и через него просунулось несколько рук с револьверами, направленными на нас. Публика завизжала в ужасе и повалилась на пол, очевидно считая, что в лежачем положении она является меньшей мишенью. Стояли только 3–4 человека, между ними Саша Гиберман, о котором я упоминал выше.

Часа через два перепись была закончена и мы, человек 150,

были отпущены; человек 80 задержаны до утра и освобождены утром. Арестован никто не был, и что сделалось с тем нелегальным, о котором я говорил, – не знаю[44].

Ночью я возвращался домой в очень тяжелом настроении. Это настроение было вызвано не ожиданием возможных неприятностей, – о них в это время как-то не думалось, они слишком входили в норму жизни и вместе с тем слишком верилось в близость конца, – а чувством подавленности от отвратительного поведения публики. Что полиция приходит на мирное собрание и без причины его разгоняет, – это, конечно, было слишком привычно, чтобы вызывать возмущение. Что она при этом непоследовательна – полгода назад она спокойно терпит совершенно такое же собрание с моим докладом и тем как бы признает их правомерность, а теперь приходит на другое, ничуть не более революционное, – это, конечно, тоже не могло [не] вызвать возмущения. Но идиотская форма протеста, выбранная публикой, а после нее позорная трусость и глупое кидание подушками в знак своего негодования, – все это действовало удручающе.

Дома я застал всех в сборе – моя жена с забинтованным глазом, Лункевич, Ваховская. Все, волнуясь, ждали моего возвращения. Несмотря на поздний час, я уселся за чайный стол. Едва я начал рассказ о событиях, происшедших после ухода Лункевича, как раздался сильный звонок.

– Здесь живет господин Лункевич?

– Это я.

– Покажите вашу комнату и ваши вещи.

Был произведен обыск только в его вещах, ничего не взято (бумаги он заблаговременно отдал моей жене), и затем он был уведен.

Читателю может показаться странным, что я настойчиво направил его в свою квартиру. Но это совершенно естественно. Ни я, ни Лункевич ни одной минуты не сомневались, что он будет арестован. Если бы он хотел перейти на нелегальное положение, то имело бы смысл переночевать где-нибудь в другом месте и утром уехать из Киева. Но такого намерения он не имел, и ночевка в другом месте имела бы смысл только в сомнительной надежде избавить от обыска квартиру моей жены, которого можно было ожидать, но ценой риска подвести под такую неприятность кого-нибудь другого. К тому же сколько-нибудь близких знакомых у Лункевича в Киеве не было. Вопрос с ночевкой в другом месте обсуждался, конечно, и в ожидании моего прихода домой, когда у Лункевича было достаточно времени, чтобы спокойно уйти, но был решен отрицательно[45].

На следующий день я уехал в Петербург. Дня через три после прибытия я прочитал в газете «Русь» телеграмму, излагавшую все происшедшее и заканчивавшуюся сообщением: «Водовозов и Лункевич приговорены в административном порядке к аресту на 3 месяца. Остальные – свыше 200 человек – к аресту на неделю».

Моя мать, прочитав телеграмму, сразу сказала:

– Уезжай за границу[46].

В редакции «Нашей жизни» все – в один голос:

– Уезжайте за границу.

Теперь трудно понять ту психологию, которая из страха трехмесячного ареста толкала в эмиграцию. Кто из нас, нынешних эмигрантов, вспоминая давнее прошлое, не предпочел бы трех лет тюрьмы эмиграции, без просвета впереди? Года два-три спустя К. И. Диксон, бывший одно время ответственным редактором «Нашей жизни», спасаясь от грозившего ему приговора по литературному делу к году тюрьмы, уехал за границу, но, пробыв там некоторое время, предпочел вернуться и отбыть приговор. Но в том-то и дело, что тогда просвет впереди был; приближение переворота явственно чувствовалось в воздухе.

Лично я в смысле сроков был настроен более пессимистично, на близкую амнистию не рассчитывал и потому колебался, но поддался общему настроению. Последний толчок был дан социал-демократами. Ко мне в редакцию пришли два немного знакомых социал-демократа и заявили:

– Вы, конечно, хотите уезжать. У нас есть паспорт, который мы предоставляем вам.

Эта любезность меня сильно тронула, тем более что с социал-демократами в это время у меня были довольно натянутые отношения и в различных социал-демократических изданиях меня часто продергивали, обвиняя в том, что я «готов изменить» пролетариату в пользу земцев и вообще буржуазии (это было сказано по поводу моего выступления в защиту известного земца В. М. Хижнякова на одном собрании, где он подвергся ожесточенным нападкам за то, что сказал: «всеобщее избирательное право», не прибавив остальных членов четыреххвостой формулы[47]), и в тому подобных грехах[48]. Вместе с тем меня поразила уверенность, что я не могу не уехать в ожидании трех месяцев ареста. Я решился, но, поблагодарив социал-демократов, от их предложения отказался. Слишком тверда у меня была в памяти моя поездка с чужим паспортом в Австрию в 1901 г. и слишком малоспособным я чувствовал себя к роли самозванца.

Я решил рискнуть получить паспорт: ведь телеграмма «Руси» была даже не агентская, а от собственного корреспондента; было

весьма вероятно, что официальное оповещение о моем аресте сделано еще не было, по крайней мере по телеграфу. И это оказалось верным. Участок без малейшего затруднения выдал мне удостоверение о неимении препятствий к выдаче паспорта, а градоначальство спокойно выдало таковой.

Итак, паспорт был у меня в кармане. Уехать сразу, однако, я не мог, так как нужно было ликвидировать разные дела, в частности организовать замещение меня в «Нашей жизни», и я целую неделю провел в Петербурге, бывая ежедневно в редакции, но из предосторожности ночевал у разных знакомых: то у Ашешова (сотрудника «Нашей жизни»), то у Котельникова (заведующего ее хозяйственной частью).

Тоже из предосторожности я уехал не обычным путем, а через Финляндию. Уехал я ровно 1 октября 1905 г. С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова дали мне письмо к одной финляндской политической деятельнице шведоманской партии[49] в Выборге, настаивая на том, чтобы ввиду моего промедления с отъездом я предварительно навел у нее справки о полицейском состоянии границы. Эта дама показала мне местную финскую газету, в которой была перепечатана заметка «Руси» и полностью пропечатана моя фамилия, равно как и фамилия Лункевича, и когда я ей сообщил, что Лункевич уже арестован, то обещала достать мне рекомендацию к капитану судна, который переправил бы меня нелегально. Но нужно было бы ждать отхода его судна недели две; мне этого не хотелось, я махнул рукой и поехал на первом пароходе, отходившем из Ганге[50] в Стокгольм, – поехал вполне легально. Паспортов на границе Финляндии раньше вовсе не спрашивали; при Бобрикове их досмотр был сделан обязательным, но производился поверхностно. Во всяком случае, несомненно, что в Ганге о моем возможном отъезде не было сообщено, и я проехал совершенно благополучно. Помню, что при поездке через Финляндию меня поразила резкая разница ее климата со столь близким Петербургом: за Выборгом везде лежал снег, а в Петербурге и до Выборга я не видел его ни до моего отъезда, ни даже после возвращения.

Итак, я был вновь за границей, где бывал так часто, но теперь в первый раз я был там политическим эмигрантом. Сколько времени продлится моя эмиграция? Посылавшие меня за границу друзья говорили о двух-трех месяцах и аргументировали: лучше три месяца свободы за границей, чем три месяца тюрьмы в Петербурге. Сам я оценивал ее в 6 и более месяцев. Заграничное пребывание меня в это время не привлекало: у меня была работа вполне мне по душе, ход событий в России представлял большой интерес для наблюдателя. Не делаю ли я большую глупость?

Следовало ли уступать настояниям?

Но – жребий был брошен, не возвращаться же назад!

В Стокгольме я провел дня два. Там я был знаком с лидером социал-демократов Брантингом, а выборгская дама дала мне рекомендательное письмо к Неовиусу, известному финляндскому политическому деятелю шведской партии, в это время находившемуся в эмиграции. Брантинга я посетил в редакции шведской социал-демократической газеты. Там меня проинтервьюировал о положении вещей в России один сотрудник газеты, на другой день поместивший длиннейший отчет о нашей беседе под заглавием: «Разговор с деятелем освободительного движения в России». Неовиуса я посетил два раза и вел беседы о Финляндии.

Из Стокгольма я проехал в Христианию, где раньше никогда не бывал. Там у меня было письмо от Неовиуса к Брёггену[51], профессору минералогии и геологии в университете, считающемуся выдающимся ученым в своей области. В политической борьбе он личного участия не принимал, но интересовался ею, был решительным сторонником разрыва унии со Швецией[52] и вообще был для меня интересным собеседником по политическим вопросам. Он доставил мне доступ в норвежский парламент, и мне удалось присутствовать на одном из самых интересных заседаний по жгучему вопросу, связанному с отношениями со Швецией. Не зная датского языка[53], я, к сожалению, не понимал ни одного слова из речей ораторов, но общий характер заседания был для меня очень интересен. Я бывал в очень многих парламентах Европы, бывал на заседаниях и по боевым вопросам, и по вопросам второстепенным, и всегда и везде видел страстное возбуждение, горячую борьбу, возбужденную жестикуляцию, слышал постоянные выкрики с мест и видел председателя всегда с трудом вводящим прения в русло и доводящим их до голосования. Так бывало в германском и местных германских парламентах (прусском и даже вюртембергском), австрийском, болгарском, французском, бельгийском, где я бывал раньше, и русском и турецком, где я бывал после 1905 г. Притом везде лишь небольшая часть депутатов обыкновенно сидит на своих местах, остальные выходят и входят, передвигаются по зале и, видимо, не слушают. Здесь, в Христиании, напротив, заседание парламента можно было бы принять за заседание научного общества: все чинно сидят на своих местах и все внимательно и напряженно слушают всех ораторов, правых и левых одинаково. Криков и замечаний с мест не слышно. Роль председателя, очевидно, не представляет больших трудностей. Он не имеет даже нужды в колокольчике,

вместо которого пользуется небольшой прямоугольной деревянной колотушкой, производящей глухой звук, которым нельзя было бы заглушить страстных криков возбужденной толпы.

В беседе со мной Брёгген упомянул, что по предмету его специальности в России имеется ein tüchtiger Kopf[54]– Вернадский. Я сообщил ему, что это мой университетский товарищ и близкий друг.

Побывал я – без рекомендаций – также у пастора и члена стортинга[55] Эриксона[56], тогдашнего лидера социал-демократической партии Норвегии[57]. В Германии пасторов Гере и Наумана лишили их духовного звания за их политическую деятельность еще до вступления первого в социал-демократическую партию (а второй всегда относился к ней отрицательно), а в Норвегии священническая ряса нисколько не мешала быть вождем социал-демократической партии. Правда, там партия уже тогда была более ручной, чем в Германии.

Из Христиании я уехал в Берлин, а оттуда в Цюрих. Обосноваться я решил в Берлине как столице наиболее интересовавшего меня государства и городе, особенно удобном для моей работы, но теперь в Швейцарии ожидались политические выборы; я хотел их посмотреть, в особенности интересуясь их техникой, а заодно собрать сведения о положении вопроса о пропорциональной системе.

В Цюрихе я побывал у Аксельрода, но у него была опасно больна жена; он был в больших хлопотах и волнении, и я ушел. Бывал у доктора Эрисмана, у некоторых швейцарских политических деятелей. Видел и выборы. К сожалению, я прибыл всего дня за три до них и, следовательно, мог видеть только самую процедуру голосования, но не избирательную борьбу.

Едва я приехал в Цюрих, как правление тамошнего русского студенческого кружка выразило желание, чтобы я прочитал доклад о положении в России. Назначен он был, не помню точно, на 17 или 18 октября (по ст. ст.), вероятнее – на последнее. Начал я его, еще ничего не зная о событиях этого памятного дня, но уже через четверть часа мне подали экстренный выпуск газеты с телеграммой о манифесте. Я прочел его вслух. Он вызвал взрыв восторга. Кричали: конституция в России! Когда волнение улеглось, я продолжал мой доклад или, лучше сказать, начал совсем новый доклад. Я сказал приблизительно следующее:

– Я должен признать, что эта телеграмма делает невозможным продолжение моего доклада в прежнем тоне. Уезжая из России, спасаясь от грозившего мне трехмесячного ареста, я был уверен, что проведу в эмиграции не менее полугода.

Теперь я уезжаю обратно завтра. Следовательно, мое понимание положения вещей было неверно или, скорее, не вполне верно. События шли ходом значительно более быстрым, чем я этого ожидал. Но вместе с тем я в этой телеграмме не могу вычитать провозглашения правового конституционного строя в России, а вижу только неопределенные обещания чего-то, обещания, которые мало к чему обязывают и которые очень легко взять обратно. Здесь не видно даже, чтобы была дана амнистия.

Затем я подверг детальной критике телеграмму. К сожалению, она была составлена очень неясно, видимо, наспех; критика ее как телеграммы была легка, но выяснить на ее основе, что произошло в действительности, было трудно. Тем не менее я расхолодил публику, и она была мною недовольна.

Хотя, как я уже сказал, об амнистии пока не было ни слова (амнистия была объявлена особо актом 21 октября[58]), но сидеть где-то в Швейцарии или хотя бы в Берлине было для меня психологически невозможно. На другой день, не успев ничего написать для газеты, я уже ехал в Берлин. Дальше ехать было трудно: в России шла всеобщая, в том числе железнодорожная, забастовка[59] и поезда не ходили. Приехать в Эйдкунен[60] и там сидеть и ждать погоды неопределенное время – эта мысль мне не улыбалась. Проехать через Финляндию было тоже невозможно, так как забастовка распространилась и на нее. Прямых регулярных пароходных рейсов в Петербург в то время не было ни из Штеттина, ни из Стокгольма. Надо было выжидать в Берлине.

Вечером, в первый или второй день моего берлинского пребывания, я зашел к Иоллосу, известному корреспонденту «Русских ведомостей», впоследствии члену 1-й Думы, убитому черносотенцами. У Иоллоса я встретил П. Б. Струве.

Струве, который уже с год перед тем перенес свое «Освобождение» из Штутгарта, где я у него был в 1903 г., в Париж, прочитав телеграмму о манифесте 17 октября, так же как и я, моментально сорвался с места (что для него, как человека оседлого в Париже, жившего там семьей и имевшего на руках большое дело, было гораздо труднее, чем для меня, приехавшего налегке с одним небольшим чемоданом) и помчался в Берлин.

– Того, что вас арестуют на границе, вы не боитесь? – спросил я. – Амнистии ведь нет.

– Кто хочет быть живым русским деятелем, тот должен находиться сейчас в России. Не быть там – значит вычеркнуть себя из числа живых, – ответил он.

Он дал мне только что купленный им вечерний номер газеты, в котором показал объявление такого приблизительно рода: «Ввиду железнодорожной забастовки в России мы, такое-то

пароходное общество, снаряжаем 4 ноября пароход из Штеттина в Петербург. Пароход устроен со всем возможным комфортом лучших современных пароходов». Был указан адрес, где продаются билеты.

Мы сговорились с ним ехать вместе.

В эту встречу Иоллос рассказал нам очень интересную историю о Рейснере.

Рейснер был, как известно, профессором, кажется, Томского политехникума, причем считался одним из крайних правых профессоров. В начале нового столетия с ним произошел перелом, он сильно подвинулся влево, уехал за границу и там выступил решительным противником нашего правительства. Как я слышал впоследствии, уже в эмиграции, в Праге, от покойного профессора Зубашева (†1928), это был не первый вольт Рейснера: начал он профессором в Харькове, в рядах либерально-радикальной профессуры, и был уволен. После этого быстро переметнулся направо и получил место в Томский политехникум. Теперь, после нового поворота, он писал корреспонденции из Германии в «Русское богатство» под псевдонимом Реус[61]. Сблизился с немецкими социал-демократами. В 1903 г., как раз тогда, когда я жил в Штутгарте, он предлагал свои услуги «Освобождению», но Струве их отверг, говоря, что Рейснеру не доверяет. Я его спрашивал об основаниях этого недоверия, но Струве с тем мрачным и решительным видом, сразу пресекающим дальнейший разговор, к которому довольно часто прибегал, повторял кратко:

– Я ему не доверяю.

Теперь Иоллос рассказал нам следующее.

Не так давно в «Vorwärts» появилась статья Бебеля, в которой Бебель, проводя аналогию между немецкими и русскими либералами, идущими, по его мнению, по той же дороге защиты интересов буржуазии, привел в подтверждение своих соображений выписку из статьи Иоллоса. Выписка была длинная, поставлена в кавычках, как подлинный текст цитируемого автора, и могла быть по своему содержанию для читателя «Vorwärts» очень убедительной. Но в ней был один недостаток: она была грубым искажением подлинника, притом искажением, по-видимому, злостным. Иоллос написал об этом Бебелю и просил сообщить ему имя его информатора, обещая обличить его во лжи. В ответ на это Бебель пригласил к себе Иоллоса и нескольких русских, которых он хорошо знал и которым доверял. Иоллос принес подлинники своих статей и доказал факт грубого искажения. Бебель добросовестно признал свою ошибку и обещал напечатать свое извинение, что и исполнил в том же «Vorwärts»

совершенно удовлетворительным образом. Однако назвать своего информатора он категорически отказался. Дело этим не кончилось. В «Искре» появилось изложение первой статьи Бебеля, а его поправка была умолчана. Хотя информатор Бебеля назван не был, но Иоллос по целому ряду данных совершенно уверен, что это был Рейснер и что выходка в «Искре» тоже дело его рук.

В дальнейшем о Рейснере я знаю следующее. После возвращения в Россию на основании амнистии 1905 г. Рейснер окончательно сблизился с социал-демократами и, кажется, официально вступил в партию. Около 1910 г. возникли слухи, что Бурцев имеет основания подозревать его в связях с департаментом полиции. Рейснер на эти слухи вовсе не реагировал[62]. Через несколько времени после этого он прислал какую-то статью в «Русское богатство», от которого совершенно отошел уже за несколько лет перед тем. «Русское богатство» вернуло ему статью при письме Короленко, что ввиду того, что Рейснер не принял никаких мер, чтобы снять с себя взведенное на него Бурцевым обвинение, «Русское богатство» не считает возможным помещать его статей, независимо от их содержания[63].

На этот раз Рейснер обиделся и вызвал Короленко на третейский суд. Короленко принял вызов и назначил своим судьей В. И. Семевского, Рейснер – А. С. Зарудного. Этот последний выбор меня очень удивляет; не знаю, насколько близко знал Рейснер Зарудного, но я-то его знал хорошо и знал, что со времени дела Азефа и еще одного шпионского дела, которое было разоблачено племянником Зарудного, Сергеем Сергеевичем Зарудным (впоследствии бывшим министром в Украине и затем расстрелянным большевиками)[64], с этого времени А. С. Зарудный принадлежал к числу людей, чрезмерно доверчиво, без достаточной критики относившихся ко всем подобным обвинениям. Кто был суперарбитром – не помню.

На суде Короленко стал на позицию, строго согласованную с его весьма сдержанным письмом к Рейснеру. Он, Короленко, не обвиняет Рейснера в связях с департаментом и не может поддерживать этого обвинения перед настоящим судом. В связях с департаментом Рейснера обвиняет Бурцев. Он же, Короленко, считает, что раз подобное обвинение поднято таким человеком, как Бурцев, который слишком часто был оправдан дальнейшими событиями, то Рейснер был обязан предпринять какие-нибудь шаги для своей реабилитации. Пока он этого не сделал, до тех пор «Русское богатство» не может иметь с ним дела. Рейснер, напротив, требовал, чтобы суд принял к своему разбору дело во всей его полноте, т. е. чтобы он проверил обвинение Бурцева по существу. Раз Короленко повторяет обвинение, то он, по мнению

Рейснера, несет за него ответственность.

Суд после долгих и горячих споров, во время которых Зарудный сначала горячо отстаивал формальную точку зрения Рейснера, т. е. необходимость принять к разбору дело по существу, признал единогласно, следовательно, и голосом Зарудного, что, не имея в своем составе судьи со стороны Бурцева, не будучи им уполномочен, он и не может судить Бурцева с Рейснером; что же касается до спора Короленко с Рейснером, то суд тоже единогласно признал позицию первого правильной.

Таким образом, приговор был целиком против Рейснера и клеймо на его имени осталось. Рейснер сделал попытку реабилитировать себя изданием брошюры pro domo sua[65], которую он напечатал в небольшом числе экземпляров и разослал разным лицам, между прочим и мне[66]. Брошюра произвела на меня странное, совершенно неубедительное впечатление. Он начинал ее с сообщения, что постарался себя реабилитировать посредством вызова одного из своих обидчиков (имя не названо) к третейскому суду, но «из суда ничего не вышло», и потому он прибегает к помощи печати. Фраза «из суда ничего не вышло» (за подлинность которой я ручаюсь, хотя брошюры у меня под руками нет) звучала очень странно: из суда вышел приговор, хотя и не по существу обвинения Бурцевым Рейснера, но, во всяком случае, неблагоприятный для Рейснера. Дальнейшие доказательства брошюры ввиду отсутствия полно сформулированного обвинения Бурцева звучали очень слабо, хотя и самое обвинение осталось брошенным голословно и не подтвержденным никакими данными[67].

Я было написал рецензию на брошюру Рейснера[68] и сначала хотел ее напечатать в журнале «Современник», одним из редакторов которого был[69], но потом, по совещании с В. И. Семевским, решил этого не делать. Сколько знаю, брошюра не вызвала в печати ни одного отклика.

После революции Рейснер примкнул к большевикам и был их публицистом и юристом. В их же рядах подвизалась его дочь, Лариса Рейснер, умершая очень молодой. О ней, впрочем, даже люди, ничего общего с большевиками не имеющие (например, Амфитеатров), говорят как о замечательной личности. Между прочим, она усиленно пыталась привлечь поэта Блока в лоно коммунистической партии, но не имела успеха (об этом рассказывается в биографии Блока Бекетовой[70]). С нею, впрочем, я никогда не встречался, с Рейснером же имел несколько случайных встреч на различных митингах.

Несмотря на то что билеты на пароход были пущены по

двойной или тройной цене против нормы, мы со Струве их взяли и 22 октября (ст. ст.) выехали на родину. Пароход, устроенный со всем новейшим комфортом, оказался старой скверной посудиной, лишенной самых элементарных удобств, грязный и вонючий. Отдельных кают не было, и публика, переполнявшая его, жалась в общих каютах I и II класса, не находя себе сколько-нибудь удобных мест. На пароходе не только не было обычных культурных умывальников, но нельзя было достать воды для умывания, хотя бы в графине, и мы все три дня не умывались вовсе. Три дня нас трепало по довольно бурным волнам моря. Публика – вся она состояла из русских различных общественных групп, – узнав фамилию Струве, в то время стоявшего в зените своей освобожденческой славы, восторженно приветствовала его, но бедняга сильно страдал от морской болезни и приветствия и постоянные восторженные рукопожатия принимал с очень кислой физиономией.

Мы с ним, конечно, много говорили о текущих событиях и старались строить предположения о будущем. Я, в согласии со своим общим историко-философским мировоззрением, относился к происшедшему пессимистически, ожидая в будущем потоков крови и торжества реакции (потом я эти ожидания высказал в передовице «Нашей жизни», напечатанной в новогоднем номере 1906 г.[71], но напечатанной с сильными урезками и смягчениями, так как редакция не была согласна с моим пессимизмом и решительно возражала против его проведения в редакционных статьях). Напротив, Струве был, несмотря даже на морскую болезнь, настроен очень оптимистически. Он был убежден, что период самодержавия кончился, что Россия вступила в эру правового строя и что расходившееся море скоро войдет в берега. За два года перед тем, во время наших частых бесед в Штутгарте, Струве так сформулировал наши позиции:

– Вы революционный пессимист, а я эволюционный оптимист.

Это было довольно верно (хотя не вполне) и сказалось теперь, в 1905 г., когда события как будто подтверждали правоту Струве, а не мою. Таким же эволюционным оптимистом Струве был раньше и оставался еще много лет. Значительно позже, однако, он в этом отношении, по-видимому, сильно изменился. Ровно через четверть века, в [октябре] 1930 г., мы снова встретились с ним на пароходе, на этот раз речном, везшем нас из Лом-Паланки (в Болгарии) в Братиславу (в Чехословакии). На этот раз я был настроен оптимистичнее, по крайней мере до известной степени. Я утверждал, что большевики уже изжили себя и власть их явно приближается к концу (причем, однако, я не надеялся на быстрое восстановление какого бы то ни было культурного режима, но

ожидал долгого периода смут), а Струве назначал большевикам еще лет 15 власти. К. И. Зайцев, тоже ехавший с нами, был еще пессимистичнее и считал вероятным сохранение большевистского режима еще в течение нескольких десятилетий. Замечу, что какие бы то ни было сроки Струве назначал только в совершенно интимном, частном разговоре, и то неохотно, а публично отказывался от этого, между прочим – в лекции, прочитанной им в Праге через несколько дней после нашего разговора.

Через три дня после отплытия из Штеттина, в отвратительный ненастный день, вечером, мы подошли к Кронштадту, и нам было заявлено, что дальше пароход пойдет только завтра. Ни у кого не было охоты ночевать у самого порога Петербурга. На пароход явилась таможенная стража и произвела досмотр багажа и паспортов. Досмотр был вполне культурный, европейский, подобного которому по легкости и деликатности на границе России, особенно морской, я раньше никогда не испытывал. Чемоданы открыли, но в них не рылись, и я благополучно провез несколько номеров последних революционных изданий. Нам было предложено на маленьком пароходике переехать в Петербург, что мы все и приняли с удовольствием. Железные дороги уже ходили, и поздно вечером мы добрались в Петербург на дачном поезде.

Моя эмиграция продолжалась всего 25 дней – меньше, чем обещали самые пылкие оптимисты. По дороге с Балтийского вокзала домой, на Васильевский остров, я заехал в типографию «Нашей жизни», был там радостно встречен наличными членами редакции, наскоро получил информацию о последних событиях и часам к 12 ночи был дома. Амнистия была уже объявлена, и мне не грозила никакая опасность. Лункевич был освобожден, просидев около месяца. Он мог бы, конечно, поступить так же, как я, но решительно этого не хотел. Ввиду переполнения киевской тюрьмы остальных приговоренных по делу его лекции разделили на группы; эти группы отбывали арест по очереди, и до амнистии отбыла его только одна часть.

Заканчивая эту главу, я расскажу здесь о трагическом конце Саши Гибермана, о котором упомянул несколько раз. После последней нашей встречи на лекции Лункевича я с ним не видался. Он оставался в Киеве и кончил там гимназию. В следующем году (а может быть, и в том же) во время одного из еврейских погромов, время от времени постигавших Киев, он встретился на улице с толпой громил.

– Ребята, смотрите, жиденок! (Он имел очень мальчишеский вид, гораздо юнее своего действительного возраста.)

– Жиденок, жиденок!

Саша испугался.

– Что вы, что вы, какой я жиденок! Я православный.

– Православный?! А ну, перекрестись.

Он перекрестился.

– А ну, прочитай «Отче наш».

Он его каким-то образом знал (он вообще – отчасти, может быть, под моим влиянием – интересовался историей религии, читал Ренана, Штрауса[72], Евангелие) и прочитал.

– Значит, православный. Ну, иди на все четыре стороны.

Его отпустили. Он пришел домой оплеванный, огаженный. Рассказал об этом матери и сестре. На следующий день достал где-то револьвер – и застрелился.

Глава III. Осень 1905 г. – Мое отношение к кадетской партии. – «Наша жизнь», «Сын Отечества», «Без заглавия». – Избирательная кампания в 1-ю Думу. – 1905–1906 гг. – Бойкот выборов. – Крестьянский митинг в Тихвине. – Некоторые другие митинги и собрания. – Значение бойкота. – «Не найдется безумца, который посмеет разогнать Думу»

Первая октябрьская забастовка окончилась, газета выходила, и я сразу по возвращении запрягся в газетное ярмо. Цензуры больше не было. Формально она еще существовала, но ни одна газета не посылала в нее своих листов; не делали этого даже газеты консервативные, как «Новое время». Одним из неприятных результатов этого было то, что ни в Публичной, ни в Академической, ни в московской Румянцевской библиотеках[73], получавших свои экземпляры через цензуру, нет полных комплектов за интереснейшее время: октябрь – декабрь 1905 г.; библиотеки старались их доставать, но платное получение выходило за пределы их установленного в начале года бюджета, а бесплатное не всегда было возможно. Весьма вероятно, что многие номера безвозвратно пропали и что будущий историк многих из них не найдет вовсе.

Общественная жизнь кипела. То здесь, то там ежедневно происходили политические собрания. Я выступал иногда на двух митингах в один вечер[74], а по воскресеньям на трех-четырех митингах в день. Работать приходилось много, сон приходилось сильно сокращать, но чувствовался громадный прилив энергии, и эта нервная жизнь нисколько не утомляла. Так жили все живые люди с общественным темпераментом, и иначе жить было нельзя.

Когда я приехал в Петербург, Конституционно-демократическая партия уже организовалась и опубликовала свою программу[75]. Часть нашей редакции вступила в эту партию; это были В. Я. Богучарский, В. В. Хижняков, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. С. Голубев и другие, но твердо держался за нее только последний; первые четыре сильно колебались и через несколько дней вышли из нее. Для меня стоял вопрос о вступлении в партию. Многое в ней для меня было приемлемо;

пункты, которыми я особенно дорожил, – конституционализм, всеобщее голосование, аграрная реформа – были проведены отчетливо и ясно. Но вместе с тем в целом партия не вызывала полного доверия.

Считая себя республиканцем, я тем не менее не признавал вопрос о государственной форме актуальным и вполне мог бы примириться с молчанием о ней в программе и, следовательно, молчаливым признанием конституционной монархии. Но меня отталкивало выдвигание, подчеркивание своего монархизма, которое я считал нетактичным и ненужным, и выпячивание своей лояльности. Чувствовалось, что партия, члены которой только что приняли деятельное участие в первой октябрьской забастовке, сыграли видную и положительную роль в Союзе освобождения и в издании его органа, в профессиональных союзах и Союзе союзов[76], в банкетной кампании, т. е. вообще в деятельности с точки зрения существующего порядка революционной, сочли революционный период законченным и решили в дальнейшем бороться легальными и только легальными способами. Я же был убежден, что если манифест 17 октября вынужден революционным движением, то с его прекращением он будет легко взят назад. Продолжение революционного движения я считал совершенно необходимым, хотя допускал, что оно сыграет на руку именно кадетам, которые соберут в свою пользу его плоды. Обобщая все сказанное, меня отталкивала от кадетов не столько их программа, сколько тактика, недостаточно, по-моему, решительная. И я решил погодить, а пока оставаться вольным казаком, внепартийным, по немецкой политической терминологии – диким.

Но вместе с тем уже громко раздававшееся утверждение, что кадеты – это партийное оформление буржуазии, я признавал совершенно ложным. Настоящая буржуазия организовывалась в Союз 17 октября, в Партию правового порядка и, наконец, в откровенно назвавшие себя Торгово-промышленной партией, Прогрессивно-экономической[77] и другие. Социальный состав кадетской партии не мог считаться буржуазным, а программа ее – тем более.

Левее кадетов, однако, я не находил партии, которая вполне удовлетворяла бы меня. Я не мог пойти к социалистам-революционерам, так как был противником террора; тем более не мог пойти к эсдекам, т. к. меня возмущали их узость, их догматизм, непонимание аграрного и национального вопросов (последнему я придавал большое значение и сильно им интересовался), да и с классовой теорией согласиться не мог, хотя и не отрицал крупной (но не исключительной) роли в

истории классовой борьбы.

Итак, я остался «диким», «левее кадетов». Тогда таких было много, и я – в их числе. Большая часть нашей редакции оказалась в том же положении, и в противоположность «Сыну Отечества», ставшему официальным органом социал-революционной партии, «Наша жизнь», возникшая в свое время вместе с «Сыном Отечества» как орган освобожденцев, теперь оказалась внепартийным органом «левее кадетов». Группа писателей, оказавшихся в этот жгучий момент вне партий, основала особый еженедельный журнал под странным, но хорошо выражавшим их положение заглавием «Без заглавия». Во главе этой группы стояли Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович, в нее входили Богучарский, Хижняков, я и др. Группа «беззаглавцев» вызывала на себя постоянные нападки со стороны социал-демократов, и даже в обеих Советских энциклопедиях, Большой (1927) и Малой (1929), ей посвящены специальные, в весьма высокомерно-презрительном тоне написанные заметки[78].

Свои взгляды на партию конституционных демократов я изложил подробно в особой статье, которая была помещена в трех или четырех номерах «Нашей жизни»[79] [80]. Эпиграфом я поставил к ней слова Авраама Лоту из книги Бытия: «Да не будет раздора между мною и между тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? …Если ты направо, то я налево»[81]. Отмеченное многоточием место в подлиннике гласит: «если ты налево, то я направо»; эта половина дилеммы мне была не нужна, и я ее опустил.

Эпиграф ясно выражал политическую тенденцию моей статьи, и если за нее (за признание родственности с кадетами) мне досталось слева, главным образом от социал-демократов, то из кадетского лагеря (особенно помню статью Лучицкого в киевской кадетской газете[82]) мне досталось за обвинение в непонимании того, что их сила исчезнет в тот момент, когда исчезнет угроза революцией слева, что даже в стране с установившимся парламентарным порядком парламент может проводить в жизнь свои требования только постольку, поскольку в стране имеются кадры людей, в каждую минуту готовых схватиться за оружие для его поддержки. Я строил свою аргументацию на исторических примерах, в особенности английских; Лучицкий спорил с моим объяснением этих прецедентов, и спорил со мной очень резко, как с решительным политическим врагом, совершенно игнорируя мое основное стремление, выраженное в словах «да не будет раздора между мною и между тобою». Между тем Лучицкий до 1905 г. всегда

считался человеком радикальным, был сотрудником «Русского богатства», в кадетской партии стоял на левом фланге, а в 1917 г. даже вышел из кадетской партии и формально вступил в партию народных социалистов. Со времени этой моей статьи в кадетском лагере относились ко мне очень враждебно и постоянно изображали меня гораздо более крайним врагом кадетизма, чем я был в действительности[83]. В то же время в социал-демократической прессе меня охарактеризовали словами: «полу-кадет, но есть надежда, что будет полным наконец»[84].

С течением времени мои разногласия с кадетской партией обострялись, мне приходилось вести с ней очень резкую полемику и в печати, и на митингах, где я постоянно сталкивался с Милюковым, Родичевым, И. Гессеном, Кутлером и другими вождями партии. Со времени 3-й Думы и в особенности фразы Коковцова: «У нас, слава богу, нет парламента»[85], мое отношение к этой партии и в особенности к ее лидеру П. Н. Милюкову вылилось в формулу: «Милюков хочет быть парламентарием в стране, в которой, слава богу, нет парламента; в этом его трагедия, так же как и всей его партии»[86].

О моих с нею конфликтах мне еще придется говорить. Но в то время, о котором я сейчас пишу – осень 1905 г. и начало 1906 г., я был в общем, волею судеб, скорее союзником. На очереди стоял вопрос о выборах в 1-ю Государственную думу.

Стал он впервые еще в августе 1905 г., когда 6 августа был издан закон о выборах в так называемую Булыгинскую (по имени министра внутренних дел) Государственную думу, которая никогда не была избрана[87]. Закон давал право голоса только крупным землевладельцам и удовлетворявшим высокому имущественному цензу горожанам. Уже тогда раздался лозунг бойкота.

В первый же день по опубликовании этого закона, когда я с некоторым опозданием пришел в редакцию, В. Я. Богучарский обратился ко мне ex abrupto[88] с вопросом:

– За участие в выборах или за бойкот?

Вопрос застал меня врасплох. Я утром в тот день никого еще не видел, и лозунг бойкота до меня не дошел. Что же касается закона о выборах, то его я прочитал, но вопроса о бойкоте он во мне не возбудил: мне было ясно, что почти никто из людей, на кого мы можем иметь какое-нибудь влияние, права голоса не получил, и мысль о том, чтобы мешать проявить свои более либеральные стремления тем немногим, кто может прислушиваться к нашим требованиям, мне даже не пришла в голову. Пускай их выбирают, и если на выборах все-таки скажутся различные оттенки политических мнений, – тем лучше. А там

посмотрим, как следует относиться к этой Думе.

В таком духе я ответил и на вопрос Богучарского. В редакции уже до моего прихода произошел обмен мыслей, и большинство склонялось к тому же мнению, хотя и были некоторые сомнения. Вопрос о бойкоте политических выборов вообще не был чужд мне, много занимавшемуся историей избирательного права; я знал историю бойкота и в Пруссии в 1849 г.[89], и в Австрии вообще и Чехии в частности в 60-х и 70-х годах[90], и в Сербии в 1883 г., и хорошо знал, что бойкот выборов почти никогда не достигал даже своей ближайшей цели и что история везде осуждала его как политическую ошибку. В результате обмена мнений наша редакция единогласно постановила, что бойкот выборов мы поддерживать не будем. В таком именно духе писались все наши статьи по вопросу о Думе, большую часть которых писал я[91]. Но страстей этот вопрос тогда не возбуждал.

Острее он стал после манифеста 17 октября. Подробности будущего избирательного закона были еще неизвестны, но зато было известно с полною несомненностью, что Дума будет выбрана на основе классового и цензового права, весьма далекого от вполне определившихся к этому времени общественных требований.

Теперь уже громко звучал лозунг бойкота. За него решительно и единодушно высказались социалисты-революционеры и вместе с ними «Сын Отечества», ставший официальным их органом; не столь единодушно, но столь же решительно провозгласили этот лозунг социал-демократы. Не столь единодушно, говорю я, потому что очень значительное меньшинство, к которому принадлежали такие авторитетные старые социал-демократы, как Плеханов и Аксельрод, были против бойкота; на ту же точку зрения из более молодых стал Потресов. Вообще меньшевики были против, большевики – за. Но так как те и другие в то время составляли еще одну партию, то после произведения в ней голосования меньшинство вполне подчинилось большинству, и часто даже те, кто в партийной дискуссии высказался против, на общих митингах горячо поддерживал бойкот.

К числу сторонников бойкота принадлежали также В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, т. е. лица, в начале избирательного периода принадлежавшие к партии социалистов-революционеров, но в конце его разошедшиеся с ней на партийном съезде в Финляндии[92], где они выступили с предложением обратить подпольную партию в открытую организацию, что и было потом ими осуществлено в виде Партии народных социалистов[93]. На съезде их предложение было

отвергнуто, и они из партии вышли и на некоторое время остались в положении беспартийных.

Борьба разгоралась и особенно обострилась после 11 декабря 1905 г., когда появился самый избирательный закон[94]. Закон делил избирателей на 4 курии (землевладельцев, горожан, крестьян и рабочих), создавал для крестьян выборы 4-степенные, для землевладельцев – 3- и 2-степенные, для горожан – 2-степенные, для рабочих – 3-степенные. Ни о равенстве, ни о непосредственности выборов не могло быть и речи. Из четырех членов популярной формулы (четыреххвостки) признана была только тайна голосования. Что касается всеобщности, то хотя она и не была признана, но кадры избирателей были расширены очень значительно, – настолько значительно, что избирательная система до некоторой степени приблизилась к всеобщности, но куриальность, соединенная с крайним неравенством, в частности с множественностью вотумов для лиц, удовлетворяющих требованию различного ценза в нескольких местах, так искажали это начало, что от него оставалось очень мало.

До некоторой степени приближалась к всеобщности, сказал я. Надо прибавить: и все-таки была очень далека от нее. Так, в городах получали право голоса только собственники недвижимости, люди, ведшие торговые предприятия, люди, выбиравшие промысловые свидетельства[95], и, наконец, все нанимавшие на свое имя квартиру, за которую они уплачивали квартирный налог не ниже определенного уровня. И притом нужно было удовлетворять этому требованию не менее чем в течение года. Таким образом, многие десятки тысяч лиц в одном Петербурге голоса не получили, и я был в их числе, что меня крайне огорчало. Я не имел нигде недвижимости, не вел торгового предприятия, не выбирал промыслового свидетельства и до моей краткой эмиграции жил в квартире у моей матери, а после возвращения из нее снял комнату от жильцов. Следовательно, я был бесправен[96].

В этом пункте закон допускал поразительную нелепость. Пассивное право было тесно связано с активным[97], причем потеря ценза после избрания в Думу влекла за собой лишение депутатского звания. Если кто-либо был избран по цензу недвижимости и после избрания продал ее, то вместе с тем он терял и свое депутатское место, – это, по крайней мере, не противоречит здравому смыслу. Если же кто-либо был избран в провинции по квартирному цензу и ради участия в Думе переселялся в Петербург, то, следовательно, он терял свой ценз и вместе с тем полученное по цензу депутатское звание. Выходило так: человек терял свое место в Думе именно потому, что он был

избран в Думу.

Пассивное право голоса было связано с активным не только по существу, но и географически, и куриально: рабочие могли избрать уполномоченным не всякое лицо, имевшее право голоса, а только рабочего же, и притом с той же самой фабрики; крестьяне какой-либо волости не могли выбрать ни помещика, ни горожанина, ни священника, ни учителя (если он не был крестьянином их же волости), а только крестьянина и непременно своей волости. Съезд уполномоченных мог выбрать выборщиком только наличного на нем же уполномоченного, а собрание выборщиков могло избрать в Думу только своего же выборщика и ни в каком случае человека из соседней губернии или из своей губернии, но случайно забаллотированного на одном из съездов. Таким образом было создано особое четырехкратное просеивание через избирательное сито, систематически покровительствовавшее избранию от крестьян и от рабочих людей невежественных.

Главным автором избирательного закона был, как известно, товарищ министра финансов[98] С. Е. Крыжановский, мой старый университетский товарищ, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний; я там рассказывал, как он в свое время принял участие в моем нелегальном издательстве, был привлечен к моему делу и приговорен по высочайшему повелению к двухнедельному аресту, но благодаря своим родственным связям в «сферах» его не отбыл. Он был серьезный юрист, хороший специалист по вопросам государственного права вообще и несомненно был хорошо знаком с правом избирательным в частности. Но поставленный перед исполнимой задачей: создать такой избирательный закон, который мог бы считаться исполнением обещаний манифеста 17 октября, а в то же время создал бы монархическую и законопослушную Думу[99], – он выработал закон, производящий впечатление какой-то хаотической груды, полный непоследовательностей, внутренних противоречий, явных нелепостей, допускавший безграничный произвол толкований (чем при выборах во 2-ю Думу воспользовалось правительство, чтобы сузить контингент избирателей) и не достигший своей главной цели.

Закон вызвал серьезную критику в печати. В частности, ту нелепость, которую я сейчас отметил, я тогда же указал в печати[100]. Газета «Русь» напечатала интервью с Крыжановским, в котором заставила его дать объяснения по разным пунктам закона. По этому пункту Крыжановский сказал, что нельзя из закона выводить явно нелепых выводов. Действительно, этого вывода из закона административные учреждения, ведавшие

избирательной техникой, не сделали, и по причине утери своего квартирного ценза никто кассирован во время законодательного периода какой-либо Думы не был. Но совершенно аналогичный вывод был сделан, правда, не из закона 1905 г., а из закона 1907 г.[101] (в этом отношении повторявшего постановления предыдущего закона). Один крестьянин, член Трудовой группы (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию), бывший 5 лет членом 3-й Государственной думы, был лишен права голоса при выборах в 4-ю Думу на том основании, что в течение 5 лет не занимался своим хозяйством в деревне. То есть как раз был лишен права выбирать и быть выбранным потому, что был выбран. Это было, однако, уже в 1912 г.

Как я уже сказал, я был лишен права голоса и, следовательно, по закону не мог принимать участие в выборных собраниях, на которые допускались только избиратели, и притом местные; так, избиратель Васильевского острова не мог участвовать в выборном собрании Петербургской стороны, и обратно. К счастью, во время агитации за 1-ю Думу полиция была не настолько сильна, чтобы задерживать и проверять права толпы, идущей на собрание; да и выборные по существу собрания обыкновенно созывались не как таковые, а как общие митинги на основании не избирательного закона, а закона о собраниях, на которые доступ был свободен всем. Полиция имела право их запретить, но сравнительно редко им пользовалась. Чаще она их закрывала после открытия за слишком резкие речи ораторов или за слишком шумное поведение публики и тем вызывала сильнейшее негодование ее и резкие отзывы газет.

И вот весь конец 1905 г. и начало 1906 до открытия Думы шли такие собрания в Петербурге чуть не каждый вечер, а иногда несколько собраний в один вечер; шли они и по всей России. Некоторые собрания, особенно партийные съезды, собрания Союза союзов и другие, созывались для безопасности за границей Финляндии, то есть в Териоках, часа за полтора езды от Петербурга, или даже за Выборгом. На эти собрания русская полиция являться не имела права, а финляндская не считала нужным, и они проходили совершенно мирно. Едва ли не каждый день я из редакции, наскоро пообедав в ресторане или захваченными с собой бутербродами, ехал на какое-нибудь собрание и выступал на нем либо с речью, либо с возражениями; иногда с одного собрания ехал на другое[102]. Беспрестанно также ездил в провинцию либо для прочтения лекций (о Думе, об избирательном законе, об учредительном собрании, о конституционализме, о роли политических партий в государственной жизни и тому подобном), либо для участия в

каком-либо съезде или митинге. Живое, боевое, хорошее было время!

Основной вопрос, везде и всюду дебатировавшийся, был выбирать или бойкотировать. Аргументация бойкотистов, как и их противников, развивалась в ряде газетных статей, в брошюрах, в речах на митингах. Как и во всяком широком общественном движении, в нем имелись различные оттенки, и не во всем сторонники бойкота были согласны между собой. Наиболее отчетливо и полно их взгляды были развиты в двух брошюрах, посвященных этому вопросу, из которых одна была написана Лениным, другая – Мякотиным[103]. Они представляли два тона, два направления в системе аргументации за бойкот.

Ленин строил аргументацию на утверждении: Дума должна содействовать стабилизации общественного строя. Между тем теперь время революционное, и такая стабилизация нам, революционерам, невыгодна. Мы должны нести факел революции, а не какой-либо реформы, и потому – долой Думу[104]. Итак – бойкот исключительно как тактический прием революции. Поэтому Ленин, нисколько не изменяя себе, не отказываясь от своей аргументации, мог чуть не в несколько часов решительно изменить свою тактику, и он действительно сделал это со свойственной ему гибкостью, как только оказалось, что Дума будет выбрана. Мы дали бой, мы проиграли его; Дума, созыва которой мы не хотели, соберется, – что же в том? Быль молодцу не в укор, да и проигранный бой далеко не всегда может быть признан ошибкой: он может иметь положительное значение. Перестроим ряды, изменим стратегическую позицию и дадим бой в Думе. Поэтому лишь только в Европейской России сказались результаты выборов, но оставались еще выборы на Кавказе, как Ленин потребовал участия в них[105].

Напротив, позиция эсеров и Мякотина была другая. Брошюра Мякотина, составлявшая страниц 40, почти целиком была заполнена критикой (очень хорошей) как избирательного закона, так и органического закона о Думе и убедительно доказывала, что Дума будет бессильна провести необходимые реформы. Закончив эту критику, Мякотин подвел итог своей критики в такой фразе, которую я хорошо помню и могу цитировать дословно, хотя и не имею брошюры под руками: «Такая Дума не нужна народу, и потому будем бойкотировать ее».

Из этого общего утверждения вытекал вывод: бойкот нужен во всяком случае, пока только законы – избирательный и органический – остаются неизменными. На меня, вполне согласного со всей критической частью брошюры, этот переход и эта аргументация производили впечатление чего-то очень

слабого, совершенно не вытекавшего из предыдущего, ибо можно было признавать законы о Думе совершенно не удовлетворительными и тем не менее не отказываться от тех хотя бы и слабых возможностей, которые заключены в них, как, по выражению Лассаля, в аналогичных обстоятельствах, потеряв прекрасный дамасский кинжал, можно и с дубиной напасть на вора, его укравшего[106]. Но раз такой вывод был сделан, он был логически и политически обязателен и для выборов во 2-ю, тем более 3-ю Думу (когда избирательный закон был еще ухудшен), и участие Мякотина и партии народных социалистов в выборах в них было признанием ошибочности своей тактики 1905–1906 гг. Поэтому Струве был не совсем не прав, когда он на одном митинге при выборах во 2-ю Думу говорил о брошюре Мякотина как о сданной в архив истории.

Из аргументации Ленина вытекало требование бойкота активного, боевого, т. е. состоящего в насильственном, толпами бойкотистов, срыве избирательных собраний, разбивании избирательных урн и тому подобном, и, в сущности, только такой бойкот мог бы действительно быть революционным. Из аргументации Мякотина такое требование могло вытекать, но могло и не вытекать. О таком активном бойкоте говорилось, но с ним на избирательные митинги никто не шел (конечно, такая проповедь должна была вести за собой закрытие собраний полицией, но это могло входить в задачу бойкотистов), и тем более, насколько я знаю, нигде не делалось попыток активного срыва самих выборов. Поэтому тактика Ленина в своей чистоте не проводилась, и это отражалось даже на аргументации его сторонников (сам он во время кампании 1905–1906 года был, если не ошибаюсь, за границей[107] и, во всяком случае, в избирательной кампании лично не участвовал), которые постоянно сбивались на аргументацию Мякотина, представлявшую более удобный материал для агитации, тогда как аргументация Ленина была более пригодна для дискуссий на партийных собраниях, чем для воздействия на широкие внепартийные массы.

Боевыми сторонниками участия в выборах были кадеты – и почти они одни. Партии более правые, начиная от октябристов, открытых собраний почти не устраивали; по крайней мере, мне не пришлось побывать ни на одном из них (помню несколько их собраний в 1906–1907 году при выборах во 2-ю Думу), и ни один из их сторонников не выступал на чужих собраниях. Исключение составляет только партия рабочих-монархистов под лидерством рабочего Ушакова, которая делала мало удававшиеся попытки устройства рабочих собраний; на них не приходила публика.

Один раз я видел Ушакова на чужом митинге, и, несмотря на то что он проводил как будто ту же линию, что и я, мне пришлось резко отмахиваться от него. Из людей внепартийных, стоявших влево от кадетов, постоянно выступал против бойкота я – и почти только я один; других ораторов не припомню. Мне, таким образом, приходилось разойтись и бороться с такими людьми, как Мякотин[108], и лично, и политически очень близкими.

Из эсдеков особенно часто мне приходилось сталкиваться с Крыленко, выступавшим под кличкой Товарищ Абрам, и другим, выступавшим как Товарищ Николай. Впоследствии этот последний оказался полицейским агентом, однако, по-видимому, не вполне проникшимся полицейским духом, потому что года через два-три после этой кампании он застрелился[109], притом не вследствие разоблачения: разоблачен он был только после смерти[110]. Нужно заметить, что он производил довольно симпатичное впечатление, во всяком случае более симпатичное, чем противный, наглый и самодовольный Крыленко. В шпионство Товарища Николая все его встречавшие, и я в их числе, поверили лишь с большим трудом после появления в печати неопровержимых документов.

Из кадетов всего чаще я встречался с П. Н. Милюковым, Ф. М. Родичевым, В. М. Гессеном.

Странная была избирательная кампания в первую Думу.

Программы партий, их задачи, думские и внедумские, не затрагивались вовсе. Все сводилось только к одному вопросу: участвовать или бойкотировать, и в связи с ним к критике законов о Думе. Не ведя агитации за активный бойкот, бойкотисты рекомендовали избирателям в день выборов сидеть дома, и к этой проповеди абсентеизма фактически сводилась вся их агитация. Таким образом, ради революционизирования народа они агитировали за бездействие и фактически только ослабляли революционный дух.

В их печатных выступлениях они нередко высказывали мысль: бойкот Булыгинской думы привел к революционной победе, Булыгинская дума была сорвана, в октябре вспыхнула забастовка, был завоеван манифест 17 октября с обещанием новой, во всяком случае несколько, хотя и немного, лучшей Думы. Но и эта Дума совершенно не соответствует ни истинным потребностям народа, ни степени напряжения ее революционной энергии. Поэтому – да здравствует новый бойкот, долой и эту Думу! После ее провала неизбежно будет созвано учредительное собрание.

Но эта параллель совершенно не соответствует действительности.

Булыгинская дума вовсе не была сорвана бойкотом, и никакого бойкота этой Думы не было. Тогда действительно нарастала революционная волна, но она шла мимо Думы, не бойкотируя, а просто игнорируя ее; никто ею не интересовался, и это равнодушие рядом с такими посторонними ей явлениями, как забастовки, ее погубило. Совершенно иное происходило в избирательный период 1905–1906 гг. Дума была в центре общего интереса; бойкотисты смотрели на нее как на опасного врага и вели на нее приступ, только увеличивая общий интерес к ней. И уже в силу одного этого их агитация не могла оказаться успешной.

Нужно помнить, что избирательный закон нигде не указывал кворума избирателей. Поэтому десяток рабочих на тысячном заводе, несколько участников съезда уполномоченных могли полнокровно выбрать самих себя в выборщики, а самое ничтожное число выборщиков могло выбрать членов Думы. Дума, созданная несколькими тысячами избирателей по всей Руси, все-таки собралась бы. Этот аргумент приводился нами, противниками бойкота; сторонники возражали:

– Да, но такая Дума будет лишена всякого авторитета.

История всех предыдущих бойкотов не подтверждает этого утверждения; прусский ландтаг 1849 г., сербская скупщина 1883 г. законодательствовали и пользовались достаточным авторитетом за границей, что самое важное, да и внутри страны. Во всяком случае, из этого ясно, что задачей бойкотистов было подорвать авторитет будущей Думы. Замечательная ирония судьбы: революционеры подрывали авторитет Думы, которая оказалась весьма революционной.

Сторонники участия относились к законам о Думе ничуть не менее отрицательно, чем его противники. За исключением одного П. Н. Милюкова, все они ожидали Думы консервативной (а я был уверен в этом едва ли не больше, чем другие), и все говорили: выбирать необходимо, несмотря на это; хорошо будет уже то, что в Думу вопреки безобразному избирательному закону пройдет десяток-другой прогрессивных депутатов; их голос в ней будет достаточно громок. Нам возражали:

– Не будет ни одного!

– Этого не может быть, если вы своим бойкотом не сделаете этого; но если даже вы окажетесь правыми, то все же истинная воля народа скажется на первых стадиях выборного производства при избрании уполномоченных и выборщиков, и это уже будет иметь свое положительное значение.

Любопытно, что оценка избирательного закона с точки зрения его вероятных последствий была, таким образом, одна и

та же и на крайних правых флангах, в правительственных рядах, и в принявшем Думу среднем общественном слое (в партии кадетов), и на крайнем левом фланге. Крыжановский и его товарищи, вырабатывая закон, желали опереться на деревню против города, на невежество против образования и ожидали от них поддержки старой монархии и помещичьей власти, а левые и средние были глубоко уверены, что цель эта законом достигнута. Только один П. Н. Милюков обнаружил большую политическую проницательность, утверждая смелую мысль, что в такой исторический момент, как 1905–1906 годы, при таком политическом единодушии, которое охватило все общественные классы, почти всякий избирательный закон даст один и тот же безусловно оппозиционный результат, отличающийся только в оттенках, и что закон 11 декабря, во всяком случае, исключения не составит. Это, конечно, не мешало ему относиться к закону критически и даже отрицательно.

У кадетов были свои списки рекомендуемых ими выборщиков по городской курии Петербурга, и известны были имена 6 депутатов, которых они собирались проводить на выборах. Поэтому, закончив аргументацию в пользу участия вообще, они обыкновенно кратко заявляли: вот наш список выборщиков, голосуйте за него. Но защищать его не приходилось за отсутствием противников. Если выбирать, то кадетов, – больше некого. Были списки октябристов и правых, но настроение собраний, о которых я говорю, было настолько определенно левое, что спорить с октябристами и правыми было совершенно бессмысленно. С левыми же – за отсутствием их кандидатских списков и за нежеланием их вступать на эту почву – спорить не было оснований.

Именно это и делало из всей избирательной кампании нечто крайне бессодержательное и бесплодное. Мое положение было в этом отношении еще печальнее, чем кадетских ораторов. Мне бы хотелось списка более левого, но волей-неволей приходилось заканчивать свои призывы печальным признанием ошибки левых и заявлением, что ввиду этого необходимо голосовать за кадетов, которые, как я говорил, не обещают достаточной решительности в борьбе против существующего порядка, но, во всяком случае, будут стоять за конституцию, за свободу личности и слова, за правовой порядок, за аграрную и другие социальные реформы. Но останавливаться на этих вопросах ни мне, ни самим кадетам, ни их левым противникам не приходилось. Итак, фактически я был сторонником кадетов, хотя и условным.

Иногда, особенно в своих речах в провинции, я делал такого рода указание. Соберутся собрания выборщиков. Последний этап

– избрание депутатов – обещает торжество реакции вследствие значительного процента в их числе выборщиков от землевладения. Но выборщики от остальных курий, если настроение избирателей скажется при выборах ясно, смогут заявить протест против избрания депутатов искусственным, ненародным большинством, потребовать изменения избирательного закона и объявить себя истинной законодательной властью. Это был уже революционный призыв; его не всегда я успевал даже договорить до конца, как полиция объявляла собрание закрытым. И когда это бывало на собраниях, созванных по инициативе кадетов, то они не без основания обвиняли меня в том, что я сорвал их собрание.

Остановлюсь подробнее на нескольких отдельных эпизодах.

В первой половине декабря происходило собрание в Териоках. Не помню, кем и для какой специальной цели оно было созвано, но на нем были представители разных партий и, между прочими, П. Н. Милюков. Как везде в ту эпоху, на сцену явился все тот же вопрос: бойкот или выборы.

Милюков на этот раз в своем прогнозе был почему-то осторожнее, чем обыкновенно, и «допускал» возможность торжества на выборах реакции. Но, говорил он, кто бы в окончательном итоге ни победил, выборы явятся великим смотром, на котором будут подсчитаны силы борющихся течений, и мы определенно и наверняка узнаем, имеют ли реакционеры какую-нибудь опору в крестьянстве, в рабочем классе, в горожанах или только в помещиках, и этот подсчет сил будет иметь громадное значение.

Против Милюкова выступил неизвестный мне эсер.

– Для Милюкова, – сказал он, – этот смотр и подсчет сил действительно нужен, – пусть он и выбирает. Но для нас он не нужен. У нас уже были смотры и силы подсчитаны. У нас был «Потемкин», у нас была первая великая октябрьская забастовка, две следующие забастовки, наконец у нас есть московское восстание[111]. Больше смотров не нужно; теперь нам нужно применение подсчитанных сил к делу.

Речь была сказана эффектно и вызвала громкое сочувствие в большей части собрания. Дня через два или три после нее закончилось московское восстание печальным поражением[112], и гордое заявление получило свою оценку от хода событий. Исход этот, однако, можно было предвидеть уже в момент произнесения речи.

Другой эпизод относится к городу Тихвину Новгородской губернии. Это случай, когда я имел самый большой в моей жизни ораторский успех, – пожалуй, единственный в моей жизни

действительный успех, и он стоит очень ярко в моей памяти. Попробую изложить его со всей возможной объективностью.

В городе Тихвине в конце декабря 1905 г. происходил съезд местных учителей, и я получил приглашение приехать на него для прочтения доклада. Совершенно не помню темы моего доклада, – без сомнения, он был связан с текущим политическим моментом. Доклад был прочитан, вызвал прения.

На следующий день после закрытия съезда должен был в Тихвине состояться совершенно особенный крестьянский митинг, и мне предложили остаться на него. Я согласился и утром, перед митингом, зашел к члену местной земской управы, которого мне рекомендовали, и попросил его дать мне материалы о землевладении в Тихвинском уезде. Он дал их мне, и я наскоро, насколько было возможно, ознакомился с ними. Особенность митинга состояла в том, что он был созван местным предводителем дворянства, впоследствии членом Государственного совета, Буткевичем. Созвание совершилось официально через волостные правления: Буткевич предложил каждой волости прислать по нескольку делегатов на митинг, и, таким образом, собрание могло считаться выражающим настроение всего крестьянства целого уезда. Не помню, на каком основании я был на него не только пропущен, но [и] получил слово: вход был свободный, полномочия не проверялись, так что посторонняя публика и, в частности, учителя со съезда присутствовали, но слова Буткевич мог мне не дать.

Собрание происходило после полудня в зале земского собрания. Присутствовало человек 300–400; стулья были вынесены, и все стояли, кроме как у стола президиума. Полиции на собрании не было.

Буткевич открыл собрание такою приблизительно речью:

– Нам предстоит выбрать Государственную думу. Кого же выбирать? Что должна будет делать Дума? Она будет решать государственные дела. А государственных дел много разных. Тут и вопрос, как быть с евреями и другими инородцами, нужно ли им равноправие или нет, словом – национальный вопрос. Тут и вопрос, как мы, Россия, должны вести себя по отношению к иностранным государствам, вопрос иностранной политики. Тут и вопрос, как поднять народное образование. Тут и вопрос, откуда доставать государственные средства, – финансовый. Тут и вопрос о земле. Ведь вот говорят, что крестьяне страдают от малоземелья и что их надо наделить землею. И это правда, малоземелье есть. Но только знаете вы, по скольку придется на душу земли, если всю землю во всей Европейской России разделить поровну? Всего по полторы десятины, а у вас-то их по 4½. Выходит, что от вас

еще отобрать придется. Так вот, значит, земельный вопрос – очень трудный и очень важный, и его нужно обсудить обстоятельно. Тут далее и…

И он перечислил еще пять или шесть вопросов тем же мертвым для крестьянской аудитории языком, не умея даже вопрос о финансах заменить вопросом о податях и тому подобном.

– В этом порядке я и предлагаю вести беседу. Утверждает собрание мою программу?

– Утверждаем, – раздалось в двух-трех местах.

– Возражений нет?

Молчание.

– Значит, первый вопрос на очереди – национальный вообще и еврейский в частности. Кто просит слова?

Выступил какой-то социалист-революционер из местных и произнес речь, которая могла бы быть признана недурной в другой обстановке, но здесь звучала чем-то совершенно ненужным. Аудитория явно скучала.

Затем попросил слова какой-то священник. Длинный, тощий, с умным лицом. И начал в таком роде:

– Жиды! Что такое жиды? Это такая вера. Вера поганая, по правде сказать. А только знаете что, ребята? Ведь жиды нашу веру считают поганой. Кто же из нас прав? Знаете что? Предоставим Господу Богу на небе решить это, а сами постараемся жить так, как он нам велел по нашей вере. А велел он нам всех любить и никому зла не делать. И жидам тоже. А исполняем мы это? Что-то не видал. А что нам нужно теперь делать? Выбирать в Думу. Надо выбрать хороших людей. А хорошие ли люди жиды? Знаете что? Бывают скверные, а бывают и очень хорошие. А православные? Тоже бывают хорошие, а бывают такие, что хуже всякого жида. Так можно ли выбрать жида в Думу? Если бы Дума должна была о вере рассуждать, ну тогда нам, православным, не подобало бы выбирать жида. Но ведь Дума будет только о наших земных делах говорить, так знаете что? Будем выбирать того, кто правильнее о них рассуждает, а жид ли он, православный ли, о том спрашивать не будем. Правда, жиды Христа распяли. Да, распяли. Только знаете что, ребята? Ведь это, почитай, 2000 лет тому назад было, а нынешние жиды разве в этом виноваты? Нисколько не виноваты. А вот наши генералы дырявых кораблей понастроили да при Цусиме и потопили, так ведь они снова Христа распяли, и ему это так же больно было, как тогда.

И т. д. Речь была замечательная, невероятная. С точки зрения ораторского искусства она могла вызвать много серьезных замечаний, – отрывистость фраз, постоянное ненужное

повторение вопроса: «Знаете что?» – и других. Но речи, которая была бы лучше приноровлена к своей аудитории, сильнее бы на нее действовала, я никогда не слыхал, кроме речей Гапона, хотя манера говорить тут была совсем другая: Гапон действовал своим пафосом; тут пафоса не было и в помине, была действительно евангельская простота, в которой чувствовалось глубоко продуманное и прочувствованное убеждение, самая горячая искренность.

Речь, видимо, захватила аудиторию. Я стоял в толпе мужиков.

– Это наш батюшка, из нашего села, – сказал мой сосед, видимо с увлечением слушавший оратора.

– Славный батюшка, – сказал я. – Много у вас в уезде таких?

– Нет, наш батюшка один на весь уезд. Других таких нет.

С этим батюшкой познакомиться мне не удалось; фамилию его я, к сожалению, забыл. Но у разных лиц впоследствии мне удавалось наводить о нем справки, и вплоть до войны я с величайшим удивлением узнавал, что он остается жив и цел, священствует по-прежнему, сильно любим крестьянами как действительно истинный пастырь-бессребреник.

Батюшке возразил несколько слов сам Буткевич, потом какой-то, видимо, крайне правый субъект, потом один левый учитель. Все вертелись в области еврейского вопроса, все были слабы, и аудитория, видимо, скучала.

Попросил слова я:

– Еврейский вопрос очень важен, о нем прекрасно и всю правду сказал батюшка, и прибавить к его словам ничего нельзя и не нужно. Но я думаю, что вам интереснее будут послушать о земле.

– О земле, о земле! – раздалось по всей зале.

– Ну так я и перейду к земле.

Буткевич сделал мне замечание, совершенно, конечно, правильное, что в программе заседания стоят еще два пункта, но в зале раздалось:

– Пусть говорит о земле. О земле! О земле!

Буткевич не мог не уступить, настроение толпы было слишком определенное, и мне таким образом удалось явочным порядком поставить на очередь дня земельный вопрос.

– Вот нам председатель, Михаил Николаевич Буткевич, которому мы должны большое спасибо сказать за то, что он нас собрал и дал нам возможность перед выборами в Думу сообща обсудить, кого выбирать, сказал, что если всю землю в России поделить поровну, то выйдет по 1½ десятины на душу. Так ли это, я не знаю. Россия-матушка велика, и сколько в ней десятин, я не знаю. А вот про Тихвинский уезд я хорошо знаю. Тут 20 000

крестьянских дворов. А вот тут у меня список землевладельцев Тихвинского уезда. Вот на первом месте стоит Андреев. У него, значит, 30 000 десятин земли, усадебной, пашни, лугов и лесов. Так вот одной его земли хватило бы на прирезку к каждому мужицкому двору по 1½ десятины. За ним идет Карпов[113]. У него 22 000 десятин. Еще по десятине, да еще и с хвостиком. За ним монастырь Богоявленский[114]. В нем живут монахи, за нас, грешных, Богу молятся и нетленные богатства на том свете для себя уготовали.

– И жиды же эти монахи! – раздается голос в толпе.

– А между тем и о земных не позабыли. У них значится 15 000 десятин земли, и тоже пахота, луга, леса. Земли эти они частью сдают в аренду, а частью обрабатывают, нанимая мужиков.

Затем следовало еще несколько имен – и заключение:

– Так вот, следовательно, в Тихвинском уезде земли столько, что если бы пустить ее в передел, то не отбирать бы от крестьян их наделы понадобилось, а к нынешней крестьянской земле можно было бы прибавить по столько-то десятин на двор. А как живут крестьяне?

Я привел несколько имевшихся у меня общих данных, а затем дал детальное описание одной деревни, назову ее, за запамятованием, Неурожайкой, в тех ярких выражениях, которых я, к сожалению, не могу восстановить, но которые по своей художественной силе положительно напоминают толстовское: «Куренка и то, скажем, выпустить некуда»[115]. К сожалению, не имею права приписать их себе: я целиком взял их от одного мужика, с которым стоял в толпе до открытия собрания, и повторил дословно. Я остановился на арендных отношениях и на крестьянской заработной плате на помещичьих землях. Меня прервал председатель:

– Господин Водовозов напрасно говорит, что помещики притесняют крестьян. Помещики очень любят крестьян и очень хотят устроить их по-хорошему.

– Я вовсе не говорю, что помещики не любят крестьян. Напротив, помещики постоянно говорят мужику: «Люблю тебя, как душу, и трясу тебя, как грушу».

Лишь только я это сказал, в зале раздался хохот, переходивший в визг.

– И помещики, – продолжал я, – бывают разные. Вот 80 лет тому назад… – и я в общих чертах рассказал историю декабристов, напирая на их требование освобождения крестьян. – Перед этими помещиками я снимаю свою шапку и детям своим закажу снимать ее. А судили их тоже помещики и приговорили

одних к повешению, других к каторжным работам. Перед этими помещиками я шапки своей не снимаю.

Председатель опять прервал меня, делая попытку вовсе лишить меня слова:

– У нас мало времени; я хочу дать слово местным людям, которые хорошо знают наши местные дела, а господин Водовозов из Петербурга, он уже все сказал, что мог.

В зале раздались крики:

– Пусть Водовозов говорит! Кто же так хорошо знает наш Тихвинский уезд, как он? Он и нашу Неурожайку знает, а ее сам Бог забыл!

Я видел человека, выкрикнувшего это последнее замечание. Это был тот самый мужик, чьим описанием его деревни я воспользовался, процитировав его дословно. Он совсем не заметил плагиата.

Таким образом аудитория отстояла меня. Тогда я перешел к вопросу, каким образом нужно действовать, чтобы добиться увеличения площади крестьянской земли, и перешел следующим образом:

– Нужно произвести нарезку мужицкой земли. Как это сделать? Что вы скажете, если выбрать от помещиков Тихвинского уезда шесть человек, а от крестьян одного и поручить им произвести эту нарезку?

Аудитория остолбенела. Такого вольта она не ожидала с моей стороны.

– Я вижу, вам не нравится это предложение. И мне оно не нравится. Но только оно не мое. Видите, у меня закон о Государственной думе. В нем сказано: в Тихвинском уезде крестьяне избирают одного выборщика, а помещики – шестерых, затем выборщики разных уездов собираются в Новгороде и выбирают из своей среды членов Думы. Выборщиков от помещиков много больше, и, конечно, они проведут своих людей в Думу, но все-таки один член Думы будет выбран от крестьян. Значит, Дума будет помещичья, и нельзя надеяться, что она проведет нарезку земли как следует, но все-таки голос крестьянский в ней будет слышен.

Председатель опять лишил меня голоса. Но в толпе опять раздались крики в мою пользу. В это время я увидел мужика большого роста, видимо, сильного, со сжатыми кулаками и с искаженным от злобы лицом, пробиравшегося через толпу к трибуне. Я струхнул, вообразив, что имею в нем врага, и хорошо понимал, что на кулаках моя борьба с ним кончится не в мою пользу. Но он протолкался через толпу, поднялся на помост, как бы не замечая меня, подошел к председателю и, поднеся кулак к

его лицу, закричал:

– Ты как смеешь мешать Водовозову говорить? Он дело говорит, он за нас говорит!

Тут я испугался уже другого эпилога, который тоже не соответствовал бы моим желаниям, но, к счастью, его не произошло. Мужик подошел ко мне, схватил меня за плечи, толкнул меня немного вперед и потребовал:

– Говори дальше! Какая будет Дума?

В эту минуту председатель позвонил, закрыл собрание и скрылся. Но толпа кричала мне:

– Говори дальше. Говори о Думе!

Я продолжал и развивал свою программу – программу провозглашения коллегиями крестьянских выборщиков себя своего рода местными секциями, поддерживающими крестьянские элементы Думы, всячески подчеркивая, однако, конституционный характер борьбы. Высказался очень решительно и очень определенно против насильственного захвата земли, который неизбежно приведет к новому, вероятно, худшему земельному неравенству. Опасаясь неправильных выводов из моей речи, я остановился на этом пункте очень подробно. Весьма возможно, что между моим конституционализмом и моим же революционеризмом не было достаточно строго и отчетливо проведенной согласованности, что между ними была некоторая неувязка. Но, во всяком случае, обвинения в разнуздывании народных страстей, в призыве к пугачевщине, которые впоследствии до меня долетали, я считаю совершенно несправедливыми, даже лживыми, если они исходили от людей, прослушавших мою речь до конца, не исключая и той части, которая была произнесена в особенно накаленной атмосфере, когда председатель покинул свое место. Нет, от пугачевщины я решительно и настойчиво предостерегал, рекомендуя прежде всего озаботиться избранием в уполномоченные и выборщики хороших людей, понимающих мужицкие нужды.

– Мы тебя выберем!

– Нет, меня выбрать нельзя, – и я вновь объяснял особенности избирательного закона, лишающего крестьян права выбирать кого-либо, кроме крестьян своей же волости.

Я вновь вернулся к изложению роли Думы и коллегий выборщиков. Тот крестьянин, который поддержал меня и который остался на трибуне около меня, начал вставлять свои замечания:

– А царь, значит, будет на нашей стороне и нас поддержит.

Из толпы раздались сочувственные ему голоса, и сразу стало ясно, что в вопросе о царе вся аудитория настроена вполне монархически и верит в старую концепцию мужицкого царя,

отделенного от народа помещиками и чиновниками; следовательно, что формула, установившаяся в Петербурге после 9 января, «нет Бога, нет царя», сюда, в этот чисто крестьянский уезд еще не дошла. А я только что собирался перейти к вопросу о форме государства и разъяснить значение ограничения царской власти. Я почувствовал, что сделать это здесь невозможно.

Если эти строки прочтут большевики, то они, конечно, провозгласят и этого мужика, и всю аудиторию кулаками, а меня – носителем кулацкой идеологии, не пожелавшим колебать царского авторитета. Поскольку такая оценка касается крестьян, она, конечно, не верна: собравшиеся здесь мужики были обычными мужиками-общинниками, жившими на наделе и страдавшими от малоземелья; царский же культ был общим для всей России созданием истории. Поскольку эта оценка касается лично меня, она тоже, конечно, совершенный вздор, так как отступил я от задачи критики царской власти не только вследствие уверенности в ее неизбежной безрезультатности в этой аудитории, но и вследствие нежелания поставить на карту положительные результаты моей речи.

После ухода председателя моя речь продолжалась еще с полчаса (а всего, с перерывами, свыше двух с половиной). Но дальнейшее продолжение оказалось невозможным. Кричали и говорили с мест, роль председателя самозваным образом взял на себя мой спаситель-мужик, но, не располагая ни председательской опытностью, ни каким-либо личным авторитетом, он не мог ее исполнить.

– Ты чего, Андрюха, лезешь! Помолчи лучше. А ты, кто там, что ты говоришь? Говори, – выкрикивал он из-за председательского стола.

Говорили о том, кого выбрать в уполномоченные от волостей, – мои разъяснения избирательного закона, видимо, были поняты и усвоены, но намечать кандидатов от волости в этом собрании, объединявшем все волости уезда, было, очевидно, невозможно. Выкрикивались и имена выборщика от уезда, но называлось несколько разных имен, причем было ясно, что нет ни одного крестьянского имени, известного всему уезду. Я был оттиснут и должен был замолчать, не вполне закончив мою речь.

В эту минуту ко мне подошел один учитель.

– На площади собралась полиция; сейчас, очевидно, войдет в собрание. Вероятно, Буткевич отсюда побежал с доносом. Я вас выведу задним ходом.

Я ушел к местному доктору, у которого остановился.

– Вам необходимо сейчас же уезжать.

Это был общий голос всех собравшихся сюда из зала земского

собрания.

Железная дорога от Петербурга к Вологде, по которой я приехал, только незадолго перед тем открылась, – по ней было только так называемое временное движение[116]; поезда ходили раз в день, и то неаккуратно, и единственный поезд в Петербург отошел часа за два перед тем. Ждать следующего приходилось почти сутки, точно так же и поезда в обратном направлении, к Вологде. И мне предложили ехать на почтовых к Шлиссельбургу, что я и сделал.

Между тем в собрании, как мне рассказывали потом, минут через двадцать меня хватились.

– А где же Водовозов?

Один из учителей объяснил:

– Его хотела арестовать полиция, и мы его увели.

– А он не арестован?

– Нет, он в безопасности, у друзей.

– Мы все его друзья. А только вы скажите, если он арестован. Мы пойдем его отбивать.

– Нет, нет, он в полной безопасности.

Собрание начало мирно расходиться. Полиция вошла в зал, только когда он уже наполовину опустел, и мирно распустила оставшихся. Никаких инцидентов не произошло.

К доктору явилась полиция, осмотрела все комнаты и удалилась, не найдя меня. В тот же вечер она посетила еще несколько квартир с той же целью, но я был уже далеко. В Петербург, видимо, не было послано требование об аресте, и вся эта история прошла мне даром.

Недели через три после этого митинга, в январе 1906 г., я ездил в Казань по приглашению одной местной общественной группы прочитать три публичные лекции. Первая лекция – о всеобщем избирательном праве (чисто теоретическая, хотя и с практическим применением к России) – прошла благополучно. На второй лекции, о Государственной думе на основании законов о ней, по своим заданиям тоже теоретической, произошел инцидент. Я говорил о собраниях выборщиков. Объяснил их права и обязанности по закону и, желая сохранить возможно объективный, теоретический тон, не в форме предложения, а в форме теоретического соображения – о вероятности, что собрания выборщиков от некоторых курий сочтут нужным сохранить свое существование для контроля за деятельностью Думы. Частный пристав немедленно поднялся с места и объявил о закрытии собрания. В публике это вызвало сильнейшее возмущение. Она потребовала составления протокола и в протокол включила протест против ничем не обоснованного закрытия. Под протестом

подписалось много людей, самый протест писал А. В. Васильев, профессор математики, кадет, присутствовавший на обеих лекциях. Третья лекция – о роли политических партий в государственной жизни конституционных государств – была запрещена и не состоялась[117].

Вспоминается мне еще одно собрание в Петербурге, собравшееся или, лучше сказать, не состоявшееся за несколько дней, может быть, накануне открытия Думы в апреле 1906 г.[118] Собрание было созвано кадетами в зале Вольного экономического общества[119]. На нем присутствовало несколько уже выбранных членов Думы, в том числе Родичев. Цель собрания – тактика в Государственной думе. Председателем был Родичев. Не знаю, по какой причине, но едва только Родичев произнес несколько вступительных слов, как в залу явилась полиция.

– Объявляю собрание распущенным, – возгласил пристав.

Закрытие было особенно наглым. Никаких поводов к его закрытию не было, и оно было просто заявлением о торжестве новых начал во внутренней политике, связанных с образованием нового министерства (Горемыкина)[120]. Во всяком случае, истекшая зима подобных прецедентов не знала.

Публика в негодовании повскакала с мест, раздались возмущенные крики. Родичев сделал величественный жест рукой, успокаивая публику, и трагическим голосом обратился к приставу:

– Господин частный пристав! Назовите ваше имя, чтобы оно было покрыто презрением в истории, как имя человека, посягнувшего на права избранников русского народа.

Пристав назвал себя (увы, в моем, по крайней мере, лице как мемуариста история обнаружила слишком короткую память, и я не могу предать его имя вечному презрению), но повторил требование о расхождении. Родичев обратился к публике:

– Мы разойдемся, разойдемся спокойно, чтобы не доставить удовольствия людям, желающим обагрить кровью первую страницу истории русского конституционализма. Мы разойдемся, но дадим себе клятву не забыть этого насилия над волей народа и пригвоздим ваше имя к позорному столбу.

По-видимому, перед духовным взором Родичева носился образ Мирабо. Но историческая обстановка была другая, и пафос Родичева производил впечатление скорее комическое или даже водевильное, чем трагическое. Пристав к позорной памяти в истории относился, видимо, совершенно хладнокровно[121].

Революция кончилась, иначе беспричинный роспуск собрания с несколькими членами Думы не мог бы произойти так спокойно, а произошло бы по меньшей степени то, что было в Киеве на

лекции Лункевича. И этот мирный роспуск собрания был прообразом близкого роспуска самой Думы, который тоже не вызвал протеста. Мысль о возможности такого роспуска уже тогда, до ее открытия бродила в головах и порой высказывалась. И на ней особенно настаивали бойкотисты.

Когда первые результаты выборов явственно обнаружили совершенную ошибочность всех прогнозов, то бойкотисты неизбежно должны были изменить характер своей критики. С критики избирательного закона они перенесли ее на органический закон о Думе и стали напирать на ее бесправие и предсказывать ее скорый разгон, если она действительно решится потребовать серьезных реформ.

Расскажу здесь еще об одном митинге, на котором главную роль сыграл тоже Родичев и который происходил недели за две, за три до митинга в Вольном экономическом обществе. Возражая социал-демократам на их пророчество о скором роспуске Думы, Родичев на этом митинге со свойственным ему страстным пафосом сказал:

– Не найдется такого безумца, который посмеет разогнать Думу. А если найдется, то он немедленно свалится в пропасть!

Фраза, как все подобные фразы, вызвала громкие аплодисменты. Аплодировали кадеты все, может быть, даже те, кто только что соглашался с мрачным пророчеством. Фраза была действительно очень красиво построена и эффектно произнесена, с соответственной жестикуляцией. В ней была уверенность в народной поддержке и скрытая угроза революцией, столь чуждая духу кадетизма и объясняющаяся не столько личными убеждениями или даже личным темпераментом Родичева, сколько характером его красноречия, в котором не столько оратор владеет словом, сколько слово – оратором. Фраза эта имела в следующем году свой отголосок, о котором я расскажу в своем месте.

Дошла ли тактика бойкота до широких народных масс и каков ее общий итог?

Официальная статистика выборов никогда не была опубликована, и, следовательно, общих цифр абсентеизма избирателей мы определить не можем.

По отрывочным горсткам данных мы, однако, знаем, что из городских избирателей явилось на выборы около 50%, а в Петербурге – даже 54%, – цифра очень значительная для первых политических выборов, да еще двухстепенных (двухстепенность всегда усиливала абсентеизм). В Германии на выборы в рейхстаг 1876 г. явилось к урнам даже несколько меньше, а там это были не первые выборы и выборы, происходившие на основе

всеобщности, которая всегда высоко поднимает избирательную энергию. Следовательно, нужно признать, что на городских избирателей агитация бойкотистов сколько-нибудь заметного влияния не произвела. Не статистически, но индивидуально я знаю, что очень многие избиратели, во время кампании стоявшие за бойкот, в последнюю минуту не удержались и голосовали за чуждых им кадетов; некоторые сами сознавались мне в этом (между прочими – В. И. Семевский). Но некоторое влияние бойкот все-таки произвел: в следующем году, когда бойкота не было, при выборах во 2-ю Думу в Петербурге на выборы явилось 70% избирателей.

Крестьянство к выборам отнеслось восторженно; до него агитация бойкота не дошла вовсе. И именно в крестьянских выборах имеются с этой точки зрения в высшей степени комические явления. От крестьянства Саратовской губернии был выбран Г. К. Ульянов (однофамилец, не родственник Ленина), по партийной принадлежности – социалист-революционер. Он был решительным сторонником бойкота, но не мог протестовать против своего избрания, так как сидел в тюрьме[122] (в первую Думу заочное избрание сидящих в тюрьме или находившихся в административной ссылке было возможно и признавалось; так был избран из числа кадетов Гредескул[123], из трудовиков – очень многие). После избрания он был освобожден. Намеревался отказаться, но не сделал этого. Почему? Кто знает; объяснения на этот счет он давал мне довольно путаные: то ли он хотел сделать свой отказ более эффектным, произведя его в самой Думе, то ли переменил свое мнение. Вероятно, сыграли свою роль самые различные мотивы, не исключая и мотивов самолюбия. Во всяком случае, он свой отказ отложил, а пока что был очень дельным и порядочным, хотя и второстепенным деятелем Трудовой группы. Заочно был выбран и Аникин[124], тоже эсер и тоже бойкотист. Некоторые бойкотисты были выбраны не заочно, а так, что их избрали в уполномоченные против их желания; они приняли избрание, чтобы на съезде уполномоченных говорить против избрания выборщиков, но там повторилась та же история. Ну а на собрании выборщиков отказаться идти в Думу уже не хватило силы воли, – уж очень это лестно было. Если меня не обманывает память, так был избран Седельников[125], тоже социалист-революционер, примкнувший к трудовикам.

Наконец, рабочая курия. Сюда проповедь бойкота несомненно дошла и произвела свое влияние. Петербургские рабочие почти поголовно либо отказались выбирать, либо в виде иронического протеста избирали собаку Розу или фабричную трубу, о чем составляли протоколы. Однако партия рабочих-монархистов

(ушаковцев)[126], весьма немногочисленная, едва ли не вся состоящая на жаловании у полиции, пользуясь абсентеизмом рабочих, провела избрание необходимого числа выборщиков, и вся рабочая курия Петербурга состояла из ушаковцев.

В провинции, однако, нашлись некоторые личности, в которых в рабочей курии идея бойкота встретила сознательный протест и где рабочие, за воздержанием партийных эсдеков, выбрали рабочих[127], формально к ним не принадлежащих, но им сочувствующих. Фамилия наиболее выдающегося из них – Михайличенко. Первоначально он вместе с несколькими товарищами примкнул к Трудовой группе; потом, когда подъехали депутаты с Кавказа, где вследствие отказа от тактики бойкота было избрано несколько социал-демократов, они вышли из группы и присоединились к социал-демократам[128]. Это было перед самым разгоном Думы[129].

Итак, в общем и целом нужно признать, что влияние бойкота на ход выборов сказалось заметным образом только в рабочей курии. Но на составе Думы оно отразилось весьма значимо: благодаря ему в Думе не было левых партий (если не считать нескольких уже указанных мною исключений) и, вероятно, только благодаря ему в Думе образовалась Трудовая группа.

Но каков итог бойкота в других отношениях, в его влиянии на общий ход истории? Ответ на этот вопрос несомненно может быть только субъективным. С моей стороны я даю такой.

Во-первых, бойкот лишил русский народ или, по крайней мере, население городов на время первых выборов такой прекрасной школы, какой всегда являются политические выборы, и в особенности первые. Никогда ни раньше, ни позже, вплоть до 1917 г., не было таких благоприятных условий для сообщения народу начатков политических знаний. Собрания были почти совершенно свободны; несколько нарушений этой свободы не уничтожают ее. Созывались легко. Жажда учиться была у горожан громадная. Все митинги были переполнены. И вот вместо того, чтобы говорить о формах политической жизни, о парламентаризме и конституционализме, о различных системах государственных финансов, о местном самоуправлении, об аграрной реформе, о необходимых социальных реформах, мы бестолково топтались на одном и том же узком вопросе, имеющем второстепенное значение. То, что народ потерял таким образом целую зиму обучения в политической школе, – это результат тактики бойкота. Конечно, невозможно определить, как это отразилось на уровне общего политического развития.

Во-вторых, бойкот помешал левым партиям провозгласить лозунг всемерной поддержки Думы, содействовал понижению ее

авторитета и облегчил правительству ее разгон, а после разгона содействовал тому, что Выборгское воззвание[130] почти не имело отголосков и самый разгон не вызвал протеста.

В-третьих, рекомендуя абсентеизм, он вообще содействовал понижению политической активности.

Таковы, по моему мнению, три результата бойкота.

Несомненно, однако, что нет надобности преувеличивать значение этого второго и третьего результатов бойкота: он, как я уже сказал, вообще дошел только до рабочих, а на остальные курии имел только частичное влияние. Если же разгон Думы не вызвал революционной вспышки, то главным образом это объяснялось тем, что революционная волна спала, революционная энергия сильно понизилась. Объяснять такое широкое и общее историческое явление не место в простых воспоминаниях; для этого нужно историческое исследование. Но факт налицо: той революционной энергии, которая имелась во время октябрьской забастовки, во время Думы уже не было. И участие в выборах в Думу несомненно находилось в некоторой связи с этим явлением; только нет оснований думать, чтобы эта связь была причинной.

Можно отметить еще один результат бойкота, не столько общественный, сколько личный. Благодаря ему целый ряд талантливых людей, которые могли бы развернуться на думской арене, в нее не попали. К числу таких людей я причисляю прежде всего редакторов «Русского богатства» Мякотина, Анненского, Пешехонова; очень много вероятности, что они или, по крайней мере, кто-нибудь из них мог пройти в Думу по городскому цензу в Петербурге в блоке с кадетами. Потом, когда они отказались от тактики бойкота, эта возможность была потеряна: вследствие привлечения к суду[131] они утеряли цензы.

Глава IV. Дума народного гнева. – Всеобщая вера в нее. – Кадеты. – Образование Трудовой группы. – Аладьин, Аникин, Жилкин, Брамсон. – Политические настроения в Трудовой группе. – Разногласия в ней. – Указания на факт раскола неосновательны. – Поездка в Выборг и составление Выборгского воззвания. – Его значение

«Дума народного гнева» была избрана. Такую кличку я дал ей на одном из последних перед ее открытием митингов[132], и кличка пошла в ход[133]. Я противополагал «народный гнев» «народной воле», настаивая на том, что за точную выразительницу народной воли, за верное народное представительство нельзя признать собрание, избранное на основе крайне уродливого закона, искаженного цензом, куриальностью, неравенством и отсутствием свободы агитации. То же, что Дума будет выразительницей народного гнева, было ясно видно еще до ее открытия. Через несколько лет, однако, перечитывая ее стенографические отчеты[134], я, не отказываясь от этой клички, был склонен вместе с тем признать ее и органом народной воли, согласившись с указанием Милюкова, что в известные исторические моменты одна воля охватывает все слои населения и содержание избирательного закона сравнительно мало влияет на состав палаты.

Трудно теперь представить себе тот общий восторг, который в последние дни перед ее открытием охватывал, все нарастая, все население России и достиг своего апогея в самый день открытия, 27 апреля 1906 г., чтобы скоро смениться сперва некоторым недоумением, потом полнейшим разочарованием. Трудно потому, что теперь, хорошо зная последующие факты, останавливаешься перед вопросом: на чем же основывались надежды? Выборы ясно говорили, что народ настроен против правительства, но вся деятельность правительства за последние месяцы свидетельствовала о все еще не сломленной его силе и о том, что оно вовсе не намерено склоняться перед народной волей. Помимо всей полицейской деятельности министра внутренних дел Дурново, вновь наполнившего тюрьмы и ссылку, опустошенные

октябрьской амнистией, об этом ясно говорило назначение министерства старого и упрямого бюрократа Горемыкина (за несколько дней до открытия Думы); издание основных законов, явно избегавших слова «конституция»; весь тон официальной и официозной печати; погромная деятельность черносотенных организаций, находивших открытую поддержку в правительстве и встречавших покровительственное одобрение в самом монархе.

Оснований для надежды не было, и тем не менее она была и среди широких крестьянских масс, и среди интеллигенции. Крестьяне толпами провожали своих избранников на вокзалы и кричали им:

– Без воли и земли не возвращайтесь!

Депутаты тоже были охвачены верой. Всего горячее верили победители-кадеты[135]. Родичев прямо сиял торжеством победы, и даже рассказанный мной эпизод с разгоном без всякого повода митинга, на котором он председательствовал, не поколебал его убежденности. Так же горячо верили крестьяне-трудовики. Нотки сомнения прорывались у трудовиков-интеллигентов, например у Л. М. Брамсона, но и то очень слабые и у очень немногих. Такую же веру имело и подавляющее большинство как кадетской, так и внепартийной интеллигенции, отчасти даже массовых социал-демократов и социалистов-революционеров, кроме лидеров и профессиональных партийных деятелей, обязанных – в силу верности своему знамени и своему недавнему прошлому – сомневаться. Недаром, когда пароход с депутатами проезжал по Неве вблизи так называемых Крестов, из-за железных тюремных решеток потянулись руки с носовыми платками, приветствовавшие депутатов, а большинство заключенных принадлежало ведь к одной из двух социалистических партий, вчера еще бойкотировавших выборы. На эту трогательную демонстрацию депутаты отвечали криками:

– Первая наша задача – амнистия для вас!

Крики с парохода, вероятно, до тюремных камер не доносились, но в смысле их арестанты могли не сомневаться. Требование амнистии носилось в воздухе[136], о нем кричали народные толпы, приветствовавшие депутатов, входивших в Таврический дворец.

И все, и депутаты, и публика верили, что стоит только Думе потребовать политической амнистии, и тюремные двери отворятся. Стоит им потребовать отставки министерства, и оно уйдет, и места министров займут Муромцев, Милюков, Набоков. Стоит им потребовать аграрной реформы, и… Тут, конечно, приходилось остановиться. Всякому интеллигенту было понятно, что аграрная реформа слишком трудна для уверенности, что она

может пройти без сучка и задоринки. Но в остальное верили, не допуская сомнения. А в это верили крестьяне.

Сомнения, как я уже сказал, позволяли себе официальные партийные ораторы левых (бойкотировавших) партий, а также некоторые отдельные лица. В их числе был я, издавна склонный к пессимизму, и некоторые (не все) члены нашей редакции. Во всяком случае, «Наша жизнь», встретившая новый, 1906 г. (моим) пророчеством о потоках крови, и при открытии Думы предавалась ликованию гораздо умереннее, чем другие газеты.

Недели через две после открытия Думы я на одном митинге, протестуя против излишества восторгов и ожиданий, сказал:

– Многие верили, что стоит собраться Думе, и при первых же ее речах раскроются двери тюрем и падут твердыни самодержавия, как от иерихонских труб. Но вот уже две недели, как Дума собралась, а двери тюрем до сих пор крепко заперты, и бюрократический Иерихон стоит прочно.

Эти слова в кадетских газетах были приведены без их мотивировки, т. е. обращены в обвинение мною Думы, которая должна бы, но не сумела в две недели произвести преобразование всего государственного строя, и высмеяны как наивность. Не раз на митингах Родичев и другие кадеты приводили их против меня как явную нелепость, тогда как они были сказаны мною не против Думы, а против их необоснованных надежд и обещаний. Если же деятельность Думы обманула мои от нее ожидания, то только к лучшему, а не худшему.

Итак, настроение в день открытия Думы должно быть охарактеризовано одним словом: общий восторг. А между тем характерно, что власти в это праздничное настроение постарались без всякой нужды влить несколько капель горечи. Как известно, Дума должна была собраться в Зимнем дворце. Там Николай II открыл ее небольшой тронной речью, в которой на Думу налагалась обязанность служения «мне» и родине; «я» было на первом месте и еще нарочито подчеркнуто тоном голоса[137]. После речи Николая депутаты на пароходе были отвезены по Неве к Таврическому дворцу. И вот по каким-то непонятным соображениям администрации Дворцовый, наверное, а кажется, также Троицкий и Литейный мосты были разведены, а по некоторым примыкающим к Зимнему дворцу улицам движение как экипажей, так даже и пешеходов было приостановлено на несколько часов. Смысл этой меры вызывал общее недоумение. Для людей, живших на Васильевском острове (или, по крайней мере, в его восточной части), имевших необходимость утром пройти куда-нибудь в район Гостиного двора, эта мера представляла некоторое, но, главное, совершенно лишенное

смысла затруднение[138]. Она ясно говорила, что от своего произвола правительственная власть отказываться не намерена.

Первая Дума должна была состоять из 524 депутатов, но вначале состояла менее чем из 500, да и под конец – только из 499. Депутаты от Кавказа были избраны только в мае, а депутаты от Сибири и Среднеазиатской России вовсе не были избраны до разгона Думы. Из них было 160 кадетов[139], около 40 было поляков и треть представителей разных национальностей; остальные, избранные в качестве беспартийных, представляли бесформенную массу депутатов различных политических оттенков.

Из кадетов в Думе налицо был весь ее цвет: Муромцев, Петрункевич, Герценштейн, Шаховской, Родичев, Петр Долгоруков, Кокошкин, Набоков и другие. Не хватало только Милюкова, который не имел избирательного ценза и в Думу не попал. Были и люди, не сделавшие чести своему лагерю, как Гредескул (даже избранный товарищем председателя), впоследствии, после 1917 г., перебежавший в лагерь большевиков и обливавший грязью своих бывших товарищей. Был и священник Афанасьев, через несколько лет разоблаченный в качестве шпиона на постоянном, хотя и очень скромном жаловании из Департамента полиции (помнится, не то 50, не то даже 30 рублей в месяц). После этого разоблачения кадеты (особенно упорно Аджемов) публично отрекались от него, утверждая, будто он никогда к кадетской партии не принадлежал, а приходил в нее в качестве гостя, но в списке членов партии, напечатанном в издававшемся тогда «Вестнике (или «Еженедельнике», не помню точно) Партии народной свободы»[140], он значился в числе полноправных членов.

Остановлюсь на одном рядовом члене кадетской партии, которого я близко знал, Ал[ександре] Ев[графовиче] Исупове. Это был мелочной лавочник из Шенкурска Архангельской губернии, с которым я дружески сошелся во время нахождения в ссылке в этом городе (1888–1891 гг.). Крестьянин Архангельской губернии по происхождению, содержатель лавки по профессии, это был человек с формальным образованием не выше народной школы[141], но от природы умный, много читавший и думавший, выписывавший «Неделю» и «Русские ведомости», бравший у нас (политических ссыльных) журналы и книги, находившийся с нами в хороших отношениях и бывший под заметным нашим влиянием. Когда я прочитал в газетах, что он избран в Думу по крестьянской курии Шенкурского уезда, то был уверен, что он и в Думе окажется под влиянием левых, в частности моим, но в этом ошибся: с первых же дней он примкнул к кадетам, а меня даже не

посетил. Позже, когда он приезжал в Петербург судиться по делу Выборгского воззвания, затем еще раз, чтобы отсиживать трехмесячное тюремное заключение, и затем по какому-то чисто личному делу, он бывал у меня. О времени Думы он вспоминал как о каком-то чудном сновидении, когда он был в совершенном чаду. О своем избрании говорил, что его совершенно не ожидал и принял с величайшим недоумением. Я спрашивал его, как он оказался в рядах кадетов; по-моему, ему самое место было в рядах Трудовой группы. Он отвечал, что он во всем согласен с кадетами, кроме аграрной программы, что эта последняя у трудовиков ему действительно больше нравилась, но что ведь Трудовой группы еще не было, когда открылась Дума, что он еще по дороге в Петербург из Шенкурска определенно решил примкнуть к кадетам (избран он был как беспартийный), а затем у него уже не было повода выходить из партии.

В пленарном заседании Думы он выступал всего один раз с речью по аграрному вопросу. Я этой речи не слышал, но читал и помню о ней только общее впечатление слабости и то, что она многократно прерывалась возгласами с мест:

– Громче, громче!

– Я не могу громче, господа! – огрызнулся он[142].

Очевидно, сказывалась полная непривычка к публичным речам. В числе прочих он был в Выборге, подписал Выборгское воззвание и отбыл тюремную повинность. После последнего нашего свидания не очень задолго до войны я потерял его из виду, и только совсем недавно, года два тому назад, я прочитал его имя в одной статье в «Архиве русской революции»[143] в числе расстрелянных большевиками. Что он сделал для того, чтобы вызвать этот конец, и сделал ли что, – совершенно не знаю[144]. И о самом событии я узнал только лет через 10 после него. Сильно сжалось у меня в груди при этом известии. Человек – средний, но очень хороший, – с ним у меня прочно связывались мои ссыльные воспоминания.

В противоположность кадетам список внепартийных депутатов громкими именами не блистал, а если таковые и были, то в рядах, стоявших правее кадетов. Здесь были М. М. Ковалевский, Кузьмин-Караваев, М. Острогорский, М. М. Стахович, граф Гейден и еще несколько. В рядах «левее кадетов» сколько-нибудь известных имен было только два: И. В. Жилкин и Л. М. Брамсон. Я случайно знал еще имя Аладьина; из остальных немногие приобрели небольшую известность только во время самой избирательной кампании (Назаренко[145]), а остальные стали известны только по списку избранных депутатов.

Жилкин был членом редакции «Нашей жизни». Он был

способным журналистом, умея писать для газеты бойко и интересно, но не более. Особенно хорош он был как интеллигентный репортер, умеющий умно и хорошо излагать научные и политические заседания, всегда не только верно передавая смысл отдельных речей, но [и] умея схватывать общий характер заседания. Между прочим, он первый пустил в ход кличку «зубры» в применении к черносотенцам, воспользовавшись фразой, сказанной на дворянском съезде, кажется, Марковым, что крупных землевладельцев следует сохранять, как зубров в Беловежской пуще. Жилкин был вполне порядочный человек и хороший товарищ. В нашей редакции он играл только второстепенную роль[146]. Во время избирательной кампании он уехал к себе на родину. Неожиданно для нас вернулся оттуда уже депутатом, и стало известно о том триумфе, который встретили там его выступления.

Л. М. Брамсон был петербургский адвокат, большой известностью не пользовавшийся, но зато пользовавшийся большим уважением всех его знавших.

Имя Аладьина я узнал вот по какому поводу. Когда я был еще в Киеве в редакции «Киевских откликов», я получил от него корреспонденцию из Лондона. Корреспонденция была слабая, но все-таки приемлемая, и я ее напечатал. Потом получилось несколько корреспонденций, из которых некоторые были еще слабее. Напечатать их было нельзя, и я написал ему некоторые разъяснения о том, как следует писать. В ответ получил письмо, что он сам признает слабость своих писаний, что она объясняется дурным материальным положением, иногда тем, что по нескольку дней не обедает, но что постарается принять во внимание мои указания. В дальнейшем он изредка присылал корреспонденции, из которых, может быть, одну половину я печатал, подвергнув серьезной редакторской правке; остальные браковал. Вместе со мной он из «Киевских откликов» перешел в «Нашу жизнь», но скоро вслед за тем замолчал. На этом прекратились мои с ним отношения, и я только слышал от моего товарища по редакции В. В. Португалова, что А. Аладьин – его товарищ по Казанскому университету, из которого был исключен за участие в беспорядках.

И вот, лишь только открылась Дума, Аладьин, Жилкин, Брамсон и еще Аникин взялись за сплочение беспартийной массы крестьянских депутатов в компактную Трудовую группу, что очень быстро им и удалось[147]. Они привлекли меня как специалиста по вопросам государственного права в качестве совещательного члена при Трудовой группе. Я легко сошелся со своими товарищами по работе, скоро получил право решающего

голоса на ее заседаниях и таким образом оказался тесно связанным с думской работой группы с первых дней Первой думы[148] до последних предреволюционных (1917 г.) дней.

В Первой думе Трудовая группа насчитывала более 100 членов[149]; цифра колебалась, так как время от времени приходили новые члены из аморфной массы беспартийных депутатов; некоторые, напротив, не чувствовали тесной связи с группой и уходили из нее в эту массу, иногда, чтобы потом вновь вернуться в группу, а иногда – нет. Однако в процессе думской работы в общем происходило внутреннее спаивание.

Для организационного создания и сплочения группы наибольшее значение имели Аладьин и Брамсон, несколько меньше – Аникин и Жилкин. Для деятельности ее в Думе – Аладьин, Аникин и Жилкин, особенно прославившийся как оратор. Из них Аладьин как человек, долго живший за границей, в частности в Англии, и работавший там на заводах в качестве рабочего, лучше других был осведомлен в вопросах парламентской жизни, лучше других понимал значение партийной организации. В качестве крестьянина он на собственной спине или, по крайней мере, на спине своих родителей испытал значение малоземелья, хотя научного знакомства с аграрным вопросом у него не было. Первые же его речи создали ему славу первостепенного оратора, но лично я с такой его оценкой никогда не соглашался и не могу согласиться теперь. Его красноречие того же типа, что и Родичева. Оно основано на пафосе, который я склонен назвать ложным или искусственным. Оно гонится более за красивым построением фразы и содержанием всегда готово пожертвовать ради формы. Когда слушаешь оратора такого типа, то всегда кажется, что не он владеет словом, а слово владеет им.

Я поясню эту общую мысль примером, заимствованным не из речи Аладьина, а из речи Родичева. Сделать заявление о необходимости общей амнистии кадетская партия поручила в первое же заседание Думы Петрункевичу, и оно было сделано превосходно[150]. Но за развитие его взялся (в одном из следующих заседаний) Родичев. С первых же слов на язык его подвернулось какое-то слово, говорящее о милосердии, милости, и вся речь его оказалась рядом красивых словооборотов на тему христианского милосердия[151]. В этом виде речь Родичева не соответствовала ни общему смыслу политического момента, ни настроению кадетов, без всякого сомнения – настроению и желаниям самого Родичева, который за несколько дней перед тем напечатал в «Праве» статью на ту же тему[152], но совершенно в ином тоне: речь в ней шла о требовании амнистии как акта справедливости и исторической

необходимости, а не о христианском прощении и милости заблуждающимся. (Считаю нужным оговориться, что по памяти восстановляю мое – и очень многих других – тогдашнее впечатление и не могу безусловно поручиться, что, перечитав речь, я не отказался бы от этих замечаний.) В данном случае слово и художественный образ увлекли Родичева на дорогу, чуждую желанию его самого и партии, от имени которой он говорил.

Такого же рода ляпсусов, только еще более грубых и более частых, можно насчитать сколько угодно в речах Аладьина. Но так как речи Аладьина, при всей их несомненной талантливости, все же менее значительны и более бледны, чем родичевские, и вся личность его не так крупна, то, к сожалению, примеры у меня не так отчетливо сохранились в памяти.

Собственно, почти все содержание речей Аладьина исчерпывается одной постоянно повторяющейся мыслью, как бы одним постоянным обращением к правительству: «Берегитесь! Мы, Дума, самим фактом своего существования и тем обещанием, которое оно дает народу, сдерживаем волну народного негодования в легальных рамках; но если Дума будет распущена или если ее деятельность вследствие вашего противодействия не принесет необходимых плодов, то знайте, что тогда поднимется грозный поток, который моментально смоет вас с лица земли».

Эту мысль Аладьин развивал на разные лады, всегда красиво и довольно разнообразно по форме. Хороша, хотя не без преувеличений была его речь о произведенной Гурко растрате казенных сумм, ассигнованных на борьбу с голодом[153]. Но иногда Аладьин позволял себе изумительно снижать содержание своих речей. Так, однажды здание Думы в свободное от заседания часы осматривала какая-то высокопоставленная особа и сказала чиновнику канцелярии что-то в таком роде:

– А хорошо было бы, если бы наиболее видных членов Думы повесить на этих перекладинах.

Чиновник передал это Аладьину, а тот счел нужным зачем-то довести эту глупость до общего сведения в пленарном заседании, причем, однако, фамилии особы не назвал, чем окончательно обесценил свой протест. Вероятно, эта особа была кем-нибудь из великих князей, но и в этом случае, и даже с именем, подобное сообщение вряд ли имело бы какой-нибудь смысл и производило впечатление жалкой сплетни[154].

В общем, речи Аладьина производили впечатление на думцев и еще большее на всех читателей газет и создали ему крупную популярность. Но после разгона Думы эта популярность сразу потускнела.

Во время роспуска Думы Аладьин был в отсутствии; как человек, хорошо владеющий английским языком, он вместе с Родичевым и некоторыми другими был послан Думой в Лондон, чтобы сделать визит английским парламентариям. Поэтому в Выборге он не был и Выборгского воззвания не подписал[155]. Но прямая обязанность его как одного из лидеров группы была вернуться в Россию, участвовать в съезде группы в Финляндии[156] и вообще как-нибудь открыто действовать в этот тяжелый момент. И, однако, Аладьин предпочел остаться в Англии. Что его побудило к этому? Нужно заметить, что над ним не тяготело никакого обвинения и вернуться он мог совершенно свободно.

У меня есть только одно объяснение: побоялся, – объяснение, в то время общепринятое в нашей группе. Я очень не люблю бросаться этим обвинением и тем не менее в данном случае не знаю другого. Но ведь Аладьин во время Думы не обнаруживал трусости? Не обнаруживал он ее и на митингах, на которых выступал (во время думской сессии) с очень смелыми речами, которые могли бы дать удобный повод для ареста и возбуждения тяжелого преследования по очень серьезным статьям Уголовного кодекса или для расправы такого рода, как с Герценштейном, Иоллосом, Караваевым. Совершенно верно. Но Аладьин принадлежит к числу тех людей, которые мужественны, когда на них устремлены (не в переносном, а в прямом смысле) тысячи глаз, и которые теряют все свое мужество, когда этого возбудителя налицо нет. Так объясняю я психику Аладьина. Как всякое психологическое объяснение, оно субъективно и не может быть доказано неопровержимым образом.

Как бы то ни было, Аладьин после очень громкой известности сразу сошел совершенно на нет. Он делал попытки агитировать в Англии по русским вопросам[157], но деятельность его совершенно не обращала на себя внимания. Вероятно, вследствие нужды он сделался корреспондентом «Нового времени», но даже как измена своему знамени это сотрудничество бывшего радикала в консервативной газете не обратило на себя ничьего внимания и не произвело шума. В 1917 г. он вернулся в Россию и играл какую-то очень малозаметную, но в общем недостойную роль.

Совершенно другого душевного склада и другого калибра С. Аникин. Тоже крестьянин, с примесью инородческой (мордовской) крови, собравший и напечатавший (через несколько лет после Думы) сборник мордовских сказок[158], он был народным учителем в Саратовской губернии; революционер и народник по убеждениям и настроению, формально принадлежал к эсеровской партии и был сторонником бойкота. Во время избирательной кампании он был на нелегальном положении и участия в ней

принимать не мог. Заочно избранный в Думу, избрание принял.

Для активного участия в Думе ему нужно было легализоваться. Но как? Он взял у социалистов-революционеров бланк для фальшивого паспорта, вписал в него свое имя и с этой фальшивкой на свое имя поехал в Петербург. Курьез в истории, вероятно, совершенно исключительный. С фальшивкой он жил во время Думы и некоторое время потом. Дело о нем, ведшееся в административном порядке, было, однако, прекращено, и он получил обратно свои настоящие документы. Несколько лет спустя против него было возбуждено новое дело за участие в Крестьянском союзе[159], он сидел, потом был выпущен и бежал за границу. В Выборге он не был, так как был послан Трудовой группой в Лондон на социалистический съезд[160]. Поэтому в следующем году он был вновь избран выборщиком в Государственную думу, но избрание его было кассировано Сенатом на том основании, что он, будучи крестьянином по происхождению, своего хозяйства не ведет. В следующие после Думы года он был верным членом Трудовой группы и, когда бывал в Петербурге, всегда участвовал на заседаниях ее центрального комитета и думской фракции. Чем он мог существовать за границей – решительно не представляю себе. Он, правда, выступил в литературе[161], писал недурные беллетристические очерки (между прочим, в «Вестнике Европы»[162]), пописывал статьи, но этого было очень мало. В 1917 г. он вернулся в Россию[163] и проездом через Петербург был у меня, но, к сожалению, одним свиданием наше возобновленное знакомство и ограничилось. Тогда он колебался, возвращаться ли в партию социалистов-революционеров или примкнуть к народным социалистам. Я убеждал его ни в каком случае не делать первого, указывая на крайне вредную деятельность социалистов-революционеров; со многими моими указаниями он соглашался, но все-таки убедить его мне, очевидно, не удалось. Он уехал, я потерял его из виду и окончательного решения не знаю. Скоро после этого, кажется в 1919 г., он умер.

Его роль в Думе вызывала не менее отголосков в стране, но была гораздо более серьезна, чем роль Аладьина. Он тщательно готовился к речам и всегда знал тот вопрос, по которому выступал, чего про Аладьина сказать нельзя. Готовился он, не только изучая материалы, но [и] много предварительно расспрашивая людей, от которых надеялся получить сведения по вопросу, а также подвергая свои речи предварительному обсуждению в заседаниях группы и внимательно прислушиваясь ко всем указаниям. Страстного пафоса Аладьина в его речах не было, но была большая серьезность, соединенная с горячей,

глубокой, выстраданной и прочувствованной убежденностью. И за эти черты он пользовался всеобщим уважением и любовью товарищей, чего опять-таки про тщеславного Аладьина сказать нельзя.

Жилкин был образованнее и шире Аникина, но мельче его по размерам таланта и вообще личности. Аникин – человек aus einem Guss[164], иудей, по известному определению Гейне[165]; он весь целиком был погружен в политическую борьбу, и вне ее у него не было жизни. Жилкин, напротив, жил и дорожил всеми благами жизни. Трудно было ожидать от него крупной роли в Думе, и, однако, он сыграл ее. Он был из тех людей, которые под влиянием толчка, полученного извне, духовно растут и на известное время в известном положении становятся большими людьми. Проходит момент, их настроение падает, и они опускаются до уровня золотой середины. Таких крупных людей на один исторический момент всегда создают революции; немало их во Франции создали революции – Великая и 1848 г.; были они и у нас, притом в Трудовой группе – в большем числе, чем среди кадетов, и Жилкин принадлежал к их числу. Вся его деятельность во время избирательной кампании, потом в Думе и в группе была проникнута подъемом революционного момента. Прошел момент, упало настроение, и Жилкин вернулся к литературной работе заурядного журналиста. Даже громкая известность, приобретенная им в думский период, не помогла ему упрочить места в литературе. После обновления состава редакции «Вестника Европы» (1909 г.) он входил в него и вел там провинциальную хронику, но на нее никто не обращал более внимания, чем на иностранную хронику Слонимского.

Особое место занимал в группе Л. М. Брамсон. Оратором он был посредственным и говорить публично не любил, поэтому выступал в пленарных заседаниях Думы редко, а так как широкую известность дают только такие выступления, то ее он и не приобрел. Но внутри Трудовой группы он был едва ли не главным цементом. Незаметной деятельностью он умел сплачивать разнородных людей, мирить разногласия и ссоры и направлять общие силы на одну цель. Вовсе лишенный самолюбия, он не только не стремился играть заметную роль, но [и] всегда очень охотно уступал место и дорогу другим. Когда подготовлялись выступления в Думе, он щедро снабжал думских ораторов сведениями и мыслями и предоставлял им получать триумфы, подготовленные его работой. Таким я его узнал во время Первой думы[166], и таким я знал его вплоть до конца 1917 г. или начала 1918 г., когда он уехал за границу.

За этими лидерами шла многочисленная (свыше 100 человек)

рядовая армия трудовиков. Политический состав ее был не вполне однороден. В нее входил целый ряд партийных эсеров, выбранных помимо своего желания, и еще большее число эсерствующих, в партию организационно не входивших, но по духу ей принадлежавших, хотя и не согласных с бойкотом. Затем вначале были внепартийные эсдеки или эсдекствующие, которые под конец Думы из группы ушли. Остальные, составлявшие большинство, были рыхлой массой, которая могла бы присоединиться к кадетам, если бы Аладьин и другие не увлекли их в Трудовую группу.

Значительное большинство группы составляли крестьяне, но были и интеллигенты: присяжные поверенные и др.[167] Средний интеллектуальный уровень не только первых, но и вторых был невысок. Из первых многие писали совершенно неграмотно. Для характеристики вторых приведу такой эпизод.

В комиссии Трудовой группы, разрабатывавшей вопрос об избирательном праве, я упомянул о «пассивном избирательном праве». На это раздалась реплика:

– Зачем нам пассивное избирательное право? У нас такого не должно быть.

Увы, эта реплика исходила от члена Думы, присяжного поверенного Заболотного.

Помню инцидент в самой Думе, виновником которого на этот раз был крестьянин (фамилии не помню).

При обсуждении какого-то вопроса, никакого отношения к земле не имеющего, он вдруг перескочил на малоземелье. Муромцев, конечно, вернул его к порядку дня.

– Извините, господин председатель, но ведь я простой крестьянин.

– Но и член Думы тоже, – строго заметил Муромцев.

Но при всем том работать в Трудовой группе было в высшей степени приятно: я не встречал другой аудитории, столь внимательной, столь интересующейся, столь осмысленно требовавшей разъяснений и направлявшей оратора, куда ей было нужно, и столь много умевшей извлечь из его слов.

Больший радикализм нашей группы сравнительно с кадетами сказывался почти по всем вопросам, всего резче – по аграрному, но также и по разным тактическим; трудовический ответ на тронную речь был проектирован гораздо решительнее, чем кадетский. Воззвание к народу по аграрному вопросу, долженствовавшее служить ответом на правительственное, в кадетской редакции оканчивалось призывом спокойно ожидать окончания работ Думы. Трудовики были решительно против этого окончания: они понимали, что Дума если может что-нибудь

сделать, то только опираясь на содействие народных масс, тогда как кадеты верили в самостоятельную силу Думы как уже законченного органа законодательной власти. Воззвание было принято почти только кадетскими голосами при воздержании трудовиков.

Но я не буду излагать думской борьбы, – ее следует изучать на основании источников, и она не может быть темой для простых воспоминаний, в особенности человека, к Думе не принадлежавшего. Я буду говорить главным образом о внутренней жизни Трудовой группы.

Группа наняла помещение с обширной залой в конце Невского (у Знаменской церкви). Там постоянно кипела работа. В промежутках между думскими заседаниями происходили заседания группы, на которых подготовлялись выступления в Думе. Я был постоянным участником этих собраний. По временам появлялись и другие внедумские участники, являвшиеся с докладом или с разъяснениями по разным вопросам, особо приглашенные или сами предлагавшие свои услуги. В их числе было немало и вчерашних бойкотистов: так, например, раза два я видел там В. М. Чернова, встречал А. В. Пешехонова. По аграрному вопросу постоянно являлся В. П. Воронцов. По вопросу об амнистии делал очень интересный доклад проф. П. И. Люблинский[168].

Секретарем (штатным) группа пригласила моего бывшего ученика, о котором я говорил в первой части своих воспоминаний и которого я знаю как Ваню Бонч-Осмоловского. Через кого он получил это место, я не знаю, но, во всяком случае, не через меня. Исполнял он свои секретарские обязанности очень хорошо[169], хотя ввиду частых обращений к нему газетных репортеров он слишком по-мальчишески вообразил себя важной фигурой и с репортерами обращался свысока, иногда нетактично, без нужды раздражая их своими резками отказами в информации.

Значение группы росло с каждым днем. Ее выступления в Думе вызывали отголоски во всей стране, ее главные ораторы приобрели широкую всенародную популярность. В нее постоянно приходили ходоки из деревень заявить о сочувствии и просить при решении аграрного вопроса принять во внимание особенности положения их деревни. Беспрестанно мы получали приговоры волостных сходов о присоединении их волости целиком к Трудовой группе. Пусть подобные приговоры свидетельствовали о наивном непонимании самого смысла присоединения, но ходоки, толпившиеся у нас, приговоры, которые наш секретарь не успевал регистрировать и докладывать, газетные репортеры, – все это свидетельствовало об интересе к

группе, о сочувствии ей, все это как будто (увы, только как будто!) давало право рассчитывать в случае чего на народную поддержку. Популярность группы вызывала интерес к ней в среде студенческой и радикальной интеллигенции, которая валила в группу массами, прося разрешения присутствовать на ее заседаниях.

– Я же ничем вам мешать не буду, я сяду здесь в уголке и буду сидеть смирно, – умоляли они.

Но члены группы, особенно крестьянские, стеснялись посторонних, да и само по себе присутствие неизвестных посторонних лиц на партийных заседаниях недопустимо, – и Ваня Бонч-Осмоловский, согласно с полученной им инструкцией, гонял их безжалостно. Само собою разумеется, что в тех редких случаях, когда посторонние все-таки оказывались, они своего обещания не исполняли и участием в аплодисментах поддерживали понравившихся им ораторов, что, разумеется, являлось неправильным вмешательством в жизнь группы.

Я выше сказал, что твердого постоянного состава группа не имела (не имела его и кадетская партия). Наиболее важным был случай, незадолго до роспуска Думы, ухода из нее группы социал-демократов с Михайличенко во главе. Но одного случая внутреннего кризиса, о котором говорилось в печати, положительно не было.

В кадетской печати в близкие к Первой думе годы несколько раз упорно был повторен (и один раз в статье за подписью Петрункевича) следующий рассказ.

В Трудовой группе имелась значительная группа, недовольная радикализмом ее лидеров. Накануне роспуска Думы эта группа в числе около 40 человек под председательством лица, пользовавшегося в группе уважением не меньшим, чем ее официальные лидеры, составила и подписала протокол об уходе из Трудовой группы.

Рассказ повторялся с утверждением, что он известен из источников, вполне заслуживающих доверия, и что он не подлежит сомнению[170]. Между тем для меня он не только подлежит сомнению, но [и] является совершенно не соответствующим действительности. Прежде всего – почему не названо ни одно имя? В частности, кто этот член Думы, пользующийся уважением наряду с лидерами?

Здесь почти несомненно имелся в виду Назаренко, хотя столь же несомненно, что уважением наряду с лидерами он не пользовался. Назаренко был крестьянин Харьковской губернии, произнесший в собрании выборщиков речь, которая была напечатана в газетах и обратила на себя большое внимание.

Благодаря ей Назаренко явился в Петербург уже известностью. Было известно также, что он знаком с М. М. Ковалевским, что этот последний относится к нему с большой симпатией и рассчитывает найти в нем сильного парламентского деятеля. Дешево приобретенная популярность вскружила ему, однако, голову. Он вступил в Трудовую группу, но обнаруживал большие претензии на лидерство, на которое не имел никаких прав ни по размерам своего второстепенного ораторского таланта, ни по своему более чем скромному образованию, ни по умению руководительствовать другими. Во всех отношениях он явно уступал и Аладьину, и Аникину, и Жилкину. Действительно ли по своим убеждениям он был правее Трудовой группы или стал правее вследствие обиженного самолюбия, – я этого не знаю. Во всяком случае, выборная речь его была очень радикальна, но это, конечно, еще мало значит. Как бы то ни было, он представлял в группе правое, кадетское крыло и довольно часто говорил против наших решений, причем всегда раздраженным тоном, в котором звучало не столько убеждение, сколько обиженное самолюбие. Пользоваться уважением, равным с лидерами, он не мог уже потому, что его слишком мало знали, что он был в Трудовой группе сравнительно редким гостем. Были ли у него сторонники? Правое крыло в группе было, но вряд ли его членов можно назвать «сторонниками Назаренко», – он никогда не производил впечатления лидера какой бы то ни было группы.

Во всякой партии и во всякой организации всегда неизбежно бывают разные течения, разные фланги, и раскол всегда грозит каждой; иногда и происходит. В наличности разногласий и в этой постоянной опасности – залог жизненности партии; иначе она застыла бы, мумифицировалась бы. Но нужно говорить не вообще о возможности раскола, а конкретно, применительно к данному случаю. Имел ли место описанный сейчас эпизод?

Я совершенно уверенно говорю: нет, не имел. Его не было не потому, чтобы в группе не было разногласий, – они были, – но не было потому, что никто из трудовиков о нем ничего не знал. Не было известно тогда, не стало известным и потом. Между тем что же за смысл в таком уходе, о котором упорно молчат 40 человек, ничего не сообщая тем, против кого они подготовляют свое пронунциаменто? Что же за смысл в уходе, который подготовляется втихомолку, без предъявления требований, без яркого протеста? По всей вероятности, кадеты в данном случае проявили легкомыслие, передавая без проверки неосновательный слух.

В дополнение к предыдущему рассказу я сообщу об одном моем споре с Назаренко, могущем характеризовать его со

стороны, неожиданной для выразителя убеждений правого фланга, хотя бы и в левой группе.

Однажды после заседания, в котором он раздраженно спорил с Аникиным, он подошел к столу, на котором лежали газеты, и, выхватив номер «Нового времени», раздраженно обратился ко мне, случайно оказавшемуся тут же:

– Ну скажите, пожалуйста, зачем группа выписывает эту мерзость?!

– Как зачем? – возразил я. – Да ведь «Новое время» – самая богатая по материалу газета и притом выразительница взглядов правительства.

– Да ведь она против нас говорит; мы должны дать народу свободу, а она против свободы, она за бюрократию!

– Тем более избранникам народа необходимо знать, что она говорит.

– Да ведь она сумбур в головах производит, ведь она вред приносит, ведь иной ее прочтет и такую ахинею понесет, что боже упаси.

– Послушайте, ведь вот вы ее читаете и понимаете, что она несет ахинею; почему же вы о других так дурно думаете, что они не сумеют разобраться в словах газеты?

– Другие… – закончил он с презрением в голосе, не решившись, однако, выразить словами то, что сказал тоном голоса.

В начале июля правительство сознало себя силой и решило нанести удар Думе. 8 июля заседание группы затянулось за полночь, и я уехал домой – я жил тогда на даче в Парголове, и со мной была моя жена, – с последним ночным поездом. Утром 9 июля я еще спал, как ко мне вбежала с газетой в руках жена:

– Дума распущена!

Что такое? О роспуске Думы ходили слухи, и очень тревожные, недели две-три тому назад. Теперь они замолкли. Общее положение было, правда, совершенно ненормальное. В стране полновластно царило реакционное правительство, совершались погромы, шли аресты, газеты беспрестанно подвергались конфискациям под ничтожными предлогами, а в Таврическом дворце громко, очень решительно и совершенно свободно деятельность правительства подвергалась резкой критике. Ясно, что такое положение без конца продолжаться не могло: правительство должно было или уступить Думе, или разогнать ее. Но, как почти всегда случается, мы ждали, ждали и устали ждать. Как раз в последние дни опасность как будто рассеялась, и 8 июля о роспуске я не слышал ни одного слова.

В «Нашей жизни» о роспуске еще не знали. Номер «Речи»,

очевидно, тоже составлялся в неведении о нем, передовица была посвящена какому-то постороннему вопросу и только перед передовицей была вставлена заметка жирным шрифтом в две или три строки, гласившая приблизительно: «Во столько-то часов утра получено известие, что Дума распущена».

Текста указа не было, подробностей никаких. Я вскочил, оделся, напился чаю и с первым поездом уехал в город. В вагоне говорили о роспуске, но только на основании этой заметки. Никто ничего не знал.

С поезда Финляндской железной дороги я поехал к Государственной думе, так как она всего ближе к вокзалу, и увидел перед воротами полицейскую охрану, никого не пропускавшую внутрь дворца, а на воротах плакат с Высочайшим указом[171].

От дворца я поехал, опять-таки по соображениям топографическим, в помещение кадетской партии и только оттуда – в Трудовую группу. В оба места проникнуть было вполне возможно, – они оставались свободными от полиции. И там я узнал, что кадеты решили собраться в Выборге, чтобы там на свободе обсудить положение, и приглашали и трудовиков, и кого можно было из беспартийных[172]. Я зашел еще в редакцию «Нашей жизни»; это был воскресный день, газеты по понедельникам тогда не выходили и, следовательно, по воскресеньям редакции обыкновенно были пусты. Тем не менее кое-кого из редакции я там нашел; все были очень растеряны.

Как я уже сказал, роспуск застал Думу врасплох. Однако кадеты еще за несколько недель до роспуска приняли на всякий случай некоторые решения. Думали, что указ о роспуске будет торжественно прочитан Горемыкиным в пленарном заседании, – и вот на этот-то случай, согласно принятому решению, была заготовлена демонстрация, в которой Родичев мог бы оказаться великолепным Мирабо. Но роспуск ночью, запертые ворота дворца – этого никто не предвидел, и на этот случай не было принято никакого решения. Решение ехать в Выборг было принято только уже после роспуска.

Трудовики оказались столь же или даже еще более непредусмотрительны: у нас не было принято решения даже на тот случай, что правительство сочтет нужным любезно предоставить нам прекрасную сцену для яркой и очень выгодной для Думы демонстрации. В воскресенье 9 июля, собравшись в своем помещении, трудовики тоже, конечно, спрашивали себя, что делать. Говорилось о необходимости собраться где-нибудь в городе, либо в кадетском, либо в трудовичском помещении, либо где-нибудь в другом месте, провозгласить себя Учредительным

собранием и ждать разгона казаками. Но эта мысль была явно не реальна, и потому трудовики приняли кадетское предложение.

Однако поехали далеко не все. Были кадеты, которые уклонились от этой поездки, не дав никакого объяснения, и были трудовики, сделавшие то же; процент не поехавших трудовиков был даже больше. Немногочисленная группа «правее кадетов» не поехала принципиально; внепартийная масса не поехала, может быть, потому, что не вся она узнала вовремя о постановлении, а может быть, и по другим, принципиальным или личным соображениям. Но только из приблизительно 500 депутатов поехали всего около 170.

С депутатами поехали и лица, работавшие при думских партиях. С трудовиками поехали я и еще кто-то, с кадетами – В. М. Гессен (членом 1-й Думы он не был), Струве и еще несколько человек. К трудовикам присоединились и социал-демократы.

Кадеты, нужно отдать им справедливость, сумели быстро найти и подготовить помещение в одной гостинице, недалеко от вокзала, и столь же быстро подготовить материал для заседания.

Президиум весь был в полном составе. Заседание открыл Муромцев[173].

На это заседание посторонние, т. е. не члены Думы, допущены не были. На нем было быстро принято решение обратиться к народу с воззванием. Что же касается самого воззвания, то предложено составить его проект на предварительных заседаниях партий, а затем согласовать их на общем заседании. Однако проект кадетского воззвания был уже готов и дан трудовикам.

В заседании группы, к которой на этот раз присоединились и социал-демократы, я принимал участие и даже попал в комиссию, долженствовавшую выработать проект воззвания.

Кадетское воззвание было написано не от имени Думы как учреждения, а от имени собравшихся и долженствовавших подписаться под ним членов Думы. После отрицательной оценки правительственного акта оно предлагало народу ответить на этот акт прекращением уплаты податей и поставки рекрутов.

Я обратил внимание нашей комиссии на то, что, обращаясь к народу с таким революционным предложением, кадетское воззвание вместе с тем на самих депутатов не возлагает никаких обязанностей и ничего не делает для действительного осуществления этой меры. Поэтому, по моему мнению, следовало, во-первых, издать воззвание не от имени отдельных депутатов, а от имени Думы, а во-вторых, включить в него заявление, что Дума образует особый комитет, который будет руководить забастовочной деятельностью народа. В соответствии с этим было

переделано все воззвание.

Мой проект был принят комиссией, потом, несмотря на некоторые возражения, – и группой.

Затем, уже часов в 12 ночи, началось общее заседание депутатов, на которое посторонние опять допущены не были.

Я ушел и встретился на бульваре с Вл. М. Гессеном, тоже в качестве постороннего на заседание не допущенным. Мы бродили с ним по морскому берегу почти всю ночь, светлую летнюю ночь, и любовались, как, говоря словами какого-то старинного стихотворения, «румяный вечер с утром золотым сливается в любовном поцелуе»[174]. Погода была чудная, море тихо плескалось, а на душе было скверно.

Часов в 5 закончилось заседание. Наши трудовики, несмотря на присутствие в их рядах всего левого фланга с партийными и внепартийными эсерами, а также с эсдеками, очень слабо отстаивали наш проект воззвания и не настояли на его революционном предложении. Было принято кадетское воззвание, и трудовики добились только включения в него двух-трех фраз из вступительной части своего воззвания. Эти фразы только испортили кадетское воззвание, лишив его единства настроения, радикализировав его форму, но не придав ему радикальной сущности.

Рано утром все уехали из Выборга.

Высказывалось предположение, что возвращающиеся будут задержаны на границе или в Петербурге, но этого не случилось, и мы мирно вернулись по домам.

Воззвание было напечатано нелегально и распространено по всей России, но, как известно, произвело только слабое впечатление. Иначе и быть не могло: ни одна организация не взяла на себя проведение его в жизнь. Сами творцы воззвания настолько плохо понимали значение собственного произведения, что многие из них чуть ли не прямо с Финляндского вокзала поехали в градоначальство вносить паспортный сбор за заграничные паспорта. Это сделал, между прочим, и Н. И. Кареев, который случайно перед самым разгоном Думы по личным делам уехал из Петербурга, в Выборге поэтому не был, но по телеграфу подписался под воззванием. Впоследствии он мне сам говорил, что ему и в голову не пришло, что он своим заграничным паспортом нарушает требование воззвания. Не лучше поступил Родичев (тоже подписавший воззвание лишь заочно), который в качестве предводителя одного из уездных тверских дворянств[175] участвовал в воинском присутствии, производившем прием новобранцев. Оправданием ему может служить то, что это происходило в ноябре, т. е. через 4 месяца, когда уже стало

слишком очевидно, что из воззвания ничего не вышло.

Повторяю, иначе и быть не могло, так как сами его главные творцы не смотрели на него как на революционное орудие. Позднее, на суде[176] Муромцев заявил, что он составлял воззвание для того, чтобы направить негодование народа в легальное русло[177]. Против этого заявления со скамьи подсудимых раздался только один протестующий голос, и это был голос кавказского социал-демократа Рамишвили, сказавшего, что он преследовал другие цели. Больше голосов раздаться и не могло, так как заявление Муромцева было сделано в последнем слове подсудимого, а такое слово давалось подсудимым в алфавитном порядке. Совершенно непостижимо, как можно было смотреть по-муромцевски на воззвание, во всяком случае призывавшее к действиям, которые не только были нелегальны, но были бы и революционны, если бы они осуществились.

Через несколько времени Трудовая группа устроила в Финляндии свой первый партийный съезд, о чем я скажу подробнее в следующей главе; на нем между прочим обсуждался вопрос о проведении в жизнь Выборгского воззвания, но так как съезд, созыв которого потребовал времени, собрался только осенью, то сделать было уже ничего нельзя.

Произошло несколько бунтов, матросских и крестьянских; в некоторых из них принимали действенное участие отдельные трудовики (Онипко[178]), поплатившиеся за это каторжными работами. Но скоро жизнь вошла в свои мирные берега, и от Выборгского воззвания осталось только историческое воспоминание.

Общая историческая причина безуспешности воззвания лежала в том, что революция кончилась уже до открытия Думы, революционное настроение упало, и поднять его было невозможно никаким воззванием. Отсюда – слабость и бледность самого воззвания.

Но имело ли в таком случае смысл его составлять? Не было ли оно ошибкой членов Думы, поехавших в Выборг, и в первую голову – кадетской партии?

Поездка в Выборг и какой-нибудь акт были психологической необходимостью; их не могло не быть. После революционного возбуждения des tollen Jahres[179], после подъема духа во время Думы думцы не могли, не должны были спокойно утереться, когда правительство плюнуло им в лицо. Если бы они это сделали, то они вызвали бы к себе общее презрение и этим свели на нет всю работу Думы, которая, во всяком случае, имела для народа громадное воспитательное значение. Этот отрицательный результат был бы горше, чем отсутствие всякого положительного

результата.

Глава V. Первое междудумье. – Общий характер эпохи. – Газетная и литературная работа. – «Наша жизнь». – Газетная гекатомба 2 декабря 1905 г. – Дальнейшая судьба «Нашей жизни» и ее гибель в 1908 г. – Л. В. Ходский. – Моя литературная работа помимо «Нашей жизни». – Трудовая группа в первое междудумье; обращение ее в партию. – Избирательная кампания во 2-ю Думу. – Отголосок родичевского прошлогоднего пророчества о безумце, который разгонит Думу

Начался 8-месячный период первого междудумья. Вместе с ним ясно определилась грубая реакция. Убийство Герценштейна с попустительства, если не подстрекательства властей, столыпинский[180] закон о землеустройстве (9 ноября 1906 г.)[181], аресты, преследования печати – все вызывало лишь бессильное негодование и никакого организованного народного протеста. Что революция кончилась, кончилась без надежды на ее возобновление в ближайший исторический момент, стало очевидным для всех сколько-нибудь критически оценивающих события, и только совсем зеленые юнцы могли еще ожидать его. Отдельные матросские и крестьянские восстания были, очевидно, последними всплесками явно утихавшей бури. Роспуском Думы Столыпин искусно нанес последний, ловкий удар по революции.

Ходячая оценка результатов первой революции была самая пессимистическая. «Мы остались у разбитого корыта» – этот образ из пушкинской сказки[182] был в устах всех. Говорившие так выдавали себя, testimonium paupertatis[183]: зачем было требовать себе положение морской царицы, когда достаточно было получить порядочную избу? Но виноваты ли были и мы, что, получив избу, захотели пользоваться ею, а не только любоваться, в нее не входя? В связи с этой оценкой результатов революции началось то похмелье, тот Katzenjammer[184], который сказался в появлении романа Арцыбашева «Санин»[185], а в жизни – многочисленных Саниных, в процессах огарков[186], в широком развитии провокации и т. д.

С тех пор прошло четверть века, и теперь мы хорошо знаем, что чрезмерная пессимистическая оценка результатов революции не была правильной. Разбитое корыто мы получили позже, в 1917 г. Как ни неудовлетворителен был избирательный закон 1905 г., а тем более 1907 г.[187], как ни бессильна была Дума, тем не менее она была если не парламентом, то его зародышем, и положительная роль ее была не меньше, чем роль парламента в Англии при Тюдорах и Стюартах[188], в одном важном отношении даже больше, чем роль парламента в первой половине XVIII в.: ее заседания были публичны, ее отчеты печатались и потому служили хорошей школой для народа. И мы знаем, что если Думы не разрешили земельного вопроса и не смогли предупредить страшной революции 1917 г. и губительного торжества большевичьей власти, то все же они сделали немало положительного. В особенности велика положительная роль Думы в развитии народного образования.

Как ни малоудовлетворительно было положение печати, как ни курьезны те судебные процессы, которым она подвергалась (я испытал эти стеснения на собственной спине и расскажу о них в одной из следующих глав), тем не менее между положением печати в период между двумя революциями, даже не исключая военной эпохи, а тем более до нее, и ее же положением в первые годы царствования Николая II до первой революции не может быть даже и сравнения, как между состоянием свободы и крепостным правом, как бы ни была недостаточна эта свобода. А главное, теперь мы знаем, что весь исторический период 1906–1914 гг. был периодом довольно быстрого роста национального дохода и народного благосостояния.

Но в ту эпоху этого мы все (себя не исключаю) не понимали.

Как ни ясно звучали упадочные настроения эпохи, сводить ее к ним одним было бы неправильно. Совершалась большая культурная работа, и люди, не охваченные упадочными настроениями, принимали в ней деятельное участие.

В первое междудумье и во время 2-й Думы были два главных дела: работа литературная, в газете и других изданиях, и работа политическая при Трудовой группе и связанная с нею работа митинговая и лекционная в Петербурге и провинции. Скоро, с осени 1906 г., к ним можно причислить еще работу в суде в качестве многолетнего подсудимого по литературным процессам, – но о ней ниже, в особой главе.

«Наша жизнь» продолжалась. Правда, она несколько раз меняла свои названия. В первый раз она сделала это[189] после запрещения 2 декабря 1905 г. и в течение месяца, 15 декабря 1905 г. – 21 января 1906 г., выходила под именем «Народного

хозяйства». В январе 1906 г. запрещение было снято, и мы возобновились под старой кличкой. Новое запрещение в июле 1906 г. побудило нас переименоваться в «Товарища»[190], а в конце 1907 или начале 1908 г. – в «Столичную почту»[191]. Под этим именем мы и погибли[192].

Но у меня вся моя газетная жизнь этого периода осталась в памяти как нечто цельное; хронологические границы между разными названиями, напротив, держатся в памяти только очень смутно (вышеприведенные цифры восстановлены не по памяти, а по справке с историческими материалами), и потому я говорю в этих воспоминаниях все время о «Нашей жизни», разумея под нею и «Народное хозяйство», и «Товарища», и «Столичную почту».

Запрещена «Наша жизнь» была в тот памятный день 2 декабря 1905 г., когда был арестован первый Совет рабочих депутатов и когда подверглась первому разгрому вся столичная печать, как новая, возникшая явочным порядком после 17 октября, так и более старая. В числе других газет был запрещен и «Сын Отечества», но с тем отличием, что ему воскрешение не удалось, а мы воскресли в виде «Народного хозяйства» уже через две недели. Из журналов были запрещены «Русское богатство» и «Мир Божий». Первое выходило после этого под двумя сменявшими друг друга вследствие запрещения названиями: одно было «Современные записки» (название, составленное из «Современника» и «Отечественных записок», двух журналов, бывших славными предшественниками «Русского богатства» в 1847–1866 и 1868–1884 гг.), другое – «Русские записки»[193]. Месяца через три или четыре «Русское богатство» воскресло под прежним именем. Социал-демократический «Мир Божий» воскрес под именем «Современного мира» и с этим именем остался навсегда, до своей окончательной гибели при большевиках.

Поводом для запрещения всех этих изданий послужило напечатание в них манифеста Совета рабочих депутатов[194]. Этот манифест был революционным актом социал-демократии, параллельным с московским восстанием – революционным актом эсеровской партии. Манифест призывал народ к революционным действиям и был составлен довольно невежественно. В числе других форм борьбы он выдвигал массовое истребование вкладов из сберегательных касс, причем по своему невежеству называл их не настоящим названием, а неведомо откуда взявшимся: «ссудо-сберегательных». Это действие должна была произвести по преимуществу мелкая буржуазия, так как рабочие, по утверждению социал-демократов, не могут откладывать сбережений, и любопытно, что в этом пункте манифест произвел действительно сильное влияние: истребовано было несколько сот

миллионов рублей, и кассы были совсем на той границе, за которой следует объявление моратория, – меры, которая при тогдашних условиях могла бы оказаться гибельной для государственного кредита и государственных финансов вообще. Конечно, в данном случае сыграло свою роль не столько желание произвести определенное политическое воздействие на правительство, сколько страх перед государственным банкротством, и именно этот страх, а не действительное положение финансов чуть-чуть не вызвал банкротства.

Союз деятелей печати постановил, что напечатание этого манифеста было обязательно для всех органов печати à titre du document[195]. В Союзе принимали участие все или почти все петербургские органы печати, не исключая и таких, как «Новое время». Я не могу, к сожалению, припомнить, было ли это постановление сделано еще до выработки манифеста в какой-нибудь общей форме, под которую этот манифест подходил как частное явление, или применительно именно к нему самому[196]. Но, во всяком случае, для каждого уважающего свои обязательства деятеля петербургской печати напечатание документа было морально обязательно (с правом, конечно, его критиковать). И тут-то явственно сказалось, что в революционном настроении уже наступил перелом. «Новое время», «С.-Петербургские ведомости» и другие консервативные органы, морально столько же связанные постановлением, сколько и мы, громко говорившие о своей приверженности к принципу свободы печати и признававшие Союз как орудие борьбы за нее, документа не напечатали, причем из их редакции до поздней ночи говорили нам по телефону, что документ напечатан будет.

У нас Ходский, пораженный в самое свое сердце финансиста безграмотностью финансовой терминологии манифеста, потребовал высказаться против его напечатания именно с этой точки зрения, но, встреченный твердым отпором со стороны всей редакции, замолчал. Мы все соглашались с его специальной критикой, тем более что в нашей среде были и другие весьма сведущие финансисты, как С. Н. Прокопович, да и безграмотность бросалась в глаза; мы все чувствовали, что ставим на карту судьбу газеты, но о неисполнении постановления для нас не могло быть и речи. Документ был напечатан; за ним последовало запрещение газеты и предание суду ответственного редактора Л. В. Ходского[197], а затем трех- или четырехмесячное тюремное заключение (не скоро, года через четыре).

Если газеты для обсуждения и решения вопроса о напечатании манифеста имели в распоряжении всего несколько часов, то ежемесячные журналы имели их гораздо больше и к

тому же уже определенно знали, какая кара их постигнет за его напечатание. «Русское богатство» и «Мир Божий» выходили в середине каждого месяца, следовательно, ближайшие их книжки – недели через две после того, как «Нашу жизнь» и «Сына Отечества» постигла кара. Тем не менее они пошли на нее и были запрещены (первое, однако, как я уже сказал, потом возродилось под прежним именем). «Вестник Европы» выходил первого числа каждого месяца, а так как манифест был доставлен в редакцию 2 декабря, то у него в распоряжении был целый месяц. Он документа не напечатал, мотивируя, помнится, тем, что Союз печати к этому времени распался.

В качестве ответственного редактора на место Ходского вступил сперва В. Голубев[198], а через несколько недель, когда он тоже попал под суд[199], предложил свои услуги я[200], и они были приняты Ходским и редакцией. Моего положения в редакции это не изменило, как оно не меняло и положения других ответственных редакторов. Действительным редактором я не был; таковой у нас выбирался закрытой баллотировкой; первым редактором был В. Я. Богучарский, потом недолго – Р. М. Бланк, затем до конца – В. В. Португалов[201]. Я по-прежнему оставался членом редакции с голосом в ней, заведующим иностранным отделом и постоянным сотрудником по вопросам государственного, в частности избирательного, права и некоторым другим. Даже вознаграждение мое осталось прежним (200 рублей в месяц жалованья и построчный гонорар в размере 10 копеек). По нашей неписаной конституции я в качестве ответственного имел право безусловного veto на все статьи по соображениям их опасности, но я не только ни разу не воспользовался этим правом, но [и] не считал нужным читать до их появления в печати что бы то ни было, кроме моего отдела и тех статей, которые доводились до общего редакционного обсуждения. Ходский, бывший ответственным редактором до меня, этим своим правом иногда пользовался, но не спас им газету от двукратного запрещения.

Итак, мы возродились, и работа продолжалась. По-прежнему мы оставались беспартийной радикальной и социалистической газетой. Нередко подвергались нападкам как справа, так и слева, причем в то время беспартийность сама по себе в левых кругах считалась чем-то чуть ли не позорным. В редакции, как и везде, были разногласия. Я тянул газету в сторону трудовичества, Прокопович, Кускова и некоторые другие – в сторону правого (ревизионистского) социал-демократизма. Последняя (социал-демократическая) нота звучала у нас громче, но социал-демократизм Прокоповича не был узколобым, упрямым; нет, он

прекрасно умел учитывать значение крестьянства в жизни государства вообще и России в частности, и потому «Наша жизнь» в общем все-таки представляла нечто цельное, хорошо спаянное; газета несомненно имела общее направление.

Несмотря на исчезновение с газетного рынка такого серьезного конкурента, как «Сын Отечества», тираж газеты несколько упал сравнительно с концом 1904 г., что объяснялось общим упадком в России интереса к газетам, но все-таки превышал 50 000 и был вполне достаточным, чтобы газета могла стоять прочно на своих ногах. Но период трехмесячного закрытия ее в начале 1905 г., о котором я говорил выше, наложил на нее долг, который лежал на ней тяжелым бременем. Долг бумажнику, долг типографии портил отношения с тем и другим, заставлял изворачиваться. Период лета и осени 1905 г. с периодическими конфискациями отдельных номеров все увеличивал этот долг. То же самое сделала октябрьская забастовка и запрещение в декабре 1905 г. Существовать стало трудно. Тем не менее мы существовали.

Весной 1906 г. я получил первый обвинительный акт по делу газеты[202], за ним последовали другие. Скоро я потерял право быть ответственным редактором. Мое место занял Гордин[203], потом его сменил Диксон. Тем не менее весь 1906 и 1907 гг. мы бились. Подвергались привлечению к суду и запрещениям, меняли названия. Наконец, в начале 1908 г. жить стало невмоготу. Были дни, когда мы не знали, выйдем ли мы на следующий день, причем причиной невыхода грозил послужить отказ бумажника доставить нужное количество бумаги. Наконец Ходский заявил, что он больше издавать газету не может.

У нас был возбужден вопрос: не сделать ли закрытие с треском, напечатав какую-нибудь очень резкую статью и вызвав новое запрещение. Но мы решили, что это был бы недостойный прием, и мирно закрылись, признав причиной закрытия недостаток средств.

За это мы были наказаны. «Новое время» обрадовалось нашей гибели и поспешило сообщить, что «Наша жизнь» погибла в борьбе с равнодушием публики. Как видно из предыдущего, это было неправдой. Но, конечно, было бы лучше, если бы мы прекратились после последнего запрещения, когда материальная непосильность борьбы стала для нас очевидной.

Запрещение газеты на ее сотрудниках отражалось, конечно, тяжело. Большинство их не имело других заработков и должно было их искать, переживая всю оскорбительную тяжесть подобных поисков. Но этого мало. Последние месяцы контора газеты выдавала нам наше вознаграждение с большими перебоями, и по

отношению к большинству из нас на ней лежал более или менее значительный долг. Конечно, разнообразие личных характеров и личных талантов сказывается и в этой области: были лица, которые и в это тяжелое время не только получали все свое сполна, но [и] ухитрялись брать более или менее значительные авансы. Таких было человек 7–8. Назову из них двух, а именно А. А. Яблоновского и П. Е. Щеголева. Имя последнего я называю потому, что года два тому назад в эмигрантской печати и именно в «Возрождении» по поводу большевизанства Щеголева была дана ему общая, литературная и личная, весьма непривлекательная характеристика, причем в числе других его свойств было сообщено, что он специалист по литературным авансам, умеющий хватать редакторов и издателей мертвой хваткой[204].

Хотя эта характеристика и не чужда преувеличения, но в общем она близка к истине, и тем не менее она меня возмутила. Возмутила потому, что автором ее был А. А. Яблоновский, который в этом отношении может дать Щеголеву сто очков вперед. По крайней мере, Щеголев из «Нашей жизни» ушел с несколькими десятками рублей аванса, а Яблоновский – с многими сотнями, категорически отказавшись вернуть хоть часть его и даже не придя на то собрание сотрудников, на котором обсуждался вопрос о распределении между ними последних сумм.

В момент закрытия газеты касса была пуста, или, по крайней мере, Ходский заявил нам, что из нее он не может уделить сотрудникам ни копейки. Совершенно неожиданно Е. Д. Кускова заявила, что она «достала» 3000 рублей для ликвидации литературных долгов газеты. Откуда она их «достала», почему она, не бывшая ни основательницей, ни собственницей, ни редактором, ни издателем газеты, а только членом редакции (правда, при основании газеты она очень поддерживала Ходского в его решении), почему она считала себя обязанной платить чужие долги, никто не знал и не спрашивал. Все приняли это молча, с радостью и благодарностью.

На последнем заседании сотрудников я был председателем, и его я хорошо помню. Было выяснено, что если бы были возвращены авансы, то 3000 рублей покрыли бы значительную часть долга, без них – приблизительно половину. Авансы сразу решено простить; конечно, мотивом послужила невозможность их взыскивать, тем более что у всех, кроме Яблоновского, авансы были незначительны по размерам. Затем долго обсуждали вопрос, как расплачиваться, и, наконец, пришли к общему соглашению относительно ликвидации некоторых категорий долга и погашения других. Разумеется, непривлекательные стороны

человеческой личности сказывались, но в слабой степени, и в общем мы пришли к дружескому улажению вопроса. Конечно, голос Кусковой почти по всем пунктам был решающим, так как ее бескорыстие было очевидно. Разошлись дружески, с взаимным уважением друг к другу, без всякой затаенной злобы.

Года через два Ходский каким-то непостижимым образом оправился и затеял новую газету. Он вошел в соглашение с некоторыми не пользовавшимися уважением в литературных кругах личностями, как проф. Мигулин, нововременец Гофштеттер, и с ними начал издавать газету под названием «Русская земля»[205]. Он звал в нее и нас, своих бывших сотрудников, но никто из нас не пошел. Газета была сумбурная, представлявшая странную смесь народничества, либерализма, неославянофильства и чего-то еще, и была совершенно бездарна. Внимание к себе она не привлекла; ее никто никогда не цитировал, никто даже не полемизировал с ней, и месяца через три она погибла. На этот раз, кажется, можно сказать, что она погибла в борьбе с равнодушием публики.

После этого я имел дело с Ходским еще два раза.

Кажется, в 1909 г. (а может быть, и позже) Ходский отбывал свое тюремное заключение[206]. В это время я судился по одному из своих многочисленных дел, связанных с моим редакторством «Нашей жизни». В свидетельстве его у меня не было ни малейшей нужды, но внешне благовидный предлог для вызова его найти было не трудно, и я думал, что доставлю ему удовольствие, если прерву скуку его тюремного заключения возможностью развлечься поездкой, хотя бы и в тюремной карете, в суд и повидать там, хотя бы издали, знакомых людей. Но из предосторожности раньше, чем потребовать формально его вызова, я передал это пожелание ему через ходившую к нему на свидания его племянницу и, к удивлению, получил и устно, и потом дополнительно письменно решительную, даже несколько раздраженную просьбу этого не делать. Я, конечно, охотно отказался от вызова, но решительно недоумевал о мотивах. Мне самому и, как мне кажется, почти всякому другому такой вызов был бы только приятен.

В начале революции 1917 г. он приехал ко мне и просил меня принять участие, прочтением доклада по избирательному праву, в организуемом им собрании студентов Лесного института, где он состоял профессором. Я с удовольствием принял предложение, и доклад был прочитан. Это было последнее наше свидание. Вскоре после этого он умер[207].

Воспоминание о нем осталось у меня очень сложное, и разобраться в его личности я не могу, хотя в течение четырех лет

видался с ним почти ежедневно. Что его толкнуло на газетную дорогу? Был он человек профессорского типа (притом был профессором добросовестным, знающим, но довольно заурядным); общественные инстинкты и интересы людей этого типа находят удовлетворение в научной работе и к непосредственной общественной работе влечения не чувствуют. Близким газетным сотрудником какой бы то ни было газеты он никогда не был. Вдруг он почувствовал газетный зуд, причем пожелал не вступить в какую-нибудь существующую газету, но непременно основать собственную. И произошло это не тогда, когда общий предреволюционный угар опьянил многих ранее политически неактивных людей, а раньше, еще в 1903 г. Находилось это, вероятно, в связи с получением им 20 000 рублей от продажи своего небольшого имения (продал ли он имение для газеты, или газета явилась неожиданным последствием продажи, – этого я не знаю). Но ведь 20 000 рублей можно истратить и на что-нибудь другое, а не только на газету; к тому же у Ходского была жена, которая, вероятно, могла бы помочь ему в этом (жена эта скоро умерла, когда издавалась «Наша жизнь»). К тому же для газеты 20 000 – сумма совершенно ничтожная; с нею начинать газету – это верное выбрасывание денег на ветер, и только совершенно исключительные условия революционного момента сделали ее достаточной для начала.

В 1903 г., когда Ходский начал хлопоты о газете, для ее возникновения требовалось разрешение Главного управления по делам печати, каковое давалось с очень большим трудом. Требовались долгие утомительные хлопоты, требовалась большая предварительная энергия. Ходский проявил ее. Обнаружить такую энергию могли люди двух категорий: или люди с большим газетным зудом, газетчики по призванию, или же дельцы, рассчитывающие на большой доход либо от ее ведения, либо от перепродажи разрешения в другие руки. Ни того, ни другого мотива я не могу приписать Ходскому.

В Главном управлении его спрашивали:

– Вы хотите создать новые «Русские ведомости» в Петербурге? Нам довольно неприятностей с одними в Москве.

– Нет, «Русские ведомости» сами по себе, а я сам по себе[208].

Наконец, газету разрешили.

Как составить редакцию? И вот тут передо мной – вторая загадка.

Сам Ходский – человек очень умеренных воззрений и притом не без сумбура в голове. Он никогда не входил ни в какую политическую партию, не входил в силу недисциплинированности своей натуры, которую сам принимал

за своеобразие своих убеждений. Ни в каком случае нельзя поместить его «левее кадетов»; он был либо кадетоидом, либо – и это ближе к истине – правее кадетов, и, может быть, издававшаяся им «Русская земля»[209] была ближе к его действительным убеждениям, чем «Наша жизнь». И тем не менее он обратился к людям, которые почти все принадлежали к радикальному течению и после образования партий оказались «левее» кадетов. В большом числе он пригласил людей, лично ему знакомых по Саратову, откуда сам был родом; частью это были люди, в то время почти совсем неизвестные в литературе: Жилкин, Неманов (ныне близкий сотрудник милюковских «Последних новостей»), Португалов; из людей, уже тогда известных, имелись Прокопович, Кускова, В. С. Голубев. Затем, частью по самостоятельному выбору, частью по рекомендации вышеназванных, он пригласил некоторых лиц, с которыми у него близкого знакомства не было: Богучарского, меня и некоторых других.

Что заставило его выбрать такой контингент сотрудников? Конечно, очень легко сказать: он почувствовал веяние эпохи и понял, что эти люди могут создать ему успех. Но такая мотивировка слишком шаблонна, слишком элементарно-грубая, чтобы быть верной; к тому же за Ходским я не могу признать такого тонкого политического нюха. Это совсем не Суворин[210] и не член суворинской семьи[211]. Тут несомненно было что-то более глубокое. Редакцию он подобрал, следовательно, индивидуально, но вполне удачно в том отношении, что она сразу спелась и оказалась однородной и дружной. Но затем он сразу предоставил все дело в ее руки на коллегиальных основах, сохранив за собой хозяйственное верховенство и положение ответственного редактора с правом цензурного вето, которым пользовался не всегда благоразумно. Избирать редактора он предоставил редакции и признал даже право браковать его собственные статьи, которым мы иногда и пользовались.

Значит ли это, что он обладал товарищескими чувствами, был человеком коллегиальным? Напротив. Товарищем он был дурным, иметь дело с ним было тяжело и неприятно. Он отстаивал каждую мелочь очень упрямо, раздраженно, неприятным тоном и только в случае очень решительного требования с нашей стороны уступал. Но неприятный осадок оставался после каждого с ним спора.

В денежных вопросах он был очень экономен, можно сказать – скуп. Жалованье и гонорары у нас были значительно, раза в полтора ниже, чем в «Сыне Отечества», не говоря уже о старых богатых газетах, как «Новое время». На всякое требование, вроде посылки корреспондента на войну с необходимо высокими

путевыми расходами, он шел крайне неохотно, хотя это для газеты было совершенной необходимостью. Но вместе с тем в делах денежных он производил впечатление безукоризненно честного человека. Я уже рассказал выше, как он поступил во время запрещения газеты в начале 1905 г. Когда газета приближалась к гибели и у нас начались задержки в выдаче жалованья, он каждого сотрудника предупреждал:

– Газета находится в тяжелом положении. В настоящее время я не могу уплатить вам всего, что я вам должен, и несомненно это будет продолжаться еще некоторое время. Если газета оправится, вы получите свое сполна. Если не оправится, я вам уплатить своего долга не смогу. Решайте сами, оставаться ли вам в газете.

Я добрый десяток раз работал в гибнущих предприятиях и никогда такого отношения не встречал. Всегда издатели ввиду предстоящей гибели начинали давать неисполняемые обещания, лгать, увиливать, уклоняться от разговоров. Одних никак нельзя было поймать: они назначали время и место свидания для денежного разговора – и в назначенные время и место не являлись; другие говорили: «Простите, это случайная временная заминка, на будущей неделе я вам все пришлю по почте»; «Ах, действительно, я обещал уплатить на этой неделе; простите, понадобилось произвести экстренный платеж; на будущей неделе непременно». Третьи предоставляли объясняться с конторщиками, которые ничего сказать не могли, и т. д. Честные, откровенные заявления Ходского составляют совершенно исключительный уникум, и потеря мною за «Нашей жизнью» довольно значительной суммы, весьма для меня тяжелая, вместе с тем не оставила во мне ни малейшего чувства горечи лично против Ходского; напротив, [оставила] чувство уважения к нему как к очень корректному человеку.

Помимо «Нашей жизни» в описываемый период я работал и в других изданиях. Продолжалась моя давнишняя работа в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза – Ефрона, выпускавших в это время (1906–1907 гг.) последние свои дополнительные тома. Пописывал отдельные статьи в «Русском богатстве» и в других различных изданиях. Издал шестью отдельными выпусками «Сборник программ политических партий в России»[212], который сначала имел громадный успех: первые выпуски, в которые вошли программы партий социалистов-революционеров и социал-демократов, разошлись в два-три месяца в 10 000 экземпляров; но следующие выпуски с программами партий правых расходились все медленнее, так что на шестом выпуске мне пришлось прекратить издание.

Но гораздо более душевно связан я был со своею

политической деятельностью.

Осенью 1906 г. был созван первый партийный съезд Трудовой группы в Финляндии на берегу Сайменского канала[213].

Как я уже говорил, Трудовая группа образовалась в самой 1-й Думе из ряда беспартийных, а частью принадлежавших к другим партиям депутатов. Таким образом, она не являлась политической партией в точном смысле этого слова; никакой организации вне Думы у нее не было; слово «группа» вполне точно соответствовало ее характеру. Она была сначала только думской фракцией. Во время Думы, однако, начала обрастать организацией. Прежде всего в Петербурге появились люди, к Думе не принадлежавшие, но вошедшие в состав группы, как я, что уже само по себе изменяло и нарушало ее характер как только думской фракции. Затем появилось значительное число лиц, заявлявших о своей готовности поддерживать группу. Я говорил о приговорах волостных собраний о присоединении к Трудовой группе. Такие приговоры были, конечно, наивны и говорили только о сочувствии, но не о реальной организации и практического значения не имели. Но уже во время Думы и особенно тотчас после ее разгона в разных местах начали возникать организации, ставившие своей задачей содействие Трудовой группе.

После разгона сразу выдвинулась задача содействия проведению членов Трудовой группы во вторую Думу. Такая организация образовалась и в Петербурге, и в нее сразу вошло свыше 100 членов, довольно регулярно плативших членские взносы. В нее вошли два небезызвестных педагога – С. Ф. Знаменский и Душечкин, писательницы Любовь Гуревич и О. Волькенштейн, проф. А. А. Жижиленко (года через два из нее вышедший и присоединившийся к кадетам) и, конечно, все бывшие депутаты, оставшиеся в Петербурге. Большинство депутатов, пришедших в группу из партии социалистов-революционеров, остались в группе; к ним принадлежали Аникин, Седельников, Григорий Карпович Ульянов и другие. Таким образом, месяца через два после разгона Думы Трудовая группа обратилась в настоящую политическую партию (хотя и сохранившую, ввиду его популярности, название группы), имевшую свои многочисленные отделения по всей России.

Явилась надобность оформить, конституировать эту партию. Для этого решено созвать общий съезд, который и собрался ранней осенью где-то на берегу Сайменского канала. Там был выбран Центральный Комитет, в который вошли Брамсон, Аникин, я и многие другие; комитету дано право кооптации, которым он и пользовался ввиду обнаружившейся невозможности

созвать новый съезд. Выработана была программа группы. Некоторые участники съезда желали объявления группы социалистической, но большинство, заявляя себя лично социалистами, не видели в этом надобности. В программе была подробно развита практическая сторона, т. е. то, что в программах социалистических партий называется программой-минимум, а именно: наши политические требования (всеобщее голосование, свобода слова и т. д.) и требования социальные, в частности и в особенности в области аграрного вопроса[214].

Тяжелый вопрос стоял перед нами: что делать для проведения в жизнь Выборгского воззвания? Несколько восстаний было подавлено. Налоги платились всеми. Можно ли было призывать к прекращению их платежа и к военной забастовке? Было ясно, что, кроме нескольких отдельных вспышек, которые будут залиты кровью, из таких призывов ничего не выйдет. Пришлось от Выборгского воззвания отказаться. И стало ясно, что как в Выборге мы (вместе с социал-демократами) оказались в хвосте у кадетов, так и теперь в отказе от него мы идем за ними же.

Затем решено принять деятельное участие в избирательной агитации и потом в выборах во 2-ю Думу под собственным флагом. Следовательно, Трудовая группа должна была явиться в следующую Думу уже не аморфным собранием беспартийных и не конгломератом разных партий, а уже готовой партией со своей программой, со своими традициями, опирающейся на партийную организацию в стране и ответственной перед нею.

Летом 1906 г., вскоре после разгона Думы, организовалась партия народных социалистов, во главе которой стояли Мякотин, Пешехонов, Анненский. Меня звали в эту партию, и на двух или трех предварительных собраниях для обсуждения ее программы я был[215]. Программа-минимум этой партии почти совершенно совпадала с нашей, но она объявляла себя социалистической. Главный пункт разногласия между мною и ею – бойкот выборов – исчез: партия решила в них принять активное участие. Тем не менее после некоторого колебания я решил в партию не вступать. Мне казалось самое возникновение ее в это время рядом с Трудовой группой не нужным. Трудовая группа уже существовала, была очень популярна в крестьянстве, и создание новой политической организации рядом с нею вносило, как мне казалось, только путаницу в голове народа.

Зима 1906–1907 года была опять наполнена избирательной борьбой. Но характер ее был уже не прежний. Избирательный закон в законодательном порядке изменен еще не был, но он был изменен в порядке сенатских разъяснений. Комната, сданная

жильцу прямо от домохозяина, прежде считалась квартирой и давала квартирный ценз; теперь было разъяснено, что за квартиру признается только такое помещение, в котором имеется особый очаг для приготовления пищи. Для крестьянского ценза прежде было достаточно принадлежать к крестьянству какой-либо волости; теперь потребовалось еще ведение крестьянского хозяйства, так что многочисленные учителя из крестьян, в 1-ю Думу проходившие по крестьянскому цензу, теперь потеряли право голоса.

Может быть, еще хуже было сильное стеснение агитации. На избирательные собрания по закону могли являться только лица, пользующиеся правом голоса в данном избирательном округе, но прежде их права проверке не подвергались; теперь же по большей части у входа помещения собрания полиция требовала и проверяла документы. Благодаря этому ораторы, жительствующие на Васильевском острове, потеряли возможность говорить на Петербургской стороне, и обратно (хотя и те и другие должны были проводить общий список депутатов и делились только для первой стадии выборов, избрания выборщиков)[216]. Но этого мало: проверка документов всех входящих затягивала открытие собрания, назначенного на восемь часов, до половины десятого или десяти. Неудобство обходилось тем, что организаторы объявляли не избирательное собрание, а общий митинг – не по выборному закону, а по закону о собраниях, и его de facto обращали в избирательное собрание. Такие митинги часто под различными предлогами запрещали, но все-таки общее число их, состоявшихся в эту зиму в Петербурге, было довольно значительно, хотя и гораздо меньше, чем в предшествующем году.

Лично я по-прежнему прав не имел. С осени 1906 г. я нанял квартиру на Васильевском острове и жил в ней с женой, но для ценза нужно было прожить не менее года; между тем до выборов оставалось не более нескольких месяцев. А к тому же с весны 1906 г. я состоял под судом по обвинению в тяжком преступлении, влекущем за собой лишение прав состояния, а с осени надо мной уже тяготел приговор[217], лишающий избирательных прав навсегда, не восстанавливаемых даже помилованием[218].

Очень скоро попали под суд и тоже потеряли избирательные права названные выше лидеры партии народных социалистов. Не имел ценза и Милюков.

Благодаря недостаточной бдительности полиции раза два, однако, я проникал на избирательные собрания[219], а на общих митингах участвовал и по праву.

Ход выборов, агитация, настроения на митингах и

избирательных собраниях были гораздо спокойнее, чем в предыдущем году. Но полиция была гораздо придирчивее, чем раньше, и потому процент закрытых собраний был, вероятно, не меньше. Один не лишенный своеобразного остроумия прием их закрытия полиция выдумала теперь впервые. Состоял он в следующем.

Однажды я почувствовал во время митинга, что пристав пропустил один или два удобных предлога для закрытия митинга, что вообще он настроен как-то благодушно и все время ухмыляется. Меня это немного удивило. И вот ровно в 12 часов ночи он поднялся и заявил:

– 12 часов ночи. Объявляю собрание закрытым. Собрание разрешено только на такое-то число, – то есть на этот день, когда оно открылось, а с наступлением полночи начался новый день.

По-видимому, изобретение приема принадлежало именно этому приставу, и он был снисходителен, чтобы иметь возможность пустить его в ход. Но вслед за тем прием – не знаю, по особому ли предписанию свыше или по молчаливому соглашению всех, – стал общепринятым, и все собрания обязательно закрывались в 12 часов, что особенно было удобно для правительственных целей, когда оно вследствие придирок полиции открывалось в 10.

Резкое отличие этой второй кампании от первой состояло в том, что она была гораздо содержательнее. Тогда ее предметом был один вопрос: выбирать или бойкотировать. Теперь на очереди стояли программы различных партий во всем разнообразии их содержания. Теперь серьезно и разносторонне оценивался столыпинский закон о землеустройстве и другие законодательные вопросы. Прежде боролись только два течения, каждое из которых объединилось на одном случайном тактическом решении. Теперь боролись различные партии друг против друга, и предметом обсуждения была вся государственная жизнь. Таким образом, проходимый народом курс политического обучения был шире и серьезнее, но, к несчастью, число школьных часов и слушателей оказывалось гораздо меньше, и притом по двум совпадавшим причинам: большей придирчивости полиции[220] и меньшего интереса народа.

Кроме вопросов теоретических по временам всплывали и вопросы партийно-практические.

В Петербурге на предыдущих выборах полную победу одержали кадеты. Все 160 выборщиков от городской курии были избраны по списку кадетской партии, и только выборщиками от рабочей курии (их было что-то около 12) оказались, вследствие бойкота социал-демократов, представители рабочей –

монархической – партии (ушаковцы). Кадетские выборщики имели и полное моральное право, и полную практическую возможность игнорировать их, и потому все 6 депутатов от Петербурга были кадеты.

Теперь дело обстояло несколько иначе. В прошлом году блестящая победа кадетов по городской курии объяснялась бойкотом со стороны социалистических партий; у них просто не было соперников, так как октябристы и правые таковыми считаться не могли. Положение этих последних и теперь не стало лучшим; по-прежнему они не решались ни устраивать своих собраний, ни выступать на чужих. Но слева явились серьезные противники: все три партии – социал-демократы, социалисты-революционеры и Трудовая группа – в коалиции с народными социалистами выставили свои списки, и было совершенно неизвестно, за кого выскажется избиратель. Явился и один неожиданный, внепартийный, но все же серьезный кандидат – священник Григорий Петров. Кадеты на победу надеялись, но полной уверенности в успехе у них быть не могло; к тому же им хотелось чувствовать под собой опору всего петербургского населения. Поэтому у них была некоторая склонность к коалициям и соглашениям.

Они начали с того, что совершенно без переговоров с кем бы то ни было, вполне по собственной инициативе заявили, что одно депутатское место из 6 по городу Петербургу они уступают рабочей курии[221]. Имея в коллегии выборщиков (или рассчитывая на) 160 мест из общего числа 170 с чем-то, они, конечно, не были обязаны делиться депутатскими местами ни с кем; поэтому такое заявление производило сильное впечатление как добровольный акт, свидетельствовавший о верности принципу всеобщего голосования. Конечно, с социал-демократической стороны раздалось утверждение, что если бы кадеты были действительно верны принципу всеобщего голосования, то они должны были бы уступить социал-демократам не одно, а чуть ли не все 6 мест. Само собой разумеется также, что в этом смысле верными принципу всеобщности сами социал-демократы нигде и никогда не были, никогда не отказываясь от какого-либо преимущества, создававшегося случаем в их пользу; в частности, они не оказались верными ему во время выборов в Петербурге во 2-ю Думу, когда в рабочей курии голоса разделились почти поровну между социал-демократами и социалистами-революционерами и социал-демократы, пользуясь некоторыми преимуществами своего положения, не пропустили в коллегию выборщиков ни одного социалиста-революционера.

Далее кадеты предложили баллотироваться по их списку

Григорию Петрову. Это был акт совершенно другого политического значения. Григорий Петров был превосходный народный оратор, очень популярный в мелкой петербургской буржуазии. Но как политический мыслитель он был путаная голова без определенной программы, в которой клочки христианского социализма, политического радикализма и национализма переплетались и образовали значительный сумбур. Ни к кадетской, ни к какой другой партии он не принадлежал.

Я был довольно хорошо знаком с ним и нередко вел с ним беседы на политические темы. Однажды на мой вопрос: «Како веруеши?» он ответил таким образом (разговор происходил около времени принятия им кадетской кандидатуры):

– Я, собственно, анархист. Но к анархизму нужно идти через социализм. Так как, однако, в настоящее время все практические требования социалистов неосуществимы, то я поддерживаю кадетов.

Очевидно, что эту линию уступок можно было бы продолжить примерно так: «А так как требования кадетов при нынешнем, все еще очень сильном правительстве являются утопическими, то я готов быть сторонником октябристов. Но и октябристы…»

И можно было бы понемногу дойти до Союза русского народа. Очевидно, что такой человек может иметь значение в качестве митингового оратора, поскольку он критикует действия правительства (в некоторых случаях он действительно бывал незаменим), но в законодательном учреждении ему не место, и, во всяком случае, не серьезной партии проводить его кандидатуру. А если кадеты это сделали, то вряд ли можно сомневаться, что мотивом послужила погоня за голосами политически малоразвитой массы посредством коалиции с совершенно чуждым им и опасным деятелем. В Думе Петров оказался молчаливым депутатом; кажется, он не сказал в пленарных заседаниях ни одного слова.

И вот ввиду этих фактов я предложил в Трудовой группе: предложить всем партиям, от кадетов до социалистов, общее соглашение. Лично я, оценивая шансы партий, готов был удовлетвориться для всех левых двумя кандидатурами, т. е. чтобы одна была дана социал-демократам как имеющим в своих руках рабочую курию, а другая – какому-либо лицу, на котором могли бы согласиться все народнические партии; четыре же места предоставлены кадетам. В Трудовой группе мое предложение было встречено сочувственно, но разговаривать на эту тему с партийными организациями социалистов-революционеров и социал-демократов было невозможно. Если иногда они и готовы были согласиться на мое предложение в принципе, то с тем,

чтобы левым дали 5 или по крайней мере 4 места, причем они основывали это на своем – конечно, очень наивном – учете борющихся сил. От партийных комитетов я перенес вопрос на один митинг, действуя по принципу: flectere si nequeo superos, Acheronta movebo[222] (разумея под superos партийных вождей, а под Ахероном – избирательские массы), но потерпел полное поражение. На митинге, где, конечно, тоже выступали партийные ораторы и в числе социал-демократов – упомянутый мною выше Товарищ Николай, было решено подавляющим большинством голосов предложить коалицию кадетам, потребовав от них 5 мест[223].

Само собой разумеется, что идти с подобным предложением к кадетам было немыслимо. Само собой разумеется также, что на выборах кадетский список прошел целиком абсолютным большинством, а все левые партии вместе получили хотя и довольно заметное, но все-таки только меньшинство голосов.

Из митингов этого времени, кроме описанного сейчас, у меня остался в памяти митинг в громадном зале Калашниковской биржи (где-то за Николаевским вокзалом), вмещавшем несколько тысяч человек, и остался в памяти благодаря той роли, которую сыграл на нем Родичев.

Один социал-демократ (если не ошибаюсь, это был молодой тогда Войтинский, ныне находящийся в эмиграции), человек безусловно талантливый, очень ехидно напомнил прошлогоднее пророчество Родичева о том, что в пропасть свалится тот безумец, который разгонит Думу.

– Между тем, – говорил Войтинский, – разогнал Думу не безумец, а человек несомненно умный, и в пропасть он не свалился.

– Зато он свалился… в грязь! – была реплика со стороны Родичева.

Слово «грязь» было произнесено с особенной экспрессией, искусно усиленной предшествовавшей паузой. Гром аплодисментов приветствовал эту «грязь». А между тем ведь она не была ни возражением по существу, ни добросовестным признанием ошибки (ошибки в очень важном прогнозе, на котором строилась вся тактика), а была чисто словесным спасением от серьезного спора в подворотню. К сожалению, такими фразами всегда можно вызвать аплодисменты.

– Я думаю, что история не подпишет того патента на ум, который один из предыдущих ораторов выдал Столыпину, – сказал П. Б. Струве, тоже участвовавший в этом митинге[224]. Эта фраза тоже осталась не без шумных аплодисментов. Она любопытна для сравнения с теми восторженными отзывами,

которые потом давал Струве тому же Столыпину[225].

Если судить по настроению, господствовавшему на митингах, то полная победа левых над кадетами была неизбежна. На всех митингах, за немногими исключениями, торжествовали левые[226]. А выборы дали (по городской курии) безусловное торжество кадетам. Чем это объясняется?

В применении к выборам во 2-ю Думу это объясняется прежде всего тем, что, несмотря на все полицейские меры, главный контингент посетителей митингов составили не избиратели, а люди, либо вовсе лишенные избирательных прав, либо имевшие их по рабочей курии (которая и выбрала социал-демократов).

Далее, и на этот раз не только в применении к нашим выборам, а и в применении к большей части выборов в больших городах Западной Европы, – на митинги ходят по преимуществу левые. Еще в мою поездку в Германию в 1893 г. во время выборов в рейхстаг один свободомыслящий говорил мне:

– Вы не смотрите на шумный успех социал-демократов на митингах. Он еще не говорит об их предстоящем успехе на выборах; его может и не быть. Зачем буржуазии идти на митинги? Только чтобы агитировать, но не для того, чтобы учиться; для учения она имеет университеты, книги, газеты. Она и не идет на митинги. А для рабочего они школа, и он очень дорожит ею.

Как я уже сказал, на выборах в Петербурге по городской курии победили кадеты. Они провели всех 160 выборщиков. В рабочей курии были большие нелады, и в уполномоченные прошло почти поровну социалистов-революционеров и эсдеков, что очень обескуражило и изумило этих последних. Но при избрании выборщиков социал-демократы не дали ни одного места с[оциалистам-революционе]рам.

На общегородском собрании выборщиков обеих курий И. В. Гессен от имени 160 кадетских выборщиков обратился к выборщикам рабочих:

– Наша партия обещала дать одно место представителю рабочей курии. Кого желает она?

– Мы не хотим разговаривать с буржуазией, – ответил Алексинский от имени рабочих.

Ответ был груб… и глуп. Мне кажется, что если бы кадеты, воспользовавшись этой грубостью, отказались от своего обещания, мотивировав тем, что они не знают, за кого голосовать, то трудно было бы их обвинять. Тем не менее они не пожелали сделать этого и выбрали этого самого Алексинского.

Другие их избранники были: И. В. Гессен, Родичев, Кутлер, П. В. Струве, Гр. Петров.

Кстати, об этом Алексинском. Я его немного знал. Года за три

до Думы он был у меня в Киеве с теплым рекомендательным письмом от Дмитрия Ивановича Шаховского[227]. А теперь он не хотел разговаривать с буржуазией! Мне он не понравился, и мы с ним не сошлись сколько-нибудь близко. Впоследствии, в эмиграции, Алексинский сделал новый вольт, на этот раз направо, и в настоящее время числится чуть ли не в монархистах.

Глава VI. 2-я Дума. – Партии в ней, в частности Трудовая группа. – Караваев, Березин. – Аграрный вопрос. – Законопроекты о смертной казни и амнистии. – Священник Тихвинский. Его расстрижение. – Роспуск 2-й Думы

20 февраля 1907 г. собралась 2-я Дума. Меры, принятые властью для искажения избирательного закона и для стеснения избирательной агитации, дали лишь ничтожные результаты: Дума осталась, с правительственной точки зрения, левой (то есть при причислении к левым и кадетов). Правда, в ней появился правый сектор (октябристы и правые), которого в 1-й Думе не было, но он был ничтожен численно, лишен сколько-нибудь крупных талантов и имел очень мало значения (разве для скандалов). Один Пуришкевич обращал на себя внимание если не талантом, то крикливостью, грубостью и непристойностью.

В противоположность 1-й Думе 2-я была строго партийной. В ней были кадеты, всего 91 человек, по-прежнему составлявшие главное руководящее ядро Думы; свыше 100 человек трудовиков, около 60 социал-демократов (Алексинский, Церетели) и по нескольку десятков н[ародных] с[оциалист]ов и эсеров[228]. Среди н[ародных] с[оциалист]ов не было их действительных вождей – Мякотина, Анненского, Пешехонова, так как они находились в состоянии подсудности, и были лишь деятели второстепенные, как Волк-Карачевский, Демьянов, священник Колокольников[229]. Еще вернее это было относительно эсеров, из которых ни Чернову, ни Савинкову не могло быть места в легальном учреждении все еще самодержавной России, и таковое нашлось только для совершенно бесцветных людей, вроде Ширского, В. Успенского и других. Таким образом, левый сектор был выражен ярче, чем в 1-й Думе. Некоторое поправение страны, однако, сказалось, но сказалось не в изменении партийного состава Думы, оно скорее могло бы свидетельствовать о полевении, – а в изменении в сторону большей умеренности и осторожности настроения кадетской партии, по-прежнему задававшей тон в Думе.

Существенной чертой новой Думы было отсутствие в ней всех наиболее видных деятелей первой, лишившихся избирательных прав вследствие их привлечения к суду из-за Выборгского воззвания. У кадетов недоставало Муромцева, князя Шаховского,

князя Петра Долгорукова, Набокова, Кокошкина, и только один Родичев был как бы носителем традиций первой Думы. Не было и Герценштейна, который пал кровавой жертвой черносотенной деятельности правительства. Заменившие их Головин, Гессен И. В. и Гессен Вл. М., князь Павел Долгоруков, С. Н. Булгаков, Н. Кутлер, Пергамент, Кизеветтер, Струве, тем более священник Гр. Петров были в качестве политиков как бы кадетами второго сорта, хотя некоторые из них занимали очень высокое место в науке или адвокатуре; только один Маклаков, вместе с Родичевым, мог стоять на высоте перводумцев, да и он развернулся только в 3-й и 4-й Думах. К тому же именно он был как бы живым воплощением той перемены в настроении партии, о которой я только что сказал. Милюкова по-прежнему не было в кадетских рядах, и он все еще мог действовать только из-за кулис, принимая участие в партийных заседаниях кадетов.

Для трудовиков тоже был потерян весь состав первой Думы: одни – потому что поехали в Выборг, другие – потому что не поехали. Первым «разъяснила» прокуратура, вторых не пожелали избиратели. Не было Аладьина, Аникина, Жилкина, Брамсона. Первый мог бы быть избран: Выборгского воззвания он не подписал, но не подписал по случайным причинам, и для его «разъяснения» не было оснований ни с той, ни с другой стороны. Но он разъяснил себя сам, как об этом я уже говорил в предыдущей главе. Аникин тоже не подписал Выборгского воззвания и был даже выбран в выборщики, но «разъяснен» на том основании, что хотя он крестьянин по происхождению, но крестьянского хозяйства не ведет. На место их явились доктор Ал. Л. Караваев, М. Е. Березин, священник Тихвинский, А. А. Булат и некоторые другие.

Из них доктора Караваева я знавал в студенческие годы, когда он был врачом среди рабочего населения в пригороде Петербурга по Шлиссельбургскому тракту. Он пользовался самой горячей любовью населения как врач и человек. Потом он был арестован и выслан из места своей деятельности. Работал в частной больнице для крестьян, устроенной помещицей Барановской в своем поместье в Минской губернии недалеко от местечка Лоев. Перед самой Думой он был не то сельским, не то городским врачом в Екатеринославской губернии. В 1908 г. мне случилось проездом через Лоев несколько часов ожидать посланных мне навстречу лошадей. Сидя на завалинке перед избой, я разговорился с местными мужиками. От Думы и земли разговор перешел на Караваева, незадолго перед тем убитого. Когда мужики услышали, что я хорошо его знал, они просили меня рассказать о нем, в частности и в особенности о том, что он

делал в Думе. Память о нем в этой местности была самая восторженная.

– Вот кто был доктор так доктор! Все поймет, все объяснит, так что лучше не надо; и какой он был добрый! Целые ночи просиживал у больного ребенка. И никогда не отказывался ехать к больному, ни днем, ни ночью! И лекарства давал, и деньги давал!

Чувствовалась действительная горячая любовь, приобретенная трудом и самоотвержением.

В своем общественном и политическом миросозерцании Караваев был восьмидесятником, представителем того течения, которое развивалось под влиянием «Отечественных записок» и «Русского богатства», но в момент революции и первых дум он стоял скорее на правом фланге этого течения. Он не был сторонником бойкота в первую Думу и, следовательно, должен был оказаться горячим сторонником Трудовой группы. После разгона 1-й Думы он написал брошюру «Партии и крестьянство в (первой) Государственной думе»[230], в которой выступил ее апологетом; в Екатеринославской губернии он был одним из ее организаторов; как ее член был избран во 2-ю Думу. Был хорошим знатоком земельного вопроса. Не лишен был самолюбия, которое иногда доводило его до мелких ссор с группой и с отдельными ее членами.

М. Е. Березин был служащим Саратовского земства и также попал в Думу как член группы. Так же и священник Тихвинский, скромный сельский батюшка Вятской губернии, и большинство других. Сравнительно немногие будущие трудовики попали в Думу в качестве беспартийных.

Трудовая группа, так же как и в первой Думе, наняла помещение с большой залой, помнится – на Сергиевской улице, и работала там. Из внедумских трудовиков я был постоянным посетителем и участником ее заседаний. Менее частыми были Аникин (не все время находившийся в Петербурге) и Брамсон. Платным секретарем по-прежнему был Иван Бонч-Осмоловский.

Сочувствие народных масс по-прежнему оставалось на стороне Трудовой группы. Но упадок народного настроения чувствовался ясно. И ходоки, и адреса, и приговоры волостных сходов – все это имелось, но в значительно меньшем числе, чем прежде. А кроме того, и в самой группе не чувствовалось прежнего единодушного подъема; было больше разногласий, споров и даже ссор в самой группе.

Несмотря на то что Трудовая группа была первой по численности партией Думы[231], как-то само собою вышло, что председателем Думы был избран опять кадет[232]. Трудовики

должны были выдвинуть кандидата на пост товарища председателя.

Выбор представлял большие трудности, которых не знали кадеты. Последние имели в своем составе, даже и во второй Думе, большое число людей, известных по деятельности в земстве или городах; почти все они знали друг друга лично по земским съездам, собиравшимся в последние годы. Трудовики же были люди, за пределами своей губернии обыкновенно неизвестные. Если я знал, например, Караваева (и то по очень давним воспоминаниям), то это знакомство было совершенно случайное. Березин и Булат были на том съезде Трудовой группы в Финляндии, о котором я говорил выше, и, следовательно, уже несколько известны, но, во всяком случае, крайне недостаточно. Кого же выбирать? Я посоветовал было Караваева, и это встретило некоторую поддержку, но сам Караваев решительно запротестовал:

– Не могу, не хочу, никогда не был нигде председателем, не умею председательствовать.

Другие предложили Березина. Он согласился, был выдвинут группой и избран Думой. Оказался вполне удовлетворительным товарищем председателя и приобрел значительный вес и в президиуме, и в Думе. Другим товарищем председателя был избран беспартийный левый Познанский, иногда тоже появлявшийся в Трудовой группе, но официально к ней не примкнувший. Личность довольно бесцветная и председатель неумелый.

Благодаря наличности крайнего правого и крайнего левого сектора Дума не была столь однородной и единодушной, как первая. Внутренние противоречия в ней были гораздо ярче, и внутренняя борьба, очень слабая в первой Думе, была ожесточеннее. Прежде были: Дума и правительство. Теперь были в Думе: левая, правая и центр. Тем не менее несомненное руководство по-прежнему принадлежало кадетам. Отличие трудовиков от них сказывалось тоже сильнее, чем раньше.

Сказывалось по-прежнему в аграрном вопросе, которому трудовики давали более радикальное решение, чем кадеты, и который по-прежнему занимал очень важное место в прениях Думы. Он же был на очереди в одной частной форме. Столыпинский аграрный закон 9 ноября 1906 г. был внесен в Думу самим правительством, как все законы, проведенные по статье 87 Основных законов во время междудумья[233], и мог быть отменен постановлением одной Думы (помимо Государственного совета). Он был сдан в комиссию и в ней служил предметом постоянной распри между кадетами и трудовиками: последние

хотели его просто отвергнуть, первые же настаивали на принятии, хотя и в радикально переработанном виде, а пока что тормозили. К сожалению, трудовики и левые не проявили достаточной энергии в отстаивании своей точки зрения и позволили похоронить его в комиссии на все время деятельности Думы вплоть до ее роспуска. Потом уже он был принят 3-й Думой и в 1910 г. окончательно стал законом.

Одним из виновников этой оплошности был Караваев, который в нескольких случаях голосовал (в комиссии) за кадетские предложения. В группе появилось недовольство этими голосованиями, и против Караваева обнаружилось какое-то движение. В нем сыграл нехорошую роль Иван Бонч-Осмоловский, который подливал горячего масла в это недовольство. На заседании группы во время прений по этому вопросу Караваев обиделся и заявил о выходе из нее[234]. Я и другие внедумские трудовики употребляли все усилия, чтобы утихомирить страсти, но нам это не удалось, и Караваев подал формальное заявление о выходе из группы. По парламентским обычаям стран с прочным и давним парламентаризмом это должно было повести за собой также сложение депутатских полномочий, но Караваев этого не сделал, и никто не счел нужным напомнить ему об этом парламентском правиле. Недели через две было принято по моему предложению постановление просить Караваева вернуться в группу, и ссора была ликвидирована.

У нас было постановление внести в Думу законопроекты об отмене смертной казни и об амнистии. Кадеты по каким-то соображениям считали первый из них в тот момент не вполне своевременным, а второй совершенно нежелательным. Тем не менее мы составили первый. Работать над ним не пришлось, так как такой проект был уже принят первой Думой, и мы целиком взяли его себе.

Совершенно неожиданно мы натолкнулись на возражения со стороны партии социалистов-революционеров. Конечно, возражения были не принципиального, а чисто тактического характера. Наш (или, лучше сказать, перводумский) проект был составлен так, как и должен быть составлен проект, целиком и исключительно направленный против смертной казни. Смертная казнь отменяется; для всех преступлений, для которых она назначена действующим законом, заменяется каторжными работами без срока.

К нам на заседание группы пришли два думских социалиста-революционера (к сожалению, забыл их фамилии) и сказали от имени их фракции следующее:

– Если бы Трудовая группа рассчитывала на проведение и вступление в силу закона об отмене смертной казни, то, конечно, с ним нужно было бы очень торопиться. Но ведь для вас, трудовиков, законопроект имеет значение только декларативное или демонстративное; вы так же, как и мы, знаете, что если даже он будет принят Думой, то все-таки либо застрянет в Государственном совете, или не будет утвержден монархом. Поэтому особенно с ним торопиться нечего и лучше позаботиться о том, чтобы он производил как можно больше впечатления. [Э]с[е]ровская фракция тоже собирается внести законопроект против смертной казни, но хочет построить его иначе. Вместо простой общей замены казни каторжными работами эсеры хотят разработать его детальнее, т. е. пересмотреть все стадии существующих (общих и военных) законов, говорящих о смертной казни, и вместо каждой из них предложить новую. Поэтому они просят трудовиков отложить внесение нашего проекта для согласования с ними.

Я выступил с решительным возражением против этого предложения. Я указывал, что их предложение есть не проект отмены смертной казни, а проект частичного пересмотра уголовных законов, притом в совершенно недопустимой форме. После него могут оказаться и, наверное, окажутся совершенные несогласованности:

– Вы, например, можете понизить наказание за цареубийство до того, что оно окажется ниже наказания за словесное оскорбление царя. Это будет явная нелепость, которая будет вызывать только насмешки. Мы в настоящее время настаиваем на отмене смертной казни, а не на пересмотре уголовных законов. Практичен или демонстративен наш проект – это не важно. Даже для того, чтобы быть демонстративным, он должен бить ясно в одну точку, а не гоняться сразу за несколькими зайцами.

Пришедшие к нам посланцы [э]с[е]р[о]вской фракции стояли не на высоте задачи; к этой аргументации, несмотря на всю ее элементарность, они были не подготовлены и не сумели ничего возразить по существу. Они говорили что-то бессвязное о солидарности двух наших партий и ушли очень недовольные нами и мною в особенности.

Законопроект был нами внесен, и затем Дума похоронила его в комиссии.

С амнистией дело было сложнее. В ответном адресе на тронную речь, выработанном в 1-й Думе, было ходатайство перед царем о даровании амнистии политическим преступникам. На ходатайство был грубый отказ.

Теперь я предложил не ходатайствовать перед верховной

властью, а самим выработать законопроект. Я мотивировал свое предложение следующим образом.

Ни наши законы, ни наша практика ничего не говорят об амнистии. У нас имеется простое (частное) помилование и «общее помилование», причем и то и другое составляют исключительную прерогативу монарха. Между тем помилование и амнистия далеко не то же самое, и западноевропейские законодательства (французское, бельгийское и др.) различают их очень отчетливо. Помилование делается в частном интересе милуемого и дается главой государства: монархом или президентом. Амнистия дается в общественном интересе, и потому она проходит не иначе как в законодательном порядке. Поэтому мы не сойдем с легальной почвы, если в умолчании закона об амнистии увидим не запрещение Думе смотреть на него как на законодательный акт, а [предложение смотреть на него] лишь как на случайный пробел законодательства, который может и должен быть пополнен.

Моя аргументация понравилась в Трудовой группе многим. Но некоторые, например Караваев, отнеслись к ней резко отрицательно, настаивая на том, что общее помилование и есть амнистия. Тем не менее у нас решено было выработать такой законопроект.

Кадеты, узнав об этом, высказались решительно против. Им законопроект об амнистии казался посягательством на прерогативы монарха, а таковых они во 2-й Думе хотели решительно избегать, чтобы не давать лишнего повода к недовольству Думой. Чтобы переубедить нас, они прислали к нам Набокова (не бывшего членом 2-й Думы)[235]. С этим спорить было труднее, чем с делегатами эсеровской фракции. Глубокий знаток права, прекрасный оратор, очень умный человек, он умел производить сильное впечатление и очень многих в Трудовой группе переубедил. Тем не менее за выработку такого законопроекта оказалось большинство, но большинство ничтожное. Была составлена комиссия для его выработки; я вошел в эту комиссию, но работать при малом сочувствии группы было трудно, и до разгона Думы мы своего проекта не окончили. Он оказался похороненным даже не в думской, а в партийной комиссии.

По вопросу о необходимости постановки на очередь амнистии трудовики выступили в Думе с несколькими речами. Я помню из них две: Березина и священника Тихвинского. Первая была серьезная речь, хорошо разработанная с юридической стороны и выражавшая взгляды нашей группы. Вторая в некоторых отношениях напоминала прошлогоднюю речь

Родичева, т. е. говорила не об амнистии, а о христианском милосердии. Но если родичевская речь оставила впечатление чего-то неуместного, то эта, сказанная оратором в священнической рясе, напротив, была чрезвычайно трогательна.

Незадолго до роспуска Думы митрополит Антоний вызвал к себе нескольких думских священников, принадлежавших к левым партиям, и решительно потребовал от них, чтобы они переменили свои убеждения. Так, по крайней мере, передал нам приказ священник Тихвинский; возможно, в этой передаче есть некоторая неточность, что Антоний требовал выхода из партий (хотя какой смысл для Антония был в формальном выходе, если бы общее направление деятельности священников осталось прежним?); при этом Антоний требовал ответа непременно очень быстрого, «до пятницы», угрожая в противном случае расстрижением[236].

Очень трогателен был рассказ Тихвинского об этом требовании, и сам Тихвинский был очень трогателен. Несомненно глубоко верующий человек (чего я бы не сказал о Гр. Петрове), сильно напоминавший священников из лесковских «Соборян», Тихвинский был глубоко потрясен. Расстрижение было для него угрозой очень страшной. И он, чуть не плача, наивно говорил:

– Я всю жизнь составлял свои убеждения. Как же я вдруг их переменю? Да еще – до пятницы.

Нам нужно было решить, как мы будем реагировать на это требование Антония.

– Вот что, господа, – говорил Тихвинский. – Делайте что хотите; решайте как хотите. Мне тяжело это слушать; я лучше уйду. Но только прошу вас об одном: не оскорбляйте церковь. Она не виновата, что делают ее именем отдельные пастыри.

Он поднялся, чтобы уходить.

– Нет, батюшка, – остановил его я. – Я очень прошу вас остаться; мне важно, чтобы вы слышали, что хочу сказать я. Есть две церкви. Одна, которую основал Иисус Христос, сказав Петру: на сем камени созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ее[237]. Эту церковь я глубоко чту и оскорблять ее не могу. Из этой церкви вас изгнать митрополит Антоний не может. Но есть другая церковь; врата адовы уже одолели ее, из нее Антоний может вас выгнать, и эту церковь я не могу не оскорблять[238].

Затем я предложил внести по этому поводу запрос, причем предложил и приблизительную редакцию его. Кажется, Тихвинский остался доволен моей речью.

Инцидент сильно затронул и кадетов, тем более что и в их среде были священники, которым грозило расстрижение, и они тоже возмутились наглым требованием Антония. Запрос был внесен[239], и, конечно, из него ничего не вышло.

Любопытно, что депутат кадетской партии С. Н. Булгаков посмотрел на эту историю совершенно другими глазами. Он поместил в «Речи» статью, в которой доказывал, что хотя Антоний поступил, может быть, и неправильно, но неправильность эту может и должна оценивать только сама церковь. Никакая светская власть, никакое светское учреждение не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви[240]. Автор этой изумительной статьи, очевидно, забыл, что церковь существует на средства, даваемые государством и собираемые с плательщиков налогов, которые, следовательно, должны платить и не смеют спрашивать, на что идут их деньги. Он забыл и то, что, расстригая священника, Антоний тем самым изгоняет его из Думы и, следовательно, лишает избирателей их избранника без права его переизбрания. Статья эта шла вразрез, конечно, и с убеждениями кадетской партии, поэтому было не вполне понятно, почему «Речь» ее поместила (я не помню, была ли сделана редакционная оговорка о несогласии или нет).

Тихвинский был расстрижен уже после роспуска Думы, и, следовательно, этот акт мог повлиять только на его неизбираемость в следующей. После этого он, в возрасте под 50 лет, поступил на медицинский факультет в Юрьеве[241]. Я в этом городе несколько раз бывал для чтения лекций и каждый раз посещал его. Он был уже в пиджаке, но эта смена одежды не производила того отталкивательного впечатления, как на Гапоне; Тихвинский оставался очень привлекательной личностью. Его, а еще более его жену очень трогало, что я по-прежнему, игнорируя его пиджак, обращался к нему как к «батюшке». Он признавал, что учиться ему на старости лет трудно, что хорошим врачом не будет, а так себе, захудалым. Потом он получил где-то место врача. Как исполнял эти свои новые обязанности, не знаю. Не знаю и того, жив ли он. Вероятно, нет: ему было бы теперь около 80 лет.

Я не стану говорить о столкновениях трудовиков с кадетами по поводу государственного бюджета и контингента новобранцев, где трудовики вели тактику революционную, а кадеты стремились во что бы то ни стало «беречь Думу», так как эта история хорошо известна и лично я к ней касательства почти не имел. Не имел я касательства и к последнему событию из жизни 2-й Думы: к ответу Думы на правительственное требование о выдаче на суд всей социал-демократической фракции и о разрешении предварительного ареста, кажется, 16 человек из нее[242].

Это требование возмутило всех порядочных людей одинаково, и только правые и октябристы были за него. Однако и

тут произошли некоторые тактические разногласия. Социал-демократы и социалисты-революционеры требовали отклонения требования начисто, без предварительного комиссионного обсуждения. Правые, напротив, требовали принятия требования, тоже без комиссионного рассмотрения. Кадеты желали соблюдения обычной парламентарной формы и сдали его в комиссию. Трудовики и народные социалисты поддержали их в этом. Но правительство увидело в этом постановлении (и совершенно основательно) отказ в удовлетворении требования и распустило Думу, дополнив акт о роспуске совершенно противоправным актом отмены избирательного закона 1905 г. и заменив его новым, гораздо худшим – знаменитым законом 3 июня 1907 г. Даже «Новое время» было возмущено и называло этот акт coup d'état[243].

Указ о роспуске был опубликован по образцу прошлогоднего: не на думском заседании. В момент его опубликования, вечером 3 июня, в помещении Трудовой группы шло заседание. На этот раз роспуска тревожно ожидали все. На наше заседание явилась полиция, заперла выход и произвела обыск в помещении. Во время обыска, продолжавшегося несколько часов, все были задержаны, потом переписаны, но тотчас же отпущены[244].

Глава VII. Мои литературные процессы с 1906 по 1912 г. и амнистия 1913 г. – Эпизод из жизни М. Ковалевского

В мае 1906 г., во время сессии 1-й Государственной думы, я был вызван к судебному следователю для допроса в качестве обвиняемого сразу по 9 литературным делам. Поводом для 8 из них послужили различные статьи в «Нашей жизни» за время моего ответственного редакторства в них[245], а для одного – мой «Сборник политических программ»[246].

Допрос у следователя был, как во всех подобных делах, чисто формальный.

– Состоите ли вы редактором «Нашей жизни»? Издали ли вы этот сборник программ? Признаете ли себя виновным в том, что, имея намерение в более или менее близком будущем ниспровергнуть существующий государственный строй или же дискредитировать правительственную власть, напечатали вот эти статьи, призывающие к ниспровержению власти или распространяющие заведомо ложные сведения о деятельности должностных лиц?

– Да, да, нет, – были неизбежные ответы[247].

Обвинения и все дело казались мне совершенно несерьезными, и я, поместив в газете заметку о происшествии, почти не думал о предстоявшем мне деле.

Прошло недели 3–4. Я жил в это время на даче в Парголове. Однажды, когда я выходил из дому, направляясь к вокзалу железной дороги, чтобы ехать в город, навстречу мне явился полицейский. Он принес обвинительный акт по 9 делам, список судей и повестку с вызовом в судебную палату и с предложением назвать моих свидетелей и воспользоваться, если желаю, правом отвода определенных лиц из состава суда. Я торопился на поезд, спешно расписался в получении бумаг и поспешил на вокзал.

Только в поезде принялся я за чтение вороха полученных мною бумаг. Обвинительные акты – их было целых 9 – замахивались на меня несколькими страшными статьями Уголовного уложения, грозившими лишением всех прав состояния и каторжными работами. Тем не менее я прочел их совершенно спокойно. Они не вызвали разговоров в редакции и нисколько не помешали мне работать. Они только несколько удивили нас, сотрудников газеты, необычно быстрым ходом юстиции; о ее быстроте мы все были худшего мнения, и последующие стадии моего процесса его оправдали.

Не скажу, что у меня вообще «не дрожали шаги перед дверью тюрьмы»[248]. Нет, таким мужеством я не обладал. И не далее как за 8 или 9 месяцев до того я бежал из России за границу из-за грозившего мне всего только трехмесячного ареста. Но время было слишком богатое событиями, настроение, хотя и павшее сравнительно с предшествовавшим годом, все еще было слишком приподнятое, чтобы мысль останавливалась, – ведь еще не на каторге, а только на предстоявшем процессе. И я даже не подумал тогда о немедленном приглашении адвоката, откладывая это до завтра или послезавтра, и продолжал заниматься своим делом.

Прошло еще несколько дней. Тот же полицейский принес мне повестку, что дело, первоначально назначенное на такое-то (довольно близкое) число, отложено.

Хладнокровное отношение было, таким образом, оправдано.

Жизнь шла своим чередом. Разогнана была Дума, подписано и распространено Выборгское воззвание, отшумели бунты. Наконец, я получил новую повестку с известием, что мое дело или, лучше сказать, мои дела назначены на (кажется) 16 августа[249]; новый список судей и новое предложение предъявить отводы.

Суд в это время ввел обыкновение, являвшееся благовидным обходом закона, ясно требующего предъявления подсудимому списка его судей для права отвода. Вместо этого подсудимому посылался список всего состава судебной палаты, что-то, помнится, около 80 человек, список всех предводителей уездных дворянств Петербургской губернии, всех ее городских голов и волостных старшин, из которых могли быть назначены судьи и сословные представители. Таким способом право отвода делалось неосуществимым или, по крайней мере, сильно затруднялось.

Я зашел к моему старому другу, Александру Сергеевичу Зарудному, и просил его взять на себя мою защиту. Он охотно согласился, но вместе с тем страшно рассердился на меня:

– Как это можно так халатно относиться к своему делу! Ведь ты пропустил срок вызова свидетелей.

Это правда. У меня были два оправдания (перед Зарудным). Первое состояло в том, что я делом совершенно не интересовался. Конечно, профессионального юриста-практика, который в каждом частном деле видит арену борьбы за правовой строй вообще, такое оправдание только возмущало. Другое оправдание состояло в том, что мои дела имели чисто теоретический характер. Каких свидетелей можно звать, чтобы оправдывать напечатание социал-демократической или социал-революционной программы?

Но и тут моя позиция не выдержала строгой критики Зарудного. В числе 9 дел оказалось одно о распространении

заведомо ложных сведений о деятельности правительственного учреждения, а именно – педагогического совета Ксениинского института[250]. Обвинительный акт по этому делу сразу остановил на себе внимание Зарудного, который с особенным интересом прочел его и стал допрашивать меня с пристрастием. Я позорно провалился: я ничего по этому делу не знал, ничего не мог сообщить моему сердитому другу и защитнику.

Из всех моих дел мне лично наиболее интересным казалось дело о двух социалистических программах. Их можно и нужно было поставить на принципиальную почву, защищая легальным образом свободу печати в рамках существующего закона. Зарудный не отрицал ни того, что это дело представляет большой теоретический интерес, ни того, что оно грозит мне наиболее серьезными последствиями.

– По всем остальным делам можно было бы добиться оправдания, если бы ты сам не испортил дело, а по этому – вряд ли. Если бы твои дела не были отложены и разбирались во время сессии Думы, то можно поручиться, что ты был бы начисто оправдан. Тогда было несколько подобных литературных процессов, и по всем последовало оправдание. Теперь же настроение суда изменилось, и я думаю, что без года крепости ты не уйдешь. Но все-таки твое поведение в этом деле о Ксениинском институте возмутительно.

Как известно, утерянное право вызова свидетелей может быть de facto восстановлено: следует самому привести свидетелей на суд, заявить, что я сам вчера или третьего дня узнал такие-то обстоятельства своего дела, которые делают допрос этих свидетелей важным для моего дела, и просить суд допросить их. Почти всегда суд на это соглашается, хотя в пределах его дискреционной власти[251] лежит и отказать в этом. Но пользование этой возможностью для подсудимого и его адвоката всегда представляет некоторые неудобства. Ведь не всякого свидетеля можно привести, иной и заартачится.

Дело о Ксениинском институте состояло в следующем. У нас была помещена заметка, доставленная нашим репортером Кальварским, что начальство этого института подвергло свой институт безжалостной чистке; целый ряд институток был исключен, и даже не исключен, а выгнан по самым ничтожным основаниям. Одна ученица, Худынцева, была исключена за то, что ела в пост колбасу, «демонстративно», как нашло начальство; другие – за столь же ничтожные преступления. Выгоняли прямо на улицу, не давая ни минуты отсрочки, не давая собрать своих вещей, не извещая родителей. Заметка была написана несколько наивным тоном и заканчивалась сантиментальной фразой

приблизительно в таком роде: «Жестокосердые педагоги и не подумали о том, каково этим бедным девочкам…» и т. д.[252]

Я уже говорил в одной из предыдущих глав, что фактическим редактором газеты не был и потому в рукописи или корректуре этой заметки не читал вовсе. В день появления я, конечно, ее пробежал, но почти не остановил на ней своего внимания. Перед тем как пошел к Зарудному, я достал старые номера газеты и перечитал те статьи, которые мне инкриминировались; прочел и эту. Меня неприятно поразило ее сантиментальное окончание, и я пожалел, что тогдашний фактический редактор газеты Португалов не вычеркнул его.

Разумеется, Зарудный прочитал в суде «дело» обо мне, и в нем он нашел жалобу начальства института на меня и копию с протокола того заседания педагогического совета, на котором было решено исключение большого числа институток. Действительно, все исключения были мотивированы крайне слабо, и было видно, что они явились не педагогической мерой, а актом политической мести начальства ученицам за либеральный дух, проникший в стены опекаемого им учреждения[253]. Один из учителей, по фамилии Маштаков, возражая против постановления педагогического совета, кажется, отказался подписать протокол и за это должен был уйти из числа преподавателей[254]. По поводу институтки Худынцевой в протоколе было сказано: «Исключить Худынцеву за то, что демонстративно ела в пост колбасу, и за дерзкий ответ на замечание по этому поводу». Таким образом факт исключения за колбасу был удостоверен официальным документом.

Кальварский сообщил одной знакомой ему даме, Черняковской (или что-то в этом роде)[255], матери одной из исключенных институток, о предстоящем процессе, и она сама явилась за несколько дней до процесса к Зарудному с предложением своих свидетельских услуг. Зарудный просил ее явиться на суд и привести кого можно из учениц и учителя Маштакова.

Как ни напрягаю я свою память, я решительно не могу вспомнить, в чем состояли 7 других моих дел.

Накануне процесса целый вечер я провел у Зарудного в беседе о предстоявшем деле. Зарудный подробно изложил мне весь свой план защиты, выслушал мои замечания и принял их во внимание. Он заставил меня сказать ему всю ту речь, которую я хотел произнести в качестве последнего слова подсудимого, и одобрил ее, соответственно изменив свою защитительную речь. Теперь уже я не относился к предстоявшему процессу с таким безразличием, как раньше; я чувствовал, что если состоится

приговор, то его придется отбыть, а мысль о годе крепости безразлична для меня более не была. Тем не менее и теперь еще интерес к делу Зарудного был глубже и сильнее, чем мой, и он меня заражал и заряжал им, а не обратно. Таково было всегдашнее отношение Зарудного ко всем делам, которые он вел, и оно характерно для него как адвоката. Наша беседа затянулась за полночь, и Зарудный не отпустил меня на дачу, но оставил у себя ночевать.

На следующий день в известном здании судебных мест, сожженном в февральскую революцию 1917 г., на Литейном проспекте, в судебной палате с сословными представителями происходил мой процесс. Председателем суда был Булатов, прокурором – Аксаков, если не ошибаюсь – племянник знаменитых К. и И. Аксаковых[256], которые, как я писал потом в «Нашей жизни», вероятно, переворачивались в гробу, когда их племянник призывал кары на печать. Были стенографисты, посланные «Нашей жизнью». Публики было немного, вероятно, человек 25–30: репортеры разных газет, наша редакция, журналисты.

В качестве свидетелей явилась Черняковская-мать[257], ее дочь, две-три исключенные институтки, в том числе Худынцева; но эта последняя по незнанию села в публике, а так как ни Зарудный, ни я в лицо ее не знали, то и осталась там. Маштаков не явился. Зарудный просил допросить наших свидетелей; прокурор не возражал, и суд согласился. Но когда Зарудный назвал Худынцеву, то оказалось, что она сидит в публике, слышала мотивировку Зарудного и потому в силу довольно нецелесообразного закона (точно адвокат не может внушить свидетелю содержание его показаний вне судебного присутствия) не могла быть допрошена.

Свидетельницы все были в мою пользу; они нарисовали действительно безобразную картину институтских порядков и внезапно, в начале 1906 г., проявившуюся злобность начальства после того, как оно само в течение конца 1905 г. свободно допускало политические разговоры, чуть не митинги. Прокурор во время их показаний вел себя совершенно пассивно, не задав, кажется, ни одного вопроса; напротив, Зарудный очень энергично и очень талантливо ставил вопросы, добиваясь от свидетельниц все новых и новых подробностей. Протокол педагогического совета подтверждал мелочность и придирчивость поводов к исключению и факт исключения за колбасу в то время, когда обвинительный акт со слов жалобы, поданной институтским начальством, настаивал на том, что вовсе не за колбасу, а за все ее дерзкое поведение в последние месяцы (о чем в протоколе не

было ни одного слова).

Из свидетелей по другим делам Зарудный поставил вопрос Ходскому (вызванному прокуратурой), как относились «Наша жизнь» и лично я к вопросу о бойкоте, и Ходский, конечно, дал правильный, достаточно полный ответ[258].

Прокурор произнес очень краткую, но очень противную речь, в которой говорил о необходимости обуздать зарвавшуюся печать судебными карами. Особенно остановился он на двух социалистических программах, в которых видел подрыв существующего государственного строя, причем, может быть предчувствуя мою аргументацию, заметил, что для их преступности нет надобности в наличии у меня намерения подорвать общественный порядок, а вполне достаточно объективного содержания[259].

Зарудный произнес обстоятельную, очень хорошую речь по всем 9 делам, хотя, может быть, ее недостатком было чрезмерное выделение дела о Ксениинском институте. Он настаивал на праве печати освещать подобные явления, как массовое исключение учениц из учебного заведения. Сравнительно мало коснулся он программ, оставив их защиту на мою последнюю речь.

Прокурор не возражал.

В своем последнем слове я остановился на двух социалистических программах. Я указал, что в моем сборнике собраны социалистические программы вместе с октябристской и так называемыми черносотенными.

– Я не отрицаю и не скрываю, – говорил я, – что у меня есть свои политические убеждения, что из напечатанных мною программ одним я сочувствую, другим сочувствую мало, к третьим отношусь с решительным осуждением. И тем не менее я их в своем сборнике печатаю без единой оговорки.

Если кто-либо заинтересуется вопросом о моих политических убеждениях, ответ на него он должен искать в другом месте, но ни в коем случае не в этом сборнике. Из него вы их не узнаете.

Вы, господа судьи и господа сословные представители, слышали показания Ходского о моем отрицательном отношении к бойкоту Думы. Я мог бы вызвать десятки свидетелей, которые подтвердили бы то же самое, и представить ряд моих статей в защиту участия в выборах в Думу, но я не сделаю этого, чтобы не затруднять вас, уверенный, что вы читали газеты в течение последних месяцев и сами знаете об отношении к этому вопросу редактировавшейся мною «Нашей жизни» и моем.

При этих словах председатель суда Булатов совершенно явственно утвердительно кивнул головой, подтверждая мои слова.

– А теперь посмотрите, что говорится в моем сборнике о бойкоте Думы. Разверните его на такой-то странице и читайте: «Только враги народа могут идти в такую Думу»[260]. Итак, я – враг народа. Этот эпитет дается мне в сборнике, изданном мною. Поищите, есть ли тут в предисловии или в каком-нибудь примечании оговорка о несогласии с этим местом? Нет, такой оговорки нет нигде. В моем собственном сборнике я заклеймен названием врага народа[261]. Что же это значит? Это значит одно, что про составителя этого сборника можно сказать с полным правом:

Так дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева[262].

А следовательно, говорить о моих намерениях потрясти общественный порядок напечатанием двух социалистических программ не приходится.

Правда, прокурор сказал в своей речи, что преступного намерения для состава преступления не нужно, что совершенно достаточно объективно преступного содержания произведения, чтобы осудить человека, его напечатавшего. Тут уже я совершенно отказываюсь понимать господина прокурора. Я кончил университетский курс почти двадцать лет назад и с тех пор уголовным правом не занимался. Но я слушал лекции таких прекрасных профессоров, как Фойницкий и Сергеевский, и вынес из их лекций твердое убеждение как в азбучной юридической истине, что преступная воля есть один из безусловно необходимых элементов преступления, что без нее преступления нет и что судебная кара без нее решительно недопустима. Я совершенно уверен, господа судьи, что вы признаете ту юриспруденцию, которой я учился в университете, а не ту, которую пытается создать господин прокурор.

В развитие своей мысли я привел еще один аргумент.

Год тому назад японцы среди населения Приморской области распространяли прокламации, призывавшие население к помощи им, то есть к государственной измене. Распространение подобных прокламаций в прошлом году, особенно на Дальнем Востоке, было бы, без всякого сомнения, тяжким преступлением. А если бы теперь, по окончании войны, кто-нибудь их собрал и выпустил в виде книги, да еще в Петербурге, то неужели можно было бы его за это преследовать? Не то же ли самое делает прокурор, обвиняя за напечатание сборника программ, в котором совершенно

равноправными оказываются и программы социалистические, и программа Союза 17 октября, и программа Союза русского народа?[263]

Суд удалился на совещание.

Часа через два он вынес вердикт. По 5 делам из 9 – оправдать; по делу Ксениинского института – три месяца тюрьмы, по двум другим делам – тюремное заключение на разные сроки, а за социалистические программы – год крепости. По совокупности – год крепости. Впредь до вступления приговора в законную силу подсудимого оставить на свободе под залог в 1000 рублей.

Через несколько дней, когда приговор был объявлен в окончательной форме[264], я узнал, что в суде два лица стояли за оправдание по всем делам и остались при особом мнении, которое и занесли в протокол; это были председатель суда Булатов и волостной старшина[265]. Булатов, как было известно и раньше, по всем или почти по всем литературным делам стоял за оправдание. Зарудный узнал из судебных сфер, что особенно горячо за осуждение стоял предводитель дворянства, адмирал – фамилии не помню. У него во время матросского бунта был убит матросами его сын, и всех социалистов и все так или иначе прикосновенное к социализму он считал ответственным за это убийство[266].

Приговор был неприятен, равнодушен к нему я не был, но бежать за границу хотя бы до фактического внесения залога, а тем более после не думал[267]. В этом ясно сказывается отличие в настроении от 1905 г.

Я подал кассационную жалобу.

Из нескольких пунктов этой жалобы я теперь помню два. Первый касался вопроса о необходимости «злой воли» для состава преступления. Второй касался вопроса о подсудности по поводу дела о Ксениинском институте. Само по себе это дело подлежит разбору в окружном суде, а не в судебной палате. В палату оно могло бы прийти только по апелляции из окружного суда. Следовательно, для таких дел двоякое рассмотрение в двух инстанциях есть требование закона и для подсудимого это является правом, лишать которого нет законных оснований. Между тем дела более важные, сразу идущие по закону в судебную палату, для которых, следовательно, по закону нет двоякого разбирательства, были в моем случае соединены с этим сравнительно маловажным делом, и оно попало сразу в судебную палату.

Этот мотив заранее надумал Зарудный и при разборе дела в судебной палате потребовал его выделения, но получил отказ, что и было записано в протокол. Мне этот мотив казался

малоубедительным. Если судебная палата есть высшая инстанция, если все равно дело может быть перенесено в нее как прокурором, так и подсудимым и если решающее значение имеет приговор именно палаты, а не суда, то имеет ли какое-нибудь значение, что дело миновало этот последний?

Но Зарудный очень настаивал на своем. Он созвал совещание адвокатов; некоторые поддержали мою точку зрения, но прибавили, что включение этого пункта в кассационную жалобу ничему не помешает, – пусть Сенат выскажется; другие, особенно О. О. Грузенберг, горячо соглашались с Зарудным. Жалобу написал Зарудный, но поддерживать ее в Сенате взялся Грузенберг.

К моему удивлению, Сенат отверг все поводы для кассации, казавшиеся мне гораздо более основательными, но именно этот пункт признал. Поэтому он кассировал приговор по делу Ксениинского института, но сохранил в силе остальные приговоры.

В составе отделения Сената, рассматривавшего мою кассационную жалобу, находился между другими сенаторами Фойницкий, про которого давно уже говорили, что в качестве профессора он учит студентов, как следует судить, а в качестве судьи – как не следует[268]. Отказ в признании необходимости злой воли для состава преступления и в полной кассации моего дела казался мне новым подтверждением этой старой характеристики[269].

Решение Сената создавало странное положение. Я был приговорен по одному делу к одному году крепости. Приговор по этому делу вступил в законную силу. По другому делу я приговорен к трем месяцам крепости, и этот приговор кассирован. Но он не имеет влияния на совокупность: буду ли я по нему оправдан или вновь приговорен к тому же наказанию, надо мной висит год крепости, который и в том, и в другом случае неизменно останется годом крепости. Спрашивается: следует ли немедленно привести в исполнение этот приговор или суд обязан его отложить?

Из адвокатов один Н. Д. Соколов высказал мнение, что приговор будет отложен. Зарудный, Грузенберг, Андроников, еще несколько других думали, что приговор будет приведен в исполнение немедленно. Так же думал и я и готовился к переселению в крепость. Время шло, а меня в крепость не тащили. Палата, получив сенатское решение, приговора в исполнение не привела. Как она мотивировала это решение и мотивировала ли или даже не обсуждала этого вопроса, а просто просмотрела возможность посадить меня в крепость, – я не знаю.

В то же время случилось одно событие, важное для хода моего процесса. Кальварский, обиженный приговором по делу Ксениинского института, подал так называемую «явку с повинной», т. е. заявление, что автор инкриминируемой статьи – это он и что он требует привлечения его к суду[270]. Сделал он это, конечно, по соглашению со мной, и я был ему очень благодарен. Но, должен сознаться, вовсе не потому, чтобы чувствовал себя оскорбленным признанием моей виновности в распространении заведомо ложных сведений о правительственном учреждении, а по более эгоистическим мотивам. Теперь уже мне очень не хотелось идти в крепость, и если нельзя совсем уклониться от нее, то хотелось по возможности оттянуть ее. И Кальварский помогал мне сделать это. Я гарантировал ему защиту на суде, уплату штрафа, если он будет приговорен к таковому, поддержку в тюрьме в случае, если он попадет в нее. Зарудный тоже очень поддерживал его в этом.

В силу сенатского решения и «явки с повинной» Кальварского мы должны были судиться по этому делу вместе с ним в окружном суде. По причинам, оставшимся мне совершенно неизвестными и непонятными, прошел весь 1907 г.[271], все первое полугодие 1908 г., – меня в суд по этому делу не звали. Конечно, я его не торопил, но и ничего не делал (и не мог делать), чтобы затормозить.

Между тем в 1907 г.[272] я получил повестку с вызовом к следователю по новому делу. Вызов меня удивил: я уже давно не был более ответственным редактором и решительно не мог догадаться, в чем помимо газеты могут состоять мои прегрешения. Оказалось, что «новым» это дело было только относительно, что за ним уже была годичная давность, т. е. что повод к ней дала статья газеты, напечатанная давно, еще во время моего редакторства, но что только теперь дошло оно до следователя. Обвинение формулировалось как «оскорбление войск, располагающихся в Царстве Польском». При самом внимательном и преднамеренно-придирчивом прочтении инкриминируемой статьи я не мог найти, на что тут могли обидеться войска Царства Польского.

Сравнительно скоро состоялся разбор в окружном суде. Председателем суда был Вонлярлярский, близкий и давний знакомый Грузенберга и немного мой. Я встречал его в Смоленской губернии в имении родных моего гимназического товарища Богдановича, у которого я гостил несколько недель по окончании гимназии в 1883 г., когда Вонлярлярский, тоже помещик Смоленской губернии, был там мировым судьей; я бывал у него и в доме, и в камере мирового судьи при разборе

дел. Человек он был вполне порядочный, судьей считался хорошим. Защищал меня Грузенберг.

Обвинительный акт производил прямо смехотворное впечатление, и притом, по-видимому, не только на меня и моего защитника, но и на судей и чуть ли даже не на прокурора (не помню фамилии).

Дело разыгралось курьезнейшим образом.

Грузенберг обратился с несколькими ходатайствами к суду. На все быстрый, почти без совещания, только с переглядыванием судей ответ:

– Отказать.

– Будет оправдание, – шепнул мне Грузенберг.

Поднялся прокурор и произнес ровно 5 слов:

– Поддерживаю обвинение по статье такой-то.

Подражая ему, Грузенберг произнес всего 4 слова:

– Прошу моего подзащитного оправдать.

Я отказался от последнего слова, находя, что вся возможная аргументация вполне исчерпана Грузенбергом.

Суд, видимо, только для приличия удалился, но через несколько минут вернулся.

– Оправдать.

Все заседание суда продолжалось 25 минут[273].

После приговора Грузенберг познакомил меня с Вонлярлярским. Я напомнил ему наше недолгое знакомство. Он сказал:

– Как же, помню. Я все время смотрел на вас и спрашивал себя: тот или не тот? Вы сильно обросли.

Конечно, апелляция принесена не была. Так кончилось это пустое, бессмысленное дело. Но через несколько месяцев оно имело еще более курьезный эпилог.

Я получил повестку к следователю. Следователь был другой.

– Обвинение в оскорблении войск, расположенных в Царстве Польском, в статье, напечатанной в «Нашей жизни» в таком-то номере.

– Помилуйте, да я же уже судился по этому обвинению, – невольно воскликнул я.

– Где, когда, как? Этого быть не может!

Восклицание сорвалось у меня невольно, от удивления, и было без сомнения некоторой ошибкой. Если бы я его не сделал, глупое дело было бы вновь доведено до суда и я бы мог посмеяться над судом, особенно если бы я был осужден, что, впрочем, ввиду смехотворности обвинения было маловероятно. После приговора я мог бы вынуть из кармана приговор оправдательный и вручить его суду с замечанием о различии

мнений двух отделений одного и того же суда. Силу получил бы первый приговор, и суд был бы поставлен в невыносимо глупое положение. Возможно, впрочем, что если не это отделение суда, то судебная власть вообще мне за это отмстила бы немедленным приведением в исполнение моего прежнего приговора.

Следователь был мне очень благодарен за указание и говорил, что он был бы поставлен в очень неприятное положение, если бы направил мое дело к прокурору, а между тем иначе он поступить не мог, так как не мог же он помнить всех бесчисленных литературных дел, разобранных судом.

Как могло произойти это двукратное возбуждение одного и того же дела? Вероятно, так. Штаб одного корпуса войск обиделся на нашу статью и выразил по начальству желание о привлечении меня к суду. Пожелание пошло по инстанциям и, наконец, дошло до оправдательного приговора. Одновременно обиделся и штаб другого корпуса и тоже направил жалобу по начальству, но с некоторым опозданием. Инстанции, по которым шло дело, были те же самые, но люди в инстанциях – разные, – и произошло то, что произошло.

Вслед за этим делом в моей подсудной карьере произошло нечто еще более изумительное. Вслед за первым новым или, лучше сказать, вновь откопанным старым делом пошло другое, такое же ново-старое дело, потом третье, четвертое и так далее (иногда одновременно по два дела). Лишь только было закончено дело о колбасе и я с полной уверенностью в близкой сидке обдумывал, какие вещи и книги взять с собой, какую работу взять себе для годичного заключения в крепости, как вдруг являлась новая повестка, новый допрос у следователя, новый процесс в суде. Если бы дело было действительно новое, то оно не влекло бы за собою отсрочки в отсидке, и совершенно естественно: иначе у приговоренного было бы слишком сильное побуждение совершать новые преступления, чтобы избавиться от наказания за старые. Но если вновь открывается преступление, совершенное до момента вступления приговора по старому делу в законную силу, то наказание за него должно быть наложено по совокупности, а следовательно, приговор по первому делу должен быть отложен.

И вот рьяная прокуратура в стремлении показать все преступления, совершенные в революционный год, делала все новые и новые открытия в пожелтевших листах старых газет и в завалявшихся на полках книжных магазинов или случайно найденных при обысках брошюрах. Эти открытия делали, вероятно, провинциальные жандармы, – эти первые стадии оставались от нас, самих преступников, скрытыми; но затем жандармы передавали их прокуратуре, а прокуратура, вместо

того чтобы просто сдать нелепые жалобы в архив, возбуждала дела. Таких старых дел в эпоху 1907–1912 гг. было возбуждено множество. Так, я знаю, что книги Ренана, напечатанные и распроданные Глаголевым в революционную эпоху[274], обратили на себя внимание прокуратуры только несколько лет спустя и вызвали предание суду издателя[275]. Но разница в положении Глаголева и большинства других издателей, с одной стороны, и моим, с другой, состояла в том, что у большинства преступных издателей были одно-два дела; открывались они, положим, в 1909 г., и в том же или в следующем году виновники садились в тюрьму. У меня же таких ново-старых дел оказалось около 10 (не считая первых 9), и самое их изобилие оказалось в мою пользу: излишек по отношению ко мне рвения прокуратуры вызвал то последствие, что оно не достигло своей цели и я от кары ускользнул. Странным образом интересы прокуратуры, состоявшие в том, чтобы выловить по возможности все преступления революционного года, вполне совпадали с моими как подсудимого, чтобы все мои преступления, мною забытые или даже никогда мне не бывшие известными, были открыты. Только одно маленькое отличие было между нашими интересами: мои состояли в том, чтобы мои преступления открывались не сразу, а в известной очереди. И случай изумительно благоприятствовал мне. Конечно, я не отказывался в этом отношении помогать судьбе.

Я знаю еще одного (и только одного) преступного издателя, судьба которого оказалась совершенно сходной со мной, – Н. Е. Парамонова, стоявшего во главе книжной фирмы «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Против меня было возбуждено всего около 20 дел; против него что-то около 60, и точно так же преступность его многочисленных брошюр открывалась с желательной для него постепенностью, и год крепости, к которому он был присужден, как и я, все оттягивался и оттягивался, пока не пришла амнистия 1913 г.

О неизбежности амнистии в трехсотлетний юбилей дома Романовых я догадался не то в 1907, не то в 1908 г. Со мной не соглашались, с одной стороны, люди, верившие в близость новой революции: таких было немного, но они были, – по большей части из очень юных революционеров; с другой стороны, люди, думавшие, что Николай II в опьянении своей победы ни в каком случае амнистии своим врагам не даст. Я помню разговор, бывший, вероятно, в 1908 г., с Валерием Карриком (талантливым карикатуристом), который хотя и не был в это время юн, но по пылкости своих революционных убеждений верил в скорую революцию и прибавлял: «Ну а если ее не произойдет, то царь,

обозленный и революцией 1905 г., и революционным движением следующих годов, опьяненный своей победой и вместе с тем дрожащий за свою колеблющуюся власть, никакой амнистии не даст». Я же отвечал: «К 1913 г. его победа будет полная, за власть дрожать он не будет, и именно в сознании своей победы по силе он должен будет дать амнистию уже в силу укоренившейся традиции». Таким образом, на моем общественном пессимизме я строил лично для себя оптимистическую надежду.

И вот у меня вставал вопрос: «Что же, дотяну я свои дела до 1913 года? Конечно, нет… По всей вероятности, нет… Ну а может быть, все-таки? Чем черт не шутит? Во всяком случае, торопиться в крепость мне нечего. А там обстоятельства покажут».

И вот однажды я помог случаю. Впрочем, и помощь моя была случайная. Но об этом в свое время, а теперь я закончу дело о колбасе.

В конце 1908 г. оно, наконец, было назначено в окружном суде.

Теперь, конечно, я или, лучше сказать, Зарудный, все еще относившийся к этому делу с большой горячностью, своевременно сделал заявление о вызове свидетелей. Мы вызвали главную виновницу всей кутерьмы, Худынцеву, вызвали мать и дочь Черняковских, еще двух-трех исключенных институток, вызвали Маштакова и одну классную даму, про которую институтки говорили, что она была добрая и их отстаивала. Прокурор вызвал начальницу института, даму с какой-то очень громкой фамилией, помнится, княгиню Голицыну.

За несколько дней до процесса ко мне звонок по телефону:

– Можно к вам приехать поговорить по делу? Классная дама Ксениинского института такая-то.

– Сделайте одолжение.

Приезжает классная дама (добрая и заступавшаяся), взяв с собой для подкрепления еще какую-то даму.

– Вы вызвали меня свидетельницей?

– Да.

– Ради бога, освободите меня. Мне сказали, что вы можете. Христом богом прошу.

– Да почему?

– Да зачем я вам? Я ничего не знаю. Я никогда по судам не ходила. Стыд какой! Я не могу. Освободите!

Дама чуть не плакала.

– Для вас стыд явиться на суд свидетельницей, и это вы говорите человеку, который явится в суд подсудимым, а несколько лет тому назад уже осужден судом как преступник, и представьте себе – не чувствует от этого стыда, – смеясь ответил

я.

Конечно, я ее освободил.

Из других свидетельниц Худынцева оказалась жительствующей в Москве, но на суд приехала. Остальные наши свидетели явились. Было и недоразумение. Мы вызывали Анну Гуревич, и Анна Гуревич на суд явилась, очень удивленная: оказалась сестрой Любови и Виссариона Гуревич, ничего общего не имеющей с той, которую мы вызывали. Но начальница института, инициаторша всего процесса, вызванная прокуратурой, не явилась и даже сочла ниже своего достоинства прислать хотя бы медицинское свидетельство. Вероятно, она тоже считала стыдом ходить по судам, хотя не считала стыдом возбуждать глупые обвинения.

Председательствовал на суде К. Савич.

Дело было проведено хорошо. Были допрошены все свидетели. Если институтки трещали, выливая свою детскую, хотя уже ослабленную временем злобу на свое начальство, то Маштаков давал очень сдержанные и спокойные по форме, убийственные по существу показания. Режим института с его ослабевшими во время революции вожжами и потом с пробудившейся мстительностью за свою собственную слабость встал перед судом во всей красе. Черняковская рассказывала, как ей кричала Голицына:

– Ваша дочь должна быть взята в 24 минуты!

– Вы, верно, хотите сказать: в 24 часа, – поправил Зарудный.

– Нет, именно в 24 минуты; и тот же самый срок Голицына назначала другим исключенным ученицам. Их буквально выгоняли, не давая времени собрать вещей. Выгоняли прямо на улицу, – у них не было родных в Петербурге. Нескольких я приютила у себя, хотя места у меня было мало[276].

Зарудный был превосходен и в ведении допроса, и в защитительной речи.

Последнее слово я посвятил Кальварскому, подчеркивая у него глубокую убежденность в своей правоте, заставившую его без всякой нужды устроить явку с повинной: ни по закону, ни по литературным обычаям он не был обязан к этому.

Вдруг Савич оборвал меня:

– Вы произносите похвальное слово Кальварскому. В последнем слове вы должны защищаться, а не защищать других. Я вам запрещаю это.

Это было, конечно, совершенно неправильно и вместе с тем сказано крайне грубо.

– Если мне не позволяют защищаться как я умею, мне остается только замолчать, – сказал я и сел.

Суд удалился. Приговор: Водовозова подвергнуть штрафу в 50 рублей, Кальварского – штрафу в 25 рублей. Княгиню Голицыну за неявку в суд без уважительных причин оштрафовать на 50 рублей.

Таким образом, мое преступление было оценено совершенно так же, как и Голицыной. Морально приговор был полным оправданием. Практически это означало штраф в 25 рублей, так как мой личный штраф погашался годом крепости. А так как надо мной в это время тяготел еще один процесс и в оттяжке при помощи колбасного дела я не нуждался, то все с той же узкопрактической точки зрения я хотел примириться с приговором.

Но Зарудный закусил удила:

– Я недоволен. Приговор несправедливый. Я требую, чтобы ты перенес его в судебную палату.

И дело перенесено в апелляционном порядке. Жалобу писал Зарудный, и он же потребовал, чтобы мы, подсудимые, на суд не являлись, – мы ему только мешали. Дело же такого рода, что личная явка подсудимых необязательна.

Вечером в день суда торжествующий голос Зарудного в телефон:

– Полное оправдание обоих.

Потом он рассказывал:

– Превосходная обстановка суда. Суд, прокурор, судебный пристав и я. Никого больше: ни подсудимых, ни свидетелей, ни репортеров, ни публики, ни одного человека. Нет возбуждения, нет страстей. Нет любопытства. Царит одна логика. Судьи слушают внимательно, бесстрастно и добросовестно. Я доказал им нелогичность приговора окружного суда и твою правоту, – и они вынесли оправдательный приговор.

Это было в 1908 г. Через 16 лет я встретился с моим судьей Савичем в Берлине. Судья и осужденный им преступник оказались выброшенными одной и той же революционной волной на другой берег и находились приблизительно в одинаковом положении. В это время я имел литературную работу в книгоиздательстве З. И. Гржебина[277], а именно редактировал небольшой «Настольный энциклопедический словарь», типа павленковского словаря[278]. Работа продолжалась почти два года. Издательство Гржебина уже приближалось к краху, и это иногда сказывалось в задержках в выплате вознаграждений и во многих других признаках, но еще старалось скрывать это и работу продолжало. Из всех отделов словаря меня наиболее затрудняла юриспруденция. Я сам юрист по образованию, но со времени революции 1917 г. я не имел никакой возможности следить

настоящим образом за той правовой революцией, которая производилась советской властью. До осени 1922 г., пока я жил в России, я чувствовал эту революцию на своей спине, но осмыслить ее юридически и выразить ее в научных терминах не мог. Большую часть времени я не имел даже возможности следить за ней по советским газетам: я их не получал; следить же за ними по уличным расклейкам было очень трудно, а систематически – и невозможно. Не мог пополнить пробела своего образования и в Берлине, где даже не было порядочной русской библиотеки. Поэтому я непременно должен был найти специалиста. Но это было очень трудно: знаний в этой области в то время было очень мало.

В Праге еще имелось среди эмиграции несколько юристов, добросовестно изучавших советское право, но в Берлине их я долго не находил. Ко мне обращался с предложением своих услуг Гогель, юрист в прошлом очень заслуженный, но скоро я убедился, что его юридическое образование, как и мое, остановилось на 1917 г. и его статьи, весьма дельные по отношению к западному праву, были совершенно никуда не годны, поскольку они касались советской России.

И вот ко мне с предложением услуг пришел Савич. Я его не узнал и в первое время имел с ним дело как с совершенно незнакомым мне человеком. И только недели через две в моей памяти всплыло смутное воспоминание.

– Вы не были ли членом Санкт-Петербургского окружного суда? – спросил я его.

– Был.

– Не судили ли вы меня по делу Ксениинского института?

– Судил.

Мы погрузились в область прошлого. Он хорошо помнил мое дело и только прочно забыл его эпилог – отмену приговора в судебной палате, так что даже пытался отрицать этот факт. По-прежнему он признавал правильность своего приговора, настаивая на том, что мои свидетели, несмотря на свое единодушие, не могли доказать неправильности жалобы Голицыной.

Как мой сотрудник Савич оказался вполне на высоте своей задачи. Он следил за советской общей и специально юридической литературой и знал советское право. Но, будучи решительным ненавистником советской власти, он был склонен помещать в своих словарных статьях некоторые факты, если они дурно говорили о советской власти, хотя бы их истинность могла быть подвергнута основательному сомнению.

– Если бы советская власть имела возможность и желание

привлечь вас к суду за сообщение подобных фактов и судил бы вас судья с такими же требованиями от писателя, как вы сами, то вы были бы осуждены, – говорил я ему, – притом осуждены с гораздо большим основанием, чем осудили меня вы.

Он не мог возражать на это, ссылаясь только на сообщения эмигрантской прессы.

В его статьях встречались ошибки по отношению к западноевропейскому конституционному праву, которое он, видимо, знал плохо, но большого значения они не имели, так как это была область моей специальности и я без труда исправлял их.

В общем, он был хороший работник и работал у меня, пока Гржебин вместе с моим словарем не вылетел в трубу. Неприятной чертой Савича было умение пользоваться своим положением единственного специалиста по советскому праву для чрезмерного повышения своего гонорара, чего я должен был (с большим трудом) добиться для него от Гржебина. Кроме того, характер у него был, видимо, очень тяжелый; он каждое свое слово в статье, даже явно несправедливое, отстаивал с неприятным упорством против моих поправок, хотя в конце концов всегда уступал и даже признавал меня «хорошим редактором». По политическим убеждениям он был сторонник Кирилла Владимировича.

Как я уже сказал, дело о колбасе было не последнее мое дело; у меня в запасе оказывалось их достаточно. Один раз я помог судьбе. Случилось это так.

Однажды, не то в 1908, не то в 1909 г.[279], явился ко мне молодой человек, мне не знакомый, по фамилии Бергер и очень взволнованным тоном рассказал следующее.

В революционный год он издал довольно большое количество радикальных брошюр. Все они сошли с рук ему благополучно, но вот теперь, через 3 или 4 года, одна из них попалась. Это был небольшой, страниц в 30, сборник радикальных стихотворений[280]. Привлекают его по статье 129, т. е. по страшной статье о призыве к ниспровержению строя, грозящей как максимум каторжными работами с лишением прав состояния, но по которой за литературные преступления, как показывала практика, суды систематически назначали один год крепости. Год крепости ему не улыбался, и он, зная, что мне таковой все равно грозит и что новый процесс мне обещает даже отсрочку, пришел ко мне с просьбою: не соглашусь ли я взять его грех на себя. Брошюра была издана анонимно, и это вполне возможно.

Я просмотрел книжку. Мне она крайне не понравилась. В книжку каким-то ветром занесло «Послание к Чаадаеву» в прежней редакции («Любви, надежды, гордой славы»)[281], но, за этим единственным исключением, все остальные стихотворения

свидетельствовали лишь о крайне низком эстетическом вкусе составителя. Тут было стихотворение Щепкиной-Куперник о матросе, вернувшемся из-под Цусимы и узнавшем о гибели отца, брата и жены в день гапоновского расстрела; кончалось стихотворение словами: он поднял к небу «глаза; в них страшная клятва была и будущей мести гроза»[282]. Остальные стихотворения были такой же трескотней. Каляев «бросал всем тиранам, не робея, стальной рукой неотвратимый взмах»[283]. Было стихотворение Чуковского (переведенное с английского) «Пионеры», в котором пионеры стучат топорами, взрывают динамитом скалы, пробивая себе путь к светлому будущему[284], и ряд других таких же[285]. Но революцию тут могла увидеть только болезненная фантазия жандармерии или прокуратуры. Явная слабость стихотворений заставила меня сильно колебаться. Уж очень не хотелось фигурировать в качестве составителя этого совершенно бездарного сборника, и я это высказал Бергеру:

– Если бы сборник судился в литературном суде, то я охотнее выступил бы прокурором, чем подсудимым.

Но сборник мог затянуть мое состояние подсудности еще на год, и желание добиться этого превозмогло мои колебания.

Я дал Бергеру свое согласие, которого он ожидал в большом волнении. Мы сговорились, что он скажет на допросе следователю, что действительным издателем был я, а он только по моему поручению договорился с типографией и отвез в нее приготовленную рукопись (это показывал заведующий типографией). Я должен был признать свое издательство и подтвердить в подробностях показания Бергера.

Бергер обязался организовать защиту и предложил для меня известного тогда адвоката С. Андреевского с тем, что себе он пригласит М. Гольдштейна. Я охотно согласился; мне самому хотелось послушать очень редко выступавшего в это время знаменитого оратора, которого я раньше слышал всего один раз в жизни, лет за двадцать перед тем.

Дело пошло как по маслу, т. е. с достаточной для многих целей медлительностью. Приблизительно через год я получил обвинительный акт[286] и повестку в суд.

Обвинительный акт весь состоял из бесчисленных стихотворных цитат, так что с первого взгляда производил впечатление фельетона провинциальной газеты, написанного вперемешку прозой и стихами. Инкриминировались стихотворения Каляева и Чуковского, причем в последнем невежественная и болезненная фантазия прокурора увидела символику, которой там не было и в помине; топоры и динамит для него символизировали террор, а скалы и леса –

самодержавие[287]. Очевидно, что если бы имя Пушкина и почти столетняя давность не санкционировали «Послания к Чаадаеву», то «обломки самовластья» в нем прибавили бы еще одно звено к цепи прокурорских доказательств, – но поднять на Пушкина руку, вооруженную статьей 129, прокурор все же не решился.

Я привлекался как главный виновник, Бергер – как мой пособник, что было совершенно нелогично: если наши согласные показания были ложны, то он был главный и единственный виновник, а если верны, то он был в этом ни при чем. Обвинительный акт не опровергал наших показаний и тем не менее привлекал Бергера к суду.

Я явился в суд [15 декабря] в назначенное время – 10 часов утра, мой товарищ по скамье подсудимых был налицо, адвокаты, лучше знакомые с привычками суда, явились часам к 12. Дело стояло на очереди первым, но по каким-то причинам очередь была изменена, и до нас она дошла только часам к 6. Суд не стеснялся с временем не только подсудимых и свидетелей, но и адвокатов, которые без толку должны были потерять целый рабочий день.

Наконец, дело началось. Оно заинтересовало публику, главным образом судейскую, и заинтересовало потому, что выступал популярный Андреевский. Места для публики были переполнены. Был прочитан стихотворный обвинительный акт, допрошены подсудимые, давшие совершенно согласные (для добросовестности можно сказать: согласованные) показания, допрошены немногочисленные, имевшие чисто формальное значение свидетели; прокурор произнес краткую речь, в которой настаивал на моем намерении разрушить русское государство посредством неотвратимого взмаха стальной руки, топоров и динамита[288], а по отношению к Бергеру отказался от обвинения ввиду согласных показаний подсудимых, не противоречащих им показаний типографа и отсутствия каких бы то ни было противопоказаний. Настаивание на преступности топоров и динамита было особенно неумно, так как во время произнесения его речи на судейском столе уже лежал предоставленный нами английский подлинник стихотворения; прокурор о нем даже не упомянул, настаивая на символическом значении стихотворения и применении его к русской революции 1905 г.

Затем произнес свою речь Андреевский. Речь была действительно образцовая. Поэт-парнасец[289] и юрист сказались в ней в превосходным сочетании. Он сказал, что если бы я судился с литературной точки зрения, то он, Андреевский, поддерживал бы обвинение, но оснований для обвинения юридического в сборнике нет. Он подробно разобрал речь прокурора и не оставил

в ней камня на камне, в особенности по отношению к «Пионерам», которые он сличил с английским подлинником. Указал и на то, что его положение как защитника было бы труднее, если бы прокуратура сочла нужным привлечь меня к ответственности и за Пушкина[290].

Гольдштейн счел нужным на всякий случай тоже произнести речь в защиту Бергера, хотя, в сущности, она была не нужна ввиду отказа обвинителя.

Последних слов не было.

Суд совещался недолго и вынес обоим подсудимым оправдательный приговор.

Здравый смысл на этот раз победил.

С моей личной точки зрения (опять-таки совпадающей с прокурорской), обвинительный приговор, поглощаемый другим обвинительным приговором, был бы удобен: он дал бы право на затяжное кассационное разбирательство в сенате. Но можно было обойтись и без него, так как у судебного следователя уже находилось другое мое дело, на этот раз созданное только жандармерией и прокуратурой без всякого содействия с моей стороны.

Из суда я отправился в редакцию газеты «Слово», в которой я иногда писал после окончательной гибели «Нашей жизни», и там написал репортерскую заметку о моем деле. Я дал ей заголовок «Литературный вечер в зале Судебной палаты»[291] и составил ее в ироническом тоне. У меня осталось в памяти, что гонорар за нее я получил в размере 12 рублей, – это был мой заработок за день потерянного времени, но не труда: таковой был целиком со стороны прокурора и Андреевского; написать же отчет под свежим впечатлением было очень легко.

Я не стану говорить об остальных моих литературных процессах. Частью они совершенно улетучились из моей памяти[292], частью они не кажутся мне интересными. Но – «еще одно, последнее сказанье».

В начале 1912 г. окончилось последнее, как мне казалось, дело. Палата приговорила, Сенат отверг. Ждать было больше нечего. Или нет: ждать следовало исполнения приговора через 3–4 недели.

Было известно, что условия сидки в Двинской крепости лучше, чем в других крепостях. Комендант крепости, старый генерал[293], очень добродушный и порядочный человек. Офицеры действуют в пределах инструкций, даваемых генералом. Камера просторная, светлая, книги пропускаются без замедления, свидания даются без труда. Летом даже выпускают на Двину купаться под охраной солдата. Во время проезда через Двинск я

один раз остановился в нем, посетил там одного заключенного и убедился в справедливости сведений. Там отбывали свое наказание и Мякотин с Пешехоновым[294] и помимо купанья имели удовольствие видеться друг с другом на прогулках по крепостному двору, несмотря на одиночный характер заключения. Все располагало к тому, чтобы сесть именно там.

Сделать это было не трудно. Нахождение под залогом не препятствует разъездам: надо только извещать о перемене адреса. И вот следовало к моменту приведения приговора в исполнение оказаться в Двинске; тогда приговор законным образом был бы приведен в исполнение именно там. Так сделали в свое время и Мякотин с Пешехоновым. Нужно было только хорошо приноровить время своего отъезда туда, чтобы, с одной стороны, не быть застигнутым приговором в Петербурге, а с другой – не провести слишком много времени в Двинске зря.

И вот я уже отбирал книги и вещи для поездки в Двинск. Никаких надежд и возможностей, казалось, не было. Ровно год оставался до ожидаемой амнистии. Его и придется провести в крепости. Я запасся на время сидки подходящей работой.

И вдруг – повестка к судебному следователю. Было точно чудо. Вопреки всем основаниям, всем надеждам. Но далее еще чудеснее.

У меня как-то совершенно улетучилось из памяти, в чем состояло это последнее дело. Была ли это газетная статья или какая-нибудь из моих брошюр – не помню. Но вновь возродилась надежда на год задержки.

Дело сначала пошло быстрее, чем я хотел.

Фамилия следователя, к которому я попал, была Головня. В первый раз за время моего состояния подсудности я попал к какому-то держиморде.

– Итак, вы изволите утверждать, что не имели преступного намерения. А как вы объясняете… – не с иронией, а с каким-то грубейшим издевательством допрашивал меня Головня. Все поведение его, вся система допроса, – вызвав к какому-либо часу, заставлять ждать в приемной 3–4 часа и более, – все это имело нарочито злобный, издевательский характер. Не понимаю, как никто раньше не дал ему пощечины, – он точно хотел ее (а может быть, и в самом деле хотел). Я человек очень сдержанный, но у меня чесались руки.

Вместе с тем все мои попытки сорвать допрос и добиться отсрочки, раньше нередко увенчивавшиеся успехом, при Головне своей цели не достигали. В два-три допроса он закончил исполнение своих обязанностей по отношению ко мне и сказал:

– В следующий раз я вызову вас, вероятно, в такой-то день

(очень скоро) и предъявлю вам дело как оконченное. А через месяц или полтора вы будете на скамье подсудимых.

Вопреки всем прецедентам, Головня потребовал от меня второй тысячи рублей как залога. Пришлось ее внести.

Не знаю, понимал ли он, произнося последнюю угрозу, что скамья подсудимых для меня совершенно не страшна, что ему за нее я все-таки благодарен и был бы благодарен еще более, если бы он выдумал еще одно-два обвинения.

И я рассчитывал. Значит, суд – еще весной. Обвинительный приговор неизбежен. Значит, Сенат. А осенью – все-таки сидка. Правда, не год, а меньше.

Но вот прошел назначенный день, – нет повестки. Прошла еще неделя, – все нет.

И вдруг читаю в газетах: вчера в здании окружного суда в камере судебного следователя Головни был обыск. Головня арестован. Он обвиняется в присвоении значительной суммы денег, находившихся у него – не помню, на каком основании.

По слабости человеческой натуры, я очень порадовался чужому несчастию. Порадовался особенно: никогда ни к кому из лиц, с кем я имел дело по поводу моих литературных дел, личной злобы я не питал; не питал их ни к прокурорам – которых я, впрочем, и не видал иначе как в день суда, и притом на некотором расстоянии, слишком большом для моего недостаточного зрения, – ни к судьям. Тем более к судебным следователям, с которыми приходилось иметь всего более близкие отношения, но которые все были людьми вполне культурными и порядочными. Головня составлял редкое исключение. И злобу я питал не потому, чтобы он раскрывал и делал тщетными мои ухищрения для заторможения дела, – к этому я привык и признавал его вполне в своем праве. Чувствовал злобу за его недопустимую, оскорбительную манеру вести себя.

Теперь я уже чувствовал себя в полной безопасности. Дело, конечно, возобновится, когда новый следователь ознакомится с ним. Но раньше осени оно до палаты не дойдет. Там – Сенат, а там, в феврале 1913 г., – и амнистия. В худшем случае посидеть придется два-три месяца, а вероятнее, и того не будет.

Случилось еще лучше. Новый следователь, видимо, не успел ознакомиться с делом до осени. А осенью состоялся тайный (но ставший известным) приказ по судебному ведомству приостановить в ожидании амнистии литературные дела, находившиеся в порядке производства[295]. А там действительно последовала теперь уже всеми ожидаемая амнистия[296]. Она была не полная, но на литературные дела была распространена. Мой залог я получил обратно, в том числе и вторую тысячу рублей,

внесенную через Головню.

Я подробно рассказал свои литературные дела, державшие меня 7 лет под дамокловым мечом приговора к году крепости. Я был все время на свободе под гарантией залога, сперва в 1000 рублей, потом в 2000 рублей. Я имел возможность разъезжать по России для чтения лекций и по другим надобностям, только извещая судебную власть о своих разъездах, и то не всегда. Я даже раз уехал за границу (в Турцию в 1909 г.), но эта поездка была сопряжена со значительным риском: если бы я был вызван к суду в момент отсутствия, то залог был бы конфискован, а я по возвращении арестован. Но я поручил Зарудному следить в суде за моим делом и в случае опасности вызвать меня назад телеграммой.

Очень неприятная сторона была в том, что состояние под приговором лишало меня по избирательным законам как 1905 г., так и 1907 г. избирательных прав. Но отбытие наказания и даже амнистия от этого последствия не освобождали. В законе сказано: не имеют прав лица, судившиеся за преступление, влекущее за собой лишение или ограничение в правах состояния, и судом не оправданные, хотя бы дело было окончено за давностью, вследствие помилования или по другим причинам. Я судился по статье 129, карающей как максимум каторжными работами с лишением прав, и не только не был оправдан, но [и] был обвинен, хотя и приговорен к минимальному наказанию, допускаемому этой статьей, а именно к крепости без лишения прав.

Аналогичная статья имелась и в нашем земском положении. Имелась и практика, доходившая до Сената, и сенатская практика колебалась: иногда на лиц, приговоренных без лишения прав, действие этой статьи распространяли, а иногда – нет.

При составлении списков избирателей для выборов в III Думу, когда я обладал достаточным имущественным цензом (квартирой) в течение уже достаточного срока, я в список избирателей включен не был; не был – в силу своей подсудности.

Вопрос был тогда (для выборов в Государственную думу) внове и заинтересовал и литературу, и адвокатуру. Известный адвокат Маргулиес первый – раньше, чем я сам успел как-нибудь реагировать на это мое исключение, – предложил мне опротестовать в Сенат решение комиссии по делам о выборах. Я принял предложение с благодарностью. Маргулиес отстаивал мои права в Сенате, доказывая, что хотя я судился по статье 129 и обвинен, но, будучи приговорен к крепости без лишения прав, я должен быть признан оправданным по обвинению в тяжком преступлении и обвиненным только за проступок, не влекущий

таких последствий; следовательно, мой приговор не должен вести за собой и частичного правопоражения. И он ссылался на более ранние, сейчас мною упомянутые сенатские решения.

С точки зрения буквального смысла закона его толкование должно быть признано натянутым. Но общему духу закона оно вполне соответствовало. В самом деле: человек приговорен к наказанию, не влекущему за собой правопоражение и даже принадлежащему к числу так называемого custodia honesta[297]. За что же подвергать его правопоражению? За то, что его преступление в уголовном кодексе помещено где-то рядом с более тяжелыми преступлениями? Тем не менее Сенат под давлением министра Щегловитова решил дело против меня, и об этом решении по делу Водовозова говорил в Думе Щегловитов, и оно же послужило прецедентом для лишения прав Муромцева и других перводумцев, литераторов Мякотина и многих других. Амнистия 1913 г. наших прав не восстановила, и если бы произошли еще новые выборы по старому закону, то все мы не могли бы получить ни активного, ни пассивного права голоса.

В связи с моими процессами я расскажу здесь один удивительный и очень трогательный эпизод.

В начале 1911 г. – телефонный звонок:

– Говорит Максим Ковалевский. Мне нужно поговорить с вами по делу, вас касающемуся. Приезжайте, пожалуйста.

Я приехал.

– Скажите, пожалуйста, ведь над вами тяготеет приговор к одному году крепости?

– Да.

– Если вы считаете возможным, то ответьте мне на интересующий меня вопрос. Почему вы не уезжаете за границу? Ведь через два года, наверное, будет амнистия. Два же года эмиграции лучше года крепости.

– У меня есть несколько причин, но в настоящее время главной является та, что за меня лежит залог в тысячу рублей. Эти деньги принадлежат не мне; я должен их возвратить, а средств у меня к этому нет.

– А если бы у вас эта тысяча была, вы уехали бы?

– Мне не приходилось думать об этом. Но, вероятно, да. Конечно, тогда, когда сидка приблизилась бы. Теперь до нее еще по крайней мере несколько месяцев.

– Ну так вот что. Если вы надумаете бежать, то тысячу рублей я могу вам дать. Когда решите, скажите.

Лично с Ковалевским я никогда не был близок. Я бывал у него в квартире на разных заседаниях, которые у него происходили довольно часто; встречались мы и в других местах,

но и только. Никаких прав на особый ко мне и моему положению интерес со стороны Ковалевского я не имел. Никакого намека ему я не делал. Его предложение было для меня так же неожиданно, как и вызов к Головне, и оно очень меня тронуло и оставило теплую и благодарную память о Ковалевском.

Воспользоваться им мне не пришлось[298].

Мои процессы и амнистия 1913 г. были для меня последними отзвуками первой русской революции, поскольку она была связана с моей личной судьбой. Рядом с ними шла уже мирная, вошедшая в свои берега жизнь. Тут была деятельность двух спокойных Дум, 3-й и 4-й, тут жила своею жизнью и литература. В той и другой я тоже принимал участие, и о той и другой у меня тоже есть свои воспоминания.

Прага, 1 сентября 1931 г.

ЧАСТЬ V. РЕВОЛЮЦИЯ 1917

Глава I. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. как начало революции. – Мое отношение к революции; пессимистический прогноз. – Общественное настроение при наступлении революции. – Отрицательные явления в революции, сказавшиеся в первые ее дни. – Усиление преступности

1 ноября 1916 г. Милюков произнес в Думе свою знаменательную речь, в которой всю деятельность правительства квалифицировал как глупость или измену и в которой позволил себе прямое нападение на императрицу, для смягчения, правда, произнесенное в виде немецкой цитаты[299]. Для меня сразу стало несомненным, что революция приближается; я даже формулировал дело так: «Революция началась». Начало ее можно приурочить к этому моменту с таким же правом, как начало Великой французской революции не к взятию Бастилии[300], а ко дню открытия Генеральных штатов 5 мая 1789 г.[301] Если не какой-нибудь революционер, а вождь мирной и умеренной партии мог говорить таким языком и если у царского правительства не только не оказалось сил его за этот язык покарать, но [и] пришлось немедленно уволить министра (Штюрмера)[302], против которого была направлена речь Милюкова, – значит, песенка правительства спета. Это чувствовалось в воздухе, и большинство тех людей, кому я высказывал свое мнение, со мной соглашалось; были, однако, и такие, которые надо мной смеялись, например Гревс.

Когда теперь ретроспективно вспоминаешь события следующих четырех месяцев, кажется, что все подтверждает это мнение: убийство Распутина[303]; закрытие декабрьской сессии Думы[304], при котором не кадет, а уже октябрист Родзянко не счел нужным провозгласить обычного «ура» в честь государя; продовольственные затруднения; беспрестанная смена министров и в особенности падение Штюрмера, принесенного в жертву общественному мнению, – все это следовало одно за другим с ненормальной быстротой, все это насыщало воздух революционным настроением. Но тогда, по свойственному почти каждому человеку, и мне в том числе, нетерпению, казалось, что события движутся с крайней медленностью, и это нетерпение заставляло меня сомневаться: уж не ошибся ли я? не принял ли я

за раскат грома случайную хлопушку?

Хотел ли я революции?

На этот вопрос мне самому не так легко ответить.

С очень давнего времени, еще с конца 90-х годов, в особенности с 1898 г., тем более с 1903 г., когда я провел в Германии два раза по нескольку месяцев, изучая их политическую жизнь и в особенности эволюцию ее социал-демократической партии, я выработал себе там историческое мировоззрение, сильно окрашенное пессимистическим цветом. Исходной его точкой было разочарование в социализме. Я пришел к убеждению, что социализм есть не научное учение, а религиозное и что ему уготована судьба всех религий, в частности и даже в особенности христианской. Начинается новое религиозное движение всегда небольшим числом людей благородных, самоотверженно ему преданных, не преследующих никаких личных целей и даже в противниках движений вызывающих личное к себе уважение. Смотря на окружающий мир с высоты отвлеченной доктрины и ясно чувствуя свое нравственное над ним превосходство, эти люди не допускают никаких компромиссов со своей совестью и резко противополагают свое мировоззрение старому, как не имеющему ничего с ним общего. Но дни бегут, движение ширится, к нему примыкают широкие массы людей, стоящих на низшей ступени морального и интеллектуального развития, и новое учение вульгаризуется, все больше и больше сближаясь и применяясь к учению господствующему; оно все чаще принуждено сталкиваться с конкретною жизнью, и это ведет к тому же последствию: все большему сближению нового и старого. Новое учение по-прежнему резко провозглашает догматы в их первоначальной неприкосновенности, но дух живой революционности уже отлетел от них. И в результате новое учение проникается всеми элементами прежнего; вождем христианства вместо непримиримого Иисуса Христа становится ищущий примирений и компромиссов с языческим миром апостол Павел, провозглашающий: «Несть бо власть, аще не от Бога»[305] и применяющий этот афоризм даже к языческим властям эпохи Нерона. Дни идут дальше, христианство побеждает языческий мир, но само становится языческим.

Совершенно то же происходило на моих глазах с социал-демократизмом. В нем в лице Эд[уарда] Бернштейна уже явился свой апостол Павел, пропитавший революционное учение всеми элементами отвергаемого этим учением строя. На всех партейтагах германской социал-демократической партии, на которых я лично присутствовал (Штутгартский 1898 г.,

Дрезденский 1903 г.), и других, отчеты которых читал, во всех резолюциях торжествовала ярко революционная фразеология, но этот факт не мешал мне чувствовать полную победу берштейнианства, и я убедился, что если социализм когда-либо победит буржуазный мир, то это произойдет лишь после того, как сам социализм станет вполне буржуазным и, может быть, из буржуазного мира извлечет для себя не лучшее, а худшее. Если торжество христианства в общей истории человечества было связано с гибелью всей античной культуры и потому явилось одним из реакционнейших событий, то – кто знает – не будет ли таковым же и торжество социализма?

С этой точки я расценивал и происходящие на моих глазах великие события русской истории. Еще во время первой революции 1905 г. мне как-то случилось проводить мой взгляд в разговоре с одной тогда революционно настроенной барышней, и в нем я сформулировал мой прогноз таким образом: я очень боюсь, что настанет день, когда мы все – и вы, и я – закричим: нет, лучше какой угодно Плеве, чем *такая* революция. А еще раньше, в 1903 г., в разговоре с Булгаковым (С. Н.) и его женой Еленой Ив[ановной] я говорил: в истории Европы теперь наступил второй час, – воздух некоторое время будет еще делаться все теплее, но тени уже становятся длиннее, и вечер не далек. Эта точка зрения в свое время возмущала всех. Булгаков в своем ответе на мои возражения на его лекции о Вл. Соловьеве говорил, что ему психологически совершенно непонятны такие люди, как я. Из моего пессимизма могут быть два психологически понятных ему исхода: или самоубийство, или грубый цинизм, прожигание жизни в грязных удовольствиях, я же не делаю ни того ни другого (лекция Булгакова вместе со стенографическим отчетом о прениях, в том числе и этим отзывом о мне, была напечатана в 1902 г. в журнале, называвшемся не то «Новый путь»[306], не то «Вопросы жизни»[307], выходившем при его ближайшем участии).

В настоящее время (1932 г.) такого замечания Булгаков, вероятно, не сделал бы. Людей с таким же пессимистическим воззрением, как мое, и вместе со мной не делающих ни того, ни другого вывода, появилось слишком много. Очень многие теперь говорят о «сумерках Европы»[308]. Лет 7 или 8 тому назад знаменитый историк М. Ростовцев напечатал (не то в «Русской мысли», не то в «Современных записках») статью о прогрессе[309], в которой доказывал, что вера в бесконечный прогресс решительно ни на чем не основана и эпохи сильнейшей реакции совершенно неизбежны в истории. А несколько месяцев тому назад такой умный человек, как Алданов, – не историк по профессии, но

редкий знаток истории, – выразил ту же мысль более образным и наглядным образом: он считает вполне вероятной в ближайшем будущем победу хамства, дикости и варварства[310].

После 1905 г. предсказанное мною положение, которое было бы хуже, чем эпоха Плеве, не наступило. Как ни много было гадости при Столыпине, как ни жалки были Третья и Четвертая думы[311], но для меня было бесспорно, что революция 1905 г. была шагом вперед, а не назад. Но революция 1917 г., давшая торжество большевикам, лишившая Россию тех крупиц политической и личной свободы, которые она имела, толкнувшая ее к обнищанию и голодам 1921 г. и, по-видимому, предстоящему в 1932 г.[312], давшая в ней торжество действительно хамству и варварству, – эта революция действительно заставляет вспоминать о временах Плеве и Столыпина чуть ли не как о потерянном рае; во всяком случае, «лучше какой угодно Плеве, какой угодно Столыпин, чем *такая* революция».

Если таков был мой прогноз революции, то мог ли я желать ее и желал ли, а когда она пришла, то мог ли я ей радоваться? Да, несмотря на прогноз и на все прочее. С самого начала моей политически сознательной жизни, т. е. с начала 80-х, если даже не с конца 70-х годов, революцию я желал, о ней мечтал, к ней стремился. За сорок лет с этого времени до действительного ее прихода и мои чаяния от революции, и мои прогнозы, и оценки совершающихся событий – все это, конечно, сильно менялось. Я сказал, что определенно пессимистическое отношение к человеческому прогрессу вообще и, в частности, к ближайшей революции у меня выработалось около 1898–1903 гг.; до того у меня сохранялось довольно обычное для того времени юношеское представление о революции как о чем-то бесконечно светлом, лучезарном, поднимающем дух и силы, дающем толчок и простор личной и общественной самодеятельности. Революция казалась бурей со всей ее романтической поэзией и прелестью, и «Буревестник» Горького[313] с его странным поэтическим образом птицы, «черной молнии подобной», вполне соответствовал настроению, вызываемому мыслью о революции. Как могло держаться такое убеждение? Правда, тогда я был молод, но не юнец же, читал много по истории Французской революции, в частности Тэна[314], и мог бы относиться к делу более критически. И не я один был очарован идеей революции; по существу все историки революции, за исключением Тэна (но ему я, как и все мое поколение, совершенно не верил, а Ленотра и Мадлэна тогда еще не было[315]), хотя и говорили о терроре, о деспотизме и Робеспьера, и термидорианцев, об экономическом упадке в период террора, все-таки окружали революцию ореолом величия

и блеска. Возьмите хотя бы главы Кареева в его новой истории[316]; отрицательные факты все налицо, попытки утаить их нет, но написаны они так, что настроение эти главы вызывают у читателя все-таки восторженное, несмотря даже на бледность и мертвенность кареевского языка. Тем более у историков крупного научного и литературного таланта, как Минье, Л. Блан, особенно Олар[317].

Но, как я уже сказал, на рубеже XIX и XX вв. мое отношение к делу сильно изменилось. Изменилось, собственно, отношение не столько к моменту революции, сколько к явлению более общему и длительному – к прогрессу человечества, но вместе с тем отрицательные черты и в революциях стали вырисовываться для меня отчетливее, не закрывая и не уничтожая черт положительных; я начинал понимать (может быть, правильнее будет сказать: предчувствовать), что для поколения, живущего в эпоху революций, она должна представляться далеко не со своей положительной стороны. И вполне уразумел это я во время первой нашей революции 1905 г., хотя как раз в ней отрицательные черты сказывались слабо. И все-таки я ее продолжал желать. Слишком душно было перед революцией, слишком нелепо вело себя правительство, слишком ясно чувствовалось, что правительство медленно, но верно тянет нас не то в пропасть, не то в трясину. Естественно было желать, чтобы буря освежила воздух, хотя бы и ценою не только многих поломок, но – что гораздо хуже – ценою поднятия из глубины жизни новых миазмов.

Тут есть очевидное внутреннее противоречие, но это противоречие логическое, а не психологическое, и думаю, что хотя мой противоречивый пессимизм в то время был явлением довольно редким, но все-таки перед революцией 1917 г. не совершенно индивидуальным. Я пережил это настроение, когда хищническая и вместе не предусмотрительная группа приближенных Николая II затянула нас в ненужную Японскую войну, которую к тому же не умела вести. Вторично я пережил его после того, как правительство, искусно расслоив оппозицию, сумело сравнительно легко раздавить первую революцию, отделавшись от народных требований цензовой и бессильной Думой. Это настроение только укрепилось, когда правительство, будучи втянуто ходом событий в европейскую войну, опять обнаружило полнейшую, совершенно исключительную бездарность, как военную, так и административную. И больше того, теперь, в эмиграции, я переживаю то же настроение в третий раз. Вновь, и даже сильнее, чем когда бы то ни было раньше, я всеми фибрами своей души жажду революционной бури, которая

должна стереть с лица земли самый омерзительный, самый подлый, самый тиранический строй, какой только знает вся человеческая история на протяжении по крайней мере всего XIX и XX вв., а может быть, и раньше[318].

Я жажду бури, а между тем я уверен, что она принесет с собою массу гадости, что, свергнув хотя и отвратительный, но все-таки установившийся порядок, она создаст вместо него хаос, и очень вероятно, что при господстве шаек нового Махно или Петлюры мы, столь ненавидящие большевиков, будем говорить (если еще будем что-нибудь говорить, а не болтаться на виселицах): нет, все-таки при большевиках было хоть какое-нибудь подобие порядка, а теперь… И все-таки да приидет царствие твое[319], новая революция!

Итак, революция началась 1 ноября 1916 г., и я страстно ждал, чтобы она разгорелась ярким пламенем, томился от того, что она только тлеет. Но вместе с тем я не находил возможности приложить к ней своих рук. По-прежнему я ходил на заседания Трудовой группы и поддерживал в ней Керенского, рвавшегося в бой против более осторожного Дзюбинского, но участия в революции я в этом не чувствовал не только для себя, но и для Трудовой группы и, в частности, для Керенского: ведь Дума в этот период была созываемой только на самые короткие сессии. Приближение революции я почувствовал при убийстве Распутина, но в этом последнем факте все то общественное течение, с которым я шел, было совершенно ни при чем. Конечно, убийство Распутина, хотя и совершенное реакционерами, стало возможным лишь благодаря общей атмосфере ненависти и гадливости к Распутину, но это же не личное участие в акте убийства. Я почувствовал приближение революции, когда Родзянко при закрытии сессии Думы не провозгласил обычного «ура» в честь Николая, но и здесь с нашей, в частности с моей, стороны, было не личное участие, а только инертное участие в общем настроении, на которое опирался Родзянко. Я по-прежнему писал различные статьи в газете «День», но военная цензура свирепствовала более чем когда-либо, и живым общественным делом писание этих статей не было. Принимал участие я и в некоторых совещаниях различных общественных групп, но из этих совещаний ничего конкретного не выходило[320]. А между тем страшную поступь революции я ясно слышал, как все, кто не был глух, хотя иногда и сомневался, не ослышался ли я, не принял ли я хлопушку за удар грома.

Кто не был глух, сказал я; смысл этого выражения ясен для всех. Но для меня он имеет еще один и как раз прямой смысл. В эту эпоху, о которой я говорю, меня постигло большое личное

несчастие, очень печальным образом отразившееся на моей последующей жизни, сделавшее меня инвалидом: я оглох. Уже давно, еще с конца 90-х годов, я начал замечать ослабление слуха – болезнь, унаследованная мною от матери, которая умерла (в 1923 г.) совершенно глухою. Я пробовал лечиться, доктора определили катар среднего уха и в утешение сообщили, что медицина не знает средства против него; ездил я лечиться (еще в 1901 г.) к знаменитейшему в то время ушному врачу Брауну в Триесте, который один знал средство против этой болезни, но средство оказалось действительным только на два-три месяца, по истечении которых вернулось прежнее состояние слуха, а затем болезнь продолжала медленно прогрессировать. Перед войной я должен был во всех общественных собраниях выбирать себе место перед ораторской трибуной, а если таковой не было, то переходить с места на место к каждому очередному оратору, сильно напрягать свой слух, и все-таки многое сказанное ускользало от меня. Тем не менее я не считал еще себя инвалидом: читал лекции, выступал на собраниях и мог еще участвовать в дебатах, хотя иногда и попадал впросак, неверно поняв мнение не дослышанного мною противника. В годы войны болезнь начала прогрессировать быстрее, и я уже начинал чувствовал себя инвалидом, предвидя день, когда мне придется окончательно сдать себя в архив. Ясным симптомом этого было то, что я почти ни с кем не мог говорить по телефону: только у очень немногих из моих знакомых дикция была настолько отчетливая, что их голос в телефонной мембране не обращался в невнятный шепот.

Случилось, однако, нечто совершенно не предвиденное мною. Когда началась революция, – не речь Милюкова 1 ноября, а настоящий народный взрыв 27 февраля, – она настолько подняла всю мою нервную систему, что я начал слышать почти нормально или, по крайней мере, гораздо лучше прежнего. Я вновь получил возможность говорить по телефону со всеми и даже ясно слышал в телефон очень глухой, очень плохо соответствовавший моим слуховым средствам голос проф. Ал[ександра] Ив[ановича] Введенского. Все мои знакомые заметили это. Влияние революции было гораздо сильнее и, главное, длительнее, чем когда-то влияние внутреннего ушного массажа д-ра Брауна; вновь ухудшаться мой слух начал только в октябре и ноябре; ухудшение произошло как-то почти сразу и было замечено мною на устраиваемых мною митингах в Оренбургской губернии, когда я перестал слышать очень громкие выражения злобы и негодования с мест и должен был догадываться о них только на основании своих зрительных восприятий.

Наконец, эта долго ожидаемая революция наступила. Началась забастовка. Трамваи прекратили движение. Правительство принимало все военные меры. Наконец, в ночь на воскресенье 26 февраля сессия Думы была объявлена закрытой, но Дума отказалась подчиниться и образовала Комитет Думы[321]. Около того же момента – немного раньше или немного позже – в Петербурге[322] образовался Совет рабочих депутатов[323].

Я должен сознаться, что общеполитические события этих дней, несшиеся стремительным потоком, уложились в моей памяти крайне неясно. Я не могу с точностью и уверенностью установить их хронологическую последовательность. Но совершенно ясно чувствую, какое громадное значение имел акт Государственной думы. Конечно, спор о том, благодаря ли акту Думы пала империя или благодаря образованию Совета рабочих депутатов, является спором схоластическим, беспредметным. Акт Думы был бы невозможен, если бы революции не было в воздухе, но без него переход армии на сторону революции не совершился бы так быстро и легко. Выделять отдельные события из революции нельзя: революцией было все это, вместе взятое[324].

2 марта, в день отречения от престола императора Николая (о котором в Петрограде еще не знали) я отправился в Таврический дворец с общею целью – узнать, что происходит, и с целью специальной – выхлопотать освобождение одного знакомого. Это был отставной генерал Юрковский[325]. Генерал, с которым я изредка встречался у знакомых, был в отставке уже в довоенное время и был настолько стар, что во время войны на службу вновь не поступал; все время войны он провел в Петербурге, слегка фрондируя и старчески критикуя в гостиных ведение войны. При всем его отставном либерализме он по существу был и монархистом, и консерватором и революцию мог встретить, конечно, только враждебно. Но вместе с тем никаких поводов для ареста быть не могло, – это было для меня совершенно несомненно. К тому же когда я был арестован в конце 1915 г., то генерал Юрковский сам вызвался хлопотать за меня, и хотя я был освобожден раньше, чем он успел что-нибудь сделать (он только добился возврата мне забранных у меня бумаг), но все-таки я считал себя обязанным отплатить ему тем же самым. Арест его, как мне рассказали, совершился таким образом. Он жил в гостинице «Астория», которая во время войны была специально предназначена для военных, как состоявших на службе, так и отставных. И вот все жильцы этой гостиницы были арестованы солдатами и отправлены в какую-то тюрьму; Юрковский в том числе.

Я пошел в Таврический дворец. Дорога с Васильевского

острова довольно дальняя: пешего хождения больше часа в нормальное время; трамваев не было, извозчиков тоже. Местами шла перестрелка, по некоторым улицам, занятым солдатами и заставленным автомобилями, не было прохода. Шел я окольными путями очень долго, помнится – часа два с половиной. Наконец пришел. У дверей стража, не пропускает.

– К кому вы?

– К Керенскому.

– А кто такой Керéнский? (С ударением на среднем слоге.)

Вопрос, да еще в устах солдата, стоявшего на страже у дверей Таврического дворца, меня удивил: Керенский уже был министром юстиции и вице-президентом Совета рабочих депутатов[326].

– Не велено пущать!

Однако через другие двери я прошел. Во дворце встретил массу знакомых, между прочим И. В. Гессена. С ним я вступил в горячий спор: я настаивал на том, что первым делом Временного правительства должен быть созыв Учредительного собрания, что откладывать этого созыва нельзя ни на одну неделю, что сейчас уже, в несколько дней, нужно выработать закон о выборах и тотчас же приступить к составлению списков избирателей, чтобы не позднее августа, а если окажется возможным, то и раньше произвести сами выборы. Гессен же доказывал: во время войны производить выборов нельзя, нужно управлять страною теми силами, которые имеются налицо, и вести войну. С необходимостью вести войну я был совершенно согласен, но не видел возможности приостановить всю остальную жизнь страны; для правильного же хода жизни необходимо правительство с юридическим титулом под собою[327]; провозглашение же Временного правительства, только что совершившееся в этом самом Таврическом дворце, таким титулом не является. Само Временное правительство окрепнет еще до созыва Учредительного собрания, если будет известно, что оно готовит его созыв и работает над ним.

Гессен со мной не соглашался – он видел достаточный титул в восторге толпы, провозгласившей Временное правительство, и твердо надеялся на его прочность.

– Но ведь это только Петербург! А что думает и говорит провинция? И ведь этот самый восторг завтра же может смениться восторгом по другому адресу! Пока нет Учредительного собрания, до тех пор Временное правительство висит в воздухе и каждый день, каждую минуту может свалиться.

Аргументация моя не убедила моего собеседника.

Тут же мне рассказали о посещении Таврического дворца

великим князем Кириллом Владимировичем, – эпизод, слишком хорошо теперь известный. Он явился во дворец во главе Гвардейского экипажа, с красным бантиком в петлице, чтобы предоставить себя в распоряжение Временного правительства; потом долго дружески и совершенно демократически беседовал с журналистами, выражая полнейшую радость по поводу совершившейся революции. К сожалению, я его не застал; он ушел за полчаса до меня[328].

Керенского в этот раз я не добился – его, можно сказать, рвали на куски, – и совершенно не помню, с кем говорил о деле Юрковского, но помню, что с кем-то бывшим в ту минуту «власть имеющим» или некоторое подобие власти. И он мне определенно обещал сделать для Юрковского все возможное и действительно исполнил свое обещание. Но эпизод этот обернулся очень комическим финалом.

Оказалось, что Юрковский, о котором я хлопотал, по каким-то причинам за несколько дней до революции съехал из «Астории» в меблированные комнаты и арестован не был, а его знакомые захлопотали о нем так зря, вследствие какого-то недоразумения. Но в «Астории» был арестован другой Юрковский, тоже военный[329], и этот-то совершенно неизвестный мне генерал или полковник был освобожден по моим хлопотам. Впрочем, благодаря мне он был освобожден только, может быть, всего на несколько часов раньше, чем был бы освобожден и без меня, потому что вообще этот бессмысленный арест был снят очень скоро. Но освобожденный Юрковский никогда не узнал о моей роли в его освобождении.

Нарушая строго хронологический порядок, расскажу здесь еще о нескольких аналогичных моих хлопотах.

Через несколько дней ко мне обратилась одна знакомая дама. У нее – старая прислуга, живущая уже не один десяток лет. У этой прислуги сын – городовой, и этот городовой арестован вместе с тысячами других. Прислуга в смертельном страхе – а ну как расстреляют или убьют, и дама обратилась за помощью ко мне, зная о моей близости с Керенским. Городовой был не постовой, а речной полиции. Я отправился к Зарудному (товарищу министра юстиции), тот меня направил к прокурору, ведущему эти дела. Прокурор подробно расспросил о всех обстоятельствах, я сообщил все, что могло говорить в пользу этого городового. И тут, в конце концов, я действовал впустую: городовой, как оказалось позже, был уже освобожден, когда я говорил о нем с прокурором.

Третий случай. В Перми был арестован губернатор М. А. Лозина-Лозинский. Этот Лозина-Лозинский был товарищем по Училищу правоведения и когда-то близким приятелем А. С.

Зарудного, который и познакомил его еще в конце 80-х годов со мной и со всем кружком братьев Ольденбургов. В течение нескольких лет я дружил с Лозинским. Он женился на очень милой барышне, прекрасной певице, дочери известного писателя К. М. Станюковича, близкого нашей семье. Писал Лозинский довольно много дельных юридических статей[330]. В середине 90-х годов жена Лозинского умерла еще очень молодой[331], а Лозинский очень скоро после ее смерти женился на какой-то особе из круга Плеве[332], стал более или менее близким человеком к Плеве и начал делать хорошую карьеру. Со всеми нами, и с Зарудным в том числе, он порвал (или, может быть, мы с ним порвали). В начале 900-х годов он получил губернаторский пост и в течение времени до революции занимал его, только переменив несколько губерний, под конец был в Перми. Как губернатор он пользовался отвратительной репутацией, проявляя в различных формах самодурство[333] и представляя из себя типичного губернатора плевевской, отчасти столыпинской выделки, лучшими образцами которых были Думбадзе ялтинский, Толмачов одесский, Ник[олай] Маклаков черниговский; Лозинский стоял во втором ряду, как Мономахов и некоторые другие. Во всяком случае, в одном запросе о бесчинствах провинциальной администрации, который был внесен в Думу Трудовой группой, я вставил несколько подвигов Лозинского. Теперь он был арестован в Перми[334].

В это время в Перми находился Ал. Ив. Введенский, посланный туда прочитать какой-то курс в тамошнем университете, официально считавшемся пермским отделением С.-Петербургского университета. Перед отъездом из Перми в марте месяце Введенский получил записку, пересланную ему из тюрьмы Лозинским, в которой Лозинский, узнав о его предстоящем возвращении в Петербург, умолял похлопотать о нем. Введенский обратился с этой просьбой ко мне, и я взялся за нее.

Брался я, конечно, не с той охотой, как в первых двух случаях. Конечно, я был вообще против массовых арестов, совершавшихся вне всяких легальных форм. Но тут был арестован яркий представитель старого режима, лично виновный в очень многих грехах этого режима, следовательно несший на себе ответственность и за самую революцию, и за то воспитание народа, которое теперь сказалось во всех бессмысленных арестах, из которых его арест был наименее бессмысленным, а, может быть, даже имел свои основания.

Тем не менее прав я был или не прав, но я отправился к Зарудному. На этот раз Зарудный, не направляя меня ни к кому другому, ответил, что об этом аресте он знает и уже вчера сделал

по телеграфу распоряжение об освобождении Лозинского.

– Но приведет ли к чему-нибудь мое распоряжение, не знаю. Подобных распоряжений в провинции я сделал уже довольно много; в некоторых случаях они исполнялись, а в некоторых я получал нагоняй от местного совета рабочих депутатов: зачем, дескать, я мешаюсь не в свое дело, – совет сам знает, кого арестовывать, кого освобождать.

Не знаю, получил ли Зарудный и на этот раз нагоняй, но распоряжение тогда исполнено не было. Через несколько времени я слышал, что тюремные сторожа как-то ушли на митинг или куда-то в другое место и по забывчивости оставили ворота тюрьмы незапертыми. Лозинский этим воспользовался – ушел из тюрьмы и тотчас же уехал из Перми[335]. Верен ли этот рассказ, я не знаю, но невероятного в нем ничего нет: о подобных уходах из незапертых тюрем я слышал несколько вполне достоверных рассказов, правда, из более позднего времени. Дальнейшей истории Лозинского не знаю.

Еще один, последний случай аналогичных хлопот.

В марте месяце заявился ко мне молодой человек, учащийся в каком-то низшем техническом заведении.

– Я Нестеров (может быть, фамилию и путаю, но, кажется, нет. – *В. В.*), сын того Нестерова, с которым вы сидели в Доме предварительного заключения в конце 1915 года. Он вновь сидит, не знаю, по какому обвинению. Ради бога, помогите. Семье грозит голод.

В конце 1915 г. я действительно сидел несколько дней в Доме предварительного заключения (одновременно с Мякотиным, Брамсоном и др.). Арестов тогда было произведено очень много, тюрьмы были переполнены, и я сидел в одиночной камере вдвоем с этим самым Нестеровым. Это был мастеровой, служащий на Монетном дворе. Произвел он на меня хорошее впечатление, так же как теперь его сын. Был он, как мне казалось, не революционером, а человеком мирным, не активным, но мыслящим политически. Я просидел тогда несколько дней, он остался после моего освобождения и просидел еще недель 6 или больше[336].

Я пошел в прокуратуру. Лишь только я назвал фамилию Нестерова, прокурор взял его дело и предложил мне ознакомиться с ним. Самое важное в деле было показание самого Нестерова. Состояло оно в том, что в 1915 г. он был арестован без всякой причины, а через несколько времени после ареста его вызвали в охранное отделение и предложили за определенное, очень скромное жалованье (размера точно не помню) доносить о том, что делается и говорится среди рабочих на Монетном дворе.

Он сначала с негодованием отказался, но потом, когда узнал, что дома его семья голодает, смирился и согласился, с твердым намерением никого и ничего не выдавать, но изворачиваться, что он и исполнял в течение некоторого времени.

В том же деле находилась записка Бурцева, вызванного в качестве эксперта. Он написал, что Нестеров состоял в течение 1916 г. и начала 1917 г. на службе в охранном отделении, что полной невинности его действий, какую приписывает себе сам Нестеров, предполагать нельзя, так как иначе он не получал бы постоянного жалованья, но показание о вынужденности его службы заслуживает доверия, конкретных фактов доносительства с его стороны он, Бурцев, не знает и вообще считает его человеком не злостным, но только слабым, при изменившихся обстоятельствах – безвредным. Я тоже написал свою записку, в которой изложил мое знакомство с Нестеровым, сообщил свое впечатление от него и просил о его освобождении. Когда его сын пришел ко мне узнать о результатах моих хлопот, я, как ни тяжело это было мне, откровенно сообщил ему все, что узнал, и затем заявил, что от дальнейших хлопот отказываюсь. Сын ушел от меня как пришибленный. Недели через две Нестеров был освобожден.

Таковы четыре истории моих хлопот за арестованных, из которых первые две или три имели комический исход, а последняя, пожалуй что, и трагический.

Возвращаюсь к хронологическому порядку.

Несмотря на все неудобства революционных дней – забастовку, прекращение движения трамваев, отсутствие газет (это во время войны!), продолжающуюся местами перестрелку, продовольственные затруднения – несмотря на все это, первые дни революции остались в памяти, и, конечно, не только моей, а едва ли не всех переживших эти дни, как какой-то карнавальный угар и восторг. Я не знаю случаев, чтобы, как это рассказывали в различных мемуарах про аналогичные случаи в истории (например, первые дни после убийства императора Павла), незнакомые люди, встречаясь на улице, обнимались и поздравляли друг друга[337], но знакомые это делали. Все верили, что начинается что-то совсем новое, что перед нами «все блеск впереди»[338].

Когда недели через три после начала революции вернулся из эмиграции Амфитеатров[339], он кому-то сказал: «Душа в груди рычит от счастья!» (это выражение попало в газеты[340]). Милюков, которого я встретил как-то в начале марта, сиял от счастья, точно свежевычищенный самовар.

Такое настроение было и у меня, и я, как острила моя жена,

«скакал козлом», хотя под этим настроением все время, не переставая, зудел червячок: а когда начнется реакция? а какие формы она примет? И настроение счастья уживалось с червячком. У громадного большинства людей червячка не было, был один восторг, но были и люди с червячком.

В первой половине марта я встретился на улице с С. А. Венгеровым.

– Поздравляю.

– Вас также.

– А как вы смотрите на ближайшее будущее? – спросил он меня.

– Очень мрачно. Жду какой-нибудь реакции.

– Я тоже, – отвечал он.

А ведь поздравлял и он (так же, как и я).

Около того же времени или, может быть, немного попозже я встретился в Адмиралтейском саду с Деруновым, небезызвестным библиографом. Мы присели на скамью в саду, и разговор начался теми же фразами.

– Но ведь возврата к прошлому быть не может! – возразил он мне.

– Возврата к прошлому быть не может, но может быть что-нибудь худшее.

– Нет, не может быть!

Этот был без червячка.

Фактов для питания этого червячка было, во всяком случае, более чем достаточно. Явно повторялось то, что написано у Тэна в описании последствий взятия Бастилии: власть вышла из рук старого правительства и никому не досталась.

Я рассказал о моем разговоре с Зарудным, который получал нагоняи за вполне законные распоряжения. Расскажу о разговоре с Керенским и Шаховским. С Керенским я видался во время революции несколько раз и о других встречах расскажу позже, в другой связи, а теперь только об одном с ним разговоре.

Я пришел к нему утром в Министерство юстиции с целью убедить его принять меры к ускорению созыва Учредительного собрания. Было это в середине марта, так около 15 числа. В приемной видел разных лиц, между ними Мережковского. Люди приходили, уходили; ждал я часа два. За это время Керенский раз пробежал через приемную, подал, не говоря ни слова, руки всем присутствующим и убежал. Потом он пробежал вторично и тоже хотел бежать, но я подошел к нему и сказал:

– Александр Федорович, мне нужно по делу с вами поговорить, я очень прошу вас принять меня или, если вам сейчас некогда, назначить другое время.

– Хорошо, пойдемте.

Он меня увел в свой кабинет и, не давая сказать мне ни слова, начал:

– Делается что-то ужасное. Все разваливается. Правительство не имеет никакой власти. Армия разлагается. В управлении невозможно наладить порядка. Все хотят командовать, никто не хочет исполнять. В самом министерстве нет единодушия. Советы рабочих депутатов вмешиваются во все мелочи.

Речь лилась каскадом. Керенский не давал мне вставить слова. Общие утверждения подтверждались рядом фактов и звучали довольно убедительно и удручающе. Правда, я попал к Керенскому в какую-то особую минуту. В различных воспоминаниях об этой эпохе Керенский изображается самодовольным и самоуверенным, очень далеким от того отчаяния, которое звучало в приведенных сейчас словах, – да я и сам видел его таким, и причем даже позже, когда для пессимизма было гораздо больше оснований. Но как бы то ни было, в самом начале революции, очевидно, было немало фактов, дававших материал для очень мрачной оценки положения вещей.

С Шаховским я встретился через несколько месяцев, летом, вскоре после его назначения министром[341]. Встретился совершенно случайно. Я шел по улице, помнится, Морской, возвращался с заседания; он ехал не то в автомобиле, не то в экипаже и, увидев меня, остановил его и сошел.

– Как дела? – спросил я.

– Плохо, нас никто не желает слушаться, все разваливается.

То же самое, что говорили мне раньше Зарудный и Керенский и что, конечно, было совершенной правдой. Правду эту мог видеть всякий смотревший на жизнь трезво, не в состоянии пьяного восторга от революции, осуществления мечты всей жизни. Слоняющиеся без дела по общественным садам толпы солдат с проститутками, заплеванные семечками те же сады, быстро растущие цены, в частности рост заработной платы, очевидно далеко поглощавший всю прибавочную стоимость и явно обрекавший всю промышленность на гибель в самом близком будущем, а главное, развал и бессилие власти, все это бросалось в глаза каждому. И, однако, опьянение революционным восторгом целые месяцы выдерживало напор подобных фактов. Только с июльского восстания[342] стали сравнительно часто слышаться фразы: «Мы катимся в пропасть», а Мякотин поправлял: «Катимся? Мы уже на дне пропасти». Он был не прав: на дне пропасти мы очутились только в октябре месяце.

К тем явлениям, которые я перечислил, нужно прибавить еще одно: громадный рост преступности, сначала главным образом

карманных краж. За всю мою более чем пятидесятилетнюю жизнь я ни разу не был жертвой таковой кражи и всегда думал, что только особые разини, вроде Ек[атерины] Дм[итриевны] Кусковой, могут быть их жертвами. За девять месяцев революционного года я был ею целых четыре раза.

В первый раз в начале марта, вися на поручне переполненного трамвая, я вдруг почувствовал какой-то толчок в ногу, а затем, когда получил возможность укрепиться на площадке, то сразу убедился, что из кармана штанов исчез кошелек, к счастью, с какой-то небольшой суммой. Во второй раз – в конце лета, тоже на трамвае; на этот раз я не висел на поручне, а твердо стоял на площадке, даже не чрезмерно переполненной; меня прижали; я тотчас же пощупал карман сюртука и убедился, что из него исчез бумажник со ста рублями. Между кражей и обнаружением ее прошло, наверное, не больше 30 секунд, но кража была совершена так ловко, что я не мог определенно указать никого из стоящих тут людей, кого бы следовало заподозрить в ней.

В третий и четвертый раз это было уже в ноябре и декабре, т. е. после большевицкого переворота, и было в поезде около Самары. Я ехал в Оренбургскую губернию, где был выставлен кандидатом в Учредительное собрание. Из вагона я продирался к выходу через густую толпу солдат-дезертиров. Шуба моя как-то распахнулась, и моментально исчезли из жилетного кармана мои золотые часы, подаренные мне моими товарищами из редакции «Киевских откликов» при моем расставании с ними в 1904 г. Кража на этот раз была совершена очень ловко: я не видел ни той руки, которая распахнула шубу, ни той, которая выдернула часы, но на этот раз совершенно уверенно видел воров в группе солдат человек в пять. Требовать часы назад, жаловаться было, очевидно, совершенно бесполезно.

Последняя кража была совершена на обратном пути из Оренбурга в той же Самаре. На станции в страшной толчее мне приходилось лезть в вагон. Стоявший на площадке вагона человек толкнул меня в грудь, да так сильно, что я упал навзничь. Внизу кто-то деликатно поддержал меня, и я даже поблагодарил его. Лишь только я встал твердо на ноги, я пощупал карман пиджака и убедился, что из него исчез бумажник с двумя тысячами рублей и паспортом. Теперь я совершенно определенно знал вора: это был тот человек, который поддержал меня, и действовал он по соглашению с тем, который меня толкнул. Были они не в солдатских шинелях и, вероятно, не были солдатами. И тоже жаловаться и протестовать было бесполезно. Весь обратный путь до Петербурга, длившийся что-то около недели, с несколькими

пересадками, с самым ничтожным количеством денег, которые у меня остались в кошельке, с постоянным опасением, что меня арестуют за бесписьменность[343], без часов, был очень тяжел.

После возвращения в Петербург за те три года, что я в нем прожил под властью большевиков, мне не пришлось больше подвергаться такого рода кражам, если не считать одного случая, когда из маленького ручного чемоданчика, в котором я вез провизию, было украдено десятка два яиц.

Вообще карманные кражи стали реже, потому что деньги теряли ценность и содержимое кошельков и бумажников потеряло для воров свою привлекательность; они заменились кражами дров из сараев (и я тоже один раз явился ее жертвой), мошенничествами и др. Однако и карманные кражи в трамваях и на железных дорогах не вовсе исчезли, и притом бывали случаи, что вора – особенно если это был мальчишка, – ловили и бросали с моста в Фонтанку или Мойку; сам я таких случаев не видал, но о них слышал, а от одной знакомой большевички слышал даже принципиальное оправдание таких актов как вполне целесообразного, при условиях момента, способа борьбы с мелкой преступностью. И эта большевичка происходила из культурной, хорошо мне знакомой семьи и сама была особой культурной!

Глава II. А. Ф. Керенский. – Керенский в IV Думе. – Керенский в 1917 г. – Мои личные встречи с ним в 1917 г. – Падение его популярности в связи с делом Корнилова

С Керенским я был близко знаком с 1912 г., то есть с 4-й Государственной думы. В 1910 или 1911 г., за год или более до выборов в Думу, кажется, первым Брамсон предложил в Центральном комитете Трудовой группы его кандидатуру в 4-ю Думу, причем надлежало устроить ему ценз[344], кажется, в Вольске Саратовской губернии. Кандидатура не вызвала ни особого энтузиазма, ни возражений; Керенского у нас мало знали; в частности, я перед тем встречался с ним раза два-три, но особенного впечатления от этих встреч у меня не осталось. Но Брамсону верили безусловно. Мы пригласили Керенского на совещание. Он явился и произвел хорошее впечатление. Он говорил, что принадлежит к партии социалистов-революционеров, что выходить из нее ни в каком случае не намерен, но раз такое совместительство признается допустимым, то согласен, с тем, однако, что при первой возможности гласного выступления в качестве социалиста-революционера он это сделает. Мы против этого ничего не имели, ценз был устроен, и по миновании законного годового срока обладания цензом Керенский мог выступить кандидатом. Это он и сделал, Трудовая группа поддержала его, и он был избран[345].

За два года общей работы (до войны) и за три года во время войны во фракции Трудовой группы я хорошо узнал Керенского. Мое впечатление от него было таково: человек безусловно искренний и честный, человек личного мужества; хороший оратор пафоса (тип ораторского искусства Родичева, но, конечно, гораздо слабее его), берущий больше пылкостью, чем основательностью и логикой; по умственной силе и по образованию – выше среднего уровня русской интеллигенции, несомненно первый по уму во фракции Трудовой группы, но ни в каком случае не представлявший из себя очень крупной величины и никоим образом не могущий в этом отношении помериться с Милюковым или Маклаковым; человек самолюбивый, я готов сказать: мелочно самолюбивый, с которым нужно быть очень осторожным, чтобы не поссориться. И ссоры, неприятные ссоры, у него случались нередко. Особенно часто ссорился он с Дзюбинским, и ссоры эти объяснялись борьбой за первенство в

группе[346]. Обыкновенно Дзюбинский был не прав, но если бы Керенский обладал меньшим самолюбием и большим тактом, то этих ссор не было бы. Помню какой-то очень острый конфликт с В. Я. Гуревичем, который, как и я, не будучи членом парламентской фракции Трудовой группы, посещал ее заседания (впрочем, не часто) в качестве представителя Центрального комитета группы. Причин конфликта теперь не помню, помню только, что они имели совершенно пустячный характер, но два противника стояли друг против друга, как два петуха, готовые вцепиться друг в друга, пока Керенский не провозгласил:

– Предлагаю решить спор третейским судом и в третейский суд избираю Василия Васильевича.

Но дело кончилось без суда, противники помирились через несколько минут.

Общая линия поведения Керенского в Думе и во фракции была, с моей точки зрения, правильная, и я ей сочувствовал. Он тянул фракцию налево, что было вполне правильно, так как фракция в целом боевым темпераментом не обладала и без Керенского была бы лишь жалким подголоском кадетов. Керенский придавал ей более определенную физиономию.

В заседании фракции накануне первого заседания Думы после объявления войны все, разумеется, были взволнованы и растеряны. Большинство, и в особенности Дзюбинский, стояло на позиции признания исключительной виновности Германии, а потому безусловного, безоговорочного вотирования кредитов на войну и вообще полного в дальнейшем поддержания правительства и отказа на время от какой бы то ни было оппозиционности. Я, напротив, не будучи ни в малой степени пораженцем, все-таки признавал значительную долю виновности в войне за Сербией и за Россией, как ее покровительницей, готов был сочувствовать отказу от вотирования кредитов, но вместе с тем чувствовал крайнюю затруднительность своего положения во фракции: не будучи членом Думы и, следовательно, не подвергаясь личному риску, я не мог убеждать моих товарищей по группе сделать то, за что только они, а не я несли очень тяжелую ответственность и подверглись бы очень серьезному риску. Керенский занял среднюю позицию, в общем, однако, более близкую моей, чем позиции Дзюбинского, хотя он и настаивал на необходимости вотировать кредиты. Но пафос его негодования был направлен не против Германии, а против своего правительства, неспособность которого он признавал в прошлом – в ходе дипломатических переговоров, приведших к войне, и предвидел в будущем в ведении войны. Он стоял на необходимости поддерживать правительство в войне, но никоим

образом не отказываясь от своей оппозиционности, особенно в предвидении будущей революции, по убеждению Керенского, неизбежной в результате войны. Нам двум – ему и мне – было поручено составить проект декларации, что мы и исполнили, причем роль Керенского в составлении была гораздо больше моей. Декларация была принята фракцией и прочитана в Думе. В ней выражалось убеждение, что на полях битв с немцами будет завоевана свобода для русского народа; к сожалению, эта уверенность высказывалась как пророчество древнего пророка, без мотивировки, без объяснений, как это произойдет, и в этом состоял крупный дефект декларации[347].

Во время войны Керенский все время стоял на позиции, которой я глубоко сочувствовал: отрицание пораженчества, отрицательное отношение к большевицкой формуле «Обращение мировой войны в войну гражданскую», но вместе с тем продолжение, насколько это возможно по условиям момента, легальной (думской) борьбы с правительством. По существу, на ту же позицию скоро стали и кадеты, и образовавшийся Прогрессивный блок[348]. Керенский понемногу вырастал в вождя партии, хотя и очень малочисленной[349]. На пути к тому, чтобы стать настоящим вождем, хотя бы таким, как были в Первой думе Аникин и Аладьин, стояло то, что он все-таки не был достаточно крупной величиной (Аладьин ею был еще меньше, но тогда был другой момент, и пафоса, который горел в Аладьине так же, как и во всей стране, для вождя было достаточно). Однако за время войны Керенский все же вырос. Он как-то приобрел способность быть замечательно хорошо осведомленным и о том, что делается в правительстве, и о том, что происходит в различных местах страны, и даже о том, что происходит за границей. Он делал в группе доклады о Циммервальдской и Кинтальской конференциях[350], и доклады эти, если (как я уяснил себе потом) и не были лишены некоторых фактических ошибок, все же отличались полнотой и верностью, очень значительными для тогдашних способов осведомления.

Но вот произошла революция, – и Керенский оказался сперва членом Комитета Думы, потом, очень скоро, министром юстиции[351]. Конечно, Керенский попал в министры не потому, чтобы он был самым крупным юристом в России (в кадетской партии были, конечно, гораздо более крупные, да и в собственном лагере Керенского были такие, хотя бы, для примера, Зарудный), а потому, что он был на виду как член Думы.

Если бы революция 1917 г. произошла раньше, во время Первой думы, то роль Керенского сыграл бы Аникин или Аладьин, если бы Второй – Березин или Караваев, Третьей –

может быть, Булат. И из них Аникин, Березин и Караваев, вероятно, оказались бы более подходящими для дела и сделали бы меньше ошибок, чем Керенский; что же касается Аладьина, то он в первые же [дни] наделал бы таких глупостей, что и не приведи Бог! Нужно заметить, что и другие министры далеко не все были людьми действительно крупными; имя Терещенко никому не было известно накануне революции, В. Н. Львов всегда пользовался репутацией человека прямо неумного, Годнев – не более чем человека совсем заурядного.

История еще раз доказала, что в такие моменты она выдвигает на первый план людей более или менее случайно и на верхи власти поднимаются нередко совершенные ничтожества (это, впрочем, случается и в другие моменты: стоит вспомнить подбор министров в последние годы перед революцией). Суханов в своих воспоминаниях говорит, что задолго до революции он предвидел ту крупную роль, которую суждено было сыграть Керенскому[352]. Не имею основания отрицать этого утверждения, но *такой* крупной роли Керенского я не ожидал.

В первый день, когда ввиду предстоящего возобновления (после вызванного забастовкой перерыва) газет в редакции «Дня»[353] собрались близкие сотрудники, и я в их числе, редактор газеты И. Р. Кугель спросил меня в присутствии всех собравшихся:

– Василий Васильевич, вы ведь близко знакомы с Керенским. Считаете ли вы его действительно очень умным человеком?

Я замялся. Дискредитировать его в этот момент, когда нужно было употреблять все усилия, чтобы укреплять власть, мне не хотелось. А между тем «очень умным» я его, во всяком случае, не считал и был совершенно уверен, что он окажется не на высоте задачи. И отвечал я на вопрос уклончиво, неопределенно.

В частности, выход из Трудовой группы и официальное объявление себя членом эсеровской партии я считаю первой ошибкой Керенского[354]. Из предыдущего моего рассказа видно, что он имел на это полное право, и никто не смеет сделать ему за это упрека морального характера. Но совершенно иной вопрос, было ли это целесообразно. Ведь с самого начала для всякого политически образованного человека должно было быть ясным, что полной поддержки Керенскому социалисты-революционеры, от которых тогда еще не отделились эсеры левые (М. Спиридонова и др.), не окажут. Но они сделали хуже: забаллотированием его в члены своего Центрального комитета[355] и несколькими другими выступлениями против него они нанесли ему ряд жестоких ударов.

Через день или два после сформирования министерства

Центральный комитет Трудовой группы послал к Керенскому депутацию с поздравлением. В депутацию входили Брамсон, Березин, я, еще кто-то[356]. Депутация возложила на меня обязанность произнести речь. Мы нашли Керенского в Таврическом дворце, видимо страшно переутомленного от ряда бессонных ночей.

Кроме общего выражения радости по поводу осуществления старинной мечты всей русской интеллигенции и выражения надежды на то, что Керенский сумеет, как член Совета министров, содействовать построению новой, свободной и демократической России, а в частности, как министр юстиции, установит правосудие, в котором так нуждалась Россия и которого не было при Николае, кроме выражения желания, чтобы как можно скорее было созвано Учредительное собрание, – кроме этого я включил в свою речь еще один личный мотив. Я сказал, что у людей, достигших власти, часто кружится голова, но мы уверены, что вы, Александр Федорович, от этой болезни гарантированы.

Увы, я в этом уверен не был и включил эту мысль в свою речь специально ad hominem[357], с педагогической целью. К сожалению, цель не была достигнута: у Керенского, как будет видно из дальнейшего, голова закружилась.

К моей речи прибавили что-то Брамсон и Березин, но их речей я не помню. Керенский горячо благодарил нас, выражал надежду, что он все время будет иметь в нас своих товарищей и друзей, и пожаловался на непереносимое утомление: он перед тем не раздевался четыре или пять ночей и раза два обмороки являлись для него отдыхом.

Дня через 3–4 после этого Керенский делал визиты, сделал и мне, но провел у меня всего минут 5, во время которых ни о чем серьезно переговорить было нельзя. К тому же он застал меня врасплох, сразу заговорил, и я растерялся и не вспомнил о том, о чем нужно было поговорить с ним. Впечатление от него было одно: он весь сиял от счастья, счастья и личного, и общественного, весь дышал верою в близкое торжество революционных начал, – и свое личное[358].

Поговорить с ним мне было нужно об Учредительном собрании. Я, впрочем, тогда был уверен, что если не все Временное правительство, то Керенский уж наверное смотрит на дело не так, как Гессен, а как я, т. е. что первая и главная обязанность правительства – немедленно приступить к подготовке выборов в Учредительное собрание[359]. Между тем шли дни, появлялись различные декреты, то о Польше, то о городском и земском самоуправлении, то о чем-нибудь другом;

в некоторых из них упоминалось об Учредительном собрании, но никаких конкретных мер не было. Меня это сильно смущало; я был уверен, что правительство копает себе этим яму[360]. Я решился добиться свидания с Керенским. Добиться его было не так-то легко; его слишком рвали на все части, но и он сам был не без вины в этом: он совсем не умел экономизировать свое время. Я рассказал, как первое наше свидание пропало зря – с точки зрения моей задачи; да и не с нее только: если бы я был газетным, особенно иностранным, корреспондентом, пришедшим его интервьюировать, то я был бы в восторге: очень интересное интервью в несколько сот строк было бы готово. Но цель у меня была другая, и ее я не достиг: в середине длинной и ненужной речи Керенского, оставшейся незаконченной, его вызвали, – он быстро простился со мной, и мы расстались.

Тогда я написал ему письмо с просьбою назначить свидание специально для разговора об Учредительном собрании и получил в ответ приглашение прийти к завтраку. Это свидание имело место около 20 марта. Народу за завтраком было много – человек 20, и хотя Керенский посадил меня рядом с собой, но все-таки переговорить так, как мне хотелось, не удалось. Керенский слишком часто вмешивался в общий разговор за столом или вступал в отдельные беседы с тем или другим из присутствовавших лиц. Тем не менее я высказал Керенскому то, что хотел, и получил в ответ, что он во всем со мною совершенно согласен, но что обилие текущих, не допускающих отлагательства работ мешало поставить этот вопрос на повестку дня Временного правительства, но что совсем на днях он это непременно сделает и что я, конечно, войду в состав совещания по созыву Учредительного собрания.

Это обещание меня до некоторой степени успокоило, но все-таки я настаивал:

– Как можно скорее, Александр Федорович, как можно скорее: ведь каждый день отлагательства увеличивает опасность положения.

И, однако, между нами произошло большое недоразумение: я представлял себе совещание о созыве Учредительного собрания в виде небольшой комиссии в составе нескольких специалистов, которое в несколько дней выработало бы законопроект, подобно тому как это было уже в начале марта сделано с законопроектами о городских думах и земствах, а Керенский имел в виду огромное боевое совещание в составе более 70 человек, с представителями различных политических партий, которое не могло кончить работу скорее чем в несколько месяцев и оттягивало созыв Учредительного собрания до конца года. Этого недоразумения я

не мог заметить благодаря отрывистости и краткости разговора и, следовательно, не мог и возражать против плана Керенского. Совещанию об Учредительном собрании я посвящу одну из следующих глав, а теперь замечу только, что организацию этого совещания и вообще оттяжку Учредительного собрания я считаю одной из роковых ошибок, принесших неисчислимые вредные последствия. Я не знаю, в какой мере делят между собою ответственность за эту ошибку разные члены Временного правительства, но нет сомнения, что значительная ее доля лежит и на Керенском, который по меньшей мере не обнаружил здесь своей обычной энергии.

На этот раз Керенский был в гораздо более спокойном состоянии, чем в нашу первую беседу, и вместе с тем в гораздо более оптимистичном настроении. Таким образом, первая беседа, оставившая у меня такой тяжелый осадок, объяснялась какими-то более или менее мимолетными впечатлениями. Во всяком случае, однако, она говорила о чрезмерной впечатлительности и нервности.

Следующая встреча с Керенским происходила, должно быть, около 26 или 27 марта и была еще более краткой, чем предыдущая. Я сидел в Мариинском дворце в Юридической консультации при Временном правительстве, членом которой я был[361] (об этом я тоже скажу ниже), когда меня вызвали к Керенскому. Вероятно, Керенский был по какому-либо делу в Мариинском дворце, узнал, что здесь происходит совещание Юридической консультации, и вызвал меня, чтобы обрадовать известием, что постановление об образовании Особого совещания по выработке законопроекта об Учредительном собрании уже состоялось и утверждено и в список его членов включен и я[362].

Последнее наше свидание произошло 20 или 21 апреля[363] и оставило на мне прямо удручающее впечатление.

Возвращаясь из краткой агитационной поездки в Новгород, я еще в поезде прочел в газетах известие о милюковской ноте иностранным державам о продолжении войны до победного конца и о необходимости закрепить за Россией Дарданеллы и Босфор[364]. Точно кто-то ударил меня по затылку. Вести войну вместе с союзниками до конца, до победы, которая одна может закрепить дело революции, – это я сам считал необходимым, но вводить в понятие конца завоевательные цели – я сразу почувствовал, какую благодатную добычу представит эта нота большевикам, как затруднит она пропаганду идеи необходимости продолжения войны, каким развалом в армии грозит она. И тем не менее колебать положение Временного правительства удалением из него министра, особенно такого крупного, как

Милюков, в настоящую минуту было слишком опасно. Что же делать? Какую позицию занять мне?

В одной из следующих глав я подробно расскажу, как я разрешил эту задачу, здесь же скажу только, что в самый день возврата в Петербург мне пришлось прямо с вокзала проехать на один рабочий митинг, на котором – худо ли, хорошо ли, – но по мере сил и, главное, осведомленности я горячо защищал Временное правительство и, в частности, Керенского, подвергавшегося нападкам за недостаточную защиту интересов демократии в буржуазном будто бы правительстве.

На следующий день вечером было заседание Центрального комитета Трудовой группы. На очереди стоял тот же тревожный вопрос о ноте Милюкова, вызвавшей бурную уличную демонстрацию против него, об отношении к этой ноте Керенского, который, по газетным сообщениям, поддержал ее, об исходе тревожного дня, грозившего самому существованию Временного правительства. Против Милюкова в нашей группе господствовало сильное раздражение, поведение Керенского было неясно, вызывало некоторые сомнения и споры, но все единодушно находили, что колебать положение Временного правительства или даже отдельного министра в настоящее время крайне опасно. Решено было просить Керенского приехать на заседание. Керенский, вызванный по телефону, приехал.

Никогда я прежде близко не видел человека с таким генеральским видом, никогда не слыхал человека, говорящего с таким властным апломбом, с таким противным высокомерием по отношению ко всем собеседникам. Он сообщил нам, что первоначальная редакция ноты Милюкова была еще гораздо решительнее, шла гораздо дальше, что именно он, Керенский, восстал во Временном правительстве против этой редакции и боролся против нее шаг за шагом, добился нынешней, гораздо более скромной и мягкой редакции, что он должен был подписать ее, чтобы не вызвать немедленного правительственного кризиса, за которым последовало бы принятие милюковской ноты в первоначальной редакции. Все это само по себе разъясняло происхождение ноты и, может быть, оправдывало лично Керенского (или, по крайней мере, объясняло его поведение), но все это было сказано таким возмутительным тоном, в котором зазвучало «я, я, я» и слышалось: «Что вы там суетесь не в свое дело? Уж если я, Керенский, подписал ноту, так значит, так было нужно, господа непрошеные советчики. Я стою на той высоте, с которой все прекрасно видно, а вы дальше своего носа ничего не видите».

Вообще человек был совершенно пьян от власти, упоен тем

общественным поклонением, которое выпало на его долю, и совершенно уверен в том, что все идет как следует и куда следует; и это был тот самый человек, которого месяц тому назад я видел в состоянии придавленности, чуть не отчаяния; между тем для придавленности и отчаяния теперь было куда больше оснований, чем тогда. Ведь этот день, день милюковской ноты, был как раз тем днем, когда Временное правительство пошатнулось и покатилось в пропасть, а вместе с ним – и Россия.

Тон Керенского вызвал всеобщее возмущение, и его выразителем явился М. Е. Березин, который как раз перед тем особенно горячо защищал Керенского.

– Александр Федорович, – говорил он, – вы должны понимать, что вы можете действовать, только имея опору в демократии, в широких слоях народа, и что говорить в тоне самодержца вы не имеете ни малейшего права; что если один самодержец, имевший за собою трехсотлетнюю власть и традицию и установившийся государственный аппарат, свалился в пропасть, то вы, ничего этого не имеющий, свалитесь гораздо быстрее и позорнее, если вздумаете управлять один, не ища опоры в общественном мнении и, между прочим, в нас, которые и вознесли вас на вашу высоту.

Речь Березина была произнесена с большим подъемом и выражала общее настроение, но она не отрезвила Керенского. Он величественно поднялся с места, заявив, что он имеет многое возразить Березину, но его ждут на каком-то (не помню, каком именно) заседании и он, к сожалению, не может оставаться, и гордым шагом направился к выходу. Я подошел к нему:

– Александр Федорович, я только что сегодня (или вчера) защищал вас на митинге на таком-то заводе, но чтобы защищать, нужно знать факты; поэтому я прошу вас информировать меня относительно следующего…

– Кто хочет говорить правду, тот всегда может это сделать, – и с этою лишенной всякого смысла фразой Керенский величественно подал мне руку и столь же величественно удалился.

С тех пор и вплоть до времени моей эмиграции (1922) я больше не имел личных встреч с Керенским, хотя раза два или три видел его на общественных собраниях.

Поведение его на этом собрании остается в моем воспоминании как что-то совершенно исключительное и даже не вполне понятное. Пьян он (в точном смысле слова) не был, да сколько я знаю, и вообще он не пьет, но вел себя положительно как пьяный, и только состоянием опьянения еще можно было бы до некоторой степени извинить его поведение. Некоторое самомнение, некоторое высокомерие вместе с любовью к

аплодисментам и наивное неумение скрывать эту любовь в нем всегда были, но не в такой степени, как они проявились на этот раз.

Любовь Керенского к аплодисментам чувствовалась всегда, когда он выступал публично. Помню одно публичное собрание в какой-то очень большой зале, происходившее в конце марта или начале апреля. С трибуны говорил оратор. И вот в залу вошел Керенский. Руки сжаты на груди по-наполеоновски, брови насуплены, – быстрым шагом идет он через ряды стульев к эстраде. Раздаются аплодисменты, все громче и громче, – оратор прерывает свою речь и сам присоединяется к аплодирующим, – и, наконец, обращаются в бурную овацию. Керенский быстрым шагом поднимается на эстраду, всходит на кафедру, которую ему безмолвно уступает оратор, и произносит несколько общих фраз о моменте, о борьбе, о неизбежном торжестве в близком будущем – фраз, не связанных ни с темой собрания, ни с незаконченной речью оратора, которой он и не слышал. Овации повторяются.

Все это естественно при той широкой популярности, которой в то время пользовался Керенский, но… могло бы быть иначе, если бы не было этого наполеоновского жеста, быстрого шага, не было этого уменья всегда и везде делаться центром всеобщего внимания, которым Керенский обладал и до своего министерства.

Для сравнения приведу другой эпизод, героем которого было другое лицо и который произошел через несколько недель после этого. Было какое-то заседание. Я сидел и внимательно слушал очередного оратора. Он кончил; я оглянулся и рядом с собой увидел Пешехонова. Пешехонов вошел в зал и занял пустой стул рядом со мной так, чтобы никто его не заметил. Конечно, популярность Пешехонова была значительно меньше, чем Керенского, но только что перед тем он сделался министром[365] и вызвать шумные аплодисменты при входе ему было бы не трудно, но в противоположность Керенскому он этого не любил.

После встречи в апреле, произведшей на меня такое удручающее впечатление, некоторое время у меня было очень недружелюбное отношение к нему как к человеку. И одновременно я видел, что он, как я и ожидал, и политически стоит далеко не на высоте задачи и делает крупные ошибки. И все-таки я все время считал, – как, впрочем, почти все в то время, – что на посту члена Временного правительства, а потом и его председателя он при сложившейся конъюнктуре совершенно незаменим. Были люди более крупные, как Милюков, но они были совершенно не созвучны эпохе.

Популярность Керенского, начиная с той же злосчастной милюковской ноты, начала падать. Упала она сперва среди тех

элементов, которые склонялись к большевизму, а затем среди тех элементов, которые были недовольны тем, что борьбу с нарастающим большевизмом он вел недостаточно решительно. Потом она продолжала падать вследствие разных причин. Взятие им на себя Военного и Морского министерств[366] вызвало сильное покачивание головами.

– Что он понимает в военном и морском деле?

Но был момент, когда она вдруг вновь поднялась на прежнюю высоту. Помню, 19 (или 20?) июня я на набережной Невы, близ университета, встретил Вл[адимира] Ив[ановича] Вернадского.

– Ты слышал только что полученную новость с театра войны? – спросил он.

– Нет. Что такое?

– Керенский начал наступление на австрийском фронте, разбил австрийцев и преследует их.

Восторг блестел в его глазах, звучал в его голосе.

– Какой он (Керенский) молодец! – воскликнул я.

– Да, действительно молодец, – подтвердил Вернадский.

Вернадский – по убеждениям и по партийной принадлежности – кадет, и очень твердый; ему не было свойственно увлекаться политической линией поведения Керенского, но военный успех – увы, так скоро обратившийся в неудачу[367] – увлекал и его, и мы сошлись на восторге перед делом Керенского. Это был краткий момент.

В эти месяцы, начиная с марта, я много раз совершал агитационные поездки, всего чаще – в различные местности Новгородской губернии. В апреле – мае я повсеместно встречал портреты Керенского. В июле они почти повсюду исчезли; мне не раз случалось бывать вторично в домах, уже посещенных раньше, и в них я замечал то же явление. Особенный удар популярности Керенского нанесло корниловское дело[368] – и это совершенно естественно. Керенский теперь доказывает, что именно корниловский мятеж дал особенно сильный толчок развитию большевизма, что Корнилов расчистил дорогу большевикам. Это очень вероятно. Но почему Керенский не сумел предупредить корниловского мятежа? Ведь Корнилов был тоже одной из социальных сил, и очень крупной, боровшихся на исторической сцене. Считаться с ней и предвидеть ее выступление Керенский был обязан, тем более что для победы над Германией она была совершенно необходима. Он этого не сделал, он не сумел учесть этой силы в своей игре и был убежден, что эта сила склонится перед его волею. Пусть Корнилов совершил тяжелое политическое преступление, но Керенский совершил по меньшей мере тяжелую историческую ошибку, – история иногда венчает преступления

лаврами, но никогда не прощает ошибок. Дальнейшей его ошибкой было принятие должности главнокомандующего[369]. Если уже принятие поста военного министра вызывало сомнительное покачивание головой, то принятие поста главнокомандующего решительно не находило защитников, его осуждали положительно все.

Если я когда-нибудь дойду в своих воспоминаниях до эмигрантского времени, я поговорю и о моих новых встречах с Керенским в Берлине, Париже и Праге[370]. Во всяком случае, та его характеристика, которая вытекает из изложенных мною фактов, если она, как я надеюсь, верна для прежнего Керенского, то для нынешнего она не верна. Можно различным образом относиться к новейшей деятельности Керенского, но, мне кажется, нельзя отрицать, что он многому научился из истории 1917 г.

Глава III. Моя работа в феврале – июне 1917 г. – Моя литературная деятельность. – Статья в защиту свободы печати. – Брошюры, в частности брошюра о желательных условиях мира. Нападки на нее с двух сторон. – Моя митинговая работа. – Крестьянские митинги

Перед войной главной базой моего материального существования было давнишнее и почти не прерывавшееся в течение более чем 20 лет сотрудничество в Энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона, сперва в первом его издании, потом во втором, затем сотрудничество в газете Ионы Кугеля «День» и, наконец, более или менее случайное сотрудничество в различных изданиях. Всего моего времени эта работа не поглощала, и значительную часть досуга я мог посвящать постоянной (конечно, не вознаграждаемой) работе во фракции Трудовой группы, а также лекциям и докладам на различные политические и научные темы, то легально (преимущественно в разных городах провинции), то полулегально или совсем нелегально в рабочих собраниях в Петербурге. Провинциальные лекции обыкновенно читались в чью-нибудь пользу, оплачивая мне только дорогу, петербургские всегда были бесплатны. Заработок мой колебался около 4000 рублей в год.

Во время войны мое материальное положение значительно ухудшилось. Энциклопедический словарь начал выходить медленнее, чем раньше: вместо 6 томов в год он выпустил, помнится, 11 томов в два с половиной года, до конца 1916 г., и, напечатав половину 30-го тома, приостановил печатание следующих листов, а гонорар он выдавал лишь по выходе в свет каждого тома; во время же войны начал затягивать его. Газетные гонорары повысились, но «День» в начале войны занял такую барабанно-шовинистическую позицию («бить надо немца, немца бить надо», – говорил, сжимая кулаки, с налившимися кровью глазами П. Е. Щеголев, член редакции), что мне пришлось почти прекратить в нем сотрудничество. Только когда война затянулась, Иона Кугель пригласил меня писать больше. «Военный угар с нас соскочил», – сказал он, но писать мне было трудно, так как интересовавшие публику вопросы или не входили в доступную мне область, или в моей обработке оказывались нецензурными.

Бывали случаи, что в газете появлялись заголовок статьи и подпись, а вместо самой статьи – белое место.

Но вот произошла революция. На мой литературный труд появился большой спрос и в газете, и вне ее на книжном, точнее говоря, брошюрочном рынке. Различные издатели требовали от меня брошюр на разные темы по моей специальности – об учредительном собрании, о всеобщем избирательном праве, об избирательном праве вообще, о политических партиях, о республике и монархии, о мире без аннексий и контрибуций и т. д. За неполный 1917 г. я написал что-то около 15 брошюр, бесчисленное множество газетных статей и заработал литературным трудом свыше 15 000 рублей – сумма для моих скромных жизненных привычек такая, что я просто не знал, куда девать деньги. И при этом у меня хватало времени читать множество публичных лекций, беспрестанно участвовать на митингах и на различных партийных и внепартийных собраниях[371] и совещаниях, и не только в Петербурге, но разъезжая в провинции – преимущественно в Новгородской губернии (в конце года я совершил также большую поездку в Оренбургскую губернию). Из совещаний особенно много времени требовало участие в Особом совещании о созыве Учредительного собрания. Кроме того, Керенский назначил меня членом Юридической консультации при Временном правительстве (под председательством Кокошкина при участии В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского и др.)[372] – эта последняя работа по исключению была платной (оплачивалась 20 рублями за заседание).

На все хватало времени: такой был подъем жизненной энергии и работоспособности! Он превосходил даже подъем 1905 г.; в другие же годы, ни раньше, ни позже, я не переживал ничего подобного и не вынес бы и месяца такого напряжения. И это явление, конечно, не исключительное; почти все, кого я знал, работали также чрезвычайно много, урывая время для работы ото сна и не чувствуя переутомления (я, впрочем, такое почувствовал и в августе должен был совершить пятинедельную поездку на Кавказ для отдыха). Не я один, конечно, писал популярные брошюры по вопросам государственного права; их появилось бесчисленное множество, и все находили сбыт, толковые и бестолковые, грамотные и безграмотные. Появился даже спрос на залежавшиеся брошюры 1905 г.; так, от последнего издания моей брошюры о всеобщем избирательном праве 1905 г. на руках у издателя Парамонова осталось что-то около 10 000 экземпляров, и, несмотря на совершенную ее устарелость, они были распроданы в несколько дней марта месяца до того, как я успел переработать ее и выпустить новым изданием. Потом, в конце

года, расход подобных брошюр тоже, как и в 1905 г., прекратился почти моментально.

Я упомянул о бестолковых и безграмотных брошюрах, – таких было немало; много, конечно, и полуграмотных. Происходило это от того, что вопросами государственного права в дореволюционное время у нас не интересовался почти никто, кроме специалистов, готовившихся к кафедре, но они по большей части брошюр в революционное время не писали. Когда появлялся – в 1905 и 1917 гг. – на них неожиданный спрос, то брались за это дело люди без специальной подготовки и, разумеется, исполняли его неудовлетворительно. Укажу на одну любопытную ошибку, которая систематически повторяется в большей части брошюр 1905 г. о всеобщем избирательном праве. Всем авторам нужно было доказать, что двухстепенная подача голосов неблагоприятна для народных низов[373], и в доказательство приводится параллель между германским рейхстагом и прусским ландтагом (дореволюционного времени): смотрите, при прямых выборах четверть рейхстага состоит из социал-демократов, а в ландтаге их всего несколько человек! Это говорится в брошюре 1905 г. С. Г. Сватикова, писателя вообще серьезного и с заслугами[374]; помнится это же самое у П. С. Юшкевича[375].

Расскажу здесь, как исправлял в 1917 г. для нового издания свою брошюру 1905 г. этот последний. Он пришел ко мне.

– Василий Васильевич, изменился ли в последние годы возрастной ценз в Дании? А в Норвегии, кажется, введено женское голосование на неравных с мужчинами основаниях?

– Нет, в настоящее время уже на равных.

– Значит, в два приема, сперва на неравных, потом на равных?

– Да.

– А в Италии, а в Испании, а в Швейцарии, кажется, введено пропорциональное избирательное право?

– Нет, оно отвергнуто.

И т. д.

Через несколько дней вышла его брошюра, значительно опередившая мою[376]. При этом он не счел даже нужным прислать мне экземпляр.

В том же роде или еще хуже поступила одна пишущая дама, Ольга Ак[имовна] Волькенштейн, моя хорошая знакомая и товарищ по партии: она работала в Трудовой группе, потом была членом Народно-социалистической партии.

– Василий Васильевич, скажите, учредительные собрания – они бывали только в истории или бывают и теперь? – слышу я

голос в телефон.

– Ольга Акимовна?

– Я.

– Вы хотите спросить, признаются ли учредительные собрания современными конституциями?

– Да, именно, именно так.

– Признаются под разными именами очень многими.

– Например?

Я перечислил ряд государств, в которых учредительная власть принадлежит особым собраниям, должен был попутно объяснить отличие законодательной от учредительной власти и порядок пересмотра конституций в разных странах, вообще прочитать в телефон лекцию по конституционному праву.

– Вы, вероятно, пишете брошюру об учредительном собрании? – спросил я.

– Да, – созналась она.

Она тоже не прислала мне экземпляра. Потом она мне говорила, что моею лекцией она почти не воспользовалась, ограничившись некоторыми общими рассуждениями и историческими примерами. Не знаю, так ли это; боюсь, что воспользовалась, но сильно переврав. Впрочем, не знаю наверное, так как брошюры ее не видел. Во всяком случае, любопытно, как могла написать ее дама, которая не умела даже грамотно поставить вопрос о предмете своего произведения[377].

Учредительное собрание было главным содержанием моей мысли, моей работы, главной темой моих лекций, статей, брошюр, митинговых выступлений и т. д., но, конечно, не единственным их содержанием. Ему я посвящу особую главу, а здесь ограничусь остальной моей работой.

В первые дни революции газеты, кроме официальной газеты Совета рабочих депутатов[378], не выходили из-за забастовки в типографиях. Не помню точно, сколько дней продолжалось это положение, – неделю или больше, но, наконец, оно прекратилось. Вместе с тем стало известно, что так называемые черносотенные газеты запрещены особым постановлением Совета рабочих депутатов[379].

Я был глубоко возмущен этим постановлением и на первое собрание редакции «Дня» явился со статьей по этому поводу. Статью я написал в форме открытого письма к Совету рабочих депутатов, в котором жаловался на это запрещение как на личное мне оскорбление. Я сам, говорил я в письме, в царские времена часто страдал от запрещения моих статей и глубоко презирал писателей, для которых в борьбе с противниками недостаточно пользоваться оружием слова, а нужна еще помощь цензуры; вы

(Совет рабочих депутатов) поставили меня на одну доску с этими рептилиями, вы делаете морально невозможной печатную борьбу с людьми, которым зажат рот; это унизительно и оскорбительно для всякого уважающего себя писателя. Снимите с нас этот стыд! И если бы еще это имело хоть практический смысл! До сих пор мы постоянно говорили, что черносотенная печать может существовать только благодаря субсидиям и что в атмосфере равноправия и свободы она должна немедленно погибнуть, а вы вместо этой позорной смерти от равнодушия читателей приготовили ей почетную смерть в бою за свои убеждения, ту самую смерть, которой с давних пор умирали лучшие выразители нашего общественного мнения? Снимите с них этот лавр, снимите с нас это поношение[380].

Статья понравилась в редакции «Дня» и появилась, кажется, в № 1, вышедшем после возобновления.

Очень болезненный удар почувствовал я, когда через несколько дней узнал от Н. В. Чайковского, что он – представитель Трудовой группы в Совете [рабочих] депутатов— голосовал за эту меру. Я никак не мог понять, как человек, получивший политическое воспитание в Англии и Соединенных Штатах, мог в какой бы то ни было момент истории оказаться в рядах противников свободы печати. У меня мелькнула мысль поднять в Трудовой группе вопрос об этом голосовании и потребовать либо исключения Чайковского из группы, либо, по крайней мере, выражения ему неодобрения, хотя бы в самой мягкой форме, например в форме постановления о внесении от имени группы в Совет предложения об отмене этой меры. Добиться исключения Чайковского при том совершенно исключительном уважении, которым он (совершенно заслуженно) пользовался, было бы, конечно, невозможно, но была бы произведена демонстрация за свободу печати. Однако я этого не сделал, – не сделал потому, что был завален работой и текущими делами, что вся Трудовая группа была тоже ими завалена и перезавалена, и у меня не хватило на это времени и энергии. Об этом я очень жалел и до сих пор считаю одной из крупнейших своих политических ошибок, когда-либо мною сделанных. К моему удовольствию я тогда же узнал, что другие трудовики, входившие в Совет, Станкевич и Брамсон, голосовали против запрещения газет, хотя, подобно мне, не обнаружили особенной энергии в отстаивании свободы. В скором времени запрещение по предложению Станкевича было отменено[381], но черносотенные газеты не возрождались, и Марков и Пуришкевич имели право упрекать революцию в лицемерии, что они и делали. А как бы хорошо было, если бы их газеты через неделю-другую закрылись

сами из-за отсутствия подписчиков.

Читать лекции, доклады, выступать в собраниях и на митингах мне приходилось беспрестанно[382]. Большинство этих собраний исчезли безвозвратно из моей памяти, осталось только общее впечатление какого-то высокого подъема, охватывающего и оратора, и слушателей, и оппонентов. Последних, в точном смысле слова, в первые месяцы революции (до июльского восстания большевиков и в особенности до апрельской ноты Милюкова) не бывало, все во всем были согласны, и вместо оппонентов выступали только люди в таком же, как и ораторы, упоении восторга, желавшие дополнить оратора или поставить ему вопрос. Само собой разумеется, что не было никакой психологической возможности высказывать мой пессимистический прогноз, разве только в осторожной форме: «Как бы ни обернулись впоследствии события, что бы ни сделала вероятная в будущем реакция, но…» – и изредка я это делал, причем такие оговорки, видимо, не оставляли в душе слушателей никакого следа.

Речи ораторов почти без исключения вызывали бурю восторгов; конечно, можно отметить, что особенно горячие аплодисменты следовали обыкновенно за ловко построенной красивой фразой, зачастую лишенной реального содержания. Думаю, что я имею право сказать, что я избегал подобных фраз и старался брать содержанием своих речей, но и я не вполне обходился без них. Помню, раз на рабочем собрании я процитировал слова Симеона Богоприимца: «Ныне отпущаем раба твоего, Владыко, с миром, ибо видели очи мои спасение твое, еже ты уготовал перед лицом народов»[383].

Слова вызвали бурю восторгов и даже одно восторженное письмо ко мне какого-то рабочего, который называл меня в нем «старцем».

С особенным удовольствием вспоминаю я несколько лекций в различных учебных заведениях. На одной такой лекции о текущих событиях, прочитать которую я был приглашен Евгенией Ивановной Репьевой в учебном заведении, в котором она преподавала (не помню точно, какое это было заведение, кажется, коммерческое училище)[384], где меня слушали девочки лет 14–16, я процитировал, несколько видоизменив, подходящую для случая часть стихотворения:

Прихожу я к вам с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно весенним светом
По листам затрепетало[385]

И т. д. В этой лекции я особенно остановился на разъяснении значения свободы печати и слова и отметил ошибочность запрещения черносотенных газет.

Бывали, однако, исключения, когда приходилось вступать в более или менее острую полемику. Такой случай имел место со мной в Новгороде в середине апреля. Наметилось разногласие по вопросу о том, следует ли платить царские долги или нет, — разногласие очень опасное в тот момент, когда велась война. Не помню, какой ближайший повод был у меня заговорить на эту скользкую тему, но без специального повода я ее не коснулся бы. Признавая, что царское правительство, заключая долги, не спрашивало у народа на них согласия и, следовательно, они не могут считаться для нас морально безусловно обязательными, я ставил вопрос на практическую почву: ведь мы ведем войну – деньги нам нужны; по окончании войны нам придется восстановлять разрушенное общественное хозяйство и налаживать сызнова жизнь; значит, деньги опять понадобятся. Где же мы их возьмем? Страна обнищала. Без заграничного, в особенности американского, кредита мы не обойдемся. Как же нам отказываться от платежа прежних долгов? Самая постановка этого вопроса колеблет наш кредит и потому является если не тяжким преступлением, то, конечно уж, тяжкой ошибкой. Если же я признал моральную необязательность для нас долгов, то и к этому нужно сделать оговорку. Ведь от царского наследства мы не отказываемся, а оно очень значительно. Как же отказываться от долгов?

Против меня выступил какой-то молодой человек, по-видимому, левый эсер (тогда еще, впрочем, формально проведенного разделения на левых и правых эсеров не было[386]). Свои удары он направил на конец моей речи.

– От какого наследства царского режима мы не отказываемся? От тюрем? Мы их разрушили. От смертной казни? Мы ее отменили. От административной ссылки? У нас ее не будет. От эксплуатации человека человеком, от приниженного положения крестьянства? Нам они не нужны, мы создадим социализм, демократию, равенство!

Речь была сказана красиво, сильно, с темпераментом и вызвала аплодисменты, но только в одной части собрания: собрание было по преимуществу интеллигентское и более или менее интеллигентное; оно в большинстве понимало неправильность этой аргументации и было на моей стороне. К сожалению, тогда еще не было фактов, говорящих о том, что и от

этого наследства – тюрем, смертных казней, эксплуатации – *мы* и не думаем отказываться, а как легко было бы разбить эту речь года через два или даже месяцев через 9–10! Пришлось остановиться только на другом наследстве.

– Разве мы не получили большого государства? Разве это не ценность («нет», – крикнул с места мой оппонент), разве вы хотите вернуться к состоянию анархии, изжитому еще во времена Рюрика? Разве мы не получили богатой культуры, которая не была бы возможна без реформы Петра Великого? Разве мы не получили большого народного богатства («нищеты», – возглас с места), выражающегося в громадной сети железных дорог, в большом числе оборудованных фабрик, вообще во всем экономическом строе, в котором нам нужно реформировать распределение дохода, но ни в коем случае не разрушать самого богатства, самих источников дохода?

Аудитория меня поддержала.

Прямо из аудитории я уехал на вокзал, а утром на следующий день в Любани купил газету, из которой узнал о ноте Милюкова, явившейся критическим моментом в истории революции. В главе о Керенском я сообщил о том, что в тот же день мне пришлось говорить по поводу этой ноты на рабочем митинге. Говорить я, собственно, должен был об Учредительном собрании, но говорить на заранее назначенную тему мне не дали.

– Что вы думаете о ноте Милюкова?

Пришлось отвечать, не имея возможности предварительно столковаться с товарищами по партии, даже просто обменяться мнениями с кем бы то ни было из близких мне людей по убеждениям, даже просто информироваться пообстоятельнее.

Я построил свой ответ приблизительно таким образом.

Разрыв с союзниками приведет Россию на край гибели; во всяком случае, существует большая опасность, что Германия в случае своей победы восстановит на троне Николая, уничтожит нашу с таким трудом завоеванную свободу и, кроме того, обременит нас тяжелой контрибуцией. Победа нам необходима, войну, следовательно, продолжать нужно. Но в завоеваниях вообще, в частности в завоевании проливов, я не вижу никакой надобности. Поэтому ноту Милюкова считаю ошибочной и думаю (оговорившись, что я только что вернулся из поездки и ничего о ее происхождении достоверно не знаю), что она является личным мнением Милюкова, за которое Временное правительство не ответственно. Практически теперь, для ближайшего будущего, эта нота говорит только о готовности России вести войну вместе с союзниками, но когда дело подойдет к заключению мира, то затягивать ее ради завоеваний и сам Милюков, тем более

остальное правительство, не станет. Во всяком случае, нам необходимо всеми силами поддерживать Временное правительство, его падение грозит страшными последствиями.

Это был первый случай в эту революцию, что моя речь вызвала сильное неудовольствие в аудитории. Мне дали договорить до конца, хотя враждебные возгласы не раз ее прерывали, но после нее посыпались возражения. Но было нечто еще более для меня печальное, чем возражения: мне дали газету и указали на заметку, что нота во Временном правительстве была одобрена *единогласно*, следовательно – и Керенским. И речи моих оппонентов говорили не о ноте Милюкова, а о ноте Временного правительства и «изменника демократии Керенского в том числе». Мое положение было особенно тяжело вследствие моей неосведомленности. Верно ли было газетное сообщение или нет – я не знал и склонялся к мнению, что оно ложно, но не решался утверждать этого категорически. А между тем я хорошо знал, что язык сомнения на аудиторию не влияет, – на такую же взволнованную и бурлящую аудиторию действует прямо возбуждающим образом, но возбуждающим в духе, враждебном оратору. Поэтому недобросовестные ораторы всегда предпочитают лгать, но категорически, чем строить [речь] на предположениях. Я помню (в значительно позднейшее время, должно быть, в октябре), как один оратор распинался: «Я сам был на рижском фронте и сам слышал, как Керенский говорил…» – и приписывал Керенскому какую-то совершенно невозможную чепуху; я же начал возражение: «Я, к сожалению, на рижском фронте не был, но уверен, что этого не было», – и аудитория явно верила бывшему на фронте лжецу, а не мне (конечно, не только потому, что он будто бы был на фронте, а еще и потому, что он защищал то, чего страстно хотелось аудитории, именно – немедленного мира). Михаил Береншам потом говорил мне, что мне следовало говорить: «Я тоже был на рижском фронте и…» Не знаю, держался ли Береншам сам подобной системы, но я к ней никогда не прибегал.

На следующий день произошла та страшная уличная демонстрация, которая произвела перелом в ходе революции. Временное правительство, до тех пор державшееся, казалось, прочно, имея непоколебимую опору в восторженном сочувствии всего народа, зашаталось; вышли в отставку Милюков и Гучков[387]; потом начались перетасовки, и Временное правительство обратилось в зыбкую игрушку стихии.

Около этого времени я закончил брошюру о желательных условиях мира, написанную по предложению комитета Трудовой группы. Ходячая формула в то время была: «Без аннексий и

контрибуций, на основе самоопределения народов». Эта формула вызывала недоразумения; при обычном понимании термина «аннексия» в ней нетрудно было усмотреть внутреннее противоречие между первой и второй частью. Тем не менее я принял эту формулу, но дал истолкование термину «аннексия» как акту насильственному, совершаемому без опроса населения. Брошюра моя служила разъяснением и развитием этой формулы. Я доказывал, что завоевание Босфора и Дарданелл нам не нужно; что оно само по себе дает выход только в Средиземное море, но не дальше, и за ним неизбежно явится стремление укрепиться на Суэцком канале и в Гибралтарском проливе; что нам нужна не политическая власть на проливах, а свобода коммерческого плавания, которое достижимо, да в сущности и достигнуто, без нее. Но мы не можем безнаказанно дать укрепиться на Босфоре Германии. Доказывал также, что поставить своею задачей получение с Германии контрибуции было бы большою ошибкой: это значит затягивать войну до полного поражения Германии, так как только при нем Германию можно вынудить к ней и все-таки ее не получить, так как совершенно разоренная Германия платить не будет в силах[388].

Когда брошюра еще печаталась, о ней как-то узнал Терещенко, тогдашний министр финансов, и обратился ко мне по телефону с просьбою прибавить в ней страничку о «Займе свободы»[389], который он как раз тогда выпускал на рынок. Я охотно согласился. С точки зрения чисто литературной эта страничка была каким-то неуклюжим привеском в брошюре, плохо в ней пришитым к остальному, чисто политическому содержанию, и отзывала рекламой[390]. Брошюра была напечатана в каком-то невероятном количестве экземпляров (чуть ли не 200 000) и распространялась и Трудовой группой, и Министерством финансов, и некоторыми другими организациями, но все-таки вся не разошлась; значительная часть ее осталась на складе у издателя и потом куда-то пропала.

Случилось так, что я раздал все имевшиеся у меня экземпляры, так что, когда года через два мне захотелось ее перечитать, я не нашел у себя ни одного экземпляра и не знал, куда обратиться в поисках за таковым. В настоящее время я забыл даже ее заглавие. Самое правильное заглавие было бы «Война и мир», но его я дать, конечно, не мог[391]. В ней я изложил по военно-политическому вопросу свои задушевные мысли, которые я вырабатывал многие годы в части, касавшейся проливов, еще задолго до войны, и для решения которого я тщательно изучал историю вопроса о проливах и постановку его в международном праве. Важным ее недостатком было то, что я исходил из

совершенной уверенности в победе Антанты над германской коалицией и совершенно не предвидел распадения Антанты, несмотря на то что оно вырисовывалось уже достаточно ясно. А если бы предвидел, то нашел бы лишние хорошие аргументы как в пользу необходимости продолжать войну, так и против аннексий и контрибуций.

Брошюра моя вызвала резкие возражения с двух сторон: со стороны кадетов и более правых, отстаивавших необходимость присоединения Босфора, и со стороны большевиков, требовавших немедленного мира во что бы то ни стало. Но возражения того же рода я встретил и в рядах самой Трудовой группы.

Вскоре после выхода в свет моей брошюры происходил съезд Трудовой группы[392]. Я был выставлен докладчиком по вопросу о войне и мире[393], и мой доклад, в общем пересказывавший мою брошюру, послужил предметом очень горячих прений; большинство петербуржцев было на моей стороне, но в рядах провинциальных членов резко обозначились две группы – кадетствующая и большевизанствующая. Однако моя резолюция собрала значительное большинство[394]. Оба фланга, оставшиеся в меньшинстве, из группы не вышли.

На этом же съезде Н. В. Чайковский выдвинул как программный или тактический лозунг: «Политическая революция, социальная реформа»; политическая революция совершилась и закончится с созывом Учредительного собрания; социальное преобразование должно быть совершено мирным законодательным путем. На это возражал В. Б. Станкевич, который совершенно основательно указал, что теперь едва ли не поздно говорить о социальной реформе; социальная революция, как аграрная, так и промышленная, к несчастью, уже началась, идет в самых грубых анархических формах и грозит страшными бедствиями; не считаться с нею нельзя.

С этим вопросом – аграрной реформы или революции – мне приходилось иметь дело на крестьянских собраниях в различных, по большей части недальних (от Петербурга) местностях Новгородской губернии: в Чудове, в Волхове и в др. Я твердо стоял на позиции: выбирайте в Учредительное собрание людей, которые будут отстаивать передачу земли в руки крестьянства на начале выкупа по возможно низкой оценке; требовать землю без всякого выкупа – значит готовить гражданскую войну, в которой вы можете потерять все уже вами приобретенное, но еще хуже захватывать землю грабительским образом: никакое равенство земельной собственности при нем невозможно, создастся новый помещичий класс, который будет хуже прежнего.

Бывали случаи, когда мои речи встречали полное сочувствие

крестьян, но чем дальше шло время, тем такие случаи происходили все реже и реже. На некоторых таких собраниях появлялись опасные оппоненты.

Организовывались такие митинги следующим образом. Либо лично я, либо Трудовая группа получали письмо из какой-либо деревни с просьбой приехать (если письмо адресовалось лично мне), либо прислать человека поговорить о земле. Письмо исходило от какого-нибудь отдельного, очевидно, более интеллигентного крестьянина. Обыкновенно в письме делалась прибавка, что автор письма просит остановиться у него. Об оплате проезда речи никогда не было, и таковую приходилось производить из собственного кармана, иногда же расходы брала на себя Трудовая группа, в которой Брамсон, заведовавший финансами группы и умевший добывать для нее деньги, очень внимательно следил за тем, чтобы на отдельных лиц не падали расходы по общественно нужным поездкам.

Я ехал; обыкновенно встречал очень теплое гостеприимство инициатора митинга, у которого и ужинал, и ночевал. Митинг устраивался либо в какой-нибудь избе, – частной ли избе, школе, волостном правлении, либо на лужайке возле избы. Полицейских неприятностей, столь знакомых по эпохе 1905 г. и следующих годов, теперь, конечно, не было и в помине. Численность аудитории была очень разнообразна, иногда человек 20, а иной раз 200 или более; преимущественно мужчины, но бывали и бабы, и молодые девушки; приходили даже дети в том возрасте, когда понимать предмет беседы они очевидно не могли, но вели себя спокойно, уставившись упорными глазенками в рот оратору и по часу следя, конечно, не за речью, а за движениями рта. Крестьяне всегда слушали очень внимательно, стараясь вникать в сказанное. В первое время (март, апрель) порядок собрания никогда не нарушался; если же и раздавались возгласы с мест, то в небольшом числе и в количестве, не мешавшем оратору. Помню, на одном из таких собраний я говорил, кого следует выбирать в Учредительном собрании:

– Если вы недовольны тем, что прогнали царя, если хотите царя, то выберите монархиста.

– Не нужно, надоел!

Возглас исходил от высокого крепкого мужика лет 50 с умным лицом.

– А если царь вам надоел, то выбирайте такую партию, которая стоит за то, чтобы все законы писались народными выборными, но и таких партий не одна, а много.

Но понемногу, с привычкой к митингам и с подъемом политических страстей, развивались и возгласы с мест, принимая

иногда анархический характер и ведя к срыву собраний, особенно когда на митинг попадали также другие партийные ораторы, всего больше – большевики и левые эсеры.

На одном таком собрании, должно быть в мае или июне, тоже где-то в Новгородской губернии на лужайке я говорил о земельном вопросе. Когда я говорил о выкупе и против захватнического раздела земель, меня не раз прерывал один молодой человек явно некрестьянского вида, и каждый раз его перерыв вызывал шум и мешал ходу собрания. Все-таки я договорил свою речь до конца. Но после меня выступил этот самый молодой человек и стер меня в порошок. И предатель народа я, и буржуй, и защитник интересов помещиков, и реакционер – словом, весь большевичий вокабюлер[395]. Он требовал немедленного раздела помещичьих земель и инвентаря. Говорил бойко, хлестко, не без остроумия, и аудитории нравился. Однако нашелся другой молодой человек, тоже некрестьянского вида, который возмутился его демагогическими грубыми приемами.

– Я тоже хотел возражать Водовозову, – начал он, – я с ним не согласен. Я думаю, что землю надо взять без выкупа. Но я считаю недопустимым говорить в таком тоне о Водовозове, у которого есть заслуги перед делом революции. Водовозов, как известно, представитель Трудовой группы, и, конечно, он может показать свой мандат. Я говорю здесь от имени партии социал-революционеров и могу удостоверить это партийным билетом. А от кого говорит этот господин? Он не сказал. Во всяком случае, не от социалистов-революционеров. Наша программа требует…

И т. д. Я слушал и недоумевал. Что это за полицейское требование паспорта? Кстати, до тех пор я никогда не имел никакого партийного билета и только по возвращении в Петербург с этого митинга потребовал себе паспорт; у нас до тех пор не было даже паспортных бланков. А кроме того, что это за язык в крестьянском собрании? Говорить о партиях, о партийных программах было неизбежно, потому что готовившийся избирательный закон признавал только партийные, а не личные кандидатуры, а также потому, что вся политическая атмосфера была уже насыщена партиями, программами и платформами. Во всяком случае, речь последнего оратора не имела ни малейшего успеха; она была рассчитана совсем на иную аудиторию. К тому же по содержанию она не была достаточно определенна. Отстаивая национализацию земли без выкупа, он признавал законодательный путь, но не отказывался достаточно ясно от захватнического; напротив, допускал его с последующей легализацией Учредительным собранием. Эта промежуточность

программы, говорившая, что в эсеровской партии он стоял на самом крайне правом фланге в связи с чрезмерной схематичностью интеллигентского языка, никого не увлекала и не воспламеняла; нежелание прибегать к демагогическим приемам, роднившая его со мной, была в этот момент не ко двору.

Вновь заговорил первый оппонент, очевидно, крайне левый эсер, опередивший меня, и окончательно натравил толпу на меня и на эсера. Когда я попробовал заговорить вновь, то мне не дали говорить:

– Буржуй! Помещиков хочет сохранить! По миру бедняжки пойдут, жалко тебе!

Крестьянин, организатор митинга, по чьему приглашению я здесь был, взял меня за рукав.

– Пойдемте, ничего не добьетесь! Их не перекричать!

И увел к себе.

– Мы же вас пригласили и вам же наплевали.

Он так был искренно огорчен, так горячо извинялся передо мною в собственной вине, что сильно тронул меня, относившегося к подобным неудачам гораздо хладнокровнее. В эту революцию это была первая моя серьезная неудача на митинге; за ней последовали другие.

Решительный перелом во всей жизни и, в частности, в характере митингов наступил после большевицкого восстания 3 июля[396]. Вечером в этот день я был на заседании Особого совещания об Учредительном собрании в Мариинском дворце. Часов в 10 оно кончилось, и мы разошлись по домам.

Я шел по пустой и светлой в эту июльскую ночь Адмиралтейской площади и, еще не доходя до Дворцовой площади, увидел несколько человек, бегущих от Дворцового моста навстречу мне. Ужас был написан на их лицах; особенно ясно помню я пожилую даму, бежавшую с быстротой, вовсе не соответствующей ее возрасту. «Что это такое?» – спросил я себя и сразу решил: вероятно, где-нибудь поблизости стреляют. Я все-таки повернул за угол Адмиралтейского сада и, когда сделал еще несколько шагов, явственно услышал частую пальбу. Где она была – я не знал. Я постоял на месте несколько минут, с радостью удостоверился, что страха не испытываю, но все-таки повернул назад и вновь дошел до Невского. Оттуда ехал трамвай. Я вскочил в него. Трамвай шел к Дворцовому мосту, но лишь только вагоновожатый услышал пальбу, он дал быстрый задний ход и по той же колее быстро, не останавливаясь помчался на Невский, очевидно рискуя столкнуться с встречным вагоном. Доехав почти до Полицейского моста, он вновь переменил направление, но с Невского повернул не направо, к Дворцовому, а

налево, к Николаевскому мосту. На Николаевском мосту была вновь слышна, хотя и далекая, пальба. Часть немногочисленных пассажиров позднего трамвая легла на пол вагона, очевидно воображая, что пуля не пробьет стенки вагона и на полу безопасно, но другая часть сохраняла спокойствие. Доехав до угла Большого проспекта и 8-й линии, я вышел из вагона и пешком дошел до Тучковой набережной, где я жил[397], не слыша пальбы и не замечая ничего тревожного. Дома я застал мою прислугу, пальбу слышавшую с балкона и находившуюся в смертельном страхе.

Как известно, это первое большевицкое восстание было легко подавлено, но политическая атмосфера страшно накалилась. С этого момента все поняли, что какая-то страшная катастрофа приближается, что большевики, на которых раньше многие смотрели презрительно, есть действительно большая и очень опасная сила. Правительственные кризисы происходили беспрестанно. Цены на все товары росли с быстротой, ясно говорившей о крайней непрочности финансовой и экономической базы всей нашей жизни. На митингах идея Учредительного собрания как вершителя судеб явно теряла свое обаяние, и идея насильственного социального переворота явно начинала иметь перевес над нею.

Я был сильно переутомлен всей предыдущей работой, – настолько сильно, что со мной однажды произошел совершенно непредвиденный казус. Я говорил речь на одном собрании, закашлялся и остановился на минуту. Надо продолжать речь, но вдруг я сообразил, что совершенно забыл не только то, на чем остановился, но [и] то, о чем я говорил вообще, что было темой моей сегодняшней речи. Я сделал вид, что продолжаю задыхаться, сошел с трибуны, отошел в угол эстрады и минуты в три посредством мучительного напряжения вспомнил все, что было надо.

Поэтому в августе я уехал на Кавказ отдохнуть и вернулся в середине сентября. Вся корниловская история прошла во время моего отсутствия, и я узнавал о ней только из газет, приходивших с большим опозданием, и из слухов.

Глава IV. Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание

Как я уже сказал выше, первой после революции моей политической мыслью, захватившей меня всего целиком, была мысль об Учредительном собрании. «Я должен все свои силы отдать работе для возможного скорейшего и правильного, т. е. соответствующего воле народных масс, созыва Учредительного собрания», – думал я.

Я слишком много занимался вопросами избирательного права, чтобы не понимать, что везде и всегда необходимо время для составления избирательных списков, для организации избирательных бюро и производства самих выборов при присутствии органов местного самоуправления, которые бы пользовались общим доверием, а при русских условиях, при громадных территориях, дурных путях сообщения, при расшатанности власти, при общей разрухе, созданной войной и революцией в особенности, при всех этих условиях сроки вроде двух месяцев, которые понадобились для производства выборов во Франции после революции 1848 г., у нас совершенно неприменимы. Тем более нельзя терять ни одного дня.

Я был уверен, что Керенский смотрит на дело так же, как я, и не ожидал, что мне придется подталкивать его; но я боялся – и описанный выше разговор с И. В. Гессеном усиливал мою боязнь, – что с кадетской стороны будут сделаны попытки затормозить дело и что Временное правительство, кадетское по составу, не обнаружит в этом отношении достаточно энергии, несмотря даже на принятый им пункт о «немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания», включенный уже в соглашение 2 марта 1917 г. между Советом рабочих депутатов и Комитетом Государственной думы[398]; об Учредительном собрании говорил также великий князь Михаил Александрович в своем манифесте об отречении от права престолонаследия[399].

И действительно, декрет об образовании Особого совещания был выработан и подписан только 25 марта. Распубликован он был в Собрании узаконений только 30 марта[400] – зачем-то понадобилось пять дней лишнего промедления, а всего целый месяц с образования Временного правительства. Но самый декрет был еще хуже. В Особое совещание правительством были назначены 13 специалистов (Кокошкин, Н. И. Лазаревский, В. Маклаков, Вл. М. Гессен, Набоков, проф. С. А. Котляревский,

Зарудный, Нольде, Лаппо-Данилевский, Аджемов, Авинов, А. Я. Гальперн, я), но сверх того Совету рабочих депутатов, политическим партиям – думским и внедумским (кроме правых и черносотенных), национальностям, имеющим свои организации, различным общественным организациям предложено делегировать в совещание своих представителей. Должна была быть представлена в совещании и армия, притом фронтовая ее часть. Совещание превращалось в громоздкое учреждение, самая организация которого неизбежно требовала немало времени. Но она потребовала его еще больше, чем можно было ожидать.

С Кокошкиным, намеченным в председатели будущего совещания, я в это время довольно часто встречался в той Юридической консультации, о которой я говорил выше, и сильно торопил его, но замедление исходило не от него. Оно исходило от людей, от которых этого никак нельзя было ожидать, и прежде всего от председателя того Совета рабочих депутатов, который в самом начале потребовал от Временного правительства обязательства скорейшего созыва Учредительного собрания и как раз в отношении к этому требованию видел отличие своей революционной политической позиции от буржуазной позиции Временного правительства. Чхеидзе, получив в качестве его председателя, а также председателя социал-демократической фракции от Кокошкина предложение назначить представителей в совещание, не отвечал на него более трех недель. Это объяснялось главным образом несчастным событием, затрагивавшим лично его: нечаянным или умышленным убийством его сына[401]; говорили, что Чхеидзе положил письмо Кокошкина в карман и, потрясенный несчастьем, забыл в нем при перемене сюртука. Так ли это было или нет, я не знаю, но, во всяком случае, шли недели, избрание представителей Совета рабочих депутатов состоялось, а об избрании представителей социал-демократической фракции ничего не было слышно. И, конечно, трагическое происшествие в семье Чхеидзе оправданием социал-демократической партии служить не могло: ведь знала же она об образовании совещания хотя бы из газет, – почему же она не сочла нужным поторопить своего председателя? Очевидно, потому, что она была завалена делами, казавшимися ей более неотложными. Я просил Кокошкина собрать первое заседание совещания, не ожидая социал-демократов, но Кокошкин считал это неудобным и ограничился написанием второго письма Чхеидзе. И на него ответ пришел не сразу.

В то же время партии и различные организации настойчиво торговались из-за числа мест в совещании, присылая для переговоров своих делегатов к Кокошкину в Юридическую

консультацию. В отсутствие Кокошкина иногда выходил к ним кто-нибудь другой; так я принимал как-то группу кара-ногайцев[402], требовавшую места для себя. Не помню, слышал ли я когда-нибудь раньше название этой народности, но тут я познакомился с ее представителями – в черкесках, с патронташами на груди, с кинжалами на боку и с выражением лиц, говорившим, что в случае если их словесные аргументы окажутся недостаточно убедительными, они готовы прибегнуть и к более убедительным. Я от них получил некоторые элементарные сведения о месте их жительства, о численности – совершенно ничтожной (что-то около 30 000) и постарался их убедить в том, что, во-первых, если давать место в совещании всем таким народностям, то наше совещание обратится само чуть ли не в Учредительное собрание и будет совсем не работоспособно, а во-вторых, в том, что им и нет никакой особенной нужды в представительстве, так как всеобщее голосование все равно уже обеспечено совершенно, а пропорциональность, за которую они стоят, почти обеспечена. Естественно, что моя аргументация показалась им неубедительной, и я обещал передать их соображения Кокошкину. В конце концов им было отказано в представительстве, и к аргументам кинжального свойства они все-таки не прибегли. Другие народности, имевшие более прав, его получили, и по большей части даже по два места на каждую национальность: одно на ее буржуазные партии, другое на социалистические. Требовали места и различные другие организации: женские, и притом не одна, а несколько, неведомо чем друг от друга отличающиеся; Сибирь как географическое целое и т. д. Решающей инстанцией был Кокошкин, совещавшийся при этом с нами – членами по назначению и, кажется, не доводивший вопроса до Временного правительства.

Наконец, к маю совещание организовалось[403]. В него входили Чхеидзе (которого, впрочем, в совещании я, сколько помнится, не видал ни разу), Брамсон, Н. Д. Соколов и др. от Совета рабочих депутатов, В. Я. Гуревич, Питирим Сорокин и др. от Совета крестьянских депутатов, Добраницкий от фронта[404], В. А. Мякотин от народных социалистов, Станкевич и Одинец от трудовиков (последний – заместитель), Крохмаль от социал-демократов, М. В. Вишняк от социалистов-революционеров, Козловский от большевиков, Винавер и Гронский от кадетов, Ефремов от прогрессистов; были представители октябристов и даже националистов (но не правых), Толмачев от Сибири, Шишкина-Явейн от Российской лиги равноправия женщин[405] и еще несколько женщин от других женских организаций,

представители от национальностей и различных организаций[406]. Всего 76 человек, не считая «заместителей» и еще нескольких лиц с совещательным голосом. Преобладали эсдеки и социалисты-революционеры; было несколько кадетов и трудовиков, кроме официальных представителей партий (так я, трудовик, попал в число назначенных специалистов); большевик – только один, официальный.

В нашем составе особенно странную роль сыграли представители национальностей. Как я уже сказал, они особенно страстно добивались себе мест, и в первых заседаниях, посвященных вопросу о пропорциональности, они присутствовали, деятельно выступали и энергично голосовали. Но тотчас после торжества пропорциональности их рвение сильно ослабело, и, за немногими исключениями, они почти не посещали совещания и уклонялись от работ в комиссиях. Национальный вопрос ни разу ни в какой форме (если не считать все той же пропорции) в нашем совещании не был поставлен, и в законе нет никакого признака того, что Россия есть государство, в котором живет около 150 различных национальностей, говорящих на разных языках. В нем не сказано, что протоколы избирательных комиссий должны вестись на местном языке, что бюллетени должны печататься на нем же, что комиссии должны принимать на них жалобы. Ни одного слова. Конечно, это слово не обязательно в стране, в которой права национальностей, как, например, в Чехословакии, ограждены специальным законом[407]. Но в России такого закона не было, и соответственные постановления на всякий случай были бы желательны. Их, однако, не оказалось. Мы имели несколько ценных работников из числа представителей национальностей (например, еврейской: Канторович и Грузенберг), но они были ценны как лица, а не как евреи; еврейство их не сказалось ни в одном слове, ни в одном голосовании (все за тем же исключением пропорциональности). Зачем же они так усиленно торговались?

Было решено, что заседать мы будем в Мариинском дворце, раньше служившем помещением Государственного совета; только вместо Щегловитова на председательском месте сидел Кокошкин, а на бархатных креслах сановных членов Государственного совета – демократические члены Совета рабочих депутатов, революционных партий, еврейской национальности, даже женщины. Пленарные заседания должны были быть публичными и стенографироваться и печататься. Создавался своего рода парламент или, по крайней мере, предпарламент. Вознаграждения члены совещания не получали, и это, конечно, хорошо, а то бы его занятия могли оттянуться еще на несколько

месяцев.

Все это совершенно не соответствовало моему пониманию задач совещания. Я хотел небольшой комиссии из специалистов, которая работала бы бесшумно в закрытых заседаниях и выработала бы проект в неделю-две, подобно тому как были выработаны проекты организации городских дум и новых земств. Мне кажется совершенно несомненным, что в существенных пунктах такой проект ничем не отличался бы от нашего, так как основные принципы избирательного права носились в воздухе и были совершенно бесспорными: всеобщность, без различия пола, национальности, религии, с привлечением к голосованию армии, и пропорциональная система; отличия были бы в технических деталях – и, вероятно, к лучшему, а не к худшему; главное отличие было бы только в быстроте работы. Впрочем, как раз среди «специалистов» были люди (особенно Лазаревский, отчасти В. М. Гессен), решительно не желавшие торопиться с выборами, а потому и с выработкой закона, хотя и не совсем по тем мотивам, которые высказывал И. В. Гессен, – об этом будет речь ниже.

Раньше чем приступить к изложению хода работ в нашем совещании, я расскажу об одном эпизоде, связанном с тем же вопросом, но имевшем место независимо от совещания. Задолго до того, как образовалось наше совещание, чуть ли еще не в марте, Петербургский Совет рабочих депутатов организовал довольно многочисленную – человек в 30 – комиссию для предварительного обсуждения все того же вопроса об Учредительном собрании и принятия некоторых подготовительных мер. Хотя я не был членом Совета, но в эту комиссию я получил приглашение и бывал в ней[408]. Впрочем, она имела всего три или четыре заседания и разошлась вследствие образования совещания, ничего не сделав. Заседала она в Таврическом дворце.

На первом заседании в самом его начале одна женщина так сформулировала задачу комиссии:

– Наша задача выработать такой избирательный закон, чтобы в Учредительное собрание прошло как можно больше социалистов.

Заявление это вызвало во мне сильное негодование, и я хотел уже сделать какую-нибудь очень резкую его квалификацию, но председательствовавший в комиссии Брамсон поправил ораторшу:

– Наша задача выработать такой закон, который дал бы возможность народной воле выкристаллизироваться с возможной правильностью.

Замечание было сделано очень тактично, очень suaviter in

modo, fortiter in re[409] и сделало, к моему удовольствию, ненужным мое выступление. Собрание, по-видимому, сочувствовало своему председателю, – ведь это было только начало революции; по крайней мере, ораторша не получила поддержки решительно ни с чьей стороны. Но все-таки, значит, уже тогда находились люди, подготовлявшие фальсификацию народной воли, и притом из числа людей, всю жизнь говоривших о торжестве народной воли!

Этот маленький эпизод имел для меня свой эпилог. Через 6 лет, уже в эмиграции, я познакомился с Верой Николаевной Савинковой (женой младшего брата Б. В. Савинкова, потом женой А. А. Демьянова, в настоящее время женой чешского адвоката Стомпфе), и в одну из первых встреч она меня спросила:

– А вы помните, где мы с вами впервые встретились?

– Кажется, в Берлине несколько месяцев тому назад.

– Нет, не в Берлине. Помните вы комиссию при Совете рабочих депутатов по вопросу Учредительного собрания, в которой вы были членом?

– Как же, помню.

– Ну так я тоже была ее членом.

– Так, значит, вы сделали подлое заявление о необходимости фальсификации воли народа для торжества социализма?

– Нет, что вы, я никакого заявления не делала, – испугалась она.

– Мне помнится, что там была только одна женщина, а это заявление сделала женщина.

– Нет, не я, – я не делала.

Я и теперь не знаю, ложно ли она отрекалась от своего заявления, испуганная его квалификацией, или в комиссии было несколько женщин.

Возвращаюсь к Особому совещанию. 25 мая, почти через три месяца после образования Временного правительства, оно собралось на первое заседание. Открыл его своею довольно бессодержательной речью глава Временного правительства князь Г. Львов. Председатель – Кокошкин – был назначен Временным правительством, двух товарищей председателя – Мякотина и Крохмаля – выбрали мы[410].

Я сказал уже, что основные принципы будущего закона были предрешены или почти предрешены. Безусловно было предрешено, что избирательное право должно быть всеобщим, без различия пола и с привлечением армии к голосованию. Последнее, как известно, есть вопрос более чем спорный. Насколько я знаю, ни в одном нормально действующем законодательстве армия даже в мирное время к голосованию не

допускается, тем более во время войны, и это понятно: крайне опасно давать голос людям, постоянно имеющим при себе оружие и могущим его при случае пустить в ход, и по меньшей мере крайне неудобно допускать свободу агитации в армии. Кроме того, трудно, даже невозможно технически организовать подачу голосов в окопах, если желаешь организовать ее правильно. Есть и еще одно общее соображение против предоставления голоса военным частям: правительство может легко их переводить с места на место и таким образом влиять на исход выборов в том или другом отдельном округе, но вообще это соображение имеет мало значения при пропорциональной системе, а у нас в тот момент и совсем не имело; вполне достаточно было остальных соображений, чтобы признать голосование солдат неприемлемым.

Но над нами доминировал факт: армия сделала революцию, и армия не позволила бы лишить ее голоса; к тому же под знаменами находилось свыше 10 млн человек – весь цвет нации, и исход выборов, проведенных без нее, был бы явно неправильным отражением народной воли. Следовательно, с этим приходилось примириться, и нельзя было в совещании ожидать ни одного голоса против солдатских вотумов (их и не было, хотя всю силу приведенных выше аргументов сознавали многие). Задача была только выработать технические условия голосования в окопах, насколько это возможно, и эту задачу должны были нам облегчить представители от фронта. Замечу, что почти так же стал вопрос о голосовании армии в Германии через полтора года после нашего совещания, но с тем очень существенным отличием, что если не мир, то перемирие там уже было заключено. Армия там тоже получила право голоса, но через несколько лет при восстановлении нормального порядка она была его лишена.

У меня было еще одно сомнение относительно полной всеобщности. По-моему, в России имеются местности, в которых решительно нельзя по техническим причинам организовать всеобщую подачу голосов, и есть народности, которые решительно не способны ею пользоваться. Новая Земля по площади приблизительно равна Чехословакии[411], а жителей в ней, помнится, меньше 100; на сколько избирательных участков придется ее разделить, где найти членов избирательных бюро в составе поголовно безграмотного населения? То же самое верно в применении к тундрам Сибири, песчаным пустыням Средней Азии и даже Астраханской губернии. Точно так же, что может выйти из голосования камчадалов, гиляков и тому подобных народностей? Во всяком случае, пользование правом голоса предполагает известный уровень культурного развития.

Я издавна считал необходимым соответственное ограничение

территории голосования, как это сделано и в Соединенных Штатах. Эту мысль я проводил в освобожденческой комиссии 1904–1905 гг. по составлении проекта русской конституции, о которой я говорил в одной из прежних частей моих воспоминаний; в комиссии участвовали исключительно люди интеллигентные, и политический радикализм не помешал им (Анненскому) признать правильность моей точки зрения, которая и была принята в тексте нашего избирательного законопроекта. Эту же идею я подробно развивал в одной из своих первых брошюр 1905 г. Но когда я пытался проводить ее в своих речах на собраниях того времени, посещавшихся преимущественно радикальной молодежью, даже на одном собрании в Вольном экономическом обществе, в котором публика была более взрослая, то моя мысль вызывала недовольство, даже возмущение. Выскакивали юнцы, страстно доказывавшие, что несправедливо лишить голоса хотя бы гиляка или камчадала, а на вопрос: «А что вы скажете, если от имени этих камчадалов будет в парламенте говорить русский кабатчик или исправник?» – отвечали: «Пускай, кто бы там ни был, но все, все, все, без единого исключения, должны иметь голос»; указание же на техническую невозможность организовать выборы не производило решительно никакого впечатления, – его просто не замечали и на него даже не возражали.

И теперь, в 1917 г. я был убежден в своей правоте в этом отношении, но чувствовал полную невозможность поднять этот вопрос в совещании. Не знаю, следует ли квалифицировать это как нравственную трусость или как практичность, но я не возбуждал этого вопроса. Если бы я его возбудил, то совершенно несомненно, что меня не поддержал бы решительно никто. Думаю также, что не было проявлением трусости со стороны октябристских и прогрессистских членов совещания, что они не выступали с защитой своих взглядов на избирательное право.

Почти безусловно было предрешено, что должна быть принята пропорциональная система выборов. Я издавна интересовался этой системой, тщательно изучал ее и еще в конце 90-х годов пришел к отрицательному к ней отношению. В 1905 г. я выпустил в свет брошюру, специально ей посвященную[412], в которой доказывал, что если в странах, давно уже живущих политической жизнью, и притом небольших, как Швейцария или даже отдельные швейцарские кантоны, она может быть применяема с пользой для дела, то в странах больших, а в особенности не привыкших к политической жизни, как Россия, она может только запутать население и совершенно извратить народную волю. Дальнейшее углубление в этот вопрос в течение

десятилетия между двумя революциями только укрепило меня в моем убеждении, несмотря даже на хорошо знакомый мне пример Болгарии, где она была введена в 1909 г.[413] и несомненно имела благотворное влияние на развитие политической жизни.

В этом отношении я был довольно одинок. Большевики, эсдеки и эсеры были поголовно пропорционалистами, большинство трудовиков и народных социалистов – тоже. Из первых особенно горячим пропорционалистом был Брамсон, который хотел даже включить принцип пропорциональности в программу группы, и только мое заявление, что это заставит меня выйти из группы, остановило его, но когда выбирались делегаты от Трудовой группы в совещание, то он настоял на императивном мандате по этому вопросу. Из кадетов подавляющее большинство было теперь тоже пропорционалистами из опасения, что при мажоритарной системе они не найдут ни одного своего округа во всей России. В частности, Милюков (в совещании, впрочем, не участвовавший) был издавна горячим пропорционалистом.

В настоящее время, когда во многих странах восторжествовала пропорциональная система (а в некоторых уже успела явно обанкротиться), «Последние новости» клеймят ее названием «нелепой» (в статьях Александрова о Германии[414]). Не знаю, знаменует ли это отказ Милюкова от его прежней точки зрения или он только предоставляет сотрудникам свободу мнения по этому вопросу, но в 1917 г. он не допустил бы без решительного протеста введения в избирательную систему выборов по абсолютному большинству.

Все партии правее кадетов еще сильнее, чем они, боялись не найти ни одного своего округа и тоже высказывались в том же духе. За пропорцию стояли мелкие национальности, в особенности евреи, как национальность, нигде большинством не являющаяся; весьма вероятно, что в отношении к делу Брамсона сказывалось его еврейство. Таким образом, весь партийный спектр, от большевиков до крайних правых, в этом отношении был совершенно единодушен (это замечательнейший случай партийного единодушия), и на стороне мажоритарной системы оставались только некоторые отдельные лица, смотревшие на дело не с партийной точки зрения.

Но среди отдельных лиц я укажу на одну странность. В марте или апреле, встречаясь с Н. И. Лазаревским в Юридической консультации, я спросил его, как он смотрит на этот вопрос. Он ответил решительно и определенно: для России он мажоритарист. Я обрадовался. Вдруг в совещании он высказался решительным пропорционалистом и даже выступил докладчиком пропорционалистского большинства.

– Почему вы переменили мнение? – спросил я его после заседания.

– Изучил лучше вопрос, – сухо ответил он, видимо не желая продолжать разговор на эту тему.

По убеждениям он был близок к кадетам, но в партии, если не ошибаюсь, не состоял. Для специалиста – ведь он был профессором государственного права – такое радикальное изменение мнения по одному из основных вопросов его специальности в четыре-пять недель изумительно и непонятно.

На первом же заседании совещания был поставлен вопрос о системе голосования и без прений попал в комиссию довольно многочисленного состава (20 человек)[415]. Председателем ее был избран В. М. Гессен. Главными противниками выступили в комиссии Лазаревский и я. Наиболее серьезным практическим аргументом Лазаревского было указание на невозможность разделить Россию при мажоритарной системе на избирательные округа так, чтобы не было вопиющих несправедливостей. Не отрицая важности этого соображения, я признавал большую трудность такого разделения, отрицал его невозможность и утверждал, что это зло меньшее, чем то, которое поведет за собой в России система пропорциональности. После прений, продолжавшихся, помнится, три заседания, комиссия большинством 16 голосов против 4 (в меньшинстве голосовали: Аджемов, Гессен, Мякотин и я) признала пропорцию[416] и нас двух назначила докладчиками большинства и меньшинства.

Мы повторили в пленарном собрании наши речи, сказанные в комиссии, причем я несколько видоизменил свою под влиянием комиссионных прений. Лазаревский же не счел нужным исправить в своей речи даже прямые ошибки, указанные ему в комиссии. В общем, две наши речи представляют довольно полное изложение аргументов pro и contra[417], и так как они стенографированы и напечатаны[418], то, я думаю, они сохранят свое значение в то время, когда этот вопрос вновь всплывет. После нас развернулись прения, продолжавшиеся, несмотря на ограничение времени ораторов 10 минутами, два заседания. Среди них выдавалась речь Мякотина. Мне раньше не приходилось говорить с ним на эту тему, в печати о ней он тоже никогда не высказывался, и его мнения до комиссионного заседания я совершенно не знал, но по общему складу его ума считал его пропорционалистом. И очень обрадовало меня, когда мы оказались единомышленниками. Он начал свою речь отрывком из известной солдатской песни, приписываемой Льву Толстому: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги! а по ним ходить!»[419] И затем доказывал, что при существующем

уровне политического развития нельзя обращаться к массовому избирателю с вопросом, что он такое: эсдек, эсер, кадет, когда он ни то, ни другое, ни третье и даже представления не имеет, что это такое[420].

В конце прений большинством 27 голосов против 9 была принята пропорциональная система. За мажоритарную высказались 9 человек: Мякотин, В. Гессен, Зарудный, Аджемов, Маклаков, я, еще кто-то, и то Маклаков со странной и слишком уж откровенной партийной оговоркой, что для больших городов он признает желательность пропорции[421]. Мы, меньшинство, подали свое «особое мнение», причем Маклаков, подписывая его, включил в него свою оговорку о больших городах. Было совершенно ясно, что вопрос решен бесповоротно.

Для меня это было очень сильным, хотя и вполне предвиденным ударом. Я был уверен, что эта система извратит правильное выражение народной воли и что Учредительное собрание будет хуже по своему составу и дальше от народа, чем это могло бы быть. Тем не менее это не могло быть поводом к уходу из совещания, и я продолжал в нем работать.

Работы было много; пленарные заседания происходили раза три в неделю и отнимали каждый раз часа четыре-пять, обыкновенно часов с 2 до 6 или 7; комиссий и комиссионных заседаний было тоже много. Кокошкин был превосходным председателем, чрезвычайно умело и тактично ведшим заседания; то же самое можно сказать о Мякотине, иногда замещавшем его на правах товарища, и о Гессене, председательствовавшем в ряде комиссий. Слабее других был Крохмаль. Не имею никаких оснований сказать, чтобы он обнаруживал какое-нибудь партийное пристрастие, но просто у него не хватало умения. Из отдельных членов совещания не могу не вспомнить о Лаппо-Данилевском. С некоторым недоумением встретил я его имя в списке «специалистов»: ведь он был по специальности историком России, а к вопросам избирательного права никакого касательства не имел. Но на все заседания Особого совещания он являлся превосходно подготовленный, работал в некоторых комиссиях[422] и хотя выступал мало, но каждое из его немногочисленных выступлений было тщательно продумано, серьезно и со знанием дела аргументировано.

Общее одушевление и общий интерес к делу после решения спора между пропорционалистами и мажоритаристами сразу упали. Даже в голосовании по этому жгучему и возбуждающему страсти вопросу участвовало, как я сказал, только 36 человек, – менее половины всего совещания. На следующих заседаниях присутствовало обыкновенно не более 30 членов, а часто и того

меньше; всего человек 20 (из 76) оставалось постоянным контингентом активных членов совещания. Отхлынули национальности, которым было больше нечего делать; отхлынули женщины, кроме Шишкиной-Явейн; отошли даже и некоторые «специалисты»; остались только отдельные лица, у которых был личный интерес к вопросам избирательного права. Спрашивается, зачем же разные кара-ногайцы так страстно добивались места в совещании, а разные допущенные организации столь же страстно торговались из-за числа мест?

Только три раза абсентеизм заметно уменьшился: при голосовании о возрастном цензе избирателей (который был решен 34 голосами в пользу 20-летнего возраста против 12, поданных за 18-летний), при голосовании о лишении членов семьи Романовых пассивного голоса и при обсуждении вопроса о дне выборов. Числа участников в этих трех заседаниях установить с точностью не могу, – сколько помню, оно было близко к 40.

За исключением представителя большевиков Козловского, который определенно вел большевичью линию, партийность участников совещания сказывалась очень мало. Разногласия были, иногда (не часто) – даже очень острые, но редко они имели партийный характер; как и в вопросе о пропорции, на одинаковых решениях сходились люди разных партий, и одна и та же партия голосовала вразброд. Даже такой жгучий, казалось бы, вопрос, как о праве Романовых, разделил собрание не по линии партийных группировок. Единственное исключение составил вопрос о дне выборов. Как-то В. М. Гессен сказал мне: у нас в совещании есть только две партии – партия понимающих дело и им интересующихся и партия дела не понимающих и им не интересующихся, и эта шутливая оценка партийного состава была очень близка к истине.

Очень любопытный разброд мнений обнаружился в самом начале по вопросу о публичности комиссионных заседаний. Представители прессы выразили желание присутствовать на всех заседаниях всех комиссий. Первая же комиссия, которой было предъявлено это требование, совершенно естественно решила отвергнуть его – в том виде и смысле комиссионных обсуждений, чтобы они происходили в немногочисленном составе и в более или менее домашней обстановке, в которой нет надобности так тщательно взвешивать свои слова. Решение было принято единогласно; за него голосовали и кадеты, и «правее кадетов», и эсдеки, и эсеры, и трудовики, и энесы (в комиссии не было Козловского; он, вероятно, остался бы при особом мнении). Пресса потребовала, чтобы ее впустили для объяснений. На это мы согласились, и произошла следующая сцена.

По одной стороне длинного стола сидела комиссия, в середине – Гессен как председатель, рядом с ним по правую и левую руку – члены. Вошла пресса и села по другую сторону того же стола. Случайно, а может быть, и не совсем случайно партийные представители прессы расселись по большей части против своих однопартийных или политически или литературно близких членов совещания: против Гессена, ближайшего сотрудника кадетской «Речи», сел Л. М. Клячко, репортер «Речи»; против меня сел Лифшиц, репортер «Дня», в котором я был постоянным сотрудником; против эсера Вишняка – репортер эсеровской газеты.

Оратором «прессы» выступил Клячко – ловкий, пронырливый репортер, человек очень нахальный, в 1905–1906 гг. бывший эсдеком, но потом прекрасно применившийся к кадетской прессе. Гессен объявил прессе наше решение с краткой его мотивировкой. В ответ Клячко произнес длинную речь о праве прессы интересоваться всем на свете; о том, что при старом режиме действительно прессу во многие места не пускали – и тем не менее «мы все равно все скрытное узнавали», а для нового режима страх перед прессой – дело неподходящее; наша пресса тактична, и если в комиссии произойдет что-либо неудобное для разглашения, то пресса разглашать, конечно, не станет, и т. д. Речь была менее нахальна, чем можно было бы ожидать от Клячко, но по существу совершенно неубедительна. И в ответ на эту речь Гессен сказал, что принципиально, конечно, в комиссии посторонних допускать не следовало бы, но лично он ничего не имеет против допущения прессы и если другие члены настаивать на первоначальном решении не будут, то он ничего не будет иметь против прессы. Мякотин заявил, что на него присутствие посторонних никакого отрицательного влияния не производит и он при них и без них будет говорить совершенно одинаково. Вишняк и я присоединились к этому заявлению, и в 5 минут наше постановление столь же единогласно было отменено, сколь единогласно было принято[423].

В моей общественной жизни это был случай, о котором до сих пор вспоминаю со стыдом; думаю, и другие тоже. Никто не указал, что если каждый отдельный человек имеет право считать себя достаточно мужественным, чтобы высказывать свои мнения одинаково в отсутствии и присутствии прессы, то общий характер беседы в небольшой группе людей (хотя бы никто из них не был ограничен в своем праве рассказывать о ней устно и печатно) и в присутствии прессы всегда будет различен, и это неизбежно будет влиять на каждого отдельно – мужественного и немужественного человека, а иногда, как это убедительно доказывают два наших

сегодняшних голосования, различие ярко скажется и в решении вопроса.

Но помимо этой стороны дела здесь чрезвычайно интересна другая сторона: водораздел между двумя противоположными мнениями шел ясно не по партийной, не по классовой линии, а по линии профессиональной: репортеры различнейших по направлению органов печати представляли один взгляд, а сторонники тех же различнейших направлений (хотя все или почти все они были вместе с тем и участниками прессы[424]) – другой. Этот частный, пожалуй, мелкий случай заслуживал бы того, чтобы над ним задумались сторонники классовой борьбы как единственного содержания истории.

Пресса осталась на нашем заседании и получила право входа на все остальные. Но на следующем заседании число ее представителей сократилось, с третьего она вовсе перестала посещать комиссионные заседания, а затем исчезла или почти исчезла и с пленарных. И вообще ежедневная печать почти совершенно не интересовалась нашим совещанием, только изредка сообщая о самых важных наших постановлениях. И это очень жаль. Пусть время было очень бурное, события громадной важности неслись стремительным потоком, но все-таки мы делали важное дело, вырабатывая закон, от которого должен был в известной степени зависеть будущий состав Учредительного собрания и, следовательно, будущий ход революции.

Итак, при довольно полном общественном равнодушии, при абсентеизме большинства членов совещания, но вместе с тем при живом и горячем отношении небольшой его части мы усердно делали свое дело. Частных разногласий было много, но, как и в случае с прессой, почти не отражавших нашего партийного разделения. Один член, впрочем, но только один составлял яркое исключение. Он не столько работал в совещании, сколько устраивал демонстрации, делал торжественные декларации и вел пропаганду, – это был Козловский. Все его выступления имели не деловой характер, а партийно-декларативный, и справляться с ним председателю было нелегко.

При детальном определении состава избирателей Шишкина-Явейн внесла предложение лишить избирательного права содержателей и содержательниц публичных домов, имеющих официальную концессию. Вишняк внес предложение лишить членов царствовавшей династии права быть избирателями[425]. Эти два совершенно различных предложения обсуждались одновременно и вместе при обсуждении состава избирательного корпуса.

Первое предложение встретило отрицательное к себе

отношение со стороны подавляющего большинства совещания, как вызывающее большие технические затруднения, и было провалено. Его поддержал только С. А. Котляревский, который при этом сказал: «Вот лишнее доказательство полезности участия женщин в законодательной деятельности» (хотя ничего специфически женского в предложении Шишкиной не было, и подобное ограничение имеется в бельгийском законе, вырабатывавшемся без всякого участия женщин). Что касается предложения Вишняка, то оно тоже (но, конечно, по иным соображениям) не вызвало сочувствия. Поддержали его большевик Козловский, который, сопоставляя два предложения, говорил о домах терпимости и «доме нетерпимости», то есть семье Романовых[426]; поддержал социал-демократ Добраницкий, говоря, что кандидатуры Романовых создадут возможность монархической пропаганды, которой нельзя терпеть[427].

Я усиленно возражал против предложения и еще больше против его мотивировки. Я настаивал на том, что нельзя говорить о всеобщем избирательном праве и ставить избирателям условия голосовать за нам угодных или не голосовать за нам неугодных лиц; к тому же, говорил я, практически это ограничение бесполезно, так как при настоящем настроении ни один член семьи Романовых все равно не пройдет; это же предложение признает за ними силу и даст им право впоследствии говорить, что только благодаря ему народ не мог высказаться за реставрацию; что же касается до монархической пропаганды, то неужели вы хотите воссоздать полицейский контроль за избирательными собраниями[428]? Возражали и многие другие, и предложение было отвергнуто; за него подано только 6 голосов[429]. Все эти голоса принадлежали большевику, эсдекам и эсерам, но здесь голосование не имело партийного характера (за исключением Козловского), так как другие эсеры и эсдеки, а их было много, подали голос с большинством.

Но когда наш законопроект был Кокошкиным доложен Временному правительству, то последнее не только согласилось с «особым мнением» меньшинства, но [и] расширило его и постановило членов царствовавшей династии лишить не только пассивного, но и активного права голоса. Это было по меньшей мере логичнее и последовательнее, чем однобокое и незаконченное предложение Вишняка.

К сожалению, я совершенно не знаю, как состоялось это постановление Временного правительства. От доклада, сделанного Кокошкиным нашему совещанию, у меня осталось в памяти впечатление, что Керенский в заседании Временного правительства подал голос за постановление о лишении

Романовых права голоса; такое же впечатление осталось у Мякотина, с которым мне случилось говорить об этом через много лет, уже в эмиграции. Но Керенский это отрицает. В своем «Ответе В. В. Водовозову», помещенном в номере его газеты «Дни» от 29 декабря 1923 г., являющемся ответом на мое «письмо в редакцию», помещенное в том же номере[430], он говорил: «Здесь (в вопросе о лишении членов императорского дома избирательных прав) я, как и вы, остаюсь единомыслен с мнением [большинства] совещания… В разговоре с вел[иким] кн[язем] Николаем Михайловичем я без всяких колебаний заявил, что во Временном правительстве буду отстаивать мнение большинства совещания. Только совершенно случайно одним голосом во Временном правительстве прошло мнение, лишившее бывших великих князей принадлежавших им, как гражданам России, избирательных прав».

Я не имею никаких оснований не верить в этом случае Керенскому, но очень жалею, что он изложил этот эпизод так кратко и неопределенно. Было бы очень интересно узнать, из кого именно составилось во Временном правительстве такое большинство. Просматривая список его членов в этот момент (официальное утверждение закона состоялось 20 июля[431], обсуждение и голосование происходили, конечно, несколькими днями раньше), я не вижу ни одного имени, за исключением Чернова, с которым я мог бы уверенно связать это постановление. Может быть Некрасов, может быть Скобелев; но не могли же, мне кажется, голосовать за него Церетели, тем более – Пешехонов, Терещенко.

Из других вопросов, касавшихся избирательных прав граждан, довольно значительные разногласия вызвал вопрос о возрастном цензе для права голоса. Большинство, как кадетское, так и левое, стало на 20-летнем возрасте для гражданского населения и на понижении его для военнослужащих до возраста, установленного для последнего досрочного призыва (т. е. фактически в тот момент до 18-летнего, но с возможностью его дальнейшего понижения до 17-летнего). Основанием для первого служило то, что этот (20 лет) возраст признается возрастом политического и гражданского совершеннолетия программами всех социалистических партий как Западной Европы, так и России. Для второго – то соображение, что раз человек признается достаточно зрелым, чтобы защищать родину, жертвуя жизнью, то нельзя его лишать права участвовать в решении ее судьбы.

Некоторые члены совещания (Винавер, Маклаков) настаивали на единстве гражданского и политического совершеннолетия,

утверждая, что дуализм создает путаницу и вызовет значительные недоразумения, и исходили из действовавшего тогда законодательства, т. е. требовали признания голоса лишь по достижении 21 года. Напротив, представители Совета рабочих депутатов, а также, конечно, Козловский требовали общего понижения возрастного ценза для всех до 18 лет, доказывая, что крестьянин и рабочий в этом возрасте являются обыкновенно экономически вполне самостоятельными; при этом ссылались на пример Мексики, Аргентины и двух швейцарских кантонов, где установлен именно этот ценз. К ним присоединилось несколько отдельных лиц из разных других групп, между ними – Зарудный (народный социалист), горячо настаивавший на правильности сейчас приведенного мною экономического соображения. Столь же горячо и даже раздраженно возражал ему Лазаревский, не решавшийся поддержать Винавера, следовательно, примирившийся с двадцатилетним возрастом, но решительно возражавший против дальнейшего его понижения.

– И без того у нас будут избиратели 20–25 лет, то есть с совершенно не сложившимся политическим и общим миросозерцанием, способным колебаться и меняться под всякими влияниями; нельзя допускать дальнейшей порчи состава избирательного корпуса, – говорил он.

К сожалению, в то время не было еще опыта Польши и Чехословакии, который доказал статистически, на сравнении голосования в сенат и в палату депутатов, что понижение возрастного ценза до 20 лет на исход выборов не имеет никакого влияния[432].

Был, однако, один важный вопрос, по которому водораздел между двумя противоположными мнениями шел по линии партийных группировок, – вопрос о сроке выборов. У кадетов и стоящих правее их было стремление оттянуть день выборов, у левых – ускорить. Но было бы крайне неправильно приписывать стремление кадетов их страху перед Учредительным собранием или даже перед избирательной борьбой во время войны, – эти соображения, высказанные мне И. В. Гессеном в первые дни революции, были почти совершенно чужды кадетским членам совещания. Они боялись не Учредительного собрания во время войны, не избирательной агитации, но недобросовестности в самом производстве выборов, незаконного давления на выборы различных элементов, задающих тон в той или другой местности, всего больше со стороны всей [массы] дезертиров. И потому срок выборов они ни в малейшей степени не связывали с окончанием войны, но оттягивали его только для того, чтобы произвести выборы после городской, земской и судебной реформ (создание

административных судов), и если не особенно торопились с выработкой закона в нашем совещании, то только потому, что затягивалось проведение только что названных реформ, зависевшее не от нас. По их мнению, составление избирательных списков следовало возложить на правильно и демократически избранные органы местного самоуправления и назначить возможно длинные сроки обжалования списков, притом непременно в две судебные, а не административные инстанции. Но ни правильно избранных органов местного самоуправления, ни соответственных судебных инстанций (административного суда) в России еще не существовало, когда мы приступили к составлению закона. Ну что же делать! Надо подождать, пока они будут созданы.

Особенно боялся всяческих давлений, особенно страстно настаивал на всем этом Н. И. Лазаревский. Полная искренность и добросовестность его, как и других кадетских членов, не подлежали сомнению, и грубые выходки Козловского против буржуазного совещания и буржуазных кадетов, будто бы тормозящих созыв Учредительного собрания из страха перед народной волей, конечно, были совершенным вздором и даже бесчестным вздором, особенно в свете позднейшего разгона Учредительного собрания большевиками[433].

Но le mieux est l'ennemi du bien[434], – я был глубоко убежден, что эта пословица вполне применима в данном случае. Создать совершенство, в частности в области избирательного права, не в силах человека, и появление, например, покойников в избирательных списках – явление не исключительное даже в странах с очень давней привычкой к политической жизни (во Франции); удостоверено, что покойники всегда голосуют за правящую в данной местности клику, – явление, до сих пор не обратившее на себя внимание богословской и философской литературы, но хорошо известное специалистам по избирательному праву. И, несмотря на это, парламенты функционируют во Франции в общем правильно и ведут Францию к прогрессу. Весьма далеки от совершенства были избирательные порядки Англии до 1832 г., – и, однако, они не помешали тому, что созданный ими парламент уже в XVII в. пользовался громадным престижем и в Англии, и за границей. Устранить сразу все возможные безобразия из будущей избирательной практики, вроде включения в избирательные списки покойников или исключения из них лиц, идущих против течения, и тому подобное не в наших силах. Но, к сожалению, в наших силах оттянуть день выборов. А чем позднее будет приступлено к выборам, тем больше будет всяких безобразий на выборах. А

кроме того, – и это всего важнее, – каждый лишний день без Учредительного собрания грозит России неисчислимыми опасностями.

Этих взглядов я держался во время работы совещания, и их я горячо проводил в совещании. В общем, с различными оговорками, с различными мотивировками их держались и проводили левые элементы совещания. Таким образом, обе стороны были одинаково добросовестны и одинаково демократичны; обе хотели торжества воли народа, но обе разно оценивали исторический момент и исторические возможности. Особенно остро этот вопрос стал, когда Временное правительство запросило совещание, в какой срок могут быть произведены выборы. Мы посвятили ему целое бурное заседание 14 июня, и в нем кадеты провели свое предложение: «Выборы могут быть произведены по истечении двух месяцев со времени образования органов самоуправления на демократических началах»[435].

Я настаивал на том, что если административные органы достаточно компетентны для того, чтобы организовать выборы в новые органы самоуправления (земства и городские думы), то нет основания не доверять им и для выборов в Учредительное собрание, а это дало бы возможность произвести выборы в органы самоуправления и в Учредительное собрание почти одновременно. Почему земства и городские думы, выборы которых будут произведены некомпетентными органами, сами окажутся компетентными для организации выборов в Учредительное собрание? Мою аргументацию поддержал Гальперн, но при голосовании мы остались в меньшинстве.

В тот же день вечером Кокошкин довел до сведения Временного правительства наше решение. И вдруг совершенно неожиданным ответом на него явилось постановление Временного правительства о назначении выборов в Учредительное собрание на воскресенье, 17 сентября и созыве Учредительного собрания на 30 сентября, причем, однако, в самом тексте этого постановления было сказано, что составление избирательных списков возложено на волостные земства, которые должны быть избраны всеобщим голосованием. Постановление было помечено 14 июня (в тот же день, что и наше решение!) и подписано министром-председателем князем Львовым и министром юстиции Переверзевым. Постановление это не было даже нам сообщено, и мы узнали о нем из газет 15 июня[436]. Оно нас совершенно ошеломило.

Дело в том, что накануне, 14 июня, наш член Авинов, занимавший тогда пост главноуправляющего по делам местного хозяйства, сообщил нам, что повсеместного образования

волостных земств нельзя ожидать раньше 1 сентября. Основываясь на этом, мы рассчитывали, что выборы в Учредительное собрание произойдут не раньше 1 ноября. Что же это значит? Значит ли, что волостные земства начнут функционировать на полтора месяца раньше, чем это обещал представитель Министерства внутренних дел? Или что правительство не видит надобности считаться с нашими сроками и что оно ценой порчи закона намерено купить ускорение дня выборов? Или, наконец, что правительство по политическим соображениям момента сочло нужным фиксировать выборы на возможно краткий срок, не считаясь с технической возможностью произвести их и готовое в свое время отсрочить день выборов на месяц или два? Верно было, конечно, это последнее объяснение, и последствия его подтвердили. Признаюсь, что я, как и все другие, несмотря на все желания ускорения дня выборов, был очень неприятно поражен бесцеремонным актом правительства. Но все-таки, думал я, с ним нужно считаться и его нужно признать; не время теперь, чтобы шатать правительство.

Из кадетских рядов совещания раздались заявления, что совещание должно работать над законом, вовсе не считаясь с правительственным постановлением 14 июня и ни в малейшей мере не допуская порчи закона ради согласования его с назначенным Временным правительством сроком. Левая половина совещания держалась другого мнения. Нельзя быть уверенным, говорила она, что выборы действительно окажутся возможными 17 сентября. Но все-таки мы должны сделать все возможное, чтобы облегчить правительству (замечу, что это было еще правительство Львова, хотя уже преобразованное включением в него социалистов Чернова, Церетели, Пешехонова и др.[437]) исполнение взятого им на себя обязательства, разумеется, не ценою порчи закона. Раз уже само правительство постановило в деле организации выборов предоставить определенную роль волостным земствам и раз нами приняты определенные сроки обжалования и прочее, то сократить двухмесячный срок между днем их открытия и днем выборов нельзя и потому нужно исходить из предложения, что волостные земства начнут функционировать не позднее 17 июля. Но об уездных и губернских земствах постановление правительства не говорит, а мы предполагали в избирательные комиссии включить представителей от них. Вот от этого мы можем отказаться, мы можем заменить их лицами по избранию различными местными общественными организациями, указываемыми Временным правительством; существенной порчи закона в этом не будет. Но кадеты ее в этом предложении видели и очень решительно

выступили против него.

Прения были очень страстные, но наше предложение было принято значительным большинством (а затем и Временным правительством). Точно так же административные отделения судов (не существовавшие еще даже в определенном законопроекте) мы предложили заменить гражданскими отделениями судов, – это особенных возражений не встретило. Наша победа так же огорчила кадетов, всего более Лазаревского, но также В. Гессена и Кокошкина (который думал было даже отказаться от председательствования в совещании, однако не сделал этого), как раньше меня огорчила победа пропорциональной системы.

Борьба сохраняла свой страстный характер и на следующий день, когда возобновилась работа над законопроектом, прерванная неожиданным запросом правительства. На очереди стояли вопросы об инстанциях для проверки избирательных списков и о некоторых сроках. Левое большинство, образовавшееся 15 июня, сохранилось, и эти вопросы решались по большей части согласно с нашими предложениями.

В общем и целом соответственные части нашего закона явились, как и всегда, компромиссными, но, пожалуй, более близкими к кадетским предложениям, чем к нашим.

Образование волостных земств затянулось, и правительству скоро пришлось отказаться от дня 17 сентября[438]; выборы были растянуты в разных местностях России на два месяца, начиная с конца октября и до конца декабря.

Окидывая революционный год ретроспективным взглядом теперь, я думаю, что ход событий в этом отношении вполне оправдал нашу и, в частности, мою тогдашнюю точку зрения. Конечно, рост большевизма и большевичья революция были подготовлены всем несчастным ходом истории в этот год, всего более – затянувшейся войной и идущим вперед разложением армии и страны. Но если бы Учредительное собрание собралось не в январе после октябрьского переворота, а до него, скажем, в сентябре или, еще лучше, в августе, до корниловского восстания, то захват власти большевиками был бы очень затруднен. Возможно, что и корниловское восстание было бы предотвращено, а связь корниловского восстания с большевичьим переворотом вряд ли можно подвергать сомнению.

Правда, избирательный закон как определенный юридический акт, с точки зрения строгих кадетских требований, был бы хуже. Но ведь на практике-то он оказался очень далеким от совершенства; ведь он дал возможность самых грубых злоупотреблений. Беда была, конечно, не в технической

неудовлетворительности закона, а в историческом моменте. Чем дальше шло время, тем более прогрессировало разложение всякого правового порядка, тем более росла армия дезертиров, с которыми не мог бы справиться никакой закон. И поэтому мой общий пессимизм – и, в частности, пессимистическое отношение к нашему закону и к будущему Учредительному собранию – только рос.

1 июля, через 5 недель после открытия совещания и через 4 месяца после торжества революции, была закончена первая часть работы, которую оказалось возможным выделить в особый закон[439]. Она была представлена Временному правительству (третьего состава[440]) и одобрена им 20 июля с некоторыми изменениями, из которых единственным существенным было лишение дома Романовых избирательных прав.

Эта часть закона устанавливала общие начала избирательного права (его всеобщность и т. д.), организацию избирательных комиссий, способ составления списков избирателей и кандидатские списки. Особенностью наших избирательных комиссий в противоположность всем западноевропейским было то, что кроме везде существующих окружных (для избирательного округа) и участковых комиссий были ввиду громадности наших округов (по нескольку миллионов избирателей) созданы промежуточные – уездные (и заменяющие их городские), а кроме того – Центральная Всероссийская, на которую возложено общее руководство и наблюдение за всем выборным производством в государстве.

Такой комиссии не существует нигде; везде общее руководство возлагается на Министерство внутренних дел. Она так же, как и уездные комиссии, внесена в закон по моему предложению. Для Всероссийской комиссии я исходил из факта перегруженности нынешнего Министерства внутренних дел работой и из-за боязни, что вследствие этой перегруженности, а также вследствие частых падений министров оно не сможет правильно руководить этой сложной работой. Мое соображение было легко, почти без возражений принято совещанием; спор был только о числе ее членов: я предлагал 25 членов, а Мякотин понижал его до 15. Совещание согласилось со мною, но Временное правительство понизило его до мякотинской нормы. Члены Всероссийской комиссии должны были утверждаться Временным правительством по предложению совещания.

Итак, закон был утвержден, распубликован[441] и вступил в силу. Я был избран в состав Всероссийской комиссии, но, предполагая на сравнительно долгий срок уехать из Петербурга, отказался от избрания.

После 1 июля, когда была закончена первая часть закона, работа в совещании продолжалась над второй частью, нормировавшей самую подачу голосов. Существенных разногласий тут было еще меньше, чем при обсуждении первой части, и интерес совещания к работе еще более ослабел – причиной этого, конечно, был не только более технический и менее принципиальный характер вопросов, но и общее изменение политической атмосферы и общественного настроения, вызванное общим ходом событий, в особенности ходом войны и июльским восстанием большевиков. Общая тенденция нашей работы оставалась прежняя: создать совершенство. Например, серьезно ставился вопрос, как можно обеспечить возможность подать голос кондукторам железных дорог, проводящим день выборов в пути, и множество тому подобных пустяков, вызывавших во мне иной раз негодование, – но я всегда оставался в меньшинстве, даже в одиночестве, а часто даже не находил стоящим высказываться на заседании, довольствуясь излиянием своего негодования в сепаратных разговорах.

Помню такой случай.

В той же погоне за совершенством мы вводили в изобилии печатные бюллетени, всевозможные протоколы и тому подобное. В это время в газетах как-то появились сведения о запасах бумаги, имеющихся в России, и о потребности в ней, и я однажды в совещании представил расчет, что при нашей щедрости на бумагу, при неизбежно еще большей щедрости на нее политических партий во время избирательной агитации и при условии, что писчебумажные фабрики бездействуют, бумаги в требуемых количествах не хватит, – и делал из этого практический вывод о необходимости с этим считаться и в законе. Мне казалось, что такое соображение, пока оно не опровергнуто, должно бы произвести громадное впечатление. И что же? Решительно никто во всем совещании, даже Мякотин, с которым я в совещании выступал особенно часто вместе, не обратил на него ни малейшего внимания. С ним не только никто не согласился, но даже никто не спорил, его просто не заметили. Тут я особенно ясно видел, что мой склад ума – какой-то в русском обществе особенный, может быть, чрезмерно практический для нас, воспитавшихся слишком теоретически и принципиально. А между тем хотя запасы бумаги, как оказалось впоследствии, были больше, но все-таки я оказался прав и во многих округах, например в Оренбургской губернии, некоторые требования закона не были исполнены из-за недостатка бумаги.

Во время этого периода работы совещания произошел один важный эпизод. 6 июля был арестован по обвинению в шпионаже

Козловский, а 7 июля Временное правительство известило Особое совещание, что оно признает Козловского выбывшим из состава совещания[442]. Это известие произвело на нас сильное впечатление; оно еще усиливалось той общей антипатией, которую вызывал к себе Козловский и его манера действовать, – не работать, а тормозить работу совещания речами и заявлениями, имевшими не деловое, а декларативное значение. Большевикам было предложено заместить Козловского, но они этим предложением не пожелали воспользоваться.

Был еще один эпизод, который стоит отметить, хотя произведенное им впечатление было гораздо слабее, чем он, по-моему, заслуживал бы. 22 июля, следом после утверждения закона Временным правительством, распоряжением военного министра Керенского были лишены права голоса солдаты, участвовавшие в бунте 3 июля. Перед тем мы очень долго обсуждали и спорили, можно ли лишать права голоса дезертиров, не осужденных судом; нашему юридическому чувству претило это, но в конце концов мы должны были согласиться на это ввиду особенностей переживаемого момента (Козловский шел дальше и доказывал, что дезертиры – это политические борцы, заслуживающие одобрения, а не ограничения в правах[443]). Теперь же Керенский расширял круг лиц, ограниченных в правах без судебного приговора. По существу этой мере можно было только сочувствовать, и, кроме Козловского (которого в это время уже не было в совещании), против нее никто не протестовал бы. Но имел ли право военный министр своим единоличным постановлением, даже без Временного правительства, вносить изменения в уже утвержденный и распубликованный закон? По-моему, нет, и даже исключительность момента не могла этого оправдать; это было опасным прецедентом. Впоследствии многие избирательные комиссии, в особенности на Кавказе, совершенно не считались с законом и вводили в него свои поправки, тоже оправдываясь исключительным моментом. Обсуждать эту меру Керенского в совещании не было повода, но в частных разговорах, которые мне случилось вести по этому поводу, только один В. М. Гессен вполне соглашался со мной, а Набоков и Нольде вполне оправдывали Керенского.

В самом конце июля я уехал из Петербурга и в последних заседаниях совещания участия не принимал: оно закрылось вскоре после моего отъезда.

Не могу не отметить моего разговора с Гессеном перед самым моим отъездом. В этом разговоре Гессен назвал наш закон самым совершенным в мире избирательным законом и выразил уверенность, что если даже он не будет приведен в осуществление

(при всей жизнерадостности Гессена и нераздельно связанном со всем существом его личности оптимизме, он в это время уже потерял уверенность в созыве Учредительного собрания), – если даже он не будет осуществлен в настоящее время, то сохранит значение как зрелый памятник юридического творчества и повлияет на будущие законодательства.

Меня несколько удивила эта оценка: во-первых, в законе очень и очень существенные пункты были приняты против Гессена, который, следовательно, находил в них нечто далекое от совершенства; во-вторых, закон слишком явственно отпечатал на себе условия момента (война), которые вряд ли имели шансы повториться где-либо в будущем, следовательно, не мог иметь большого влияния на юридическое творчество мирного времени. А затем – le mieux est l'ennemi du bien[444], наш закон слишком детален, слишком заботится об идеальной справедливости, чтобы быть применимым не только к тому исключительно неблагоприятному моменту, в котором ему придется действовать, но и вообще к какому бы то ни было возможному в несовершенных условиях человеческой жизни. Он слишком хорош, чтобы быть хорошим, помимо даже того, что он вводит пропорциональность и этим закрепляет власть партий, что вообще я считаю нежелательным.

Гессен со мной не согласился. Последствия, мне кажется, оправдали меня.

Правда, Вишняк еще и теперь (или по крайней мере в начале 20-х годов) доказывает печатно совершенство нашего закона и утверждает, будто «Чехословакия и Польша почти целиком переняли Положение о выборах во Всероссийское учредительное собрание», а лимитрофы[445] «даже попросту рецепировали[446] всю общую часть (нашего) Положения» («Дни», 24 февраля 1924 г. и 20 января 1925 г.). Я не могу здесь подробно опровергать Вишняка; скажу только, что это утверждение совершенно не соответствует действительности. Названные им страны действительно приняли пропорциональную систему (и страдают от этого), но отсюда до рецепирования нашего закона – дистанция огромного размера. Различие между их законами и нашим Положением слишком заметно для всякого знающего дело.

Квалификацию нашего закона как самого совершенного в мире я в описанном разговоре с Гессеном услышал впервые, и, кажется, именно тогда она была и употреблена впервые. Позднее она стала ходячей даже в устах людей, которым не следовало бы по их общему мировоззрению и политическим позициям увлекаться нашим законом (например, Набокова).

Глава V. Моя поездка на Кавказ в августе 1917 г

Сильно переутомленный, я в начале августа решил съездить куда-нибудь отдохнуть. В это время радужное настроение первых дней революции померкло у всех. Позорная неудача июньского наступления, полный развал фронта – братание с немцами, повальное дезертирство солдат, устремлявшихся домой «делить землю», безобразия на фабриках и заводах, разгром помещичьих имений – все говорило о надвигающейся катастрофе. Правда, июльское восстание большевиков было подавлено, но правительство явно не умело использовать свою победу; арестованные было вожаки были скоро под разными предлогами, вроде болезни, выпущены и продолжали свою преступную работу, обвинение их в сношениях с германским штабом свелось на нет. Революция очевидно шла по большевичьему руслу. Уезжать в таком тревожном настроении было тяжело, но отдых был необходим, и я поехал в Гагры.

Всю свою жизнь я путешествовал очень скромно – в третьем и, сравнительно редко, случайно, во втором классе. Но теперь со всех сторон рассказывали о безобразиях на железных дорогах, о безбилетных солдатах, набивающих битком все вагоны, невзирая на класс, а в то же время я зарабатывал очень хорошо, и потому, чтобы гарантировать себе сколько-нибудь спокойное путешествие, я взял билет в международном спальном вагоне. Это название «международный» в связи, вероятно, с постоянным употреблением этого слова на митингах как-то гипнотически действовало на толпу, и международный вагон оставался свободен от безбилетной и третьеклассной публики. Но в Армавире пришлось пересесть в обычный вагон первого класса, и в нем сейчас же появились солдаты. Я разговорился с одним из них, солидным бородатым мужиком. Он вполне соглашался со мной в необходимости продолжать войну, говорил, что в этом духе выступал в своей части на митингах, но сам, видимо, предпочитал поехать к семье на побывку, – вероятно, бессрочную. Так мы доехали до Туапсе.

В мирное время сообщение между городами Черноморского побережья поддерживали прекрасные пароходы двух обществ – Российского и Русского[447]. Но во время войны пароходство прекратилось, пароходы были реквизированы Военным министерством и обращены в военно-транспортные суда, а вместо них курсировали моторные лодки, да и те в 1917 г. ходили очень

неаккуратно, отчасти потому, что после революции после долгого перерыва на Черном море снова появились немецко-турецкие подводные лодки, отчасти потому, что запасы бензина начали стремительно исчезать: как утверждали местные люди, матросы, в распоряжении которых они оказались после революции, вывозили его в море и там продавали немецким агентам. Мне удалось почти тотчас по приезде в Туапсе попасть на моторную лодку. Во время восьми- или десятичасового переезда – все те же разговоры о революции, войне и т. д. Помню слова одного рабочего, члена Совдепа одного из черноморских городов, чуть ли не Сухума: «Вот Николай I – тот был молодец, не чета Второму; он бы такой разрухи не допустил». В словах этих, очевидно, сочетались полное историческое невежество с большим уважением к силе.

В Гаграх я был уже раз летом 1916 г. Тогда они поражали своим европейским благоустройством, соединенным с дешевизной. И то и другое приписывали заботам их устроителя, самодурного, но энергичного принца Ольденбургского Старшего[448]. Теперь их нельзя было узнать. В роскошном парке выламывались редкие экзотические деревья; пруды весной не были очищены, и в Гаграх появилась малярия, от которой курорт избавился перед тем уже много лет назад; гостиницы были загрязнены; домашние телефоны, имевшиеся в каждой комнате для распоряжений прислуге, не действовали; прислуга ограничила свою работу утренней уборкой комнат, после чего уходила; больные лежали в самом беспомощном положении, не имея возможности позвать кого-нибудь в случае надобности. Цены против прошлого года непомерно возросли. Однако от прежних времен еще оставались обильные запасы провизии, и продовольственные затруднения ощущались сравнительно мало. Уезжая, я даже запасся здесь кое-какими продуктами – сахаром, белой мукой, крупами, макаронами, которые уже становились редкостью в Петербурге, но их еще можно было закупить в Гаграх.

Обширные гостиницы были переполнены приезжими. Это была особая публика – люди, спасавшиеся от революции и пережидавшие здесь, пока она кончится, что, по их мнению, должно было произойти не в очень продолжительном времени. Принужденные выйти в отставку генералы, военные и штатские, помещики, боявшиеся оставаться в своих имениях, более обеспеченные жители прифронтовой полосы – словом, люди, обычное течение жизни которых было нарушено революцией, но которые еще сохраняли недурной достаток и могли, фрондируя и поругивая ее, пережидать в этом очаровательном уголке. Нечего говорить, что мое отношение к событиям и настроение и их были совершенно чужды друг другу, и я поневоле держался в стороне.

Из-за усиленного съезда меня поместили где-то на мансарде в dépendance'e[449], и все мои просьбы отвести мне из числа незанятых более удобную комнату оставались бесплодными; эти комнаты ожидали каких-то важных чиновных лиц. Но вот на мое имя пришло из Петербурга письмо, конверт которого носил штемпель Мариинского дворца, а мое имя было не написано от руки, а отпечатано, как это делалось при отправке деловых бумаг из учреждений крупным чиновникам. Сразу отношение администрации ко мне переменилось, и мне было предложено переехать в лучшую комнату. Так велико еще было здесь уважение к чину, хотя заведующий и мог бы сообразить, что если у меня и есть чин, то только революционный. А может быть, он это и сообразил, и именно революционный чин на него подействовал.

За стенами гостиницы шла обычная жизнь всколыхнутого революцией маленького городка; устраивались митинги, приезжали агитаторы из более крупных центров. На один митинг, устраиваемый местным Совдепом (не помню, по какому поводу), пригласили меня сказать что-нибудь. Я говорил общие фразы о значении политической свободы, о необходимости продолжать войну; матросы меня поддерживали, но сами на войну не стремились. Один раз явился заезжий лектор – как говорили, учитель гимназии где-то на Кавказе, изложивший в двухчасовой лекции всю русскую историю Нового времени; она вся сходилась к перечню любовных похождений царствующих лиц, начиная с Петра. Матросы и рабочие слушали с интересом; интеллигенты, из любопытства зашедшие послушать, брезгливо пожимали плечами, но в спор не вступали.

Среди этого идиллического времяпрепровождения газеты принесли однажды известие о движении на Петербург Корнилова. Оно сразу ошеломило меня. Из первоначальных коротких и бестолковых сообщений понять как следует, в чем дело, было невозможно, но было сразу видно, что происходит что-то опасное. К Корнилову я относился с полным уважением, сочувствовал его мерам восстановления дисциплины в армии. Что могло побудить его открыто выступить против Временного правительства, я решительно не понимал и приходил только в ужас от создавшегося положения. Мне казалось, что необходимо как-то примирить Керенского и Корнилова, найти какой-то компромисс между ними, во что бы то ни стало избежать разрыва. Если бы я был в этот момент в Петербурге, я, может быть, что-нибудь сделал в этом направлении. Но здесь я был осужден не только на полное бездействие, но и на почти полное незнание того, что творилось в эту минуту. Газеты далеко не ясно рисовали картину

происшедшего и к тому же приходили с сильным запозданием, иногда терялись. В Гаграх или где-то поблизости издавался только жиденький листок с сухим, очень кратким изложением событий.

Оставаться здесь дальше было для меня совершенно немыслимо; я стал торопить свой отъезд, но это оказалось не так-то легко. Революция ввела требование пропусков для отъезда, которые выдавались каким-то общественным учреждением – то ли городской управой, то ли курортным управлением. Предъявив удостоверение о должностях члена Особого совещания по выработке законопроекта и других мест, где я числился на службе, я без труда получил пропуск. Не знаю, так же ли легко получали его люди не служилые; как будто – да. Но труднее обстояло дело со средствами сообщения. Осенние бури мешали моторным лодкам; рабочие и солдаты, обслуживавшие автомобили Красного Креста, занимающегося перевозкой пассажиров, отказывались после выступления Корнилова покинуть Гагры, так как считали долгом в полной готовности ждать призыва Совета рабочих депутатов выступить на защиту революции против царского генерала, и в то же время занимались катанием девиц на этих автомобилях. «Мы здесь стоим на страже революции», – гордо говорил мне один из них. Только в сентябре, что-то около 10 числа мне удалось получить место в частном автомобиле до Туапсе, и стоило это место 300 рублей. Никогда раньше я бы не подумал истратить такую сумму на поездку в 200 с чем-то верст. Но теперь, в революцию деньги были дешевы, а ехать мне было нужно во что бы то ни стало. Без особых приключений приехал в Туапсе, а оттуда по железной дороге – в Петербург.

Глава VI. Сентябрь и октябрь 1917 г.; партийная жизнь в Петербурге. – Краткие агитационные поездки в Новгородскую губернию. – Длительная поездка в Оренбургскую губернию. – Возвращение в Петербург. – Эпилог

В середине сентября я вернулся в Петербург. Восстание Корнилова резко изменило политическую атмосферу; все предвещало близкую катастрофу. С театра военных действий приходили самые печальные вести; многие ожидали сдачи Петербурга немцам, и ходили слухи о переезде Временного правительства в Москву, причем большевики его ругательски за это намерение ругали, даже не осведомляясь хорошенько, действительно ли оно существует, – потом они сами его осуществили. Катастрофа ясно приближалась. В торжество тех начал свободы, под знаменем которых произошла Февральская революция, никто больше не верил. Многие сомневались в возможности открытия Учредительного собрания. Жизнь стала гораздо труднее. Цены быстро росли; правда, росла и заработная плата, но далеко не с той же быстротой. Чувствовался сильный недостаток продовольствия на рынке; хлеб выдавался пайками, совершенно недостаточными.

Мое писание брошюр прекратилось: не находилось для них издателей, так как не находилось больше читателей и покупателей. Однако другие литературные предприятия не только продолжались, но [и] возникали новые. Газета «День» выходить продолжала, и я усиленно в ней работал, когда был в Петербурге. Бурцев и Щеголев еще в июле возобновили «Былое», на которое смелый и предприимчивый коммерсант Парамонов дал деньги, и я был приглашен в него третьим редактором на жалованье в 700 рублей в месяц. Несмотря на значительное падение ценности денег, жалованье было большое. Но я мог уделять ему мало времени, так как был завален другой работой и в то же время продолжал свои агитационные поездки. Позже, когда я окончательно осел в Петербурге, а Бурцев был арестован[450], я остался в «Былом» вдвоем со Щеголевым, но это относится уже к большевицкому времени[451].

К сентябрю месяцу относится важное событие в жизни партий, с которыми тесно связана моя личная жизнь. Произошло окончательное слияние Трудовой группы с Народно-

социалистической партией[452]. Несмотря на всю важность этого события и для двух партий, и лично для меня, я помню его сравнительно плохо, и это потому, что некоторые очень важные его моменты совпадали случайно с моментами моих частых отлучек из Петербурга. Событие это вытекало из самого существа дела. Различие между этими двумя организациями имело значение в 1905–1906 гг., когда народные социалисты бойкотировали 1-ю Государственную думу, а Трудовая группа выросла как раз из этого самого бойкота (об этом я подробно говорил в одной из более ранних частей моих воспоминаний), но оно давно уже было совершенно изжито.

При мне в сентябре или октябре происходило первое собрание объединенного Центрального комитета[453], на котором были произведены выборы первого общего председателя и во время которого чувствовались еще отголоски прежней организационной разрозненности. Трудовики выдвинули на пост председателя Н. В. Чайковского, народные социалисты – В. А. Мякотина. Я голосовал за первого, но считаю это своей ошибкой, так как, во-первых, Мякотин – превосходный, можно сказать, прирожденный председатель, каким не мог быть Чайковский, а во-вторых, не следовало так скоро прощать Чайковскому его голосование в Совете рабочих депутатов против свободы слова.

Выработка второй части избирательного закона в Учредительное собрание была закончена в начале августа без меня, принята Временным правительством, официально распубликована в Собрании узаконений[454] и вступила в силу. Особое совещание закрылось, все это произошло без меня. День или, лучше сказать, дни выборов (ибо в разных местностях России это были разные дни между октябрем и декабрем) окончательно назначены. Партии начали назначать своих кандидатов.

Одновременно с этим началась большая перетасовка в составе партий. Были две и только две партии, которые, видимо, имели шансы на большой успех на выборах: большевики и эсеры. И обе эти партии начали численно быстро расти: все, кто рассчитывал так или иначе приблизиться к вкусному казенному пирогу, записывались в одну из этих партий. Вследствие этого и моральный, и интеллектуальный, и политический средний уровень этих партий начал быстро падать. Но не только новые, до тех пор политически индифферентные или, по крайней мере, стоявшие вне партии лица начали делаться партийцами; люди из других партий начали в большом числе переходить туда, где можно было рассчитывать на большой успех; в частности и в особенности начали переходить в эти партии люди, которым хотелось во что бы то ни стало попасть в Учредительное

собрание. Из трудовиков и народных социалистов дорога к большевикам была слишком дальняя и сделать ее решились очень немногие, и то, кажется, несколько позже; из бывших народных социалистов – Дмитриевский[455], из трудовиков за некоторое приближение к большевикам (в качестве члена и деятеля Викжеля, т. е. Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников[456]) был исключен из партии талантливый адвокат и, казалось, честный человек, Плансон[457] (я не знаю, вступил ли он формально в большевицкую партию или нет; если да, то не раньше 1918 г.); я знаю еще только двух лиц, второстепенных или третьестепенных по своему значению, из которых одного фамилию я забыл, а о другом, Илинчике, я буду еще говорить; оба перешли к большевикам тогда, когда вполне определился их успех, т. е. не раньше 1918 г.; первый из них, агроном по специальности, заплатил за свое ренегатство жизнью, будучи забит насмерть крестьянами при проведении или защите какой-то большевичьей меры.

Дорогу к эсерам, более близкую, проделали многие. Если присоединение Керенского, как я уже говорил во второй главе, было вполне лояльно (хотя политически ошибочно) и ни малейшей тени на Керенского не кладет, то этого нельзя сказать про Булата[458], Вис[сариона] Гуревича и в особенности известного экономиста Н. П. Огановского; тут никаких других мотивов для перехода нельзя подыскать, кроме честолюбивого желания во что бы то ни стало попасть в Учредительное собрание. У Булата и Вис. Гуревича все же были точки соприкосновения с эсерами. Но Огановский был трудовик или народный социалист par exellence[459]. Как раз то, в чем он специалист, что ему было особенно близко, – аграрная программа Трудовой группы – была выработана не только при его участии, но главным образом им; он очень хорошо понимал безумие эсеровских требований конфискации земли без выкупа и права каждого на участок земли. К тому же он никогда не обнаруживал особенной жажды активной политической деятельности и хотя формально принадлежал к Трудовой группе, но бывал в ней редко, почти только по особому приглашению, когда на очереди стоял вопрос из области его специальности. И вот внезапно с большим огорчением мы узнаем, что он отряс народно-социалистический прах от своих ног и записался в эсеры. Награду за свою измену он получил и в Учредительное собрание был избран; однако в награду была влита немалая доза горечи.

Позднее, довольно скоро после Учредительного собрания он поместил в «Голосе минувшего» (1918 г. № 4) очень интересный, хорошо написанный «Дневник члена Учредительного собрания», в

котором с большой горечью рассказывает, как ему пришлось проводить земельный закон, с которым был решительно не согласен, и с не меньшей горечью говорит об эсеровских депутатах как об «аморальной, малокультурной массе», как о «пушечном мясе революции», как о группе, строившей свою тактику на демагогии, желавшей во что бы то ни стало «переплюнуть большевиков»[460]; их вождей он характеризовал таким образом: «Чернов – провинциальный трагик», речи его – «надоевшая, трескучая риторика, ложно классический пафос, заученные жесты». «Маруся (М. Спиридонова) – с гимназической скамейки попавшая на каторгу, застывшая на уровне гимназического миросозерцания». С не меньшей горечью характеризует все заседание Учредительного собрания, которое разбежалось по окрику матроса[461]. Это все очень верно, но только отчего же с составом своей партии, с ее демагогическими привычками он не ознакомился несколькими месяцами раньше, когда переходил в нее? Ведь не могли же эти черты выявиться только в самом Учредительном собрании[462] [463].

Относительно Марии Спиридоновой, или Маруси, как ее нежно называли настоящие эсеры и иронически Огановский, надо заметить, что тогда, когда он писал, она уже не была эсеркой, она была левой эсеркой, но в Учредительное собрание была проведена по общему списку с эсерами. В этом факте проведения по общему списку в Учредительное собрание двух партий, друг другу сильно враждебных, заключается очень серьезная критика нашего закона, который сделал это явление не только возможным, но [и] в известных случаях неизбежным[464].

Если от нас перебежала к эсерам довольно большая группа, то все же и к нам были присоединения, а именно – из кадетского лагеря. Мотивы были те же, хотя и в несколько видоизмененном виде. Я помню два таких случая.

Один из них – профессор истории Киевского университета И. В. Лучицкий. Крупный ученый, с большими заслугами в науке, хороший учитель своих учеников (между прочим, его ученик – Е. В. Тарле), этот человек отличался совершенно исключительным и крайне мелочным тщеславием. Он не мог выносить, чтобы где-нибудь он оказался на втором месте. В какой-либо общественной организации он не мог занимать иного места, кроме председательского, в редакции – кроме редактора или председателя редакционного комитета. Везде и все говорили о его невозможном, диком характере, и всюду его выбирали, куда он хотел. Вместе с тем, усиленно занятый своей научной работой, он ничего не делал на своих председательских местах. Когда возникли партии, он вступил в партию кадетскую, – и совершенно

правильно: по всему своему миросозерцанию он был вполне определенным кадетом. Когда была создана Дума, то он не мог допустить, чтобы Дума обошлась без него: как, его друг Кареев – член Думы, а он нет! По каким-то причинам он не успел сделаться членом ни 1-й, ни 2-й Думы, но в 3-ю он был выставлен и выбран. В Думе он решительно ничего не желал делать, а вместе с тем обнаруживал свою неуживчивость[465], и кадеты постарались от него избавиться; в 4-ю он не был даже выставлен.

Я как-то спрашивал Д. Ив. Шаховского, как они (кадеты) довольны своим новым товарищем в Думе.

– Совершенно недовольны; невозможный человек, – отвечал Шаховской с необычной для него резкостью и определенностью отрицательных отзывов о человеке, да еще партийном товарище.

– А если бы вы меня спросили, то я заранее сказал бы вам, что так будет, – шутливо отвечал я.

Нежелание выставлять его в четвертую Думу посеяло недовольство кадетами в душе Лучицкого, но он все же не выходил из партии, пока не было для этого особых поводов. Но вот на небосклоне появилось Учредительное собрание, и вместе с тем стало ясно, что кадеты ни в каком случае кандидатом его не выставят. В первые же месяцы революции Лучицкий заявил о своем выходе из кадетской партии и вслед за тем записался в Народно-социалистическую партию. Это было еще раньше, чем произошло слияние трудовиков с народными социалистами.

В сентябре на расширенном собрании комитета партии народных социалистов в Петербурге обсуждались кандидатуры в Учредительное собрание[466]. Предполагалось выставить некоторое число кандидатур от Центрального комитета и рекомендовать их местным комитетам, от которых уже зависело окончательное решение. Киевский присяжный поверенный А. Д. Марголин, бывший в Петербурге, предложил кандидатуру Лучицкого. Многие его поддержали, очевидно, по тому соображению, что Лучицкий – имя достаточно громкое, которое в рядах Народно-социалистической партии может импонировать. Но я возмутился:

– Послушайте, господа, вы не знаете Лучицкого, а я его знаю хорошо, между прочим по работе в газете «Киевские отклики». На каком основании его вы рекомендуете в качестве кандидата Народно-социалистической партии? Ведь он 13 лет был кадетом и только четыре или пять месяцев состоит народным социалистом. Знаете ли вы его как народного социалиста? Разделяет ли он нашу программу? Нет, по своему складу ума и характера он чистокровный кадет; к социализму он всегда относился отрицательно, и отрицательно не только потому, что не верил в его торжество, а по самому существу его программы, потому что

он индивидуалист, и ни одним словом он не доказал, чтобы переменил свое отношение. Как можем мы его выставлять?

Далее я изложил то, о чем я сказал уже выше.

Никто, даже Марголин не возразил мне. Вопрос был поставлен на голосование; ни одна рука не поднялась за Лучицкого, и его кандидатура от имени ЦК была провалена единогласно. Нужно заметить, что случайно на этом заседании отсутствовал Мякотин, который до некоторой степени был учеником Лучицкого и всегда относился к нему очень тепло как к учителю; однако я совершенно уверен, что и он если бы и не поддержал меня прямо, то все-таки руки за Лучицкого, как кандидата в Учредительное собрание, не поднял бы.

Другой случай – Шишкина-Явейн. Она тоже была членом кадетской партии. Ее связи с партией были, однако, менее прочны, чем у Лучицкого. Единственный пункт ее политического мировоззрения, которым она дорожила, – женское политическое равноправие – как раз не мог ее связывать с кадетами, так как в программе этих последних значилось, что по женскому вопросу членам партии предоставляется свобода, и лидером партии был Милюков, который – правда, в давнее время (1905 г.) – выступал противником женских прав, за что однажды на публичном митинге имел столкновение с собственной своей супругой, Анной Сергеевной Милюковой, выступавшей против него в их защиту[467]. В 1917 г. у Шишкиной-Явейн явился и дополнительный пункт политической программы, а именно что она, Шишкина-Явейн, непременнейшим образом должна быть членом Учредительного собрания, и этот пункт она высказывала довольно откровенно и наивно. И вот, лишь только она убедилась, что кадеты ни в каком случае ее не выставят, она ушла, а можно сказать, выскочила из кадетской партии с быстротой пушечного ядра и записалась к нам.

Дня через два после того нашего собрания, о котором я только что говорил и на котором она не могла быть, как не состоявшая членом Центрального комитета, я где-то встретился с нею.

– Василий Васильевич, почему вы не захотели поддержать меня? – с явной обидой в голосе обратилась она ко мне.

– Как не захотел поддержать, где поддержать, в чем поддержать? – с недоумением возразил я.

– Да вот, в такой-то день, когда у вас назначали кандидатов для Учредительного собрания.

– Да как же я мог поддержать вас, когда вас никто не предложил?

– Я же об этом и говорю. Почему вы меня не захотели

предложить?

Пришлось довольно пространно объяснять наивной даме, почему я не мог этого сделать, и объяснять со всей возможной для меня (не особенно значительной) мягкостью выражений.

Как я узнал потом, она обращалась с подобной претензией не к одному мне, а к целому ряду лиц и от всех должна была выслушать более или менее однородную отповедь.

Тотчас же она заявила о выходе из нашей партии, и с очень большой быстротой она сорганизовала свою партию – партию женского равноправия[468]. С этого ей следовало бы начинать. Она сумела привлечь в свою партию различных дам, частью беспартийных, частью партийных из различных партий, например Софью Андр[еевну] Карееву, до тех пор бывшую записанной в партию кадетскую. Кажется, она даже забыла формально выписаться из этой последней и числилась членшей двух партий одновременно. Мало того, что она, Кареева, вошла в женскую партию, но она позволила себя выставить кандидаткой в Учредительное собрание от Петербурга, хотя одной из последних в списке, следовательно, кандидаткой заведомо фиктивной, – на первом месте красовалась Шишкина[469]. Вместе с тем Кареева подписалась под женским воззванием с настойчивым приглашением всех мужчин и в особенности всех женщин голосовать за женский список. А так как в то же время в кадетском списке кандидатур по Петербургу на одном из фиктивных мест значился ее муж Ник[олай] Ив[анович] Кареев, то я смеялся над нею, говоря, что лавры Анны Серг[еевны] Милюковой не дают ей спать и она выступила в поход против своего мужа, агитируя против его избрания, и к этому прибавлял, что выбор лидерши, заведомой дурехи, не делает чести ее проницательности. И она, и Николай Иванович добродушно смеялись, не возражая, причем мне казалось, что они оба или по крайней мере она тут только заметили некоторую неловкость своего выступления. Надо заметить, что Кареев в это время вовсе не чувствовал в себе жара для политической борьбы, в ней не участвовал и если позволил выставить свою кандидатуру, то только как фиктивную.

Что же касается Шишкиной, то она перед самыми выборами в Учредительное собрание начала какой-то женский журнальчик для пропаганды своего списка. Так плохо она понимала положение вещей и смысл партийной борьбы, что имела наивность обратиться ко мне (конечно, не к одному мне) с просьбой написать для ее журнальчика статью с призывом голосовать за женский список (т. е. против списка моей собственной партии)[470]. К счастью, она назначала для написания

какой-то слишком краткий срок, который дал мне удобную возможность уклониться от исполнения ее просьбы, не объясняя ей всей степени ее наивности. На выборах в Учредительное собрание женская партия получила полнейшее фиаско: она не только нигде не провела ни одной кандидатки, но [и] собрала самое ничтожное, до курьезности ничтожное число голосов, кажется, не достигавшее в общей сложности по всей России одной тысячи. Впрочем, и другим партиям, кроме большевиков и эсеров, особенными успехами гордиться не приходилось.

Я был выставлен кандидатом Центрального комитета и затем двумя местными – Новгородским и Оренбургским. Из этих двух губерний в Новгородской я часто бывал, притом в разных местах – и там меня знали. В Оренбургской я никогда не бывал, никого лично не знал и был удивлен выставлением там моей кандидатуры. В Новгородской губернии, долженствовавшей выбрать 8 членов Учредительного собрания, я в списке стоял на втором месте, после Душечкина, старого члена Трудовой группы, очень заслуженного и уважаемого педагога и земца Боровичского уезда, но совершенно не известного за пределами Боровичского уезда. В Оренбургской губернии, не помню, сколько человек избиравшей, я стоял в списке на первом месте[471].

В сентябре и октябре я совершил несколько кратких агитационных поездок в Новгородскую губернию. В этот период мои выступления имели совершенно иной отголосок, чем в первый период революции. Тогда я имел по большей части значительный успех; неудача случалась редко. Теперь беспримесного успеха я не имел нигде и ни разу; напротив, полные провалы случались беспрестанно. И любопытно вот что. Ораторами нашей партии, кроме меня, заранее назначенного и специально приехавшего, на моих митингах не выступал никто; никто не выступал и от кадетов. Напротив, большевистские и эсеровские, особенно левоэсеровские ораторы росли сами из местной почвы; часто это были люди малообразованные, иногда совершенно невежественные, позволявшие в своих речах грубые ляпсусы, но почти всегда обладавшие умением бойко говорить демагогические речи, производившие впечатление; эсдечьи ораторы появлялись сравнительно редко, но появлялись. А между тем энесские комитеты, так же как кадетские, существовали и в Новгороде, и в других городах Новгородской губернии; к энесам принадлежал новгородский городской голова Ушаков и председатель Новгородской губернской управы (фамилию не помню[472]; оба выбранные после революции), оба очень дельные люди, хорошие знатоки местных дел, пользовавшиеся широким общественным уважением далеко за пределами своей партии.

Они мне давали ценные материалы для моих речей, но сами выступать отказывались. В Старой Руссе членом энесской партии был очень уважаемый врач Глинка (зять известного публициста-народника Кривенко), и он тоже никогда на собраниях не выступал. Молодежи на нашей стороне было тоже мало, а та, что была, не была достаточно активной. Упомянутый мною Душечкин вел агитацию и, кажется, был очень хорошим агитатором, но я с ним на собраниях ни разу не встречался. К тому же он не любил показываться вне Боровичского уезда, а я хотя и бывал в нем, но всегда как-то выходило, что в его отсутствие.

Раз я остановился в военном лагере на берегу Волхова, куда меня пригласили офицеры. Вероятно, эти офицеры не были сторонниками энесской партии (я их об этом не спрашивал), но все-таки их выбор остановился именно на мне, а не на каком-нибудь кадете, вероятно, потому, что они считали, что мне с моей аграрной программой легче найти дорогу к крестьянскому сердцу солдатской массы. Слушателей собралась масса в каком-то довольно тесном помещении.

Офицер открыл собрание, сказал несколько теплых слов о Трудовой группе, энесской партии и обо мне лично.

Я начал – и начал с земельного вопроса. Говорил о малоземелье, о необходимости расширения площади крестьянского землевладения. Сказал, что я решительно возражаю против бесплатной реквизиции земель, что выкуп необходим, хотя и по минимальной расценке, и т. д.

Несмотря на обязательный выкуп, я чувствовал, что аудитория меня понимает, что она на моей стороне, я чувствовал, что это собрание останется в моей памяти как одно из лучших в моей жизни.

Затем я перешел к вопросу о войне, постаравшись связать его с земельным вопросом, т. е. настаивая на том, что закрепить земельные завоевания революции можно только победой в войне.

Тут я сразу почувствовал, что настроение аудитории меняется; менялось оно не сразу, а постепенно, довольно медлительно, но зато очень решительно. Меня стали прерывать возгласами: «Ишь ты, куда он гнет!» Я все-таки успел договорить почти все, что собирался сказать. Но под конец аудитория повскакала с мест; по моему адресу и адресу офицера-председателя поднялись кулаки. На трибуну начали вскакивать ораторы из солдат, с налитыми кровью глазами, бессвязно выкрикивавшие в толпу ругательства против царя и министерств, начавших войну, против кровопийц, ее продолжающих. Офицер дернул меня за рукав: «Уйдем!» И мы ушли. Ушли на глазах всей толпы, пробираясь через нее, и толпа должна была бы нас видеть,

но не видела. Когда мы подошли к дверям, двери отворились и в помещение ворвались еще 5 или 6 солдат. Солдаты в зале были без ружей, эти были с ружьями и штыками, которые они держали в руках; рожи их были ужасные, глаза навыкате, они смотрели прямо перед собой, не видя ничего в сторону. Мы посторонились и вслед за ними вышли в те же двери.

На этом собрании мы оба явно подвергались значительной опасности, но эту опасность пронесло, в значительной степени вследствие полного хладнокровия, сохраненного офицером-председателем.

Мне где-то раздобыли лошадь и повозку и увезли на станцию, откуда я уехал в Новгород, оттуда – в Старую Руссу.

Другую поездку я совершил на восток губернии, в Тихвин и Череповец. В Тихвине, где я когда-то (в 1905 г.), как уже писал в своем месте, имел совершенно исключительный успех, на этот раз меня ожидал столь же исключительный провал. Именно тут имело место то, о чем я упоминал выше, – именно, что один оратор-большевик рассказывал, как очевидец, наглые выдумки про Керенского и военные власти на Рижском фронте, а я, не будучи очевидцем и не считая себя вправе говорить в качестве такового, не сумел обнародовать его вранья. Тут один эсер говорил, что сделают эсеры, когда они будут у власти. Его мне удалось до некоторой степени осадить, указав, что теперь у власти стоит эсер Керенский; имеются и имелись и другие эсеры: Переверзев, Чернов и др.; почему же они всего этого не сделали? (Это происходило до официального раскола в эсерской партии.) Мой противник не нашелся что возразить, но тем не менее победа была его – и большевика. Главным образом – на почве войны.

Несколько успешнее было выступление в Череповце, где митинг в зале земского собрания был лучше организован и где публика была не рабочая, а городская и много совсем зеленой молодежи (гимназистов и гимназисток), которая на этот раз оказалась на моей стороне. Большевики здесь не выступали, а главным моим противником выступил какой-то эсер, очень противный и наглый. Мне говорили про него, что он по амнистии выпущен с каторги, но никто не знал, за что он был на каторге; говорили, но неуверенно, что по уголовному делу. Правда ли – не знаю. Тут борьба шла не только на почве военного вопроса, а гораздо более на разных других, и военный даже как-то отодвинулся на задний план. Аудитория разделилась на две почти равные половины.

Я вернулся в Петербург, а оттуда в конце октября уехал в длительную поездку в Новгородскую и Оренбургскую губернии. Эта последняя поездка была организована особым образом:

энесская партия, признавая меня дурным организатором, дала мне спутника, главным образом для организационной стороны дела, снабдив нас довольно щедро деньгами, так что в эту поездку я не приложил ни одной копейки из своего кармана.

Фамилия спутника была Илинчик. С ним я познакомился в марте или апреле в Новгороде[473]. Он там сам пришел ко мне и сказал, что он, солдат, вследствие раны отпущен для поправления в отпуск, что по убеждениям он сторонник Трудовой группы, желает записаться в нее и работать для нее. При этом сказал, что скоро переезжает в Петербург. Я его записал в группу и затем, в Новгороде и Петербурге, он оказал мне и некоторым другим трудовикам не незначительные услуги по делу организации митингов, распространения литературы и т. п. Работал в месте своего жительства бесплатно, но на расходы и, в частности, на поездки, конечно, получал из партийной кассы. Не доверять ему я не имел никаких оснований. Склонен был доверять и его рассказам о разговорах с крестьянами и солдатами, из которых вытекало, если они правдивы, что он недурной агитатор для бесед с глазу на глаз или в очень небольшой, преимущественно крестьянской компании. Сам он был из городского мещанства, с образованием, кажется, технического училища. С ним я и поехал.

Случаю угодно было устроить так, что я выехал из Петербурга как раз 25 октября (7 ноября по н. ст.), то есть в день, который теперь празднуется как день Октябрьской революции[474]. Выехал я один, без Илинчика, с которым должен был съехаться в Москве. Двухмесячная поездка эта была очень богатой впечатлениями. По возвращении в Петербург я рассказывал о ней много раз и всегда очень заинтересовывал слушателей; многие выражали желание видеть ее в печати. Но я тогда не записал и, вследствие какой-то странной причины, массу ее красочных подробностей забыл более, чем другие моменты моей жизни, и могу передать о ней только немногое и далеко не самое интересное.

В Новгородской губернии выборы были назначены, помнится, на 29 октября (воскресенье)[475], и я должен был там использовать для агитации последние дни, затем посмотреть в двух-трех местах на самую процедуру выборов и тогда уже ехать в Оренбургскую губернию, где выборы были отложены на декабрь, помнится – на 17 или 24 число.

Я уехал днем, часа в два или раньше. По дороге на Николаевский вокзал я видел некоторое не совсем обычное движение военных отрядов; слышал несколько выстрелов; на вокзале стояла военная стража, которая раньше здесь отсутствовала и сперва не хотела меня пропустить, но потом,

после уговоров и показывания документов, уступила, причем один солдатик заметил: поставили нас здесь, а зачем – не сказали, и стою как дурак. Все-таки я уехал, не зная и не догадываясь, что уже произошел или происходит новый переворот, что в городе уже властвует новое правительство.

В первый день поездки я провел вечер в Любани; совершенно не помню, был ли там митинг или деловое заседание какой-нибудь группы. Ночевал у партийного местного священника. Перед сном мне сообщили, что, по слухам, в Петербурге революция, идет стрельба, Ленин убит, еще что-то очень важное. Я осведомился, откуда идет слух; оказалось, что он из третьих рук и добраться до первоисточника трудно, но что в Любани об этом уже «все говорят» и что вздором это быть не может. Я отнесся к слуху совершенно скептически и заснул спокойно. Наутро слух мне подтвердили, но все-таки только в виде слуха. Я поехал в свой объезд дальше. Слухи все росли и крепли, и только очень не скоро, кажется 28 или 29, получил первое печатное известие о перевороте, которое положило конец моему скептицизму. После некоторого колебания я решил продолжать поездку по намеченному плану.

В день выборов я был в Валдае и обошел ряд избирательных бюро. Очень легко было убедиться, что наш закон далеко не так совершенен, как это думал В. М. Гессен. Между прочим, в законе было установлено, что для солдат должны быть устроены особые избирательные бюро в казармах или поблизости от них. Это и было устроено, но результат был тот, что солдаты, живущие на вольных квартирах, – а таких в то время было довольно много, – заносились в избирательные списки дважды, как солдаты и как обыкновенные обыватели по месту жительства, и дважды голосовали, нисколько не боясь той кары, которая назначена за это злоупотребление.

Видел я такой инцидент. Входит в избирательное помещение дряхлая-дряхлая старушка, опираясь на палку, держа в руках избирательные бюллетени, и старческим голосом, ни к кому не обращаясь, говорит:

– Что здесь нужно делать с этими бумажками, скажите на милость?

К ней моментально подскакивает солдат, берет ее бюллетени, вынимает из них большевичий и начинает пояснять, как нужно положить его в конверт и прочее.

Подхожу я.

– Простите, пожалуйста, но вы не имеете права делать этого. В избирательном помещении никакая агитация не дозволяется.

– Да она же сама просит…

– Вы можете уйти с ней на улицу и там подсовывать ей свой бюллетень, а здесь этого нельзя.

– Ну и убирайтесь сами с ней куда хотите, черт с вами.

Я вывел старушку на улицу и спрашиваю ее:

– Да вы за кого хотите голосовать?

– Да я, батюшка, ничего не понимаю. Мне 82 года, куда же мне что-нибудь понимать?

– Так зачем же вы пришли сюда?

– Да мне велели прийти и за кого-то голосовать, а я не знаю, что это такое.

– Кто мог вам велеть голосовать?

– Да вот почтальон принес эти бумажки и велел прийти сегодня сюда, сказал, что оштрафуют, если не приду. А из чего я буду платить штраф? Все дорого.

– Нет, – говорю я, – никто вас за это не оштрафует. У нас каждый, кто хочет, имеет право голосовать, но никто не обязан. Хотите – голосуйте, а не хотите – идите спокойно домой, и я ручаюсь вам, что ничего с вами не будет.

– Ну спасибо, батюшка, бог тебя спаси. Большое, большое спасибо, что успокоил меня, старуху. А то шутка ли, мне 82 года, а тут иди, голосуй, а я и не знаю, что это такое.

Конечно, ничего не стоило бы заставить ее голосовать за кого угодно, но прибегать к подобным приемам я не мог.

Из всей обстановки выборов было совершенно ясно, что здесь победа обеспечена за большевиками и эсерами.

Я уехал в Москву, где провел несколько дней уже под властью большевиков, а затем в Оренбург. Там меня пригласил к себе один энес, у которого я и жил, Илинчика – другой.

В Оренбурге я познакомился с местным нашим комитетом, с лицами, выставленными в кандидатском списке вслед за мною; ни одно из их имен не было мне известно. Вместе с тем никто из них публично не выступал и не собирался выступать; сами они смотрели на себя как на фиктивных и думали о проведении меня одного. Узнал, что в кадетском списке фигурирует на первом или втором месте академик Вл[адимир] Ив[анович] Вернадский – мой старый и близкий друг. Это в первую минуту было мне неприятно, особенно когда я подумал, что, может быть, придется выступать против него, но мне сказали, что он не приехал и, по слухам, и не думает приезжать и что кадеты обходятся местными силами. (В действительности они просто бездействовали; при мне они не устроили ни одного собрания, и никто из них ни разу не выступил на чужом. Почти так же бездействовали и эсдеки.) Узнал я далее, что и тут главную борьбу придется выдержать с теми же двумя партиями, что важная сила здесь – казаки, что

аграрный вопрос стоит для них совершенно иначе, чем для крестьянства других частей России, и наша аграрная программа для них непривлекательна. К казакам я решил не ехать, считая это безнадежным. Узнал далее, что большевики хотя и сильны, но еще не властвуют и что им придется выдержать борьбу с атаманом Дутовым, которая будет им, во всяком случае, нелегка.

Я познакомился с Дутовым, полным человеком[476], который произвел на меня впечатление несимпатичного, но серьезного и властного человека; он говорил в крайне оптимистическом тоне, что в самом непродолжительном времени ликвидирует большевиков. Что это не совсем так, легко было убедиться из фактов, происходивших во время моего пребывания в Оренбурге. Не помню в точности, что именно сделали большевики: захватили ли железнодорожную станцию или телеграф, или что-то другое. Их удалось выбить, причем человек 30 было арестовано и посажено в тюрьму. Через несколько дней местная власть получила телеграмму от Викжеля в таком приблизительно роде: «В Оренбурге арестованы железнодорожники. Во имя общего спокойствия и правильной работы транспорта Викжель требует их немедленного освобождения».

На особом собрании, в котором принимал участие Дутов и на которое был приглашен и я, обсуждался вопрос, как реагировать на эту наглость. Была составлена ответная телеграмма в спокойном и сдержанном тоне, приблизительно такая: «В Оренбурге арестовано столько-то уголовных преступников, совершивших вооруженный набег на… Среди них есть и железнодорожники. Освобождение до суда признается невозможным». Подписались Дутов, еще кто-то, несколько председателей разных партийных комитетов. Предложено было подписаться и мне, но я, не отказываясь сделать это, высказал сомнение в тактичности моей подписи; собрание согласилось со мной.

Дело кончилось как будто благоприятно. Но дня через два все арестованные вышли из тюрьмы. Не бежали, а просто спокойно ушли в оставленные открытыми ворота и разошлись по домам. Адреса их были известны, но арестовать их оказалось невозможным: полиция не повиновалась, казаков почему-то посылать на арест Дутов не решился, и борьба кончилась полным поражением Дутова[477]. Катастрофа явно надвигалась и здесь.

В Оренбурге я выступил на нескольких собраниях, как устроенных энесами со мною в качестве главного оратора, так и на собраниях эсеровских в качестве оппонента. Свой фронт я выстраивал почти исключительно против большевиков, сравнительно мало трогая эсеров и определенно выхваляя

кадетов как партию, победе которой я был бы рад, если уж не суждено победить нам, и, в частности, хваля Вернадского. Успехи мои были тут больше, чем в последнее время в Новгородской губернии. Полного провала я не испытал ни разу, всегда значительная часть аудитории была на моей стороне[478].

Проведя недели две в Оренбурге, я уехал из него в объезд по губернии. План поездки я составил, конечно, в городе с помощью энесов. Объезд свой я должен был совершить на лошадях, частью на почтовых, частью на вольнонаемных, останавливаться в более значительных селах, причем почти везде мне были указаны определенные крестьяне, на чье гостеприимство и на чью помощь можно было рассчитывать. Поездка моя продолжалась недели две, и объездил я большое число деревень.

Тут-то помощь Илинчика была для меня неоценимой. И в старое, спокойное время езда на лошадях часто требовала большого практического умения находить лошадей. Теперь это было еще труднее. Почтовых лошадей почти нигде не оказывалось, вольные находились нелегко и запрашивали невозможные цены. Илинчик умел почти всегда их найти, умел сторговаться; умел он найти и ночлег там, где у меня не было рекомендованного крестьянина; умел найти помещение для митинга, оповестить народ о митинге, вообще организовать его, а один раз, на неудачном для меня митинге, спас меня если не от смерти, то по крайней мере от избиения, и еще несколько раз – от больших неприятностей. Но, к сожалению, раза два он пробовал выступать оратором и всегда делал какую-нибудь нетактичность.

Хронологический порядок моей поездки совершенно испарился из моей памяти. Но несколько эпизодов остались, и я расскажу о них.

Приезжаем мы в большую деревню, населенную молоканами[479]. До сих пор я никогда не бывал в сектантских поселениях и хотя немало читал о них, но все-таки был совершенно поражен ее необычайным видом. Большая, широкая, очень чистая улица (дело было в ноябре, когда обыкновенно в здешних краях устанавливается санный путь, но в этот год зима запоздала, было не очень холодно, снега не было). Большие, обыкновенно двухэтажные дома, хорошо выстроенные, не без изящества. Внутри – идеальная чистота. Нам ямщик, войдя в избу, сказал не то с осуждением, не то с одобрением:

– И чисто же у этих молокан, черт возьми, – плюнуть некуда.

И это была совершенная правда.

Молокане встретили нас очень гостеприимно, радушно угощали. Имея значительные (сравнительно с обычными крестьянскими) земельные участки, полученные ими в очень

давние времена, не пьянствуя и не пропивая своих доходов, помогая друг другу в нужде, они сумели прекрасно устроить свое хозяйство и благоденствовали. Революция и разорение революционного года до них еще не дошли, – у них всего было вдоволь: и хлеба, и молочных продуктов, и яиц, – мяса они не ели, – были достаточные запасы и покупных товаров: чая, сахара и др., и пока что их никто не трогал. Приехал я днем, собрание было назначено на вечер, а до вечера заходил ко мне то тот, то другой из местных молокан побалакать о том о сем. Выяснив положение, я стал обдумывать свою речь. Тут и легко, и трудно. С аграрной программой тут нечего делать: земельного передела они не желают, – их участки достаточно велики, но и не очень боятся, – участки все-таки не превышают трудовой нормы, и при больших семьях они обходятся без наемного труда. Война: тут нет между нами различия. Они не бегуны[480], признают ценность государства и понимают необходимость победы. Спорить нам тут нечего, и особенно много доказывать им не придется. Вопросы общеполитические. Они с радостью приветствовали Февральскую революцию и боятся революции Октябрьской, у них еще не сказавшейся, хотя дело было в ноябре. Таким образом, приходится свернуть одну часть знамени, а другую почти не стоит развертывать, потому что они ее и без того принимают. И это как раз та часть программы, в которой по существу нет большого различия между нами и кадетами. Вместо агитационной речи нужна профессорская лекция по государственному и финансовому праву да по истории войны и вызванным ею международно-правовым вопросам, т. е. о мире без аннексий и контрибуций, о значении Босфора и Дарданелл. Не то, к чему я привык.

Однако зашел ко мне и один субъект, также молоканин, но явно тронутый большевизмом. Костюм его указывал, что он был солдатом, и он подтвердил это. Щекотливых вопросов я ему не задавал, но потом мне сказали, что он дезертир. Говорили мы с ним о предстоявших выборах; перебирая имевшиеся у меня с собой программы разных партий, он заявил, что равно сочувствует всем партиям, кроме кадетов, которые отстаивают буржуазию. Это выделение кадетов сразу показало мне, что он не наш, но все-таки мне казалось, что с ним возможно договориться. Говорил умеренно, обнаруживал некоторое понимание политических вопросов, до некоторой степени разбирался в программах партий; большевизмом он был тронут, по-видимому, только слегка. Больше расспрашивал меня, чем говорил сам. Мы с ним договорились, что он поставит мне на собрании определенные вопросы. Казалось, дело идет хорошо. Гораздо

лучше отвечать на вопросы, чем говорить длинную речь, последняя утомляет слушателей, а та же речь, разделенная на несколько частей другим оратором, кратко ставящим вопросы, слушается и усваивается легче.

Но все-таки вступительную речь сказать нужно. В моей комнате лежала Библия. Пользуясь моим довольно хорошим знанием этой книги, я в свободное от посетителей время без труда подыскал в ней несколько пророчеств, относящихся к большевикам (например, из Исайи – пророчество о верной столице, которая стала блудницей; правда обитала в ней, а теперь убийцы; начальники твои – убийцы и пособники воров, любят подарки и гоняются за мздою, не заступаются за сироту и просьба вдовицы не доходит до их ушей; серебро твое стало изгарью, вино уксусом и т. д.[481]), и других цитат и на них построил оценку большевичьего переворота.

Собрание, на котором присутствовало человек 150, открыл один пожилой молоканин сперва молитвою, потом краткой речью; вот, говорил он, к нам приехал из Петербурга гость, который нам может рассказать о предстоящих выборах в Учредительное собрание.

Я произнес свою речь, в которой дал оценку положения вещей и значения Учредительного собрания, нашпиговав ее, как и решил заранее, цитатами из Библии, и призывал голосовать за кого угодно, но только не за большевиков, а лучше за список № такой-то (т. е. народных социалистов). Речь была краткая и, кажется, довольно удачная, – она, во всяком случае, произвела хорошее впечатление на аудиторию. Слабее всего в ней было то, ради чего я, собственно, и приехал в Оренбургскую губернию: призыв голосовать за народных социалистов. Я надеялся пополнить этот пробел в ответах на вопросы.

Не тут-то было. Мой бывший собеседник, вместо того чтобы ставить вопросы, как он обещал, разразился речью в чисто большевичьем духе. Войну выдумали буржуи, им она и нужна, а народу она не нужна; Керенский вон 8 месяцев правил и ничего для заключения мира не сделал, а большевики в несколько дней сделали многое; вон в Москве теперь уже установился полный порядок и продовольствия достаточно; пройдет еще несколько недель, мир будет заключен, спокойствие восстановлено, начнется производительная работа, фабрики перейдут в руки народа и т. д.

Речь была, видимо, хорошо приготовлена; заходил ко мне молодой оратор, очевидно, только для того, чтобы информироваться о моих намерениях, и, опасаясь дурного приема с моей стороны, притворился не тем, что он есть. Говорил он

недурно, хотя позволял себе очевидную неправду, и в другой аудитории несомненно имел бы успех; здесь за него стояла, видимо, очень небольшая часть аудитории, которая вела себя тихо.

Рассерженный его обманом, я возражал ему довольно резко. Я указал, что в Москве я был, что порядка там никакого, дохлые лошади валяются на улице по нескольку дней, что продовольствия там не хватает. С места: «А когда вы были в Москве?» – «Две недели назад». – С места: «А я вчера получил письмо». – «За несколько дней дело не могло измениться так сильно, к тому же у меня есть тоже письмо – правда, из Петербурга, а не Москвы, у меня есть газеты, из которых видно, что жизнь не налаживается, а разрушается». Затем я говорил о войне, о мире и т. д., вообще по мере возможности пополнил мою речь согласно своей программе. Другие слушатели ставили мне дополнительные вопросы, я отвечал.

Несколько следующих дней я обошел соседние, тоже сектантские деревни, и везде было приблизительно то же, – с тем, однако, существенным отличием, что другого большевика я там не встречал. Везде был успех, везде меня встречали и провожали очень тепло. Когда я уезжал окончательно из этой местности, пришла из разных деревень целая толпа, чтобы проститься со мной; очень благодарили за приезд, просили приезжать еще. Но целый ряд людей говорил мне, что хотя им и очень по душе все то, что я говорил, и хотя они очень бы хотели, чтобы я прошел в Учредительное собрание, но голосовать они будут за кадетов, за которых голосовали и в Думе. По-видимому, это было общее намерение почти всего населения этих деревень, за исключением небольшой группы большевиков. С узкопрактической точки зрения следовала полная неудача, но я был рад, что побывал здесь, рад, что завязал эти знакомства, и очень бы хотел знать, что делается в этих деревнях. Но узнать нет возможности. Вероятно, они разорены, как и вся Россия, а может быть, еще хуже: ведь буржуями этих молокан можно называть куда с большим основанием, чем все остальное крестьянство.

Другой эпизод той же поездки.

Приезжаем мы с Илинчиком в большую деревню; вез нас на телеге мальчишка-башкирец, плохо понимающий русский язык. Попадаем прямо на сходку на улице. Громадная толпа, идет горячий спор, крик, шум; перекрикивает всех высокий, крепкий мужик большого роста. Наша повозка сразу привлекает внимание толпы.

– Кто такие? Зачем приехали?

Я начинаю объяснять, что вот скоро будут выборы, мне бы

хотелось поговорить, как эти выборы устроить, кого выбирать.

– Выборы – тайные, а ты хочешь, чтобы они были явными. Как ты смеешь? Да мы тебя арестуем и по начальству представим! – кричит на меня старик.

– Ох, вырос ты в большую версту, а ума не нажил, – возражаю я. – С чего ты взял, что я хочу, чтобы выборы были явные? Голосуй за кого хочешь! Разве я тебе мешаю? А поговорить можно. Хочешь – говори, хочешь – молчи. А я хочу говорить и буду.

Мужик немножко опешил, но продолжал что-то кричать. Вижу я, что часть толпы насела на Илинчика и он тоже отругивается, а другая насела на мальчишку-башкирца и, по-видимому, хочет реквизировать у него лошадь с телегой, а мальчишка ничего сказать не может, стоит и плачет, кулаком обтирает слезы. Искуснее нас обоих повел дело Илинчик: он сумел успокоить толпу, освободить башкирца, расплатиться с ним, нашел помещение и организовал митинг. Но митинг тут вышел совсем неудачный. Чуть ли не с первых моих слов поднялся шум, меня чуть не избили, и опять-таки спас меня все тот же мой спутник.

Еще один эпизод. Приезжаем в деревню, останавливаемся у заранее намеченного мужика; встречаем теплый прием. У мужика сын, солдат, отпущенный в отпуск. И этот отпуск – несомненная правда: у него не сильно, но все-таки испорчена левая рука, – пуля попала в ладонь, прошла через нее и парализовала третий и четвертый пальцы; остальные действуют.

– Где вы получили рану?

– При наступлении 19 июня.

Он рассказывает довольно обстоятельно ход сражения, как могут рассказывать солдаты, бывшие участники боя, т. е. с точки зрения своего полка.

– А что же вы? Собираетесь вернуться в полк или нет?

– Кабы шла война, так непременно вернулся бы. А так что канителиться!

Этот говорит совсем не большевичьим языком. Войну продолжать нужно; он это понимает. И во всей семье я вижу ту же культурность, ту же интеллигентность, страх перед надвигающейся большевичьей революцией.

Устраиваем митинг в довольно обширном помещении волостного правления.

Я начинаю речь, но с первых же слов меня прерывают возгласы:

– А позвольте узнать, вы от кого будете?

– Я от Трудовой народно-социалистической партии, той,

которая выставила список № такой-то; вот в нем стоит мое имя.

– А позвольте узнать, позволение приехать сюда у вас есть?

– Да, есть.

– А ну-ка, покажите.

Вынимаю командировку от партии и потом открытый лист от Министерства внутренних дел, в котором рекомендуется всем оказывать мне всевозможное содействие в моей поездке по Новгородской и Оренбургской губерниям.

– А позвольте узнать, когда выданы эти бумаги?

– Да вы грамотный? Если грамотный, так смотрите сами.

– Вижу. Такого-то октября. А теперь какое?

– Я думаю, вы знаете какое.

– Знаю. И кажется мне, что 25 октября этот министр потерял власть.

– Совершенно верно. А бумага сохранила силу. И партия, которая мне выдала командировку, существует. И список ее кандидатов остается прежний. Вы можете его выбрать, но можете и не выбирать. А запретить ей выставлять свой список не можете.

Совершенно не понимаю сам, как при этих условиях мне удалось вновь начать свою речь. Как всегда, где это только можно, я начинал с аграрного вопроса и притом всегда заранее запасался сведениями о местных аграрных условиях, так что говорил не применительно к России, а применительно к данному уезду; так было и тут, и потому мне удалось овладеть вниманием толпы. Но переход к войне оказался здесь, как почти везде, роковым. Мне удалось, однако, сказать, что поражение в войне будет губительно для всего нашего хозяйства, что немцы на нас наложат контрибуцию и мы должны будем платить ее. А сколько контрибуции наложат на нас? Может быть, 10 миллиардов рублей. А знаете ли вы, что такое 10 миллиардов? Это значит вот что. В России 150 миллионов человек. На человека выходит рублей 60, да не нынешних керенок, а настоящих золотых рублей. На человека, на круг. Понимаете ли вы, что значит на круг? Это значит вот что. Вот тут против меня на первой скамейке сидит девочка, уставившись глазенками мне в рот. Сколько ей лет? Лет 7 или 8. Знает она что-либо о войне? Вряд ли. А на ее плечики все-таки лягут эти 60 рублей. А дома у нее, может быть, в колыбельке лежит годовалая сестренка. Она уж, наверное, ничего не знает о войне, а и на ее плечики ляжет та же тяжесть. Может быть, там, на печке, лежит дряхлый дед и кряхтит; работать он не может, а те же 60 рублей придутся и на его долю. Платить он не может – ничего не значит; сын за него заплатит. А как заплатит, когда у него денег нет? Ничего, продадут скотину, может быть – избу, землю.

Аудитория слушала внимательно. Но наступает момент, когда делаешь вывод: войну нужно продолжать, – и начинается шабаш ведьм. Дезертиры вскакивают, кричат: «Подлец, буржуй, молчи!» Ко мне подбегает старик и начинает вертеться около меня, повторяя одну и ту же фразу:

– У меня сын в плену, ему вот э-столько хлеба в день дают. У меня сын в плену, ему вот э-столько хлеба в день дают.

Сжимаются кулаки. Я пробую перекричать толпу, но это не удается. Наконец, мой хозяин уводит меня.

Сидим мы у него, пьем чай, горюем о неудаче. Понемногу возвращаются с митинга члены его семьи, рассказывают о продолжении митинга, которого я уже не видел. Приходит какой-то старик, останавливается среди комнаты и начинает говорить, смотря упорным взглядом в одну точку на стене и тыкая в нее пальцем:

– Я им говорю, сукиным детям: дайте ему договорить, сукины дети. Он узел завязал, как он его развяжет? Мне интересно послушать, а они, сукины дети, галдят. Чего вы, сукины дети, галдите? Ведь как он развяжет узел? Война! А как же нужно ее кончить? Почему ему не даете договорить, сукины дети? Ведь я хочу знать, как он развяжет.

И так далее, довольно длинно и довольно однообразно, – но интересная защита свободы слова с точки зрения слушателя.

Еще один, последний эпизод. В селе; митинг в небольшой избе. Народу человек 50–60. Кроме меня имеется еще один приезжий оратор. Я с ним поговорил до собрания и уступил ему первое слово. Мы сидим на лавке в углу под образами; рядом с нами —несколько мужиков, играющих роль президиума; один из них, по-видимому, староста.

– Покажите ваши документы.

Социалист-революционер и я показываем, – он смотрит и удовлетворяется.

– Можете начинать.

Социалист-революционер начинает:

– Я вам расскажу про нашу партию. Она называется социалисты-революционеры. Она самая старая партия в России и всегда боролась за свободу народа. Ей уже 54 года, она основалась в 1863 году.

– Когда? – прерываю я с места недоуменным голосом.

– А разве нет? – обращается он ко мне.

– Нет.

– Так когда же?

– В 1899 году[482].

– Ну, может быть, вам лучше знать. Но все-таки она старше

вашей. Когда ваша основалась?

Я объясняю вкратце, что наша партия слилась из двух, слилась всего несколько месяцев назад, а те две образовались в 1906 г., и пользуюсь случаем, чтобы кратко рассказать, как это произошло.

– Ну вот, так и выходит. Мы основались, чтобы бороться за землю для народа, когда за это вешали, а они образовались, когда была Дума и это было безопасно. А чего хочет наша партия? Я вам прочту ее программу и разъясню, где что-нибудь непонятно.

И он начал читать по печатному пункты программы с краткими комментариями. Читал и объяснял нудно, скучно, вяло; аудитория явно спала. Наконец, он кончил.

– Так вот какова наша программа. А программа – это документ; это значит – вот что мы сделаем, если вы выберете нас. Поэтому выбирайте нас.

Он даже не прибавил указания на № списка.

Во всю мою жизнь не встречал такого бездарного, неумного, скучного и вдобавок невежественного оратора, официально выставленного какой бы то ни было партией. Совершенно не понимаю, как его могли выставить.

Я начал:

– Вот такой-то (я назвал его фамилию, теперь не помню) сказал, что программа – это документ, а коли в документе что сказано, так это, значит, правда. Не совсем так. Вот у верующих христиан есть их программа, тоже документ: Евангелие. Много хорошего написано в этом документе. А разве все христиане поступают согласно этому документу? Может быть, христиане – нет, а социалисты-революционеры – да? Может быть. Но вот у нас было правительство. В этом правительстве было много эсеров. Был Керенский, были Чернов, Переверзев, Савинков, другие, все это эсеры. Так вот оратор такой-то лучше бы сделал, если бы рассказал не то, что их партия сделает, когда она будет иметь власть, а что она сделала, когда имела власть. И прежде всего пусть бы он объяснил, как это вышло, что все они были одинаковые эсеры и все тянули в разные стороны.

Затем последовало критическое изложение деятельности Временного правительства с указанием, как эта деятельность привела к торжеству большевиков и какой ужас надвигается на нас всех с их торжеством, а затем – развитие нашей программы, но в более простых и понятных выражениях и в применении к текущим обстоятельствам.

На этот раз аудитория слушала меня и говорить не мешала. Солдат-дезертиров в ней не было. Затем начались вопросы, более или менее деловые. Один вопрос был для меня очень

мучительный:

– Вот вы довольно сильно глухи. Можно ли быть глухому в Учредительном собрании?

Я разъяснил, что хотя я и глух, но вот его, спрашивающего это, слышу. В Учредительном собрании всегда говорят с кафедры, – я все время буду стоять около кафедры и буду слышать. А если окажется, что я не могу работать в Учредительном собрании, то я откажусь от звания члена Учредительного собрания и уступлю место своему заместителю. Ведь вы выбираете целую партию сразу.

Мой эсер не возражал мне. Вместе с тем я видел, как он передал старосте свой партийный билет (или свою командировку), и староста записал в нем: «Такой-то такого-то числа был в такой-то деревне и на сходке разъяснял программу партии социалистов-революционеров». Сидя рядом со старостой, я эту запись мог свободно прочитать. Эта курьезная запись закончила для меня образ оратора-эсера, а отчасти и местного эсеровского комитета. Никогда я не мог бы подумать, что комитет от своих уполномоченных может требовать формальных доказательств их агитационной работы.

Не знаю, как отразилось мое выступление в этой деревне на исходе голосования, но, по моему впечатлению, здесь успех был на моей стороне, ни в каком случае не на стороне эсера. Не думаю, чтобы эта деревня могла голосовать и за большевиков. Но большого, яркого успеха здесь тоже не было отчасти потому, что аудитория была маленькая, отчасти же потому, что глупый эсер напустил скуку и утомил аудиторию.

После поездки я провел еще несколько дней в Оренбурге и, не дождавшись самого дня выборов, в середине декабря уехал в Петербург. Не дождался я дня выборов потому, что, по тогдашним обстоятельствам, возможность устраивать собрания прекратилась, и хотя исход выборов представлял для меня большой интерес – не личный, ибо я был совершенно уверен в своем провале, а общенаучный или общеполитический, – но еще больший интерес для меня представлял Петербург. Простился с народно-социалистическим комитетом я очень тепло, очень дружески; на прощанье мне подарили довольно большой запас провианта, которым Оренбург был еще сравнительно богат, в частности 5 фунтов сахара. Провианта должно было хватить до Петербурга при самом пессимистическом расчете продолжительности пути, а сахар был просто подарком, который должен был служить мне и в Петербурге, где его почти не было.

Мне обещали сообщить в Петербург статистические и личные итоги выборов, как только они закончатся, но этого сообщения я

не получал; уверен, что вследствие пропажи письма (почта в это время действовала отвратительно), а не по другим причинам. Во всяком случае, я не был выбран ни в Оренбургской, ни в Новгородской губернии, и вообще из народных социалистов по всей России был выбран только один Чайковский[483], который, однако, к счастью для него, не смог приехать в Петербург.

О выборах ко всему уже сказанному могу прибавить одно. Помимо грубого и наглого давления разнузданной солдатни, за что наш закон не может нести ответственности, помимо того, что созданные этим законом особые избирательные помещения для солдат дали им возможность двойного голосования, помимо этого необходимо признать, что пропорциональная система именно в России показала себя с особенно неприглядной стороны. Система списков придала голосованию какой-то алгебраический характер. Список № 4, список № 13, список № 1 – с этим в уме голосующего массовика не связывалось или плохо связывалось какое-нибудь достаточно конкретное представление, а партийное натуживание: голосуй за № 4, № 4, № 4, – создавало гипнотическое внушение, принижавшее интеллектуальную сторону голосования. Если бы еще без номеров, а по названиям партий! Голосуй за большевиков, за большевиков, за большевиков – это все-таки хотя и немного, но лучше. Но, по-видимому, и при более высоком уровне политического развития избирателей это оказывается затруднительным, и все послевоенные законодательства об избирательном праве вместе с пропорциональностью ввели нумерацию списков. Только старые (швейцарские) пропорциональные системы обошлись без нее.

Нумерация списков представляет еще одно частное неудобство: на границах округов иногда происходит смешение. В Новгородской губернии, недалеко от границы Вологодской, я видел расклеенные прокламации этой последней: голосуйте за большевиков, список № такой-то, голосуйте за кадетов, список № такой-то, а в Новгородской губернии № у тех и других – другой.

Я тронулся в путь вместе с Илинчиком. В Самаре он покинул меня, и в Самаре же произошел тот неприятный эпизод, о котором я уже говорил: у меня был украден бумажник почти со всем моим денежным имуществом и со всеми моими бумагами (паспортом, командировками и др.). Осталось у меня всего рублей 25 в кармане и, к счастью, билет до Петербурга (впрочем, другие в это время прекрасно ездили без билета, но я бы не сумел). Хорошо было также, что в Самаре в буфете, который там еще действовал и был снабжен достаточным количеством провианта, я съел что-то горячее и выпил чаю, – ни того ни другого я более не имел до самого Петербурга, а дорога длилась

больше недели. На всех больших станциях поезд стоял часами, – то три часа, то шесть, то двенадцать, причем никто не знал, сколько он простоит. В смысле провианта Самара была последним пунктом, сколько-нибудь им обеспеченным, – дальше было хуже, а поблизости от Москвы ни буфетов, ни торгующих на станциях крестьян не было уже вовсе.

Вагон большую часть пути был не очень переполнен: в купе 2-го или 1-го класса – человек 10 или 12. О том, чтобы лечь, не могло быть и речи: спать приходилось сидя на нижней или верхней скамейке. Как всегда бывает в таких случаях, после первых конфликтов из-за мест публика сдружилась и дружно противодействовала новым натискам на наше купе, а ввиду упорных слухов о свирепых продовольственных обысках помогала друг другу прятать съедобное, которое было у всех. Обыски действительно произошли раза два, но были поверхностны и спешны, а главное – неумелы, и в нашем купе ничего не находилось; в других, однако, какой-то провиант был конфискован. Ехали мы до Москвы не то 4, не то 5 дней; конечно, все сильно измучились. Для меня сверх тесноты, от которой страдали все одинаково, тяжело было отсутствие часов. Часы в купе, конечно, имелись у других пассажиров, но очень неприятно приставать к ним с одним и тем же вопросом, а ночью в особенности.

В Самаре кондуктор нам заявил категорически, что вагон идет до Петербурга. Но вопреки этому заявлению нас довезли только до Курского вокзала и сказали: конец. От него до Николаевского[484], вероятно, версты две или больше. Извозчиков не было, трамваев тоже, и мне пришлось с довольно тяжелым грузом (чемодан, портплед[485] и уцелевший провиант) тащиться пешком; путь показался очень долгим, и тащился я, вероятно, часа два. На мое несчастье, при этом потерял подаренный мне сахар, чем был очень огорчен, так как я уже по опыту знал, как невкусен чай без сахара.

Наконец, я – на Николаевском вокзале. Когда идет поезд в Петербург? Узнать это было очень трудно, особенно при моей глухоте. Сильно я пожалел об отсутствии Илинчика. Узнать, когда идет поезд, мне до самого его отхода и не удалось, но, к счастью, удалось найти самый поезд и даже, хотя и с большим трудом, с боем втиснуться в плацкартный вагон 3-го класса, а там даже в купе. Я, следовательно, оказался энергичнее или счастливее других, которые остались в проходе. В купе, рассчитанном на 4 человека, нас оказалось ровно 16, и мы всю дорогу сидели: одни на нижних скамьях, другие на верхних, болтая ногами перед физиономиями нижних.

В общем итоге, пересадка в Москве отняла не очень много времени: приехали мы в нее часа в 2, уехали часов в 10 или 11. Двигались по-прежнему медленно, но все-таки двигались. Вдруг уже недалеко от Петербурга, где-то близ Чудова или Любани, – стоп. В чем дело? Снежные заносы. Когда двинемся? Когда расчистят. А когда расчистят? Неизвестно. Стояли мы два дня – наконец, тронулись. Прибыли в Петербург 23 декабря, часов в 6 утра. Извозчиков нет, а те немногие, которые есть, запрашивают цены, далеко превышающие мою карманную наличность, и я боюсь, что и дома не найду необходимой суммы; трамваев тоже нет. Я делаю попытку оставить вещи на хранение ручного багажа. Перед конторой для хранения – длиннейший хвост. Делать нечего, становлюсь в хвост. Но хвост не двигается: контора заперта. Стоим два часа. Контора открывается, берет багаж у десятка пассажиров и затем заявляет: места больше нет. Приходится взвалить багаж на плечи; его стало меньше, чем было в Москве, так как сахар потерян, а провиант съеден, но все-таки более чем достаточно для моих сил. Тащусь через силу по Невскому; наконец, где-то нахожу извозчика, который везет меня домой на Васильевский остров за 15 рублей – сумму, которой я еще располагал.

Очень скоро имели место два факта, тесно примыкающие к предыдущей истории: разгон Учредительного собрания и манифестация в его защиту, во-первых, и грандиозные похороны Шингарева и Кокошкина[486], во-вторых. В обоих (то есть, конечно, не в разгоне Учредительного собрания, а в манифестации) я принимал участие в качестве обычного пушечного мяса; из какого-то помещения, где-то близ Литейного, я вместе с другими народными социалистами двинулся в процессии к Таврическому дворцу; потом, когда эта процессия к нему не была пущена, бродил в толпах народа по улицам, слышал пальбу; через несколько часов бесцельного бродяжничества, переутомленный скорее чувством бессилия, чем продолжительной ходьбой (я всегда, и даже до сих пор, когда мне 68 лет, могу ходить без устали очень много), ушел домой. Точно так же было и на похоронах. Громадная многотысячная толпа народа, объединенная одним чувством, – и полное бессилие. Царское правительство боялось народных скоплений, для большевиков они были безопасны.

Этим закончилась моя оренбургская эпопея, героический период жизни всей России и, в частности, лично моей. Героический период для одной части населения, т. е. большевиков, впрочем, продолжался еще некоторое время; продолжался он и для некоторой части их противников, которые

были с Деникиным, с Врангелем, участвовали в Ледяном походе[487], с эсерами на Волге и в Сибири, с Колчаком, но для меня и для большинства Петербурга он решительно окончился. Кончилась жизнь, началось житие, как говорит Туберозов у Лескова[488]. Для меня – больше чем для кого-нибудь другого: благодаря глухоте, быстро прогрессировавшей, я должен был сдать себя в архив, сперва только в переносном смысле, а потом и в прямом, т. е. поступить на службу в Революционный архив[489], во главе которого стоял Рязанов, а при нем – Платонов и Щеголев. Это случилось, впрочем, еще почти через год. Житие мое под большевиками продолжалось почти 5 лет – с 23 декабря 1917 г. до конца сентября 1922 г., когда мне удалось сесть на пароход, отходивший в Штеттин, а оттуда перебраться сперва в Берлин, потом в Прагу.

Конечно, и в этом периоде были минуты просвета, особенно первый год, когда со значительным [успехом] удавалось участвовать в редких противобольшевичьих митингах[490], читать резкие лекции, направленные против них[491], написать одну или две смелые статьи, но это было редко и делалось без того подъема духа, который окрашивал жизнь и борьбу в 1917 г., в наш das tolle Jahr[492]. И эти минуты просвета не изменяли общего характера бессильного жития.

Прежде чем говорить об этом житии, я расскажу о судьбе лица, имя которого довольно часто встречалось на последних страницах моих воспоминаний, Илинчике.

Как я уже сказал, в Самаре он расстался со мною и уехал куда-то в середину России, как говорил, на неопределенный срок, вероятно очень долгий; во всяком случае, о возвращении в Петербург он тогда не думал. И вот месяца через три я встречаю его в Петербурге на улице.

– Что и как?

– Я записался в большевичью партию.

– ?!?

– Да, мы ошибались. Они одни делают дело.

– Как же это вяжется и с вашими публичными речами, и с частными разговорами со мной, в которых вы говорили и о необходимости продолжать войну, и о народовластии, и об Учредительном собрании?

– Я ошибался. Учредительное собрание – собрание болтунов, и хорошо, что его разогнали…

– А что убили Шингарева и Кокошкина и оставили убийц безнаказанными – тоже хорошо?

– Лес рубят, щепки летят[493]; в революцию нельзя всякое лыко в строку ставить.

– А что заключили похабный мир, а перед тем заявлением «ни мир, ни война»[494] отдали на жертву целые полки?

– Да мало ли что бывает! И ошибки были и будут, и у вас они были и будут. Мир заключить нужно…

– Ценою отдачи значительной части России, ценою контрибуции, ценою экономического закабаления России?

– Какою бы то ни было.

Мы разошлись очень сухо. Потом несколько раз встречались на улице; он, кажется, имел некоторое желание возобновить знакомство, но я не пошел ему навстречу.

Это был первый случай прямой, грубой и несомненной измены в рядах нашей партии в пользу большевиков (не прямая, менее грубая и не несомненная была уже совершена Плансоном); потом, как я уже говорил, была еще другая, совершенная человеком, фамилию которого я забыл. В искренность перемены убеждений Илинчика я не мог верить. Слишком уж отвратительна была физиономия большевизма, в первое время едва ли не отвратительнее, чем теперь, когда все-таки все утряслось, стабилизировалось, когда путем постепенных приспособлений создался какой-то новый строй мысли, всей психики. Я понимаю, что честный человек мог сделаться большевиком в старые годы, а при революции остаться им, несмотря на то что жизненная практика большевизма оказалась в решительном противоречии со всеми верованиями, чаяниями и желаниями большевиков дореволюционных. Так всегда было и так будет. Но чтобы человек, в декабре 1917 г. понимавший мерзость большевизма, в марте 1918 г. вдруг перестал ее понимать, – я этого не могу объяснить иначе как сознательной продажей себя за деньги, за служебное положение, за власть, за житейское спокойствие. А если так, то придется допустить, что и приход Илинчика к нам за год перед тем объясняется только ошибочным расчетом на нашу победу.

Но, впрочем, человеческая психика – вещь действительно хитрая. Кто поймет, что заставило Веру Фигнер, которую так исключительно высоко ставили все ее знавшие, которую считали живою совестью чуть ли не целого поколения или, по крайней мере, его радикальной части, так приблизиться к большевикам, что ее от них теперь почти не отличишь? Кто поймет, что заставило Горького, бывшего их противником в 1918 г., сделаться их решительным сторонником и нагло лгать ради них? Неужели просто и только грубая корысть? Если для маленького Илинчика такое объяснение и пригодно, то с большим М. Горьким оно как-то плохо вяжется.

Прага

5 сентября 1932 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Водовозов
ДНЕВНИК
(13 октября 1919 г. – 23 декабря 1920 г.)

[*13 октября 1919 г.*] Революция, для которой я по мере сил работал и о которой мечтал всю свою жизнь, застала меня тогда, когда я был уже стар, не столько летами (мне было 53 года), сколько общим состоянием здоровья. Я был уже сильно глух и слеп на один глаз. Таким образом, я как белка, которой достался воз орехов, когда у нее выпали зубы, не мог принять в ней значительного активного участия; хуже того, не мог правильно наблюдать ее, и далеко не все ее события доходили до меня. Тем не менее первые же ее дни не только подняли меня духовно, но [и] оживили и подняли жизнедеятельность моего организма. Все мои знакомые были поражены заметным, прямо изумительным улучшением моего слуха, и это улучшение сохранилось до конца 1917 г., даже до начала 1918 г., когда слух сперва вернулся к прежнему состоянию, а потом еще значительно ухудшился. Благодаря этому сказанное выше не в полной мере относится к событиям 1917 г.

В 1917 г. я был членом Особого совещания по выработке закона об Учредительном собрании и принимал в нем очень деятельное участие. А в конце 1917 г. Трудовая партия выставила меня кандидатом в Учредительное собрание по двум губерниям: Новгородской и Оренбургской, и я объездил их (в Оренбургской, впрочем, только один Оренбургский уезд), выступая в городах и деревнях на многочисленных митингах. Таким образом, о 1917 г. я имею рассказать довольно много и очень жалею, что не записал своих впечатлений тогда же. Тогда они были живее и ярче, тогда минувшее

> …неслось, событий полно,
> Волнуяся, как море-окиян?
> Теперь оно безмолвно и спокойно,
> Немного лиц мне память сохранила,
> Немного слов доходят до меня,
> А прочее погибло безвозвратно[495]…

В 1918 г. слух мой стал гораздо хуже. Тем не менее в первое его полугодие я еще выступал на митингах на заводах, устраивавшихся Трудовой партией, и таким образом имел

близкое соприкосновение с рабочими, за настроением которых все же имел некоторую возможность следить.

Хуже стало мое положение со второго полугодия 1918 г., и хуже по двум совпавшим, хотя и совершенно различным причинам: одной общественной и одной личной. Общественная – торжество нового режима, который боялся соприкосновения интеллигенции с рабочими и ее влияния вообще на широкие слои народа; ввиду этого была запрещена вся пресса и прекращены все митинги, кроме большевичьих, а политические партии разгромлены[496]. Таким образом, совершенно прекратилась моя как публицистическая, так и агитаторская деятельность.

Правда, я и позднее (весной 1919 г.) мог прочитать в Петербурге несколько публичных лекций, устроенных Институтом социально-библиологическим (Инсоцбиб'ом)[497], слабо окрашенных в определенный политический свет, но эти лекции, во-первых, посещались ничтожным количеством слушателей (от 10 до 15), а во-вторых, они подали повод к большим неприятностям, претерпенным устроителями. Удачнее прошли 6 моих лекций в Старой Руссе, на которые сходилось до 300 человек публики, но они были почти совершенно чужды политической окраске (о них я расскажу дальше).

О другой личной причине я уже сказал: усилившаяся глухота.

Тем не менее все-таки и в этот период, 1918–1919 гг., кое-что до меня доходило, и, может быть, это кое-что окажется не лишенным интереса. Никто ведь не обязан читать моих воспоминаний; покажутся они совсем неинтересными, только повторяющими общеизвестные факты, – спокойно отложите их в сторону.

Итак, я решаюсь записать то, что я знаю о событиях революционного времени. Я принимаюсь за исполнение этой задачи, когда разруха дошла уже до ужасающей степени.

Как раз сегодня (13 октября) в Публичной библиотеке ее комиссар, большевик Вл[адимир] Мак[симилианович] Андерсон (или Андерсен) сказал мне, что Публичная библиотека на днях будет закрыта на всю зиму вследствие отсутствия дров. Итак, начинается: первое просветительное учреждение закрывается и формально[498].

Фактически уже закрыты почти все высшие учебные заведения. Но формально они числятся работающими. Только что это за работа! Об этом речь будет дальше.

Сегодня (13 октября) в большевичьей понедельничной газете «Труд» сообщено, что более сорока продовольственных комиссий, поехавших из Петербурга и Москвы в Самарскую губернию за

продовольствием, вернулись восвояси с пустыми руками. Причем даже большевичья газета признает, что дело не в отсутствии продовольствия, а в формальном отношении к делу разных губпродкомов и других столь же благозвучных учреждений, составляющих гордость большевичьей демократии.

И рядом с этим, в том же номере газеты, помещено объявление от одного из многочисленных комиссаров г. Петербурга, требующего от всех учреждений и частных лиц города сведений об имеющихся у них телефонных аппаратах и бумажных телеграфных бланках! Значит, нужно исписать тысячи листов бумаги, истратить массу времени, возложить новую обязанность, а может быть, усилить штаты разных учреждений, чтобы получить сведения об имеющихся телеграфных бланках, которым цена – медный грош!

И все идет в таком порядке. Плодятся чисто бюрократические, никому не нужные учреждения, увеличивается чиновничество, горы бумаги растут, а из-за отсутствия дров или света гибнут действительно просветительные учреждения, как Публичная библиотека, университеты и тому подобные.

Недели две назад либо в «Петроградской правде», либо, вернее, в «Красной газете» было признано, что школы грамотности, созданные для взрослых рабочих, обратились в школы лодырничества.

В субботнем номере «Петроградской правды» (№ 230. 11 октября; номер у меня сохранен и приложен, либо указанная статья наклеена в рубрике «Революция») сообщается со слов «Известий Тюменского революционного комитета», что после ухода белых из Тюмени подвоз хлеба прекратился, и та часть населения, «которая не имела средств при свободе торговли заготовить хлеба, находится в критическом положении»; сама газета озаглавливает статью «Чего не нужно делать в отвоевываемых у белых местностях», – но ведь режим ничего иного и не делает и не может не делать.

В момент, когда разруха достигла не скажу высшей, ибо, вероятно, она будет усиливаться, но очень высокой точки, когда жить становится прямо невмоготу, когда пальцы коченеют от холода, желудок подводит от голода и когда притом ясно видишь и чувствуешь, что во всем этом кругом виноват режим, в такой момент принимаюсь я за свои мемуары. Буду писать не в хронологическом порядке, а отдельными воспоминаниями и фактами, как они приходят в голову, а там, может быть, обработаю их, а может быть, так и оставлю.

14 октября 1919 г. Читаю книгу «Российская коммунистическая партия [(большевиков)]. VIII съезд Российской коммунистической партии [(большевиков)]. Москва, 18–23 марта 1919 [года. Стенографический отчет]. Книгоиздательство “Коммунист”. М[осква], 1919».

Ленин говорит: «Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты как пролетарских организаций» (стр. 19).

«Слой рабочих, которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составляли нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе неимоверную тяжесть управления страной, – никто не поверит тому, что можно было это достигнуть при таком ничтожном количестве сил» (стр. 19–20).

Сколько лицемерия в этих словах о комитетах бедноты!

Комитеты бедноты спасли от голода неземледельческое население! Да когда мы так страдали от голода, как теперь, когда мы не можем шагу ступить без бумажки из комитета бедноты!

Купить дрова – комитет бедноты даст удостоверение, что мы нуждаемся в них. Лови комитетчика бедноты в назначенный им час, а он в него не приходит, – потом с его бумажкой стой в хвостах. Комитеты бедноты – пролетарские организации. Хороши пролетарские организации.

Пока я был просто литератором и проедал последние гроши, не имея чем заплатить за завтрашний обед, я не имел права выборов в комитет бедноты, так как был, в качестве литератора, гражданином 3-го разряда (осенью 1918 г., тогда было всего еще четыре разряда граждан, потом сведено к трем). В октябре 1918 г. я поступил на службу, начал получать довольно хорошее жалованье – и сразу стал гражданином 1-го разряда и получил право участия в выборах – правда, фиктивное, потому что выбранный нашими жильцами комитет бедноты[499] был кассирован и на его место назначен другой. Моя прислуга, которая в то время не успела еще очень много наворовать, была, во всяком случае, беднее меня и ближе к пролетариату, но не успела записаться в профессиональный союз и потому права голоса не имела (потом его тоже приобрела). Таков пролетарский характер комитетов бедноты.

15 октября 1919 г. Сегодня события на фронте, в частности

опасность, угрожающая Петербургу, вызывают всеобщие разговоры. У нас в архиве[500] везде группы шушукающихся людей, везде о чем-то говорят и волнуются[501]. К несчастью, мое участие в общем настроении почти недоступно, хотя все-таки я его чувствую.

В «Красной газете» напечатана речь Зиновьева, в которой он сообщает, как к нему явился «перепуганный» полковник с Нарвского фронта. Зиновьев хотел было его арестовать, но не арестовал, так как ему интересно было узнать новости от полковника (!). И полковник ему рассказал, что у Юденича сил до смешного мало; у него – всего … штыков (число в газете не названо) и один эскадрон, и берет он только своей дерзостью и, конечно, будет разбит. И как эти до смешного ничтожные силы наступают сразу по четырем направлениям, – в два дня, если верить оперативным сводкам, проходят по 50 верст (от Ямбурга до Кикерино), берут города и т. д. Но главное, чего же перепугался полковник? Подобные вещи печатаются только в «Красной газете»; для читателей «Правды» они считаются слишком явно наивными, и туда их не пускают.

В той же «Красной газете» сообщается о необходимости за отсутствием топлива закрыть более сотни фабрик и заводов и распустить до 20 000 рабочих. Топливо-то есть, но привезти его трудно. Придется построить несколько новых подъездных путей, а для этого из-за отсутствия рельсов разобрать несколько менее нужных железнодорожных и трамвайных путей. Но уже значительно улучшились отношения с Финляндией, и можно надеяться, что в недалеком будущем она даст нам топливо.

Невольно приходишь на мысль, что, может быть, разобрать некоторые железнодорожные и трамвайные линии совдепы успеют, но что-то незаметно, чтобы они успели что-нибудь строить. Поставленные ими бездарные памятники рассыпаются, и их приходится убирать; так убран рассыпавшийся Радищев[502] перед Зимним дворцом и Перовская перед Николаевским вокзалом (в газетах сообщалось, что его пришлось убрать, так как оказался непонятным народным массам)[503].

Перед Зимним дворцом вот уже полгода лежит беспорядочная груда кирпича и железа: это остатки от превосходной, истинно художественной решетки, окружавшей сад перед дворцом[504]; всю весну над ней работали десятки рабочих, чтобы ее разрушить, – и разрушили, но не успели не только соорудить чего-нибудь нового, а даже убрать кирпич и железный лом, и они лежат памятником грубого вандализма.

Из нашего архива исчез 13-летний Вася, бывший на

побегушках и в качестве прислуги. Его арестовали за продажу каких-то лепешек, и вот три дня он сидит. Хорошая школа. Сидит как политический, так как его посадила Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. По этому случаю мне вспоминаются слова Кеннана, познакомившегося с какой-то 16-летней девочкой, бывшей в ссылке: «Если бы я был русским царем и должен был бы бояться 16-летних девочек, то я, право, отрекся бы от престола»[505]. Советская власть идет дальше – и борется с 13-летними детьми как с политическими преступниками.

20 октября. На этих днях был обыск у проф. Введенского. Обыск политический, так как смотрели бумаги, но заодно и продовольственный. Нашли около 30 фунтов[506] муки, 4 бруска мыла, и это запечатали, оставив, впрочем, в квартире. Женщина, руководившая обыском (нововведение большевичьего режима: женщины руководят обысками), в ответ на возмущенное замечание Введенского сказала:

– Кажется, вы, профессор, должны бы понимать, что это только справедливо: у вас четыре бруска мыла, а у меня остался малюсенький кусочек. Как же не конфисковать их!

Впрочем, на следующий день распечатали, признав право хранить 30 фунтов муки. Нужно заметить, что Введенский в качестве профессора в одном морском учебном заведении официально получает 35 фунтов в месяц – и притом получает их сразу. Получил 35, а там их конфискуют.

В нашем (архивном) кооперативе – учреждении, находящемся под покровительством власти, – выдали недавно по 10 пачек спичек. Мы с женой унесли, следовательно, 20 пачек – 200 коробочек (по 6 рублей 50 копеек коробочка). Но все вокруг говорили, что если у нас при обыске найдут сразу такое количество, то, несомненно, конфискуют. Такая нелепость везде, во всем.

11 ноября 1919 г. В университете с прошлой недели начали выдавать профессорам каждодневно (кроме праздников), студентам в дни, когда они посетили хотя бы одну лекцию, «чайное довольствие». Для студентов заведен такой порядок. Они должны в аудитории на лекции записаться, выбрать представителя, вручить ему свои регистрационные карточки, и представитель получает на них на всех по порции чайного довольствия, причем в регистрационных книжках делается отметка, чтобы студент не получил двух порций в один день.

Чайное довольствие в первые два или три дня состояло из ¼ фунта хлеба и ложки варенья (и то и другое бесплатно), причем

посудину для этого последнего приходилось тащить из дому. Большинство, приходя в университет, только тут узнавало о щедром даре властей, посудину не имело и потому брало варенье на хлеб и тут же съедало. Я встречал профессоров с европейской известностью и запачканными вареньем пальцами и здоровался с ними. Никто из них, конечно, от дара не отказывался… А между тем варенье было прескверное, – сомневаюсь, чтобы оно было на сахаре, вероятно на сахарине, тягучее, словно глицерин. Студенты тоже получали свою порцию через своих представителей. Как уж представители при недостатке посуды делили между аудиторией гомеопатическую долю варенья, не представляю себе. При этом для получения лишних порций было множество мошенничеств; составлялись целые фиктивные аудитории.

В крикливых рекламах заслуг большевиков в праздничном номере «Красной газеты» (7 ноября) говорилось: мы создали бесплатное обучение, даровую почту. Можно было бы прибавить: не только бесплатное, а с даровым вареньем. А еще лучше было бы сказать: мы разрушили всякое обучение – и бесплатное народное, и платное среднее, и высшее, и мы же разрушили дешевую почту, создав фикцию бесплатной, зато несуществующей почты (да и то не бесплатной: заказное письмо оплачивается 4 рублями вместо прежних 14 копеек).

Через три дня варенье было исчерпано и выдавать начали только ¼ фунта хлеба, а еще дня через три вместо хлеба – 1/16 (sic) фунта сухарей, то есть засушенных маленьких кусочков того же черного хлеба, и притом неаккуратно. Сегодня, например, буфет был пуст, а на столе красовался плакат: «Чайный буфет закрыт по поводу привозки хлеба». Следует подпись. Публика недоумевала, что это значит: пропущена ли частица «не» (не привозки хлеба) или хлеб еще не привезли, но везут? Сильный голод подсказывал последнее толкование, и я приходил в университет два раза, часа в 4 и перед 7, то есть перед самым последним сроком закрытия буфета, но оба раза нашел пустоту и то же объявление. Впрочем, и еще одно: «Желающим дают горячий чай. Надо иметь с собой свои собственные кружки». (Записываю по памяти, поэтому передаю только содержание объявления, а не его форму.) Но не видал ни самовара, ни вообще каких бы то ни было признаков чая. Очевидно, «буфет закрыт» и для чая.

И для стакана чая, для двух лотов[507] сухарей профессор, живущий иной раз по ту сторону Невы, бежит в университет в день, когда ему незачем быть в университете, иной раз дважды в день, чтобы в конце концов не получить ни чая, ни сухарей! Когда

же готовиться к лекциям, когда работать! А вечером сиди впотьмах, так как электричество не горит, керосина нет! И при этом – мы создали бесплатное обучение! Может ли лицемерие доходить до таких геркулесовых столбов?

14 ноября 1919 г. Вечером я поехал в Политехнический институт[508], чтобы прочесть очередную лекцию. Первую лекцию (история XIX века) читаю по четвергам вечерами, ночую в институте (так как трамваи после 6 часов вечера не ходят). Ночую там и утром в пятницу читаю – или, лучше сказать, притворяюсь, что читаю, – другую лекцию (теорию социализма) и уезжаю домой.

Притворяюсь, что читаю, потому что по утрам лекции вообще состояться не могут: все студенты служат, и потому слушателей даже на обязательные курсы не находится. И профессора, не желающие читать, назначают свои лекции по утрам, – все понимают, что это удобная форма для уклонения от лекций. Увы, и я к этому способу прибегаю. Не могу же я ездить два раза в неделю, когда каждая поездка требует ночевки при температуре 2°, без ужина, после выезда из города в 5 часов. Да и по вечерам у меня имеется всего две слушательницы, из которых одна является неаккуратно. Всего в институте, как мне говорили, до 150 студентов (не ручаюсь за точность), из которых большинство записалось в студенты лишь для дарового общежития и дешевого кооператива, а не для лекций. А содержание института в первое полугодие обошлось, говорят, в 18 миллионов рублей. Каждый студент, соответственно, в год обходится большевистскому государству в 240 000 рублей. Это ли не щедрость на народное образование!

Ночую я в студенческом общежитии, в котором имеется особая комната для приезжающих лекторов – комната отвратительная, с разбитым и не замазанным окном, не отапливаемая и потому с температурой в ноябре не выше 2–3°. В том же здании имеется несколько аудиторий, где теперь читаем все или почти все лекции, – аудитории тоже не отапливаемые (так что профессора и студенты сидят в шубах), а до недавнего времени и не освещавшиеся.

И вот вчера я, по обыкновению, являюсь в общежитие и застаю какую-то странную постороннюю лекцию. Контора общежития заперта, хотя в эти часы ей полагается быть открытой.

– А где же студенты?

– Выселены.

– Куда?

– В разные профессорские квартиры.

– Где же слушательница Бахман (кастелянша и работающая в конторе. – *В. В.*)?

– В квартире профессора Дена.

– А лекции здесь читаются по-прежнему?

– Нет.

Я к Дену. Действительно, там нахожу г-жу Бахман, на той же лестнице встречаю двух моих единственных слушательниц.

– Где же мне ночевать? Не могу же я остаться на дворе! Возвращаться поздно (трамвай уже не идет). Что мне делать?

– Ну мы как-нибудь вас устроим.

Действительно, устроили, и я переночевал у Дена, который как раз по четвергам уезжает в город и там ночует. Но меня любезно приняла его дочь и даже напоила чаем, даже с сахаром. Но о чтении лекции не могло быть и речи. Только что состоялось выселение, все в хлопотах. Зато мне выдали два фунта хлеба: порция за две недели.

Выгодно быть профессором, да еще в двух учебных заведениях! По две восьмушки хлеба получаешь в день в дополнение к законной порции в четверть фунта, выдаваемой каждому гражданину 1-й категории!

16 ноября. У нас в архиве одна барышня рассказывала, как ее тягали на рытье окопов. В их доме или во всем квартале обязали явиться всех не достигших предельного возраста в 6 часов утра в какое-то заведение. Там их проморили на улице до 9, затем посадили в трамвай и повезли в Лесной. Там опять проморили некоторое время и только в 11 часов приступили к работе.

Окопы были уже начаты, но представитель власти объяснил им, что вырыты они неправильно и их надо переделать. Раздали инструменты, и люди, никогда подобной работы не делавшие, начали перекидывать лопатами землю с одного места на другое.

Часа через полтора пришел другой представитель власти.

– Что вы делаете?

– Да так нам сказано.

– Неверно. Прежние окопы начаты правильно. Все переделывайте.

Начали переделывать обратно.

В два часа взбунтовались:

– Голодны. Есть хотим.

Повели их к какому-то кооперативу, заставили более двух часов простоять в хвосте и к 5 выдали по хорошей порции хлеба, кажется, по два фунта. Они обрадовались.

Затем подали трамвай, и поехали.

Но тут лежали беспризорные дрова, и они набрали по

вязанке, жалея, что не могут взять с собой больше. Но этим дело не кончилось. На половине дороги трамвай почему-то стал. Они ждали, ждали и, наконец, побрели домой пешком, кто бросив вязанку дров, а кто волоча ее с собой.

Рассказ очень характерный и очень обычный. Удивительного в нем нет ничего.

Удивительно только одно: как при таких условиях государство может существовать и даже побеждать! Работают люди, соответственной работы не знающие; работа идет бестолково каких-нибудь 2–3 часа в сутки, и тем не менее Совдепия живет, а Юденич, Деникин, Колчак гибнут.

Мы отмечали бестолковщину в царские времена. Но разве можно сравнить ее с нынешней бестолковщиной – злобной, мстительной, мелочной, но всего более бессмысленной, если не предположить, что окопы нужны не для войны, а только для того, чтобы ущемить буржуев!

18 ноября 1919 г. Какой удручающе тоскливый вид имеют улицы Петербурга по вечерам. Темнота на улицах, окна домов не освещены, мертвое безлюдье и пронизывающий холод, – холод, объясняющийся, конечно, во-первых, недоеданием, а во-вторых, тем, что на улицу выходишь уже продрогшим из своих холодных жилищ или присутственных мест.

Но эту тоску чувствуешь не только на улице. На улице вечером она, может быть, лишь острее чувствуется; дома вечером в темноте (у большинства нет керосина, а электричеством нас балуют только иногда), сидя в шубе, мерзнешь все же меньше, чем на улице (у меня, говорят, благодать – от 7 до 9°; у моей матери – от 3 до 7°; в архиве у нас в одной комнате замерзли чернила), но, слоняясь в темноте из угла в угол, доходишь до одури. Одурь чувствуется от этого холода, от состояния вечного недоедания, от духовного голода – полного незнания того, что делается на свете, от полного безделья или бессмысленности своего дела и страшной безнадежности.

Я служу в архиве и читаю лекции в двух учебных заведениях. Об этих последних я уже говорил: это не чтение лекций, не культурная работа, а жалкое переливание из пустого в порожнее. Студентов нет, а те 2–3–4, которые забегают на лекции, делают это лишь из приличий: нельзя же, думают они, числиться студентом, хотя бы для кооператива, и вовсе не заглядывать на лекции. Но лекции, которые профессор читает, а студенты слушают в шубах, иногда в темноте (таковы были мои лекции в политехникуме в начале октября и таковы же они в университете, где я читаю с 4½ до 6 часов вечера, где электричество в это время

не зажигается), такие лекции не имеют никакого смысла. От них ничего не остается.

В архиве год назад (в октябре 1918 г.), когда я туда поступил, я был возмущен всеобщим бездельем: ведь дело, порученное нам, само по себе все-таки хорошее, культурное дело, остающееся таковым при всяком режиме. И я принялся за него с усердием.

Но теперь, увы, и я не могу работать как следует. Пальцы цепенеют от холода, заботы – то о спичках, то о добавочной порции хлеба, то о селедках – отнимают массу времени; ведь и при архиве есть кооператив, и, в сущности, вся жизнь архива, как и других культурных учреждений, свелась к жизни кооператива. А сверх того, по большей части, иной раз нужно утро просидеть дома: может быть, привезут заказанные дрова, – так их нужно принять (а привезти их могут со дня на день в течение трех недель, и если привезут тогда, когда никого не будет дома, то увезут обратно, и вот три недели кто-нибудь должен дежурить дома), то необходимо идти куда-нибудь прикреплять карточки и там 2–3 часа стоять в хвосте. Официально служба продолжается с 10 до 4, но de facto она начинается лишь к часам 12, и к двум все расходятся, а в эти два часа читают газету и слоняются без толку. Работы никто не делает.

Когда говорят о революции, то обыкновенно думают, что жизнь при ней кипит. Так дело и было в 1917 г. Можно относиться к революции 1917 г. положительно или отрицательно, но нельзя отрицать, что тогда все, кто только хотел, все, кто не чужд общественных инстинктов, жили всеми фибрами своего существа, всем биением сердца, всем огнем страстей – для жизни, а не для могилы. А теперь полное отсутствие именно жизни, в особенности общественной жизни, мертвая пустота, тоска, безнадежность. И это характернейшая черта нашего времени. Историк или художник, который не оценит этой черты, не поймет и неверно изобразит всю эпоху. Я живу около 40 лет сознательной жизнью, я пережил мрачный период 80-х годов, но никогда ничего подобного нынешнему периоду не переживал.

3 декабря 1919 г. (н. ст.) Опишу подробно свой день – не потому, конечно, чтобы мои мелкие злоключения представляли какой-нибудь интерес в связи с моей личностью, а потому, что они типичны, что их или подобные им переживают все, за исключением очень немногих господ положения.

Моя жена больна (испанской болезнью[509] в легкой форме), больна не серьезно и не опасно, но самая легкая болезнь в настоящее время очень тяжела. Государство берет на себя заботу о больных, и лечение бесплатно, – это было многократно

заявлено в печати, но это только лишнее проявление обычного лицемерия. Бесплатно лечение, когда лечишься у коммунальных врачей, а их мало и не докличешься; десять раз можно умереть, пока придет бесплатный врач и пропишут бесплатное лекарство. Обычному же врачу надо платить, и за прописанное им лекарство – тоже, притом по повышенным во много раз ценам. Но что всего хуже, коммунальные аптеки приготовляют лекарства не ранее чем через сутки после их заказа, считая, что в РСФС Республике больные могут и погодить. А кроме того, когда заказываешь лекарство и когда получаешь его, нужно постоять в аптеке в хвосте, – без хвоста теперь ничего не делается.

Сегодня я встал в 9 часов утра: встать раньше трудно, так как темно (не следует забывать, что часы переведены на один час, и 9 часов есть, следовательно, только 8), и света (электрического) днем не дают, керосина ни у кого (и у меня в том числе) нет, и потому вставать приходится поздно. Прислуги у меня нет (если останется время, опишу, почему она ушла[510]), поэтому надо было поставить самовар, позаботиться о больной жене, наколоть дров. За всякими мелочами ушло более двух часов, и выбрался из дому почти в 12.

Напился я кофе (не настоящего, а из овса), без молока и сахара, но зато с ломтем хлеба и даже с маслом; несколько времени тому назад жена купила фунт масла за 1500 рублей, и оно еще осталось, – в этом отношении я пока нахожусь в лучшем положении, чем большинство, обходящееся без масла; что же касается сахара, то его нет почти ни у кого. После такого завтрака в желудке чувствовалась пустота.

Поэтому я решил по дороге на курсы зайти в вегетарианскую столовую в 6-й линии: там кормят страшно дорого даже по нынешним ценам, но сравнительно недурно, и, главное, это единственное известное мне в Петербурге место, где кормят всех приходящих без особого прикрепления, без разрешения какого бы то ни было начальства, а просто, как в ресторанах в доброе старое время кредит на время еды давался всем. Теперь это, конечно, немыслимо; следует сперва заплатить кассирше, получить от нее чек, с чеком идти в кухню и там получить кушанье. А чтобы дать понятие о ценах, сообщу цены сегодняшней карты: суп из чечевицы – 60 рублей; пшеничная каша – 170 рублей, полпорции – 85 рублей; винегрет из картофеля и еще чего-то – 145 рублей; пирожок из ржаной муки с капустой – 55 рублей (пирожок маленький, как прежде в 5 копеек; только прежде за 5 копеек давали пирожок пшеничный, а теперь ржаной). Хлеба, конечно, к кушаньям не дается. Я рассчитывал на эту столовую, но оказалось, что она еще заперта, открывается же не раньше часа

дня. Делать нечего, пришлось без завтрака идти дальше.

Шел же я на Бестужевские курсы, или в так называемый III Петроградский университет, который как университет с осени упразднен[511], но от которого осталась столовая[512]. В ней я собирался получить обеды для себя с женой (эти обеды мы разогреваем к ужину) и для семьи Введенских[513], ибо и мы, и Введенские «прикреплены» именно к этой столовой, а, как известно, без «прикрепления» теперь есть не полагается. Увы, и тут неудача: я нашел длиннейший – более, чем обыкновенно, – хвост чающих обеда; на лицах всех – скука и досада; хвост не двигается.

– В чем дело?

– Котел испорчен, и раньше чем через час ожидать обеда нельзя.

Читатель отдаленного будущего, если таковой найдется у этих записок, может быть, подумает, что дело идет о каком-либо лукулловском пиршестве. Нет, весь обед состоит из одного блюда, и это блюдо – суп, иногда (в лучшем случае) – с картофелем, в худшем – из капусты или какой-нибудь дряни. О мясе, конечно, не может быть и речи; суп крайне жидкий. И это все, и за него приходится платить 6 рублей 50 копеек, то есть по нынешним ценам очень дешево. Есть, правда, «трудовые» обеды (по 8 рублей) из двух более порядочных блюд, но трудовые обеды отпускаются только немногим счастливцам, удостоившимся звания пролетариев, а мы на него не имеем права. Говорят, что провизии отпускается на нашу столовую достаточно, чтобы изготовлять обед более порядочный, но разворовывают: служащие имеют право на трудовые обеды, и они делают их себе, да не по одному или по два, а по полудюжине и более, – и для остальной публики остается только жидкий суп.

Но и его получить мне на этот раз не удалось, и, решившись зайти за обедом после службы, я пошел на службу в архив. Проходя через 8-ю линию, увидел трамвайный вагон маршрута № 4, который довез бы меня как раз до моей цели, но я прошел мимо него, направляясь на 6-ю линию. На курсах я задержался довольно долго, был уже час дня, и решил вторично заглянуть в вегетарианскую столовую. Опять неудача. Час дня уже наступил и даже прошел, но ничего еще не готово и не будет готово раньше чем через полчаса. Делать нечего, пришлось без завтрака идти в архив.

На Николаевском мосту я догнал тот самый вагон трамвая № 4, в который хотел было сесть. Нет тока, – и по всей линии стоят вагоны в ожидании такового. До сих пор о подобных приключениях я только слышал, но вчера и сегодня первый раз

видел собственными глазами, как останавливается движение из-за отсутствия тока. В чем тут дело, я не знаю. Нет тока, значит, нет топлива, – это понятно. Но зачем же с утра пускают вагоны, когда топлива имеется всего на 3–4 часа? Не разумнее ли было бы в такие дни вовсе прекращать движение и не обманывать публику ее видимостью? В вагоне, однако, пассажиры оставались, хотя и в меньшем числе, чем за полчаса до того я видел на углу 8-й линии, – очевидно, часть пошла пешком, другая же часть обнаруживала сизифово терпение. Часа через полтора после этого я видел вагоны уже в движении; когда они пошли, сколько времени простояли, не знаю. Но вечером, часов около пяти, они опять останавливались по той же причине. Вообще, вместо трамваев теперь существует одна их видимость: пользоваться ими нельзя или, по крайней мере, рассчитывать на них нельзя с уверенностью.

Около двух я притащился в архив, побыл там около получаса и опять пошел. Пошел в университет, чтобы поспеть к трем часам, так как вчера было объявлено, что с часу до трех будут выдавать капусту. Кому – я не знал. Но возможно, что профессорам, и упустить такой случай нельзя. Без уверенности, только из-за вероятности получить 4 фунта капусты по 6 рублей 50 копеек или 7 рублей 50 копеек (точно не помню, но цена и количество были указаны в объявлении, которое я видел вчера в университете), но я шел, бросая службу. Пусть меня обвиняют в недобросовестном отношении к службе, но так поступают все без единого исключения, и иначе поступать нельзя: голод не тетка. И я шел. И опять неудача: оказывается, капусту сегодня не выдают, но будут выдавать завтра. Выдавать ее будут не профессорам, а только студентам.

4 декабря 1919 г. На этом месте вчера потухло электричество (в 9 часов вечера), и я не мог закончить своего рассказа. Делаю это сегодня.

Там же я узнал еще на придачу, что хлебной порции (так называемого чайного довольствия) тоже нет; его нет уже с неделю. Говорят, что его разворовывают, – заведуют этим довольствием разные коммунистические «тройки»[514], которые умеют обделывать свои дела.

Из университета я пришел домой, проведал жену, сделал что нужно и побежал на курсы за обедом, по дороге забежав закусить в вегетарианскую столовую. На курсах – опять неудача: обед был, но уже расхватан, а теперь ожидается новая порция, но ранее чем через полчаса или час она готова не будет; не угодно ли подождать. Я ждать не стал, но зашел к Введенским, живущим

поблизости от курсов, и просил, чтобы на этот раз сходил за обедом кто-нибудь из них (я ведь шел за обедами для них и для себя).

Оттуда вернулся к 5 часам домой, – и первая удача в этот день: уже у 3-й линии убедился, что у нас горит электричество (Петербург разделен между тремя или четырьмя электрическими обществами; в настоящее время все они национализированы, но работают различно; поэтому, например, всю прошлую зиму у меня, как во всей восточной части Васильевского острова, электричество действовало довольно исправно, тогда как у Введенских, живущих в западной части острова[515], по большей части была темнота; теперь наоборот). У нас, берущих электричество в «Гелиосе»[516], в последнее время электричество светило то через день, то через два дня и притом зажигалось и тухло в самые причудливые часы. Вчера оно зажглось в 5 часов вечера, и, следовательно, у меня в распоряжении был почти целый час для работы – первый час, когда в этот день я мог не бежать куда-нибудь за обедом, за хлебом, за капустой, за дровами, а работать. Но около 6 часов я должен уходить обедать к Введенским, и, следовательно, в распоряжении был только час.

В 6 я ушел, около 8 вернулся, час писал эти записки, а в 9 оказался в темноте. К счастью, в 5 часов пришла одна знакомая дама, которая позаботилась о моей жене и освободила для меня эти два часа. После 9, имея свечу, я поставил самовар, напоил жену и себя чаем и в 11 лег спать. Вот и весь день.

Сегодня, с небольшими вариантами, – повторение того же самого. Приходилось ходить в сарай за дровами, на что истратить пришлось более получаса: у меня сарай довольно далек, у меня нет подходящей веревки, нет такой подстилки, которую кладут дворники на спину под вязанки дров, но зато у меня есть грыжа, которую я заработал (как и очень многие) во время большевичьего режима. Поэтому носить дрова приходится очень маленькими вязанками. Колол дрова: топор у меня тупой и постоянно соскакивающий с топорища, а кроме того, нет и уменья. Царство труда, в котором заставляют всех трудиться как раз над тем, чего они не умеют делать, лишая труда привычного, и не дают необходимых орудий труда.

С капустой выяснилось следующее. Она дается студентам, но только тем, которые записались заблаговременно; в прошлую субботу запись прекращена. Моя жена, состоящая студенткой, имела бы на нее право, но она не записалась. Не записалась потому, что не знала, а не знала потому, что или объявление об этом вовсе не было вывешено, или было вывешено намеренно в таком месте, чтобы его прочитало возможно меньшее число

студентов. Вероятно, и тут идет хищение: вероятно, капуста отпущена по числу студентов, но распорядители позаботились, чтобы получить ее могло возможно меньшее их число. Это, впрочем, мои предположения, доказать которые я не могу. Но несомненно, что все делается точно нарочно, чтобы наводить на подобные подозрения. Контроля никакого, никакой возможности следить за добросовестностью всяческих троек, совнархозов и т. д. Но – урок: нужно еще полчаса или час в день тратить, чтобы выискивать все возможные объявления и не пропустить такого случая.

Сделаю еще одно указание. Вчера я прошел по Большому проспекту, на котором не был недели две-три, и нашел громадную перемену. Все деревянные решетки прекрасных садов, тянущихся по Большому проспекту, снесены или еще сносятся на дрова; тут же толпится народ с тележками и на каком-то начале получает эти дрова.

В 6-й или 7-й линии у Среднего [проспекта] снесены два деревянных дома, тоже на дрова. Недели две назад в «Красной газете» было сообщено, что предназначено к сносу на дрова 2500 деревянных домов из общего числа 15 000. Цифра утешительная: значит, еще будущий год можно будет отапливать Петербург деревянными домами. А там понадобится уморить пол-Петербурга, чтобы отапливать другую половину потолками и полами опроставшихся каменных домов. Если принять во внимание, что, по недавно сообщенным в «П[етер]б[ургской] правде»[517] (или, может быть, тоже «Красной газете») данным, в первую половину года в Петербурге умерло 38 000 человек (родилось всего 5000), что составит в год (при такой же смертности во второе полугодие) около 10% (так как в Петербурге теперь вряд ли больше 750 000 жителей), и так как смертность идет crescendo[518], а рождаемость, как видно из приведенной цифры, почти прекратилась, то в этом предположении нет ничего невероятного.

И при всем этом мы бесплатно лечим больных, почта – бесплатная, обучение – бесплатное, кормим детей бесплатно (еще одно лицемерие – кормим их селедкой и черт знает чем, и притом, вопреки прямым заявлениям, тотчас же за введением бесплатных детских обедов последовало почти удвоение цены обедов для взрослых), вообще – у нас рай небесный.

Сегодня у меня опять зажглось электричество в 5 часов. Вероятно, потухнет в 9, и освещение с 5 до 9 войдет в норму. И то еще сносно. Хуже было, когда весь вечер сидели в потемках.

24 декабря (н. ст.) 1919 г. Около 10 декабря электричество стали давать довольно аккуратно, с 6 до 12, и, возвращаясь домой часов в 7 вечера, я надеялся, что сегодня вечером буду иметь возможность, пробегав все утро, проработать хоть несколько часов. Так было и дня четыре тому назад, и я думал: вернусь, часок проведу за дневником, пролью в нем свою скорбь и досаду, вызванную последними днями, а затем остальную часть вечера проведу за работой, и в голове складывался план записи в дневник. Но как раз в ту минуту, когда я вошел на наш двор, электричество потухло, и за несколько секунд двор, ярко освещенный светом из окон, погрузился во мрак. Во мраке должен был я подняться по лестнице, во мраке остаться в квартире и бродить по ней из угла в угол. Через час вернулась моя жена, и мы вместе с ней растопили печку в кухне и при свете ночника на жалкие остатки керосина сварили свой ужин и заварили чай (суррогат). Ни о дневнике, ни о работе нельзя было и думать. И, таким образом, настроение одного дня и факты, пережитые в последние перед тем дни, остались не занесенными на бумагу. Конечно, они будут занесены сегодня, но это не то; прошло несколько дней, свежесть тех впечатлений поблекла, накопились новые, а времени – немного.

И вот мне думается. Когда режим дурен, так дурен, как настоящий, то чем он хуже, тем для него лучше. Я не переоцениваю своего дневника, но тем не менее думаю, что и он имеет свое значение, – и вот одним штрихом в нем меньше благодаря тому, что со мной (как с тысячами других абонентов электрического общества) устроено лишнее безобразие. И ведь при свете этого электричества могли обдумываться другие нападения на режим, гораздо более сильные, чем какая-то запись в дневнике, которая в лучшем для него случае будет иметь значение только для оценки режима историей. Напротив, всякое ослабление гнета, всякое облегчение положения людей, – оно облегчает борьбу со строем. Не в этом ли разгадка, что режим Николая II, режим отвратительный, но все-таки не сравнимый с нынешним, и режим Керенского пали, а режим Ленина держится? Не правильно ли будет сказать, что если уже держишься террором, то не давай никаких поблажек, никаких смягчений, а веди свою линию до последних пределов? Конечно, на эту тему можно высказать очень много… Это сейчас не входит в мою ближайшую задачу описывать факты, одни факты… Возвращаюсь к ним.

В моем «дне» не хватает одного яркого штриха. Ни мне, ни моей жене не приходится дежурить у ворот ни днем, ни ночью. В

этом отношении мне посчастливилось. Другим приходится это делать. Это объясняется для меня, во-первых, моим возрастом (старше 50 лет), избавляющим от повинности[519], а во-вторых (и на этот раз так же и для моей жены) исключительным положением моего дома, – дома, принадлежащего советскому учреждению (Совнархозу, то есть, расшифровывая эту абракадабру, Совету народного хозяйства) и населенного исключительно советскими служащими. В силу этого он обслуживается специально нанимаемыми сторожами (и тут лицемерие – почему профессор, доктор и т. д. обязаны нести повинность дежурства, а какой-нибудь полуграмотный служитель в Совнархозе избавляется от нее? не потому ли, что туда берут почти исключительно определенных большевиков?), а жильцы избавлены от повинности.

В дополнение к сказанному раньше об электричестве. Теперь его дают с 6 до 10. Будет ли продолжаться так или сегодня же или завтра последует перемена, – не знаю.

Сегодня я ездил в Политехнический институт. Уже недели 2–3 назад произошло сильное сокращение трамваев. Целый ряд маршрутов, в том числе один из двух ходивших в Лесной[520], все трамваи, двигавшиеся по Невскому, этой самой оживленной артерии Петербурга, во всю его длину или в одной его половине, и многие другие отменены. А вместе с тем число вагонов остальных маршрутов не увеличено, по крайней мере сколько-нибудь заметным образом. Поэтому они переполнены еще хуже, чем раньше; масса публики, преимущественно женщины, не попадают в вагоны, так как красноармейцы, пользуясь своими кулаками, их туда не пускают. Один профессор из Политехнического института мне говорил, что, чтобы попасть в вагон, идущий в Лесной, он идет не на Михайловскую, его исходный пункт, а на Литейный, – садится там в вагон, идущий к Михайловской, и, заняв место, едет в Лесной, тратя таким образом и лишние три рубля, и лишний час времени, но зато попадая наверняка, не прибегая к помощи кулаков.

Все, таким образом, рушится, а в газетах каждый день читаешь: гром победы раздавайся[521]! Мы справились с Деникиным и почти справились с холодом! Да, сжегши почти 2500 деревянных домов в Петербурге. Да, отменивши половину трамвайных маршрутов! А все-таки с Деникиным и Юденичем они действительно справились. В чем причина этой победы? В газетах издеваются над нами, не понимающими этой причины, но мы в самом деле ее не понимаем. Возможно, конечно, что есть правда в сообщениях о том, что режим Деникина, Юденича и

других чуть ли не еще хуже, чем советский. Может быть…

Около Политехнического института снесена на дрова вся чудная Сосновская роща.

В Политехническом несколько зданий секвестровано в пользу разных учреждений и произведено «уплотнение». Профессору Левинсону-Лессингу из его довольно большой квартиры оставлена одна комната, и в ней он живет с женой и дочерью и в ней же работает. Свет там имеется с 7 до 11 вечера. Хороши условия для работы! А в газетах противополагают гуманное отношение советской власти к ученым негуманному Юденича. Другим профессорам тоже оставлено по большей части по одной, по две комнаты на семью. В остальных – студенты, канцелярии и аудитории.

В аптеках хвосты; в хвосте приходится стоять, чтобы подать рецепт, чтобы получить по рецепту, и последнее иногда по два раза. Скажут: лекарство будет готово через 24 часа. Придешь через 24 часа и, постояв полчаса в хвосте, узнаешь, что оно не готово, и на третий день приходится стоять еще раз. Масса лекарств (eserinum, nux vomica и другие) у Тилика[522] отсутствует вовсе. И еще нововведение. От вас требуют склянку. Если у вас ее нет, лекарства не получите. Вам выдают его в аптеке (не знаю, во всех ли аптеках, я беру у Тилика, Средний проспект, между 3-й и 4-й линиями), получая в виде эквивалента склянку за склянку, не иначе.

А на днях я видел в университете объявление: кто хочет получить какое бы то ни было удостоверение, тот должен представить четвертушку листа чистой бумаги. Никогда, кажется, не было строя, в котором бюрократизм был бы развит в такой степени, как теперь. Без разрешения, удостоверения нельзя ступить шагу. Карманы переполнены удостоверениями, без которых нельзя ходить: одно может понадобиться тут, другое – там. А бумаги нет. Бумажный кризис в бюрократическом царстве. Эта черточка весьма характерна для нынешнего времени. Чтобы купить лист бумаги, нужно получить удостоверение и разрешение, которые выдаются тоже на бумаге.

На женских курсах на мужской уборной красуется надпись: «Ввиду отсутствия воды закрыта». В нашем архиве несколько уборных заколочены без надписи. Отсутствие воды на курсах объясняется, вероятно, порчей какой-нибудь трубы в одном определенном месте, ибо кухня и столовая там еще функционируют. Закрытие уборных в архиве объясняется, кажется, тем же. В моей квартире вода исчезает на несколько

часов в сутки и притом в неожиданное время: иногда утром, иногда вечером, иногда днем. Но она исчезает тогда и в кране, и в уборной. Результаты легко себе представить…

Пока я заношу на бумагу мимолетные случайные впечатления. Хотелось бы перейти к систематическому рассказу о положении университета, о работе архива, об обысках, вообще рассказать связно более общие события моей жизни за последние два года, поскольку на них отразился ход общественной жизни, но не знаю, когда я смогу приступить к этому. Слишком мало времени остается: весь день приходится бегать, а вечером нет света, и если остается час-другой со светом, то хочется поработать.

Теперь работы будет меньше. Я имел заказ от фирмы Брокгауз – Ефрон на составление «Настольного энциклопедического словаря» (вроде павленковского). Платило мне издательство за работу помесячно, а печатать собиралось в более или менее неопределенном будущем. Третьего дня книгоиздательство национализировано[523]. Практически для меня это значит потеря четверти моего месячного заработка (а в университете и Политехническом платят со страшным запозданием: сегодня 24 декабря, а ни там, ни здесь не уплачено за вторую половину ноября, в Политехническом – даже за весь ноябрь; когда будет уплачено и будет ли, никто не знает). Морально: прекращение работы, которая давала мне отвлечься от злобы дня, забыться хоть на время от всех безобразий. Это личная сторона, а общественная – закрытие хорошего культурного предприятия, конечно, каждый оценит без всяких разъяснений.

17 января 1920 г. Я уже писал о положении аптечного дела. Еще одно замечание. Аптеки на Васильевском острове, оказывается, находятся почему-то еще в несколько лучшем положении, чем аптеки на той стороне. Вчера одна сослуживица просила меня купить в аптеке на острове касторового масла, и это потому, что на той стороне его нет. И она дала мне рецепт, – такую вещь, как касторовое масло, без рецепта уже не продают. Дала рецепт на 50 граммов; в аптеке же Тилика мне сообщили, что дают не свыше 30 граммов, даже по рецептам, – и фармацевт преспокойно исправил докторский рецепт и отпустил мне склянку касторки в 30 граммов за 6 рублей 50 копеек. Тут же я встретил знакомого, живущего, как мне известно, на Гороховой.

– Зачем пожаловали к нам на Васильевский остров?

– Да вот, в аптеку.

– Да разве у вас нет своих аптек?

– В них ничего нет.

Другого лекарства, для меня (глазные капли), у Тилика мне тоже не дали, так как у них нет ни eserini, ни pilocarpini – двух важнейших ингредиентов моих капель. Я пошел к Пелю[524] (7-я линия) и, к удивлению, там нашел и то и другое; к удивлению, ибо несколько месяцев тому назад у Пеля эзерина не было. Но зато у Пеля не оказалось hydrargyri bicyanatum, входящего в те же капли, и фармацевт, даже не ожидая моего согласия, со словами: «Есть hydrargyri cyanatum» – вычеркнул карандашом словечко «bi» на докторском рецепте[525]. Очевидно, исправление рецептов в аптеках стало правом фармацевтов. При этом фармацевт у Пеля по внешнему виду не обладает даже скромной степенью интеллигентности и выглядит как молодец из лавки старьевщика в Александровском рынке.

В аптеках развешено предупреждение Комиссариата здравоохранения об испанской болезни. В этом предупреждении каждый пункт вызывает на горькие размышления и сопоставления.

Там говорится, что теснота, скученность усиливают опасность заболевания. Спрашивается, не по этому ли соображению производится «уплотнение» квартир? Не по этому ли соображению профессорам Политехнического института оставлено на целую семью по комнате, а в другие комнаты напиханы студенты?

Там говорится о необходимости соблюдать чистоту. Не по этому ли соображению вода дается в квартиры по несколько часов в сутки, а иногда не подается по целым суткам? Не по этому ли соображению моя мать, живущая в национализированном доме, не может добиться того, чтобы были починены лопнувшие трубы в уборной, и принуждена жить в нестерпимой вони?

Там говорится о необходимости при первом признаке болезни обращаться к врачу. Не ради ли этого десятки врачей, как и других лиц, отправляются на недели в тюрьмы без всякого повода, без всякого объяснения? Не по тому ли соображению в некоторых домах запираются ворота в 9 часов вечера и вход и выход посторонним после этого часа, следовательно и врачам, запрещен? (Это не во всех домах, а в некоторых, даже немногих, но ведь теперь у нас своеобразная федерация, и в каждом доме свой комбед распоряжается самостоятельно. Надпись подобного рода я видел сегодня на воротах дома № 19 по 6-й линии.)

И много другого в том же роде.

В настоящее время все или почти все книжные магазины – Вольфа, Суворина, Карбасникова и других – заперты. Чтобы

купить книгу, требуется особое разрешение. У кого? Толком этого никто не знает.

Лемке, редактор собрания сочинений Герцена, еще в 1917 г. прислал мне первые 8 томов своего издания[526]; любезно прислал и подписной лист на следующие тома. В настоящее время вышли 9-й, 10-й и 11-й тома под его же редакцией, но уже не в его издании, а в каком-то большевистском[527]. Однако он мне сказал, что подписной билет сохраняет свою силу, только книги не присылают на дом, а нужно сходить в издательство Комиссариата просвещения: Фонтанка, 61. Туда отправилась моя жена и узнала, что там действительно получить книги можно, но только с разрешения, которое выдается в каком-то учреждении: Невский, дом бывший Зингера[528]. Она пошла туда. Но в тот день не изволил пожаловать секретарь, и потому разрешение получить было нельзя. Дня через два она пошла вновь, на этот раз застала и разрешение получила. Теперь надо идти на Фонтанку. И это теперь, когда трамваев, можно сказать, нет, а теми, которые есть, нельзя пользоваться вследствие их переполнения.

Она же была свидетельницей разговора в университете одного (незнакомого ей) студента с революционной «тройкой» (или «пятеркой»), заведующей раздачей хлеба и многими другими отраслями жизни студенчества.

– Мне нужно купить несколько книг. Без разрешения не продают, а кто даст разрешение, не говорят. Не вы ли?

Тройка была сконфужена: не знала, она ли может выдать подобное разрешение или нет, и обещала через несколько дней навести справку и дать ответ.

А между тем книги издаются разными большевичьими учреждениями, и сами эти учреждения ставят такие преграды к распространению собственных изданий.

Вчера моя жена встретилась с любопытной барышней, которая до некоторой степени довольна существующим режимом. Она иностранка, дочь очень богатого коммерсанта, владельца магазина на Невском. Вместе с тем курсистка. Родители ее, конечно, разорены, и в настоящее время она своей службой в столовой курсов является поддержкой семьи. К этому можно прибавить, что она недурна собой, видимо, знакома с флиртом, – теперь принуждена разливать суп грязной ложкой в грязные миски в грязной и вечером темной столовой. Казалось бы, налицо все условия для крайнего озлобления. В действительности – как раз наоборот.

– Говорят, что скоро иностранцам будет позволено выехать за границу; мои родители только об этом и говорят; а я не хочу, мне

здесь хорошо.

– Как хорошо? Что вам здесь нравится?

– Да как вам сказать? Прежде поезжай на курсы не иначе как в автомобиле, с курсов – не иначе как в автомобиле, в гости – не иначе как с горничной; одна на улицу – ни-ни. А теперь я куда хочу, туда иду.

Таким образом, большевистский режим освободил ее от гнета буржуазно-аристократической домашней обстановки, и она этим довольна. Может быть, и тем, что она, вчера еще девчонка, может быть, любимая фарфоровая куколка, теперь опора семьи. При этом она не сделалась большевичкой, понимает и признает, что режим дурен и, говоря вообще, тяжел; но лично для нее работа не в тяжесть, а свобода от домашнего деспотизма оказалась достаточно сладкой, чтобы искупить другие недочеты режима.

Нужно заметить для объяснения, что служит она в столовой, где служащие воруют припасы вовсю. Соответственно и она охулки на руку не кладет и потому вовсе не страдает от того, что для нас, остальных, может быть, является главным бедствием режима, – от голода. Эти кражи стали настолько общими, что нравственного чувства они не коробят, как в гоголевские времена не коробила «благодарность», – и хорошенькая молоденькая барышня-курсистка, вероятно не чуждая разных общественных идей, преспокойно уносит домой целые караваи хлеба, мешки крупы, муки, картофеля и т. д.; вероятно, и ее отец, честный голландец-коммерсант, так же спокойно пользуется приносимым дочкой провиантом, как она его приносит. Но все-таки это довольство своей судьбой в наше время изумляет. Я счел нужным отметить его: это первый известный мне случай такого рода. Другие довольные, которых я встречал, это ленинцы или полу-ленинцы, сделавшие себе благодаря режиму действительную карьеру, а не заполучившие место вроде горничной в столовой, хотя бы и с возможностью воровать.

Сегодня узнал, что в Иваново-Вознесенске умер Вл[адимир] Матв[еевич] Гессен от сыпного тифа[529]. Очень жаль: крупная величина в науке и очень хороший человек. Смертей вообще много. Недавно, в течение месяца или двух, умерли Ходский, Иностранцев, Беклемишев и кто-то еще.

7 февраля 1920 г. Сегодня нам, служащим в архиве, выдали так называемые трудовые карточки, то есть карточки на трудовой обед и на дополнительную четверть фунта хлеба в день. Это великая милость: право есть обед в два блюда, из которых одно – общее для всех граждан всех категорий – суп без мяса, без масла,

обыкновенно из одной капусты, а второе, специально свойственное «трудовым обедам», – довольно сытная каша. Итак, мы почти сравнены с пролетариями (конечно, не в хлебе, – хлеба тем дается куда больше). Слава богу, мы все очень рады, чуть не счастливы.

Но сколько возни с этими карточками! Надо их прикрепить в определенных столовых и кооперативах; для этого надо открепить ранее имевшиеся у нас другие, обычные карточки; нужно, чтобы карточки были скреплены различными печатями разных учреждений и подписями «промышленной тройки». Хлеб по новым карточкам выдается только в будни и только в дни, когда мы работали; поэтому на карточке штемпель должен ставиться каждый день. Поэтому нужно постоянно иметь эти карточки на руках, и фактически по ним не может получать никто посторонний (кроме сослуживца): нужно получать хлеб лично, простаивая по часу в хвосте. Вся эта система штемпелей и подписей настолько сложна, что усвоить ее не в состоянии не только я, но и наша архивная тройка, – и в первый раз она поставила штемпеля и подписи не так или не там, где следует, и в первый день по получении карточек и права на трудовой обед такового не получили. «Тройка» извинялась неопытностью, но обед так и пропал.

Все это требует целых дней беготни, отрываемой от службы, изнашивания сапожных подметок, мускулов и нервов. Ведь изумительная бестолковщина.

Кроме того, я, как профессор, получил ученый паек и с завтрашнего дня (если и тут не выйдет какого-либо недоразумения из-за непоставленного штемпеля) буду получать 1½ фунта в день. Таким образом, на мою долю будет приходиться в будни 1¾ фунта (общегражданские ⅜ я теряю), в праздники 1½; на долю жены в будни ⅜ + ¼ = $^{5}/_{8}$, в праздники ⅜, итого в среднем на каждого из нас около 1 фунта в день. Но сколько зависти, интриг, мошенничеств породили все эти пайки, вся эта неравномерность.

В архиве у нас имеется группа «старых революционеров», получающих революционный паек – нечто такое, что вызывает всеобщую зависть[530]. В него входит в месяц, кажется, 20 фунтов муки, что-то очень много крупы, кажется, 4 фунта масла, 4 фунта сахара, шоколад и т. д., словом – умирать не надо[531]. И само собой разумеется, что в число старых революционеров входят люди, о революционных заслугах которых никто никогда не слыхал[532]. Получал его Сильчевский, ныне умерший, революционные заслуги которого весьма проблематичны. Всего любопытнее, что вся эта иерархия, со всеми интригами и

гадостями всех иерархий, есть целиком создание государства, называющего себя социалистическим.

Мы, служащие архива, делились на 25 разрядов. Наше ближайшее начальство Шилов[533] – архивист 25-го разряда, 5 или 6 человек – архивисты 24-го, я и многие другие – 23-го, затем идут низшие разряды.

В Политехническом институте свет зажигают теперь в 9 часов вечера. Моя лекция происходит в 7 при свете тусклой керосиновой лампы. Но все-таки я в последний раз читал.

Да, забыл сказать, что я имею право еще на политехнический хлебный паек – ⅛ фунта в будни. Но там почему-то запрещено выдавать хлеб по доверенности; он всегда был порциями по 1½ фунта в две недели (и то в неопределенные дни); не угодно ли из города нарочно ездить в Политехнический институт за 1½ фунтами хлеба, да еще не зная, когда он будет выдаваться!

Любопытный вид представляют улицы Петербурга! Извозчиков почти нет, пешеходы ходят посередине улицы, и там же на санках они возят дрова и разный товар. Иногда очень тяжелые сани с дровами тащат две-три девочки 12–14 лет, а то и меньше. И далеко не на одних «буржуев» выпадает это бремя: беспрестанно видишь женщин, девочек, мальчиков из рабочего класса, которые надрываются, исполняя лошадиные обязанности. То, что в буржуазной монархии исполняли лошади или машины, теперь делают люди, часто даже дети.

На прошлой неделе были морозы. Во многих домах замерзли трубы и воды не было; приходилось носить воду ведрами из соседних домов. В нашем прекрасно выстроенном доме вода замерзла на трех или четырех лестницах, а на одной или двух не замерзла, и я носил воду из одной из соседних квартир, следовательно – сравнительно недалеко. Дохозяйничались! Два года потребовалось для того, чтобы испортить дом. Впрочем, у нас трубы только замерзли; во многих домах они полопались. Что-то будет на третью зиму?

Я уже писал о том, что книги теперь продаются лишь с особого разрешения. Но прежде я думал, что разрешение, по крайней мере, дается легко и является только формальностью, требующей беготни и стояния в хвосте, но всегда увенчивавшейся успехом. Но оказалось, что я ошибаюсь.

Сегодня ко мне обратились с просьбой взять на свое имя разрешение на приобретение сочинений Герцена для другого лица, которое, не имея формальных на то прав, не могло добиться

такого разрешения. Вспоминаю, как лет 30 тому назад я искал какого-нибудь профессора, который выхлопотал бы для меня право на приобретение заграничного (тогда запретного) издания сочинений Герцена. Теперь я в качестве профессора имею право приобрести уже не запретного, а изданного правительством Герцена и могу сделать это для другого лица. Но, на беду, я только что приобрел его для себя. Авось об этом не вспомнят и дадут право на второй экземпляр. Но, боже, что за нелепость! Мало того, что существует своеобразная цензура, не разрешающая печатать известных книг. Книги разрешенные, книги, печатаемые с особого благословения правительства, – их могут покупать только лица, кому они нужны для занятий и кто может эту свою нужду мотивировать какими-нибудь формальными основаниями.

Когда я – после долгих хлопот – вчера, наконец, получил в государственном книгоиздательстве (Невский, 28) пять томов Герцена (IX–XIII) и выходил с ними через выходную дверь, то я был остановлен швейцарихой или сторожихой.

– В чем дело?

– Пропуск.

– Какой пропуск?

– Для книг.

Оказалось, что, выходя из книгоиздательства, при котором имеется и магазин, необходимо иметь пропуск для книг, иначе не выпускают. И оказалось еще, что секретарь книгоиздательства (Белопольский), который вручил мне тома Герцена, этого не знает или это забывает. Я должен был вернуться к нему за пропуском и получил его.

– Неужели в социалистической республике социализм привел к тому, что все проворовались или находятся в подозрении и без строжайшего контроля никого нельзя выпускать? – спросил я его.

Он не ответил.

И тут рядом с нелепым бюрократизмом и крайней подозрительностью поражает изумительная бестолковщина, неосведомленность чиновников в своих обязанностях.

8 февраля 1920 г. Сверх всякого ожидания, получил первую выдачу продуктов по ученому пайку без особых затруднений и даже без стояния в хвосте, сразу. Выдали 18 фунтов хлеба (по расчету с 1 по 12 февраля по 1½ фунта), 15 фунтов картофеля, 5 коробочек спичек и ½ фунта шоколада. Следующая выдача – 12 февраля – 4½ фунта хлеба (по 15 февраля), 15 фунтов крупы или муки, 2¾ фунта сахарного песку, сколько-то табаку и соли. Кстати, читатель может подумать, что все это выдается даром и потому все так радуются. О, нет. За это с нас взыскали вперед

3000 рублей. Не знаю, на какой срок хватит этих 3000 рублей и по какому расчету будут оцениваться продукты. Я слышал, будто из них 1000 рублей взимается за организацию дела в течение года, то есть за ворох бумаг и бутыль чернил, которые будут изведены на запись, прикрепление, открепление и т. д. каждого ученого и труд, истраченный на все это (в таком случае очень дешево), и 2000 рублей за продукты в феврале. Так ли это – не знаю.

Но трудовые обеды мы получили бесплатные. В некоторых учреждениях, например в Публичной библиотеке, выданы карточки на платные трудовые обеды; у нас бесплатные. И сегодня, наконец, в первый раз мы с женой могли получить эти обеды (тогда как карточки и, следовательно, теоретическое право на них выданы уже 2 или 3 февраля).

Бесплатные обеды выдаются в детских столовых, и мы должны были прикрепиться к одной из таковых. Мы прикрепились в столовой на углу Английской набережной и Замятина переулка и сегодня обедали. Там сравнительно с другими столовыми чисто и сравнительно хорошо[534]. Конечно, такой буржуазной выдумки, как скатерти, там тоже нет, как их нет нигде в социалистической республике. Но все-таки сравнительно чисто, потому что имеется прислуга, которая подает обеды и, очевидно, следит за относительной чистотой (в других столовых нужно кушанья брать самим). Воздух сравнительно чистый. Обеды из двух обычных блюд трудового обеда даются в посуде (это не везде), но без ложек; ложки надо приносить самим. В августе в Старой Руссе я видел в столовой курорта, как одна женщина-работница, очевидно не имея ложки, вылизывала кашу с тарелки, как это делает собака, и делала это не раз, а ежедневно, когда я ее там встречал[535]. Здесь, как и вообще в Петербурге, я этого не видал, но возможность подобного потребления пищи, конечно, не исключена. Грязные ложки приходится класть в карман – вымыть негде. В столовой тепло, но все сидят в шубах, – раздевание вообще в учреждениях социалистической республики отменено, уничтожены вешалки и швейцары при них. На второе блюдо нам дали «мясной гуляш» – конечно, из конины. Но я уже более двух месяцев не видел мяса, хотя бы и конского. Гадость порядочная, и после него чувствуется боль в желудке.

1 мая 1920 г. Вчера я вернулся из краткой поездки в Жлобин, куда ездил (с женой) в командировку[536]. Близ Жлобина – военные действия; над нашими головами летал польский аэроплан, и его обстреливали с какой-то батареи поблизости от Жлобина; даже я

при всей своей глухоте слышал канонаду.

Впечатлений не особенно много. Наиболее сильные – от самой поездки, в особенности от обратной. Мы ехали туда и обратно в международном вагоне, куда попадают немногие счастливцы и где недурно. Грязь, конечно, гораздо хуже, чем была прежде; есть разбитые стекла; где они не разбиты, там окна по большей части не отворяются. Света ночью нет, господствует полный мрак. Но все-таки у каждого целая скамья, спать можно.

С нами в вагоне была главным образом большевичья аристократия: красноармейцы, многие с современными орденами, почти все с отвратительными, глупыми и наглыми рожами. Демократическую публику в вагон не пускают, для этого у дверей на станциях ставят вооруженную стражу. И все-таки она взбирается если не внутрь вагона, то на площадку, и висит на ступеньках, уцепившись за поручни.

Напротив, в остальных вагонах, исключительно теплушках (классные вагоны отменены), набита публика, как скот. Сидит на полу, стоит в открытых дверях, не имея места, чтобы пошевельнуться. Противоположность между аристократией и демократией куда более резкая, чем в старое время, только аристократия-то вся новая. И чувство зависти и злобы у демократии к аристократии едва ли не острее, чем раньше. Я это заметил моему спутнику по купе, красноармейцу. Он возразил:

– Нас при царе в таких же теплушках возили. Правда, только зимой топили, а теперь не топят. А тоже было тесно.

Этот спутник очень характерен. Грубое лицо, совсем не интеллигентное. У него совсем молоденькая жена, недурненькая, видимо, барышня из общества. Я с первого взгляда решил: по старым понятиям – мезальянс, а теперь барышня продала себя за карьеру, за красноармейский паек. По-видимому, так это и есть, только барышня сохранила самостоятельность убеждений: он, большевик, защищает все меры большевиков, в том числе и борьбу со спекуляцией, а она возражает ему, защищает спекуляцию и признает, что все идет к разрушению. Впрочем, и он, защищая борьбу со спекуляцией, противореча себе, нападает на ту форму этой борьбы, от которой непосредственно страдает сам: обыски в поезде. Пока мы ехали туда, у нас было 4 обыска, на возвратном пути – 5.

Приходят в вагон и тщательнейшим образом обыскивают багаж у всех поголовно, обыскивают крайне грубо, перерывая все, не стесняясь мять белье, платье и предоставляя публике убирать после них. У одного красноармейца отобрали, кажется, 30 фунтов муки и еще что-то; он ругался и клянчил. Ему предложили просить в Петербурге, чтобы ему возвратили взятое, – «а мы здесь

не можем». Любопытно, что, клянча и жалуясь, он все время ссылался не на общее безобразие такой меры, а на свое привилегированное положение: он-де красноармеец, защищает социалистическое отечество.

Между Могилевом и Витебском поезд вдруг остановился среди поля. Часа два постояли, потом тронулись. В чем дело? Еще через полчаса выяснилось. К нам в вагон пришли два железнодорожника собирать пожертвования на трех мальчиков, которые спасли наш поезд от страшного крушения. Оказывается, лопнул рельс среди поля и притом там, где поезд идет по насыпи и притом под углом. Если бы поезд не был остановлен, то мы скатились бы с насыпи и весь поезд обратился бы в обломки. Но из мальчиков один сел на рельсы, а двое побежали навстречу поезду, махая руками, и машинист вовремя затормозил поезд. Публика бросала в сумку железнодорожников 50- и 100-рублевые бумажки; собралось, вероятно, несколько десятков тысяч рублей.

Я высказал сомнение:

– А нельзя ли предположить, что эти же мальчики и развинтили рельс, чтобы иметь возможность спасти поезд?

– Нет, это мальчики известные, дети местного железнодорожного служащего.

– А что же делал сторож, обязанный обходить участок?

– Он спал.

Ответ звучал эпически. «Он спал» – за это мы заплатили несколько десятков тысяч рублей и можем быть благодарны, что целы.

Проехали мы еще часа три. Опять остановка. В чем дело? Оказывается, локомотив не везет, испортился. Стояли мы часа два, пока не прислали сзади нового локомотива. Он подошел к поезду сзади и, толкая, дотащил нас шажком до станции; там перепрягся, и мы поехали.

Еще час – и локомотив начал уставать. Постоит, постоит минут десять, соберется с силами, тронется. Едет на пригорок – втащить поезда не может. Возвращается назад версты на две, разбежится, с разбегу въедет на пригорок, а там опять станет. Так мы тащились еще несколько часов, пока не доехали к вечеру (с опозданием более чем на 12 часов) в Витебск, где нам впрягли третий локомотив, с которым мы поехали благополучно.

Итак, три приключения на одном пути от Жлобина до Петербурга, и причем все три на одном участке (между Могилевом и Витебском) в один день.

Ясное свидетельство полной разрухи.

О разрухе, впрочем, слишком известно, чтобы стоило доказывать ее наличность.

Мне рассказывал один очень осведомленный в железнодорожном деле человек, что теперь беспрестанно случаются перед Петербургом на Сортировочной или вблизи ее крушения поездов, везущих что-нибудь особенно ценное,

например сахар. Иногда же дело обходится и без крушения, обходясь выламыванием крыш. Другой, тоже осведомленный человек говорил, что все станции от Петербурга до Москвы забиты больными паровозами, которые не умещаются в депо, а ржавеют под снегом и дождем. Цифры, приводимые в газетах, об исправленных вагонах и паровозах или неверны, или односторонни (то есть, сообщая о числе исправленных паровозов, газеты скрывают данные о вновь заболевших и ничего не говорят о характере исправлений). Я тоже видел на своем пути громадное число совершенно испорченных вагонов.

Случай с нашим несостоявшимся крушением навел меня на интересное сопоставление. В «Семи повешенных» Л. Андреева говорится о министре, пережившем сильный страх, даже ужас, когда он узнал о том, что счастливо избег смертельной опасности[537]. Насколько я мог заметить, в нашем вагоне положительно никто, ни из мужчин, ни из женщин, страха не испытал, и я ставил себе даже вопрос: да и можно ли испытать страх задним числом, когда знаешь, что опасность миновала? Думаю, что нет и что рассказ Андреева психологически совершенно неверен.

Когда мы вернулись в Петербург около 10 часов вечера, перед нами стояла задача, как доставить домой наш багаж, хотя и не тяжелый, но все-таки такой, что снести на руках его невозможно (чемодан около 1 пуда[538] и всякие мелочи фунтов на 20). Оказалось, что вместо извозчичьего образовался новый промысел: возка багажа с вокзалов на ручных тележках. Занимаются этим промыслом преимущественно женщины, а характер он имеет совершенно такой же, как прежде извозчичий. Перед вокзалом стоят десятка два тележек, и преимущественно бабы, но частью и мужики наперерыв сбивают друг перед другом цены. С нас спросил один мужик (от Царскосельского вокзала на Васильевский остров) 2000 рублей; баба повезла за 1200. Везла она рысью, вприпрыжку, особенно поднимаясь на крутые места. Мне несколько раз хотелось помочь ей, но она бежала так быстро, что мы с женой, свободные от багажа, не без труда поспевали за ней. Итак, женщины заменили лошадей и за плату, равную 4–5 фунтам черного хлеба, везут довольно громоздкую тележку. Но все-таки мы наняли не за хлеб, а за деньги. А сегодня один знакомый мне рассказывал, что он недавно нанял бабу свезти на тележке дрова за 2 фунта хлеба. Баба везла, он шел барином. Таков уровень заработной платы в социалистической республике! И таков род и характер труда!

4 мая 1920 г. 1 мая я видел процессии по поводу Первого мая.

Народа было много, и на некоторых процессии произвели величественное впечатление. Я видел, как несут сделанный из картона локомотив (не модель, а вырезанный рисунок локомотива), пароход и т. д. как символы труда, сделанные уже в виде модели гигантские плоды – арбузы, виноград и т. д. как символы изобилия плодов земных в социалистической республике, но на меня это все произвело впечатление скорее карикатуры.

На площади между Зимним дворцом и Адмиралтейством кипела работа. Работающих было действительно очень много, гораздо больше, чем это соответствовало характеру и значению работы: убирали решетку, сломанную уже полтора года тому назад, и груды железа и кирпича, валявшиеся в течение этих полутора лет после разрушения решетки. Сегодня на улице я видел номер РОСТА (Российское телеграфное агентство) со статьей в таком роде: она, наконец, убрана, эта мозолившая всем глаза решетка. Убрана, но не совсем: кирпичи действительно унесены, но обломки железа не увезены, а поставлены в некотором относительном порядке в определенных местах. Рельсы, наскоро положенные для тачек, не убраны. И вообще порядка нет: садом перед дворцом как садом пользоваться нельзя, по крайней мере в полной мере. А между тем разрушение, хотя даже оно произведено не вполне, обошлось, наверное, во много десятков раз дороже, чем стоило в свое время сооружение.

Но как можно было заставить людей работать в такой пролетарский праздник, как 1 мая? На это дают ответы некоторые из бесчисленного множества плакатов, развешанных по улицам. Наряду с плакатами, говорящими о празднестве, имеются такие, в которых говорится, что великий праздник труда не должен быть посвящен праздности, но нужно в этот день показать и умение трудиться. И вот перед Зимним дворцом (и, говорят, еще на Марсовом поле) был произведен символический труд: здесь убирали намозолившую глаза (благодаря бессмысленному разрушению, произведенному той же властью) решетку. А там была посадка молодых кустов и деревьев, долженствующая обратить Марсово поле в цветущий сад. Я этого не видел.

Узнал я в эти дни по возвращении из поездки мало нового. Вот немногое.

Недели две тому назад в газетах появилась телеграмма (я ее читал в Жлобине), что из Америки в Советскую Россию прибыли 200 паровозов. А дня через два – поправка: паровозы прибыли не в Советскую Россию, а в Эстонию, по заказу эстонского правительства (этой поправки я не видел).

В Москве арестованы Крохмаль и другие наиболее видные деятели кооперативов, через которые Эстония должна была вступить в товарообмен с Советской Россией. Таким образом, дело товарообмена, о котором так много говорилось после мира с Эстонией, ликвидировано и самый мир, как и следовало ожидать, оказался пуфом. Несомненно, то же будет и с финляндским миром[539].

Сегодня перед зданием Государственной думы я видел памятник Лассалю[540]. Три недели тому назад (перед моим отъездом) у него отвалился затылок и голова Лассаля зияла громадной пустотой. Оказалось, что памятник починен, и починен недурно: при самом внимательном осмотре я не мог заметить шва. Уже года два назад развалился Радищев (перед Зимним дворцом) и убран; убрана Софья Перовская перед Николаевским вокзалом (в газетах было объяснено: так как памятник оказался непонятным пролетариату); разваливается понемногу Володарский[541]; потребовал починки Лассаль. Интересен этот памятник. Кроме наглости в задранной кверху голове, скульптор не нашел в Лассале ни одной черты, заслуживающей увековечивания.

20 мая 1920 г. Сегодня я проходил Марсовым полем и видел посаженные на нем растения. Многие принялись, другие, видимо, сохнут. Последних едва ли не больше, чем первых. На дорожках валяются камни и кирпичи.

Вопрос, который постоянно меня глубоко интересует и на который я не решаюсь дать категорический ответ: рядом с тем разрушением, которое явно идет, нет ли процессов, говорящих о созидании? Я их не вижу или вижу слишком мало, чтобы они могли идти в какое-нибудь сравнение с процессом разрушения. Но, может быть, они все-таки идут?

Одно несомненно. С тех пор как я получил ученый паек, я питаюсь хотя и скверно, но все-таки лучше, чем весь прошлый (1919) год, когда я постоянно чувствовал себя голодным. То же самое испытывают очень многие – все профессора, и некоторые склонны говорить, что питание вообще улучшилось, что в области снабжения Петербурга продовольствием произошло улучшение. Когда я указывал на людей не служащих или не служащих на казенной службе, то получал в ответ, что их положение действительно ухудшилось, но численно они составляют слишком ничтожную группу.

Сегодня я видел одного железнодорожника. Полтора года назад, когда я с ним виделся в последний раз, он питался лучше моего и вообще был поставлен лучше моего. Теперь он поставлен

значительно хуже меня и жалуется на голод, на то самое, от чего я страдал весь прошлый год. Таким образом, значительная часть даже служащих оказывается в положении худшем, чем раньше, а мы просто оказываемся вытянувшими счастливый жребий.

24 мая 1920 г. В столовой, где я получаю трудовой обед, вот уже с месяц красуется объявление: «Выбирайте контроль! Отнеситесь более внимательнее (sic), чем на прошлых выборах», и т. д. Подпись: «Избирательная тройка». А рядом еще дня три назад красовалась другая надпись, теперь почему-то снятая, в которой говорилось, что столовая – дело граждан, что в ней заинтересованы все, что поэтому все граждане должны помогать ее строить; все граждане получат в ней сытный и вкусный обед, родители напитают здоровой пищей своих детей и т. д., и потому все должны отнестись внимательно к делу выборов контрольных комиссий. Под этим печатным плакатом кем-то была сделана карандашная приписка: «А где свобода выборов?» Любопытно, что приписка, сделанная, очевидно, противником большевиков, написана большевичьей орфографией[542]: лишнее доказательство, что в этой области большевики победили.

Таким образом, избирательная тройка позволяет себе опорочить предыдущие выборы контролеров. Имеет ли она к этому какие-нибудь объективные основания или недовольство составом вследствие несогласий, не знаю. Но ехидный вопрос: «А где свобода выборов?», очевидно, имеет большое значение. Выборы – везде, там, где они не имеют никакого смысла; как, например, выбирать в столовой, где я никого не знаю, где я схожусь с незнакомыми даже по имени людьми, меняющимися в зависимости от часа, когда я прихожу в столовую? И сколько времени нужно тратить на все эти выборы, если относиться к ним серьезно? Не ясно ли, что старая ресторационная система гораздо удобнее, так как при ней я могу выбирать не людей, которых не знаю, а ресторан, в котором меня лучше кормят?

В моей столовой вывешивается постоянно объявление о том, сколько каких продуктов положено в какое кушанье. В суп и в кашу на 100 порций кладется один-полтора фунта соли. Между тем и то и другое совершенно несолено. Нет сомнения, что соль, цена которой теперь на рынке не менее 600 рублей фунт, разворовывается. Вероятно, разворовываются и другие продукты.

В прошлом октябре нашему архиву было предписано значительную его часть запаковать в ящики и отправить в Москву, где находится Рязанов и куда он пожелал перевести весь или большую часть архива; запаковка производилась спешно, днем и

ночью, причем служащим обещали за вечерние и ночные часы особую плату, притом в увеличенном размере. Плата эта уплачена не была – почему, никто не знает. Служащим, работавшим в эвакуируемой части архива, было предложено либо переехать в Москву, либо взять отставку. Кажется, все без единого исключения предпочли последнее.

Было упаковано около 200 громадных ящиков, которые на 5 или 6 грузовых автомобилях отправили на Николаевский вокзал. Несмотря на неуплату вознаграждения за упаковку, обошлось это удовольствие, конечно, страшно дорого – ящики, гвозди, веревки, автомобили и т. д. На Николаевском вокзале эти ящики пролежали более полугода и теперь, частью попорченные мышами, за невозможностью доставить в Москву возвращены в архив[543]. Архив занят обратной их разборкой; служащие занимаются этим делом и злорадствуют. Интересно, будут ли приняты на службу уволенные?

7 июня 1920 г. Я уже как-то описывал свой день. Повторю это еще раз. Сегодня мы с женой пошли за ученым пайком. Должны были нам выдать 12 фунтов хлеба, 7½ фунтов рыбы, масло, спички, шоколад, перец, лук, итого – более полпуда, и причем вещей не особенно портативных, по крайней мере, при отсутствии удобных для всего помещений. Поэтому мы и пошли вдвоем.

Кроме того, я взял 1) прошение моей матери о назначении ей ученого пайка и 2) мое собственное прошение о выдаче мне носков. Это последнее было написано потому, что я прочитал объявление, что ученые, получающие паек, могут подавать заявления о выдаче им носков, если у них таковых нет. А я уже всю зиму ходил без носков, надевая сапоги прямо на голую ногу[544]. Пробовал обертывать ее в газету, но как-то это не пошло, газета рвалась, и приходилось обходиться без всего. И вот на просьбу матери получил: об ответе справьтесь в начале июля, а на мою: об ответе справьтесь осенью. Итак, в социалистической республике следует годами ходить без носков.

Паек получили сравнительно быстро, но оказалось, что хлеба, о выдаче которого сегодня красовалось и красуется и сейчас объявление, налицо нет и потому за ним рекомендуется прийти завтра или послезавтра. Итак, два раза следует приходить за одной выдачей. Приходить вдвоем было совершенно бесполезно, и время одного из нас было потеряно совершенно бесплодно.

Мы пошли в Петрокоммуну[545], где на прошлой неделе получали по докторскому рецепту некоторые продукты и где нам не выдали рыбы (корюшки) и масла, за которое мы, однако, уже тогда уплатили деньги и на которые имели ордер; тоже почти

всегда приходится ходить два, а то и три и более раз. Пришли мы после часа (так как перед Домом ученых[546] мне нужно было зайти еще в университет за некоторыми бумагами, и там меня тоже задержали), и оказалось, что Петрокоммуна, открытая всего до 4½ часов, днем еще закрывается на время обеда – не то на час, не то на два. Итак, туда следовало сходить еще раз.

Я пошел на службу, в архив, и пришел в 1½. Это вместо 11. И так поступаю не я один, – все, и иначе поступать нельзя: то за ученым пайком, то за дровами, то за третьим, за четвертым приходится простаивать целые часы, а то и дни.

В два я ушел завтракать в столовую по соседству. Это наше право: не отказываться же потому только, что меня задержали в Доме ученых. Так как я думал, что из Дома ученых пойду домой, там захвачу хлеб и ложку и с ними пойду в столовую, то на этот раз мне пришлось завтракать «трудовым обедом» без хлеба; при трудовом обеде хлеб не полагается. Жестяную ложку дают под залог карточки. Обед дали опять совершенно без соли. Соли отпускается достаточно, но социалистическое воспитание воспитывает воров, и потому служащие в столовых разворовывают соль, а вероятно, и многое другое.

В 2½ вернулся в архив, в 3½ ушел из него в Петрокоммуну. Там мне нужно было получить взамен прежнего ордера новый, помеченный новым числом; для этого понадобилось получить одну бумажку у заведующего распределением, который удостоверил, что двух вещей я действительно не получил; одной из них, корюшки, не оказалось и на этот раз, и свежую рыбу пришлось заменить селедкой. Затем с этим удостоверением надо было получить ордер, а касса должна была удостоверить, что деньги уплачены еще в прошлый раз, итого три хвоста, правда не длинных. Затем длиннейший хвост за маслом и более короткий у селедки. Итого стояние в пяти хвостах у меня отняло 1 час 20 минут, и я ушел из Петрокоммуны только в 5 (официально она закрывается в 4½, но пришедшие раньше этого срока удовлетворяются). И на придачу – страшная усталость. Стоять приходится в тесноте, в духоте (конечно, все курят в самую физиономию соседу), в грязи. Продукты выдаются без мешков и только некоторые в бумажке; для сахара, например, приходится иметь свой бумажный или иной мешочек. Иначе не получите (как в аптеке не получите лекарства, если у вас нет склянки).

Вот день. И таких дней много, очень много.

Кстати, я забыл рассказать об одном факте, ставшем мне известным уже около месяца назад.

В начале мая я в той же Петрокоммуне получал, тоже по

рецепту, некоторые продукты. В том числе мне было разрешено получить один фунт шоколада. Но шоколада не оказалось, причем заведующий любезно объяснил:

– Шоколад у нас был в достаточном количестве, но только сегодня мы должны были отдать весь для английской делегации[547].

Итак, английскую делегацию подкупали, между прочим, шоколадом, отобранным от больных. Интересно, знает ли она об этом и понимает ли? Оценила ли она это в достаточной мере?

Недели две тому назад (помнится, в среду, 26 мая) в «Правде» было сообщено, что колчаковское правительство предано суду[548], причем ему инкриминированы два «тягчайших преступления»: введение закона о смертной казни и разгон Сибирской областной думы[549]. Вот лицемерие! Шекспиру, когда он писал своего «Ричарда III», такое и во сне не виделось.

На этих днях в двух газетах одновременно были помещены статьи о том, что в трамваях и на улицах слышатся речи, что «так дальше жить нельзя». Обе газеты на разные лады ругают так говорящих, но любопытно, что наконец-таки власть имущие сами услышали такие речи.

Лето. Погода хорошая, перепадают дожди, не очень жарко. Улицы, по которым езды почти нет, заросли травой и стали красивее. Воздух в городе лучше, чем он бывал в прежние годы. На моем балконе, выходящем на Неву, он очень хорош, почти дачный. Нет запаха асфальта, который топят; нет клубов вонючего дыма, выбрасываемого пароходами.

Между тем грязь в Петербурге ужасная. На лестницах вонь; около закрытых и незакрытых павильонов общественного пользования вонь; на спусках к Неве вонь. Ничто не убирается, все гниет. Но вонь только на очень ограниченных участках, а подальше она не чувствуется. Ясно, что фабрики, лошади, езда, пароходы, многолюдство отравляют воздух гораздо хуже, чем самая страшная человеческая грязь, и мы видели в Петербурге один из немногих положительных результатов деятельности большевиков – улучшение воздуха. Да, Петербург понемногу обращается в руины, если хотите, в кладбище, и воздух в нем как на сельском кладбище.

Не этим ли улучшением воздуха объясняется уменьшение смертности? Точных статистических цифр у меня нет, а я знаю, что определение таких вещей, как смертность, на глазомер может вызвать у статистика только пожатие плеч. Но раз цифр нет, то волей-неволей приходится довольствоваться глазомером. А он говорит мне вот что: в 1918 и 1919 годах я беспрестанно слышал

о смерти то того, то другого или близкого мне человека, или по крайней мере знакомого или хотя бы известного по фамилии. Последние смерти приходятся на начало января текущего года. А затем я слышал о смерти только Ф. Д. Батюшкова и статистика И. М. Красноперова, но последняя не в счет, так как Красноперову было лет 80, если не больше (я говорю о смертях в Петербурге; из провинции доносилось вестей о смертях много и очень печальных: о смерти Евгения Трубецкого, проф. Покровского и многих других).

Мое объяснение этого явления улучшением воздуха явно недостаточно, но в ряду других причин и оно могло сыграть свою роль. Верно ли самое наблюдение? Ручаться не могу, но кажется, что верно. Его сделал не один я. Во всяком случае, сильных эпидемий нет. Вместе с тем не могу не отметить еще одно явление того же рода. Осенью 1918 г. нельзя было пройти по улице час, чтобы не увидеть по крайней мере одну, а то и две и три лошади, павшие от бескормицы. С весны 1919 г. это явление прекратилось, осенью 1919-го опять было появилось, но в значительно меньшем размере, а зимой 1919–1920 гг. вновь прекратилось. Первое объяснение – уменьшение числа лошадей. Но оно, несомненно, недостаточно. Лошади все-таки есть. Приходится признать, что пропитание лошадей улучшилось. Вероятно, это в связи с тем, что извозчичьи лошади вывелись совершенно и теперь имеются только казенные лошади, а для их пропитания принимаются достаточные меры.

Вот два факта – уменьшение смертности людей и уменьшение падежа лошадей, – которые стоят в явном противоречии со всеми остальными известными мне фактами, со всем строем жизни и для которых я не нахожу достаточного объяснения. Большевики могли бы увидеть в них оправдание своего режима. Думаю, что таковым они служить не могут, но, повторяю, достаточного объяснения им найти не могу. Очень интересно было бы проверить их статистически, но это, вероятно, невозможно. Статистику большевики похерили в числе прочих буржуйных выдумок, благо в общем им она, конечно, невыгодна.

Сегодня я видел объявление, вывешенное под воротами Дома ученых, – говорят, оно расклеено во многих местах и уже давно, но я как-то не замечал его. В нем объявляется, что все лица польской национальности, без различия профессии, должны быть взяты на учет и подлежат регистрации. Два года тому назад то же самое было сделано относительно офицеров, а затем зарегистрировавшиеся офицеры были массами расстреляны. Вероятно, подобной цели по отношению к полякам нет. Но все-

таки как примирить признание равных прав за всеми гражданами без различия религии и национальности и особую регистрацию одной национальности?

Вообще, то, что мы переживаем, может в полной мере быть сравнено с крепостным правом. Мы все прикреплены к месту службы (особым декретом запрещено переходить со службы на службу), к лавкам, к столовым, к городу, где живем, даже к квартире. Для переезда с квартиры на квартиру требуется специальное разрешение. А для выезда куда бы то ни было в прифронтовую полосу, причем понятие прифронтовой полосы толкуется очень расширительно, так что члены северной экспедиции, едущие по казенным делам на Мурман, приравниваются к едущим в прифронтовую полосу (хотя там никакого фронта нет, война с Финляндией там не ведется), требуется совсем особое разрешение, для получения которого нужно подвергнуться дактилоскопическому исследованию. И подобные вещи вводятся без опубликования соответственного декрета, – власти этого конфузятся и скрывают.

Мне об этом сказал вчера один человек, собиравшийся ехать в такую экспедицию (с казенной командировкой по казенной надобности), и, по его словам, ему так противно подвергаться подобному исследованию, которое в старые годы производилось в охранках и в сыскных отделениях, что он отказался от участия в ней. Верить ли этому рассказу? Я верю. Нет такой гнусности, которая вызывала бы к себе недоверие.

23 июня 1920 г. Сегодня ночью у нас был обыск. Всего у меня с лета 1918-го по лето 1919-го было 5 обысков[550], затем целый год не было ни одного, и, наконец, сегодня – первый за год, шестой по общему счету за время большевичьего режима. Это был обыск повальный, во всем Петербурге. Лишь немногие были избавлены от него. В нашем доме обысканы все квартиры, обыски продолжались с 2 часов ночи до 9.

В два часа М[ария] Ал[ександров]на[551] случайно подошла к открытому окну и слышала на дворе разговор:

– Когда же мы справимся с этим домом? Мы лучше разделимся на две партии: одна возьмет одну половину дома, другая – другую.

Таким образом, мы об обыске были предупреждены.

К нам в три часа ночи пришли четыре человека: один матрос, один солдат, один не в военном костюме и одна женщина. Кроме них в обыске принимал участие домовой уполномоченный. Спросили паспорта, читали их крайне медленно и, наконец, по поводу моего паспорта, в котором явственно стояло: Василий

Васильевич Водовозов, спросили мою жену:

– Это чей же паспорт, ваш или вашего мужа?

Ясно, что в грамоте не сильны.

Обыск был самый поверхностный, вещей не трогали вовсе, только прошли по комнатам и проверили наличных людей. В заключение объяснили:

– Мы ловим дезертиров.

Любопытно, что из обыскивающих наиболее омерзительное впечатление производила женщина своей отвратительно злобной физиономией.

Утром М[ария] А[ександров]на видела уполномоченного. Он жаловался, что его заставили всю ночь, до 9 часов утра, участвовать в обыске, а к 11 должен быть на службе, – там не примут в оправдание этого обстоятельства, если не придет или опоздает. А он, кажется, чистый большевик.

29 июня 1920 г. Сегодня в «Петроградской правде» (№ 141) помещена статья «К морю», подписанная Политикус[552]. Под этим псевдонимом прежде писал один большевик, с которым я познакомился в Мюнхене в 1901 г. Он был тогда эмигрантом. Человек не без знаний и не без способностей, но со склонностью мыслить по шаблону, даваемому сильно вульгаризованным марксизмом. Фамилия его, помнится, Михайлов.

Статья очень любопытная. Основная ее мысль выражена в конце:

«Босфор и Дарданеллы играли и будут играть в нашей мирной экономической жизни первенствующую роль и будут иметь первенствующее значение».

«РСФСР немыслима без Украины, а Украинская республика немыслима без свободного выхода в море, то есть беспрепятственного движения по Босфору и Дарданеллам».

«На этот жгучий вопрос нам должно теперь же обратить серьезнейшее внимание и должно зорко смотреть за тем, чтобы англо-итало-французские капиталисты не воздвигали на развалинах прогнившей Турецкой империи нашему экономическому бытию эшафота».

«Нам нужно смотреть за тем, чтобы западноевропейский и американский капитализм не накинул на Босфор и Дарданеллы петли и не подорвал с самого начала развития нашей промышленной жизни, которая, подобно финикийской торговле (?! – *В. В.*), понесет через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, в моря и океаны, во все страны земного шара новую социалистическую культуру. Нам нужен открытый путь к морю».

Таким образом, программа чистого империализма. И это не

личное только мнение Политикуса. Это программа дня. В переговорах с Финляндией (см. «Правда», предыдущий номер) русская делегация отстаивала сохранение за Советской Россией западной части Ледовитого океана во имя стратегических задач против финляндской делегации, требовавшей ее себе во имя принципа национального самоопределения. Таким образом меняются роли! Кстати, когда Финикия[553] несла социалистическую культуру?

1 июля 1920 г. Сегодня моя жена была в Петрокоммуне. Туда пришли две работницы, делегатки какой-то фабрики, хлопотать о продуктах; их заставили ждать. Они начали разговор между собой, но громкий, явно демонстративный.

– Да, вот на том отделении выдают продукты, а у нас – нет. Ведь и их, и наше отделение не работают одинаково. А потому, что «они» (то есть большевики. – *В. В.*) такую политику ведут, чтобы нас, рабочих, одних на других натравлять.

Это задело за живое присутствовавшего чиновника Петрокоммуны, и он начал возражать:

– Что вы, товарищи, говорите! Как это может быть, чтобы мы хотели рабочих на рабочих натравлять! Ведь мы сами рабочие и все делаем для рабочих, что можем. Значит, то отделение послало делегатов и выхлопотало, а вы этого не сделали. А что же нам делать, коли продуктов мало? Ведь война! Вот поляки начали войну – зачем? Не польским рабочим она нужна, а капиталу! Вот в этом беда. У меня брат три года на фронте.

– А у меня муж шесть лет на войне.

– Ну вот, воевал с немцами. Но тогда зачем мы воевали? Кто это знал? А теперь свою землю и свободу защищаем.

– Ох, и теперь не знаем, зачем ведем войну.

– Ну что вы говорите, как это можно? Теперь себя самих защищаем. Потому и голод. А вы – натравливать рабочих на рабочих. То же недовольство и на выборах сказалось[554], а вся беда – в войне.

– Да, вы все такое говорите, – заметила работница, видимо не соглашаясь с аргументацией большевиков.

В конце концов работницы получили, что им нужно, и ушли веселые. Было ли это веселье хотя бы временным примирением со строем? Или нет?

Большевик в этом разговоре признал, что на выборах сказалось недовольство рабочих. Это очень ценное признание и, кажется, совершенно правильное. Напротив, в газетах говорится о блестящей победе большевиков, о полном провале их врагов. Но, как я слышу, выборы в очень многих местах дали оппозиционные результаты, но почти везде они кассированы. В одном месте (на

Нобелевском заводе[555]) это признано официально, в остальных случаях утаено.

8 июля 1920 г. Я не напрасно поверил рассказу о дактилоскопическом исследовании едущих в прифронтовую полосу. Сегодня я и моя жена должны были приложить к полученному разрешению на выезд снимок со своих пальцев. Но и тут большевики не умеют делать дело. Прежде снимки производились какой-то особой мастикой, очень противной на ощупь, не смываемой мылом и оставляющей неприятное грязное ощущение на пальце в течение нескольких дней, но зато снимки получались ясные и отчетливые. Теперь мастики, видимо, нет и снимки производятся какими-то чернилами, да и тех не хватает, и потому ничего особенно противного в этой операции нет, но зато снимки таковы, что, по-моему, они не могут служить никаким практическим целям. Не понимаю, почему не введут обязательного требования фотографий? Для целей контроля это гораздо удобнее. Или, может быть, нет возможности по отсутствию фотографий?

9 июля 1920 г. Сегодня я видел на одной типографии приглашение рабочих на митинг по вопросу о прифронтовой неделе с обязательной явкой и угрозой предания неявившихся суду. Митинг должен был состояться вчера.

Я знаком с заведующим типографией и спросил его об этом митинге и о подобных митингах вообще. Он рассказал мне следующее.

Митинги такого рода устраиваются по требованию начальства. Угроза неявившимся имеет мало значения: не являются многие, и суду их не предают. Митинги проходят очень вяло, и все требования начальства исполняются беспрекословно: отчисление так отчисление, сбор пожертвований так сбор. Совсем не то, что в царские времена, когда каждое подобное требование вызывало острое недовольство и возражения.

– Происходит ли это вследствие сочувствия правительству?

– О, нет. Вследствие усталости, вялости, апатии. Общее настроение – безусловно против большевиков. Но не более 2–3 рабочих являются сознательными и решительными врагами большевизма, говорящими против него в товарищеской среде. Остальные соглашаются с ними, но вяло. И эти, однако, не осмеливаются выносить свою пропаганду на улицу.

– А есть ли сознательные большевики?

– Есть прикидывающиеся таковыми по корыстным соображениям. Искренних нет.

– Вы уверены в этом?
– Совершенно.

Сегодня в «Правде» очень важная статья о распространении веры в чертовщину, в мощи, даже среди большевиков[556]. Нельзя терпеть в нашей среде людей, допускающих возможность существования Бога или колеблющихся по этому вопросу, говорится в ней, потому что сегодня он верит в Бога, завтра поверит в черта, а послезавтра поедет устаивать молебен над мощами святого, как это сделал in corpore[557] Осташковский исполком.

Мне кажется эта статья чрезвычайно показательной. Я делаю из нее следующие выводы:

1. Нельзя запретить верить в Бога, как нельзя приказать верить в него. В лучшем (или, может быть, худшем) случае Бог заменится чертом или мощами, но без веры человек не останется.

2. Потрошением мощей нельзя поколебать веру в них. Кто знает, может быть, в том самом исполкоме, который служит молебен над мощами одного святого, есть член, который принимал активное участие в кощунствах над мощами другого святого.

3. Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit, и все так же altes Leben blüht aus den Ruinen[558]. И, может быть, черт, мощи и Николай Угодник погубят большевиков; даже божьей помощи не понадобится.

Сегодня же в «Правде» переговоры с Англией. Я решительно не верю в возможность действительного мира между Совдепией и другими странами с настоящим товарообменом, хотя не отрицаю возможность мира бумажного с прекращением блокады. Скорее склонен думать, что снятие блокады ускорит падение большевиков, так как оно докажет воочию всем, что беда не в Антанте, а в большевиках. Хуже грозящая война Швеции с Финляндией[559]. Что-то она даст нам?

Видел несколько немецких газет. Несмотря на жалобы на тяжелое положение, видно, что жизнь там бьет ключом. Цены поднялись в 5–10 раз, то есть очень мало сравнительно с нашими. Книги выходят, умственная жизнь кипит. Митингов – масса, свобода – полная.

10 сентября 1920 г. Я совершил поездку на Мурман (в Александровск[560]), занявшую полтора месяца[561]. На Мурмане англичане оставили громадные запасы продовольствия, поэтому паек там до сих пор очень значителен, хотя эти запасы и вывозятся в Москву и Петербург. К счастью, железнодорожная

разруха мешает сделать это быстро. У рыбаков там отбирают рыбу по твердым ценам, и потому власть возбуждает к себе сильную ненависть. При англичанах – это признают все – жилось гораздо лучше и в смысле продовольствия, и в смысле свободы. И тем не менее у местного населения отношение к ним нехорошее. Рационального объяснения неприязни мы добиться не могли.

– Нехристи, – это весь ответ.

– Но ведь жилось при них лучше, чем теперь?

– Кормили лучше. А все-таки – нехристи.

И это все. Интеллигенция относится к англичанам лучше, но именно она объясняет антипатию к ним народа высокомерным поведением англичан, презрительным отношением к русским. Я делаю из этого один вывод. Национальность есть факт, что бы ни говорили Маркс, Каутский и другие, и национальное чувство есть тоже факт и фактор. Назовем его зоологическим чувством или иначе, дело от этого не изменится. И вот национальное чувство не мирится с иностранным господством, хотя бы оно было лучше своего, родного. И – da ist der Hund begraben[562].

Следствием пренебрежения англичан к русским остались в Мурманске английские (без русского текста) надписи названий улиц, надписи на многих зданиях и т. д. Вспомним, как финнов оскорбляло требование русских надписей в городах Финляндии, чехов – требование немецких надписей в Праге, вспомним как будто пустяковую, но ожесточенную борьбу, которую чехи вели из-за них, и мы поймем, что русских эти ненужные надписи должны были оскорблять. Денационализированная интеллигенция относилась к ним равнодушно, народ – нет.

Во вторник, 7 сентября, в «Петроградской правде» было напечатано отвратительное письмо Бехтерева по поводу полемики, вызванной его прежним призывом к эмигрантам вернуться на родину и делать здесь культурную работу Он ругает эмигрантов за саботаж и серьезно говорит о такой работе как возможной[563]. На следующий день в той же «[Петроградской] Правде» это письмо вызвало отклик, в котором говорится о Бехтереве как об истинном друге советской власти, а о проф. Ростовцеве, возражавшем Бехтереву (конечно, за границей), как о черносотенце.

С этим следует сопоставить ноту Чичерина английскому правительству, опубликованную 8 сентября, в которой Чичерин защищает принцип совет[ской] власти и утверждает, что у нас таланты поставлены в условия, дающие им возможность развить себя до максимума[564]. Очевидно, Чичерин и, по-видимому, Бехтерев также считают, что: невозможность получать книги и

следить за жизнью и за наукой; работа в комнатах с температурой в 3–4°, а то и ниже; необходимость раза три в неделю стоять в хвостах по многу часов то за трудовой книжкой, то за пайком; переселение время от времени недели на 2–3 в тюрьму; периодическое принудительное выселение с квартиры; постоянная обязанность регистрировать то одно, то другое; постоянные обыски и реквизиции то пишущих машин, то сапог, то продовольствия; отсутствие бумаги, чернил, лент для пишущих машин; дырявые сапоги при отсутствии камчи[565] и носков, все это – условия, дающие возможность развить свой талант до максимума.

8 сентября напечатано важное официальное сообщение о политическом убийстве целого десятка финских коммунистов, совершенном в Петербурге[566]. Но убийство совершено 31 августа[567]. Таким образом, больше недели можно скрывать факт такой громадной важности. Неужели кто-нибудь после этого верит еще газетам?

14 сентября 1920 г. В двух областях как будто замечен некоторый прогресс. 1) Вода льется из крана без перерывов. 2) Дров как будто несколько больше, чем в прошлом году. По крайней мере, университет и Политехнический институт дровами, как говорят, обеспечены. Частные лица будут страдать от холода, вероятно, по-прежнему. Во всех остальных областях разруха несомненно идет вперед.

Особенно трагично положение в аптеках. Лекарств нет, нет даже касторки. Введены новые правила: доктора должны писать рецепты на особых бланках, выдающихся им на месячный срок (для их получения доктор раз в месяц должен стоять в хвосте), рецепт имеет силу только два дня, – а лекарств нет.

16 сентября 1920 г. 12 сентября в московских «Известиях Советов» напечатана (говорят, перепечатана в «Красной газете») интереснейшая переписка между корреспондентом «Daily News» в Берлине и Лениным.

Корреспондент телеграфирует Ленину приблизительно следующее.

Отчеты французской и немецкой делегаций принесли большевикам больше вреда, чем вся антибольшевичья агитация. В них говорится о терроре, о массовом расстреле рабочих, о господстве милитаризма. В особенности мрачно пишет Дитман, независимый социалист. Мрачен и отчет англичанина Ресселя.

«Я прошу вас сказать, что можете вы возразить; кроме того, 1)

что можете вы возразить на обвинения в ноте Вильсона[568], 2) что вы предприняли для расследования убийства царя[569]. Мою добросовестность как журналиста вам может засвидетельствовать Бела Кун, находящийся в России». Ответ Ленина: «Я уже доказал, что Дитман – каутскианец; каутскианцам не может нравиться наша политика; было бы очень грустно, если бы она им нравилась. Не может им нравиться и то, что мы расстреливаем меньшевиков. Предлагаю буржуазии посылать в Россию делегации из социалистов – меньшевиков и других, и пусть эти делегации живут в России месяца по два[570]. Так как европейская буржуазия бедна и слаба, а мы богаты и сильны, то я берусь выхлопотать для этих делегаций у совета льготу, – и пусть мы берем на себя ¾ их расходов, а ¼ оплачивают европейские миллионеры».

На последние два вопроса ответа нет.

15 декабря (н. ст.) 1920 г. Давно я ничего не заносил в этот дневник, – не потому, чтобы не было материала, а вследствие полного упадка сил, вследствие овладевшей мною апатии. Заносить можно очень многое, но все в прежнем духе, все как свидетельство все идущей вперед разрухи. Сегодня «Красная газета» полна оценками положения, вполне подтверждающими это. В одном номере столько материала, что черпать можно обеими горстями, – материала, как подтверждающего все тот же общий вывод, так и некоторые другие. По ее прочтении у меня был просто зуд в руках: так хотелось бы написать статью о режиме, для которой один номер дал бы прямо неисчерпаемый родник сведений, – и некуда такую статью поместить.

Очень важна статья «Проект земельного закона». В объяснительной записке к проекту сказано: «Засевы последних годов сократились, обработка земли ухудшилась»[571]. Ценное признание.

Далее в статье о топливном кризисе говорится: «Железнодорожная доставка дров неимоверно упала… За первые 13 дней декабря в Петроград вместо 1690 вагонов дров ввезено 238»[572], причем самый план доставки был понижен ввиду бесснежья и вместо 450 вагонов в день предполагалось ввозить по 130, а ввозилось по 18, – в 25 раз меньше!

В статье «На петроградских заводах» сообщается, что на прекрасном сахарном заводе Кёнига, бездействующем с 1917 г., 1 мая 1920 г. помещение занял 4-й лагерь принудительных работ. Теперь «заводские отделения главного корпуса представляют собой невероятно дикую (sic. – *В. В.*) картину разрушения», в которой повинен, по признанию газеты, заводской комитет[573]. В

заседании исполнительного комитета совета говорилось: «“Положение столовых, продолжает тов. Куклин, с технической стороны никуда не годится…” Общественная столовая, говорит Зиновьев, “наболевший вопрос. Притронешься пальцем – боль повсюду. Раньше чем принять какое-либо решение, надо его обдумать со всех сторон”»[574]. Последнее заявление очень ценно: оно свидетельствует о глубокой мудрости оратора. Жаль, что оно пришло в голову ему так поздно.

Вот декрет о концессиях[575] принят, по-видимому, без обдумывания. По крайней мере, теперь каждый день идут извинения, попытки смягчить его значение, свести на нет.

Это факты из одного номера газеты. В том же номере отмечено следующее, что частью может, пожалуй, ускользнуть от внимания будущих исследователей. Под заголовком «Проект земельного закона» напечатано: «Публикуемый проект не имеет силы закона до утверждения его всероссийским съездом советов». И затем это же повторяется в тексте объяснительной записки.

Очевидно, авторы проекта не рассчитывают на то, что слово «проект» понятно их читателям. И они имеют для этого достаточное основание: их проекты так часто вводили в силу до утверждения кем бы то ни было, а декреты, уже утвержденные, оставались на бумаге, что без подобного предупреждения проект действительно может быть принят за закон.

Далее. В объяснительной записке к проекту говорится, что в 1920 г. был неурожай, а в 1921 г. [ожидается] «угрожающая, по некоторым указаниям науки и другим признакам, засуха». Таким образом, официально (объяснительная записка ведь есть официальное произведение) признано, что, кроме указаний науки, имеются «другие признаки», по которым можно делать предсказания погоды, – признаки, не подлежащие ведению науки. Что это? Предсказания гадалок? По картам, по кофейной гуще, по ломоте в пояснице? Это очень любопытно, в особенности когда исходит от лиц, столь решительно отгораживающихся от религии.

Что касается самого законопроекта, то он предполагает ввести принудительный засев полей, а для регламентации этого нового крепостного труда создать новое бюрократическое учреждение и дать ему благозвучное имя «посевком»[576]. Посевкомы по соглашению с комземами и компродами регламентируют земледелие[577], и тогда запашки увеличатся. Но посевкомам «воспрещается вводить правила и требования, 1) вызывающие коренную ломку крестьянского хозяйства (это большевики боятся коренной ломки! – *В. В.*)…, 2) трудноисполнимые для хозяйств среднего достатка (это большевики заботятся об интересах хозяйственного мужичка! – *В.*

В.), 3) связанные с риском».

Я не писал ничего о декрете о концессиях. Он произвел громадное впечатление. Мои слушатели в Политехническом институте обратились ко мне с просьбой объяснить им значение, и я читал целую лекцию, за которую слушатели всячески выражали мне свою благодарность. Заносить ее сюда не стану. Теперь на всякие лады большевики стараются смягчить декрет, которым они подписали свое банкротство.

Сегодня Гриния Л[ьвовна][578] со слов Р[язано]вой сообщила мне, что видные московские большевики, Стеклов и другие, обставили себя великолепно, живут в прекрасных квартирах с шелковой мебелью, вкусно едят и прочее; исключение составляет только Ленин, живущий просто.

На днях (кажется, 9 декабря) в «Известиях Советов р[абочих] д[епутатов]» помещен фельетон Мар[иэтты] Шагинян[579]. Она говорит о той грязи и убожестве, в которой живет интеллигенция. Она добросовестно приводит объяснения (хотя и далеко не все и не наиболее существенные), которые для этого дают интеллигенты: утомление, вызванное необходимостью таскать дрова, воду, делать пешком громадные концы, стоять в хвостах и т. д. (я прибавлю еще одно: у меня, например, нет пыльной щетки для книг, и я не могу стирать пыль), и вдруг возражает: не верьте. Все неправда. Все потому, что нет прислуги[580].

Боже, как можно изолгаться, когда знает, что нельзя возразить! Ведь именно эти мотивы имеют решающее значение. Вот моя жена: она очень любит чистоту и никогда не согласилась бы жить в грязи, но после того, как все утро, до 4, до 5 часов простоит в хвостах, потом два часа возится у плиты, готовя обед, после этого она решительно не в состоянии еще стирать пыль и выметать комнату. А как же добиться чистого белья, когда нельзя найти прачки, по целым дням не бывает воды, нет мыла! Нужно заштопать носки – нельзя нигде достать штопальных ниток.

Введено бесплатное электрическое освещение, – в результате публика стала потреблять его в 5 раз больше (так было сообщено в газетах), и предполагается опять прекратить подачу электричества с 4 до 7 часов вечера.

Я сказал, что Шагинян приводит мотивы, даваемые интеллигенцией, но не все. Самая существенная причина, по которой мы все опустились, это то, что мы пришиблены жизнью нравственно.

Приведу в пример себя. Думаю, что я средний обычный интеллигент, что таково приблизительно – конечно, с уклонениями в ту или другую сторону – положение и настроение всех интеллигентов. Многих – еще хуже.

Я исполняю обязанности за двух – за себя и за прислугу. За себя я читаю лекции, веду литературную работу. За прислугу ставлю самовар (обед стряпает жена), иногда подметаю пыль, топлю печи, притом печи испорченные, печника нет; сверх того – то, чего прислуга у меня не делала: колю дрова и притом топором, который каждую минуту соскакивает с топорища, а сверх того туп и зазубрен; ношу дрова из сарая, притом не имея ни подходящей для этого веревки, ни настилки на спину, – вообще исполняю работу в условиях гораздо худших, чем дворники; ношу воду ведрами, когда она замерзает в водопроводе, притом не имея коромысла, то есть в условиях гораздо худших, чем деревенские бабы. Далее: стою в хвостах, таскаю по 20–30–40 фунтов хлеба, картофеля, сельдей и прочего товара с Миллионной, где мне выдается ученый паек, и с 12-й линии, где я получаю паек фронтовой, и таскаю, не имея подходящих мешков (на днях у меня мешок на улице прорвался и половина картофеля высыпалась; я не мог даже подобрать, – было некуда), не имея тележки или санок. Естественно, обязанности прислуги я исполняю плохо.

Обязанности интеллигента страдают от этого, но не только от этого. Я читаю в разных учебных заведениях 15 часов в неделю; кроме того, время от времени отдельные лекции; кроме того, служу в архиве и имею у Ефрона литературную работу. 15 часов составляют 5 курсов, из которых 4 для меня новых; приходится их вырабатывать. Никогда, в былое время, ни за что я не согласился бы взять на себя столько курсов. Если бы я был свободен от обязанностей прислуги, если бы я не дрожал в своей квартире от холода, не чувствовал по временам голода, не страдал бы от дурной пищи, иногда – от отсутствия света, если бы осенью не ходил в дырявых сапогах с постоянно промокающими ногами, не жил бы под постоянным страхом выселения из квартиры или какой-нибудь другой придирки: то требования получить трудовую книжку, для получения которой я должен несколько часов простоять в двух или трех хвостах, то требования доставить свидетельство о прививке от оспы, и т. д., и т. д. без конца, – и то я не мог бы подготовиться к четырем новым курсам при наличности службы и литературной работы. Но брать меньше работы я не могу. Только теперь, взяв все эти курсы, получив все связанные с ними пайки, я перестал страдать от количественного недостатка пищи, как я страдал до недавнего времени, и страдаю

только от ее отвратительного качества, от недостатка сахара, жиров, молока и т. д. Набрать эту работу было необходимо.

Но еще важнее – это сознание, что работа делается дурно и что работа бесполезна. Я читаю государственное право, а между тем я не знаю не только государственного строя современной Англии или Германии, но не знаю [и] границ государств, не знаю, какие государства существуют, а какие нет. Я читал (в прошлом году) о социализме, не зная о течениях современной социалистической мысли. Я читаю историю XIX и XX веков до войны, но не имею возможности проверить на основании событий последнего времени (с 1917 г.), верны ли мои утверждения о тех внутренних противоречиях, которые были заключены в жизненном строе довоенной Европы. Это сознание постоянно давит меня и влияет на мою работу.

Этого мало. Прежде я знал, для чего я работал. А теперь?

Большевичий режим обречен на гибель, но обрек на гибель и Россию, русский народ, русскую культуру. Сергей Ольденбург верит (он – один из моих знакомых, по крайней мере один, который верит искренно, не в силу желания заискивать у большевиков, как Гредескул или Лемке) в то, что никакая культурная работа не пропадет. А я не верю, и никто, кроме него, не верит.

Человек работает в Публичной библиотеке, охраняя для будущих времен книжное богатство, которым теперь почти никто не может пользоваться. Но вот лопается водопроводная труба, и несколько полок книг испорчены. Непредвиденная, неотвратимая, но мелкая случайность? Нет, случайность предвиденная, но неотвратимая; мелкая только потому, что она пока одна. Но завтра, послезавтра ее повторение неизбежно, и Публичная библиотека, как все другие культурные ценности, как Академия наук, в которой так любовно работает Ольденбург, обречена на близкую гибель, если раньше не падет строй, не заменится другим. Но произойдет ли это раньше? Вряд ли. Все говорят, что большевичий строй может уступить место только совершенной анархии, которая будет еще хуже.

Но – лекции. Ведь все-таки «сейте разумное, доброе, вечное»[581]. Фу, какой фальшью звучит этот опошлившийся стих! Ничего разумного, доброго, вечного не сеешь, – все будет сметено вихрем, который скоро налетит и развеет. Останется грубая звериная сила.

Я всегда был пессимистом, но мой пессимизм не убивал во мне бодрости духа. И это потому, что у меня была работа, которая сама по себе интересна. Теперь работа не оживляющая, а мертвящая.

У большевиков развешаны плакаты: при буржуазном строе труд – каторга, при коммунистическом – счастье (кажется, так). Какая грубая неправда!

И вот если бы Шагинян отметила эту сторону дела, было бы совсем иное.

Еще. Появись статья аналогичного направления, то есть льстящая режиму, при царе, я сейчас бы излил свое негодование в статье и поместил бы ее в газете. Теперь эта ложь, наглая, бессовестная ложь меня давит. Я не могу делать то, к чему лежит моя душа, я не свободен ни в чем: ни в выборе труда, ни в выборе места жительства, ни в передвижении, ни – это самое последнее – в пище, ни в выборе лавки, в которой я должен брать пищу, или столовой, а от меня требуют любви к труду и к строю, сделавшему меня рабом, принизившему меня.

Короче. Прежде, находясь в жесточайшей оппозиции прежнему режиму, я чувствовал себя гражданином, участником в строительстве жизни. Я был им, даже находясь в тюрьме, в ссылке, на скамье подсудимых. Я боролся, – и моя борьба имела значение. Теперь я пешка, с которой никто не считается, которая не может пикнуть. Как же не опуститься!

22 декабря 1920 г. На Невском в РОСТА выставляются карикатуры. Одна противополагает школу прежнего времени школе нынешней. Прежде —

При последнем при Миколе,
При Миколе, при царе,
Фараон[582] стоял при школе,
А жандарм при букваре.

Нынче – дети толпой бегут в школу и весело, дружно, с великой охотой учатся.

Все это иллюстрировано соответственными изображениями.

И все это можно выставлять, не боясь возражений, – у противников рот зажат. А между тем в сентябре был опубликован официальный отчет Луначарского о положении школьного дела. Ныне, хвастался Луначарский, 5½ миллионов учеников, а в 1911 г. было 3½ (почему взят 1911, а не 1914?). Правда, есть недостатки. На 60 учеников приходится один карандаш (в год или в каждый отдельный момент?), на 22 – одно перо (то есть соответственно стальное перо или палочка?), на 100 – одна чернильница[583]. Учителя не получают пайков, а жалованье [получают] со значительным опозданием.

Это было напечатано. Действительность еще хуже, но это

было напечатано, и притом в официальном докладе. И вот РОСТА, выставляя свою карикатуру, уверено, что никто печатно или публично не сопоставит ее с этим отчетом. До чего развращает людей безгласность!

В других карикатурах изображено, как голодают и страдают на Западе. В газетах постоянно пишут, что Запад переживает страшный кризис, голод, непомерно высокие цены и т. д. Все это, кажется, неправда, основанная на той же уверенности, что ни один знающий человек не опровергнет.

Сегодня в «Красной газете» статья «Лечить, а не кончать самоубийством»[584] (кажется, так). Это о столовых. Газета признает, что в столовых систематическое хищение, что кормят они отвратительно, что все там грязно и т. д. Есть же две образцовые столовые: одна в Шлиссельбурге, другая на канатной фабрике б[ывшей] Гота. Об этих столовых были статьи уже несколько дней тому назад. Там прекрасная мебель, реквизированная из лучших ресторанов, чистота, пища превосходная. Любопытно бы проверить, но невозможно: в Шлиссельбург я ехать не могу, где эта канатная фабрика – не знаю[585], а если бы и знал, то меня туда бы не пустили. Но я совершенно уверен, что все эти рассказы – вздор; мебель, может быть, и хороша, но пока она только что реквизирована, а через 2–3 месяца будет перепорчена и изгажена; пища, наверное, уже теперь отвратительная. Та столовая, где я обедал одно время (у Николаевского моста), по открытии блистала чистотой и прекрасным помещением; через три месяца она была изгажена.

Явление постоянно. Три года тому назад большевики реквизировали для Василеостровского совдепа прекрасное здание (9-я линия, дом № 48), а теперь оно стало совсем нежилым и они его бросили и реквизировали другое.

Что же касается реформирования столовых, то к нему уже приступлено. Реформирование состоит в том, что выгоняют интеллигентных служащих и заменяют совсем прожженными товарищами.

А вот сценка в Школе журнализма[586], учебной частью которой заведует Щеголев; он же мне ее и рассказал. Происходит colloquium[587] при приеме слушателей в эту школу.

– Кто такой Ллойд Джордж?

Молчание.

– Ну а Мильеран?

Молчание.

– А Клемансо?

– Должно, какие-нибудь революционеры.

– Что такое империализм?

– Такой государственный строй.
– Какой государственный строй в Англии?
– Кажется, республика.

Эти ответы не препятствуют принятию в школу. Курс 9-месячный, и через 9 месяцев эти молодцы будут готовы к тому, чтобы участвовать в журналистике в качестве профессиональных журналистов, и будут писать с авторитетом по всем вопросам мира познаваемого и мира непознаваемого.

Вчера напечатан декрет об электричестве[588]. Со времени бесплатности электрического освещения – месяца два – его потребление увеличилось раз в 5 (эта цифра была сообщена недели три назад); надо его уменьшить. Но как? Поставить вновь снятые счетчики и вновь назначить плату? Это было бы всего проще, но это некоммунистично. Нет, надо запретить иметь электрические печи, запретить иметь лампы свыше 25 свечей, запретить иметь по две лампы в комнате, запретить лампы в уборных и сократить подачу электр[ичества]. Но все-таки без счетчиков обойтись трудно. И вот сперва снимали прежние счетчики; на съемку истратили известную, без сомнения, весьма значительную сумму. Теперь нужно ставить их вновь и вновь на установку истратить новую сумму денег. Но многие счетчики испорчены; их не хватит. Поэтому ставить будут в несколько квартир один счетчик, и жильцы обяжутся круговой порукой. На разрешенную лампу разрешается тратить в зимние месяцы не более 45 гектоватт-часов. И вот начнется взаимная слежка, шпионство, вечные ссоры между соседями. К счастью, еще не указан срок, когда этот декрет вступает в силу. Итак, сначала все разрушить (в данном случае счетчики), потом созидать сызнова: такова система.

И это везде. Месяцев пять назад закрыты все часовщики. Теперь им разрешили открыться, но с условием, чтобы они только чинили часы, но не смели продавать. Продажи часов нет нигде; то есть, конечно, негласная, запрещенная имеется. Куда же делись часы, имевшиеся у часовщиков? Реквизированы, то есть разворованы большевиками. У меня как раз около 5 месяцев стояли мои часы. Их нужно было почистить. Открывшийся часовщик почистил за 8000 рублей (а новые часы эти стоили всего 20 рублей), и, кажется, почистил плохо.

23 декабря 1920 г. Вчера я пошел по «зеленой карточке» (есть такая, выдается служащим большей части учреждений за 10 000 рублей, внесенные в два приема: первый – весной, второй – летом) [получать] туфли. По этим карточкам выдали нам 40

фунтов яблок, сколько-то фунтов, два или три, изюму, сколько-то капусты; теперь туфли. Да не подумает читатель, что они выдаются даром, в счет этих 10 000 рублей. Нет, 10 000 рублей – это за зеленую карточку, а за товары по карточкам – особо; так, за первые 20 фунтов яблок мы платили по 60 или 70 рублей за фунт, за последние 20 – кажется, по 150 или 140. За туфли я уже недели две назад уплатил 1600 рублей и если бы опоздал уплатить эти деньги в срок, то утерял бы право на туфли, несмотря на обладание зеленой карточкой.

Туфли стали выдавать на прошлой неделе и выдавали дня три, потом на нынешней, в четверг, пятницу и субботу. В два часа дня я оставил нарочно службу и побежал сегодня в университет за туфлями. Оказалось, что их выдают только с одиннадцати до часу; кто не придет в эти часы в один из остающихся двух дней, тот теряет туфли, а деньги не возвращаются. Путем личных просьб в порядке личного одолжения, вероятно, можно будет получить их и позднее, но трудно.

Вообще, чтобы не упустить чего-нибудь причитающегося на мою долю, на что я имею самое бесспорное коммунистическое право, я должен minimum два раза в неделю ходить во все учреждения, к которым я прикосновенен, и читать громадную литературу объявлений. В Доме ученых эти объявления висят в таком темном углу, иногда так высоко и перед ними такая толкотня, что я решительно не в состоянии с достаточной внимательностью следить за всей литературой предмета – и не раз очень многое упускал.

А когда же работать, когда служить, если состоишь на службе? Ну, это дело десятое. На службе заведены книги, в которых мы должны каждодневно собственноручно расписываться (в двух книгах) в удостоверение явки на службу, но для этого достаточно забежать на 5 минут; все остальное не важно. И так на всех службах. Благодаря этому в сберегательной кассе, например, почти никогда нельзя получить своих денег по книжке, потому что нет налицо то кассира, то бухгалтера, то кого-нибудь другого, а один чиновник за другого там исполнять работы не намерен. Поэтому несколько чиновников там всегда толкутся, но дела не делают. Почему? «Кассира нет, подождите, скоро придет». – «А теперь?» – «Бухгалтер ушел, придите завтра».

В. В. Водовозов
Встречи с Александром Ильичом Ульяновым[589]

С Александром Ильичом Ульяновым я познакомился, помню, в конце 1885 г. У меня уже тогда была довольно хорошая библиотека, и я ее широко предоставлял в пользование всем моим знакомым. Александр Ильич пришел ко мне, – не помню уж, с чьей-нибудь рекомендацией или просто на кого-либо сослался, – и тоже стал брать книги. Читал он по политической экономии; что именно, я теперь, конечно, не помню; помню лишь, что в момент его ареста у него на руках осталась моя книга – том «Deutsch-Französischen Jahrbücher»; эту книгу я купил антикварным образом во время своей поездки по Германии и крайне дорожил ею, как большою редкостью. Была ли она взята у него при обыске или нет, я не знаю, но назад я ее не получил.

На почве этих библиотечных посещений у нас завязалось знакомство. Мы часто и о многом говорили. Содержание бесед я теперь уже, конечно, не помню, но одно могу сказать: за всю свою теперь уже не маленькую жизнь немного я мог бы насчитать людей, которые производили бы на меня столь же чарующее, в полном смысле этого слова, впечатление, как Александр Ильич Ульянов. Красавцем в буквальном смысле слова он не был, но его тонкое, одухотворенное лицо с широким лбом, замечательно живыми чертами и, главное, глаза – вдумчивые, проницательные, глубоко запавшие под лоб – врезались в память.

В разговоре Александр Ильич был сдержан. Его трудно было вызвать на разговор в обществе. Я помню, как-то раз он зашел ко мне во время собрания студенческого кружка самообразования; было человек 12–14. Александр Ильич принес книги и хотел взять новые; увидев собрание, он собирался уйти. Так как у нас никакой особой конспирации не было и его я считал безусловно надежным человеком, то я предложил ему остаться. Александр Ильич остался, но весь вечер просидел в сторонке, слушал, но не произнес ни слова, хотя прения, помнится, были оживленные (темы я не помню); вспоминаю, что после товарищи по кружку попрекали меня, зачем я пустил в кружок такого «буку», который производит своей молчаливостью неприятное впечатление.

И еще. В то время при Университете было Научно-литературное общество, которым руководил проф. О. Миллер. Ульянов был его членом, позднее был избран даже его секретарем, постоянно бывал на заседаниях, но я не помню,

чтобы он там выступал с докладами или речами.

Зато в разговорах с глазу на глаз Александр Ильич обнаруживал изумительные и разносторонние знания. Он был естественник, его работа по специальности была удостоена золотой медали, проф. Овсянников дал о ней чрезвычайно сочувственную рецензию. Но круг его интересов отнюдь не замыкался в рамках вопросов, связанных с его специальностью. Я вел с ним разговоры по вопросам политической экономии, философии и истории. И во всех этих вопросах Александр Ильич производил впечатление человека с эрудицией, – разносторонней, хорошо продуманной и добросовестной. Марксистом он, насколько я помню, не был, но с марксизмом был знаком. Это видно уже из того, что он брал «Deutsch-Französischen Jahrbücher», – книгу, которая могла интересовать только человека, интересующегося марксизмом.

Я был тогда определенным противником террора и не скрывал этого. Мне кажется, что и Ульянов в начале нашего знакомства не был террористом. Как я сейчас представляю, террористом он стал потом, после так называемой добролюбовской демонстрации (ноябрь 1886). В этой демонстрации я не участвовал случайно, собирался идти, но почему-то не удалось. Ульянов был одним из ее организаторов, едва ли не самым деятельным; он-то и звал меня на нее. После этой демонстрации, в результате ее, у Александра Ильича, несмотря на всю его сдержанность, стали проскальзывать ноты, показывающие, что он идет к террору. Так мне кажется, но настаивать не могу; возможно, что раньше просто не подходили к этой теме. Если это правильно, то объяснения причин такого влияния добролюбовской манифестации, по-моему, следует искать в том, что она показала невозможность иных форм активной борьбы и протеста. У нас по этому поводу было несколько разговоров-споров. Александр Ильич защищал террор; я нападал. Об этих спорах у меня осталось на редкость приятное, чистое воспоминание. Таких противников бывает мало; он вел споры исключительно идейным способом; обдумывал каждое слово, говорил медлительно и всегда внимательно, вдумчиво выслушивал аргументы противника, не старался ловить на слове, на неловкой формулировке, а доискивался существа возражения. Это был один из лучших, наиболее приятных спорщиков, каких только я встречал в жизни. Всегда после споров с ним я чувствовал, что спор мне что-то дал.

Из всего этого видно, что я питал к Александру Ильичу чувство самой живейшей симпатии; мне казалось, что с его стороны я встречаю то же чувство.

В декабре 1886 г. или январе 1887 г. Александр Ильич обратился ко мне с просьбой спрятать некоторое количество так называемой инфузорной земли. На мой вопрос, что это за вещь, А. И. ответил, что сама по себе она невинна, но если будет найдена вместе с некоторыми другими вещами, то может быть серьезной уликой; если же будет найдена одна, то никакой опасности не представляет. Из этого я понял, что земля эта имеет какое-то отношение к нелегальным, террористическим делам. Сам взять на себя ее хранение я не мог, – я тоже был причастен к разным конспирациям (печатал нелегальные издания и пр.) и мог провалиться (так и вышло, – я был арестован 25 февраля 1887 г., то есть раньше Александра Ильича, по своему делу, с ним не связанному), но взялся подыскать квартиру для хранения. Такую я нашел у Кауфмана, впоследствии известного статистика. Кауфману я точно передал замечание А. И. о степени опасности инфузорной земли; несмотря на это, Кауфман согласился взять ее к себе на хранение, и мы вместе с Александром Ильичом перетащили ее к Кауфманам на чердак.

Должен заметить, что здесь Александр Ильич был не вполне искренен, – его отзыв об инфузорной земле не вполне правилен, и несомненно, если бы ее у Кауфмана нашли, то не миновать бы ему тяжелой кары, судебной или по крайней мере административной. После 1 марта 1887 г. Кауфман принужден был уничтожить эту землю, – выехал для этого на лодке на взморье и высыпал ее в воду. На меня Кауфман был в большой претензии за это дело.

У А. И. Ульянова я не бывал, – зашел лишь раз взять книгу, которая была у Александра Ильича и как раз мне понадобилась. Попал как раз на собрание: были Шевырев, Генералов, Осипанов, Андреюшкин и другие участники будущего процесса. Александр Ильич вернул мне книгу и предложил остаться, поговорить. Я присел, но вскоре почувствовал, что я лишний, что предложение остаться сделано из вежливости и я стесняю собравшихся, и поспешил уйти.

Был знаком я и с Шевыревым, – тоже на почве пользования его моей библиотекой. Он произвел на меня очень неприятное, тяжелое впечатление: неумный, поверхностный.

После 1 марта 1887 г. меня допрашивали об Ульянове и Шевыреве; в моей записной книжке были найдены их адреса и фамилии; я сказал, как было: что они брали книги; вероятно, они подтвердили, и, по-видимому, жандармы и прокурор мне поверили, так как к делу 1 марта я привлечен не был, хотя, вероятно, назначенное мне наказание (5 лет Архангельской губернии) отчасти объяснялось знакомством с ними.

Последний раз Александр Ильич зашел ко мне около 20 февраля 1887 г., – незадолго до моего ареста. Разговор принял особенно теплый, задушевный характер. Помню, я сказал ему:

– Я понимаю, вы ведете приготовления к какому-то особенно важному акту, быть может, к цареубийству. Кажется, что вы хотите даже приурочить его к 1 марта – для красивой исторической аналогии.

А. И. меня прервал:

– Нет, нет, не так близко.

Это было почти признание, – и мы долго говорили о значении террора, в частности цареубийства. Я сказал, что, не признавая этот метод борьбы целесообразным, глубоко не сочувствуя ему, я тем не менее искренне уважаю применяющих его и, в частности, его, Александра Ильича.

Прощаясь на этот раз, мы расцеловались. Больше я его не видел…

В. В. Водовозов
Мое знакомство с Лениным[590]

Впервые познакомился я с Влад[имиром] Ульяновым осенью 1890 г. в Петербурге. В то время я получил отпуск из Шенкурска (где отбывал ссылку по своему делу 1887 г.) для сдачи государственных экзаменов. Во время этого моего приезда в Петербург как-то вечером ко мне пришла курсистка Ульянова, Ольга Ильинишна (умерла в 1891 г. от сыпного тифа), сестра Александра Ильича Ульянова. До моего ареста (25-II. 1887 по ст. ст.) я был знаком с Александром и Анной Ильинишной, также – Елизаровым, за которого она вышла замуж позднее, между 1887 и 1891 г.

С Ольгой я познакомился ранней весной 1890 г. у Винбергов. Теперь она привела ко мне своего второго брата – Владимира. Он тоже был исключен из Казанского университета, кажется, был выслан из Казани и отбывал высылку в Самаре, – в этом, впрочем, я не вполне уверен. Теперь он приехал в Петербург, чтобы узнать, нельзя ли как-нибудь устроиться со сдачей экстерном государственных экзаменов. А так как я именно такие экзамены в то время держал, то они и пришли ко мне за справками. Нужные справки я, конечно, дал и даже провел Вл. Ульянова на экзамен, который тогда мы сдавали при округе. Там была большая толпа, – человек около 400, – Ульянов затерялся в ней и просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь. Никаких определенных впечатлений от этой встречи у меня не осталось, – разговоры вертелись исключительно вокруг экзаменов; других вопросов, тем более общих тем мы не касались.

Осенью 1891 г. мне разрешили из Архангельской губернии переехать в Самару. Там я, конечно, зашел к Ульяновым, которые жили тогда в Самаре целою семьей: мать, Мария Александровна, старшая дочь, Анна Ильинишна, с мужем, Елизаровым (последний был моим товарищем по университету), Владимир Ильич и младшее поколение, которое состояло из Дмитрия – гимназиста, кажется V класса, и Марии – гимназистки лет 14. Елизаров служил где-то в казенном учреждении, едва ли не в управлении железной дороги; В. И. зарабатывал, кажется, уроками или работал по статистике.

Семья была на редкость хорошая – все жили очень дружно, несмотря на бросавшееся в глаза резкое различие физического и нравственного облика отдельных ее членов. По внешнему облику она распадалась на два ярко выраженных типа. К первому

принадлежали мои петербургские знакомые – Александр Ильич и Ольга Ильинишна, вскоре умершая, сестра, а также оба представителя молодого поколения. Этот тип – овальные бледные лица с очень широкими лбами, с глубоко сидящими вдумчивыми, проницательными глазами. Они поражали своей юношеской свежестью и одухотворенностью. Ко второму типу принадлежала Анна Ильинишна и Владимир Ильич. Хотя и у Анны, и особенно у Владимира глаза светились несомненным умом, но все лицо в целом поражало каким-то смешением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом. Это же впечатление оставалось и от лица Анны Ильинишны, только у нее все было в ослабленной степени: и ум, и животность…

Кем была их мать до замужества, какого она происхождения – я не знаю, но она напоминала мне институтскую классную даму. Все время она заботилась о том, чтобы все было гладко, прилично. Следила за поведением детей. Грубые выходки и жесты Владимира, грубые, резкие замечания и пр., – их у него было много, – ее страшно шокировали. Часто у нее срывалось:

– Ах, Володя, Володя, разве так можно!

Характерно, что таких грубых выходок у членов семьи Ульяновых, отнесенных мною к первому типу, я не замечал.

Центральной фигурой в семье был Владимир Ильич, которого вся семья считала гением и на которого чуть ли не молились не только мать и сестры, но и Елизаров.

У Владимира Ильича тогда был небольшой кружок молодежи, с которым он занимался. В этом кружке он был непререкаемым авторитетом, – на него там молились почти так же, как и в семье, хотя среди членов этого кружка были люди старше по возрасту, чем Владимир Ильич. Из членов этого кружка я помню Аполлона Шухта; еще одного молодого человека лет 23–24, фамилия которого была, кажется, Попов, но может быть, и иная; затем Марию Петровну Ясеневу, вышедшую позднее за Василия Семеновича Голубева (редактора «Саратовской земской недели» – кажется, так назывался этот орган; позднее мой товарищ по редакции «Нашей жизни»).

Встретили меня Ульяновы очень дружески: хлопотали, помогали устроиться. Мне семья понравилась, и я часто ходил к ним в гости; заходили и они ко мне. Такие отношения продолжались почти всю зиму; после отношения начали портиться под влиянием моих столкновений с Владимиром Ильичом. С кружком Владимира Ильича мои отношения с самого

начала налаживались плохо; в нем все слишком преклонялись перед Владимиром Ильичом, поэтому меня, который держался независимо и осмеливался даже с ним спорить, встретили с самого начала недоверчиво, почти враждебно. Так у меня отношения с кружком и не наладились.

Владимир производил впечатление человека если не разностороннего, то, во всяком случае, хорошо образованного. Больших знаний вне круга его непосредственных интересов у него не было; естественными науками, философией он совершенно не интересовался, – по крайней мере, мне так казалось. Но в той области, которой он интересовался – в вопросах политической экономии и истории, – его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-немецки, французски и английски, уже тогда хорошо знал «Капитал» и обширную марксистскую литературу (немецкую) и производил впечатление человека политически вполне законченного и сложившегося. Он заявлял себя убежденным марксистом, но мне кажется, будет более правильно, если я скажу, что марксизм у него был не убеждением, а религией. Хотя он очень интересовался возражениями против марксизма, изучал их и вдумывался, но в нем мне чувствовалась та степень убежденности, которая, по-моему, несовместима с действительно научным знанием. У него как бы была презумпция, что никаких серьезных аргументов против марксизма нет и быть не может, и изучал их он не с целью поисков истины, а в целях отыскания коренившейся в их основе ошибки, в существовании которой он был заранее убежден.

Наряду с этим в нравственном облике Владимира Ильича бросался в глаза какой-то аморализм. По-моему, он был органически свойственен его натуре. Он не допускал никаких сомнений в допустимости применения того или иного средства, если только оно вело к цели. Помню, я тогда же в разговорах с другими называл его Маратом. Конечно, я не предвидел той роли, которую ему суждено было сыграть, но уже тогда я был убежден и открыто об этом говорил, что роль Ульянова будет крупной.

Самое крупное, глубокое разногласие, на котором мы столкнулись с Вл. Ульяновым, был вопрос об отношении к голоду 1891–1892 гг.

В 1891 г. с ранней осени в Самаре стали появляться бросавшиеся в глаза признаки голода. Появились толпы крестьян, – по нынешней терминологии, беженцев, – из голодной деревни, которые ходили из дома в дом, прося хлеба и работы. Нужда была огромная, помощь требовалась немедленная. В местном обществе призывы к помощи встретили дружный

сочувственный отклик; все высказывали готовность всячески содействовать делу помощи.

Один Вл. Ульянов со своей семьей и кружком, вторившим ему, занял иную позицию. Он резко и определенно выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я ее сейчас вспоминаю, – а запомнил я ее хорошо, ибо мне приходилось немало с ним о ней спорить, – сводилась к следующему: голод есть прямой результат определенного социального строя; пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет роль и прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края, – это явления прогрессивного порядка. Но голод может и должен явиться прогрессивным фактором не только в области экономической. Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции. Стремление так называемого «общества» прийти на помощь голодающим, облегчить их страдания понятны. Ведь это «общество» есть плоть от плоти, кровь от крови буржуазного общества; в какие бы оно ни рядилось социалистические мантии, в какие бы цвета оно ни окрашивалось, оно не в силах отвлечься от интересов всего буржуазного общества в целом. Голод грозит потрясениями, быть может, гибелью этому строю. Поэтому стремления смягчить последствия голода вполне естественны. По существу, в основе, это стремление ослабить неизбежные грядущие потрясения, спасти основы буржуазного строя, а следовательно, спасти и самого себя. Психологически же все разговоры о кормлении голодающих и пр. суть выражение обычного слащавого сантиментализма, свойственного нашей интеллигенции.

Эту свою позицию В. Ульянов развивал на частных собраниях у меня, у Ульяновых и вообще всюду, где тогда собиралась революционно и оппозиционно настроенная публика и где он имел возможность выступать и высказывать свою точку зрения. Вся семья Ульяновых вторила этим речам Владимира Ильича. Но если в устах последнего эти рассуждения хотя и возмущали, но не особенно резали ухо, – больше, они, казалось, даже гармонировали с общим обликом говорящего, глубокая вера которого в свою правоту сквозила из всех его речей, – то в устах представителей семьи Ульянова, особенно молодежи – брата и младшей сестры (не Анны), которых обычно трудно было заставить разговориться, – они прямо коробили слушателя, ибо

совершенно не вязались с общим их обликом – мягким, почти одухотворенным. Часто, слушая их, я думал о том, как бы отнесся к этому вопросу покойный Александр Ильич, который, несмотря на наше короткое знакомство, произвел на меня глубокое, неизгладимое впечатление. Конкретных данных для ответа на этот вопрос у меня нет – в наших разговорах с Александром Ильичом мы не затрагивали тем, которые могли бы дать материал для нужных выводов, но общий облик его фигуры заставлял да и теперь заставляет меня думать, что Александр Ильич ни при каких условиях не мог бы держаться подобных взглядов.

В конце 1891 года разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим. Это было полулегальное учреждение, т. е. комитет этот не был формально разрешен властями, но существовал он открыто, власти об этом превосходно знали и не только не чинили ему препятствий, но и вступали с ним в сношения. В комитет входила самая разнообразная публика – от чиновников, занимавших высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных. Из представителей мира легального я помню протоиерея Лаврского – очень колоритную фигуру, человека независимых, прогрессивных взглядов; некоего Степана Миклашевского, приезжего из Петербурга, который был знаком с местным губернатором, часто бывал у него и служил посредником между комитетом и губернатором; Петра Петровича Крылова, тогда городского или земского врача, позднее кадета, члена II Государственной Думы и др. Из мира неблагонадежных в комитет входили Вениамин Осипович Португалов, Осип (бывший подсудимый по процессу 193-х), я и др.

В конце 1891 или в самом начале 1892 г. губернская власть организовала в Самаре общественные работы для голодающих беженцев (тогда это слово не было еще в употреблении), – не помню хорошо, не то рыли канал, не то осушали болото под Самарой. Заведовал ими какой-то Перцев. Работы шли неважно; денег они съели много, а результатов не дали никаких; в публике смеялись, и о Перцеве ходила песенка:

Перцев, Перцев, где ты был,
На Самарке ямки рыл.
Вырыл ямку, вырыл две,
Закружилось в голове.

Я собрал тогда материал об этих работах и послал

корреспонденцию в «Юридический вестник». С. А. Муромцев, тогдашний редактор «Юридического вестника», сильно эту корреспонденцию пощипал, но все же кое-что осталось. Напечатана она была в одной из книжек «Юридического вестника» за 1891 г.

В связи с этими работами наш комитет устроил общественную столовую для голодающих, работавших у Перцева. В этой столовой порция щей стоила 2 коп., порция хлеба – 2 коп. и порция чаю – тоже 2 коп. Были выстроены бараки, поставлены кухонные печи, приобретены столы и необходимое оборудование. Работали в столовой члены комитета и многие из молодежи, которые старались использовать свою работу для революционной пропаганды среди голодающих. Ленин не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету и к кампании помощи голодающим вообще; споря против наших взглядов, он доказывал, что наши столовые будут, наоборот, своего рода «пропагандой действием» за примирение с существующим строем, породившим голод, но не стремящимся с ним бороться, – в этом отношении он оказался, конечно, прав. «Голодное брюхо» оказывалось глухо не только к учению, но и к восприятию революционной пропаганды, и все начинания в этом отношении были безрезультатны.

В наш комитет Ленина, помнится, вообще никто не звал, и на его заседаниях он не был ни разу. Поэтому рассказ М. Алданова в «Днях»[591] в этой части неточен. Но на собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета. На этих же сходках у Ленина всегда находились оппоненты, я в том числе. На чьей стороне была победа – сказать трудно. Несомненно, что за Лениным было очень небольшое меньшинство, но это меньшинство твердо держалось на своих позициях. Случаев, когда кто-нибудь из сторонников Ленина поколебался, я помню только один: Мария Петровна Ясенева, позднее вышедшая за Василия Семеновича Голубева, некоторое время колебалась, несколько раз приходила к нам в столовую работать, но в конце концов все же вернулась к позиции Ленина и порвала с нашей организацией. Других примеров такого рода я не помню, – думаю, их и не было. Обратные случаи, когда пропаганда Ленина убеждала наших сторонников – отрывала их от нас, – были; в небольшом количестве, но были.

Вначале мирные, наши споры постепенно стали принимать очень резкий характер. Начали звучать личные ноты. Меня поразило, что Ленин, как я заметил, был склонен поощрять сплетничество. Как-то раз в небольшой группе я сказал, что

Ленин склонен в спорах прибегать к аргументам, не считаясь с тем, верны ли они, – лишь бы они вели его к торжеству, хотя бы временному, к успеху среди плохо разбирающихся слушателей. Этот мой отзыв передали Ленину. Я сам этому разговору не придавал значения, даже забыл про него и как-то вскоре зашел к Ульяновым, как делал тогда довольно часто. Мне бросилось в глаза, что Ленин как-то скривился, подавая мне руку, – смысл этого я понял, когда он потребовал от меня объяснения моих слов. Я эти объяснения дал, – не помню уже сейчас, какие они были, вероятно, старался смягчить свои выражения. Разговор привел к формальному примирению, но по существу же отношения установились очень натянутые. К весне 1892 г. в наших отношениях наступило такое охлаждение, что мы почти не встречались.

Осенью 1892 г. срок моей ссылки в Самаре кончился. Перед отъездом я зашел к Ульяновым, – дружески попрощались. Владимир Ильич и Дмитрий проводили меня даже на пароход… В 1895 г., приехав в Петербург, я зашел к Ленину, – он принял меня очень сухо, и больше мы не встречались, если не считать встречи в 1906 г. на митинге в Тенишевском училище (он описан у Войтинского[592]); там Ленин демонстративно не захотел меня узнать.

Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю, ибо ни в каких деловых отношениях (даже в отношениях по комитету помощи голодающим, от которых он уклонился) с ним не состоял. Но в разговорах постоянно сказывалось его сочувствие всякому приему, ведущему к победе.

О Плеханове Ленин говорил с глубоким сочувствием, главным образом о «Наших разногласиях» (Бельтова тогда еще не было[593]). Из других произведений русских социал-демократов тогда была известна только брошюра «Социализм и политическая борьба»[594]; кажется, я не знал больше никаких, да думаю, что и Ленин тоже.

К захвату власти в ближайшем будущем Ленин относился безусловно отрицательно, и слово «якобинец», которое он употреблял редко, он употреблял всегда с порицанием.

В. В. ВОДОВОЗОВ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННИК»

Осенью 1910 г. беллетрист А. В. Амфитеатров, эмигрировавший в Италию, затеял толстый ежемесячный журнал «литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни», о чем Водовозов узнал от Г. А. Лопатина, деятеля партии «Народная воля», отсидевшего 18 лет в Шлиссельбургской крепости, который 19 октября предложил ему поучаствовать в новом издании с «очень левой, но беспартийной программой»[595]. На напоминание, что Водовозов приговорен к заключению в крепости на один год[596], Лопатин ответил 30 октября: «Читал я в газетах, дорогой В[асилий] В[асильевич], об этом судебном приговоре, но подумал про себя: 1) авось “он” совершит или примет на себя какой-либо новый литературный грех, что затянет отсидку aux calendes grecques[597], 2) а то, может быть, у нас человеку, отсиживающему по литературному делу, дозволят работать и из “пританея”… (Писарев[598]?), 3) или, наконец, быть может, “он” не пожелает отсиживать и будет наигрывать свою мелодию “из прекрасного далека”… Во всяком случае, я рад, что Вы согласились на сотрудничество. На днях Амфитеатров, вероятно, обратится письменно к Вам, а пока он уже написал Боц[яновско]му[599], чтобы тот поговорил с Вами обо всем на словах. Ему было бы приятнее, если бы это сделал Коялович[600], но, к сожалению, он тоже сел недели на две в “пританей” по литературному делу. Больше писать сейчас некогда, а потому, послав заочный сердечный привет Вере Петровне и пожелав Вам всего лучшего, ставлю точку»[601].

1 ноября и сам Амфитеатров пишет Водовозову: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич, Г. А. Лопатин обрадовал меня известием, что Вы не прочь были бы принять близкое участие в возникающем “Современнике”. Спешу обратиться к Вам с усерднейшей просьбой осуществить это предположение и словом, и делом – сделать слагающейся редакции честь своим сотрудничеством. Чем более постоянный и близкий к журналу характер будет он иметь, тем приятнее. Наш сотруднический круг предполагается очень сжатым. Вошли в него покуда, кроме основателей журнала, Максим Горький, Шолом-Алейхем, В. А. Тихонов (беллетрист), Ф. В. Волховский, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, К. Р. Качоровский, В. Ф. Боцяновский и М. М. Коялович. Последних двух я уведомил о настоящем моем послании к Вам и прошу их переговорить с Вами лично о степени

и возможности Вашего участия, так как устно этот план выработать легче и подробнее, чем на письме, возможно. Искренне буду рад, если сольетесь с нашим предприятием, так как издавна привык высоко ценить Вашу литературную личность и деятельность»[602].

Две недели спустя, 14 ноября Коялович, отрекомендовавшийся лицом, на которого «ложится работа по “Современнику” в Петербурге», от имени его редакционного комитета[603] обратился к Водовозову «с горячей просьбой не отказать в участии в журнале, душой которого является А. В. Амфитеатров», и сообщить, что именно он считает возможным дать для первой книжки, причем оправдывался, что приехал бы лично просить «о драгоценном содействии новому журналу», если бы не «физический недостаток, значительное ослабление слуха, не делали затруднительным для него другие переговоры, кроме письменных»[604].

Водовозов предложил статью о С. А. Муромцеве и две рецензии[605], но Амфитеатров, узнав от приезжавшего к нему Тихонова, что Водовозов «садится в узилище», был страшно огорчен и в письме ему от 9 декабря сокрушался: «Очень это досадно. Я так рассчитывал и рассчитываю на будущее время, что Вы возьмет в свои опытные и твердые руки значительную часть политического отдела!» В постскриптуме Амфитеатров добавлял, что надумал с Лопатиным просить Водовозова: «Если Вам возможно отсрочить высидку, что Вы неоднократно уже преуспевали совершить, то нельзя ли и на сей раз оттянуть ее – ну хоть бы на два месяца? до марта или до апреля? Если для этого надо Вам обременить себя новым “преступлением”, которое должна поглотить “совокупность”, то мы не замедлим доставить Вам на сей предмет надлежащую статью или брошюру». Амфитеатров объяснял, что его очень волнует политический отдел журнала, за «выдержанностью» которого, «по отдалению своему», следить не в состоянии, а из петербургских коллег – «один, Тихонов, беллетрист и чистый художник, ничего в публицистике откровенно не смыслящий; другой же, Коялович, сангвиник, способный одинаково легко зарываться в пламенный мажор и увядать до унылого минора, что не дает твердой уверенности в его такте». Амфитеатров спрашивал, нет ли у Водовозова на примете лица, близкого ему по взглядам и с достаточной стойкостью характера, которое могло бы замещать его в случае, если не избежать крепости: «Мне хотелось бы, чтобы Вы поняли затруднительное положение, в котором “Современник” стоит накануне его выхода в свет, и помогли ему. Право, игра стоит свеч. При Вашем содействии, сотрудническом и по

редакции, из “Современника” выйдет живой и сильный орган русской свободы»[606].

Хотя 13 декабря Амфитеатров жаловался Горькому на «большое горе», ибо «Водовозова в январе сажают на 9 месяцев в Кресты»[607], исполнение приговора вновь отложили. «Ах, как уже и это хорошо, что Вы до половины марта свободны! – ликовал Амфитеатров 20 декабря. – Значит, за четыре книжки можно быть спокойным. А тем временем авось Вы как-нибудь приглядите на время заточения Вашего»[608]. В тот же день Лопатин, которого Амфитеатров приютил в своем доме в Феццано (Fezzano), пишет Водовозову: «Дорогой В. В.! Сегодня уехали отсюда, после редакционных совещаний, Т[и]х[о]н[ов] и Коял[о]в[ич], на которого ложится нелегкая задача заведывания второй (небеллетристической) частью “Современника”. Поскольку я присмотрелся к К[ояловичу] и обменялся с ним мыслями – задача, увы! далеко не легкая, – он показался мне человеком дельным, трудящимся, относящимся к своей роли любовно и честно и по характеру настоящим журналистом. И все же мне очень хочется попросить Вас от имени Амф[итеатрова] и своего, чтобы Вы оказали ему самую деятельную помощь своими разносторонними сведениями и опытностью, своим журнальным тактом, а главное, своей твердостью во взглядах, так, чтобы журнал шел твердою стопою в определенном направлении, не шатаясь семо и овамо на позорище и поношение языков… <…> А отчего бы Вам не выступить издателем в СПб. какой-либо сочиненной здесь ad hoc листовки, чтобы снова попасть под суд и отсрочить высидку? Миллион приветствий В[ере] П[етровне], а Вам желаю всего хорошего и еще раз убедительно прошу “побдеть” тщательно над серьезной частью “Совр[еменника]” – да не впадет он в искушение и в напасти. Ваш Г. Л[опатин]»[609].

Первый номер «Современника» увидел свет 6 февраля 1911 г., а двумя неделями ранее, 23 января Амфитеатров написал Водовозову: «Сейчас только прочитал с величайшим удовольствием Вашу прекрасную статью о Муромцеве[610] и искренне Вас благодарю за нее. Пожалуйста, Василий Васильевич, сколько можно и покуда можно, поработайте для “Совр[еменника]”». И горячо заверял: «Вообще все, что Вам хочется, кажется нужным сказать публике в данный момент, я буду печатать с самой широкой готовностью. Уведомьте по возможности поскорее, что ждать от Вас на февраль и к каким числам?»[611]

8 марта Амфитеатров опять сетовал: «Водовозов садится в тюрьму! Лучше бы он мне палец отрезал!»[612], но прокуратура раскрыла очередное его литературное «преступление», что

откладывало заключение в крепости. Поскольку Боцяновский и Тихонов вышли из редакционного комитета, а Коялович заболел, 3 апреля Водовозов уведомил Амфитеатрова о готовности взять на себя небеллетристическую часть журнала: «Сообщение об этом Коялович принял с большой радостью, и мы договорились о том, что я заступаю на его место. Теперь это соглашение нуждается в Вашей верховной санкции. Коялович не хотел ждать ни одной минуты, сдал мне все бумаги, и я уже вступил в отправление своих новых редакторских обязанностей. К сожалению, сдал Коялович дела крайне неудовлетворительным образом. Он болен, и болен очень серьезно, настолько серьезно, что с ним крайне трудно вести сколько-нибудь деловой разговор; он не помнит вещей, которые в нормальном состоянии он не мог бы забыть, сообщает иногда совершенно неверные сведения, проверять которые потом требует труда. В середине разговора, когда я на минутку подошел к телефону, чтобы переговорить с типографией, он ушел, не предупредив меня об этом, а когда я обратился по телефону к его жене, то она со слезами в голосе сказала, что Михаилу Михайловичу грозит большая опасность, о которой она не может даже говорить. Очень жаль беднягу Кояловича, разговор с которым оставляет прямо удручающее впечатление. Вследствие этого его состояния я получил груду рукописей, причем я не знаю, которая из них принята, которая отвергнута и которая не прочитана. Певина, на беду, нет в Петербурге, а Быков[613] ничего не знает. В первый же день мне пришлось своею властью разрешать вопросы об авансах сотрудникам, вопросы, которых я хотел бы быть чуждым даже впоследствии, тем более теперь, когда я только вступаю в дело»[614].

Водовозов сообщал, что пока договорились так: Быков ведет беллетристический отдел («я в беллетристику совершенно не мешаюсь»), а научный и общественный отдел передает ему, оставляя за собой право читать корректуру «с правом вето по цензурным соображениям». Задавая вопрос, следует ли посылать Амфитеатрову статьи из своего «отдела», Водовозов добавлял: «Я бы просил Вас предоставить его целиком в мое ведение не потому, чтобы я не желал подчиняться Вашему авторитету, – у меня такого стремления совершенно нет, и вообще я чаще и гораздо больше страдаю от чрезмерной нерешительности, чем от чрезмерной самостоятельности, – а, во-первых, потому, что статьи этого отдела по большей части имеют характер спешный и не могут вынести 10-дневного замедления, а, во-вторых, потому, что таковые статьи нередко являются результатом предварительных переговоров автора с редактором, в данном случае – со мною».

Другой вопрос «громадной важности» – направление

журнала, и Водовозов, подчеркивая, что всей душой сочувствует «объединению левой оппозиции на почве общих для нее задач исторического момента», а это предполагает «значительную терпимость к различным оттенкам мнений», пояснял Амфитеатрову: «Несколько слов о себе лично. Я марксист-ревизионист, сделавший из своего марксизма вывод, что когда я встречаюсь на политической почве с эсером или кем-либо подобным, то я вовсе не обязан заезжать ему непременно в зубы или в ухо, а могу вести с ним общее дело целыми месяцами, быть может, годами, совершенно игнорируя “наши разногласия”[615] и находя много общего в наших убеждениях и задачах. Это мнение развело меня с эсдеками и привело в лагерь трудовиков, с марксизмом имеющих мало общего. Вы, сколько я понимаю, склоняетесь к эсерам, вместе со мною находя, что нет основания каждому марксисту заезжать в физиономию. Таким образом, мы можем вместе с Вами работать превосходно, но все же должны договориться о том, какая струя будет доминировать в общественном отделе журнала».

Направление, которое Водовозов хотел придать журналу, он сформулировал так: «Мы марксисты; мы думаем, что в основе исторического процесса лежит борьба классов и что наиболее важная революционная роль в ближайшие годы должна принадлежать в России рабочему классу. Но сколько-нибудь заметной противоположности интересов рабочего класса и крестьянства в настоящее время нет и в близком будущем не предвидится. Пролетарского или социал-демократического разрешения аграрного вопроса нет и быть не может, как не может быть пролетарской или социал-демократической химии или физики; истинно социал-демократическое разрешение аграрного вопроса есть то, которое выгодно для широких работающих на земле масс. Сообразно с этим взглядом мы решаем все практические вопросы политики сегодняшнего дня. В теории мы расходимся с теми, кто не признает наших основных посылок <…>, но т. к. с ними нам в настоящее время по дороге, то мы относимся с полным уважением и с полной терпимостью к их мнениям, давая им широкое гостеприимство, но не разделяя их»[616].

Амфитеатров не возражал, однако не прошло и месяца, как в литературных кругах поползли слухи, что Водовозов покидает редакцию «Современника», в которую по настоянию Горького приглашены лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов и бывший издатель «Журнала для всех» В. С. Миролюбов, выпускавший в Париже эсеровские сборники «Народное дело». Недоумевая, Водовозов обратился 15 мая за разъяснениями к

Амфитеатрову:

«Вот уже недели две до меня доходят неопределенные слухи о каких-то переменах в редакции “Современника”. Меня спрашивают, правда ли, что в редакцию “Современника” вступают новые лица и что я будто бы из редакции ухожу. Сперва я категорически отрицал это и просил выяснения подробностей и источника слухов. Мне отвечали, что не знают, могут ли они называть источник и передавать подробности. Наконец, вчера Львов-Рогачевский (из “Современного мира”) поставил мне прямо вопрос:

– Правда ли, что в редакцию вступают Чернов и Миролюбов, а вы уходите?

– Я ничего не слышал. Откуда идет слух?

– Из-за границы, о нем упорно говорят в нашей редакции, да и вообще в литературных кругах.

– Вы позволяете мне спросить Амфитеатрова, ссылаясь на вас?

– Да.

Я бы очень просил Вас, Александр Валентинович, выяснить, что здесь правда и что вранье; во всяком случае, до получения от Вас ответа я буду вести себя исходя из мысли, что это сплошное вранье, т. е. буду говорить приглашенным мною лицам, что я член редакции, что та программа, которую я развил в первом письме к Вам, остается в силе; вместе с тем в редактировании статей и в своих статьях я исхожу из того же убеждения»[617].

Водовозов указывал, что ни материально, ни морально не особенно заинтересован в сохранении своего положения: «Редактирование далеко не соответствует моему характеру и моему желанию; мне тяжела всякая работа, требующая постоянных сношений с большим числом разных людей; мне крайне тяжело отказывать людям. Кроме того, я далеко не вполне уверен, что я сумею хорошо исполнить свои обязанности. Моя всегдашняя мечта была быть близким сотрудником журнала, с известным голосом в редакции и влиянием на направление органа, одним словом, приблизительно то положение, которое Вы мне предлагали перед началом “Современника” и от которого я тогда отказался в силу внешних обстоятельств, – но никак не то положение, которое я занял в журнале почти случайно, вследствие острой болезни Кояловича». Он выражал готовность «во всякую минуту, без малейшего чувства горечи и обиды» уйти из редакции, но высказывал сомнения относительно того, какое влияние может иметь переход ее в другие руки: «Я думаю, что Чернов – человек несомненно очень талантливый и пользующийся всеобщим уважением, как деятель и человек, –

является представителем направления, которое вряд ли может в настоящее время рассчитывать на успех. Я думаю далее, что Чернов слишком оторван от России, что он недостаточно чувствует все изменения в настроении русского общества. Я думаю поэтому, что журнал, отмеченный именем Чернова как вдохновителя и направителя его общественного отдела, обречен на скорую гибель». Водовозов предупреждал, что многие авторы, приглашенные им в журнал в расчете на определенную программу, будут недовольны ее переменой, а соединение в одной редакции его и Чернова вряд ли возможно.

Амфитеатров, видимо, ответил, что слухи – «вздор»[618], но 29 мая Водовозов пишет ему: «На этих днях ко мне зашел Русанов и сообщил, что уже довольно давно он получил письмо от Чернова, в котором Чернов предлагал ему принять участие в редактировании “Современника”. Он, Русанов, не считал нужным раньше сообщать мне об этом, во-первых, потому, что он лично категорически отказался от предложения, а во-вторых, потому, что не мог допустить даже мысли, чтобы мне об этом предложении было неизвестно; теперь же, случайно узнав от моей матери, что мне об этом неизвестно ровно ничего, он счел долгом сообщить мне. Письмо Чернова он с собою не захватил, но на следующий день он прислал мне выписку из этого письма, помеченного 6/V нового стиля. Вот эта выписка: “Русский отдел редакции состоит пока из В. В. Водовозова, которому скоро придется засесть. К нему нужно сейчас соправителя, который вскоре останется единственным правителем… Согласитесь ли Вы примкнуть к делу и взять на себя соправительство в «Современнике»[619]?” Дело я считаю erledigt[620], но все-таки не могу не поделиться недоумением, как это Чернов мог обращаться с подобными предложениями помимо Вас и меня»[621].

Слухи оказались вовсе не «вздором», ибо еще 23 мая Кускова сообщила Водовозову, что, приглашенная с мужем к Амфитеатрову для переговоров о сотрудничестве в журнале, «застала Чернова, который расположился там как… редактор “Современника”», проповедуя все ту же «злосчастную общину и главное – бойкот Думы». Амфитеатров, делилась Кускова, «потихоньку признался мне, что “они” желали бы Вашего удаления», но он, мол, не согласился, «будет Вас отстаивать во что бы то ни стало». Кускова не верила этим заверениям, предрекая, что в самом недалеком будущем Амфитеатров «окажется вполне в их руках», тем более что, по его словам, Горький «уже пять месяцев как изменил свои убеждения и, по-видимому, стоит теперь ближе к этой компании, чем к прежней» – социал-демократам. Категорически не желая «блокироваться с

бойкотистами, когда они с пеной у рта отрицают работу Думы», а Чернову нужны еще и «всяческие пиф-пафы», т. е. революционный террор, Кускова возлагала надежду только на Водовозова: «…пока Вы там, Вы бойкотистских глупостей не допустите»[622].

Ожидания Кусковой подтвердились, и отказ напечатать «внутреннее» обозрение Чернова «Дела и дни» вызвал бурное негодование Амфитеатрова, которому 29 мая Водовозов объяснял: «Против статьи Чернова я решительно возражаю. Она, по-моему, безусловно противоречит нашей программе. Всякая общественная группа, работающая в Думе или около Думы, будет ею возмущена. А ведь мы стремимся к коалиции, а не к взаимным раздорам. Нет в этой статье ни одной строки, на которую не было бы решительных и резких возражений со стороны эсдеков и со стороны трудовиков и, я думаю, даже со стороны эсеров, Думу приемлющих…» К тому же обозрение Чернова запоздало, в майскую книжку попасть не могло, и Водовозов заменил его своим («выходить совсем без обозрения неловко, а Чернова поставить я никак не мог»), которым, впрочем, сам был недоволен: «…написано оно бледно»[623]. Но это не убедило Амфитеатрова, и Водовозов, отвечая ему 14 июня, высказывал опасение, что разногласия между ними «окажутся слишком велики для совместной работы», ибо для него обозрение Чернова принципиально неприемлемо: «Напечатать просто, как предлагаете Вы, рядом мою статью и статью Чернова – значит не проводить идею блока, а обращать журнал в альманах, в складочное место всякой, употребляя Ваше выражение, завали. Блок есть идея, есть самостоятельное направление, которое выделяет нас и от эсдеков, и от эсеров, и от энесов, заботящихся о чистоте своего знамени и потому более или менее отрицательно относящихся к блоку; соединение на страницах одного журнала статей, в которых энесы будут ругать эсдеков, эсдеки вызывать эсеров, а эсеры высмеивать и тех и других и, заодно, блокистов, не есть блок, а есть каша»[624].

Водовозов твердо стоял на своем: «Работа в Думе, по Чернову, есть только чистка тенью щетки тени кареты, производимая тенью кучера; значит, и эсдеки, и трудовики, и энесы, и даже эсеры, выбиравшие во вторую Думу, работавшие во второй Думе, более того, сам Чернов, который после громких речей за бойкот первой Думы, в которой все участники выборов назывались врагами народа, приходил в трудовую группу и этим врагам народа давал свои благожелательные советы (там, между прочим, я с ним и познакомился), делают только тень дела. Разве это не высмеивание всех это дело делающих, т. е. и эсдеков, и трудовиков, и блокистов? На чем же блокироваться? <…> Наш

журнал может иметь самостоятельное значение только тогда, когда он будет иметь самостоятельную программу; такою программой может быть 1) либо программа Чернова, 2) либо моя – программа блокирования, но только при одном условии, чтобы она все статьи журнала, эсерские и эсдеческие, одинаково сливала в одно органическое целое, а не в странную амальгаму друг друга исключающих элементов. Этому условию статья Чернова не только не удовлетворяет, но [и] решительно противоречит, и я не мог ее не забраковать». Водовозов считал, что «блок на почве бойкота Думы решительно невозможен», предстоящие выборы «имеют большое значение для всех партий», и «один из важных пунктов блока будет состоять именно в том, чтобы выставлять общих кандидатов, а не в том, чтобы тратить время и силы на взаимную грызню». Сохранение «коалиционной» редакции в равновесии, убеждал Водовозов Амфитеатрова, возможно только при условии, если Чернову будет противостоять столь же яркая фигура из лагеря социал-демократов, «кто-нибудь вроде Плеханова или даже Ленина; но редакции из Ленина, Чернова, Плеханова, Вас, Миролюбова, меня я решительно не в состоянии представить»[625]. (Действительно, Ленин, не дожидаясь выхода первой книжки «Современника», внушал Горькому, что «общей левизны для политики мало», а «всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо», да и содержание нового журнала «обещается эсеровско-кадетское»[626].)

Кускова, тоже возражавшая против наделения «бойкотиста» Чернова «решающим голосом», заверяла 17 июня Водовозова, что сочувствует «идее Горького (и Вашей)», но «если в редакции голосовать статью какую-нибудь спорную, то получится: Вы и я – против Лопатина, Чернова, Миролюбова, Амфитеатрова и, часто, Горького…»[627]. Кускова, как и Водовозов, ставила главным условием сотрудничества в «Современнике» отказ от бойкота выборов в думу и от пропаганды террора, призывала не допустить «ничьего узкопартийного господства» и 18 июня делилась сомнениями с Амфитеатровым: «Меня смущает только одно, как и раньше, что в Вашем предполагаемом блокированном комитете нет ни одного кровного с[оциал]-д[емократа]. Мы все ревизионисты. Затем идут кровные (вроде Чернова) с[оциалисты]-р[еволюционеры]. Горький – сплетня это или нет, все равно – не считается ни с[оциал]-д[емократом], ни близким к ним»[628].

19 июня Кускова извещала Водовозова: «Как видите, я была права. Получила книжку “Совр[еменника]” и одновременно письмо Амфитеатрова о том, что Вы 1) слишком самостоятельны,

2) бросили вызов в своей статье[629] серым[630] идеям, 3) забраковали блестящий фельетон Чернова, притом срочный…»[631]. В тот же день Кускова написала Амфитеатрову, что статья Водовозова, напротив, «могла бы примирить всех, если бы эсеры отказались проповедовать бойкот», ибо она «совершенно уничтожает значение Думы как представительного учреждения, оставляя за ней лишь роль агитационную». Кускова также считала, что петербургская редакция «Современника» должна быть хоть сколько-нибудь самостоятельна, а не пересылать каждую строку «за тридевять земель». Но если Амфитеатров считает «вызовом» статью Водовозова, то должен составить «однородную» эсеровскую редакцию, которая будет «вести свою бойкотистскую линию», и посадить «безличность» для правки корректуры. «Нельзя будет сговориться, – указывала Кускова Амфитеатрову, – это я вижу, хотя в идее блока я больший Дон Кихот, чем Горький, ведь мы давным-давно, еще в “Товарище” пропагандировали блок и всегда садились с этой проповедью в лужу: нас же обвиняли в маниловщине. Приходится быть “твердой” и советовать Вам блок уничтожить, ибо из него ничего не выйдет, раз совершенно невинная статья Водовозова повергла Вас в такое уныние»[632].

Редакции «Современника» так и не удалось «спеться», и около 17 июня Чернов жаловался Горькому: «Как и можно было ожидать, с Водовозовым у меня конфликт и в редакционном деле кризис. Как он произошел? Очень просто. Сговариваясь об идее социалистического блока, мы изложили Кусковой, приехавшей с программой от Водовозова, следующее: в крестьянском деле журнал 1) стремится связать органически движение трудового крестьянства с движением пролетариата, 2) ведет энергическую борьбу против правительственного аграрного законодательства с его “ставкой на сильных”, и 3) в щекотливом вопросе о Думе (являющейся яблоком раздора между бойкотирующими ее – P. P. S.[633] в Польше, с[оциалисты]-р[еволюционер]ы и с[оциал]-д[емократы] отзовисты – и не бойкотирующими) [стремится] занять позицию вне этих споров. <…> Что же сделал Водовозов? Он, пользуясь своим пребыванием на месте, у типографии, снял из майского № мою статью, намечавшую именно эту позицию, и поместил другую, которая 1) совершенно определенно высказывается в духе антибойкотизма, и не только для настоящего, но и для прошлого, т. е. ангажирует журнал в духе “беззаглавной”[634] догмы, для которой бойкотизм всегда и принципиально отвергается; и 2) поспешил в той же статье ни к селу ни к городу ангажировать журнал и в другом вопросе, заявив, что интересы крестьянства и пролетариата в дальнейшем

должны разойтись…» Выход из редакционного кризиса, считал Чернов, «очевидно, в выходе… или моем с товарищами, или Водовозова – из журнала»[635].

Впрочем, Чернов явно преувеличивал, ибо Водовозов оговаривал в статье, что бойкот выборов в Первую думу был «психологически совершенно понятным ответом» на «более чем скромные ее права, обещанные ей основными законами» и «роковой, хотя и совершенно естественной и даже исторически неизбежной ошибкой», ближайшим последствием которой стало усиление кадетов за счет проигнорировавших выборы левых партий и отсутствие поддержки со стороны части дезориентированных ими избирателей, причем оснований для бойкота при выборах во Вторую и Третью думы было не меньше, а даже больше, но в других странах, «кажется, нигде и ни разу он не приносил пока положительных результатов», и на предстоящих выборах в Четвертую думу «ошибка бойкота повторена, очевидно, не будет». Водовозов по-прежнему доказывал, что «задача исторического момента требует не разъединения сил, а их объединения», и «как ни вероятно в более или менее отдаленном будущем расхождение интересов рабочего класса и крестьянства, но ближайшие задачи этих двух классов почти однородны», и так же мало оснований противополагать им себя имеет «городской слой – интеллигенция, приказчики, мещане, мелкие купцы», а масса демократических избирателей горячо поддерживает «всякий призыв к единению между всеми решительными врагами существующего порядка»[636].

Но Амфитеатров, взяв сторону Чернова, 17 июня написал Горькому, что «с Водовозовым приходится разойтись», ибо «на редакторском экзамене он провалился безнадежно, а главное, явил уж слишком большое своевольство» и, «никому не показав, напечатал свою статью (явно науськанный), столь вызывающую и программную, что эс-эров и эс-деков-отзовистов она должна была, очевидно, поссорить с журналом». Амфитеатров полагал, что статья Водовозова – «после обмена писем о блоке и визита Кусковой, которая была его депутаткой и с которой мы тут хорошо договорились насчет общей платформы, какие табу соблюдать», – очевидно, «написана не случайно, а с намерением ангажировать журнал» (буквальное повторение тезиса Чернова!), заставить «примириться со свершившимся фактом»[637]. Горький ответил: «Что Водовозов уйдет – не горе, полагаю, он никогда не казался мне гениальным. И что Кускова не придет – не беда…»[638] Увы, «идея блока отцвела, не расцветши», признавался Амфитеатров Горькому 23 июня и добавлял: «Мне и Водовозова, и Кусковой жаль, ибо люди честные и испытанно стойкие, в

совершенно опустошенной русской интеллигенции сейчас ценная редкость»[639]. В тот же день он известил Лопатина: «От Кусковой получил опять очень милое письмо, равно как и от Водовозова (еще не ответное на мое). Жалко мне с ними расходиться. Да и им, видно, очень хочется работать»[640].

25 июня Водовозов уведомил Амфитеатрова о своей «отставке», но счел нужным еще раз объясниться: «1) …Вы мне не раз писали, что Вы мне доверяете в известных вопросах чуть ли не более, чем себе; “редакция второго отдела должна остаться за Вами, и я стою на этом решительно”, писали Вы в письме от 1 июня; ввиду этого я смотрел на себя как на редактора второго отдела и соответственным образом себя вел; поэтому я связан целым рядом обязательств, от которых не могу отказаться; в журнал пришли люди в ожидании, что он будет органом определенного направления, которое отстаивал именно я (Кареев, Пругавин, Бонч-Бруевич, Кускова и другие), которые определенно говорят и пишут, что в случае перехода журнала в другие руки они берут свои статьи назад или, по крайней мере, не допускают их исправления другими руками; ввиду этого приобретение журналом ярко эсеровского направления, и даже не эсеровского, а специфически черновского, будет поставлено мне на счет. Таким образом, при всей совокупности данных условий я могу быть в журнале либо членом редакции, либо ничем. Tertium non datur[641]. 2) Печатать статьи Чернова, да еще без всяких редакционных оговорок, статьи, в которых вся деятельность и моя личная, и всех тех общественных групп, которым я сочувствую и с которыми в течение пяти лет был более или менее близок, огулом объясняется глупостью или слепотой, я не могу»[642].

Амфитеатров ответил 3 июля: «Читал Ваше 10-е письмо с большой грустью. Очевидно, Вы правы: не споемся, ибо из-за 3000 верст сговариваться мудрено, а сговариваться приходится ежеминутно. Во всем черновском инциденте выясняется между нами полное разногласие и взаимонепонимание. Я не смею и думать о том, чтобы просить Вас об уступках, но, с другой стороны, и Вы не потребуете же от меня, чтобы я вел журнал на линию, которой не могу сочувствовать. Поэтому пришел я к убеждению, что заочно отвечать нельзя за журнал и – уж взялся за гуж, не говори, что не дюж, – надо сосредоточить его редакцию здесь, за границей и вести его как наш заграничный изгойский отклик на русские дела. В этом смысле мы и говорили и пришли к соглашению с П. И. Певиным. На месте, в Петербурге при такой реформе дела понадобится естественным образом только “власть исполнительная”, – роль, которая, конечно, Вас удовлетворить не может и которой я никогда не осмелился бы Вам предложить»[643].

Кускова с мужем тоже отказались от участия в «Современнике», о чем она оповестила Водовозова 7 июля: «Сегодня мы написали Амфитеатрову, что после Вашего устранения сотрудничать у него не можем»[644]. Такое же решение приняли В. Д. Бонч-Бруевич[645] и некоторые другие авторы, но еще 3 июля на вопрос В. Я. Богучарского, совсем ли он покинул журнал, Водовозов ответил: «Я вышел, дорогой Василий Яковлевич, только из редакции “Современника”; сотрудником я теоретически остался и имени своего не снял, хотя думаю, что писать не буду и снять его рано или поздно придется. Поступаю я так потому, что вообще не люблю вредить журналу, о котором я не знаю еще ничего, если можно так выразиться, положительно отрицательного в общественном смысле. Журнал пожелал принять окраску черновского миросозерцания, – это его право, и хотя я очень далек от этого миросозерцания, но думаю, что оно имеет свой raison d’être[646] и, следовательно, моральное право на существование. Между тем демонстративный выход для журнала, не окрепшего и притом уже перенесшего много испытаний как цензурного свойства, так и в виде демонстративного выхода сотрудников, мог бы быть губителен. Губить его я не желаю, напротив, желаю всякого успеха, хотя в него и не верю. Скорее глупость, чем подлость состоит, конечно, не в том, что в журнале призван давать главную ноту Чернов, а в том, что в апреле говорится мне, Кусковой, Прокоповичу: “приходите княжить и володети” журналом, а в июне говорится: помиритесь с Черновым, предоставьте ему бойкотировать четвертую Думу; а если на это условие не согласны, то уходите; и это говорится как раз после того, как в мае были специальные разговоры о Чернове, и после того, как мы прямо заявляли, что на черновские глупости мы не пойдем». Отмечая, что В. Д. Бонч-Бруевич, Е. Д. Кускова и А. С. Пругавин забрали из редакции свои статьи, у первых двух – «уже набранные», Водовозов замечал: «Не скрою, что я был рад этому, хотя не только ничего не сделал для получения этого результата, но [и] по отношению к Бонч-Бруевичу сделал все возможное, чтобы предупредить его. Я был рад, потому что мне хотелось бы, чтобы Амфитеатров понял, что мой выход есть не каприз, а необходимость; что он разрывает с целым направлением, что его мысль – соединить несоединимое – глубоко ошибочна. Теперь это уже сделано»[647].

Лопатин, получив сообщение от Амфитеатрова, что «все редакционное дело переносится сюда», в Феццано, с оставлением в Петербурге «только безгласного исполнителя здешних решений», ответил 17 июля: «Очень печально, что с Водовозовым идет так шероховато. С одними заграничными силами и

редакцией не управиться»[648]. Но Горький не жалел о потере и 19 июля написал Миролюбову: «Если голос мой имеет какое-либо значение в конфликте редакции “Современника” с г. Водовозовым – передаю право голоса моего Вам»[649]. Правда, Амфитеатров жаловался Лопатину, что как редактор Чернов – «чудовищно ленивый и небрежный» (10 августа), «неаккуратен, как кукушка», «помощник – никакой» (17 августа), «принципиальное неряшище и неаккуратище» (30 августа), но «плачевнее всего <…> совершенный неуспех публицистики Чернова в России», где она «не нравится», «письма пишут недовольные, печать равнодушна», и, как оказалось, «государственный переворот наш», т. е. отставка Водовозова, «не дал ни единого подписчика, которого можно было бы приписать эсеровскому варяжству» (2 сентября)[650].

Но поскольку Амфитеатров хотел быть единовластным «хозяином» журнала, союз его с Черновым и Миролюбовым, недоумевавшим: «…к чему было затевать эту историю с Водовозовым»[651], оказался тоже недолговечен: предложенное им сотрудничество без права решающего голоса привело в октябре к выходу обоих из редакции (с отказом Горького от участия в «Современнике»[652]), что предопределило возвращение в нее Водовозова. Именно он представлял «Современник» на совещаниях редакторов двух десятков периодических изданий столицы (В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский от «Русского богатства», Д. Н. Овсянико-Куликовский и Е. В. де Роберти от «Вестника Европы», А. С. Изгоев от «Русской мысли», И. В. Гессен от «Речи», М. И. Ганфман от «Современного слова» и т. д.) по вопросу об учреждении Петербургского общества литераторов и ученых (вместо закрытого 1 июля 1911 г. властями С.-Петербургского литературного общества) и по установившейся традиции был избран в комиссию для выработки его устава[653].

Но в декабре и сам Амфитеатров отказался от редактирования «Современника», в котором его сменил историк литературы Е. А. Ляцкий. Убеждая Горького, что поведет журнал «в направлении беспартийного радикального органа, отводящего вопросам социализма первое место», Ляцкий указывал, что «из старой редакции остался лишь В. В. Водовозов»[654], и вдохновитель левого блока, сменив гнев на милость, вернулся в «Современник». А по поводу неудавшегося «романа» его с «Черновыми и Амфитеатровыми», вызвавшего язвительные шпильки Ленина: «А “Современник”-то догадался-таки умереть. Хороший это поступок с его стороны» – «Рад, каюсь, что у них “лопается”»[655], Горький возразил, что журнал «не лопнул»: первая книжка «довольно интересна», тираж увеличился до 6 тысяч и, вероятно, издание возьмут в свои руки «беззаглавцы»

и меньшевики[656].

С лета 1912 г. Водовозов был занят выборами трудовиков в 4-ю Государственную думу и изданием газеты «Столичные отклики», и Ляцкий, совершавший заграничный вояж[657], 4 сентября напоминал ему: «Сближение мое со Станкевичем и Вами имело целью именно сделать “Соврем[енник]” органом трудовой группы, которой принадлежит, по моему убеждению, выдающаяся роль в развитии ближайших задач времени. <…> А то ведь мы четыре месяца ждем Вашего внутр[еннего] обозр[ения], и с этой стороны журналу наносится непоправимый вред. <…> Итак, Василий Васильевич, убедительнейше прошу Вас – поставьте “Современник” ближе к трудовой группе. В этом для нас единственный выход из тупика»[658]. Хотя Горький уговаривал Ляцкого и Певина, гостивших у него на Капри, передать «Современник» трудовикам[659], он полагал, что статьи Водовозова и В. Б. Станкевича, посвященные думским выборам[660], «напрашиваются на возражения, могут вызвать полемику», чего «следовало бы избегать», и предлагал: «…хорошо, если бы они переехали в “Кругозор” Тихонова»[661].

Речь шла о ежемесячном литературно-политическом журнале, созданном В. А. Тихоновым, который при организации «Современника» входил в его редакционно-издательский комитет, но, если верить Амфитеатрову, «ровно ничего не делал, всем мешал скулением и страхами», а затем «обиделся и отстранился»[662]. Горький советовал Тихонову придать «Кругозору» определенную политическую «физиономию», превратив его в орган трудовиков, программа которых, «несмотря на ее неясность, несомненно будет иметь успех в среде демократии»[663]. Тихонов ответил 2 октября, что размышлял, кому бы поручить «наитруднейший» отдел внутренней политики: «Думал даже обратиться к В. В. Водовозову, но – (между нами) – В[асилий] В[асильевич] так сух, педантичен и односторонен, а я так боюсь именно *этого налета* на “Кругозор”, что удерживался от обращения к В. В. Водовозову». Тихонов повторил это и в письме от 18 октября: «В. В. Водовозова же я прямо побаиваюсь: очень уж он педант, да и суховат»[664]. Сам Горький отказался от участия в «Кругозоре» (вышли всего два его номера), оставлявшем, как он замечал, «совершенно определенное впечатление – ненужности», и без обиняков бросил Тихонову: «Редактор Вы плохой…»[665].

В объявлении о подписке на 1913 г. сообщалось, что «Современник» – «ежемесячный внепартийный прогрессивный журнал литературы, истории литературы, науки, истории искусства, общественной жизни и политики, издаваемый при

постоянном участии А. В. Амфитеатрова[666] (общественная сатира), В. Я. Богучарского (история), В. В. Водовозова (социально-политический отдел), Максима Горького (художественная литература), Е. А. Ляцкого и П. Е. Щеголева (история литературы), М. П. Павловича (иностранный отдел)»[667]. Но основную редакционную работу вели, по выражению Кусковой, «из-за кулис»[668] Водовозов[669] и Ляцкий, признававшийся Горькому около 9 ноября 1912 г.: «Чувствую только, что вести дело большого журнала вдвоем, как это мы делали до сих пор с Водовозовым, который, кстати сказать, скоро будет изъят из обращения, невозможно…», и повторивший 27 ноября: «Водовозов не сахар, но ему до кутузки остались недели»[670]. Хотя благодаря привлечению к следствию еще за одно «литературное преступление» крепости удалось избежать в связи с амнистией по случаю трехсотлетия царствующей династии, в начале 1913 г. петербургская редакция «Современника», в которую, помимо его издателя Певина, входили Богучарский, Водовозов и Щеголев, снова оказалась на грани раскола.

Вначале, 10 января Горький предлагал ограничить в правах Щеголева, интересуясь: «М[ожет] б[ыть] – его в состоянии заменить Водовозов?»[671] Но уже 8 марта Ляцкий описывал ситуацию в редакции так: «Певин и Богучарский стоят на позиции блоковой (левее кадетов), приемлют марксизм как метод научного объяснения, хотя “большей определенности” в смысле уклона к большевизму боятся, как жупела. <…> Туманно выдвигается кандидатура Кусковой (без Прокоповича). <…> Водовозов считается неприемлемым ни в каком виде»[672]. Указывая 20 марта на «общее недовольство Водовозовым», Ляцкий 7 мая напоминал Горькому: «Мы с Вами одинаково критически относились к деятельности Водовозова в социально-политическом отделе, но определенных решений не принимали…». Водовозов, «человек в высшей степени достойный и деликатный», сам заметил «несходство» взглядов и «вышел из редакции, занял положение близкого к ней сотрудника»[673].

В апреле Горький, разгневанный отказом ввести в редакцию социал-демократов В. А. Базарова, И. И. Скворцова-Степанова и А. Н. Тихонова, вновь порвал с «Современником», а в июне покинул его и Ляцкий, которого заменил бывший эсер Н. Н. Суханов. Участие Водовозова в журнале продолжалось по 1914 г., но имя его в дальнейшем (как и Горького, который, смягчившись, напечатал в «Современнике» отрывок из своей пьесы) указывалось в числе сотрудников издания[674].

В. Л. Генис

ЭМИГРАЦИЯ: «Я РЕШИЛ УМЕРЕТЬ…»

Оказавшись в Берлине осенью 1922 г., В. В. Водовозов заключил договор с «Издательством З. И. Гржебина» на составление нового энциклопедического словаря. В проекте предисловия к нему он указывал, что в былые дни возможность быстро и легко навести справку предоставляли «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова, 5-е издание которого вышло в 1913 г., и «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза – Ефрона, переизданный в 1907–1909 гг., но оба безнадежно устарели: первый, напечатанный со стереотипного издания 1910 г., имеет 13-летнюю давность, второй – 16-летнюю. «Это, – замечал Водовозов, – очень много в обычное спокойное время, а тем больше теперь, когда эти годы были заняты величайшей в истории человечества войной и самой ужасной, когда-либо пережитой человечеством, революцией». Предполагалось, что однотомный словарь объемом 80 печатных листов будет включать: предисловие; общий (главный) отдел (с иностранными речениями и словами, употребляемыми в русской литературе, и историческим календарем, касающимся громких дат); хронологию всеобщей, политической, литературной, культурной и научной истории; метрологию; статистику географическую и экономическую; поправки и дополнения. Пробный типографский оттиск предисловия (с пометами М. Горького), нескольких страниц и титульного листа: «Энциклопедический словарь. Под ред. В. Водовозова. Берлин; Петербург; Москва: Издательство З. И. Гржебина, 1923» датирован 15 января[675].

Но поскольку еще в июле 1922 г. В. Б. Станкевич убеждал Водовозова, что «наиболее удобным местом пребывания для него за границей могла бы стать Прага, с ее многочисленными русскими просветительными учреждениями, широким гостеприимством для русских»[676], в декабре Водовозов и его жена загорелись идеей перебраться туда, в чем их поддержал и отец Ольги Александровны, А.И Введенский, наставлявший 28 декабря дочь: «Что же касается вопроса о Гржебине и Праге, то, конечно, довод, что он эксплуататор, должен быть отброшен. В этом В[асилий] В[асильевич] прав с кантианской точки зрения. Но с той же точки зрения он морально связан только в том случае, если сам подбил Гржебина на издательство, обеспечив ему свое редакторство. Если же давления на Гржебина со стороны В. В. не было, а Гржебин просто воспользовался присутствием человека, к которому он питает доверие, то В. В. ровно ничем не связан, и

вполне позволительно бросить дело без всяких забот о последнем. А если он подбил Гржебина, то прямо бросить нельзя, а надо или передать дело в надежные руки (напр., Льв[а] Пл[атоновича Карсавина]), или продолжать его вести из Праги. (Если всего-то сотрудников меньше десятка, то сноситься с ними из другого города вовсе нетрудно. К тому же Прага от Берлина недалеко, и легко съездить в Берлин из нее раз или два в месяц)»[677]. А 19 марта 1923 г. Ольга Александровна написала сестре: «В Прагу мы переезжаем через неделю, уже заказали комнату <…>; это где-то под Прагой, минут 20 по железной дороге»[678].

Летом из Петрограда в Берлин приехал А. Ф. Перельман, который, разыскав адрес, по которому Водовозов жил в Чехословакии, 3 августа интересовался у него: «Хотел бы знать, что у Вас нового, как живете, продолжаете ли работать над словарем? Мне кажется, что здесь словарь не имеет Aussichten[679]. Словарь должен издаваться в России, и только. У нас дело со словарем налаживается и скоро приступим к работе»[680]. В мемуарах, характеризуя Водовозова «многосторонне образованным и честным журналистом», «неистовым обличителем правительственной реакции» и «знатоком новейшей политической истории Европы», Перельман указывал, что тот был «одним из старых постоянных и активных сотрудников» издательства Брокгауз – Ефрон («его статьи разбросаны в последних томах старого нашего словаря и почти во всех томах новой энциклопедии»), но «на чужбине ему жилось плохо, он тосковал по родине, к тому же его очень беспокоила судьба его библиотеки (у него была прекрасная библиотека, большая, накопившаяся за много лет работы, картотека и огромный архив), и он собирался вернуться на родину»[681].

Водовозов действительно не думал надолго задерживаться за границей, но Введенский предупреждал дочь: «Кажется, все связи В[асилия] В[асильевича] с университетом прекращаются. И вообще как рассчитываете выжить по возвращении сюда? Ведь все должности потеряны. А литературная работа очень затруднена». Помимо этого, резко выросли коммунальные платежи (лицам «свободных профессий» предписывалось оплачивать свое жилье в размере полутора рублей «за каждый рубль довоенной квартирной платы», а рабочим и служащим – от 10 до 30 копеек[682]), и Введенский советовал зятю и дочери «взять от Гржебина удостоверение, что В[асилий] В[асильевич] служит по найму в его издательстве», ибо в противном случае «квартира вам недоступна»[683]. Вдобавок еще летом 1922 г. Водовозов бесплатно поселил у себя некую даму с ее дочерьми, ибо, пояснял он, «требовался человек, который жил бы в квартире и не дал бы

повод вселить в нее, как в пустующую, посторонних людей» и при этом «не разворовал бы имущество и не испортил бы книг». Но с октября 1923 г., сокрушался Водовозов, его «хорошо оплачиваемая работа прекратилась» и он «перешел на положение, при котором еле сводил концы с концами», а домоуправление отказалось принять во внимание, что две комнаты в квартире заняты библиотекой (порядка 10 тыс. томов), переходившей в собственность Академии наук после смерти ее владельца. В то же время жилица, негодовал Водовозов, «донесла прокурору, что я эмигрировал» и загранкомандировка есть «скрытая эмиграция»[684].

План Ольги Александровны приехать в Петроград летом 1924 г. поверг ее близких в полное недоумение, и 11 апреля Зинаида вразумляла сестру: «Как же ты назад-то попадешь, опять придется выхлопатывать заново разрешение на выезд, и какой же смысл приезжать, если вы вернетесь осенью». С женой был солидарен и М. А. Лихарев, который 14 апреля написал Водовозову: «Я весьма сочувствовал бы и одобрил бы временный приезд сюда Вашей милой супруги. Ввиду Вашего скорого возвращения в Петербург такая рекогносцировка была бы очень полезна, ибо условия жизни и обстановка здесь за эти почти два года достаточно изменились, чтобы оправдывать такое предварительное нащупывание почвы для устройства. Боюсь только, не оказались бы для нее затруднительными хлопоты о возвращении к Вам». В постскриптуме Лихарев предупреждал Ольгу Александровну: «Надежды Ваши на какие-то “связи” В. В. мне кажутся чистейшей иллюзией». В другом письме, от 9 марта 1925 г., выражая несогласие с женой, которая звала сестру вернуться в Россию: «И чего вы там киснете? Жить “кисло” можно и здесь, да еще если тряхнуть связями и заслугами», – Лихарев был еще более категоричен: «Во-первых, я решительно против даваемого Вам Зиной совета спешить с возвращением; обстоятельства, по моему мнению, неблагоприятны. Я совершенно не вижу пока возможности литературного заработка для Вашего супруга; условия такого заработка все ухудшаются для представителей гуманитарных наук»[685].

Стремясь понять, насколько реален проект, которым его прельщал Перельман, Водовозов обратился в «Издательство Брокгауз – Ефрон», откуда 15 марта 1926 г. ему ответили: «Мы здесь думаем выпустить малый словарь в 15 выпусков – 150 печатных листов по 105 000 букв, наподобие “Handbuch des Wissens”[686] Брокгауза. Кое-что даже уже сделали в этом отношении. Хотим мы к осени приступить вплотную к работе, и, конечно, если Вы к тому времени будете здесь, Вы будете самым

желанным и самым близким сотрудником». Хотя издательство не решалось брать на себя какие-либо обязательства перед Водовозовым, оно просило в случае его возвращения в СССР захватить с собой все материалы по словарю, которые «могут весьма и весьма пригодиться»[687]. Но Гржебин, вложивший 12 000 долларов в подготовку словаря и сожалевший, что работа над ним остановилась[688], тоже имел виды на материалы Водовозова, считавшего, в свою очередь, что работодатель не доплатил за его труд. Взаимные претензии разбирались 29 июля третейским судом под председательством П. Н. Милюкова, но решение было не в пользу Водовозова, о чем свидетельствует договор, подписанный им 7 октября с издателем М. Л. Цитроном в Париже. Водовозов обязывался «выдать Цитрону или его доверенному лицу все без исключения рукописные материалы “Энциклопедического словаря” (в Праге у себя на квартире)», подтвердив, что «никаких претензий к Гржебину больше не имеет». Цитрон был вправе издать словарь, переработав его по своему усмотрению, и даже без упоминания, что он «составлялся (частью) и редактировался Водовозовым», который 10 октября передал новоиспеченному правообладателю «шесть тетрадок» подготовленных им материалов, за которые получил 25 долларов, а в ноябре – остальные рукописи еще за 15 долларов[689]! Но словарь так и не увидел свет…

Проживая за границей с советским паспортом, Водовозов изредка печатался в эмигрантских газетах, позволяя себе довольно резкую критику большевистского режима. Например, его возмутила статья М. Осоргина «О прочитанном», появившаяся в парижских «Днях» 16 ноября 1927 г., в которой автор, ссылаясь на «слишком короткую память» вынужденных изгнанников, замечал: «Мы смеемся над тем, что цензура большевиков воспрещает писать слово “Бог” с большой буквы, забывая, что наша прежняя цензура воспрещала писать его с буквы маленькой. Сейчас конфискуют роман, в котором белый офицер изображен порядочным человеком; но припомним цензурный параграф, воспрещающий восхваление государственных преступлений, т. е. сочувственное изображение героя тогдашней “борьбы за свободу народа”. Романы Степняка не были ли под запрещением?» В открытом письме в редакцию Водовозов возражал, что подобные запрещения существовали только до 1905 г., а позже, в 1907 г. роман «Андрей Кожухов», не сочувственно только, а прямо восторженно изображавший революционеров-террористов, был напечатан С. А. Венгеровым в Петербурге вполне легально, и слово «бог» очень и очень многие писали с маленькой буквы, и цензура перестала к этому придираться. Комментируя

риторический вопрос Осоргина: «История лучшей нашей газеты, “Русских ведомостей”, не есть ли красноречивая история страданий русской печати?», Водовозов напоминал, что «самая горькая страница в этой истории была написана большевицкой властью», ибо «при ней газета погибла; до нее – выходила в течение более полувека, все время оставаясь в решительной оппозиции правительству». Водовозов замечал, что совершенно непостижимо, как можно сопоставлять дореволюционную цензуру с большевистской, при которой допускается существование только правительственных органов, хотя даже в мрачные времена Николая I «могли писать – не свободно, но могли – и Белинский, и Герцен», которые теперь «были бы, подобно Осоргину, бессрочно высланы за границу»[690]. А в отзыве на книгу Н. А. Гредескула «Россия прежде и теперь» (М., 1926) Водовозов замечал, что она должна лишний раз засвидетельствовать верность автора советскому режиму, и потому, воспевая ему хвалу, тот «не знает меры и не считает нужным стесняться истиной», в связи с чем язвительно напоминал совет А. С. Пушкина: «Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в самой подлости оттенок благородства!»[691]

«Помню, в голодном Петербурге осенью 1918 г., – вспоминал С. С. Ольденбург, – Вас[илий] Вас[ильевич] высказывал одно, как он говорил, *последнее желание*: объехать после войны все главные государства и собственными глазами убедиться в результатах и итогах мировой войны. Желание его исполнилось, увы, *только отчасти*: он получил возможность выехать в Западную Европу и даже издал книгу, подводящую некоторые итоги; но трудность передвижения – глухота и прогрессировавшая слабость зрения – уже не дали В. В. Водовозову возможность полностью охватить мир и настолько же в нем освоиться, как в довоенной Европе»[692]. Его фундаментальный, более 400 страниц труд – «Новая Европа: Территория и население. Государственный строй. Международное положение. Денежная система и финансы. Экономические условия. Политические партии» – вышел в пражском издательстве «Пламя» в конце 1924 г. Основанный главным образом на информации статистических ежегодников и других официальных изданий разных стран, но также и на личных наблюдениях автора, этот труд, указывал рецензент берлинской газеты «Руль», благодаря обилию тщательно собранного и прекрасно изложенного материала является «чрезвычайно полезным и ценным пособием к познанию современности», а «имя автора – заслуженного публициста и одного из лучших в России знатоков политической жизни Запада – гарантирует качество сделанной работы»[693].

Специалист по вопросам международного права Б. С. Миркин-Гецевич, который испытывал, как признавался, «давнее уважение, преданность» и даже «привязанность» к автору «Новой Европы», 6 ноября благодарил его: «Я начал ее читать – и уже должен выразить Вам свое искреннее удовольствие и удовлетворение. Такая хорошая, такая нужная книга (нужная даже для европейского читателя, если бы он знал русский язык). Я буду о ней писать»[694]. Н. С. Русанов, отмечая 19 марта 1926 г. «добросовестность» автора, делился с ним впечатлениями: «Можно лишь пожалеть читателей, что Вы дали им только “Новую Европу”, а не всю Европу, и новую, и старую». Как «очень полезную» оценивал книгу и Е. В. Спекторский, профессор Русского юридического факультета в Праге и председатель Русской академической группы в Чехословакии в 1924–1927 гг.[695]

10 декабря 1925 г. Водовозов был единогласно избран преподавателем Русского педагогического института им. Я. А. Коменского по дополнительному курсу «Культурно-экономический обзор славянских стран и лимитрофов» (10 лекций)[696]. В Русском народном университете он также периодически выступал с лекциями на разные темы, в том числе: «Кризис демократии и парламентаризма» (29 октября, 14 ноября 1926 г.), «Государственный строй и политические партии ЧСР» (12, 19 марта 1927 г.), «Международная политика Советской власти» (16 января 1928 г.), «Федерация и конфедерация в применении к русским условиям» (6 февраля 1929 г.), «Государственное устройство СССР» (7 апреля 1930 г.), «Политическое и общественное мировоззрение Пушкина по новым данным» (6 марта 1931 г.)[697].

Параллельно Водовозов трудился над своими мемуарами, и 15 февраля 1928 г. на заседании хозяйственной комиссии Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге был заслушан отзыв В. А. Мякотина по первой их части («Воспоминания о времени конца 80-х и начала 90-х годов»). Подчеркивая «богатое фактическое содержание», придающее рукописи «исключительный интерес»[698], Мякотин находил желательным приобретение ее, с оценкой в 300 чешских крон за печатный лист. Признавая воспоминания «очень ценным материалом», управляющий РЗИА В. Я. Гуревич возражал, что предложенная оценка «все же высока», но Мякотин отстаивал ее «в интересах получения дальнейших мемуаров В. В. Водовозова, являющегося одним из наиболее видных участников общественного движения в России». На предложение Гуревича просить «об оплате рукописи в порядке дополнительного ассигнования» уполномоченный МИД ЧСР профессор Я. Славик

заявил, что «не видит препятствий к возбуждению этого ходатайства»[699], и вопрос был решен. В подписке, которую Водовозов дал 15 марта, говорилось о передаче им в полную собственность РЗИА своей рукописи, составленной «в начале 1928 года в Праге», с обязательством впредь «не пользоваться ею без разрешения архива как полностью, так и частично, ни в вариантах, ни в переделках»[700].

10 октября того же года Ученая комиссия РЗИА признала «желательным» приобретение и второй части мемуаров («Годы странствований. 1893–1900»), представлявшей, по заключению Мякотина, несомненный интерес для характеристики как общественной жизни России, так и самого автора, «заметного русского публициста и политического деятеля»[701], а еще через пару лет, 28 ноября 1930 г. – третьей части («Новый век. Воспоминания из эпохи 1900–1905 гг.»), с оплатой по той же ставке: 300 крон за печатный лист[702]. В своем заключении Мякотин ставил в заслугу автору, что свои впечатления о пережитом он передает «без какого-либо явного партийного и личного пристрастия», без всяких попыток приукрасить собственную роль, «передает только то, что хорошо помнит, тщательно оговаривая те даже мелкие случаи, когда память не позволяет ему вполне точно восстановить тот или иной факт», а доля неизбежного субъективизма мемуариста нигде не переходит в искажение описываемого[703].

Летом 1929 г. консульский отдел Полномочного представительства СССР в Чехословакии продлил срок действия советского паспорта Водовозова до 19 августа 1930 г.[704] После того как и этот срок миновал, а Водовозов, уехавший за границу по командировке Наркомата просвещения, так и не вернулся на родину, он стал «невозвращенцем», подпадая под действие постановления ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР»[705]. Надежды на возвращение в Россию уже не было, и для мрачного настроения, которое переживал Водовозов, характерно его письмо Е. Д. Кусковой от 11 июня 1930 г., в котором, откликаясь на смерть в Париже их общего товарища, он с горечью замечал: «Смерть [В. В.] Португалова меня тоже очень огорчила, хотя я не знаю, верно ли Ваше сведение, что он “так хотел жить”. Я не очень верю в возможность такого хотения для человека в наших условиях; мне кажется, что все мы слишком устали жить. А умереть придется громадному большинству в эмиграции; в этом я совершенно убежден. Настолько убежден – и тоже давно, – что когда года три

тому назад в Петербурге была конфискована большевиками половина моей библиотеки (после чего остающуюся половину я сам подарил Академии наук, за что, между прочим, теперь расплачивается С.[Ф.] Ольденбург), то я, хотя и был глубоко возмущен этим, как актом дикого произвола, но почти не испытывал личного огорчения: слишком я был убежден, что мне все равно ее не видать»[706]. (Упоминание потерявшего должность Ольденбурга было вызвано сообщением эмигрантской прессы, что из Ленинграда в Москву доставлены материалы, изъятые чекистами в Академии наук СССР, где оказались документы трудовиков, дополненные личными архивами Керенского и Водовозова, у которого хранилась «большая переписка с крупнейшими политическими и литературными деятелями (имеются письма Плеханова, Ленина и др.)»[707].)

Водовозов уверял Кускову, что, лишившись своих книг, почти не огорчился, но в некрологе она писала: «Кто знал и видел его превосходную, с исключительной любовью собранную петербургскую библиотеку, – эти до потолка доходящие шкафы с сокровищами по всем отраслям знания, и его среди этих книг, – тот хорошо понимал глубокое его страдание здесь, за рубежом, в разлуке с этим скопленным богатством… Во время нэпа он все еще надеялся, что библиотека его сохранится. Из своих скудных средств он приносил жертвы, чтобы содействовать этому ее сохранению, ее сохранности для будущего». Кускова припоминала их разговор, когда Водовозов, «как всегда раздельно отчеканивая слова и энергично размахивая своей неизменной трубкой», которую приставлял к уху, настойчиво спрашивал ее: «Послушайте, вы занимаетесь русским вопросом, – я не занимаюсь им, – когда падут эти господа?» – «Не скоро, дорогой Василий Васильевич, не скоро…» – «Но тогда мне придется умереть здесь, так и не увидев России и моей библиотеки там, понимаете?» – «Зачем же умирать, Василий Васильевич? Вы так мало занимаетесь политикой, что при малейшем изменении режима сможете вернуться туда…» – «Я? То есть это как же?.. Колодки самодержавия я еще кое-как переносил. Но безобразия и гнусности, которыми угощают народ наши, так сказать, дальние родственники, якобы социалисты, я уже не могу…»[708]

В Праге Водовозов участвовал в работе над чешскими энциклопедическими изданиями – трехтомным «Словарем по экономике, социальным и политическим вопросам»[709], изданным в 1929–1933 гг., и над многотомным «Научным словарем Отто нового времени». Второй словарь задумывался как дополнение к крупнейшему универсальному «Научному словарю Отто» («Ottův slovník naučný. Illustrovaná encyklopædie obecných vědomostí»),

изданному в 1888–1909 гг. в 28 томах и названному по имени ее издателя Яна Отто (Jan Otto). Водовозов активно сотрудничал в новом энциклопедическом словаре (предполагалось, что он будет состоять из 8 частей по два тома каждая, но вышли только 6 частей; в 1943 г. издание прекратилось) и хотя смог увидеть только первые книги, вышедшие в 1930–1932 гг.[710], сохранились подготовленные им многочисленные статьи и черновые записи к ним на все буквы алфавита[711].

Завершив работу над четвертой, самой пространной частью своих воспоминаний («Первая революция и ее ближайшие последствия»), Водовозов представил рукопись в РЗИА 3 сентября 1931 г. с просьбой дать ее на прочтение А. Ф. Изюмову[712], что объяснялось переездом Мякотина в Софию. Обсудив 23 октября заключение другого эксперта, профессора А. В. Флоровского, который указывал, что мемуары читаются «с большим интересом» и будущий историк «найдет в них, несомненно, важный и ценный материал»[713], Ученая комиссия РЗИА признала желательным приобретение их по цене 250 крон за лист[714].

Но вызванное экономическим кризисом резкое сокращение ассигнований, отпускаемых МИД ЧСР на деятельность Объединения российских земских и городских деятелей (Земгора), занимавшегося распределением финансовой помощи эмиграции, больно ударило по ней, и 23 февраля 1932 г. Изюмов, входивший, как и Водовозов, в Пражскую группу ТНСП, жаловался Мякотину: «Прага живет нервно, говорю про русскую Прагу: иждивение выдали только в половине февраля, еще урезавши и предупредивши – пока до июля. В Земгоре совсем плохо…». И добавлял: «Бунтует В[асилий] В[асильевич]. Он вошел сам в бюджетную комиссию, ходит туда с О[льгой] А[лександровной], а она потом по Праге пускает всякие слухи»[715].

На годичном общем собрании Земгора, растянувшемся на четыре заседания (11, 19 марта, 2, 5 апреля), отмечалось, что из-за долгов пришлось уволить большинство его служащих, прекратить издание журнала «Русская школа за рубежом» и свернуть деятельность Комитета по изучению Сибири, закрыть автошколу, а теперь речь идет о невозможности содержать «здравницу» для туберкулезных больных и, из-за чего особенно расстроился Водовозов, эмигрантскую библиотеку-читальню имени Масарика. Ее книжный фонд, с отделениями в Братиславе, Брно и Ужгороде, составлял около 54 тыс. экземпляров, но часть была уже описана по исполнительным листам кредиторов, и возникла угроза, вскоре, увы, реализовавшаяся, распродажи книг с публичных торгов. В «особом мнении», критикуя

представленную смету, Водовозов негодовал, что «ассигновка на библиотеку до крайности урезана», и, учитывая «общее обнищание русской эмиграции» и «катастрофическое финансовое положение», предлагал снижение окладов членов комитета и служащих канцелярии Земгора, что, конечно, им не понравилось[716]. Выступая 2 апреля в прениях, Водовозов отчитал заведующего библиотекой, который ее «систематически разрушал», и комитет Земгора, покрывающий своих служащих (помощник заведующего библиотекой Л. А. Крезе растратил деньги ссудо-сберегательной кассы). Но руководители комитета оскорбились, посчитав, что им предъявили обвинения «уголовного характера». Хотя на собрании раздавались голоса, что оратор «неправильно понят», а его резкое выступление – «плод излишней нервности», Водовозов заявил, что, поскольку «моральный авторитет Земгора растерян», он выходит из него[717]. (14 мая Водовозов потребовал также вычеркнуть себя из членов ссудо-сберегательной кассы «Славянская взаимность» и вернуть внесенный им денежный пай[718].)

Комментируя 7 апреля упомянутый инцидент, Изюмов снова указывал Мякотину на бедственное положение Земгора: «Обещания, которые были даны в смысле помощи, при всем желании оказались неисполнимыми. Ставить в данный момент какие-нибудь принципиальные вопросы глупо и ни к чему. Между тем В[асилий] В[асильевич], настроенный О[льгой] А[лександровной], пошел именно по этому пути и, придравшись к пустякам, вышел из Земгора, наговоривши довольно много неприятных слов и не учтя, что в комитет входит и наш товарищ. Это прибавило еще взаимных обид и неприятного настроения»[719]. В другом письме, от 10 апреля, адресованном С. П. Мельгунову в Париж, сетуя, что пражским народным социалистам придется заплатить за поручительство, чтобы уволенный со службы «подлец» Крезе (народный социалист) мог получить ссуду по векселю для покрытия своей растраты, Изюмов пояснял: «Земгор, собственно, идет ко дну, и мы (то есть поручители: А. А. Виноградов, С. И. Гессен, А. Ф. Изюмов, Е. А. Ляцкий, В. С. Озерецковский. – *В. Г.*) оказались вроде спасателей утопающего. В. В. Водовозову такая роль не понравилась, и, будучи сильно начинен Ольгой Александровной, он устроил истерику и ушел из объединения. Мы остались: уж раз вмазались в это дело, то сейчас уходить смешно. <…> Все это мелочи, но сколько же они часов отняли, во-первых, а во-вторых, кажется, доконали нашу маленькую группу, которая была спаяна хотя бы местными делами. Ведь для большой политики здесь сейчас места нет»[720].

Отдалившись от Пражской группы ТНСП, Водовозов

продолжил работу над мемуарами, и 21 октября 1932 г. Ученая комиссия заслушала отзыв нового члена Совета РЗИА В. Н. Челищева, в прошлом начальника управления юстиции Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникина, о пятой и, как оказалось, завершающей части воспоминаний – «Революция 1917». Считая, что рукопись состоит из глав, «далеко не равноценных по содержащемуся в них материалу», в четырех из которых «не сообщается ничего существенно ценного», Челищев тем не менее выделял две главы, которые «полны интереса», ибо одна посвящена характеристике личности А. Ф. Керенского, а другая – работе Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Принимая во внимание, что рукопись является продолжением уже полученных архивом предыдущих частей мемуаров, Челищев находил желательным приобретение ее из расчета 200 крон за печатный лист, но ввиду сокращения бюджета Ученая комиссия согласилась с предложенной оценкой лишь в отношении второй, четвертой и шестой глав, а за остальные решила уплатить по 150 крон[721].

Средств на жизнь катастрофически не хватало, нищета подступала все ближе, и Водовозов, узнав, что преподаватель Русского юридического факультета в Праге П. А. Остроухов, выполняя поручение профессора Гарвардского университета социолога П. А. Сорокина, подбирает сотрудников для «разработки сведений о периодах экономического благосостояния и упадка в истории различных стран Европы», предлагает ему свою кандидатуру, указывая, что специализируется по государственному и, в частности, избирательному праву. «Может быть, – пишет Водовозов, – Вы нашли бы возможным дать мне работу по составлению таблиц развития конституционных идей и учреждений, вроде той, которую Вы дали [Н. О.] Лосскому по истории философских идей? Такая работа была бы мне гораздо ближе и интереснее. Вообще в настоящее время я очень сильно нуждаюсь в работе и буду бесконечно благодарен Вам, если Вы поможете мне найти таковую. Я очень много, в течение более чем 40 лет, работал в различных энциклопедических и специальных словарях, теперь работаю в чешском Slovník národohospodářský, sociální a politický, где пишу все статьи о России и очень многие по государственному праву, в частности Parteiwesen других стран, но эта работа через два месяца кончится за выходом последнего тома. К сожалению, я могу писать только по-русски». Но договориться с Остроуховым не удалось[722].

Еще раньше, 8 февраля Водовозов обратился к М. И. Ганфману, редактировавшему газету «Сегодня» в Риге,

относительно какой-либо переводной работы для Ольги Александровны: «Она кончила курс по отделению германско-романской филологии и хорошо владеет пятью языками: немецким, французским, английским, итальянским и испанским. Когда-то (в 1907 или 1908) перевела книгу Scartazini о Dante[723], кое-что переводила в журналах (между прочим в “Былом” скомпилировала мемуары Палеолога, хотя они были там подписаны не ее, а моим именем[724]), для “Всемирной литературы” перед самой эмиграцией переводила исторические произведения Вольтера и т. д. В настоящее время она переводит (и сама выбирает для перевода) мелкие повести для “Таллинского русского голоса”. Но это дает так мало и времени остается свободного так много, что я очень просил бы Вас дать ей какую-нибудь работу». Указывая, что Ольга Александровна могла бы «переводить и компилировать исторические произведения», Водовозов добавлял, что и сам «был бы очень рад сотрудничать» в «Сегодня»[725].

В последней части своих мемуаров Водовозов писал, что, как и прежде, всеми фибрами души жаждет «революционной бури, которая должна стереть с лица земли самый омерзительный, самый подлый, самый тиранический строй, какой только знает вся человеческая история на протяжении по крайней мере всего XIX и XX вв.», имея в виду сталинизм. Он еще не знал, что скоро большая часть Европы окажется под пятой гитлеровского режима… Эмигрантская пресса утверждала, что к решению добровольно уйти из жизни Водовозов пришел под влиянием «отчаяния, полной потери надежды на возможность продолжать борьбу за существование и боязни, что конец его жизни превратится в темное полуголодное прозябание, что до смерти наступит период гробовой тишины, нарушаемый лишь внутренней мукой», ибо он «не утрачивал остроты душевных восприятий и мысль его оставалась и теперь, в 69 лет, ясной и отчетливой»[726].

Свой поступок Водовозов объяснил сам в прощальном, пронзительном по трагизму письме жене, начатом 2 октября 1933 г.:

«Дорогая Оля.

Прошу тебя простить мне те страдания, которые я тебе причиняю, но я не могу иначе.

Я решил умереть и выбрал для этого пятницу как день, когда тебя не будет дома.

Мотивы моей смерти понятны. Главных два: такое болезненное состояние, глухота, грозящая окончательная слепота, при кот[орой] работать скоро будет нельзя вовсе, а

теперь уже нельзя ничего серьезного, даже если бы работа была. Но ее нет и, видимо, не будет. Не будет, следов[ательно], и средств к существованию. Это второй мотив. Просить милостыню, пользуясь своим знакомством с Масариком, я не могу. И так ведь мы живем 10 лет на счет общественной благотворительности. Есть и другие мотивы, но о них не стоит говорить. Каждого из первых двух достаточно в отдельности.

Жить не смогу, смерти не боюсь вовсе, хотя форма смерти, единственная, которая находится в моем распоряжении, ужасна, страшна. Надеюсь все-таки, что не дрогну перед ней.

Выбираю мне знакомое место, где смерть технически исполнима.

Делаю все, что в моих силах, чтобы облегчить тебе жизнь. В столе ты найдешь бумажник, в нем – 100 крон, кот[орые] я отложил на всякий случай еще несколько лет тому назад и кот[орые] не истратил.

Там же найдешь паспорта, мой и твой (не беру с собой своего, – авось пустят на кладбище и без него)».

Напоминая о квартирных расписках и о залоге, Водовозов деловито советовал жене продать «кое-что из вещей», предупреждая: «Беру часы, без них не могу, худшие, – тебе оставляю лучшие». Касаясь чешского энциклопедического словаря («Slovník národohospodářský, sociální a politický»), Водовозов просил жену: «Возьми в Словнике последний вып[уск] и вместе с предпоследним перешли Изгоеву. Остальные книги, может быть, удастся продать какому-нибудь букинисту за грош. Может быть, переплетенный Словник (3-й том тебе, конечно, дадут) тоже продашь или, м[ожет] б[ыть], – если будут деньги на пересылку – тоже пошлешь Изгоеву. Напиши ему, что я вспоминал его перед смертью, желая ему здоровья и бодрости для продолжения его работы». Завершая послание жене: «Ну, прощай и не поминай лихом», – Водовозов добавил: «Постараюсь устроить так, чтобы это письмо дошло до тебя, хотя боюсь, что, может, и не удастся»[727].

Три дня спустя, в четверг, 5 октября, готовясь к смерти («обдуманной во всех деталях, – поражался Изюмов, – и выполненной с каким-то самурайским спокойствием»[728]), Водовозов эпически спокойно продолжает свой жуткий по драматизму монолог, адресованный жене:

«Я решил это письмо не брать с собой, как я предполагал первоначально в расчете, что оно будет найдено на мне и отправлено по почте, а оставить в столе, – авось ты его найдешь сама.

100 крон придется разменять и 20 взять себе на дорогу.

Ну, прости, завтра, надеюсь, всему конец.

В последние дни я усердно читал книгу Sarton[729]. Если ты увидишь В[?], скажи ему, что Sarton меня не убедил в справедливости своей основной идеи о беспрерывном прогрессе науки. К сожалению, не удастся об этом поговорить.

С часами передумал. Боюсь, что, увидев серебряные часы, ты заподозришь сразу неладное, произведешь обыск и найдешь это письмо. Приходится пожертвовать ими».

Осуществление задуманного Водовозову пришлось отсрочить (в пятницу Ольга Александровна не уехала по делам, как предполагал ее муж, уговорив его тоже не выходить на улицу), о чем в тот же день, 6 октября Водовозов написал: «К сожалению, ты сегодня оставила меня дома, и вследствие этого я не смог исполнить своего намерения. Пришлось отложить, не знаю, на сколько. М[ожет] б[ыть], в понедельник, а м[ожет] б[ыть], удастся и в субботу 7 окт[ября]. Прошу тебя, не трать денег на панихиды. Похоронят, надеюсь, бесплатно. Во всяком случае, не требуй моего тела для похорон на свой счет, никакой в этом надобности нет»[730].

В очерке «Три смерти», написанном 1 ноября специально для В. А. Мякотина и С. П. Мельгунова, то есть не предназначенном для печати, А. Ф. Изюмов сделал попытку восстановить последний день Водовозова: «В субботу часов в 10 он стал собираться в парламентскую библиотеку. Жена ничего не заметила: накануне он занимался, как всегда. Только вместо серебряных часов, которые надевал обычно, уходя в город, он стал надевать старенькие никелевые. Она спросила: “Почему же берешь старые часы?” Он ответил: “Они мне удобней”. Уходя, взялся купить хлеб. Простился как обычно. По-видимому, он часа два занимался в библиотеке, потом дошел до Виноградского вокзала, откуда поехал в Збраслав. Там видели его гуляющим по берегу Влтавы»[731]. А в четверть пятого Водовозов осуществил задуманное, перед этим сняв и положив на насыпь свое пальто, в кармане которого нашли записку с приколотым к ней обручальным кольцом: «Сейчас я умру. Прощай, дорогая Оля. Письмо к тебе найдешь в столе»[732].

В одиннадцатом часу вечера Ольга Александровна, которая из-за отсутствия мужа в столь позднее время не находила себе места, беспокоясь, не попал ли он под машину, зашла к соседу, ученику своего отца, профессору Н. О. Лосскому. «В последнее время, – вспоминал тот, – глухота Водовозова стала все более усиливаться, платной работы у него было все меньше. Победа гитлеризма в Германии произвела на него удручающее впечатление. Зная настроение мужа, Ольга Александровна

волновалась и попросила меня пойти с ней в полицию навести справку, не было ли какого-либо несчастия. В полиции к нашему заявлению отнеслись несерьезно, говоря, что отыскиваемый нами господин сидит где-либо в ресторане со своими приятелями. Моя жена и я целую ночь провели с Ольгой Александровной в тревоге…»[733] Поиски по больницам тоже не дали результата, и, вернувшись в четыре утра домой, Ольга Александровна, разыскивая паспорт мужа, оказавшийся на обычном месте в письменном столе, наткнулась на его прощальное письмо. Она и Лосский побежали на железнодорожную станцию Бубенеч, откуда телефонировали на ближайшую соседнюю в Розтоки, где пока еще ни о каких несчастных случаях не знали. Но в свежем утреннем номере газеты «České slovo» («Чешское слово») появилось сообщение, что накануне около Збраслава бросился под поезд какой-то неизвестный господин. Ольга Александровна с женой Лосского немедленно выехала в Збраслав, где на платформе ее ждал закрытый гроб. Выяснилось, что Водовозов, который жил в этом городке несколько лет и очень его любил, на глазах у прогуливавшейся в отдалении публики бросился под товарный поезд местной одноколейки, который «совершенно его уничтожил»[734], ибо, «зная хорошо окрестности Збраслава, он выбрал такое место, где поезд выходит из-за горы, так что машинист не мог бы успеть остановить его»[735].

Из-за отсутствия денег на перевозку тела вдове пришлось отказаться от погребения покойного в Праге, где на вечер 10 октября назначили панихиду в храме Св. Николая. Устроить похороны в Збраславе предполагалось на следующий день, в среду, но потом их перенесли на вторник, на четыре часа дня. «Мы с В. С. О[зерецковским], – сообщал Изюмов, – успели заказать венок: “Незабвенному В. В. Водовозову – Пражская группа Тр[удовой] Н[ародно]-Соц[иалистической] партии”. Похороны были православные. Отпевал местный игумен Исаакий над раскрытой могилой. Сказал очень умное и тактичное слово, которое кончалось: “И пусть эта земля св. Вячеслава, покровителя земли чешской (на другой день по календарю был день св. Вацлава), будет тебе легче той земли, по которой ты ходил”. Был яркий солнечный день. Кладбище – чудесное, на горе, кругом лес. С кладбища отправились на панихиду, – народу было много. О[тец] Исаакий повторил в более коротком виде свою речь. На кладбище речей не говорили, – мало очень народу было, да и сказать трудно что-нибудь было: так все были потрясены. Тут же мы решили устроить собрание памяти…»

На заданный себе вопрос, что же явилось причиной самоубийства, Изюмов ответил так: «Всё – и надвигающаяся

нищета, и болезнь, и моральное состояние – всё сбилось в одну точку, и мы отчасти виноваты в этом. После расхождений по местным делам мы как-то перестали собираться: он был очень одинок. Винить ли ее [вдову], не знаю. Я сам слышал, как она плакала на могиле и говорила: “Вася, прости меня”. Это между нами. Но мы ее не виним. Несмотря на наши расхождения, особенно с ней, мы все сделали, чтобы проявить к ней все внимание»[736]. Более откровенен Изюмов в послании М. А. Алданову от 26 ноября, в котором, ссылаясь на слова С. П. Мельгунова, написавшего ему 22 октября: «Страшна смерть Водовозова. Самоубийство его я понимаю, но зачем такой способ, чтобы развязаться с жизненной мерзостью? До нас дошли слухи о неладах его с женой. Так ли это было в действительности?» – выражал свое негодование по поводу того, что «парижские товарищи», члены ТНСП, не прислали соболезнование вдове, считая ее «виновницей смерти В[асилия] В[асильевича]». Изюмов против этого решительно возражал:

«Я не знаю, что Вы имели в виду. Если настроения О[льги] А[лександровны], то здесь доля правды была. Нам, пражанам, О. А. доставила массу неприятностей, передавая В. В. всякие вздорные слухи из чужого лагеря. Последний год мы даже перестали собираться из-за разногласий по местным делам, – а эти разногласия были раздуты О. А., но у нас и мысли не было не отозваться на наше общее горе. Мы (правда, немного нас) бросились сейчас же к О. А. и предложили свою помощь, хотя до этого никто из нас не бывал в пансионе, где они жили. Если хотите, и наша вина есть в той разобщенности, в которой мы пребывали последний год, но что поделаете с обстоятельствами, которые часто бывают сильнее нас. Но я боюсь одного – не дошла ли до Вас та сплетня, которая необычайно занимала тут некоторых профессорских дам. Одна из них, например, была настолько умна, что через несколько дней после смерти В. В. прямо поставила вопрос: “А знал ли В. В. о Ваших близких отношениях к И[згоеву]”. Вот в этом вопросе я, прочитавший все письма этого И[згоева] (по воле самой О. А.), утверждаю, что, кроме самых дружеских отношений, между ними ничего не было: если не слова, то тон писем обличил бы это. Конечно, чужая душа потемки, но я не хочу, чтобы партийные товарищи были жертвой сплетен профессорских дам, которые здесь только то и делают, что сплетничают. О. А. сама считала себя виновницей в том смысле, что она проглядела эту смерть. Эта мысль не давала ей покоя. Сколько мы ни пытались разубедить ее в этом, все было бесполезно»[737].

Сам А. С. Изгоев, только что перенесший

офтальмологическую операцию (он жил в Эстонии), 10 октября, узнав, что Водовозов покончил с собой, горячо призывал Ольгу Александровну не корить себя: «Соберите все силы. Вы еще молоды. Жизнь у Вас впереди»[738], а на ее большое, вызвавшие у него слезы письмо ответил 17 октября: «Вы не правы все же, когда думаете, что за сухой внешностью В[асилий] В[асильевич] не знал Ваших истинных чувств к нему. Я имею основание думать, что знал и верил Вам. Будь иначе, эта страшная катастрофа произошла бы не теперь, а в другое время. Василий Васильевич не был ни сантиментален, ни откровенен. Но однажды в Ваше отсутствие он говорил со мной о Вас. Смысл разговора был таков: когда я совсем стану слепым и полным инвалидом без средств к жизни и почувствую, что я только в тягость О[льге] А[лександровне], я уйду из жизни. “А Ольга Александровна?” – “Она моложе меня значительно, устроится”. Относительно ухода из жизни, когда человек почувствует, что он не помощь, а лишь обуза для своего спутника, я высказал – теоретически, ведь весь разговор был “теоретический”, – приблизительно такое же мнение. Теперь я боюсь, что у меня, пожалуй, не хватит мужества и великой духовной силы Василия Васильевича, так как душевно я мельче его. Но из этой нашей беседы я вижу, что он ушел не потому, что сомневался в Ваших чувствах к нему, а потому, что предвосхищал события, дал овладеть собой ужасной мысли, что он уже в тягость, что без него для Вас будет легче борьба за существование. Эта ужасная мысль есть в то же время и страшная ошибка. Ошибка и постоянная, даже если бы он действительно уже был полным инвалидом, ошибка и временная, потому что на самом деле он еще не был им и, вероятно, нашел бы работу. Но, Ольга Александровна, Вы ведь не знаете, какой это ужас, когда человек, например, начинает сознавать, что он слепнет. А я, к несчастью, уже имею понятие об этих чувствах и мыслях. И говорю Вам решительно и твердо: такого прямого и душевно мужественного человека, каким был покойный и в чем я ему больше всего завидую, подобные мысли и чувства могли довести до самоубийства»[739].

Водовозов, пессимист по характеру, был и раньше, видимо, подвержен суицидальным настроениям, так как муж сестры Ольги Александровны, М. А. Лихарев, узнав о его самоубийстве, 17 октября писал свояченице: «Я совершенно ошеломлен тем, что В[асилий] В[асильевич] внезапно привел в исполнение свою давнишнюю угрозу, такую давнюю, что, казалось, с течением времени она утратила всякую серьезность. Удрученный совершившимся, я не решаюсь и спрашивать о ее причинах, которые, как показывает уже самая давность страшного замысла,

ныне, наконец, приведенного в исполнение, должна корениться глубоко в индивидуально-психологическом складе»[740]. Более того, Водовозов, если верить его жене, «неоднократно предлагал ей вместе покончить с собой, но она смотрела на это как на шутку». Полагая, что главным толчком для ухода его из жизни были, конечно, надвигающаяся слепота, потеря работы и, как следствие, нищета (жена получала лишь маленькое пособие), Изюмов вспоминал, что когда в июне Василий Васильевич посетил его, то «определенно говорил, что этого года не переживет», но помимо прочего морально его страшно потрясли события в Германии, и он сокрушался: «Я всю жизнь верил во всеобщее избирательное право как путь к демократии. Отрицать того, что Гитлер пришел к власти путем всеобщего избирательного права, невозможно. Это разрушает все мое миросозерцание, что-то надо пересмотреть, но сил у меня уже нет». Не здесь ли, предполагал Изюмов, одна из главных причин трагедии[741]?

Эмигрантская колония была потрясена случившимся. «Мужественной рукой он сам угасил свою лампаду», – выражал 9 октября соболезнование вдове председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике Н. И. Астров. Правление Союза также обратилось к ней 11 октября с сочувственным посланием за подписью С. И. Варшавского[742]. Соболезнования прислали ректор Русского народного университета М. М. Новиков, профессора Люблянского университета Н. М. Бубнов, А. В. Маклецов, Е. В. Спекторский[743].

На смерть Водовозова откликнулись едва ли не все эмигрантские газеты[744], но первым, еще 9 октября, – рижское «Сегодня», характеризовавшее покойного как «одного из типичнейших и благороднейших представителей старой дореволюционной русской публицистики», который «всегда и всюду – в печати, в общественной и в личной жизни – был человеком глубоко идейным, кристально чистым», а «широкая терпимость и любовное отношение к людям соединялись у него с непреклонностью убеждений и отсутствием всякого рода компромиссов и оппортунизма». На следующий день газета поместила теплые воспоминания М. И. Ганфмана: «Небольшого роста, с копной непокорных волос, близорукий, давно уже страдавший глухотой, В[асилий] В[асильевич] оставлял первое впечатление человека сурового, чуть ли не сектанта от радикализма. Он говорил медленно, четко, громко, и все его слова звучали как вещания и поучения. Это еще более усиливало ощущение суровости, непреклонности и твердокаменности. Но вдруг лицо В. В. Водовозова озарялось совершенно детской

улыбкой, и сразу становилось ясно, что этот мрачный радикал – добрый, мягкий человек с чистой, наивной душой. Исключительно бескорыстный, никогда не думавший о своих интересах, о своем устроении, никогда не отступавший от того, что он считал долгом, В. В. видел в демократическом миросозерцании прежде всего миросозерцание этическое, моральное. Исповедуя свои политически-общественные взгляды, примыкая к левым группировкам, В. В. всегда оставался человеком морали и справедливости. В силу своих психологических и душевных особенностей В. В. просто не мог, как это часто происходит, протянуть щит партийности над тем, что было скверно, что было морально неприемлемо. Прямолинейность В. В. в этом отношении иногда переходила в наивность, вызывала добродушные насмешки, но все, кто знали В. В. Водовозова, глубоко уважали и ценили этого “чудака” не только за его поистине энциклопедическое знание, но и за его прекрасную детскую душу, которая теперь не выдержала страданий…»[745].

«Последние новости» сообщили о гибели Водовозова только 11 октября, поместив некролог Е. Д. Кусковой, которая писала о покойном: «Скудная, тяжелая жизнь, почти без надежды на улучшение. Но все же неустанная, непрерывная работа в духовной области – единственное спасение от сгущающегося мрака. Но мрак делался все гуще… Кризис прекратил возможность добавочного заработка. Работа в чешском энциклопедическом словаре была окончена. “Эти господа” не падали и преграждали путь в Россию для старых интеллигентов, вынужденных доживать свой век на чужбине!.. Правда, без “колодок”, но и без духовной связи с родной страной. Это одиночество совершенно особого рода, болезненно действующее даже на очень сильных людей. В результате – катастрофа. Короткая записка и страшно измятое тело колесами чужого поезда»[746].

30 октября в большой аудитории Славянского семинара открылось публичное заседание, собравшее «друзей и почитателей покойного», членов эмигрантских общественных организаций, но, по оценке Изюмова, «публики было не так много – сто человек с небольшим: молодежи не было». Место за столом президиума заняли члены Пражской группы ТНСП Вас. И. Немирович-Данченко (председательствующий), С. И. Гессен, А. Ф. Изюмов и приглашенные П. Н. Милюков и Е. Д. Кускова. Свою речь Милюков начал с признания: «С покойным и тем направлением, которое он разделял, мы не всегда сходились. В данное время мы как будто друзья»[747]. Он назвал Водовозова «гладиатором, сражающимся с раной в груди», который, стремясь

к революции, отчетливо предвидел ее «срывы и ужасы», что сделало его «с давних пор по существу глубоким пессимистом». Милюков утверждал, что в 1917 г. Водовозов защищал «почти полностью кадетскую программу», разрыв А. Ф. Керенского с Л. Г. Корниловым «считал несчастьем», а в эмиграции «жаждал антибольшевистской революции»[748].

Убеждая Ольгу Александровну, которая жестоко винила себя в смерти мужа и выражала желание уйти вслед за ним из жизни, что «новым горем, новым ударом по другим людям прошлого не исправишь и не искупишь», Изгоев советовал ей взяться, «хотя бы пока и без возможности рассчитывать на печатание», за написание воспоминаний о покойном, заслуживающем того, чтобы память о нем «была сохранена любящей рукой». Пытаясь отвлечь вдову от ее мысли «наложить на себя руки», Изгоев горячо внушал ей, что надо «заставлять себя жить», а в письме от 24 октября доказывал, что обязанность живущих – «сохранить то самое ценное, что осталось от покойных дорогих людей» и нет никого, кроме Ольги Александровны, кто мог бы взять на себя эту задачу[749]. Вдова приступила к воспоминаниям, которые так и остались незавершенными, ибо она «находилась в подавленном состоянии, отказывалась от пищи, все время говорила о смерти»[750], а на сороковой день, 15 ноября, не явилась на панихиду. «Предчувствуя что-то недоброе, – вспоминал Н. О. Лосский, – мы пошли в пансион, где была ее квартира. Дверь была заперта. Никто не откликался. Когда полиция открыла дверь, оказалось, что Ольга Александровна покончила с собою: она приняла большую дозу какого-то снотворного»[751]. Газеты сообщали, что вдова отравилась вероналом, а в оставленном письме объясняла, что «считает себя виновной в том, что не уберегла мужа и не предупредила его самоубийство»[752].

7 декабря Изюмов написал Бердяеву: «Мы все тут в Праге были потрясены смертью В. В. Водовозова, с которым, я знаю, когда-то давно Вы были близки. Если бы я написал Вам все подробности, то и Вы признали бы, что это какая-то самурайская смерть. Смерть его жены меня так не поразила, т. к. я видел ее настроение: она мучила себя, по-моему, совершенно напрасной мыслью, что не смогла усмотреть за ним»[753]. Бердяев лаконично ответил 21 декабря: «В молодости в студенческие годы я хорошо знал В. В. Водовозова, и меня тяжело поразила его смерть»[754].

Подруга Ольги Александровны, византинистка М. А. Андреева, торопила Изюмова с визитом в пансион «Карлтон», где жили покойные, чтобы просмотреть бумаги Водовозова[755], и 1 декабря Изюмов сообщил историку М. М. Карповичу: «Ольга Александровна оставила мне распоряжение разобрать их архив и

сохранить то, что я найду нужным. Вот сейчас и занимаюсь этим грустным делом»[756]. В своем отзыве от 4 декабря Изюмов указывал, что речь идет о бумагах, найденных в письменном столе покойного (хотя часть их, «как не представляющих никакого интереса, пришлось выбросить»: черновики, газетные вырезки и пр.), которые были унесены «в двух больших чемоданах», причем наибольшую ценность представляют более 200 писем за 1922–1933 гг.: «…политической переписки В. В. почти не вел»[757]. Заслушав 5 декабря отзыв Изюмова «об архиве, оставшемся после В. В. Водовозова», Ученая комиссия РЗИА признала желательным принять его «в полном объеме – на условии неопубликования и неоглашения предсмертного письма В. В. Водовозова в течение двух лет», с выделением близкой подруге его жены, художнице Н. И. Ягудке, 1000 крон на приведение в порядок могил супругов[758].

«После О[льги] А[лександровны], – делился Изюмов с Алдановым 26 ноября, – остались некоторые малоценные вещи, заложенные в ломбарде. Больше, в сущности, ничего не осталось, кроме книг, которые поручено передать в местную русскую библиотеку, и самой убогой обстановки, которая по завещанию передана одному близкому человеку». Изюмов просил Алданова обсудить с парижскими товарищами, не смогут ли они помочь пражанам деньгами, ибо, «право же, Василий Васильевич заслуживает того, чтобы мы не оставили его и О[льги] А[лександровны] могил незаметными и исполнили их последнюю волю»[759]. Речь шла о страховом полисе, по которому Водовозов и Ольга Александровна переводили деньги ее сестре, З. А. Лихаревой, но из-за нищенского существования «тысячу с небольшим франков они не смогли отправить, и эта мысль, видимо, мучила обоих перед смертью» (парижане собрали 470 франков, из которых львиная доля поступила от эмигрантских «богачей» А. С. Альперина и А. А. Титова). «Ольга Александровна просила выкупить из ломбарда ее мелкие вещи и их переслать сестре в уплату долга, – пояснял Изюмов Титову 21 января 1934 г. – Так как вещи посылать невозможно, то пришлось выкупить и продать, хотя эта операция дала гроши, ибо и вещи-то были малоценные. Кое-что удалось собрать, кое-что надеемся получить от архива за бумаги, – это тоже немного, так как и бумаг-то немного, но вообще, видимо, покроем если не все, то почти все. Из присланных Вами денег – 350 фр[анков] я передам Ягудке для отсылки сестре, а остальные пойдут на мелкие долги, которые остались по всяким хлопотам»[760]. 14 февраля довольный Изюмов написал Мякотину: «С делами В. В. В[одовозова] все устроилось. Бумаги я продал за 1000 [франков], да несколько сот, спасибо,

парижане прислали. Теперь могилы будут устроены и долги заплачены. Пусть спят спокойно эти мученики»[761].

В. Л. Генис

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В. В. ВОДОВОЗОВА[762]

1886

Историк-мизантроп // Неделя. 1886. № 48. Б. п.; Политические известия // Там же. № 49–52. Б. п.

1887

Международные отношения в 1886 г. // Неделя. 1887. № 1. Б. п.; Политические известия // Там же. 1887. № 1–8. Б. п.

1889

Милитаризм и капитализм // Русская мысль. 1889. № 9. С. 70–90.

Из Шенкурска (Архангельской губ.) // Неделя. 1889. № 24. Б. п.; Философский роман (Bourget Paul. Le Disciple. Paris, 1889) // Там же. № 42, 43.

1890

IV пенитенциарный конгресс в С.-Петербурге // Северный вестник. 1890. № 10. С. 1–28.

1891

[Рец. на кн.:] Ренненкампф В. Конституционные начала и политические воззрения кн. Бисмарка. Киев, 1890 // Юридический вестник. 1891. Т. 8, кн. 2. Июнь. С. 250–259; [Рец. на кн.:] Мейер М. Главные течения в современной политической экономии. Пер. с нем. СПб., 1891 // Там же. С. 270–273; [Рец. на кн.:] Гросс Г. Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Пер. и предисл. Н. С. Рашковского. Одесса. 1891 // Там

же. Т. 9, кн. 3. Ноябрь. С. 621–623.

Европа и Америка в 1890 году // Неделя. 1891. № 1; Из Шенкурска (Архангельской губ.) // Там же. № 26. Б. п.

Письмо в редакцию из Шенкурска (Архангельской губернии) // Врач. 1891. № 52.

Вельский у. Вологодской губ. // Русские ведомости. 1901. № 224. Б. п.

1892

Наступившие и ожидаемые последствия неурожая в Самарской губернии // Помочь. Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892. С. 327–333.

Дело о самовольной отлучке // Юридический вестник. 1892. Т. 10, кн. 2. Февраль. С. 262–268; [Рец. на кн.:] Косич А. И. Циркуляры, указания и речи. 1887–1891. Саратов, 1891 // Там же. 1892. Т. 10, кн. 3. Март. С. 475–479; Общественные работы в Самаре (корреспонденция) // Там же. С. 489–492; Дореформенная юстиция: Из недавнего прошлого юстиции в Архангельской губернии // Там же. Т. 11, кн. 1/2. Май/июнь. С. 65–99.

Урезанный отчет. (Письмо из Самары) // Неделя. 1892. № 8. Б. п.; [Рец. на кн.:] Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Пер. под ред. П. Г. Виноградова. СПб., 1891 // Там же. № 12. Б. п.; Каменский А. В. Гладстон. СПб., 1892 // Там же. № 40.

Николаевские земцы и голодные суммы. (От нашего корреспондента) // Русская жизнь. 1892. № 104; Самара. (Виды на урожай) // Там же. № 201.

Торжественная встреча князя Бисмарка // Мир Божий. 1892. № 8. С. 49–51; Предстоящий выбор президента в Соединенных Штатах // Там же. № 9. С. 41–47; Финансовый кризис в Португалии // Там же. № 10. С. 63–65; Военный законопроект в Германии // Там же. № 11. С. 39–42; Выбор президента в Соединенных Штатах // Там же. № 12. С. 22–27; Из новейшей истории Болгарии // Там же. С. 33–48.

1893

Подводная почта // Мир Божий. № 1. С. 228–231; Панамский канал // Там же. № 2. С. 30–34; [Рец. на кн.:] Чупров А. И. История политической экономии. М., 1892; Короленко В. Очерки и рассказы // Там же. С. 177–186; Новые мероприятия Стамбулова

в Болгарии // Там же. С. 196–199; [Рец. на кн.:] Утин Е. И. Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб., 1892 // Там же. № 3. С. 197–200; Машина Ремингтон // Там же. С. 222–224; [Рец. на кн.:] Новые книги: Сочинения Шелли // Там же. № 4. С. 191–198; Первая Всероссийская выставка печатного дела // Там же. С. 270–273; Фабричное законодательство Франции // Там же. № 5. С. 140–144; [Рец. на кн.:] Янжул И. И. В поисках лучшего будущего. СПб., 1893 // Там же. С. 156–160; Книги для самообразования: Государственное право // Там же. № 6. С. 145–152; № 7. С. 190–193; № 8. С. 153–164; Прогресс в книгопечатном деле // Там же. № 6. С. 114–122; Книги для самообразования: Государственное право // Там же. № 6. С. 145–152; № 7. С. 190–193; № 12. С. 153–164; Вильгельм в Каноссе // Там же. № 9. С. 183–186; Женский и детский труд во Франции // Там же. С. 186–187; Старочехи и младочехи // Там же. № 12. С. 185–188.

Социал-демократы и свободомыслящие. (Корреспонденция «Русской жизни») // Русская жизнь. 1893. № 139. 28 мая; Выборное движение в Германии // Там же. № 140, 141. 29, 30 мая.

[Рец. на кн.:] Рише Ш. Через сто лет. Пер. с фр. СПб., 1893 // Неделя. 1893. № 22.

1894

Книги для самообразования: Международное право // Мир Божий. 1894. № 1. С. 171–178; № 2. С. 170–176; [Рец. на кн.:] Короленко В. В голодный год // Там же. № 1. С. 179–183.

1895

Стефан Стамбулов // Русское богатство. 1895. Кн. 4. С. 81–126.

По Болгарии. Из воспоминаний о поездке 1894 г. // Вестник Европы. 1895. Кн. 9. С. 226–271.

Паспортное недоумение. (Письмо из Минской губ.) // Неделя. 1895. № 9.

1896

1895 год в политическом отношении // Киевское слово. 1896. № 2864, 2865. 1, 3 янв.

Прискорбное событие в истории С.-Петербургского университета // Неделя. 1896. № 50.

Две крайности. (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. 1896. № 233. 29 авг.; Ответ «Новостей» // Там же. № 238. 30 авг.

Вотье Морис. **Местное управление Англии** / Пер. с фр. В. В. Водовозова. СПб.: издание Л. Ф. Пантелеева, 1896. 328 с.

1897

Политические выборы в Галиции. (Впечатления туриста) // Новое слово. 1897. Апрель. Кн. 7. С. 223–225.

1898

Материалы для характеристики положения русской печати. Женева: Союз рус. социал-демократов, 1898. Вып. 1. 106 с.; Вып. 2. 61 с.

Очерк последующих событий до наших дней. (Италия в царствование Гумберта I) // Сорен Э. История Италии от 1815 года до смерти Виктора Эммануила / Пер. с фр. М. Чепинской. СПб.: О. Н. Попова, 1898. С. 363–410. (Культурно-историческая библиотека).

Антисемитизм в Германии и предстоящие выборы в рейхстаг // Русское богатство. 1898. Кн. 2. Отд. 2. С. 118–150; Политические партии в Австрии // Там же. Кн. 9. Отд. 2. С. 142–160.

История антисемитической партии в Германии и предстоящие выборы в рейхстаг: тезисы. М., 1898. 2 с. (Московское юридическое общество. 1898. Февр.).

1899

Государственный строй Великобритании // Реклю Э. Земля и люди: Всемирная география. СПб.: О. Н. Попова, 1899. Вып. 5: Британские острова. С. 1–35.

Под флагом «литературы». (Письмо из Киева) // Неделя. 1899. № 20.

Две крайности. (Письмо в редакцию) // Сын Отечества. 1899. № 233. 29 авг.

Отмена штемпельного сбора с газет в Австрии // Жизнь и искусство. 1899. № 358. 29 дек. Б. п.

1900

Из психологии детей // Жизнь и искусство. 1900. № 43. 12 февр.; Международное соглашение о Самоанских островах // Там же. № 46. 15 февр.; Военный бюджет в германском рейхстаге // Там же. № 57. 23 февр.

1901

Новое исследование по социальной истории Англии // Народное хозяйство. 1901. Кн. 10. Декабрь. С. 161–176. То же как отдельный оттиск: Исследование г. Тарле по социальной истории Англии. (Е. В. Тарле. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901). СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1901. 16 с.

1903

Введение в курс государственного права // Введение в изучение социальных наук: сб. ст. под ред. Н. И. Кареева. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1903. С. 212–233. (Библиотека самообразования).

[Выступление в прениях] // Философские воззрения Владимира Соловьева: отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. Март. С. 86–94.

Данциг. (Корреспонденция «Курьера») // Курьер. 1903. 4 июня; Штеттин // Там же. 8 июня; Кельн. (Корреспонденция «Курьера») // Там же. 18 июня; 14 авг.; Дрезден. Католический съезд в Кельне. (Корреспонденция «Курьера») // Там же. 15 сент.

Политическое обозрение // Киевские отклики. 1903. № 1–3. 21–23 нояб. Б. п.; Испания. № 10. 30 нояб. Б. п.; Германский рейхстаг // № 11. 1 дек.; № 14. 4 дек.; Движение в сторону всеобщего голосования в Германии // Там же. № 18. 8 дек.

1904

Борьба с клерикализмом во Франции // Киевские отклики. 1904. № 81. 21 марта; Испания // Там же. № 89. 31 марта. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 92. 2 апр.; Самуил Смайльс // Там же. № 98. 9 апр. Б. п.; Македонские реформы // Там же. № 99. 10

апр.; Где источник силы консервативного министерства в Англии // Там же. № 104. 15 апр.; [Рец. на кн.:] Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. СПб., 1904; Лейтенант Бильзе. Из жизни маленького гарнизона. Картины германской военной жизни. СПб., 1904 // Там же; Морис Иокай // Там же. № 114. 25 апр.; [Генри Стэнли (†10 марта 1904 г. (н. ст.)] // Там же. № 118. 29 апр.; Свидание короля сербского с князем болгарским // Там же. № 124. 5 мая; Взятие Цзин-Чжоу // Там же. № 134. 16 мая; Избирательная кампания в Соединенных Штатах // Там же. № 137. 19 мая; Взятие Дальнего // Там же. № 138. 20 мая; Бой при Цзин-Чжоу // Там же. № 141. 23 мая; Значение Порт-Артура // Там же. № 142. 24 мая; Выборы в Бельгии // Там же. № 146. 28 мая; Австро-венгерское соглашение // Там же. № 153. 4 июня; Положение в Македонии // Там же. № 157. 8 июня. Б. п.; Гибель японских транспортов // Там же. № 160. 11 июня; Австрийские дела // Там же. № 165. 16 июня; Морской бой под Порт-Артуром // Там же. № 166. 17 июня; Питейная реформа в Англии // Там же. № 169. 20 июня. Б. п.; [Рец. на кн.:] Карта театра русско-японской войны // Там же. № 170. 21 июня; Теодор Герцль // Там же. № 172. 23 июня. Б. п.; Положение на театре военных действий // Там же. № 175. 26 июня. Б. п.; На театре войны // Там же. № 179. 30 июня. Б. п.; Павел Крюгер // Там же. № 183. 4 июля. Б. п.; [Рец. на кн.:] Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865. СПб., 1904 // Там же. № 184. 5 июля; Закрытие сессии французских палат // Там же. № 186. 7 июля. Б. п.; Реформа избирательного права в Германии // Там же. № 188. 9 июля. Б. п.; Реформа самоуправления Берлина // Там же. № 190. 11 июля. Б. п.; [Рец. на кн.:] Карты военных действий. Изд. Корчак-Новицкого в Киеве // Там же. № 201. 22 июля; Конфликт между Турцией и Соединенными Штатами // Там же. 30 июля. № 209. Б. п.; Вальдек Руссо // Там же. Б. п.; [Рец. на кн.:] Летопись войны с Японией; Иллюстрированная летопись русско-японской войны // Там же. № 219. 9 авг. Б. п.; Регенсбургский конгресс католиков // Там же. № 230. 20 авг. Б. п.; Султан Мурад V // Там же. Б. п.; [Рец. на кн.:] Вейперзе Р. Япония в наши дни: социологический этюд. СПб., 1904; Дюмолар Г. Япония в политическом, экономическом и социальном отношении. СПб., 1904 // Там же. № 233. 23 авг.; Поезда Кербера // Там же. № 240. 30 авг. Б. п.; [Рец. на кн.:] Богуславский Н. Д. Япония // Там же. № 247. 6 сент.; Князь Герберт Бисмарк // Там же. № 248. 7 сент. Б. п.; [Рец. на кн.:] Астон В. Г. История японской литературы. Владивосток, 1904 // Там же. № 254. 13 сент.; Торжество республиканцев в Соединенных Штатах // Там же. № 301. 30 окт. Б. п.; Съезд журналистов // Там же. № 302. 31 окт. Б. п.

Организация всеобщего избирательного права // Новый путь. 1904. № 10. С. 233–259; № 12. С. 120–135; Иностранное обозрение // Там же. 1904. № 10. С. 304–317; № 11. С. 376–395; № 12. С. 334–356.

Что такое конституция? Популярно-научный очерк // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 52. Стлб. 1875–1882.

Европа и война на Дальнем Востоке // Наша жизнь. 1904. № 1. 6 нояб. Б. п.; Право союзов // Там же. № 9, 13, 23, 30, 37. 14, 18, 28 нояб., 5, 12 дек.; Проект подоходного налога во Франции // Там же. № 36. 11 дек. Б. п.; Орел // Там же. № 37. 12 дек. Б. п.; Отставка Кербера // Там же. № 42. 17 дек. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 45, 47. 20, 22 дек.; Внезаконное положение в Венгрии // Там же. № 46. 21 дек. Б. п.; Падение Порт-Артура // Там же. № 48. 23 дек. Б. п.; Луиза Мишель († 10 января 1905 г. (н. ст.) // Там же. № 53. 30 дек. Б. п.

1905

Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Парамонова, [1905]. 31 с.; То же. 2-е перераб. изд. [1905]. 32 с.

Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Н. Парамонова, 1905. 24 с.

Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905. 47 с. (Библиотека М. Малых. № 45).

Конституция Швейцарии / Пер. текстов Швейцарской конституции и избирательного закона под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. СПб., 1905. 94 с.

Внутренняя организация и делопроизводство парламентских палат // Конституционное государство: сб. ст. СПб., 1905. 366 с. С. 242–272.

Всеобщее избирательное право и его применение в России. Прил.: Избирательный закон для Палаты народных представителей // Всеобщее избирательное право: сб. ст. Саратов, 1905. С. 183–218.

Пропорциональные выборы и представительство большинства // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 335–370.

Всеобщее избирательное право и применение его в России // Право. 1905. № 30. 2 авг. С. 2432–2445; № 32. 14 авг. С. 2570–2578; № 33. 21 авг. С. 2782–2790.

Русско-японская война и международное право // Киевские отклики. 1905. № 9. 9 янв.

Принцип всеобщего голосования в России // Сын Отечества. 1905. № 52.

К вопросу о созыве народных представителей // Русские ведомости. 1905. № 106, 107. 21, 22 апр.

Как созвать Учредительное Собрание // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1905. № 300. 6 дек.

Политическое обозрение 1904 года // Наша жизнь. 1905. № 55. 1 янв. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 56, 73, 79, 100, 102, 103, 105, 152, 156, 220, 222, 338. 3, 28 янв., 3 февр., 24, 26, 27, 29 мая, 9, 13 июля, 19, 20 авг., 19 нояб. Б. п.; Луиза Мишель // Там же. № 57. 4 янв.; Стачка горнорабочих в области реки Рур // Там же. № 61. 16 янв. Б. п.; Печальная годовщина // Там же. № 72. 27 янв. Б. п.; Министерский кризис в Венгрии // Там же. № 80. 4 февр.; Главные события за границей за три месяца // Там же. № 82. 6 мая. Б. п.; Национал-либеральный партейтаг в Дрездене // Там же. № 98. 22 мая. Б. п.; Падение Делькассэ // Там же. № 102. 26 мая; Страна без короля // Там же. № 104. 28 мая. Б. п.; США. Нота русскому и японскому правительствам // Там же. № 105. 29 мая; [Рец. на кн.:] Мускаблит Ф. Народное представительство. Одесса, 1905 // Там же. № 109. 2 июня; Элизе Реклю о России // Там же. № 137. 30 июня. Б. п.; Свидание монархов // Там же. № 156. 13 июля; Закрытие сессии английского парламента // Там же. № 198. 6 авг. Б. п.; Макс Гирш († 26 июня 1905 г.) // Там же. № 126. 19 июня. Б. п.; Две крестьянских программы // Там же. № 131/132. 25 июня; Смертность у нас и на Западе // Там же. № 221. 19 авг. (вечер. вып.); Система выборов в Государственную думу // Там же. 1905. № 210, 214, 222, 226, 234. 13, 16, 20, 23, 27 авг.; [Рец. на кн.:] Сватиков С. Г. Созыв народных представителей. Ростов-на-Дону: Изд. «Донской речи»; И. Я. Избирательное право. СПб.: Изд. «Луча»; Рожков Н. А. О формах народного представительства. СПб.: Изд. «Молота», 1905 // Там же. № 222. 20 авг.; Еще о мире // Там же. № 238. 30 авг.; [Рец. на кн.:] Сватиков С. Г. Созыв народных представителей. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1905; Государственная дума. Закон 6 августа 1905 г. СПб., 1905 // Там же. № 244. 2 сент.; [Рец. на кн.:] Положение о Государственной думе 6 августа 1905 г. Полтава, 1905 // Там же. № 292. 30 сент. Б. п.; Паспорт и свобода личности // Там же. № 321. 1 нояб.; Иностранная цензура // Там же. № 328. 8 нояб.; По поводу правительственного сообщения // Там же. № 329. 9 нояб.; Что такое учредительное собрание // Там же. № 339. 20 нояб.; Съезд учителей // Там же. № 340. 22 нояб. Б. п.; [Рец. на кн.:] Федоров К. М. Жизнь великих людей. Н. Г. Чернышевский. 2-е испр. изд. СПб., 1905 // Там же. № 342. 24 нояб.; К позорному столбу // Там

же. № 343. 25 нояб.; К характеристике отжившего режима // Там же; По поводу выхода в свет полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского // Там же; Министерский кризис в Англии // Там же. № 346, 348. 29 нояб., 1 дек. Б. п.; Новое английское министерство // Там же. № 349. 2 дек.

Новый избирательный закон в новую государственную думу // Народное хозяйство. 1905. № 1. 15 дек.; По поводу правительственного сообщения 4 декабря // Там же. № 2. 16 дек.; Что такое учредительное собрание // Там же. № 3. 17 дек.; Суверенное и не суверенное учредительное собрание // Там же. № 4. 18 дек.; Учредительное собрание и Государственная дума // Там же. № 6. 21 дек.; Может ли Учредительное собрание стать орудием реакции? // Там же. № 7. 22 дек.; [Передовая] // Там же. № 13. 30 дек. Б. п.

1906

Всеобщее избирательное право и его применение в России. 2-е доп. и испр. изд. СПб., 1906. Вып. 1. 60 с. Вып. 2. 56 с.

Избирательное право в Европе и России. СПб.: [Брокгауз – Ефрон], 1906. 66 с. (Библиотека самообразования. Вып. 3).

Как выбирать в Государственную Думу? / Сост. В. Водовозов и В. Голубев. СПб., 1906. 29 с. (Думский сб. Прил. 1) (Прил. к газ. «Товарищ»).

Всеобщее избирательное право и его применение в России // К реформе государственного строя России. Вып. 2, ч. 3: Правовое государство и народное голосование. СПб.: Н. Глаголев, 1906. С. 91–218.

Государственное устройство Швейцарии // Политический строй современных государств: Сб. ст. Изд. кн. П. Н. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участии ред. газ. «Право». М.: «Беседа», 1906. Т. 2. С. 94–124.

Сборник программ политических партий в России / С предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1–6.

Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. 17 августа 1906 года. Речи А. С. Зарудного и В. В. Водовозова. СПб.: кн. маг. «Наша жизнь», 1906. 64 с.

Предисловие // Кеннан Д. Сибирь и ссылка: очерки из жизни политических ссыльных: в 2 т. [Ростов-на-Дону]: А. Сурат, [1906–1907]. Т. 1. Пер. с англ. [А. Г. Каррик, А. Н. Рагозиной, М. А.

Лихарева] под ред.[, с предисл. и примеч.] В. Водовозова. [1906]. 174 с.

Выбирать или не выбирать? // Без заглавия. 1906. № 3. 5 февр. С. 75–81; Система выборов в Государственную Думу // Там же. № 6. 26 февр. С. 200–204; № 7. 5 марта. С. 243–251; № 9. 19 марта. С. 352–357; Чья победа? // Там же. № 13. 16 апр. С. 12–17; Основные законы // Там же. № 15. 30 апр. С. 82–85.

[Рец. на кн.:] Убийство трех министров: тайного советника Боголепова, егермейстера Сипягина, статс-секретаря Плеве, 1901–1904. СПб., 1906 // Былое. 1906. № 2. С. 288; [Рец. на кн.:] Тун А. История революционных движений в России / Пер. В. Засулич, Д. Кольцова и др. Изд. «Библиотеки для всех» О. Н. Рутенберг (без места и года изд., вышло в 1906 г.); Тун А. История революционного движения в России / Пер. с нем. под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. Книгоиздательство «Земли и Воли» (без места и года изд., вышло в 1906 г.) // Там же. 1906. № 7. С. 307–314.

[Передовая] // Народное хозяйство. 1906. № 15, 16, 19, 27, 29. 1, 3, 6, 17, 19 янв. Б. п.; 1905 год за границей // Там же. № 15. 1 янв. Б. п.; Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Там же. № 24, 26, 29. 13, 15, 19 янв.; [Рец. на кн.:] Славин Г. Главные политические партии в России. СПб., 1906 // Там же. № 25. 14 янв.; Всеобщие выборы // Там же; Христиан IX. †29 января 1906 г. н. ст. (Некролог) // Там же. № 28. 18 янв. Б. п.

[Передовая] // Наша жизнь. 1906. № 350, 365, 389, 392, 398, 402, 404, 413, 422, 432, 439, 455, 460, 461, 466, 468, 472, 473, 478, 483, 493. 22, 29 янв., 9, 12, 19, 24, 26 марта, 7, 18, 29 апр., 7, 26 мая, 1, 2, 8, 10, 15, 16, 22, 28 июня, 9 июля. Б. п.; Библиография: Несколько брошюр по истории французской революции // Там же. № 367. 11 февр.; Венгрия. Государственный переворот // Там же. № 368. 12 февр. Б. п.; Австрийская избирательная реформа // Там же. № 379, 383. 25 февр., 2 марта. Б. п.; Евгений Рихтер. †10 марта 1906 г. // Там же. № 380. 26 февр. Б. п.; Библиография: Бланк Р. Классовая борьба и политические коалиции. СПб., 1906; Речи и прокламации Виктора Гюго после переворота 2 декабря 1851 г. // Там же. № 385. 4 февр.; Под суд! // Там же. № 388. 8 марта; Иоганн Мост. †18 марта 1906 г. // Там же. № 392. 12 марта; Поражение правительства // Там же. № 406. 29 марта; Новое венгерское правительство // Там же. Б. п.; Библиография: Новые книги о государственной думе // Там же. № 421. 16 апр.; Отставка Гауча // Там же. № 423. 19 апр. Б. п.; Первое мая за границей // Там же. № 425. 21 апр. Б. п.; О президиуме думы // Там же. № 430. 27 апр.; Выборы во Франции // Там же. № 432. 29

апр. Б. п.; Библиография: По поводу собрания сочинений Чернышевского; Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. М., 1906; Форстор А. Права и обязанности юного гражданина. М., 1906; Ельницкий А. Г. В. Плеханов. Биографический очерк. СПб., 1906 // Там же. № 433. 30 апр.; Наказ Государственной думы // Там же. № 436, 440, 443. 4, 9, 12 мая; Один из возможных исходов // Там же. № 445. 14 мая. Б. п.; Накануне новой смертной казни // Там же. № 456. 27 мая; Новый австрийский кабинет // Там же. № 457. 28 мая. Б. п.; Награды по заслугам // Там же. № 458. 30 мая. Б. п.; Погром в Белостоке // Там же. № 462. 3 июня. Б. п.; Амнистия // Там же. № 463. 4 июня; № 465. 7 июня; Донесение ген. Бадера // Там же. № 470. 13 июня. Б. п.; Россия и Англия // Там же. № 473. 16 июня. Б. п.; Трудовики и социал-демократия // Там же. № 475. 18 июня; Вопрос о землеустроительных комитетах // Там же. № 476. 20 мая. Б. п.; Изнанка революции и лицевая сторона «патриотизма» // Там же. № 481. 25 июня; Дума и партии. К вопросу об амнистии // Там же. № 482. 27 июня. Б. п.; Комедия суда // Там же. № 483. 28 июня; Английский визит // Там же. № 484. 29 июня. Б. п.; Землеустроительные комитеты в проекте трудовой группы // Там же. № 485. 30 июня; Отмена английского визита // Там же. № 487. 2 июля. Б. п.; Междупарламентская социалистическая конференция // Там же. № 489. 5 июля. Б. п.; Белостокский погром и Государственная дума // Там же. № 493. 9 июля.

Кравчинский-Степняк // Наша жизнь. Научно-литературное приложение. № 5/6. 18 февр.

Самодержавие или конституционная монархия // Отголоски жизни. 1906. № 86, 88, 103. 25, 27 апр., 12 мая; Государственная дума. Первые четыре дня конституционного режима // Там же. № 95. 4 мая.

Письма из Петербурга // Русское слово. 1906. № 145, 154, 157. 4, 15, 18 июня.

Греки и болгары // Товарищ. 1906. № 25. 3 авг. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 27, 33, 55, 75, 102, 107, 109, 129, 131. 5, 12 авг., 7, 30 сент., 1, 7, 9 нояб., 2, 5 дек. Б. п.; Партия мирного обновления // Там же. № 31, 32. 10, 11 авг.; Церковь и государство // Там же. № 28. 6 авг. Б. п.; Конституционное течение // Там же. № 31. 10 авг. Б. п.; Конгрессы в Германии // Там же. № 36. 16 авг. Б. п.; Сэр Кампбелль Баннерман о соглашении Англии с Россией // Там же. № 44. 25 авг. Б. п.; Выборы в моравский ландтаг // Там же. № 50. 1 сент. Б. п.; Турция и Болгария // Там же. № 51. 2 сент. Б. п.; К партейтагу германской соц.-д. партии // Там же. № 58. 10 сент. Б. п.; Борьба

за всеобщее избирательное право в Австрии // Там же. № 61. 14 сент. Б. п.; Библиография: Кропоткин П. А. Записки революционера; Петропавловская крепость и мой побег; Тюрьмы, ссылка и каторга в России. СПб., 1906 // Там же; На Крите // Там же. № 62. 15 сент. Б. п.; Избирательная программа Союза русского народа // Там же. № 67. 21 сент. Б. п.; Иностранная печать о России и «Новое время» // Там же; К мангейскому партейтагу // Там же. № 70. 24 сент. Б. п.; Борьба за всеобщее голосование в Австрии // Там же. № 72. 27 сент.; Библиография: Процесс 193-х. М., 1906; Дело 1 марта 1881. Процесс Желябова и др. СПб., 1906 // Там же. № 79. 5 окт.; Сарьен и Клемансо // Там же. № 82. 8 окт. Б. п.; Сенатское «разъяснение» избир[ательного] закона // Там же. № 83. 10 окт. Б. п.; Австрия. Отставка графа Голуховского // Там же. № 84. 11 окт. Б. п.; Библиография: Законодательные акты переходного времени. 1904–1906. Сб. законов, манифестов и т. д. СПб., 1906 // Там же. № 85. 12 окт.; Австрия. Борьба за всеобщее избирательное право // Там же. № 86. 13 окт. Б. п.; Годовщина 17-го октября // Там же. № 89. 17 окт. Б. п.; Библиография: Журнал «Русской исторической библиотеки». № 1. Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1 (1825–76). СПб., 1906; № 2. Материалы для истории революционного движения в России в 60-х годах. СПб., 1906 // Там же. № 91. 19 окт.; Запись избирателей // Там же. № 95. 24 окт.; Избиратели, спешите записываться // Там же. № 96. 25 окт.; К предстоящим выборам // Там же. № 100. 29 окт.; Вопросы и ответы // Там же. № 104, 107, 114, 122–124, 132. 3 окт., 7, 15, 24–26 нояб., 6 дек. Б. п.; В начале 80-х гг. // Там же. № 105. 4 нояб.; Новые приемы избирательной борьбы // Там же. № 115. 16 нояб. Б. п.; Библиография: Процесс Веры Засулич. (Суд и после суда). СПб., Б.г. // Там же; Иностранная печать о России и «Россия» об иностранной печати // Там же. № 116, 120. 17, 22 нояб.; Избиратели, не забывайте о ваших правах и обязанностях // Там же. № 116. 17 нояб. Б. п.; Проф. Герье о Госуд[арственной] думе // Там же. № 117. 18 нояб.; Соединенные Штаты. Послание Рузвельта // Там же. № 121. 23 нояб. Б. п.; Библиография: Хлебников Н. В., Евграфов А. Г. Положение о выборах в Гос. думу с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1906 // Там же; Историческая справка. (Из древней русской истории) // Там же. № 123. 25 нояб.; По поводу нового издания Положения о выборах в Государственную думу // Там же. № 124. 26 нояб.; По поводу статьи г. Скорпиона // Там же. 1906. № 126. 29 нояб.; Союз русских людей // Там же. № 133. 7 дек. Б. п.; Фальшивая родословная // Там же. № 135. 9 дек.; Германия. Выборы в Вюртемберге // Там же. № 138. 13 дек. Б. п.;

Германия. Статистика подоходного налога в Пруссии // Там же. № 144. 21 дек. Б. п.; К митингу к.-д. 27 декабря // Там же. № 151. 29 дек.

Еще по поводу ограничения избирательных прав рабочих и крестьян // Столичная почта. 1906. № 23. 27 окт.; Стамбулов и стамбуловщина // Там же. № 37. 12 нояб.

1907

Как производятся выборы в Государственную думу по закону 3 июня 1907 года. СПб.: Народное право, 1907. 33 с.

[Рец. на кн.:] Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. СПб., 1907 // Былое. 1907. № 4/16. С. 315.

Законодательство и администрация в 1906 году. Б. п. // Товарищ. 1907. № 154. 1 янв.; За границей // Там же. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 156, 157, 177, 186, 188, 226, 242, 264, 266, 274, 278, 328, 362, 369, 373, 402, 416, 446, 448, 453. 3, 5, 28 янв., 8, 10 февр., 27 марта, 14 апр., 12, 15, 24, 29 мая, 26 июля, 4, 12, 16 сент., 20 окт., 6 нояб., 11, 13, 19 дек. Б. п.; Германия. Выборы в вюртембергский ландтаг // Там же. № 157. 5 янв. Б. п.; «Свобода» избирательных собраний // Там же. № 159. 7 янв. Б. п.; Закон о собраниях во Франции // Там же. № 161. 10 янв. Б. п.; К выборам в Германии // Там же. № 162. 11 янв. Б. п.; Ввиду приближающихся выборов // Там же. 1907. № 163. 12 янв.; Вопросы и ответы по делам о выборах // Там же. Б. п.; Деятельность с.-петербургской по делам о выборах комиссии // Там же. № 166. 16 янв.; Выборы в Германии // Там же. № 167. 17 янв. Б. п.; Ответ В. В. Водовозова // Там же. 1907. № 172. 23 янв.; Воздействие на выборы // Там же. 1907. 24 янв. № 173; Новый рейхстаг // Там же. № 175. 26 янв. Б. п.; Избирательные приемы октябристов // Там же. № 184. 6 февр. Б. п.; Митинги и страсти // Там же. № 185. 7 февр.; Вопросы и ответы // Там же. Б. п.; В чем преступление? // Там же. № 187. 9 февр. Б. п.; [Рец. на кн.:] Бонч-Осмоловский И. Работы первой государственной думы. СПб., 1906 // Там же. № 175. 26 янв.; Иностранная печать о России // Там же. № 183, 191, 193, 199. 4, 14, 16, 23 февр. Б. п.; Реформа палаты лордов // Там же. № 190. 13 февр. Б. п.; О думском президиуме // Там же. 20 февр. № 196; Наказ государственной думы // Там же. № 200. 24 февр.; Иностранная печать о Государственной думе // Там же. Б. п.; Проверка полномочий членов Гос[ударственной] думы // Там же. № 203, 204. 28 февр., 1 марта; Казимир Перье // Там же. Б. п.; По стезе разрушений // Там же. № 206. 3 марта. Б. п.; Министерство приготовилось // Там же. № 207. 4 марта; Из

недавнего прошлого // Там же. № 208. 6 марта. Б. п.; Выборы в Финляндии // Там же. № 210, 213, 226, 227, 231. 8, 11, 27, 28 марта, 6 апр.; Г. Б. Иоллос (†14 марта 1907 г.) // Там же. № 216. 15 марта; Об амнистии // Там же. № 217. 16 марта; Смета расходов Государственной думы и Государственного совета // Там же. № 218. 17 марта. Б. п.; Еще о правах думы // Там же. Б. п.; Угрозы гласности думских заседаний // Там же. № 219. 18 марта; «Разъясненная» неприкосновенность // Там же. № 221. 21 марта. Б. п.; Крестьянские беспорядки в Румынии // Там же. № 222. 22 марта; Проект налога на гильзы и на папиросную бумагу // Там же. № 224. 24 марта. Б. п.; Из недавнего прошлого // Там же. № 235. 6 апр.; По поводу сведений СПб. телеграфного агентства // Там же. № 236. 7 апр. Б. п.; [Рец. на кн.:] Сергеевский Н. Д. Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1907 // Там же. № 241. 13 апр.; К закрытому заседанию думы // Там же. № 243. 15 апр. Б. п.; Тенденциозность С.-Петербургского агентства // Там же. № 244. 17 апр.; Конституционно ли? // Там же. Б. п.; [Рец. на кн.:] Законодательные акты переходного периода 1904–06. Изд. 2-е. Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907 // Там же. № 247. 20 апр.; Еще по поводу думских заседаний 16–17 апр. // Там же. № 248. 21 апр.; Ответ г. Пиленко // Там же. № 250, 252. 25, 27 апр.; Президентский инцидент в рейхстаге // Там же. Б. п.; Расходы на цензуру при свободе слова // Там же. № 254. 29 апр.; К устройству думской библиотеки // Там же. Б. п.; Реформа в Швеции // Там же. № 255. 1 мая. Б. п.; Германия // Там же. № 256. Б. п.; О политическом образовании господ октябристов. (К съезду) // Там же. № 261. 9 мая; Слова, слова… // Там же. № 264. 12 мая. Б. п.; Думские штаты в Государственном совете // Там же. № 265. 13 мая. Б. п.; Имеет ли право дума нарушать свой собственный наказ? // Там же; [Рец. на кн.:] Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. СПб., 1907 // Там же. № 263. 11 мая; Выборы в австрийский рейхстаг // Там же. № 267. 16 мая. Б. п.; Судьба думских штатов // Там же. № 268. 17 мая. Б. п.; Еще раз об амнистии // Там же. № 277. 27 мая. Б. п.; Еще об амнистии // Там же. № 280. 31 мая; Иск к ген. Думбадзе и Министерство внутр. дел // Там же. № 281. 1 июня. Б. п.; Новый избирательный закон // Там же. № 284. 5 июня. Б. п.; Австрийский рейхсрат // Там же. № 296. 19 июня. Б. п.; Джузеппе Гарибальди // Там же. № 298. 21 июня; [Рец. на кн.:] Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1. Штундист Павел Руденко. Роман // Там же. № 299. 22 июня; 50-летний юбилей «Колокола» // Там же. № 307. 1 июля; [Рец. на кн.:] Гершуни Г. Из недавнего прошлого. СПб., 1907 // Там же; Еще о бойкоте // Там же. № 308. 3 июля. Б. п.; Новый поход на избирательный закон //

Там же. № 309. 4 июля; [Рец. на кн.:] Степняк-Кравчинский С. М. Собр. соч. Ч. 2, 3. СПб., 1907 // Там же. № 311. 6 июля; Новые правила военного судопроизводства // Там же. № 314. 10 июля. Б. п.; Гибель Кореи // Там же. № 315. 11 июля. Б. п.; Состоялась конференция Трудовой группы // Там же. № 322. 19 июля. Б. п.; [Рец. на кн.:] Гос. дума. Указатель к стенографическим отчетам 1906 г. Сессия I. Зас. 1–38. СПб., 1907 // Там же. № 323. 20 июля; По поводу нового издания Положения о выборах в Гос. думу // Там же. № 325. 22 июля; «Новое время» и законность // Там же. № 328. 26 июля; Новые «разъяснения» в сфере избирательного права // Там же. № 331. 29 июля. Б. п.; По поводу некоторых сомнений, вызываемых избирательным законом // Там же. № 332. 31 июля; Разъяснительное усердие // Там же. № 333. 1 авг.; По поводу русско-японской конференции // Там же. № 335. 3 авг. Б. п.; «Речь» и Трудовая группа // Там же. № 337, 339, 343, 349. 5, 8, 12, 19 авг.; Памяти О. Н. Поповой // Там же. № 351. 22 авг. Б. п.; По поводу «нового курса» в Одессе // Там же. 1907. № 353. 24 авг.; [Рец. на кн.:] Петрищев А. Два избирательных закона. СПб., 1907; Абрамсон В. Основные начала нового положения о выборах в Гос. думу 3 июня 1907 г. Мелитополь, 1907 // Там же. № 353. 24 авг.; Инструкция о выборах // Там же. № 357. 29 авг.; Торговое соглашение с Японией // Там же. № 358. 30 авг. Б. п.; Партейтаг свободомыслящих // Там же. № 363. 5 сент. Б. п.; Германия. Партейтаг свободомыслящей народной партии // Там же. № 364. 6 сент. Б. п.; Германия. Международный конгресс мира // Там же. № 365. 7 сент. Б. п.; Инструкция о выборах // Там же. № 370. 13 сент.; Англо-русский договор // Там же. № 371. 14 сент. Б. п.; Отзывы английской печати по поводу англо-русского соглашения // Там же. № 373. 16 сент.; Русские граждане в Финляндии // Там же. № 374. 18 сент.; Македонские дела // Там же. № 375. 19 сент.; Германия. Фридрих I, великий герцог Баденский // Там же. Б. п.; [Рец. на кн.:] Васильев Н. П. [Гурлянд И. Я.] Вторая Дума. СПб., 1907 // Там же. № 377. 21 сент.; Всемирная почтовая конвенция // Там же. Б. п.; Невежество всегда смело. (Ответ «Новому времени») // Там же. № 378. 22 сент.; Вопросы и ответы // Там же. № 384. 29 сент.; Новые разъяснения в области избирательного права // Там же. № 386. 2 окт. Б. п.; Польский вопрос в его современном положении // Там же. № 394, 396. 11, 13 окт.; Что нужно знать избирателю в Петербурге // Там же. № 397. 14 окт.; Биографии кандидатов от г. С.-Петербурга. А. А. Демьянов. А. С. Зарудный // Там же. № 398. 16 окт. Б. п.; Что необходимо помнить избирателям // Там же. № 399. 17 окт. Б. п.; Гласность или безгласность избирательной процедуры // Там же. № 400. 18 окт.; Недействительные бюллетени // Там же. № 404. 23 окт.;

Охрана порядка в думе // Там же. № 405. 24 окт.; Военный проект в Швейцарии // Там же. № 411. 31 окт.; Мкртич I // Там же. № 413. 2 нояб. Б. п.; [Рец. на кн.:] Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. Пушкин. СПб., 1907. Т. I // Там же. № 419. 9 нояб.; Дума и Шмид // Там же. № 420. 10 нояб.; Германия. Проект закона о праве союзов и собраний // Там же. № 423, 428. 14, 20 нояб. Б. п.; К юбилею Константина Константиновича Арсеньева // Там же. № 424. 15 нояб.; Левые в заседании 13 ноября // Там же. № 425. 16 нояб. Б. п.; Германия. Проект закона о союзах и собраниях // Там же. № 428. 20 нояб. Б. п.; К делу Стесселя // Там же. № 434. 27 нояб. Б. п.; Швеция. Оскар II († 8 дек. 1907 г.) // Там же. Б. п.; Кризис в Персии // Там же. № 441. 5 дек. Б. п.; Революция в Персии // Там же. № 447. 12 дек. Б. п.; [Рец. на кн.:] Берс А. А. Естественная история черта (его рождение, жизнь и смерть). СПб., 1908 // Там же. № 449. 14 дек.; Швейцария. Объединение гражданского права // Там же. № 450. 15 дек. Б. п.; Правосудие и выборный процесс // Там же. № 454. 20 дек. Б. п.; Австрия. Ландтаги // Там же. Б. п.; Осуждение по делу о выборгском воззвании // Там же. № 455. 21 дек. Б. п.; Должны быть восстановлены… // Там же. № 457. 23 дек.; Германия. Второй процесс М. Гардена // Там же. № 459. 28 дек.; Германия. Процесс Максимилиана Гардена // Там же. № 460. 29 дек. Б. п.

Первый шаг // Столичная почта. 1907. № 118. 20 февр. Б. п.; Наказ Государственной думы // Там же. № 123. 25 февр.; [Передовая] // Там же. № 138. 15 марта. Б. п.; Проверка полномочий членов Гос. думы // Там же. № 127. 2 марта; Г. Б. Иоллос // Там же. № 138. 15 марта.

Партии в Государственной Думе // Трудовой народ. 1907. № 1. 15 марта.

«Трудовой блок». (Беседа с В. В. Водовозовым) // Биржевые ведомости. 1907. № 10121. 27 сент.

1908

Что делала Трудовая группа в Третьей Государственной думе в 1907–1908 г. [СПб.], 1908. 14 с. Б. п.

Суд над первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907 г. СПб.: Издание В. Водовозова, 1908. 82 с.

Предисловие // Материалы к истории русской контрреволюции. СПб., 1908. Т. 1. Погромы по официальным документам. С. 3–21.

Предисловие // Степняк-Кравчинский С. М. Собрание

сочинений. СПб., 1908. Ч. 6. С. VII–XVI; То же. Пг., 1919.

Краткий обзор деятельности первой сессии третьей Государственной Думы // Народный календарь 1909. М.: Солнце, 1908. Стлб. 213–220.

Авторское право и свобода переводов. По поводу законопроекта об авторском праве // Русское богатство. 1908. Кн. 6. С. 19–42.

Иностранная жизнь. Переворот в Турции и его последствия // Бодрое слово. 1908. № 1. Октябрь. Стлб. 109–122; Иностранная жизнь. Выборы президента Соединенных Штатов // Там же. № 2. Ноябрь. Стлб. 113–126; Иностранная жизнь. Конституционное движение в Китае // Там же. № 3. Ноябрь. Стлб. 111–126; Иностранная жизнь // Там же. № 4. Декабрь. Стлб. 89–106; № 5. Декабрь. Стлб. 119–128.

1907 год за границей // Наш век. 1908. № 962. 3 янв. Б. п.; События в Пруссии // Там же. № 965. 6 янв.; Турция. Революционное движение // Там же. Б. п.; Италия. Фердинанд IV тосканский (некролог) // Там же. № 968. 10 янв. Б. п.

[Передовая] // Столичная почта. 1908. № 215, 216, 225, 234, 249, 251. 19, 20, 31 янв., 10, 28 февр., 1 марта. Б. п.; Король дон-Карлос I, его наследник и соперники // Там же. № 217. 22 янв. Б. п.; События в Португалии // Там же. Б. п.; Португалия. Вступление на престол нового короля // Там же. № 218. 23 янв. Б. п.; К лиссабонской трагедии // Там же. № 219. 24 янв. Б. п.; [Рец. на кн.:] Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. СПб., 1907. Ч. IV. Андрей Кожухов // Там же. № 220. 25 янв.; Тревожные слухи // № 228. 3 февр. Б. п.; Аландские острова // № 230. 6 февр. Б. п.; Конец П[орт]-Артурской эпопеи // Там же. № 232. 8 февр. Б. п.; [Рец. на кн.:] Депутаты 1-й думы под судом. Дело о выборгском воззвании. Сост. В. Н. Классон. СПб., 1908 // Там же. № 238. 15 февр.; Отчуждение земель в Пруссии // Там же. № 239. 16 февр.; [Рец. на кн.:] История России в XIX веке. М., 1907. Вып. 1–6 // Там же. № 244. 22 февр.; Проект досрочного условного освобождения // Там же. № 250. 29 февр. Б. п.; [Рец. на кн.:] Степняк-Кравчинский С. М. Собрание сочинений. СПб., 1908. Ч. V. Эскизы и силуэты. // Там же; Эдмондо де-Амичис († 12 марта 1908) // Там же. № 252. 2 марта. Б. п.

Португалия. Результаты следствия о цареубийцах // Наша газета. 1908. № 1. 16 марта. Б. п.; Англия. Герцог Девоншейрский (маркиз Гартингтон). Некролог // Там же. Б. п.; [Передовая] // Там же. № 2. 18 марта. Б. п.; Справка // Там же. № 3. 19 марта. Б. п.; Финляндские дела // Там же. № 4. 20 марта; Приезд черногорского князя в Петербург // Там же. № 5. 21 марта. Б. п.

Е. М. Овсянников // Слово. 1908. № 512. 15 июля; Смертная

казнь в Государственной Думе и Государственном Совете // Там же. № 549. 30 авг.; К открытию Государственной Думы // Там же. № 590. 15 окт.; С.-Петербургское литературное общество об авторском праве. (Ответ Д. Философову) // Там же. № 593. 18 окт.; По поводу присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии // Там же. № 597. 22 окт.; [Рец. на кн.:] Еврейская энциклопедия. Т. I // Там же. № 609. 3 нояб.; Литературное утро в зале СПб. судебной палаты // Там же. 1908. № 652. 16 дек.; [Письмо редактору об отказе сотрудничать в «Новом журнале для всех»] // Там же. № 660. 24 дек.

Международные осложнения и позиция России // Правда жизни. 1908. № 2. 8 дек.; Иностранная политика в Государственной Думе // № 3. 15 дек.

«О больном человеке». В молодой Турции // Утро. 1908. № 17. 22 сент.

1909

Старый режим в Турции; Младотурки // Турецкий сборник: (К событиям на Ближнем Востоке) / Под ред. И. М. Бикермана. СПб., 1909. С. 57–96, 164–189.

Иностранная жизнь. 1908 год // Бодрое слово. 1909. № 1. Январь. Стлб. 86–97; № 2. Январь. Стлб. 107–122; № 3/4. Февраль. Стлб. 173–188; № 5. Март. Стлб. 87–98; № 6. Март. Стлб. 77–92; № 7. Апрель. Стлб. 121–128; № 8. Апрель. Стлб. 87–100; № 9–10. Май. Стлб. 145–160; № 11. Июнь. Стлб. 87–94; № 12. Июнь. Стлб. 97–106; № 14. Июль. Стлб. 117–128; № 15. Август. Стлб. 117–126; № 16. Август. Стлб. 121–128; № 17. Сентябрь. Стлб. 113–120; № 18. Сентябрь. Стлб. 109–118; № 19. Октябрь. Стлб. 105–114; № 20. Октябрь. Стлб. 123–128; № 21. Ноябрь. Стлб. 99–108; № 22. Ноябрь. Стлб. 91–102; № 23. Декабрь. Стлб. 95–108; № 24. Декабрь. Стлб. 121–128; Адольф Штеккер и антисемитизм в Германии // Там же. № 3/4. Стлб. 133–140; Местный суд в Государственной думе // Там же. № 21. Стлб. 63–76.

Русские журналы // Запросы жизни. 1909. № 2. С. 11–14; № 4. С. 17–20; № 6. С. 12–16; № 8. С. 10–13; № 10. С. 10–13; Государственная дума // Там же. № 7. С. 25–27; № 8. С. 23–25; № 9. С. 21–24; № 10. С. 25–27; № 11. С. 23–24.

1908 год в международном отношении // Наша газета. 1909. № 1. 1 янв.; Австро-турецкое соглашение // Там же. Б. п.; Зиновий Петрович Рождественский († 1 янв. 1909 г.) // Там же. № 2. 3 янв.; [Передовая] // Там же. № 5, 12, 18, 22, 27, 28, 32, 35, 36, 39, 41, 43, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 59, 61, 62, 64, 68, 69, 70, 76, 78–82, 86,

88, 89. 7, 15, 22, 27 янв., 1, 3, 8, 12, 13, 17, 19, 21, 28 февр., 1, 3, 5, 6, 8, 12, 14, 15, 18, 22, 24, 25 марта, 2, 4, 5, 7–9, 14, 16, 17 апр. Б. п.; Юбилей истинного дипломата. [О Ф. Ф. Мартенсе] // Там же. № 5. 7 янв. Б. п.; Новый рискованный эксперимент // Там же. № 6. 8 янв.; Швеция. Всеобщее избирательное право; Персия. Революция // Там же. № 8. 10 янв. Б. п.; Черногорцы // Там же. № 9. 11 янв. Б. п.; Турция. Бойкот австрийских товаров. Оскорбление австрийского консула // Там же. № 10. 13 янв. Б. п.; По поводу телеграммы из Персии // Там же. № 14. 17 янв. Б. п.; [Рец. на кн.:] Лазаревский Н. И. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентябрь 1908 г. // Там же. № 15. 19 янв.; Государственная дума и цензура // Там же. № 17. 21 янв. Б. п.; Еще о русско-болгарско-турецкой кредитной операции // Там же. № 19. 23 янв. Б. п.; Каким судом будут судить убийцу Иоллоса? // Там же. № 22. 27 янв.; Адольф Штеккер. (Некролог) // Там же. № 23. 28 янв.; Смертная казнь в Думах // Там же; Тяжелое воспоминание // Там же. № 24. 29 янв. Б. п.; Дело А. А. Лопухина – Азефа // Там же. № 28. 3 февр. Б. п.; Турция. Историческое заседание парламента 13 февраля // Там же. № 29. 4 февр. Б. п.; Хильми-паша // Там же. Б. п.; Всеобщее избирательное право в Швеции // Там же. № 30. 5 февр. Б. п.; Турция. Новое правительство; Австрия. Преследование чешских депутатов // Там же. № 31. 6 февр. Б. п.; По поводу письма Шмида // Там же. № 32. 8 февр.; Роспуск финляндского сейма // Там же. № 33. 10 февр.; К роспуску финляндского сейма. (Справка) // Там же. № 34. 11 февр. Б. п.; Сербия. Во главе нового министерства // Там же. № 35. 12 февр. Б. п.; Пуришкевич и депутатская неприкосновенность // Там же. № 37. 14 февр.; Сербия и Австрия. Настроение в Сербии // Там же. Б. п.; Иностранная печать о деле Азефа // Там же. Б. п.; Г. Извольский и услужливое «Новое время» // Там же. № 40. 18 февр. Б. п.; «Frankfurter Zeitung» об Азефе // Там же. № 42. 20 февр. Б. п.; Франция. Письмо Э. Лубе // Там же. Б. п.; Наша почта // Там же. № 45. 24 февр.; Швеция. Смертная казнь; Франция. Открытие памятника Ш. Флоке // Там же. Б. п.; Историческая параллель // Там же. № 46. 25 февр.; Поправка // Там же. № 47. 26 февр.; Ввиду надвигающейся грозы // Там же. № 48. 27 февр. Б. п.; К слухам о войне // Там же. № 50. 1 марта. Б. п.; Несколько цифр и фактов // Там же. № 51. 3 марта; Смертные казни без суда // Там же. № 52. 4 марта; Русско-турецкое соглашение; Турция. Бюджет // Там же. Б. п.; Русская и турецкая конституции. (Параллель) // Там же. № 53. 5 марта; Дания. Женщины – члены Копенгагенской городской думы // Там же. Б. п.; Победа социалистов на парламентских выборах в Италии // Там же.

№ 55. 7 марта. Б. п.; Несколько фактов из истории династии Карагеоргиевичей // Там же. № 62. 15 марта; 25-ая статья берлинского трактата // Там же. Б. п.; Поражение // Там же. № 66. 20 марта. Б. п.; Сербия. Отречение королевича // Там же. № 67. 21 марта. Б. п.; Две мерки. Наша политика в Финляндии // Там же. № 74. 29 марта; События в Турции // Там же. № 76. 2 апр. Б. п.; Национализм в Турции; Цивильный лист султана // Там же. № 77. 3 апр. Б. п.; Авторское право // Там же. № 80. 7 апр. Б. п.; Султан и его отречение // Там же. № 81. 8 апр.; Избирательная геометрия // Там же. № 82. 9 апр.; Независимость Болгарии. Россия и Персия // Там же. Б. п.; Судился и судом не оправдан. (По поводу дела гласного петербургской городской думы, бывш. члена I Гос. Думы Е. И. Кедрина) // Там же. Б. п.; Поправки «Нового времени» // Там же. № 83. 10 апр. Б. п.; Абдул Гамид. 1842–1876–1909 // Там же. № 84. 11 апр. Б. п.; Полемика об авторском праве // Там же. № 87, 88. 15, 16 апр.; Finita la comedia // Там же. № 87. 15 апр. Б. п.; Панов. (Некролог) // Там же. № 90. 18 апр. Б. п.; Не надо крови. (К событиям в Турции) // Там же. № 91. 19 апр.

Военная тревога и экономический кризис // Киевские вести. 1909. № 47. 17 февр.; Еще о кадетском министерстве. Историческая параллель // Там же. № 58. 23 февр.

[Рец. на кн.:] Лира. Сб. произведений русской художественной лирики / Собирал и составил М. Л. Бинштоk. СПб., 1908 // Правда жизни. 1909. № 8. 19 янв.; [Передовая] // Там же. № 11, 12, 19, 20, 22. 9, 16 февр., 6, 13, 27 апр. Б. п.; Смертная казнь в Швеции и амнистия в Сербии // Там же. № 13. 23 февр. Б. п.; [Рец. на кн.:] Еврейская энциклопедия // Там же. № 15. 9 марта; Официозное объяснение // Там же. № 17. 23 марта; [Рец. на кн.:] Бальмонт К. Д. Из чужеземных поэтов. СПб., 1908 // Там же; [Рец. на кн.:] Земля. Сб. 2-й. Арцыбашев М., Бунин И., Зайцев Б. и др. М., 1909 // Там же. № 18. 31 марта; Письмо в редакцию. Ответ фракции Трудовой группы проф. Локтю // Там же. № 21. 20 апр.; [Рец. на кн.:] Гауптман Г. Потонувший колокол. Немецкая сказка-драма. СПб., 1909 // Там же.

По Турции. (От нашего корреспондента) // Русское слово. 1909. № 157, 164, 167, 169, 172. 10, 18, 22, 24, 28 июля.

Финляндский суд и дело об убийстве Герценштейна // Право. 1909. № 36. 6 сент. Стлб. 1905–1913; № 38. 20 сент. Стлб. 2009–2015.

Письмо в редакцию // Новая Русь. 1909. № 210. 3 авг.

Волостное земство // Современная неделя. 1909. № 1, 2. 19, 26 дек.

1910

Национальность и государство // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Сб. под ред. А. И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 727–744.

Русские журналы // Запросы жизни. 1910. № 3. Стлб. 147–153; Государственная дума // Там же. № 4. Стлб. 243–247; № 5. Стлб. 301–307; № 6. Стлб. 373–375; № 7. Стлб. 425–430; № 8. Стлб. 493–497; № 9. Стлб. 551–554; № 10. Стлб. 621–627; № 11. Стлб. 689–694; № 12. Стлб. 745–752; № 13. Стлб. 816–821; № 14. Стлб. 48–55; № 15. Стлб. 47–52; № 17. Стлб. 47–51; № 18/19. Стлб. 69–78; № 20. Стлб. 51–56; № 21. Стлб. 51–55; Итоги 3-й сессии Государственной Думы // Там же. № 22. Стлб. 21–28.

Иностранная жизнь. 1909 год // Бодрое слово. 1910. № 1. Стлб. 99–110.

К итогам минувшего года // Современная неделя. 1910. № 2.

Открытое письмо проф. Локтю // Новая Русь. 1910. № 116. 30 апр.

К диспуту В. В. Водовозова с Т. В. Локтем // Киевские вести. 1910. № 134. 10 мая.

От редакции // Столичные отклики. 1910. № 1. 15 нояб. Б. п.; Лев Толстой и вооруженная сила // Там же.

1911

С. А. Муромцев, как председатель Государственной думы // Современник. 1911. Кн. 1. С. 282–305; Бюрократия и Дума // Там же. Кн. 2. С. 254–257; Из траурных воспоминаний: Фридрих Шпильгаген. 24 февр. 1829 – 25 февр. 1911 // Там же. С. 362–368; Война с Китаем и война с Илиодором // Там же. Кн. 3. С. 351–358; Из траурных воспоминаний: Петр Филиппович Якубович. 1860–1911 // Там же. Кн. 4. С. 296–305; Известие с царицынского театра военных действий // Там же. С. 346–355; На Родине. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента // Там же. Кн. 5. С. 371–385.

Новый поход против Финляндии // Запросы жизни. 1911. № 4; Холмский вопрос // Там же. № 9.

1912

III-я Государственная Дума. СПб., 1912. 39 с. Б. п.

Кабинет и парламент в Англии в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени / Под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова и др. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина и «Сотрудника школ» А. К. Залесской, 1912. Т. 3. С. 34–67. (Историческая комиссия ОРТЗ).

[Предисловие] // Фроммет Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб.: т-во М. О. Вольфа, 1912. С. 1–2.

Суд и правосудие в России // Современник. 1912. Кн. 5. С. 343–360; Местный суд // Там же. Кн. 6. С. 292–298; Итоги и факты. Война. Государственная дума // Там же. Кн. 10. С. 337–352; Война // Там же. Кн. 11. С. 319–328.

Государственная Дума в 1911 г. // Запросы жизни. 1912. № 1; Депутатская неприкосновенность // Там же. № 4; Избирательная программа трудовой группы // Там же. № 13; Трудовая группа и рабочая партия // Там же. № 17; Итоги 3-ей Думы // Там же. № 24.

[Передовая] // Столичные отклики. 1912. № 1. 27 авг. Б. п.; Речь В. В. Водовозова на избирательном собрании в С.-Петербурге // Там же. № 7, 8. 8, 15 окт.; Антоний, митрополит С.-Петербургский // Там же. № 11. 19 нояб. Б. п.

Литературная конвенция // Голос «Современника». 1912. № 5. 8 янв.

Новая группировка держав и наша международная политика // Вятская Речь. 1912. № 108. 18 мая; Местный суд в Государственной Думе // Там же. № 111. 22 мая; Памяти Николая Федоровича Анненского // Там же. № 168. 1 авг.; Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) // Там же. № 180. 17 авг.

1913

Трудовая группа в IV Государственной Думе. Обзор деятельности с 15 ноября по 15 декабря 1912 г. СПб., 1913. 60 с. Б. п.

Предисловие // Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878) / С предисл. и примеч. В. В. Водовозова. СПб.: Колос, 1913. С. III–V.

Новый поход на печать // Современник. 1913. Кн. 5. С. 237–257; На Балканах // Там же. Кн. 7. С. 249–273; Кн. 8. С. 306–322; Захват печати капиталом и его последствия // Там же. Кн. 8. С. 235–249; Кн. 9. С. 248–263; Август Бебель // Там же. Кн. 8. С. 342–344; Балканские войны и державы Балканского полуострова // Там же. Кн. 10. С. 234–241; По поводу дела Бейлиса и ритуальных убийств вообще // Там же. С. 290–294; Иван Яковлевич

Фойницкий. 1847–1913 // Там же. С. 307–315; Балканская война и Россия // Там же. Кн. 11. С. 264–271; Городовое положение в Царстве Польском // Там же. Кн. 12. С. 228–241.

Восстановление истины // День. 1913. № 135. 22 мая; Там, где воюют. (От нашего корреспондента): Варна // Там же. № 187. 15 июля; В Софии. (От нашего корреспондента) // Там же. № 198. 26 июля; [Передовая] // № 294, 297, 300, 319. 30 окт., 2, 5, 24 нояб. Б. п.; Запрос Трудовой группы // Там же. № 280. 16 окт. Б. п.; Законопроект о печати // Там же. № 288. 24 окт.; Во что обходится свобода печати русскому плательщику податей // Там же. № 291. 27 окт.; Конфискация газеты «День» // Там же. № 295. 31 окт. Б. п.; Закон о печати в думской комиссии // Там же. № 300. 12 нояб.; Движение законопроекта о печати в думской комиссии // Там же. № 315. 20 нояб.; По поводу дела Керенского // Там же. № 322. 27 нояб.; Недопустимые приемы полемики // Там же. № 326. 1 дек.; Иммунитет западный и русский // Там же. № 329. 4 дек.

1914

Современный момент в международных отношениях // Современник. 1914. Кн. 1. С. 99–107; Законопроект о печати // Там же. Кн. 2. С. 91–101; [Рец. на кн.:] Павлович М. П. Экономические основы внешней политики современных государств. Вып. I. Великие железнодорожные и морские пути будущего. СПб., 1913 // Там же. Кн. 5. С. 141–142; Смена на папском престоле // Там же. Кн. 10. С. 281–284.

[Передовая] // День. 1914. № 14. 15 янв. Б. п.; Новая натуральная повинность // Там же. № 24. 25 янв.; Обструкция в Думе и кадеты // Там же. № 110. 24 апр.; Алексей Викторович Гизетти (1850–1914) // Там же. № 142. 28 мая; Федор Федорович Ольденбург (1862–1914) // Там же. № 198. 25 июля; Мораторий // Там же. № 214. 10 авг.; Государственный строй Бельгии // Там же. № 286. 21 окт.; Турн Северин (Румыния). (От нашего специального корреспондента) // Там же. № 343. 17 дек.; Ниш. (От нашего корреспондента) // Там же. № 351, 353. 25, 28 дек.

1915

Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни // Пушкин [А. С.] Собрание сочинений. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1915. Т. 6. С. 368–389; Алфавитный указатель

произведений Пушкина по заголовку и по первому стиху // Там же. С. 609–647.

Ниш. (От нашего специального корреспондента) // День. 1915. № 1. 1 янв.; Белград. (От нашего корреспондента) // Там же. № 5. 6 янв.; Шабац. (От нашего корреспондента) // Там же. № 9. 10 янв.; Ниш. (От нашего корреспондента) // Там же. № 13. 14 янв.; Памяти В. Л. Геловани // Там же. № 52. 23 февр.; Ян Сандански // Там же. № 103. 14 апр.; Италия и война // Там же. № 106. 19 апр.; Китайско-японское соглашение // Там же. № 116. 29 апр.; Министерский кризис в Италии // Там же. № 120. 3 мая; События в Португалии // Там же. № 120, 124. 3, 7 мая; Министерский кризис в Англии // Там же. № 126. 9 мая; Памяти В. Я. Богучарского // Там же. № 127. 10 мая; Вопросы мировой войны. [Рец. на кн.:] Вопросы мировой войны: сб. под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны: сб. ст. М. И. Туган-Барановского, М. И. Фридмана, П. Н. Милюкова и др. Пг., б. г. // Там же. № 139, 165. 23 мая, 18 июня; Камилл Пелльтан // Там же. № 141. 25 мая; По поводу парламентских выборов в Греции // Там же. № 147. 31 мая; По поводу событий в Албании // Там же. № 149. 2 июня; Выборы в Греции // № 151, 153. 4, 6 июня; К выступлению Болгарии // Там же. № 157. 10 июня; По поводу выступления Вандервельде // Там же. № 159. 12 июня; Внутренний мир в Германии // Там же. № 162. 15 июня; Софийский процесс // Там же. № 166. 19 июня; Министерство путей сообщения // Там же. № 202. 25 июля; Военная цензура // Там же. № 205, 216, 227. 28 июля, 8, 19 авг.; К вопросу о выступлении Болгарии // Там же. № 208. 31 июля; Князь Щербатов и В. Г. Короленко // Там же. № 215. 6 авг.; Балтийское море как театр морской войны // Там же. № 217, 219. 9, 11 авг.; [Передовая] // Там же. № 218, 238, 260, 263–265, 273, 351. 10, 30 авг.; 21, 24–26 сент., 4 окт., 21 дек. Б. п.; Монетный голод и Гос. Дума // Там же. № 229, 261. 21 авг., 22 сент.; На Балканах // Там же. № 230, 259, 261, 267, 314, 327, 343. 22 авг., 20, 22, 28 сент., 14, 27 нояб., 13 дек.; Восстановление финляндской конституции // Там же. № 235. 27 авг. Б. п.; Общество обывателей // Там же. № 240. 1 сент.; Торжество в Болгарии // Там же. № 245. 6 сент.; Воинская повинность в Англии // Там же. № 247. 8 сент.; Выступление Болгарии // Там же. № 249, 251. 10, 12 сент.; Кэйр Гарди (1856–1915) // Там же. № 254. 15 сент.; Суд над печатью // Там же. № 270. 1 окт.; Болезнь или разногласие? // Там же. № 271. 2 окт.; Греция и Кипр // Там же. № 279. 10 окт.; А. А. Савинский и русская дипломатия на Балканах // Там же. № 319. 19 нояб.; На Балканах // Там же. № 327. 27 нояб.; Толки о мире // Там же. № 329. 29 нояб.; Эдуард Вальян (1840–1915) // Там же.

№ 337. 7 дек.; Балканская федерация // Там же. 1915. № 355. 25 дек.; Василий Радославов // Там же. № 356. 27 дек.

Македония и болгаро-сербский конфликт // Русские ведомости. 1915. № 70. 28 марта.

1916

По сербской Македонии. Путевые заметки // Вестник Европы. 1916. Кн. 1. С. 169–207.

Четверть века назад и теперь // Северные записки. 1916. № 3. С. 204–215; Карл Либкнехт // Там же. № 6. С. 206–216.

Армянский съезд // День. 1916. № 127. 10 мая; Дело Крамаржа // Там же. № 144, 145. 27, 28 мая; Дело Либкнехта // Там же. № 164. 17 июня. Подп.: А. Радин; Декларация итальянского министерства // Там же. № 166. 19 июня. Подп.: А. Радин; Плата за квартиры // Там же. № 167. 20 июня. Подп.: А. Радин; Междупарламентское общение // Там же. № 171. 24 июня. Подп.: А. Радин; Лорд-Грей и Ллойд-Джордж // Там же. № 172. 25 июня. Подп.: А. Радин; А. И. Иванчин-Писарев // Там же. № 175. 28 июня. Подп.: А. Радин; Соглашение об Ирландии // Там же. № 178. 1 июля. Подп.: А. Радин; Выборы в финляндский сейм // Там же. № 179. 2 июля. Подп.: А. Радин; К казни Фрайэта // Там же. № 197. 20 июля. Подп.: А. Радин; Новый кабинет в Греции // Там же. № 268. 29 сент.; Сахар в Петрограде // Там же. № 278. 9 окт.; В Греции // Там же; По поводу убийства Штюргка // Там же. № 280. 11 окт.; Выборы в Соединенных Штатах // Там же. № 294. 25 окт.; Акт о Польше // Там же. № 295. 26 окт.; Исторические судьбы Польши // Там же. № 296, 298. 27, 29 окт.; Император Франц-Иосиф. 1830–1848–1916 // Там же. 1916. № 310. 10 нояб.; Международно-правовые обязательства Турции // Там же. № 317. 17 нояб.; Нота Вильсона // Там же. № 344. 14 дек.; Разговоры о мире // Там же. № 346. 16 дек.; Еще по поводу «Русской воли» // Там же. № 347. 17 дек.; Как заключается мир // Там же. № 355–357, 359. 25, 28, 29, 31 дек.

1917

На Балканах. Статьи. Путевые очерки. Пг.: Огни, 1917. 139 с.

Армия и учредительное собрание. Пг.: Единение, 1917. 15 с.

Война и революция: Речь, произнесенная на

Петербургском организационном собрании Трудовой группы. Пг., 1917. 24 с.

Всеобщее избирательное право. 3-е изд., перераб. Пг.: Огни, 1917. 60 с. (Библиотека гражданина).

Как будут произведены выборы в Учредительное собрание. Пг.: Новая Россия, 1917. 30 с.

Какая система должна быть принята для избрания Учредительного собрания. Пропорциональные или мажоритарные выборы? Пг.: Земля и труд, 1917. 30 с.

Кто будет выбирать в Учредительное собрание? Пг.: Единение, 1917. 14 с.

Положение о выборах в Учредительное собрание. Раздел I: (Главы 1–5). Текст закона, с введением и разъяснениями, составленными В. В. Водовозовым. Пг.: Огни, 1917. 96 с. (Библиотека гражданина).

Порядок выборов в Учредительное собрание. Общедоступное изложение закона о выборах. Пг.: Единение, 1917. 62 с.

Равноправие народностей. Пг.: Земля и труд, 1917. 14 с.

Учредительное собрание. Пг.: Огни, 1917. 73, [2] с. (Библиотека гражданина).

Царь или Республика. Пг.: Единение, 1917. [2], 5 с.; 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Единение, 1917. 14 с.

Что такое мир без аннексий и контрибуций. Пг.: Единение, 1917. 29 с.

Что такое мир на началах самоопределения народов. Пг.: Единение, 1917. 30 с.

Что такое политическая партия? (Конспект лекции). Пг., 1917. 9 с. (Нар. университет им. Л. И. Лутугина. Лекции, чит. на курсах агитаторов). Пг.: Вольно-экономическое общество, 1917. [2], 7 с.

Что такое Учредительное собрание? Пг.: Единение, 1917. 14 с.

[Рец. на кн.:] Герцен А. И. Полное собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1915–1917. Т. 1–8 // Былое. 1917. № 2 (24). С. 290–291; Царскосельские совещания: протоколы секретного совещания под председательством быв. императора по вопросу о расширении избирательного права / Публ. В. В. Водовозова // Там же. № 3 (25). С. 217–234 (ввод. статья), 235–265; № 4 (26). С. 183–245; № 5/6 (27/28). С. 289–318; В. Д. Новицкий: (Из личных воспоминаний) // Там же. № 5/6. С. 82–90.

Международные отношения в 1916 г. // День. 1917. № 1. 1 янв.; Условия будущего мира // Там же. № 2. 3 янв.; [Передовая] // Там же. № 9, 21, 22, 48. 11, 23, 24 янв., 20 февр. Б.

п.; Свобода морей // Там же. № 11. 13 янв.; Архив К. П. Победоносцева // Там же. № 19. 21 янв.; Реформа избирательного права в Англии // Там же. № 15. 17 янв.; Блокада // Там же. № 18. 20 янв.; Защита интересов подданных воюющих держав // Там же. № 21. 23 янв.; К. К. Арсеньев (24 янв. 1837 – 24 янв. 1917) // Там же. № 22. 24 янв.; К делу Пьяных // Там же. № 25. 27 янв.; Новые данные к истории военного выступления Болгарии // Там же. № 35. 6 февр.; Памяти М. Б. Ратнера // Там же. № 41. 12 февр.; Несколько слов по поводу дела Манасевича-Мануйлова // Там же. № 43. 15 февр.; Женское голосование в Англии // Там же. № 44. 16 февр.; Свобода слова. Открытое письмо Совету Рабочих Депутатов // День. 1917. № 1. 5 марта; Учредительное Собрание // Там же. Б. п.; Немедленно освободите Свинхувуда. Открытое письмо А. Ф. Керенскому // Там же; От террора к мирной пропаганде // Там же. № 2. 7 марта. Б. п.; Объяснение по поводу моего письма к А. Ф. Керенскому // Там же. № 3. 8 марта; Правительственная декларация // Там же. Б. п.; С. В. Зубатов // Там же. № 4. 9 марта; Судьбы Финляндии // Там же; О смягчении участи уголовных. Ответ рабочему завода «Феникс» // Там же. № 5. 10 марта; Тревожные слухи // Там же. Б. п.; Не тратьте времени и денег на пустяки // Там же. № 6. 11 марта; Россия и Германия // Там же. № 12. 18 марта; Свобода Польши // Там же. Б. п.; Созыв Учредительного Собрания // Там же. № 16. 23 марта; Армия и Учредительное Собрание // Там же. № 19. 28 марта; Отклик русской революции в Германии // Там же. № 21. 29 марта; Война и революция. (Речь, произнесенная на петербургском организационном собрании Трудовой группы 12 марта 1917 г.) // Там же. № 26–28. 6–8 апр.; Константинополь и проливы // Там же. № 27. 7 апр.; Заем свободы // Там же. № 28. 8 апр.; В комиссии по выработке законопроекта об Учредительном Собрании // Там же. № 31. 12 апр. Б. п.; Нота министра иностр[анных] дел по поводу войны // Там же. № 39. 21 апр.; Разрешение кризиса // Там же. № 41. 23 апр.; Война до решительной победы // Там же. № 45. 28 апр.; Германские условия мира // Там же. № 46. 29 апр.; К созыву Учредительного Собрания // Там же. № 50, 53, 56. 4, 7, 11 мая; Опубликование тайных договоров // Там же. № 52. 6 мая; Договор с Румынией // Там же. № 59. 14 мая; Несколько слов по поводу спора между Литвой и Латвией // Там же. № 60. 16 мая; Мир без аннексий и война до победы // Там же. № 61. 17 мая; Письмо в редакцию // Там же. № 65. 21 мая; Пропорциональные или мажоритарные выборы? // Там же. № 65–67, 69, 72. 23–25, 27, 31 мая; Поправка // Там же. № 74. 2 июня; Условия мира, предлагаемые германской социал-демократией // Там же. № 78. 7 июня;

Учредительное Собрание // Там же. № 114, 125, 127. 20 июля, 2, 4 авг.; Суд и дело генерала Корнилова // Там же. № 174. 27 сент.; Положение о выборах в Учредительное Собрание // Там же. № 179, 180. 3, 4 окт.; Ход выборного производства // Там же. Б. п.; Ход выборной кампании. Тревожные сомнения перед выборами // Там же. № 181. 5 окт. Б. п.; Толки о мире // № 184. 8 окт.; Оренбургская республика // № 229. 24 дек.

Ехать ли на конференцию в Стокгольм? // Власть народа. 1917. № 2. 29 апр.; Автономия Литвы // Там же. № 61. 17 мая; Выборы в Учредительное Собрание // Там же. № 68. 16 июля; Положение об Учредительном Собрании // Там же. № 70. 19 июля.

Порядок выборов в Учредительное Собрание // Народное слово. 1917. № 52, 54, 56–59. 3, 6, 9–12 авг.; По поводу речи А. Ф. Стааля на съезде Труд. нар.-соц. партии. (Письмо в редакцию) // Там же. № 99. 1 окт.

1918

Секретные дипломатические документы // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 1. С. 77–88; Кн. 2. С. 75–88; Кн. 3. С. 63–68; [Рец. на кн.:] Каменев Ю. Борьба за мир. (Отчет о мирных переговорах в Бресте). Пг., 1918; Мстиславский С. Брестские переговоры. (Из дневника). Пг., 1918 // Там же. Кн. 4. С. 88–91; [Рец. на кн.:] Владимиров Л. Война и Балканы. Пг., 1918 // Там же. Кн. 5. С. 112–113; Мирные договоры Румынии // Там же. Кн. 6. С. 3–13.

Николай II в Финляндии в 1909 году: неизданные материалы. Предисловие // Былое. 1918. № 3 (31). С. 86–93.

Тильзит // Стрелы. Сб. 2-й: Немец. Пг.: Стрелы, 1918. Стлб. 17–21.

Г. В. Плеханов // Бюллетени Кабинета печати. Материалы для провинциальной печати (оригинальные статьи и специальная информация). 1918. № 3 (207). 11 (29) мая. С. 1–2.

1920

А. И. Герцен. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 29 с.

«Колокол» Герцена // А. И. Герцен. 1870 – 21 января 1920. Пг., 1920. С. 38–42.

1921

Записка генерала Броневского о Лицее: (По поводу дела Петрашевского). Секретный архив III Отделения собственной е. и. в. канцелярии // Сборник материалов и статей / Глав. упр. архивным делом; Ред. ж. «Исторический архив». М., 1921. Вып. 1. С. 39–44; [Рец. на кн.:] Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Т. 1–8. Пг., 1915–1917; Т. 9–11. Пб., 1919; Т. 12–13. Пг.: Госиздат, 1919 // Там же. С. 233–244.

1922

Версальский мир и Лига наций. Пг.: Мысль, 1922. 93 с.

Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Пг.: Мысль, 1922. 126 с.

Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. Пб.: Гос. изд-во. 1922. 208 с.

Забытая статья В. Г. Короленко // В. Г. Короленко. Жизнь и творчество: сб. ст. под ред. А. Б. Петрищева. Пб., 1922. С. 160–166.

Предисловие // Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы / Под ред. В. Водовозова. М.: Задруга, 1922. Ч. 1. С. 5–16.

Царская Россия во время великой войны в изображении французского посла // Былое. 1922. № 20. С. 268–291.

[Рец. на кн.:] К характеристике Австрии после войны (Bundesampt für Statistik. Statistisches Handbuch für die Republik Oesterreich. II. Wein, 1921) // Анналы. 1922. Кн. 2. С. 313–315.

1923

Памяти декабристов. Первое заседание Музея революции [в Петрограде 11 января 1920 г.] Стенографический отчет // Музей революции. Пг., 1923. Сб. 1. С. 72–78.

Новая карта мира // Всеобщий календарь на 1923 г., с 2 картами в красках. Пг.: Полярная звезда, 1923. С. 226–269.

Открытое письмо Н. А. Бердяеву // Дни. 1923. № 126. 29 марта; Письмо в редакцию // Там же. № 347. 29 дек.

1925

Новая Европа: Территория и население. Государственный строй. Международное положение. Денежная система и финансы. Экономические условия. Политические партии.

Прага: Пламя, 1925. 410 с., 4 л. карт.

Встречи с А. И. Ульяновым // Былое. 1925. № 6 (34). С. 131–133; То же: Встречи с Александром Ильичом Ульяновым // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сб. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1927. С. 283–287.

Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне (Прага). 1925. Кн. 12. С. 174–180.

О пропорциональных выборах // Дни. 1925. № 664. 14 янв.; О пропорциональных выборах. (По поводу статей С. К. Гогеля и М. Вишняка) // Там же. № 688. 11 февр.

К процессу в Тенеси. (Письмо в редакцию) // Руль. 1925. № 1415. 30 июля.

1926

Библиография. [Рец. на кн.:] Гредескул Н. А. Россия прежде и теперь. М., 1926 // Дни. 1926. № 1171. 28 нояб.

1927

[Рец. на кн.:] Большая советская энциклопедия // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 577–582.

Мемуары В. Н. Ламздорфа // Руль. 1927. № 2023. 27 июля; Детская беспризорность // Там же. № 2080. 1 окт.

Открытое письмо. По поводу статьи М. Осоргина «О прочитанном» // Дни. 1927. № 1249. 26 нояб.

1928

Рост населения в XX веке. Уменьшение рождаемости и смертности // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 48–62.

[Рец. на кн.:] Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. М., 1927 // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 551–555.

Победа социал-демократии [в Германии] // Руль. 1928. № 2282. 1 июня; Печать в советской России // Там же. № 2355. 25 авг.; Рост печатной продукции в СССР // Там же. № 2364. 5 сент.; Большевики о качестве советской книги // Там же. № 2373. 15 сент.

1929

Федерация и конфедерация // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. 2. С. 30–46.

Уроки английских выборов // Руль. 1929. № 2600, 2601. 18, 19 июня; Чехословацкие выборы // Там же. № 2715. 30 окт.

1992

Граф С. Ю. Витте и император Николай II. М.: Искусство и культура, [1992]. 117 с.

Энциклопедические словари со статьями В. В. Водовозова

Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. Т. 1–41. 1905–1907. Доп. Т. 1–2.

Малый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899–1902. Т. 1–3; 2-е изд. 1907–1909. Т. 1. Вып. 1–2; Т. 2. Вып. 3–4.

Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. СПб.; Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1911–1916. Т. 1–29.

Еврейская энциклопедия. СПб.: издание Общества для еврейских науч. изданий и изд-ва Брокгауз – Ефрон, 1908–1913. Т. 1–16.

Русский биографический словарь, изд. под наблюдением предс. Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1896–1913. Т. 1–25.

Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 1–20, доп. Т. 21–22. СПб., 1900–1909.

Политическая энциклопедия / Под ред. Л. З. Слонимского. СПб., 1906–1908. Т. 1. Вып. 1–3 (1906), 4 (1907); Т. 2. Вып. 5 (1907), 6 (1908).

Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / Под ред. проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева. Т. 1–33. М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1910–1915.

Slovník národohospodářský, sociální a politický. Praha: Otakar Janáček. Díl I. 1929. 624 s.; Díl II. 1931. 636 s.; Díl. III. 1933. 729 s.

Ottův slovník naučný nové doby: dodatky k Velikému Ottovu slovníku naučnému / redakci vede B. Němec. Díl I, sv. 1: A–Bo. 1930. 701 s., [72] s. obr. příl.; Díl I, sv. 2: Br–Dej. 1931. s. 705–1458, [72] s.

obr. příl.; Díl II, sv. 1: Dek–Gan. 1932. 790 s., [83] s. obr. příl.; Díl II, sv. 2: Gao–Isk. 1933. s. 795–1518, [41] s. obr. příl.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Без заглавия» (Петербург; 24 января – 14 мая 1906) – политический еженедельник; редактор С. Н. Прокопович; издатель Е. Д. Кускова I; II

«Биржевые ведомости» (Петербург; 1880–1917) – ежедневная (с 1885) газета «финансов, торговли, политики и общественной жизни» (в двух выпусках – утреннем и, с 1902, вечернем); издатель С. М. Проппер I; II

«Борьба за Россию» (Париж; 27 ноября 1926 – 7 ноября 1931) – еженедельное издание I

«Былое» (Петербург; 1906–1907; Париж; 1908–1913; Петроград, Ленинград, 1917–1926) – ежемесячный журнал по истории освободительного движения I; II

«Ведомости СПб. градоначальства» (Петербург; 1899–1914) – ежедневная газета I; II

«Вестник Европы» (Петербург; 1866–1918) – ежемесячный журнал «истории, политики и литературы»; издатель-редактор М. М. Стасюлевич; с 1909 издатель М. М. Ковалевский, редактор К. К. Арсеньев I; II

«Вестник Партии народной свободы» (Петербург; 22 февраля 1906 – 3 февраля 1908; 11 мая 1917 – 8 августа 1918) – еженедельный орган ЦК Конституционно-демократической партии; редактор-издатель В. Д. Набоков II

«Возрождение» (Париж; 1925–1940) – газета; редакторы: П. Б. Струве (1925–1927), Ю. Ф. Семенов (1927–1940) I; II

«Вопросы жизни» (Петербург; 1905) – ежемесячный литературно-общественный журнал II

«Врач» (Петербург; 1880–1900) – еженедельная медицинская газета, посвященная «всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта» I; II

«Газета-копейка» (Петербург; 1908–1918) – дешевая ежедневная газета II

«Голос земли» (Петербург; 10 января – 10 марта 1912) – ежедневная политическая, экономическая и общественно-литературная газета II

«Голос минувшего» (Москва; 1913–1922) – журнал истории и истории литературы; редакторы: С. П. Мельгунов (с 1914), В. И. Семевский (1914–1916) I; II

«День» (Петербург; 1912–1917) – ежедневная газета; в ноябре

1917 – мае 1918 выходила под названиями «Новый день», «Грядущий день» и др. I; II

«Дни» (Берлин, 1922–1925; Париж, 1925–1933) – газета (с 1922), еженедельник (с 1928) II

«Журнал для всех» (Петербург; 1895–1906) – ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал; издатель В. С. Миролюбов (с 1898) I; II

«Земля и воля» (Петербург; 25 октября 1878 – 16 апреля 1879. № 1–5) – орган тайного революционно-народнического общества «Земля и воля» I

«Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (Москва; 1918–1923) – ежедневная газета II

«Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (Петроград, 1918–1921) – ежедневная газета II

«Известия Тюменского революционного комитета» (Тюмень; 10 сентября – 12 октября 1919) – газета II

«Искра» (Мюнхен; 1900–1902; Лондон; 1902–1903; Женева; 1903–1905) – социал-демократическая газета; редакция: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов, А. Н. Потресов; орган меньшевистской фракции РСДРП (25 ноября 1903 – 8 октября 1905) I; II

«Исторический вестник» (Петербург; 1880–1917) – ежемесячный историко-литературный журнал; редакторы: С. Н. Шубинский (1881–1913), Б. Б. Глинский (1913–1917) I; II

«Киевлянин» (Киев; 1864–1919) – ежедневная литературная и политическая газета I; II

«Киевская газета» (Киев; 1899–1905) – ежедневная литературно-политическая и общественная газета; приостановлена «ввиду вредного ее направления» в декабре 1905 I

«Киевские отклики» (Киев; 1903–1907) – ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета I; II

«Киевское слово» (Киев; 1886–1905) – ежедневная литературно-политическая и экономическая газета I; II

«Книжки “Недели”» (Петербург; 1878–1901) – ежемесячный литературный журнал, выходивший в качестве приложения к газете «Неделя»; редактор-издатель В. П. Гайдебуров (с 1894) I

«Красная газета» (Петроград; Ленинград; 1919–1939) – ежедневная газета, издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов; с 1921 орган Центрального,

губернского и городского комитетов РКП(б) – ВКП(б) и Петроградского (с 1924 Ленинградского) совета II

«Мир Божий» (Петербург; 1892–1906) – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для юношества и самообразования; в 1906–1918 выходил под названием «Современный мир» как литературный, научный и политический журнал I; II

«Московские ведомости» (Москва; 1757–1917) – ежедневная (с 1859) газета I

«Наблюдатель» (Петербург; 1882–1904) – ежемесячный «литературный, политический и ученый» журнал I

«Народная воля» (Петербург. № 1–5; Москва. № 6–9; всего 12 номеров; октябрь 1879 – октябрь 1885) – орган одноименной революционно-народнической партии; в 1880–1886 выходили также «Листки Народной воли» (7 номеров) I

«Народное хозяйство» (Петербург; 1900–1905) – научно-общественный журнал, посвященный вопросам политической экономии, финансов, городского и земского хозяйства, статистики; редактор-издатель Л. В. Ходский I; II

«Народное хозяйство» (Петербург; 15 декабря 1905 – 21 января 1906) – ежедневная газета; издатель Л. В. Ходский; редакторы: В. С. Голубев, с 12 января В. В. Водовозов (№ 23–31) I; II

«Наша жизнь» (Петербург; 6 ноября 1904 – 11 июля 1906) – ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета; редакторы: Л. В. Ходский и А. Н. Котельников (№ 1–349), В. В. Водовозов (№ 350–423, с 22 января 1906), Д. А. Левин (№ 424–456, с 20 апреля 1906), К. И. Диксон (№ 457–494) I; II

«Неделя» (Петербург; 1866–1901) – политический и литературный еженедельник под редакцией П. А. Гайдебурова (1876–1894) и его сына В. П. Гайдебурова (1894–1901) I; II

«Новое время» (Петербург; 1868–1917) – ежедневная газета; издатели: А. С. Суворин (1876–1912), Товарищество А. С. Суворина «Новое время» (1912–1917) I; II

«Новое слово» (Петербург; 1895–1897) – ежемесячный научно-литературный и политический журнал I; II

«Новости и Биржевая газета» (Петербург; 1880–1906) – ежедневная газета; редактор О. К. Нотович I

«Новый путь» (Петербург; 1903–1904) – ежемесячный религиозно-философский и литературный журнал; редактор-издатель П. П. Перцов, с июня 1904 Д. В. Философов I; II

«Освобождение» (Штутгарт. № 1–56; Париж. № 57–79; 18 июня 1902 – 18 октября 1905) – двухнедельный политический

журнал; редактор-издатель П. Б. Струве I; II

«Отечественные записки» (Петербург; 1839–1884) – «ученолитературный и политический» журнал I; II

«Петербургская газета» (Петербург; с 1914 Петроград; 1867–1918; с 1914 «Петроградская газета») – ежедневная городская газета I

«Петербургский листок» (Петербург; с 1914 Петроград; 1864–1918; с 1914 «Петроградский листок») – ежедневная городская газета I

«Петроградская правда» (Петроград; 1918–1991; с 1924 «Ленинградская правда») – ежедневная газета, орган Центрального и Петроградского комитетов РКП(б), с 1921 Северо-Западного бюро ЦК и Петроградского губернского комитета РКП(б), с 1924 Ленинградского областного комитета партии, исполкома советов и совета профсоюзов I; II

«Последние новости» (Париж; 1920–1940) – ежедневная газета; редакторы: М. Л. Гольдштейн (1920–1921), П. Н. Милюков (1921–1940) I; II

«Правда» (Петербург; апрель 1912 – июль 1914; Петроград; с марта 1917; Москва; 1918–1991) – легальная большевистская газета (1912–1914); центральный орган РСДРП(б) с 1917, РКП(б) с 1918, ВКП(б) с 1925, КПСС с 1952 I

«Право» (Петербург; 1898–1917) – еженедельная юридическая газета I; II

«Разведчик» (Петербург; 1889–1917) – еженедельный иллюстрированный журнал I

«Революционная Россия» (Куоккала; 1900–1901; Томск; 1901; Женева; 1901; Лондон; 1902; Париж; 1902–1905. № 1–77) – нелегальная газета, орган Союза социалистов-революционеров (№ 1–2), ЦО ПСР (с № 3); редакторы: М. Р. Гоц, В. М. Чернов I; II

«Русская воля» (Петроград; 1916–1917) – ежедневная политическая, общественная и литературная газета II

«Русская жизнь» (Петербург; 1890–1895) – ежедневная политическая, общественная и литературная газета I; II

«Русская земля» (Москва; 1906–1915) – ежедневная газета II

«Русская мысль» (Москва; 1880–1918) – ежемесячный научный, литературный и политический журнал; издатель и редактор П. Б. Струве (с 1911) I; II

«Русская старина» (Петербург; 1870–1918) – ежемесячный исторический журнал; издатель и редактор М. И. Семевский (до 1892) I

«Русские ведомости» (Москва; 1863–1918) – ежедневная общественно-политическая газета I; II

«Русский вестник» (Москва; 1856–1887, 1896–1902;

Петербург; 1887–1896, 1902–1906) – ежемесячный литературный и политический журнал; издатели-редакторы: М. Н. Катков (1856–1887) и др. I

«Русское богатство» (Петербург; 1876–1918) – ежемесячный литературный, научный и политический журнал (в 1906 выходил под названием «Современные записки» и «Современность», в 1914–1917 «Русские записки») I; II

«Русское слово» (Москва; 1895–1918) – общественно-политическая, экономическая и литературная газета I; II

«Русь» (Петербург; 1894–1896) – ежедневная политическая, общественная и литературная газета; редактор-издатель кн. В. П. Мещерский (1894–1895), Н. Зеленский (с 1895), А. Н. Кремлев (1896) I

«Русь» (Петербург; 1897–1901) – ежедневная общественная, политическая, литературная газета; издатель В. П. Гайдебуров; выходила в двух изданиях (до июня 1897) I

«Русь» (Петербург; 1903–1908) – ежедневная газета; издатель А. А. Суворин I; II

«С.-Петербургские ведомости» (Петербург; с 1914 Петроград; 1728–1917; в 1914–1917 выходила под названием «Петроградские ведомости») – ежедневная газета II

«Саратовская земская неделя» (Саратов; 1896–1905) – газета (1896–1900), орган губернской земской управы, и ежемесячный журнал (1901–1905), издание губернского земства I; II

«Свет» (Петербург; 1882–1917) – ежедневная дешевая политическая, экономическая и литературная газета II

«Свобода» (София; 1887–1895) – болгарская еженедельная, с 1891 – ежедневная, проправительственная газета, орган Народно-либеральной партии С. Стамболова I

«Свобода и право» (Киев; 1906) – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета II

«Свободно слово» (София; 1893–1894) – болгарская ежедневная газета, орган «соединенной легальной оппозиции»; издатели: К. Стоилов, В. Радославов I

«Северный вестник» (Петербург; 1885–1898) – ежемесячный литературно-научный и политический журнал I; II

«Слово» (Петербург; 1 января 1903 – 5 июля 1909) – ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета; орган «Союза 17 октября» в 1905–1906, Партии мирного обновления с ноября 1906 II

«Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате» (Петербург; 1863–1917) – официальное периодическое издание, выходившее в качестве приложения к «Сенатским ведомостям» I; II

«Современник» (Петербург; 1836–1866) – ежемесячный (с 1847) литературный и научный журнал II

«Современник» (Петербург; 1911–1915) – ежемесячный журнал литературы, общественной жизни, политики, истории, науки и искусства I; II

«Современные записки» (Париж; 1920–1940) – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал I; II

«Современный мир» (Петербург; 1906–1918) – ежемесячный литературный, научный и политический журнал; редакторы: Н. И. Иорданский, В. П. Кранихфельд; издатель М. К. Иорданская I; II

«Столичная почта» (Петербург; 1 октября 1906 – 4 марта 1908) – общедоступная политическая, литературная и общественно-экономическая газета; редакторы-издатели: Н. Н. Русанова при участии Л. В. Ходского и В. В. Португалова (№ 1–133), А. Х. Яновский (№ 134–200), П. Д. Зайкин (№ 201–253) I; II

«Сын Отечества» (Петербург; 1862–1901) – ежедневная политическая, литературная и ученая газета I; II

«Сын Отечества» (Петербург; 18 ноября 1904 – 2 декабря 1905) – ежедневная общественная, политическая и литературная газета; редактор-издатель С. П. Юрицын; редактор Г. И. Шрейдер (№ 221–245); имела второе удешевленное издание (1 июля – 14 октября 1905. № 1–88) I; II

«Товарищ» (Петербург; 1–30 апреля. № 1–24; 3 августа 1906 – 30 декабря 1907. № 5–461) – ежедневная политическая, литературная и экономическая газета; издатель Н. Н. Русанова; редакторы: В. Н. Гордин (№ 1–44), В. В. Португалов (с № 45) I; II

«Труд» (Петроград; 14 апреля 1919 – 20 декабря 1920) – еженедельное издание Петроградского губернского совета профсоюзов II

«Южные записки» (Одесса; 1902–1905) – еженедельный популярно-научный, литературный, художественно-политический и общественный журнал I

«Юридический вестник» (Москва; 1867–1892) – журнал, издававшийся Московским юридическим обществом I; II

«Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник»; Берлин; 1872–1939) – ежедневная немецкая либеральная газета I

«Daily News» («Ежедневные новости»; Лондон; 1846–) – ежедневная газета (название менялось, с 1930 «News Chronicle») II

«Die Neue Zeit» («Новое время»; Штутгарт; 1883–1923) – ежемесячный, с 1890 еженедельный журнал Социал-демократической партии Германии, с 1901 ее официальный теоретический орган, выходивший под редакцией К. Каутского (до 1917) I

«Die Zeit» («Время»; Вена) – австрийский еженедельник (1894–

1904) и одноименная ежедневная газета (1902–1919) I

«Die Zukunft» («Будущее»; Берлин; 1892–1922) – немецкий еженедельник политики, общественной жизни, искусства и литературы, редактор М. Гарден I

«Evening Standard» («Вечернее Знамя»; Лондон; основана под названием «Standard» в 1827, переименована в 1859) – английская ежедневная газета I

«Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская газета»; Франкфурт-на-Майне; 1856–1903) – немецкая ежедневная газета I; II

«Le Mouvement socialiste» («Социалистическое движение»; Париж; 1899–1914) – французский революционно-синдикалистский журнал I

«Le Temps» («Время»; Париж; 1861–1942) – французская ежедневная газета I

«Przegląd Społeczny» («Социальное обозрение»; Львов, январь 1886 – июль 1887) – ежемесячный журнал I

«Sozialistische Monatshefte» («Социалистический ежемесячник»; Берлин, 1897–1933) – немецкий журнал, отражавший политические взгляды ревизионистского крыла СДПГ I

«Standard» – см.: «Evening Standard»

«The Manchester Guardian» («Страж Манчестера»; Манчестер, 1821–1959; позднее «The Guardian», с 1964 в Лондоне) – британская ежедневная газета II

«The Times» («Времена»; Лондон; 1785–) – ежедневная английская газета I; II

«Vorwärts» («Вперед»; Лейпциг; 1876–1878; Берлин; 1891–1933; Прага; 1933–1938; Париж; 1938–1940) – ежедневная газета, центральный орган Социал-демократической партии Германии; возобновила выпуск как «Neuer Vorwärts» (1948), вернувшись затем к прежнему названию (1955) I; II

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[763]

Абрамов Яков Васильевич (1858–1906) – писатель, публицист I

Авинов Николай Николаевич (1881–1937) – экономист, статистик; конституционный демократ с 1907; начальник Гл. управления по делам местного хозяйства, тов. министра внутренних дел Временного правительства, председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (1917); отбывал заключение (1931–1934); арестован (26.11.1937), расстрелян (10.12.1937) II

Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1953) – пом. присяжного поверенного (с 1904); чл. Конституционно-демократической партии с 1905 и ее ЦК с 1916; депутат Гос. думы 2–4-го созывов (1907–1917); комиссар Временного комитета Гос. думы по Министерству юстиции, чл. Юридического совещания при Временном правительстве, Временного совета Российской республики (Предпарламента); в эмиграции – во Франции (с 1919), в США II

Адлер Виктор (Adler Victor; 1852–1918) – один из основателей Социал-демократической рабочей партии Австрии (1889), после ее разделения – руководитель Немецко-австрийской с.-д. партии (с 1897); депутат нижнеавстрийского ландтага (с 1901), рейхсрата (1905–1918) и лидер его с.-д. фракции I

Азеф Евгений Филиппович (наст. имя Евно Фишелев; 1869–1918) – секретный сотрудник Департамента полиции (с 1893); чл. ЦК, глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров (1903–1907); разоблачен (7.1.1909); скрывался в Германии I; II

Аксаков Василий Сергеевич (1865–1935) – тов. прокурора С.-Петербургского окружного суда, Новочеркасской судебной палаты; чл.-консультант отдела юстиции Всевеликого войска Донского (1918); юрисконсульт Кубанского отдела юстиции (до окт. 1919), Гл. управления топливной промышленности ВСНХ (с 1923), Всесоюзного теплотехнического ин-та (с 1924); арестован (13.12.1926) и, приговоренный к 10 годам заключения (6.4.1927), отбывал его в Соловецком лагере (до 4.4.1931); на поселении – в Вологде II

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – журналист, публицист, поэт, общественный деятель II

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист,

поэт, литературный критик II

Аксельрод Надежда Ивановна (урожд. Каминер Эсфирь Исааковна; ? – 1905) – участница народнического кружка в Киеве (1873); в эмиграции – в Швейцарии (с 1874); жена П. Б. Аксельрода (с 1875) II

Аксельрод Павел Борисович (1850–1928) – чл. обществ «Земля и воля» с 1876, «Черный передел» с 1879, группы «Освобождение труда» с 1883, один из идеологов меньшевизма; председатель ОК и ЦК РСДРП (1917); в эмиграции – в Германии I; II

Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) – один из лидеров Трудовой группы; учился на физ.-мат. факультете Казанского ун-та (1893–1896, исключен); после 9 мес. заключения в Казанской тюрьмы приговорен к 3 годам ссылки (1897); в политэмиграции – во Франции, в Бельгии, Англии; депутат 1-й Гос. думы (1906); лейтенант британской армии; вернувшись в Россию (июль 1917), поддержал выступление ген. Л. Г. Корнилова, содержался в Быховской тюрьме; штабс-капитан Донской армии; в эмиграции – в Лондоне II

Алданов Марк Александрович (наст. фамилия Ландау; 1886–1957) – писатель; чл. Заграничного комитета ТНСП (с 1920); в эмиграции – в Париже, Берлине, Ницце, Нью-Йорке I; II

Александр I Обренович (1876–1903) – король Сербии (1899–1903); убит офицерами-заговорщиками вместе с королевой Драгой, премьер-министром и министром обороны I

Александр III (1845–1894) – император всероссийский (с 1881) I; II

Александр Македонский, Александр III Великий (356–323 до н. э.) – царь Македонии (с 336 до н. э.), военачальник I

Александра Федоровна (урожд. Гессен-Дармштадтская; 1872–1918) – императрица всероссийская, жена Николая II (с 1894); расстреляна I

Александров – см.: Кулишер А. М.

Александровский Василий Федорович – правитель канцелярии Управления Юго-Западных казенных железных дорог в пределах Киевской губ.; председатель библиотечной и театральной комиссий Киевского общества грамотности; пайщик и сотрудник редакции газ. «Киевские отклики» (на 1904) I

Александровский Григорий Владимирович (1872–1941?) – редактор-издатель газ. «Киевские отклики» (1903–1904); преподавал в Фундуклеевской гимназии (с 1896), Коллегии Павла Галагана, гимназии А. Т. Дучинской, на Высших вечерних женских курсах А. В. Жекулиной, в Коммерческом женском училище В. Н. Володкевича, Фребелевском педагогическом

женском ин-те, на Музыкально-драматических курсах; автор ист.-лит. очерков и комм. к соч. В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, А. М. Горького, И. А. Крылова, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, А. К. Толстого; впоследствии профессор Казанского гос. ун-та I

Александровский Измаил Владимирович (после 1850 – не ранее 1920) – журналист, театральный критик; брат Г. В. Александровского; сотрудничал в газ. «Новости», «Одесский листок», «Киевлянин» (кон. 1880-х – 1903); редактор газ. «Киевские отклики» (1903); чл. Киевского литературно-артистического общества (1895–1905) I

Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – чл. Петербургского комитета (1905), Центр. обл. бюро, делегат 4-го (1906), 5-го (1907) съездов РСДРП, большевик; депутат 2-й Гос. думы (1907); чл. группы «Вперед» в 1909–1914, ЦК Всероссийской с.-д. группы «Единство» (1917); арестован (27.4.1918) и, выпущенный на поруки (янв. 1919), бежал в Эстонию; чл. Русского совета при ген. П. Н. Врангеле (1921–1922); в эмиграции – в Париже: редактор газ. «Родная земля» (1925–1928), «Наше дело» (1939–1940) II

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – писатель I; II

Андерсон Владимир Максимилианович (1880–1931) – библиотекарь, зав. систематическим каталогом русского отделения Публичной библиотеки (1902–1918), ее комиссар (с 1918), директор (1924), гл. библиотекарь (1924–1925), зав. русским отделением (1928), зам. директора (1929); чл. РКП(б) с 1919; находился на дипломатической работе (1925–1928); отбывал ссылку (с 1929) II

Андреев Александр Матвеевич – крупный землевладелец Тихвинского у. Новгородской губ. II

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель II

Андреева Мария Александровна (1900–1949) – историк-византинист; в эмиграции – в Чехословакии: доктор философии Карлова ун-та, чл. Семинария (с 1931 – Археологического ин-та) им. Н. П. Кондакова (1925–1931), сотрудничала в Сборнике статей по археологии и византиноведению (1926–1928); чл. Русского исторического общества, сотрудник Славянского ин-та, Славянской библиотеки в Праге; дочь А. М. Андреева II

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) – тов. прокурора С.-Петербургского окружного суда (с 1873); отказавшись быть обвинителем на процессе В. И. Засулич, уволен в отставку (1878); присяжный поверенный; поэт, переводчик, лит. критик, мемуарист II

Андреюшкин Пахомий Иванович (1865–1887) – студент физ.-мат. факультета Петербургского ун-та (с 1886); чл. террористической фракции партии «Народная воля», готовившей покушение на Александра III; казнен I; II

Андроников Луарсаб Николаевич (1872–1939) – пом. присяжного поверенного (с 1899), присяжный поверенный (с 1906): участник более 150 политических процессов; юрисконсульт секретариата президиума ВСНХ (с 1917); преподавал в Тульском педагогическом ин-те (с 1918), Российском ин-те слова (с 1920); профессор юридического факультета Тифлисского ун-та (1921–1939) II

Аникин Степан Васильевич (1869–1919) – литератор; сельский учитель (с 1892); сотрудничал в газ. «Саратовский листок», «Саратовская земская неделя», «Саратовский дневник»; социалист-революционер с 1900; арестованный (1904), провел 6 мес. в тюрьме; депутат 1-й Гос. думы, чл. Трудовой группы в 1906 и ее ЦК (1907–1909); участвовал в ж. «Бодрое слово», «Вестник Европы», «Русское богатство»; в политэмиграции – в Швейцарии (1909–1914); зав. отделом народного образования, тов. председателя Саратовской губ. земской управы, председатель Нижневолжского кооперативного союза (1917); чл. Саратовского совета, редактор ж. «Кооперативная мысль» (1918) II

Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист; чл. редакции ж. «Русское богатство» (с 1894); зам. председателя совета Союза освобождения (с 1904); вице-президент Вольного экономического общества (1904–1909); председатель С.-Петербургского литературного общества (1907–1911) I; II

Антоний (в миру Вадковский Александр Владимирович; 1846–1912) – митрополит С.-Петербургский и Ладожский (1898–1912), первенствующий чл. Святейшего синода (с 1905) II

Антонович Афиноген Яковлевич (1848–1917) – приват-доцент Киевского ун-та по кафедре полицейского права (с 1882); чл. редакции газ. «Киевлянин» (1883–1886); редактор газ. «Киевское слово» (1886–1893, 1902); тов. министра финансов (1893–1895); чл. Совета Министерства народного просвещения (1895) I

Апрелева Елена Ивановна (урожд. Бларамберг, лит. псевдоним Е. Ардов; 1846–1923) – писательница, мемуаристка; в эмиграции – в Белграде I

Ардов Е. – см.: Апрелева Е. И.

Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ и энциклопедист I

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) – присяжный поверенный (1866–1874), тов. обер-прокурора

гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (1874–1880); публицист; почетный академик по разряду изящной словесности Петербургской АН (1900); вице-президент Вольного экономического общества (1900–1903); один из руководителей Партии демократических реформ II

Арсеньев Павел Александрович (1851–1942) – прокурор Киевской судебной палаты; председатель Тверского, С.-Петербургского окружных судов, ст. председатель Саратовской судебной палаты; сенатор (1906–1913); после Октябрьской революции основал кооперативное товарищество в своем имении; крестьянин-единоличник в д. Бронницы Кимрского р-на Московской обл.; подвергся аресту (18.12.1929 – 13.4.1930) I

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – прозаик, публицист II

Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1925) – приват-доцент Новороссийского ун-та по кафедре всеобщей истории (с 1885); управляющий Киевской конторой Гос. банка (1896–1918); гос. контролер, министр иностранных дел Украинской державы (1918); в эмиграции – профессор Белградского ун-та I

Афанасьев Клавдий Иванович (1875–1937) – священник Донской и Новочеркасской епархии (1897–1906); депутат 1-й Гос. думы, конституционный демократ, исключен из духовного сословия (16.10.1906); конторщик Русско-Азиатского банка (с 1908); секретный агент Донского охранного отделения (1913–1917); приговорен к расстрелу (1920), замененному 5 годами принудительных работ; арестован (24.12.1937), расстрелян (28.12.1937) II

Ашешов Николай Петрович (1866–1923) – журналист, прозаик, драматург; пом. присяжного поверенного; сотрудник газ. «Русская жизнь» (с 1892); редактировал «Самарскую газету» (1893–1894), «Нижегородский листок» (1895–1897); поселившись в Петербурге (с 1900), сотрудничал в газ. «Северный курьер», «Новости», «Неделя», «С.-Петербургские ведомости», «Наша жизнь», «Товарищ» и др., ж. «Образование» (1903–1905), «Современный мир» (1915–1916) I; II

Ауэр Игнац (Auer Ignaz; 1846–1907) – секретарь Социалистической рабочей партии (с 1875), Социал-демократической партии Германии (с 1890); депутат рейхстага (1877–1878, 1880–1887, 1890–1906) I

Балабанов Михаил (Моисей) Соломонович (1873 – после 1939) – историк; чл. киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1897; секретарь (с 1899), чл. редакции газ. «Донская речь» (1901–1903); меньшевик, чл. Донского комитета

РСДРП (1903–1904); секретарь редакций газ. «Киевские отклики» (1904–1905), «Начало» (1905); секретарь с.-д. фракции 1-й Гос. думы (1906); вернувшись в Киев (1911), работал в газ. «Киевская мысль», «Киевские вести»; чл. Киевского, Всеукраинского комитетов РСДРП, Центр. Рады; подвергался арестам (1920, 1930); доцент Петроградского ун-та (1920–1930), ЛИФЛИ (1931–1934), науч. сотрудник АН СССР; арестован (18.4.1938), приговорен к высылке в Казахстан на 5 лет (26.7.1939) I

Балмашев Валериан Александрович (1853–1903) – участник народнического движения с 1874; отбывал заключение (с 1876), ссылку в Холмогорах, Пинеге Архангельской губ. (1879–1884); библиотекарь, организатор Общества взаимопомощи книгопечатников в Саратове; выслан в Котельнич (1899–1902) I

Балмашев Степан Валерианович (1881–1902) – социалист-революционер; сын В. А. Балмашева; студент 2-го курса Киевского ун-та (исключен 7.12.1900); арестован (23.1.1901), отдан в солдаты; освобожденный от воен. службы (июль 1901), вступил в Боевую организацию ПСР (сент. 1901); смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина (2.4.1902); казнен (3.5.1902) I; II

Баньковская Анна Ивановна – жена Ф. И. Баньковского I

Баньковский Франц Иосифович (1849 – не ранее 1912) – участник народнического движения; исключен из 4-го класса Витебской гимназии; участник Сербско-турецкой войны 1876–1877; извозчик в Киеве, кондуктор-телеграфист Орлово-Витебской железной дороги; арестован (4.11.1884), сослан в Архангельскую губ. на 5 лет с водворением в Шенкурске (29.1.1886); находился под негласным надзором (1891–1903); пом. секретаря, зав. складом земледельческих орудий Минского сельскохозяйственного общества; служащий гор. управы (с 1898), управляющий домом в Минске I

Баранов Николай Михайлович (1837–1901) – капитан-лейтенант (1871), капитан 2-го ранга (1877), полковник (1880), генерал-майор (1888), генерал-лейтенант (1893); директор Морского музея (1866–1877); во время Русско-турецкой войны 1877–1878 командовал судами «Веста» и «Россия»; петербургский градоначальник (1881); архангельский (1881–1882) и нижегородский (1882–1897) губернатор; сенатор (с 1897) I

Барановская Екатерина Васильевна (урожд. Сабашникова; 1859 – после 1930?), графиня – владелица имения у д. Переделка Лоевской волости Речицкого у. Минской губ. (с 1892); сестра издателей М. и С. Сабашниковых; в эмиграции – в Швейцарии II

Батманов Алексей Никифорович (1861–1954) – участник народнического движения; арестован (1884), содержался в

Петропавловской крепости, Доме предварительного заключения; привлечен к дознанию по делу Петербургской студенческой корпорации, выслан в Казань; вновь арестованный, отбывал ссылку в Шенкурске (1886–1889); находился под негласным надзором (до 1894); нотариус в Екатеринбурге (1895–1918); зав. библиотекой Уральского общества любителей естествознания (1896–1897); соучредитель (1899), чл. правления Екатеринбургской публичной общедоступной библиотеки им. В. Г. Белинского; зав. библиотекой Обл. союза потребительских обществ (1919); краевед I

Батманова Александра Владимировна (урожд. Земляницына; 1859–1922) – жена А. Н. Батманова (с 1888); училась на Высших женских (Бестужевских) курсах; привлечена к дознанию по делу о Петербургской студенческой корпорации (1884); подвергалась арестам (1884, 1885), отбывала ссылку в Шенкурске (1886–1889); позднее – с мужем в Екатеринбурге I

Баттенберг Александр, князь (1857–1893) – первый князь Болгарии (1879–1886); участник Русско-турецкой войны 1877–1878; генерал-лейтенант (1880); низвергнутый с болгарского престола в результате военного переворота (9.8.1886), подписал отречение; жил в Граце; похоронен в Софии I

Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) – историк литературы; профессор Высших женских курсов (1886–1899), приват-доцент Петербургского ун-та (1891–1899); редактор ж. «Мир Божий» (1902–1906), чл. редакции ж. «Современный мир» (1906–1908); гл. уполномоченный Временного правительства по б. Императорским театрам (1917); науч. сотрудник Публичной библиотеки (1918–1919); чл. редколлегии изд-ва «Всемирная литература» (1919–1920) II

Бахман Анна Мартыновна (1899–1937) – меньшевичка, чл. студенческой фракции при Петроградском комитете РСДРП с 1924; приговорена к 3 годам заключения (16.5.1924), которое отбывала в Соловецком лагере и Верхнеуральском политизоляторе (с 1925); сослана в Мары Туркменской ССР на 3 года (29.4.1927); плановик-экономист в Казани; выслана в Вологду (15.5.1935); арестована (5.6.1936), расстреляна (1.12.1937) II

Бебель Август (Bebel August; 1840–1913) – организатор Саксонской народной партии (1867, совм. с В. Либкнехтом) и председатель Совета рабочих союзов (с 1868), объединившихся в Социал-демократическую рабочую партию Германии (1869); один из лидеров Социалистической рабочей партии (с 1875), Социал-демократической партии Германии (с 1890); депутат рейхстага (1871–1881, 1883–1913), ландтага Саксонии (1881–1891);

участник создания 2-го Интернационала I; II

Безродная Юлия (наст. имя Юлия Ивановна Яковлева; 1858–1910) – писательница; жена поэта Н. М. Минского (Виленкина, с 1882), Е. А. Ганейзера (с 1896?) II

Бейлис Менахем Мендель (1874–1934) – приказчик кирпичного завода в Киеве; обвинен в ритуальном убийстве (1911), оправдан судом присяжных (1913); в эмиграции – в Палестине, США (с 1920) I; II

Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) – детская писательница, переводчица, мемуаристка; тетка А. А. Блока по материнской линии II

Беклемишев Владимир Александрович (1861–1919) – скульптор II

Беклин Арнольд (Bōcklin Arnold; 1827–1901) – швейцарский живописец I

Белопольский Иосиф (Осип) Романович (1879–1956) – организатор большевистских издательств «Вперед» в Одессе, «Утро» в Петербурге (1905); председатель правления Петроградского кооперативного изд-ва «Начатки знаний» (1918–1929) II

Белчев Христо (1857–1891) – министр финансов Болгарии (с 1890); убит в результате покушения на премьер-министра С. Стамболова I

Бергер Александр Моисеевич (1881 – после 1944) – присяжный поверенный, присяжный стряпчий; позднее юрисконсульт Ленинградского горного ин-та (1931–1933), Гос. академии истории материальной культуры (1935–1936) II

Бердяев Александр Михайлович (1837–1916) – отец С. А. и Н. А. Бердяевых; участник Русско-турецкой войны 1877–1878; служил в Кавалергардском полку, ротмистр; киевский уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья, председатель правления Киевского земельного банка I

Бердяев Александр Сергеевич (1885 – после 1922?) – сын С. А. и Е. Г. Бердяевых I

Бердяев Глеб Сергеевич (Тюня; 1897–1958) – сын Н. А. Бердяева и Е. Г. Бердяевой; литературный критик, чл. Гос. академии художественных наук; отбывал заключение в Тайшетлаге; гл. редактор «Радиокалендаря» во Всесоюзном радиокомитете (на 1947) I

Бердяев Григорий Сергеевич (1887–1918) – сын С. А. и Е. Г. Бердяевых I

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный философ; сын А. М. Бердяева I; II

Бердяев Сергей Александрович (1860–1914) – поэт,

переводчик, театр. критик, публицист; брат Н. А. Бердяева, сын А. М. Бердяева; учился на медицинском факультете в ун-тах Вюрцбурга (с 1878), Брюсселя; подчинен гласному надзору на 1 год (2.11.1884); служил в Гл. управлении почт и телеграфов (1887–1890); сотрудничал в газ. «Курьер» (1897–1898), «Жизнь и искусство» (1896–1899), «Киевские отклики» (1905–1906), «Киевское слово» (1905) и др., в т. ч. выходивших на украинском яз. в Галиции и Буковине; редактор-издатель газ. «Киевская заря» (1906. № 1–76); издатель газ. «Работник» (1906. № 1–2); проживая в Москве (1907–1912), сотрудничал в газ. «Столичное утро», «Утро России», «Голос Москвы», «Московские ведомости», ж. «Украинская жизнь»; умер в Киеве I; II

Бердяева Алина Сергеевна (Александра, урожд. княжна Кудашева; 1838–1912) – жена А. М. Бердяева, мать Н. А. и С. А. Бердяевых I

Бердяева Елена Григорьевна (урожд. Гродзкая; 1866 – после 1939) – жена С. А. Бердяева (с 1884); печаталась в газ. «Новое время», ж. «Всемирная иллюстрация», «Вестник Европы» и др.; редактор-издатель ж. «По морю и суше» (СПб., 1889; Киев, 1890–1893); сотрудник газ. «Киевские отклики» (с 1903); в эмиграции – в Югославии; автор романа «Жар-птица» (Белград, 1939) I

Березин Михаил Егорович (1864–1932) – земский статистик; секретарь редакции газ. «Южное обозрение» в Одессе (с 1896); арестованный по делу «Южно-русского рабочего союза» (1898), после 14 мес. заключения отбывал ссылку в Малмыже Вятской губ. (1899–1903); социалист-революционер с 1904; тов. председателя 2-й Гос. думы, чл. ЦК Трудовой группы и Совета фракции Крестьянского союза, редакции газ. «Трудовой народ» (1907); служил в Страховом товариществе «Саламандра»; председатель ЦК Трудовой группы, чл. ЦК ТНСП, совета Гл. земельного комитета при Временном правительстве, Предпарламента (1917); консультант по статистике в Наркомате труда РСФСР, чл. (с 1918), председатель Кооперативного страхового союза II

Беренштам Мария Вильямовна (в браке с 1899 Кистяковская; 1869–1932) – литератор; окончила историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов (1895), преподавала с Н. К. Крупской в рабочих школах; чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1897; автор кн. «Рассказы о борьбе человека с природой» (М., 1897, 7 изд.); арестована (1900), выслана в Вологодскую губ. на 3 года (1901); позднее ст. статистик Ин-та для изучения экономической конъюнктуры и народного хоз-ва Украины, нештатный сотрудник Всеукраинской АН I

Беренштам Михаил Вильямович (1872–1932) – адвокат, тов. председателя совета присяжных поверенных при С.-Петербургской судебной палате (с 1902); прапорщик, чл. исполкома Совета офицерских депутатов, Особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по воен. ведомству, директор департамента Министерства юстиции, тов. министра продовольствия Временного правительства (1917); чл. ЦК ТНСП (с 1917), редакции газ. «Народное слово»; впоследствии юрисконсульт; брат М. В. Берштам II

Бернштейн Эдуард (Bernstein Eduard; 1850–1932) – чл. Социал-демократической рабочей партии Германии с 1872; в политэмиграции – в Швейцарии (с 1878), Лондоне (с 1888): редактор ж. «Sozialdemokrat» (1881–1890), центр. органа Соц. рабочей партии Германии (с 1890 – СДПГ); совм. с К. Каутским разработал программу СДПГ, принятую на ее съезде в Эрфурте (1891); редактор соч. Ф. Лассаля (1891–1893); депутат рейхстага (1902–1907, 1912–1918, 1920–1928); один из основателей Независимой с.-д. партии Германии (1917–1919), вернулся в СДПГ I; II

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – психиатр, невропатолог II

Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – публицист, издатель, последователь, биограф и редактор сочинений Л. Н. Толстого I

Биск – жена Исаака С. Биска I

Биск Александр Соломонович – чл. торгового дома «А. Биск и Г. Барац» в Харькове (до 1915) I

Биск Иона Соломонович (Ионас; 1877–1943) – один из основателей московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1897; учился в Московском техническом училище; арестованный (12.3.1898), после 9 мес. заключения выслан в Курск (1.12.1898); переводчик кн. К. Каутского «Противоречия классовых интересов в 1789 г.» (1902), «Экономическое учение Карла Маркса» (1905); чл. Полесского комитета РСДРП в Гомеле, арестован (5.4.1905); жил в Николаеве, откуда выслан; автор кн. «Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России. Исторический очерк» (1909); окончил Петербургский технологический ин-т (1910); работал на Суконной фабрике им. П. Алексеева (1922–1927); арестован (11.3.1938) и, приговоренный к 8 годам заключения (26.5.1938), погиб в Каргопольлаге (29.12.1943) I

Биск Исаак Соломонович (1874–1922) – социал-демократ с сер. 1890-х, меньшевик с 1903; брат Ионы С. Биска; учился в Гейдельберге и Цюрихе; арестован по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (12.3–25.4.1898);

подчинен гласному надзору полиции на один год (22.3.1900); чл. «Союза русских социал-демократов», участник объединительного съезда заграничных организаций РСДРП в Цюрихе (1901); переправлял газ. «Искра» из Львова в Россию (1904); чл. меньшевистского комитета в Харькове (1905); в политэмиграции (с 1906) – чл. Союза помощи политзаключенным в Кракове, его правления от Центр. бюро заграничных групп РСДРП в Швейцарии, председатель Центр. комитета для возвращения политэмигрантов в Россию (1917); чл. Киевского, Всеукраинского комитетов РСДРП; лишен полит. прав до конца Гражданской войны (март 1920); арестован (янв. 1921); умер в Киеве I

Биск Соломон Моисеевич (1832? – ?) – киевский домовладелец, потомственный почетный гражданин; отец Ионы и Исаака Бисков I

Бисмарк Отто фон (Bismark Otto von; 1815–1898) – министр иностранных дел и министр-председатель Пруссии (1862–1890), канцлер Северогерманского союза (1867–1871), рейхсканцлер Германской империи (1871–1890) I; II

Благоев Димитр Николов (1856–1924) – болгарский социалист; студент Петербургского ун-та, выслан из России (1885); основатель кружка «Партия русских социал-демократов» в 1883, Болгарской с.-д. партии в 1891, Болгарской рабочей с.-д. партии (тесных социалистов) в 1903, Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов) и председатель ее ЦК (с 1919) I

Благоев Христо – болгарский политический деятель; градоначальник (кмет) Софии (1893–1894) I

Блан Луи (Blanc Louis; 1811–1882) – французский социалист-утопист, журналист, историк I; II

Бланк Рувим Маркович (Мордкович; 1866–1954) – публицист; арестован (1884), выслан в Астраханскую губ. на 3 года; учился в Цюрихе (с 1889), Берлине (1893–1895); химик, работал во Франкфурте-на-Майне, в Берлине (до 1905); редактор газ. «Наша жизнь» (1906), редактор-издатель ж. «Запросы жизни» (1909–1912); в эмиграции – во Франции (с 1918), в Германии: секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым, чл. Заграничного комитета ТНСП (до 1927), соредактор газ. «Еврейская трибуна» (1919–1924), председатель Русского общественного комитета по организации помощи голодающим России (с 1921), Берлинского комитета Общества помощи политзаключенным и ссыльным в России (с 1923); позднее жил в США I; II

Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт II

Бобриков Николай Иванович (1839–1904) – генерал от инфантерии (1897), генерал-адъютант (1898); генерал-губернатор

Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа (1898–1904) II

Богданович Александр – учащийся С.-Петербургской Ларинской гимназии (1877–1882) II

Богданович Николай Модестович (1856–1903) – тобольский (1892–1896) и уфимский (1896–1903) губернатор; застрелен эсером Е. О. Дулебовым (6.5.1903) I

Богучарский Василий Яковлевич (наст. фамилия Яковлев; 1860–1915) – историк, публицист; арестован (1884), заключен в Петропавловскую крепость; отбывал ссылку в Туринске, Сургуте Тобольской губ., Якутии (1885–1890); сотрудник ж. «Освобождение» (1902–1905); легальный марксист, печатался в ж. «Новое слово» (с 1897), «Начало» (с 1899), «Заря» (1901); соредактор ж. «Былое» (1906–1907), «Минувшие годы» (1908), редактор газ. «Наша газета» (с 1909); высланный из России, жил в Болгарии (1910–1913) I; II

Бонковская – см.: Баньковская А. И.

Бонковский – см.: Баньковский Ф. И.

Бонч-Осмоловские, семья: Анатолий Осипович (1857–1930) – чл. обществ «Земля и воля», «Черный передел» (1880–1881), ЦК ПСР (1905–1906); жена: Варвара Ивановна (урожд. Ваховская; 1855–1929); дети: Иван (1881–1969), Ирина (1882–1941), Родион (1884–1938), Глеб (1890–1943) I; II

Бонч-Осмоловский Иван Анатольевич (1881–1969) – сын А. О. Бонч-Осмоловского; арестован за организацию «тайного» кружка среди крестьян (22.6.1901); сосланный с отцом в пределы Степного генерал-губернаторства на 4 года (17.1.1902), водворен в Усть-Каменогорск, откуда переведен в Белебей Уфимской губ. (10.7.1902, срок уменьшен до 2 лет); учился в Цюрихе (1904); секретарь Трудовой группы в Гос. думе 1–2-го созывов (1906–1907); студент Московского ун-та (с 1907), подвергся аресту (1908); позднее – юрисконсульт в Минске, Москве I; II

Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941) – гл. секретарь ЦК Еврейского колонизационного общества (1899–1905); чл. Союза освобождения с 1904; присяжный поверенный (с 1906), присяжный стряпчий (с 1908); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл. Юридической комиссии (с 1907), 1-й тов. председателя ЦК Трудовой группы; зав. фин. отделом Петроградского Совета, чл. ЦК ТНСП, Союза защиты Учредительного собрания; арестованный (16.12.1917 – 20.1.1918), приговорен к «общественному порицанию и презрению»; в эмиграции (с 1918) – в Берлине, Париже: чл. Заграничного комитета ТНСП, председатель Общества ремесленного и земледельческого труда (1923–1941) I; II

Брантинг Анна Матильда Шарлотта (Branting Anna Matilda Charlotta, урожд. Jäderin; 1855–1950) – шведская журналистка, сотрудничала в газ. «Sozialdemokraten» («Социал-демократ»), «Stockholmstidningen» («Стокгольмская газета»); прозаик I

Брантинг Карл Ялмар (Branting Karl Hjalmar; 1860–1925) – чл. Социал-демократической рабочей партии Швеции с 1889, председатель ее исполкома (с 1907), редактор газ. «Sozialdemokraten» («Социал-демократ», 1887–1917, с перерывами); депутат риксдага (с 1897); министр финансов (1917–1918), иностранных дел (1921–1923), премьер-министр (1920, 1921–1923, 1924–1925); лауреат Нобелевской премии мира (1921); муж А. Брантинг (с 1884) I; II

Брантинг-Вестерстоль Соня (Branting-Westerståhl Sonja; 1890–1981) – дочь А. и К. Брантинг; юрист по семейному праву (с 1927), адвокат (с 1930); чл. Социал-демократической рабочей партии Швеции и исполкома Социал-демократической женской организации (1936–1952); депутат риксдага (1948) I

Браун Адольф (Braun Adolf; 1862–1929) – один из основателей Социал-демократической рабочей партии Австрии (1888); поселившись в Германии (1889), редактировал газ. «Sächsische Arbeiterzeitung» («Саксонская рабочая газета») в Дрездене (с 1890), «Vorwärts» («Вперед») в Берлине (1893–1898); принял германское гражданство (1918); депутат Национальной ассамблеи в Веймаре (1919); чл. совета СДПГ (1920–1927); депутат рейхстага (до 1928) I

Браун Гейнрих (Braun Heinrich; 1854–1927) – немецкий социал-демократ; брат А. Брауна; один из основателей ж. «Neue Zeit» («Новое время»», 1883), редактор ж. «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики», 1888–1903), «Neue Gesellschaft» («Новое общество», 1903–1905), «Annalen für Sozialpolitik und Gesetzgebung» («Летопись по вопросам социальной политики и законодательства», 1911–1913); министр сельского хозяйства Пруссии (1919) I

Браун Лили (Braun Lily, урожд. Amalie von Kretschmann; с 1893 – Gizycki, с 1896 – Braun; 1865–1916) – немецкая писательница; феминистка, социалистка; вместе с мужем, проф. философии Берлинского ун-та Г. фон Гижицким (1851–1895), основала Общество для содействия социально-этическим реформам, выпускавшее ж. «Этическая культура» («Ethische Kultur», 1893); овдовев, вышла замуж за социал-демократа Г. Брауна, с которым издавала ж. «Neue Gesellschaft» («Новое общество», 1903–1905) I

Браун Михаил – врач-сурдолог в Триесте (1901) I; II

Браун Отто (Braun Otto; 1872–1955) – чл. Соц. рабочей партии Германии с 1888, СДПГ с 1890 и секретарь ее правления (1912); депутат ландтага Пруссии (с 1913), Национального собрания Веймарской республики (1919); министр сельского хозяйства (1918), министр-президент Пруссии (1920–1932); в эмиграции – в Швейцарии I

Браунер Августа Анна (Браунерова, Braunerova Augusta Anna, урожд. Neumannová; 1817–1890) – жена Ф. Браунера I

Браунер Анна Августа (Браунерова, Braunerova Anna Augusta; 1856–1930) – жена французского писателя Элемира Буржа (с 1883) I

Браунер Богуслав (Brauner Bohuslav; 1855–1935) – чешский химик, профессор Карлова ун-та (1897–1925) I

Браунер Владимир (Brauner Vladimír; 1853–1924) – пражский адвокат; унаследовал юридическую компанию отца, Ф. Браунера I

Браунер Зденка (Браунерова, Braunerova Zdenká, наст. имя Здислава Розалина Августа, Zdislava Rosalina Augusta; 1858–1934) – чешская художница I

Браунер Франц (Франтишек Август; Brauner František August; 1810–1880) – чешский политический деятель; доктор права (1836); адвокат; участник революции 1848 г., чл. муниципального совета Праги; депутат рейхстага Австрии (1848–1849), земского сейма Чехии (ландтага, с 1861), имперского сейма (рейхсрата, 1861–1880); деятель старочешской партии; муж Августы Браунер, отец Анны, Б., В. и З. Браунер I

Брегген – см.: Брёггер В. К.

Брентано Луйо (Людвиг Иосиф; Brentano Lujo; 1844–1931) – немецкий экономист, социолог, теоретик катедер-социализма; чл.-корреспондент Петербургской АН (1895) I

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (урожд. Вериго; 1844–1934) – участница народнического движения с 1873; арестованная (1874), содержалась в Доме предварительного заключения, Петропавловской крепости (с 1876); на «процессе 193-х» приговорена к 5 годам каторги (1878); на поселении в Баргузине (с 1879); за побег приговорена еще к 4 годам каторги (1881); в политэмиграции – в Женеве (1903–1905); чл. ЦК ПСР (1902–1905, 1907); арестована в Симбирске (1907), заключена в Петропавловскую крепость; отбывала ссылку в Киренске (с 1910), Якутске (с 1914), Минусинске (с 1916); почетный председатель ЦК ПСР и оппозиционного ему Организационного совета Петроградской группы с.-р., чл. редколлегии газ. «Воля народа» (1917), самарского Комитета членов Учредительного собрания, уфимского Гос. совещания (1918); в эмиграции – в США (с 1919), во Франции, в Германии, Чехословакии I; II

Брешковская – см.: Брешко-Брешковская Е. К.

Брёггер Вальдемар Кристофер (Brøgger Waldemar Christofer; 1851–1940) – норвежский геолог, минералог, петрограф; профессор ун-тов в Стокгольме (1881–1890), Христиании (1890–1917); чл.-корреспондент Петербургской АН (1898), почетный чл. АН СССР (1930) II

Бродский Александр Андреевич (1865–1932) – студент Ново-Александрийского ин-та сельского хозяйства и лесоводства (до 1887); по делу о распространении запрещенных изданий выслан в Архангельскую губ. на 3 года с водворением в Шенкурске (1888); позднее – в Ростове-на-Дону, где подвергся аресту (1894) I

Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) – экстраординарный (с 1891), ординарный профессор древней (с 1895), средней истории (с 1903), декан историко-филологического факультета Киевского ун-та (1905–1916); профессор ун-тов: Саратовского (1916–1918), Таврического (1918–1919), Люблянского (1920–1924); получил гражданство Королевства сербов, хорватов и словенцев (1923, переименовано в Югославию в 1929) I; II

Буланже Жорж (Boulanger Georges; 1837–1891) – лидер реваншистско-националистического антиреспубликанского движения во Франции; военный министр (1886); чл. палаты депутатов (1889) II

Булат Андрей Андреевич (1872–1941) – присяжный поверенный (с 1904); депутат Гос. думы 2-го (1906), 3-го (1907–1912) созывов, председатель бюро Трудовой группы; чл. ЦИК, Предпарламента, депутат Учредительного собрания (1917); жил в Мариямполе (1918): владелец частной гимназии (с 1920); чл. ЦК Литовской демократической партии, Литовской соц. народной демократической партии; высланный из Литвы (1929), поселился в Чехословакии; вернувшись (1930), занимался адвокатской практикой; зав. юридическим отделом президиума Верховного Совета Литовской ССР (1940–1941); расстрелян гитлеровцами II

Булатов Алексей Алексеевич (1877–1941) – гласный Новгородского губ. земского собрания от Валдайского у. (с 1906); конституционный демократ; председатель Новгородской губ. земской управы, губ. комиссар Временного правительства (1917), председатель губ. правления товарищества кустарно-промысловых и сельскохозяйственных кооперативных союзов (с 1919); выслан из России (1922); жил в Эстонии: чл. редколлегии газ. «Таллинский русский голос» (1932–1934); арестован (4.10.1940), расстрелян (8.7.1941) II

Булатов Николай Александрович (1842 – после 1911) – чл. С.-Петербургской судебной палаты (1891–1911) II

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – религиозный философ I; II

Булгакова Елена Ивановна (урожд. Токмакова; 1868–1945) – жена С. Н. Булгакова и сестра М. И. Водовозовой, жены Н. В. Водовозова; автор исторических повестей, очерков, рассказов и сказок для детей; сотрудничала в газ. «Киевские отклики» I

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – калужский (1887–1903) и московский (1893–1902) губернатор; помощник московского генерал-губернатора (1902–1904); министр внутренних дел (1905); чл. Гос. совета (1905–1917); расстрелян I; II

Бурж Элемир (Bourges Élémir; 1852–1925) – французский писатель, чл. Гонкуровской академии (с 1900); муж Анны Браунер (с 1883) I

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – участник народовольческого движения с 1883; редактор сб., ж. «Былое» (1900–1904, 1906–1907, 1908–1913, 1917, 1933), газ. «Общее дело» (1909–1910), «Будущее» (1911–1914); сосланный в Туруханский край, амнистирован (1915); находился под арестом в Петропавловской крепости, «Крестах» (окт. 1917 – февр. 1918); в эмиграции – во Франции (с 1918): редактор газ. «Общее дело» (1918–1922, 1928–1934), чл. редакции ж. «Борьба за Россию» (1926–1928); мемуарист I; II

Бурцев Иван Арсеньевич (1853 – не ранее 1917) – врач-хирург; уездный земский врач в Тотьме, Шенкурске, Великом Устюге I

Буткевич Михаил Николаевич (1855–1933) – кандидат прав (1882); землевладелец; предводитель дворянства Тихвинского у. (1890–1917), Новгородской губ. (1917); чл. Гос. совета (1906–1909); сотрудник Комиссии по истории знаний АН СССР (с 1927) II

Бюффон, де, Жорж-Луи Леклерк, граф (Buffon, de, Georges-Louis Leclerc; 1707–1788) – французский естествоиспытатель, философ, математик I

Вагнер Адольф (Wagner Adolph; 1835–1917) – профессор, зав. кафедрами полит. экономии и финансов ун-тов в Дерпте (с 1865), Фрейбурге (с 1869), Берлине (1870–1916); чл. Христианско-социальной партии с 1881, депутат ландтага Пруссии (1882–1885) I

Вазов Иван Минчов (1850–1921) – болгарский писатель; участник нац.-освободительного движения с 1874; министр народного просвещения (1897–1899); академик Болгарской АН (1921) I

Вакар Анатолий Викторович (1876–1917) – социал-демократ; окончил медицинский факультет Киевского ун-та (1902), хирург; мл. врач пехотного полка в крепости Осовец, 175-го пехотного полка в Умани Киевской губ.; участник Русско-японской войны 1904–1905; служил в Спасательной станции Общества скорой медицинской помощи в Киеве; гл. врач перевязочного отряда 65-й пехотной дивизии; ввиду душевной болезни отдан на попечение матери (1916); покончил с собой I

Вакар Владимир Викторович (1878–1926) – социал-демократ; студент юридического факультета Киевского ун-та, арестован (1899); чл. Киевского комитета РСДРП (1902–1904), организатор большевистской группы (1905); сотрудничал в газ. «Искра» (1903), «Киевское слово» (1905); приговорен к 1 году крепости (1906, приговор исполнен в июне 1907); редактор газ. «Друг народа» (1907); присяжный поверенный; юрисконсульт Киевского благотворительного общества, позднее районного комитета профсоюза водников (с 1922); автор кн. «Накануне 1905 г. в Киеве: (Июльская стачка 1903 г.)» (1925), воспоминаний в ж. «Летопись революции» I

Вакар Константин (Костенька) – см.: Вакар А. В.

Вакар Николай Платонович (1894–1970) – журналист; сотрудник Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, чл. Всероссийского национального центра (с 1919) и его делегации в Польше (1920); в эмиграции – во Франции (с 1920): чл. Центра действия, издатель ж. «Новь» (1922–1923. № 1–4), сотрудник газ. «Последние новости» (1924–1940); жил в США (с 1941) I

Вакар Ольга Петровна (урожд. Беклемишева; 1879–1942) – жена А. В. Вакара; слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов, выслана из Петербурга за участие в студенческих беспорядках; чл. РСДРП в 1905–1910; умерла в эвакуации в Уфе I

Вальдек-Руссо Пьер-Мари (Waldeck-Rousseau Pierre Marie; 1846–1904) – министр внутренних дел (1881–1882, 1883–1885, 1899–1902) и председатель совета министров Франции (1899–1902) I; II

Варпеховская – жена К. А. Варпеховского I

Варпеховский Казимир Александрович (1864? – 1890) – чл. партии «Пролетариат» с 1882; арестован в Варшаве (15.6.1884) и, приговоренный к 9 мес. заключения (17.7.1885), подчинен гласному надзору в Пинске Минской губ. (с 17.4.1886); в политэмиграции – в Цюрихе (1886–1888): чл. группы «Освобождение труда»; сослан на 3 года в Вологодскую губ. (4.11.1888), откуда переведен в Шенкурск (1889); арестован и,

освобожденный под залог в 500 р., покончил с собой (28.2.1890) I

Василенко Константин Прокофьевич (1877–1941) – журналист; окончил юридический факультет Киевского ун-та (1902); чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1897), комитета РСДРП в Киеве (с 1898); подвергался арестам (1897, 1898, 1901); после 9 мес. заключения отбывал ссылку в с. Келорском Верхоленского у. Иркутской губ. (1903–1904); сотрудник газ. «Киевское слово» (1905), «Киевские отклики» (1906), «Друг народа» (1907); зав. иностранным отделом (с 1908), чл. редколлегии газ. «Киевская мысль» (1910–1918); редактор газ. «Рабочее знамя» (1917); председатель Киевского обл. комитета РСДРП, комиссар Временного правительства по г. Киеву (1917); чл. Малого совета (1917–1918), генеральный секретарь труда Украинской Центр. Рады (1917); вышел из РСДРП (1918); редактор газ. «Киевская жизнь» (1919); работал в Одесском губ. статистическом бюро (1922), Комиссии обычного права Всеукраинской АН (1922–1923); арестованный по делу «Киевского обл. центра действия» (1923), приговорен к 10 годам заключения (8.4.1924); отбывал ссылку в с. Фаначет Канского округа (с 1929), д. Заимка Кежемского р-на (1930–1932): счетовод колхоза, межрайонной конторы «Союзмясо», гл. бухгалтер кирпичного завода; вновь арестованный (30.5.1938), приговорен к 5 годам заключения; предположительно, расстрелян в Виннице (июль 1941) I

Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) – историк; брат К. П. Василенко; преподавал в гимназиях, кадетском корпусе в Киеве (1893–1903); секретарь Киевского губ. статистического комитета (1903–1905); чл. редакции газ. «Киевские отклики» (1905–1907); отбывал заключение в петербургских «Крестах» (окт. 1908 – июнь 1909); пом. присяжного поверенного (с 1908), присяжный поверенный в Одессе (с 1913), Киеве (с 1916); чл. Конституционно-демократической партии с 1910 и ее ЦК (до мая 1918); приват-доцент Киевского ун-та (1911–1913); зам. председателя Украинской Центр. Рады, попечитель Киевского учебного округа, тов. министра народного просвещения Временного правительства (1917); чл. коллегии Генерального суда Украинской народной республики (1918); и. о. председателя совета министров, министр иностранных дел и вероисповеданий (апр. – май 1918), народного просвещения (с мая), просвещения и искусств Украинской Державы (июнь – окт. 1918); президент Киевского ун-та (1919); академик (с 1920), президент Всеукраинской АН (1921–1922); арестованный по делу «Киевского обл. центра действия» (сент. 1923), приговорен к 10 годам заключения (8.4.1924), замененного ссылкой в Оренбург (нояб.

1924 – февр. 1925); зав. социально-экономическим отделом, председатель Комиссии по изучению западно-русского и украинского права Всеукраинской АН I

Васильев Александр Васильевич (1853–1929) – математик; ординарный (с 1887), заслуженный профессор Казанского ун-та (с 1899), президент Казанского физ.-мат. общества (1890–1905); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл. Гос. совета (с 1907); приват-доцент Петербургского ун-та (1907–1923); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1916–1917); профессор 1-го МГУ (с 1923) II

Ватсон Мария Валентиновна (урожд. де Роберти де Кастро де ла Серда, с 1874 Ватсон; 1848–1932) – историк литературы, переводчица, поэтесса I

Ваховская Варвара Эдуардовна (в браке с 1910 Антошина; 1881 – после 1943) – племянница В. И. Ваховской, жены А. И. Бонч-Осмоловского; окончила гимназию Л. С. Таганцевой, медицинское отделение Московских высших женских курсов; сестра милосердия перевязочно-питательного пункта им. депутатов Гос. думы, награждена за храбрость Георгиевской медалью 4-й ст. (1915); после революции – в Минске; гл. врач амбулатории Ленинградской телефонной дирекции, награждена медалью «За оборону Ленинграда» (1943) I; II

Ващенко-Захарченко Михаил Михайлович (1852–1910) – сотрудник (с 1884), редактор газ. «Киевлянин» (1907–1910); пом. библиотекаря Киевского ун-та (1897–1910) I

Введенский Александр Иванович (1856–1922) – экстраординарный (с 1890), ординарный (с 1902) и заслуженный профессор (1912), зав. кафедрой философии (1890–1913) и председатель философского общества Петербургского ун-та (1897–1921); председатель С.-Петербургского философского общества (1899–1917) I; II

Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908) – поэт, переводчик, историк литературы; приват-доцент Петербургского ун-та (1887–1894); председатель Союза взаимопомощи русских писателей (1897–1901); почетный академик Петербургской АН (1905) I

Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – историк литературы, библиограф I; II

Вержбицкая – мать А. Ф. Вержбицкого I

Вержбицкий Анатолий Францевич (1875–1922) – социал-демократ; арестован по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (12.3–18.8.1898); подчинен гласному надзору полиции на 2 года (22.3.1900); впоследствии агроном I

Веригин Петр Васильевич (1859–1924) – глава одной из

общин духоборов; из-за конфликта в общине и его призыва не подчиняться администрации арестован (февр. 1887), сослан в Шенкурск, откуда переведен в Колу Архангельской губ. (1890), затем в Обдорск Тобольской губ. (1894–1902); в эмиграции – в Канаде: лидер Христианской общины всемирного братства I

Вернадская Наталья Егоровна (урожд. Старицкая; 1860–1943) – жена В. И. Вернадского (с 1886) I

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – приват-доцент (с 1890), экстраординарный (с 1898), ординарный профессор и зав. кафедрой минералогии Московского ун-та (1902–1911); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1905–1918); чл. Гос. совета (1906, 1908–1911, 1915–1917); экстраординарный (1908), ординарный академик Петербургской АН (с 1912); тов. министра просвещения Временного правительства (1917); президент Украинской АН (1918–1919); профессор, ректор Таврического ун-та (1920–1921); директор Гос. радиевого ин-та (1922–1939), Биогеохимической лаборатории АН СССР (1929–1945) I; II

Вильбушевич Мария Вульфовна (с 1908 Шохат; 1879–1961) – чл. Бунда с 1890-х; основатель и лидер Еврейской независимой рабочей партии в 1901–1903; чл. «Поалей Цион»; эмигрировала в Палестину (1904) II

Вильсон Томас Вудро (Wilson Thomas Woodrow; 1856–1924) – президент США (1913–1921) II

Вильямс Гарольд (Williams Harold; 1876–1928) – британский лингвист, журналист; муж А. В. Тырковой-Вильямс (с 1906); редактор иностранного отдела газ. «The Times» (1921–1928) II

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – присяжный поверенный (с 1904); соредактор ж. «Вестник права» (1904–1906); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1905); депутат 1-й Гос. думы (1906); издатель ж. «Вестник гос. права» (1913–1917), редактор ж. «Вестник Партии народной свободы» (1917); сенатор, чл. Предпарламента, Учредительного собрания; министр внешних сношений Крымского краевого правительства (1919); в эмиграции – во Франции II

Винберг Владимир Карлович (1836–1922) – председатель земских управ Таврической губ. (1869–1878), Ялтинского у. (с 1903); депутат 4-й Гос. думы (1912–1917); арестован (сент. 1921), умер в заключении I

Винберги – семья В. К. Винберга, в т. ч. жена: Леонида Францевна (урожд. Шлейден; 1831–1915); дочери: Лидия (в браке Глейбер; ? – 1918), Леонида (? – 1932), Ольга (1869–1938), Антонина (1871–1844); сыновья: Константин (1873–1921), Владимир (1874? – 1922), Анатолий (1875–1926) I; II

Виноградский («граф Марков») – уголовный ссыльный в Шенкурске (1888–1889) I

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – министр путей сообщения (1892), финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), Совета министров (1905–1906) I; II

Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975) – социалист-революционер с 1905; пом. присяжного поверенного с 1908; чл. бюро исполкома Совета крестьянских депутатов, секретарь Предпарламента, чл. бюро эсеровской фракции Учредительного собрания и редколлегии газ. «Возрождение» (1918); в эмиграции – в Париже (с 1919), Нью-Йорке (с 1940): чл. редколлегии ж. «Современные записки» (1920–1940), секретарь редакции ж. «Русские записки» (1937–1939) II

Водовозов Михаил Васильевич (1863–1879) – брат В. В. Водовозова; гимназист; умер от чахотки I

Водовозов Николай Васильевич (1870–1896) – брат В. В. и М. В. Водовозовых; учился на юридическом факультете Петербургского ун-та (1889–1891, исключен); продолжив образование в Дерпте, сдал гос. экзамены при испытательной комиссии Московского ун-та; сотрудничал в ж. «Русская мысль», «Юридический вестник», «Журнал СПб. юридического общества», «Историческое обозрение», газ. «Русские ведомости»; совм. с женой, с 1893, М. И. Водовозовой (урожд. Токмаковой, во втором браке Хорошко; 1869–1954) основал изд-во социально-экономической литературы (1895); автор кн. «Р. Мальтус. Его жизнь и научная деятельность» (1895), сб. работ «Экономические этюды» (1897; 2-е изд., доп. в 1907); умер в Вене I

Водовозова Вера Петровна (урожд. Шейдакова; 1866–1917) – жена В. В. Водовозова (с 15.2.1891); уроженка Саранска Пензенской губ.; окончила Мариинскую женскую гимназию в Саратове (1883); слушательница Лубянских женских курсов в Москве; чл. кружка П. Степанова, связанного с одним из лидеров «Молодой партии Народной воли» Н. М. Флеровым; привлечена к дознанию при губ. жандармском управлении по делу К. Ф. Недзялковского; в связи с арестом О. Д. Вигилевой (в браке Аргуновой) по делу «Обществуденческого союза» покушалась на самоубийство (1885); высланная с сестрой в Саратов, подчинена гласному надзору на 2 года (24.10.1885); привлечена по делу бежавшего из Сибири С. М. Михалевича; подозревалась в содействии А. А. Зороастровой отравить провокатора Е. М. Белино-Бржозовского; отбывала заключение в Саратовском тюремном замке (апр. 1886 – июнь 1887); освобожденная под залог на поруки матери, приговорена к высылке на 3 года в Архангельскую губ. (16.7.1887): отправлена этапом в Холмогоры,

затем переведена в Шенкурск (17.3.1888); получив разрешение на шестимесячный отпуск в Вятскую губ., куда сослали ее жениха, б. студента Петровской академии В. И. Маноцкова, не воспользовалась им и совершила попытку самоубийства: две раны из револьвера (11.6.1888); машинистка-стенографистка; проживая в Киеве, предоставила квартиру для собрания группы «Рабочей газеты» перед I съездом РСДРП; подверглась аресту (12–17.3.1898), подчинена гласному надзору на один год (22.3.1900); вновь арестованная на реферате А. В. Луначарского, содержалась в тюрьме (29.4–7.6.1900); находилась под негласным надзором с запрещением жительства в столицах и Петербургской губ. (до 1904); подверглась очередному аресту (июнь 1905); владела издвом картин и портретов в Киеве и Петербурге (с 1906) I; II

Водовозова Елизавета Николаевна (урожд. Цевловская, во втором браке Водовозова-Семевская; 1844–1923) – детская писательница, автор пособий по педагогике, мемуаристка; жена В. И. Водовозова (с 1862), В. И. Семевского (с 1888) I; II

Водовозова-Введенская Ольга Александровна (урожд. Введенская; 1882–1933) – жена В. В. Водовозова во втором браке (с 1919) I; II

Войнаральский Порфирий Иванович (Войноральский; 1844–1898) – революционер-народник; отбывал ссылку в Глазове Вятской губ. (1862), Усть-Сысольске и Яренске Вологодской губ. (с 1863), Пинеге и Мезени Архангельской губ. (1867–1868); управляющий имением; мировой судья (с 1873); организатор «хождения в народ», арестован в Самаре (1873); на «процессе 193-х» приговорен к 10 годам каторжных работ (1878); содержался в Новоборисоглебском централе и Мценской пересыльной тюрьме (с 1880), на Каре (с 1882); на поселении – в Верхоянске и Якутске (1884–1897) I

Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960) – большевик с 1905, меньшевик с 1917; чл. ПК РСДРП (1905–1906), председатель Петербургского совета безработных (1906–1907); арестованный (1908), отбывал каторгу в Екатеринославской тюрьме (1909–1910), Александровском централе (1910–1912); на поселении – в Иркутске (с 1913); чл. бюро исполкома Петроградского совета, редакции газ. «Известия», ЦИК, комиссар Временного правительства на Северном фронте (1917); в эмиграции – в Грузии (с 1918), Германии (с 1922), Швейцарии (с 1933), США (с 1935) I; II

Волк-Карачевский Василий Васильевич (1873–1920) – историк, автор кн. «Борьба Польши с казачеством во второй половине XVII и начале XVIII века» (1899); преподаватель Киевского кадетского корпуса; землевладелец; гласный

Черниговского губ. земства; народный социалист с 1906; депутат 2-й Гос. думы (1907); секретарь Всероссийского союза городов (1914–1917); гласный Московской гор. думы, чл. ЦК ТНСП (1917), Союза возрождения России (1918); арестованный (1.9.1919), умер в тюрьме II

Володарский В. (наст. имя Моисей Маркович Гольдштейн; 1891–1918) – чл. Бунда с 1905, РСДРП(б) с 1917; комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда (с 1917), Союза коммун Северной обл., гл. редактор «Красной газеты» (1918); убит эсером-боевиком (20.6.1918) II

Волынский Аким Львович (наст. имя Хаим Лейбович Флексер; 1861–1926) – лит. и театр. критик; публицист (с 1889), зав. отделом критики, чл. редакции и фактический редактор ж. «Северный вестник» (1892–1899); балетный рецензент газ. «Биржевые ведомости» (1911–1917); председатель редколлегии изд-ва «Всемирная литература» (с 1917), Петроградского отделения Союза писателей (1920–1924) I

Волькенштейн Ольга Акимовна (1871–1942) – журналист, публицист, переводчик; сотрудничала в газ. «Русская мысль», «Наша жизнь», «Наша газета» (1909), «Речь» (1910–1916), «Утро России» (1910–1911) и др.; чл. Трудовой группы, ТНСП; умерла в блокадном Ленинграде II

Вольтер Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire Francoise-Mari Arouet; 1694–1778) – французский философ, писатель, публицист I; II

Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) – книгоиздатель, владелец книжных магазинов II

Вонлярлярский Александр Алексеевич (1843–1910) – участковый судья Пореченковского у. (с 1878), почетный мировой судья Бельского у. Смоленской губ. (1889–1891); чл. С.-Петербургского окружного суда (1897–1909) II

Воронцов Василий Павлович (1847–1918) – публицист, теоретик либерального народничества; земский врач в Устюге Вологодской губ. (с 1879), Сенгилеевском у. Симбирской губ. (1881–1882) I; II

Воронцова Мария Петровна (урожд. Гиберман; 1861 – после 1927) – жена В. П. Воронцова, золовка (сестра мужа) П. И. Гиберман; окончила Петербургские медицинские женские курсы (1884); врач, ординатор гор. больницы Марии Магдалины в Петрограде (на 1916); публицист II

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон – главнокомандующий Русской армией в Крыму (1920) I; II

Вржосек Сергей Карлович (1867–1957) – адвокат; окончил Александровскую военно-юридическую академию (1895), защитник при Петербургском военно-окружном суде; чл. «Союза

борьбы за освобождение рабочего класса» с 1896; арестованный (18.4.1901), провел около полугода в тюрьме; подвергался высылке в Астрахань, Одессу, где примкнул к большевикам; ст. юрисконсульт, председатель союзов гор. служащих и адвокатов в Баку (с 1905); присяжный поверенный С.-Петербургской судебной палаты (с 1907); председатель исполкома Петроградского совета офицерских депутатов, чл. Предпарламента (1917); педагог; историк литературы, критик; чл. Союза писателей СССР (с 1946); муж И. А. Бонч-Осмоловской I

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – профессор (1862–1887), директор Петербургского технологического ин-та (1875–1880); чл. Гос. совета и Комитета финансов (с 1886), управляющий Министерством финансов (с 1887), министр финансов (1888–1892); почетный чл. Петербургской АН (1888) I

Гайдебуров Василий Павлович (1866–1940) – редактор ж. «Книжки “Недели”» (1885–1901); ред.-издатель газ. «Неделя» (1894–1901), «Русь» (1897–1898), «Новое дело» (1901–1903) I

Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893) – соиздатель (с 1869), редактор-издатель газ. «Неделя» (с 1875), ж. «Книжки “Недели”» (с 1878); либеральный народник; отец В. П. Гайдебурова I

Гаккебуш Михаил Михайлович (1874–1929) – журналист; фактический редактор газ. «Киевское слово» (1895), «Русский листок» (1898), «Русская правда» (1904–1905), «Биржевые ведомости» (с 1905); в эмиграции – в Берлине, Париже I; II

Гальперин – см.: Гальперн И. А.

Гальперн Александр Яковлевич (1879–1956) – присяжный поверенный Петербургской судебной палаты (с 1908); чл. РСДРП, меньшевик; управделами Временного правительства (1917); в эмиграции (с 1919) – в Париже, Лондоне, Нью-Йорке II

Гальперн Иосиф Абрамович (1866? – 1888) – десятник при постройке моста в Вильно (1886); выслан под гласный надзор в Архангельскую губ. на 2 года с водворением в Шенкурске (июль 1887) I

Гамкрелидзе Антимоз Евдович (1854–1894) – участник народнического движения; арестован (1875), содержался в Петропавловской крепости (1876–1877); приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой в Иркутскую губ. на 4 года с водворением в Верхоленске, откуда переведен в Томскую губ. (1884); вновь арестованный в Грузии, повторно отбывал ссылку в Сибири I

Ганейзер Евгений Адольфович (1861–1938) – журналист; секретарь ред. газ. «Южный край» (Харьков), сотрудник газ.

«Заря» (Киев), «Днепр» (Екатеринослав) и др.; привлекался к дознанию по делу В. Н. Фигнер и рев. кружков в Харькове (1883); чл. Социально-рев. партии «Народное право» (1892–1894); муж Ю. Безродной; слушал лекции в Высшей школе социальных наук в Париже (1901–1902); печатался в ж. «Вестник Европы», «Северный вестник», «Русское богатство»; чл. редакции газ. «Сын Отечества» (1904); агроном в Витебской, Таврической губ.; воен. корреспондент; позднее – в Мисхоре (с 1918), Москве (с 1923) II

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник; организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга» (1904); инициатор шествия к Зимнему дворцу (9.1.1905); в политэмиграции – в Женеве, Лондоне, Париже; казнен эсерами как провокатор II

Гарден Максимилиан (Harden Maximilian, наст. имя Felix Ernst Witkowski; 1861–1927) – немецкий журналист, публицист; основатель еженедельника «Die Zukunft» («Будущее», 1892–1922); в эмиграции – в Швейцарии (с 1923) I; II

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel Georg Wilhelm Friedrich; 1770–1831) – немецкий философ I

Гейден Петр Александрович (1840–1907), граф – чл. (с 1870), тов. председателя Петербургского окружного суда (с 1877); чл. Петербургской судебной палаты (с 1883); начальник Канцелярии прошений, на Высочайшее имя приносимых (1886–1890); президент Вольного экономического общества (1895–1906); чл. ЦК «Союза 17 октября» (1905–1906), председатель ЦК Партии мирного обновления (1906–1907); депутат 1-й Гос. думы (1906); предводитель дворянства Опочецкого у. Псковской губ. (1895–1907) II

Гейне Генрих (Heine Heinrich; 1797–1856) – немецкий поэт I; II

Генералов Василий Денисович (1867–1887) – студент Петербургского ун-та (с 1886); чл. террористической фракции партии «Народная воля», готовившей покушение на Александра III; казнен I; II

Гере Пауль (Гёре, Göhre Paul; 1864–1928) – немецкий соц.-демократ; издатель ж. «Christliche Welt» («Христианский мир», 1888–1890); генеральный секретарь Евангелически-социального конгресса (1891–1894); пастор во Франкфурте-на-Одере (1894–1897); чл. Христианско-социальной партии (до 1895); основатель Национал-социальной ассоциации (1896–1898, совм. с Ф. Науманом); сложив духовный сан (1897), вступил к СДПГ (1900); избран в рейхстаг (1903), но, подвергнутый критике за участие в ж. «Die Zukunft», отказался от своих полномочий; депутат рейхстага (1910–1918); воевал на Восточном фронте (с 1915);

секретарь воен. министерства (1918), статс-секретарь правительства Пруссии (1919) I; II

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – публицист, писатель, философ; революционер I; II

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – присяжный поверенный (с 1899); приват-доцент Московского ун-та по кафедре полит. экономии (с 1903); конституционный демократ с 1905; гласный Московской гор. думы, депутат 1-й Гос. думы (1906); убит черносотенцами I; II

Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич; 1868–1922) – приват-доцент Петербургского ун-та по каф. гос. права (с 1896); соредактор газ. «Право» (1898–1910), ж. «Вестник права» (1904–1906); чл. совета Союза освобождения (1904), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); депутат 2-й Гос. думы (1907); профессор Александровского лицея (1910–1917); сенатор, чл. Предпарламента (1917); декан социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического ин-та (с 1919); умер от сыпного тифа I; II

Гессен Иосиф Саулович (Савельевич, с 1891 Владимирович; 1866–1943) – журналист; троюродный брат В. М. Гессена; пом. юрисконсульта в Министерстве юстиции (1896–1903); редактор газ. «Право» (с 1898); присяжный поверенный (с 1904); чл. совета Союза освобождения (1904–1905), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); соредактор газ. «Речь» (1906–1917); депутат 2-й Гос. думы (1907); комиссар Временного правительства по делам печати, чл. Предпарламента (1917); в эмиграции – в Финляндии (с 1919), Германии (с 1920), во Франции (с 1936), в США (с 1941): редактор газ. «Руль» (1920–1931), издатель «Архива русской революции» (1921–1937) I; II

Гиберман Александр Исаакович (? – 1906) – киевский гимназист II

Гиберман Елена Петровна (Исааковна; 1887–1959) – сестра А. И. Гибермана; окончила гимназию в Киеве (1904); учительница; гражданская жена И. Б. Шаргея (в 1906–1910); жена К. Н. Кареева (с 1914) II

Гиберман Полина (Паулина) Израилевна (урожд. Лурье; 1862 – не ранее 1936) – переводчица; окончила Фундуклеевскую гимназию (1877), Киевские женские курсы (1880), Петербургские медицинские курсы (1887); акушерка, держала частный родильный приют в Киеве; работала в политическом Красном Кресте; привлекалась к дознанию по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1898, прекращено в 1900); после переезда в Петербург (1904) торговый представитель «Издательства портретов и картин В. П. Водовозовой»; печаталась

в ж. «Современная медицина и гигиена», «Новый путь» I; II

Гилснер Леопольд (Hilsner Leopold; 1876–1928) – обвиняемый в «ритуальных» убийствах, совершенных близ чешского города Польна (в 1899); приговорен к смертной казни (14.11.1900), замененной пожизненным заключением; помилован (24.3.1918) I

Гильгенберг Иван Иванович (1861–1919) – чл. союза молодежи (с 1884), рабочей группы партии «Народная воля» (1886); подвергался арестам (1886, 1887); высланный в Архангельскую губ. на 4 года, водворен в Шенкурске (1888), откуда переведен в Саратов (1891): мл. чертежник, конторщик стройконторы Рязанско-Уральской железной дороги, земский статистик (с 1897); находился под негласным надзором (1892–1903); муж Л. П. Шейдаковой, сестры В. П. Водовозовой; служил в страховом обществе; гласный гор. думы, чл. комитета Конституционно-демократической партии в Саратове; расстрелян (окт. 1919) I

Глаголев Николай Матвеевич (1880–1938) – книгоиздатель; чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», провел 7 мес. в заключении (1898); редактор фирмы «Книжное дело» в Москве (1901–1904); возглавлял «Книгоиздательство Н. Глаголева» в Петербурге (1904–1909); чл. бюро Союза книгоиздателей, делегированный им в Совет раб. депутатов, Союз рабочих печатного дела, Союз союзов (1905); организатор газ. «Новая жизнь» и типографии большевиков, перешел на нелегальное положение (1909); авиатор (под фамилией Д. И. Волков, 1910–1911); редактор ж. «Вестник воздухоплавания», сотрудник газ. «День» (1912), изд-ва И. Д. Сытина (1913–1917); директор авиазавода в Бердянске (1917–1921); служил в Наркомате внешней торговли, ВСНХ (1922–1923), Госиздате (1924–1925), Книгосоюзе (с 1925); проектировщик объектов жил.-коммун. строительства (1926–1930); зам. пред. правления, редактор изданий и зав. архитектурно-проектировочной секцией Объединения художников-реалистов (1929–1931); арестован (19.2.1937) и, приговоренный к 10 годам заключения (20.2.1938), погиб в Ухтижемлаге (5.10.1938) II

Глебовский Александр Григорьевич (? – 1889) – пом. шенкурского уездного исправника (1888–1889) I

Гликнер – см.: Гилснер Л.

Глинка Михаил Павлович (1872–1939) – земский врач Старорусского у. Новгородской губ. (1900–1909); участник Русско-японской 1904–1905 и Первой мировой войн, полковник; народный социалист; гор. голова Старой Руссы (1917); учитель (до 1926), зав. отделом народного образования; жена: Надежда Сергеевна Кривенко (1877–1956) II

Глинский Борис Борисович (1860–1917) – публицист, журналист, редактор-издатель ж. «Северный вестник» (1890–1891); сотрудник (с 1894), пом. редактора (с 1906), редактор ж. «Исторический вестник» (1913–1917); соиздатель и редактор ж. «Русская будущность» (1915–1917) I

Глукснер – см.: Гилснер Л.

Гогель Сергей Константинович (1860–1933) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре уголовного права и судопроизводства (1904–1911); профессор, ректор Психоневрологического ин-та (с 1911); сенатор (1917); в эмиграции – в Константинополе (с 1920), Праге (с 1921), Берлине (с 1922) II

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель I

Гогунцов Виктор Александрович (1841 – после 1908) – полковник (1895), генерал-майор (1908); участник Кавказской войны, подавления Польского восстания 1863, Русско-турецкой войны 1877–1878; штаб-офицер для особых поручений интендантского управления Киевского военного округа (1894–1899); гл. смотритель Двинского вещевого склада (1899–1908) I

Гогунцова Зинаида Викторовна (в первом браке Гогунцова-Лягардель, Lagardelle, во втором – Лафон, Lafond; 1876 – ?) – журналистка; дочь В. А. Гогунцова; окончила гимназию в Киеве (1891), училась на Высших женских курсах в Петербурге; жена Ю. Лагарделя (с 1899), Л.-Э. Лафона (с 1914); корреспондент газ. «Наша жизнь», «Товарищ» во Франции; чл. ФКП в 1920–1922 I; II

Годнев Иван Васильевич (1854–1919) – приват-доцент Казанского ун-та по кафедре частной патологии и терапии (с 1886); землевладелец; гласный Казанской гор. думы (1891–1895, 1905–1917); чл. «Союза 17 октября»; депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); чл. Временного комитета Гос. думы, гос. контролер Временного правительства (1917) II

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) – архангельский (с 1887), калужский (с 1893), тверской (1897–1903) губернатор; сенатор (с 1903); чл. Гос. совета (с 1915); председатель Совета министров (1916–1917); арестован (12.2.1925), расстрелян (2.7.1925) I

Голицына Евгения Александровна (1852–1919), княгиня – начальница Ксениинского ин-та (1895–1917) II

Головин Федор Александрович (1867–1937) – председатель Московской губ. земской управы (1904–1907), Бюро земских и гор. съездов (1904–1905); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); депутат Гос. думы 2–3-го созывов (1906–1910); комиссар Временного правительства по б. Министерству императорского двора и уделов (1917); управляющий фин.-счетной частью с.-х. отдела Центросоюза (с 1918); арестован (17.9.1937), расстрелян (10.12.1937) II

Головня Петр Мечиславович (1874 – ?) – выпускник Демидовского юридического лицея в Ярославле; следователь 28-го участка С.-Петербургского окружного суда (1906–1912) II

Голубев Василий Семенович (1867–1911) – журналист; чл. марксистского кружка М. И. Бруснева (с 1890); отбывал ссылку в Балаганском у. Иркутской губ., Иркутске (до 1894); сотрудник газ. «Смоленский вестник»; чл. редакций ж. «Саратовская земская неделя», газ. «Наша жизнь» (1904–1905), «Народное хозяйство» (1905–1906); зав. земским отделом газ. «Товарищ» (1906–1907), соредактор приложения «Думский сборник» (1907, совм. с В. В. Водовозовым); зав. редакцией ж. «Земское дело» (с 1908) I; II

Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868–1932) – присяжный поверенный (с 1904); сотрудничал в газ. «Право», «Наша жизнь», «Речь» и др.; чл. ЦК Еврейской народной группы, Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (1905–1907); в эмиграции – во Франции: редактор газ. «Еврейская трибуна» (1920–1924), «Последние новости» (1920–1921) II

Гордин Владимир Николаевич (1882–1928) – журналист; земский статистик в Полтаве, Симбирске, Казани (1900–1904); сотрудничал в газ. «Наша жизнь», «Столичная почта», «Наш век» и др.; редактор газ. «Товарищ» (март – апр., авг. 1906); фактический редактор ж. «Всемирный вестник» (до 1908), «Вершины» (1914–1915); сотрудник газ. «Красный балтиец» (1921–1922); автор сб. рассказов II

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – министр внутренних дел (1895–1899); чл. Гос. совета (с 1899); председатель Совета министров (1906, 1914–1916); убит на своей даче в Сочи II

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868–1936) – писатель, общественный деятель I; II

Гот Иоаким (Яким) Федорович (Hoth Joakim; ок. 1750? – 1812) – купец, основатель канатной фабрики на Петровском острове в Петербурге II

Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860–1951) – журналист, публицист, философ, богослов; содержался под стражей по обвинению в укрывательстве народовольца А. Н. Макаревского

(1887); сотрудничал в газ. «Новое время», «С.-Петербургские ведомости», ж. «Русское богатство», «Путь»; в эмиграции – в Салониках (с 1922) II

Грабоис Вольф Мошкович (Грабойс; 1861 – после 1913?) – лекарь (1891); акушер-гинеколог в Болгарии (с 1894); вольнопрактикующий врач в Севастополе (1900–1913) I

Граднауер Георг (Gradnauer Georg; 1866–1946) – чл. Социал-демократической партии Германии с 1890; доктор философии (1889); редактор газ. «Sächsische Arbeiterzeitung» («Саксонская рабочая газета», 1890–1896), «Vorwärts» («Вперед», 1897–1905), «Dresdene Volkszeitung» («Дрезденская народная газета», 1906–1918); депутат рейхстага (1898–1906, 1912–1918, 1920–1924); министр юстиции (1918–1919), внутренних дел (1919), председатель Совета народных депутатов (1919), министр-президент Саксонии (1919–1920), министр внутренних дел Веймарской республики (1921); посланник Саксонии в Берлине (1921–1932); подвергался арестам (1933, 1944), содержался в концлагере (гетто) Терезиенштадт (1944–1945) I

Гракхи (Gracchus), братья: Тиберий Семпроний (Tiberius Sempronius; ок. 163 – 133 до н. э., убит), Гай Семпроний (Gaius Sempronius; 153–121 до н. э.) – древнеримские политики-реформаторы, народные трибуны I

Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – медиевист; окончил историко-филологический факультет Петербургского ун-та (1883), там же приват-доцент (1889–1899, с 1902), профессор по кафедре всеобщей истории (1903–1923); чл. народовольческих кружков в 1881–1883, Союза освобождения с 1903, конституционный демократ с 1905; профессор (1892–1899, 1902–1918), декан историко-филологического факультета Высших женских курсов (с 1906); сотрудник «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1902–1904), редактор отдела Средних веков «Нового энциклопедического словаря» (1911–1916); профессор 2-го Петроградского педагогического ин-та (1919–1922); зав. гуманитарным отделом Петроградского н.-и. экскурсионного ин-та (1921–1924), чл. Центр. бюро краеведения (с 1925); зав. библиотекой Гос. академии материальной культуры (1927–1930); подвергнут аресту по «Академическому делу» (1930); преподавал в ЛИФЛИ, ЛГУ (1934–1937); доктор ист. наук (1934) I; II

Гредескул Николай Андреевич (1865–1941) – ординарный профессор Харьковского ун-та по кафедре гражданского права и судопроизводства (с 1901), председатель юридического общества (с 1902); редактор газ. «Мир» (1905): после 4 мес. заключения сослан в Архангельскую губ.; чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1905–1916); 2-й тов. председателя 1-й

Гос. думы (1906); профессор (с 1906), декан юридического факультета Политехнического ин-та (с 1908); редактор газ. «Русская воля» (1917); профессор Петроградского ун-та, ЛГУ (1921–1930) II

Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) – книгоиздатель; редактор ж. «Жупел» (1905–1906), «Отечество» (1914–1915); совладелец изд-в «Шиповник» (1906–1918), «Пантеон» (1907–1910); участвовал в создании газ. «Новая жизнь» (1917–1918), изд-ва «Всемирная литература» (1918); владелец «Издательства З. И. Гржебина» (1919–1924); в эмиграции – в Берлине (с 1921), Париже (с 1923) I; II

Гриневицкий Станислав-Альфонс Иванович (1863–1926) – журналист; двоюродный брат народовольца И. И. Гриневицкого, убийцы Александра II; учился на юридическом факультете Московского ун-та (с 1882); арестованный (2.10.1884), отбывал ссылку в Шенкурске (май 1886 – март 1889); сотрудник газ. «Смоленский вестник», «Минский листок» (1894–1896), «Волынь» (1897–1898), редактор газ. «Нижегородский листок» (1899–1906); чл. РСДРП, меньшевик; сотрудничал в газ. «Наша жизнь», «Товарищ», «Современное слово» (1906–1908); позднее – в Н. Новгороде: фактический редактор газ. «Судоходец», председатель профсоюза судовых служащих (1908–1917), тов. городского головы (1917), зав. статистическим отделом биржи труда (с 1918), редактор изданий губ. статистического бюро I

Гробова А. И. – владелица литографии на Петербургской стороне; арестована за печатание нелегальных изданий (1890) I

Громан Владимир Густавович (1874–1940) – чл. РСДРП в 1898–1922, меньшевик с 1903; отбывал ссылки в Орлове Вятской губ. (1896–1899), Енисейской губ. (1902–1905); статистик; пом. присяжного поверенного; зав. статистико-экономическим бюро Всероссийского союза городов, чл. Особого совещания по продовольствию при Гос. думе (1916); чл. ЦИК, Предпарламента (1917); председатель Всероссийского совета продовольственных союзов (1917–1918), Северной обл. продовольственной управы (1918), Комиссии по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады (1920); профессор 1-го МГУ (с 1921); чл. президиума (с 1926), председатель секции внутренней конъюнктуры и зам. председателя конъюнктурного совета Госплана (с 1928) и чл. коллегии ЦСУ СССР (с 1926); арестован (июль 1930), приговорен к 10 годам заключения (9.3.1931): отбывал в Верхнеуральском политизоляторе и Суздальском лагере особого назначения I

Громан Екатерина Петровна (урожд. Духанина; 1876 – после 1921) – жена В. Г. Громана; окончила Екатерининские

фельдшерские курсы; арестована в Киеве (29.4.1900); чл. РСДРП, меньшевичка; в политэмиграции – в Швейцарии; чл. Предпарламента (1917); арестована в Севастополе (1921), выслана в Тверь I

Гронский Павел Павлович (1883–1937) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре гос. права (с 1912); депутат 4-й Гос. думы (1912–1917); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1916); комиссар Временного правительства по Петроградскому телеграфному агентству и на Юго-Западном фронте, чл. Предпарламента (1917); тов. министра внутренних дел в правительстве А. И. Деникина (1919), председатель Особой комиссии Вооруженных сил Юга России в США (1920); в эмиграции – во Франции (с 1920) II

Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович; 1866–1940) – присяжный поверенный (с 1905); участник процессов по делам о ритуальных убийствах, погромах в Кишиневе и Минске; защитник М. Горького, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Л. Д. Троцкого; конституционный демократ; сенатор, чл. Предпарламента, Учредительного собрания; в эмиграции – в Берлине (с 1921), Ницце (с 1923), Риге (с 1926, редактор ж. «Закон и суд») и снова в Ницце (с 1931) II

Гуревич Анна – воспитанница Ксениинского ин-та (1905) II

Гуревич Анна Яковлевна (1878–1942) – литератор, педагог; преподавала в вечерних классах для рабочих Невского р-на Петербурга (с 1903); большевичка (с 1903), чл. Боевой технической группы при ПК РСДРП (с 1904), подверглась аресту (5.4–23.5.1905); соредактор ж. «Русская школа» (до 1917), сотрудник ж. «Педагогическая мысль» (1920); автор учеб. пособий; председатель издательского комитета Общества грамотности II

Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940) – присяжный поверенный (с 1909); юрисконсульт Центр. бюро профсоюзов, чл. ЦК Трудовой группы; отбывал ссылку в Красноярске (1914–1917); тов. председателя исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, министра внутренних дел, чл. Предпарламента (1917); чл. ЦК (с 1917), председатель Приморского обл. комитета ПСР, управляющий внутренними делами Временного правительства Дальнего Востока (1920); в эмиграции – в Праге (1921–1939): председатель Земгора (1921–1922), чл. Заграничной делегации ПСР (1923–1926), управляющий Русским заграничным историческим архивом (1924–1928); позднее – в США II

Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940) – критик, прозаик, публицист, историк театра; редактор-издатель ж. «Северный вестник» (совм. с А. Л. Волынским, 1891–1898); чл. Трудовой

группы с 1906; сотрудничала в ж. «Жизнь», «Мир Божий», «Русская мысль» (редактор лит.-художественного и критического отдела в 1913–1915), газ. «Русские ведомости», «Речь» (зав. театральным отделом в 1911–1916); проживая в Москве (с 1920), сотрудничала с МХАТом; автор кн. о К. С. Станиславском (1929); переводчица кн. Ш. Бодлера, Г. Гауптмана, Мопассана, Э. Ренана, Б. Спинозы, Стендаля, А. Франса I; II

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) – тов. министра внутренних дел (1906–1907); привлечен к суду за срыв поставок зерна и, отставленный от службы по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности» (1907), помилован (1908) со снятием судимости (1909); гласный Тверского губ. собрания (с 1909), уездный предводитель дворянства (с 1914); чл. Гос. совета от Тверского земства (1912–1917); в эмиграции – во Франции; мемуарист II

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – председатель ЦК «Союза 17 октября» (с 1906), издатель газ. «Голос Москвы» (с 1906); депутат (1907–1912), председатель 3-й Гос. думы (1910–1911); чл. Гос. совета, председатель Центр. военно-промышленного комитета (1915–1917); военный и морской министр (1917); в эмиграции – в Германии и во Франции II

Давыдов Карл Юльевич (Давидов; 1838–1889) – виолончелист, композитор; директор Петербургской консерватории (1876–1887) I

Давыдова Александра Аркадьевна (урожд. Горожанская; 1848–1902) – литератор; жена К. Ю. Давыдова; секретарь редакции ж. «Северный вестник» (с кон. 1880-х); издательница ж. «Мир Божий» (с 1892) I

Давыдова Лидия Карловна (в браке Туган-Барановская; 1869–1900) – детский писатель, журналист, переводчица; дочь К. Ю. и А. А. Давыдовых, жена М. И. Туган-Барановского; окончила гимназию кн. А. А. Оболенской; сотрудничала в ж. «Северный вестник»; чл. редакции ж. «Мир Божий» (1892–1900); автор очерков о Дж. Элиот (1891), Ф. Шопене (1892) I

Даниельсон Николай Францевич (Даниэльсон; Николай — он; 1844–1918) – экономист, теоретик либерального народничества; служил в Обществе взаимного кредита: бухгалтер (с 1864), гл. контролер (с 1877); участник кружка Г. А. Лопатина (с 1866); подвергся кратковременному аресту и заключению в Петропавловскую крепость (1870); переводчик «Капитала» К. Маркса (Т. 1. 1872; Т. 2. 1885; Т. 3. 1896); автор кн. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893) I

Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265–1321) – итальянский

поэт I; II

Дашкевич Николай Павлович (1852–1908) – экстраординарный (с 1884) и ординарный профессор Киевского ун-та по кафедре всеобщей истории литературы (с 1890); председатель Исторического общества Нестора-летописца (1899–1905); чл.-корреспондент (с 1902), академик Петербургской АН (с 1907) I

Дегаев Сергей Петрович (1857–1921) – народоволец; учился в Михайловской артиллерийской академии (до 1879), штабс-капитан; чл. центр. группы партии «Народная воля», завербован инспектором Петербургского охранного отделения Г. П. Судейкиным (1882), убийство которого устроил (1883); разоблаченный, эмигрировал в США; защитив диссертацию по дифференциальной геометрии (1897), преподавал в Университете Южной Дакоты; профессор Armour Institute of Technology в Чикаго (1908–1913) I

Дейч Лев Григорьевич (1855–1941) – чл. обществ «Земля и воля», «Черный передел», группы «Освобождение труда» (1883); отбывал каторгу на Каре (1885–1890); чл. РСДРП, меньшевик с 1903, сотрудник газ. «Искра»; вернулся в Россию (1905) и, сосланный в Туруханский край (1906), бежал; в политэмиграции – в Лондоне (с 1907), Нью-Йорке (с 1911): редактор газ. «Новый мир» (1911–1912), ж. «Свободное слово» (1913–1915); чл. ЦК Всероссийской с.-д. группы «Единство» и редактор одноименной газ. (1917); составитель сб. «Группа “Освобождение труда”» (1923–1928); мемуарист; пенсионер (с 1928) I; II

Де-Ливрон (Деливрон) Андрей Андреевич (1880–1920) – мичман (1900); составитель «Русско-японского словаря» (Порт-Артур, 1903); окончил юридический факультет Токийского ун-та; уволенный за отказ участвовать в подавлении Кронштадтского восстания (1905), жил в США и Японии, в Харбине (1914), Владивостоке (1915); переводчик на Мурманской железной дороге (1916); чл. РКП(б) с 1918; начальник морского агентурного отделения (с апр. 1919), 2-го отдела Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики (июнь 1919 – янв. 1920); арестован (9.6.1920), расстрелян (16.6.1920) II

Де-Ливрон (Деливрон) Андрей Карлович (1840 – не ранее 1917) – капитан 1-го ранга (1887); вышел в отставку с производством в контр-адмиралы (1895); предводитель дворянства Шлиссельбургского у.; отец А. А. Де-Ливрона II

Дембо Исаак Вульфович (1865–1889) – аптекарский ученик; привлеченный к дознанию по делу рабочей группы партии «Народная воля», освобожден под особый надзор полиции (1884); организатор народовольческого кружка в Вильно (1886–1887);

в политэмиграции – в Швейцарии (с 1887): чл. «Союзного террористического кружка» (с 1888), готовившего покушение на Александра III; смертельно ранен при испытании метательного разрывного снаряда (22.2.1889) I

Дембский Александр Ипполитович (Dębski; 1857–1935) – чл. тайного совета Польско-литовской социал-революционной партии (с 1881), ЦК партии «Пролетариат» (с 1883); в политэмиграции – в Цюрихе: чл. «Союзного террористического кружка», ранен при испытании разрывного снаряда (22.2.1889); высланный из Швейцарии, жил в Париже, где подвергался арестам, и Лондоне; один из основателей Партии польских социалистов в 1892, чл. ее революционной фракции с 1906; чл. Центр. национального комитета в Варшаве (с 1915); сторонник Ю. Пилсудского; сенатор (с 1930) I

Демьянов Александр Алексеевич (1865–1925) – присяжный поверенный (1899–1914); народный социалист с 1906; депутат 2-й Гос. думы (1907–1912); директор департамента, тов. министра, управляющий Министерством юстиции (1917); чл. ЦК ТНСП (с 1917); жил в Сухуми (с 1918): чл. Народного совета Абхазии; арестован и, заключенный в Метехский замок в Тифлисе, выслан в Константинополь (1921); в эмиграции – в Берлине (с 1922), Праге (с 1923) II

Ден Владимир Эдуардович (1867–1933) – профессор (1902–1931), зав. кафедрой экономической географии Политехнического ин-та (1902–1929), Географического ин-та (1918–1925), ЛГУ (1926–1929) II

Ден Наталья Владимировна (в браке Преображенская; 1900–1985) – дочь В. Э. Дена II

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант (1916); главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920); в эмиграции – в Бельгии (с 1920), Венгрии (с 1922), во Франции (с 1926), в США (с 1945) I; II

Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт I; II

Дерунов Константин Николаевич (1866–1929) – библиограф; пом. библиотекаря в Н. Новгороде (с 1897); зав. библиотекой Гл. управления неокладных сборов Министерства финансов (1902–1917); служил в Наркомате финансов, Московском отделе народного образования, Высшем военном ред. совете (1920–1922); ученый библиограф Комакадемии (1922–1923); зав. библиотекой РАНИОН (1925–1929) I

Дживелегов Алексей Карпович (Карапетович; 1875–1952) – историк; отв. секретарь, зав. отделами редакции «Энциклопедического словаря Гранат» (1898–1939); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1916–1917),

Предпарламента (1917); профессор 1-го МГУ (1919–1924); зав. кафедрой зарубежного театра Гос. ин-та театр. искусства (1931–1952); работал в Ин-те всемирной литературы им. М. Горького (1938–1952), Ин-те истории искусства (1944–1952); доктор искусствоведения (1936); чл.-корреспондент АН Армянской ССР (1945) I; II

Дзюбинский Владимир Иванович (1860–1927) – чл. Трудовой группы с 1908; студент медицинского факультета Киевского ун-та (с 1880), после 9 мес. заключения выслан на 3 года в Семипалатинск (1883); акцизный чиновник в Омске, Мариинске, Петропавловске, ст. помощник акцизного надзирателя в Таре Тобольской губ.; депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917): тов. председателя, председатель Трудовой группы (с 1908); комиссар Временного комитета Гос. думы, Временного правительства на Северном фронте, чл. Гл. управления Красного Креста, исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, ЦК ТНСП (1917); служил в Наркомате финансов (с 1924) II

Диксон Константин Иванович (1871–1942) – журналист, театральный критик, библиограф; секретарь редакции ж. «Техническое образование»; соредактор сатирического ж. «Молот» (1905–1906), редактор газ. «Наша жизнь» (1906); работал в ж. «Красная панорама» (с 1925) I; II

Димитров Петр (1848–1919) – болгарский дипломатический агент в Белграде (с 1890), Константинополе (1892–1897), Бухаресте, Афинах (1903–1905) и др. европейских столицах I

Дитман Вильгельм (Dittmann Wilhelm; 1874–1954) – чл. Социал-демократической партии Германии с 1894; рабочий-столяр; депутат рейхстага (1912–1933); секретарь ЦК Независимой СДПГ (с 1917); чл. Совета народных уполномоченных (1918); участник II конгресса Коминтерна (1920); секретарь правления СДПГ, председатель ее фракции (1922–1933) и вице-президент рейхстага (1920–1925); в политэмиграции (с 1933) – в Швейцарии II

Дмитриевский Сергей Васильевич (1893–1964) – журналист; чл. Петроградского комитета ТНСП, редакции газ. «Народное слово» (1917); зав. подотделом вузов Петрограда, уполномоченный Всероссийского гл. штаба по мобилизации студенчества в Красную армию (1919); чл. РКП(б) с 1919; комиссар Высшей аэрофотограмметрической школы, мобилизационного отдела и зам. начальника, и. о. комиссара административного управления (1920), управделами Наркомата путей сообщения (1921–1922), его уполномоченный за границей (1922); управделами торгпредства (1922–1923), полпредства СССР

в Германии (1923); 1-й секретарь полпредства СССР в Греции (1924); управделами НКИД СССР (1924–1927); советник полпредства СССР в Швеции (1927–1930); невозвращенец; внештатный сотрудник Гос. архива Швеции (с 1949); получил шведское гражданство (1957) II

Добраницкий Мечислав Михайлович (1882–1937) – чл. Социал-демократии Королевства Польского и Литвы с 1901; отбывал заключение в Варшавской цитадели (1903–1904); делегат 5-го (Лондонского) съезда РСДРП (1907); доктор права (1912), пом. присяжного поверенного (1912–1914); меньшевик, чл. обл. совета профсоюзов в Ростове-на-Дону; зав. Музеем революции в Тифлисе (1921–1922); работал в Архиве, Музее Октябрьской революции в Москве, преподавал в Коммунистическом ун-те им. Я. М. Свердлова, МГУ (1921–1924); чл. ВКП(б) в 1923–1935; генеральный консул СССР в Гамбурге (1924–1927), зав. отделом Прибалтики и Польши НКИД (1927–1929), представитель НКИД в Одессе (с 1929); директор Публичной библиотеки (1930–1936); пом. редактора Ленингр. отделения Гос. изд-ва соц.-эконом. литературы (1936–1937); арестован (23.8.1937), расстрелян (5.11.1937) II

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – литературный критик, публицист, поэт, журналист I

Долгополов Нифонт Иванович (1857–1922) – врач-хирург; переведенный на 5-й курс Харьковского ун-та, арестован (1879); отбывал ссылку в Кургане (с 1880), Тюкалинске (с 1882), Ишиме (с 1883), Семипалатинске (1884–1886); вольнопрактикующий врач (с 1889); ординатор Курской земской больницы (с 1891); врач Тульского участка Московско-Курской железной дороги (с 1895), ст. Нижний (с 1899), гор. больницы в Канавине (с 1899); социалист-революционер с 1905; арестован (23.12.1905), выслан в Астрахань (март 1906); депутат 2-й Гос. думы (1907); гласный Астраханской гор. думы I

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927), князь – предводитель дворянства Рузского у. Московской губ. (1893–1903); председатель (1905–1907), тов. председателя ЦК Конституционно-демократической партии; депутат 2-й Гос. думы (1907); чл. Учредительного собрания, заключен в Петропавловскую крепость (1917–1918); тов. председателя Всероссийского национального центра (1918); во время Гражданской войны – на юге России; в эмиграции (с 1920) – в Константинополе, Белграде, Париже, Варшаве; нелегально перешел советско-румынскую границу (7.6.1926); арестован (13.7.1926), расстрелян (10.6.1927) II

Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1951), князь –

землевладелец; брат П. Д. Долгорукова; председатель земской управы Суджанского у. Курской губ. (1892–1902, с 1909); финансировал издание ж. «Освобождение» (с 1902); чл. совета Союза освобождения (с 1904), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); тов. председателя 1-й Гос. думы (1906); в эмиграции – в Константинополе (с 1920), Праге (с 1922): председатель Объединения русских организаций в Чехословакии (с 1927); арестован (9.6.1945) и, приговоренный к 5 годам заключения (10.7.1946), отбывал его во Владимирской тюрьме I; II

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель I

Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) – историк, публицист, исследователь украинского и славянского фольклора; приват-доцент историко-филологического факультета Киевского ун-та (1864–1875); в эмиграции – в Вене (с 1876), Женеве (с 1877): организатор русско-украинской типографии, издатель сб. (с 1878) и ж. «Громада» (1881–1882), газ. «Вольное слово» (1881–1883); профессор всеобщей истории Высшего училища в Софии (с 1889) I

Драгоманова Людмила Михайловна (урожд. Кучинская; 1842–1918) – жена М. П. Драгоманова (с 1864) I

Драгомирецкий Василий Степанович (1865 – после 1928) – издатель-редактор ж. «Галицко-русский вестник» (СПб., 1894), «Русская беседа» (СПб., 1895–1896), редактор газ. «Русь» (СПб., 1897); служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (с 1890): секретарь (с 1912), вице-директор (1915–1916); чиновник особых поручений по ведомству МВД (с 1914); ст. секретарь посольства (с 1918), и. о. посла Украинской народной республики в Софии (1919–1921); в эмиграции – в Болгарии, Чехословакии I

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – генерал от инфантерии (1891); киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1897–1903); чл. Гос. совета (1903) I

Дрейфус Альфред (Dreyfus Alfred; 1859–1935) – французский офицер, капитан Генерального штаба (1893); приговорен к пожизненному заключению по обвинению в шпионаже (1894); помилован (1900), признан невиновным (1906); участник Первой мировой войны, подполковник (1918) I; II

Думбадзе Иван Антонович (1851–1916) – генерал-майор (1907); главноначальствующий (1906–1914), градоначальник Ялты (1914–1916); чл. Союза русского народа с 1907 I; II

Дурново Петр Николаевич (1842–1915) – директор Департамента полиции (1884–1893); сенатор (с 1893); тов. министра (1900–1905), министр внутренних дел (1905–1906); чл.

Гос. совета (1906–1915) I; II

Дутов Александр Ильич (1879–1921) – полковник (1917), генерал-лейтенант (1918); атаман Оренбургского казачьего войска (с 1917); командующий Оренбургской армией (1918–1919) и гл. начальник Оренбургского края (1919), Семиреченского края (1920); ушел с остатками войск в Китай, где убит агентами ЧК II

Душечкин Яков Иванович (1864–1919) – зав. педагогическими курсами для учителей начальных училищ в Старой Руссе, Крестцах и Тихвине, преподаватель и инспектор гимназий, гор. и коммерческих училищ в Вытегре, Новгороде, Выборге, Петербурге; чл. Центр. бюро Всероссийского учительского союза (1905–1909); автор учеб. пособий; уполномоченный Постоянной комиссии по устройству курсов для учителей, редактор ее «Известий» (1911–1912), ж. «Учительское дело» (1913), «Учитель и школа» (1914–1915); чл. ЦК Трудовой группы, ТНСП (с 1917); умер в тюрьме II

Евреинова Анна Михайловна (1844–1919) – публицист, издатель; окончила Лейпцигский ун-т, доктор права (1875); сотрудничала в «Журнале гражданского и уголовного права», «Юридическом вестнике», «Журнале Министерства юстиции»; чл. ред. комитета отделения обычного права Петербургского юридического общества; основатель, редактор (1885–1889), издатель ж. «Северный вестник» (1889–1890) I

Елизаров Марк Тимофеевич (1863–1919) – муж А. И. Ульяновой (с 1889); окончил Самарскую гимназию (1882), физ.-мат. факультет Петербургского ун-та (1886); пом. делопроизводителя Самарского губ. управления гос. имуществами; счетовод управления Московско-Курской железной дороги (с 1893); социал-демократ с 1893; арестованный (1901), после 8 мес. заключения выслан на 2 года в Сызрань, откуда перебрался в Томск (1902); бухгалтер службы пути управления Николаевской железной дороги (1904); высланный из Петербурга (1906), редактировал газ. «Сызранское утро», «Самарская Лука»; работал на постройке железной дороги в Нерчинске; служил в страховых обществах «Саламандра», «Российском транспортном», «Волга» (1909–1916); директор-распорядитель «Общества пароходства по Волге» (с 1916); нарком путей сообщения РСФСР (1917–1918); гл. комиссар по делам страхования (1918–1919); чл. коллегии Наркомата торговли и промышленности РСФСР (1919) I; II

Елизаров Павел Тимофеевич (1856 – после 1917?) – старший брат М. Т. Елизарова; арендатор удельных земель; жил в Самаре, затем в Сызрани: гласный уездного земства, директор

Общественного банка, домовладелец, чл. директората «Товарищества Репьевских мельниц»; канд. в чл. Учредительного собрания по Симбирскому избирательному округу от Конституционно-демократической партии (1917) I

Ермилова Людмила Евграфовна (Ермилина; 1867 – ?) – участница народнического движения; воспитывалась в Елисаветинском ин-те, училась на Лубянских высших женских курсах; арестована (15.10.1886) и, освобожденная под залог в 2000 р. (24.12.1886), выслана на 3 года в Архангельскую губ. (май 1887); водворена в Холмогорах (окт. 1887), откуда переведена в Шенкурск (дек. 1888); получила разрешение на временный приезд для лечения в Москву (1890), где оставлена до окончания срока надзора; служила в строительной конторе в Саратове (1890-е), давала частные уроки в Москве; находилась под негласным надзором полиции (до 1903) I

Ершов Петр Павлович (1816–1859) – поэт I

Ефименко Петр Саввич (1835–1908) – этнограф, статистик, библиограф; арестованный за участие в Харьковском тайном студенческом обществе (1860), содержался в Петропавловской крепости; выслан в Красноуфимск Пермской губ., откуда переведен в Архангельск (1861), затем в Онегу (1863); чл. Архангельского губ. статистического комитета, чл.-сотрудник Русского географического общества; позднее жил в Воронеже (с 1870), Самаре, Чернигове, Харькове I

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945) – землевладелец; чл. ЦК Партии мирного обновления (1906); депутат Гос. думы 1-го (1906), 3–4-го (1907–1917) созывов, председатель ее Прогрессивной группы (с 1907); чл. ЦК Партии прогрессистов (1912–1914); чл. Временного комитета Гос. думы, министр юстиции, гос. призрения, 2-й тов. председателя Временного правительства и председатель его Малого совета, лидер Российской радикально-демократической партии и ее совместного с Либерально-республиканской партией ЦК (1917); чрезвычайный посланник и полномочный представитель в Швейцарии (1917–1925); позднее жил в Париже II

Ефрон Илья Абрамович (1847–1917) – владелец типолитографии в Петербурге (с 1880), основатель акционерного издательского общества «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон» (1889) I; II

Желеховский Владислав Антонович (1843–1918) – тов. обер-прокурора уголовного кассационного департамента (с 1876), обер-прокурор 5-го департамента Сената (с 1891); гос. обвинитель на «процессе 193-х» (1877–1878) и «процессе 17-ти» (1883); сенатор (1893) I

Жижиленко Александр Александрович (1873 – не ранее

1930) – экстраординарный (с 1901) и ординарный профессор Петербургского ун-та по кафедре уголовного права (с 1915); профессор Высших женских курсов (с 1902); чл. Трудовой группы с 1906, позднее конституционный демократ; начальник Гл. тюремного управления (1917); председатель правового отделения факультета общественных наук (1919–1921), декан факультета советского права ЛГУ (1927–1928) II

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – журналист; сотрудничал в газ. «Саратовский дневник» (с 1899), «Неделя» (с 1900), «С.-Петербургские ведомости» (1903–1904), «Наша жизнь» (1905–1906), «Товарищ» (1906–1907); депутат 1-й Гос. думы, чл. Трудовой группы (1906); чл. редакции ж. «Вестник Европы» (1909–1915); сотрудник газ. «Русское слово» (1911–1918); тов. председателя и чл. правления Союза писателей, секретарь Московского товарищества писателей (1919–1920); печатался в газ. «Известия ВЦИК», «Рабочая газета», ж. «Красная нива», «Прожектор», «30 дней» I; II

Жорес Жан (Jaurès Jean; 1859–1914) – французский социалист; основатель газ. «L' Humanité» (1904), один из лидеров Объединенной социалистической партии (с 1905); историк; застрелен националистом I

Жулковская – жена А. А. Жулковского I

Жулковский Андрей Андреевич (1858? – ?) – участник народнического движения; поденщик на Путиловском заводе (с 1879); отбывал ссылку в Шенкурске (1879–1881); переведенный в Пермь на поруки матери, привлекался к дознанию по обвинению в принадлежности к Новохоперскому рев. кружку (1885); выслан на 4 года в Архангельскую губ. (1886) I

Заболотный Иван Кириллович (1868–1912) – адвокат; окончил юридический факультет Киевского ун-та (1904); частный поверенный, пом. присяжного поверенного в Житомире; состоял под негласным надзором за связь с эсерами; депутат 1-й Гос. думы, чл. Трудовой группы (1906) II

Зайцев Кирилл Иосифович (архимандрит Константин; 1887–1975) – богослов, журналист, историк, культуролог; служил в Сенате, Гл. управлении земледелия и землеустройства, Особом совещании по продовольствию; участник Белого движения; в эмиграции – в Константинополе (с 1920), Праге (с 1922, приват-доцент Русского юридического факультета), Париже (с 1925): сотрудник газ. «Возрождение», редактор газ. «Россия и славянство» (1928–1933); ректор Педагогического ин-та (1935–1936), профессор Русского юридического факультета, Богословского ин-та св. Владимира в Харбине (1936–1938);

диакон (1944), священник в Шанхае, Циндао (1945–1949); позднее – в США: редактор ж. «Православная Русь» (с 1949), профессор Свято-Троицкой духовной семинарии (с 1950); архимандрит (1954) II

Зак Моисей (Мордехай?) – житомирский богач (1903) I

Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934) – адвокат; окончил Училище правоведения (1885); пом. секретаря С.-Петербургского окружного суда; арестован (8.4.1887) и, привлеченный к дознанию за связь с народовольцами (его адрес нашли в записной книжке А. И. Ульянова), освобожден за недостатком улик (17.4.1887); служил в Министерстве юстиции (1888–1891); тов. прокурора окружного суда в Полтаве (с 1891), прокурор в Кременчуге (с 1893), чл. окружного суда в Петрозаводске (с 1894), тов. прокурора С.-Петербургского окружного суда (с 1895); затем – в Юрисконсультской части Министерства юстиции (с 1900); присяжный поверенный (с 1902): защитник чл. Боевой организации ПСР (1905), депутатов Петербургского совета (1906), П. П. Шмидта (1906), В. В. Водовозова (1906), А. В. Пешехонова (1910), М. Бейлиса (1913); чл. Трудовой группы, ЦК ТНСП (с 1917, вышел 3.4.1918); тов. министра (5.3–6.6.1917), министр юстиции (24.7–3.9.1917); чл. президиума коллегии защитников, юрисконсульт Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; персональный пенсионер (с 1933) I; II

Зарудный Александр Сергеевич (1890–1918) – социалист-революционер; племянник А. С. Зарудного; учился на юридическом факультете Петербургского ун-та (1909–1910); арестованный (1.12.1910), отбывал ссылку в Печорском у. и Пинеге Архангельской губ. (1911–1912); работал в Союзе потребительских обществ Юга России, Харьковском обществе сельского хозяйства; участник Южно-русской конференции ПСР в Харькове (1914); арестованный (6.1.1915), приговорен к полутора годам тюремного заключения; окончил воен. училище в Одессе, прапорщик (1917); чл. ЦК УПСР, Центр. Рады (с нояб. 1917), генеральный секретарь по земельным делам Украинской народной республики II

Зарудный Сергей Сергеевич (1888–1939) – брат младшего А. С. Зарудного, племянник старшего А. С. Зарудного; окончил Петербургское коммерческое училище (1907), учился на экономическом отделении Петербургского политехнического ин-та; арестован (16.3.1911), содержался в Доме предварительного заключения и, приговоренный к высылке в Архангельскую губ. (5.5.1911), определен ввиду потери зрения на один глаз по месту жительства матери в Изюм Харьковской губ. (освобожден от

гласного надзора с 5.7.1912); служил в Управлении по делам мелкого кредита (с 1915); экономист; расстрелян в Харькове (22.3.1939) II

Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – журналист, публицист; социал-демократ с 1900, чл. Бунда в 1903–1919 (исключен) и его ЦК (1917–1919), ВКП(б) с 1934; окончил юридический факультет Киевского ун-та (1910); сотрудничал в газ. «Киевские отклики» (с 1904), «Киевские вести» (с 1907), «Киевская мысль» (с 1909), «День» (с 1912), ж. «Северные записки», «Современный мир»; жил в Петербурге (с 1912), Киеве (с 1918), Москве (с 1921); фельетонист газ. «Ленинградская правда» (с 1925), «Известия» (с 1926), «Правда» (с 1928); чл. редколлегии ж. «Крокодил» (с 1943); участвовал в шельмовании «антипатриотической» группы театральных критиков, художников-«формалистов», Д. Шостаковича, Б. Пастернака I; II

Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – участница народнического движения с 1869; совершила покушение на столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова (24.1.1878), оправдана судом присяжных; чл. общества «Черный передел» (с 1879), группы «Освобождение труда» (с 1883), редакции газ. «Искра» (с 1900); меньшевичка с 1903; чл. Всероссийской с.-д. группы «Единство» с 1914 I; II

Зволянский Сергей Эрастович (1855–1912) – и. д. вице-директора (с 1893), вице-директор (с 1895), директор Департамента полиции (1897–1902); сенатор (с 1902) I

Зибер Николай Иванович (1844–1886) – популяризатор экономической теории К. Маркса; доцент по кафедре политэкономии и статистики Киевского ун-та (1873–1875); сотрудничал в ж. «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русская мысль» I

Зиглер Теобальд (Ziegler Theobald; 1846–1918) – немецкий историк философии и педагогики; зав. кафедрой Страсбургского ун-та (с 1886) I

Зингер Исаак Меррит (Singer Isaac Merritt; 1811–1875) – американский изобретатель швейных машин; основатель компании I. M. Singer & Co (1851) II

Зингер Пауль (Singer Paul; 1844–1911) – чл. Социал-демократической рабочей партии Германии с 1869; один из основателей газ. «Der Sozialdemokrat» (1879), соредактор газ. «Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета», с 1884); депутат рейхстага (1884–1886); чл. правления (с 1887), сопредседатель СДПГ и председатель ее фракции в рейхстаге (1890–1911) I

Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия Радомысльский;

1883–1936) – канд. в чл. (1919–1921), чл. Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1926); председатель Петроградского (Ленинградского) совета (1917–1926); председатель Исполкома Коминтерна (1919–1926); арестован (16.12.1934), расстрелян (25.8.1936) I; II

Знаменский Сергей Филимонович (1878 – после 1929) – педагог, один из организаторов Всероссийского учительского союза (1905); преподавал в гимназиях, С.-Петербургском коммерческом училище; чл. ЦК Трудовой группы, приговорен к высылке в Вологодскую губ. (1911); прапорщик; чл. исполкома Петроградского совета, ЦИК, ЦК ТНСП, Предпарламента (1917); главноуполномоченный Всероссийского временного правительства (Директории, 1918); эсер-максималист; подвергался арестам (1921, 1927, 1929), ссылкам в Коми (1922), Катта-Курган на 3 года (1929) II

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – зам. начальника (с 1894), начальник Московского охранного отделения (1896–1902); зав. Особым отделом Департамента полиции (1902–1903); выслан под особый надзор во Владимир; жил в Москве (с 1910); покончил с собой I; II

Зубашев Ефим Лукьянович (1860–1928) – химик-технолог; профессор, зав. кафедрой Харьковского технологического ин-та (с 1890); директор (1899–1907), ординарный профессор Томского технологического ин-та (до 1909); конституционный демократ с 1905; чл. Гос. совета (с 1912); профессор Петербургского (Петроградского) технологического ин-та (1912–1922); комиссар Временного правительства по Томской и Енисейской губ. (1917); зав. отделом снабжения бумажных фабрик в Петрограде (1918–1920), чл. правления и зав. коммерческим отделом Петроградского бумажного треста (1922); высланный из России (1922), жил в Праге (с 1923): профессор Русского народного ун-та (с 1925) II

Ибсен Генрик (Ibsen Henrik; 1828–1906) – норвежский драматург I

Илинчик Леонид Константинович – инструктор ЦК ТНСП в Новгородской губ. по выборам в Учредительное собрание (1917); участник Первой мировой войны; чл. РКП(б) с 1918; зав. краевыми курсами по маслоделию в Вологде; фотокорреспондент ж. «Наши достижения», руководитель экспедиции Ленинградского обл. бюро краеведения (1929) II

Иностранцев Александр Александрович (1843–1919) – геолог; ординарный (с 1873) и заслуженный профессор Петербургского ун-та (с 1896); чл.-корреспондент Петербургской АН (1901) II

Иоллос Григорий Борисович (1859–1907) – берлинский корреспондент (с 1890), соредактор газ. «Русские ведомости» (с 1905); печатался в ж. «Юридический вестник», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль»; конституционный демократ с 1905; депутат 1-й Гос. думы (1906); убит черносотенцем I; II

Иорданский Николай Иванович (1876–1928) – социал-демократ с 1899; сотрудник редакций ж. «Образование» (1902–1903), «Мир Божий» (с 1903), газ. «Искра» (1904); чл. (1905), канд. в чл. ЦК РСДРП (1906); редактор ж. «Современный мир» (1909–1911, 1913–1917); чл. ЦК Всероссийской с.-д. группы «Единство», комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте (1917); в эмиграции – в Финляндии: редактор газ. «Путь» (1921); выслан в РСФСР (1922); чл. РКП(б); дипломатический представитель СССР в Италии (1923–1924); работал в Госиздате I

Иоффе Максим Самуилович – журналист, переводчик I

Исупов Александр Евграфович (1856–1920) – гласный Шенкурской гор. думы, чл. гор. управы, председатель правления общества потребителей; конституционный демократ с 1905; депутат 1-й Гос. думы (1906); городской голова Шенкурска (1917); комиссар Временного управления Северной обл. по Шенкурскому у. (1918); позднее – в Архангельске, Кеми; арестован (30.7.1920), расстрелян (15.10.1920) I; II

Исупова Александра Павловна (урожд. Пластинина; 1856? – 1895) – жена А. Е. Исупова, умерла при родах; дети: Ольга (в браке Холина), Елена (в браке Роскова), Надежда (в браке Карабут), Павел, Иван, Лидия I

Исупова Лидия Александровна (1895–1958) – дочь А. Е. Исупова; училась на Высших женских (Бестужевских) курсах; чл. Партии левых социалистов-революционеров; сельская учительница, инструктор отдела народного образования в Архангельской губ.; позднее – в Ленинграде: блокадница; заслуженный учитель I

Кавос Екатерина Сергеевна (Зарудная-Кавос; 1861–1917) – художница, график; сестра старшего А. С. Зарудного; окончила Петербургскую Академию художеств (1887); сотрудничала в сатирических журналах; открыла школу живописи с воскресной школой рисования для рабочих (совм. с А. М. Языковой, 1905) II

Кадьян Александр Александрович (1849–1917) – участник народнического движения; земский врач; арестованный (1874), содержался в Петропавловской крепости (с 1875), Доме предварительного заключения (с 1876); оправдан на «процессе 193-х» (1878); выслан в Симбирск (1879): ординатор губ. земской больницы; доктор медицины, приват-доцент Медико-хирургической академии (1884); зав. кафедрой и директор

клиники госпитальной хирургии Женского медицинского ин-та (с 1900) I

Калмыкова Александра Михайловна (урожд. Чернова; 1849–1926) – педагог, преподаватель воскресных школ в Харькове (с 1879), Петербурге (1885–1896); владелица книжного склада (с 1890), издатель (1893–1901); выслана за границу (1902); председатель Общества содействия дошкольному воспитанию (с 1909); лектор в Народном ун-те им. Шанявского (1913–1916); позднее – в Наркомате просвещения, Педагогическом техникуме им. Ушинского I

Кальварский Ефим Давыдович (Ефраим Давидович; 1882–1938) – журналист; сотрудничал в газ. «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Товарищ», «Столичная почта», «Русское слово» и др.; учился на физ.-мат. факультете Московского ун-та, сдал экзамены на провизора при Харьковском ун-те; провизор-бактериолог, зав. отделением Химико-бактериологического ин-та Ф. М. Блюменталя в Ленинграде; начальник медицинского снабжения управления Дальлага НКВД в Хабаровске; арестован (10.4.1938), расстрелян (8.8.1938) II

Каляев Иван Платонович (1877–1905) – чл. Боевой организации Партии социалистов-революционеров (с 1903); убийца великого князя Сергея Александровича (1905); казнен I; II

Каннер Генрих (Kanner Heinrich; 1864–1930) – австрийский журналист; корреспондент газ. «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртской газеты») в Вене (с 1892); редактор еженедельника «Die Zeit» («Время», 1894–1904), ежедневной газ. «Die Zeit» (1902–1917) I

Кант Иммануил (Kant Immanuel; 1724–1804) – немецкий философ I

Канторович Владимир Абрамович (1886–1923) – чл. Бунда с 1905; присяжный поверенный (с 1912); зав. иногородним отделом Петроградского совета (1917); юрисконсульт в Петрограде (с 1922) II

Каприви де Капрера де Монтекукколи Георг-Лео, фон (Caprivi de Caprera de Montecuccoli Georg-Leo, von; 1831–1899), граф (с 1891) – рейхсканцлер Германской империи (1890–1894), министр-президент Пруссии (1890–1892) I

Капустин Михаил Николаевич (1828–1899) – ординарный профессор Московского ун-та по кафедре международного права (1863–1870); директор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1870–1883); попечитель учебных округов: Дерптского (1883–1891), Петербургского (1891–1899); профессор кафедры энциклопедии права, инспектор классов и чл. совета Училища правоведения (с 1891) I

Караваев Александр Львович (1855–1908) – доктор медицины (1884); арестованный за принадлежность к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» (1896), выслан из Петербурга (1897); вольнопрактикующий врач в Екатеринославе (с 1899); депутат 2-й Гос. думы, чл. Трудовой группы и фракции Крестьянского союза (1907); смертельно ранен черносотенцами I; II

Каравелов Любен Стойчев (1834–1879) – болгарский писатель; председатель Болгарского рев. центр. комитета (1872–1874) I

Каравелов Петко Стойчев (1843–1903) – болгарский политический деятель; брат Л. Каравелова; участник Русско-турецкой войны 1877–1878; один из вождей леворадикального крыла Либеральной партии; председатель Народного собрания (1879), премьер-министр и министр финансов (1880–1881, 1884–1886, 1901–1902); в эмиграции – в Вост. Румелии (с 1881): редактор газ. «Независимость», гор. голова Пловдива (1883–1884); один из регентов Болгарии (авг. – сент. 1886); находясь в оппозиции к С. Стамболову (с 1887), по инспирированному обвинению приговорен к 5 годам заключения (1891, освобожден по амнистии в 1894); основатель и лидер Демократической партии (1896) I

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) – студент юридического факультета Казанского ун-та, откуда перевелся в Московский ун-т (исключен в 1865); совершил покушение на Александра III; казнен I

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – писатель, журналист, историк I

Карбасников Николай Павлович (1852–1922) – издатель (с 1871) II

Кареев Николай Иванович (1850–1931) – экстраординарный (с 1886), ординарный профессор Петербургского ун-та по кафедре всеобщей истории (1890–1899, 1906–1918) и председатель его Исторического общества (1890–1917); конституционный демократ с 1905; депутат Гос. думы (1906); чл.-корреспондент Петербургской АН (1910); профессор Петроградского ун-та (1919–1923), ЛГУ (сверх штата, 1924–1929); почетный чл. АН СССР (1929) I; II

Кареева Елена Николаевна (в браке Верейская; 1886–1966) – дочь Н. И. Кареева; детская писательница II

Кареева Софья Андреевна (урожд. Линберг; 1863–1926) – жена Н. И. Кареева, мать Е. Н. Кареевой; зав. библиотекой Высших женских (Бестужевских) курсов (1900–1918) II

Кармалина Клеопатра Федоровна (1826? – 1889?) –

секретарь редакции ж. «Русская старина»; владелица переплетной мастерской в Петербурге; двоюродная сестра М. И. и В. И. Семевских I

Каррик Валерий Вильямович (Васильевич; 1869–1943) – художник-график; британский подданный; учился в Академии художеств (1882–1886); сотрудничал в ж. «Жупел», «Леший», «Стрекоза» и др.; за карикатуру «Л. Н. Толстой и Николай II» в газ. «The Manchester Guardian» (5.9.1908) подвергся 10-недельному аресту в Москве; в эмиграции – в Норвегии (с 1917) II

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, переводчик, лит. критик; редактор ж. «Русский вестник» (с 1856), газ. «Московские ведомости» (1851–1856, 1863–1887) I

Каутский Карл (Kautsky Karl; 1854–1938) – чл. Социал-демократической рабочей партии Австрии с 1875, примкнул к группе немецких социалистов в Цюрихе (1880); редактор ж. «Die Neue Zeit» (1883–1917), теоретического органа СДПГ (с 1901); соавтор Эрфуртской программы СДПГ (1891); один из лидеров Независимой с.-д. партии Германии (1917–1920); председатель комиссии по социализации экономики, зам. статс-секретаря МИД Германии (1918); участник создания Международного рабочего объединения соц. партий (Венского Интернационала, 1921); поселившись в Вене (1924), вернулся в СДПГ; идеолог «демократического социализма» I; II

Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) – исследователь крестьянского землепользования, переселенческого дела; чл. ученого комитета Министерства земледелия и гос. имуществ, Гл. управления землеустройства (1900–1905); конституционный демократ; приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре политэкономии и статистики (1910–1913); сотрудничал в газ. «Русские ведомости», «Речь», ж. «Русская мысль»; профессор Петроградского ун-та (1918) I; II

Кашен Марсель (Cachin Marcel; 1869–1958) – чл. Рабочей партии с 1891, Французской секции Рабочего Интернационала с 1905, Французской компартии с 1920 и ее ЦК и Политбюро (с 1923); редактор (с 1912), директор газ. «L’ Humanité» (с 1918); чл. Исполкома Коминтерна (с 1924) и его президиума (1935–1943); чл. палаты депутатов (1914–1933); сенатор (1936–1940); чл. Национального собрания (1945–1958) I

Кашкадамов Василий Павлович (1863–1941) – уездный и сельский врач в Шенкурске Архангельской губ. (1889–1892); работал в Ин-те экспериментальной медицины в Петербурге (1895–1897); доктор медицины (1897); практиковался в Индии (1899–1900); санитарный врач в Петербурге (с 1904); зав. кафедрой общей и военной гигиены Клинического ин-та (1918–

1922), профессор кафедры гигиены 2-го Петроградского ун-та (1919–1920), Гос. ин-та медицинских знаний (1920–1922); зав. лабораторией гигиены умственного труда при Ин-те изучения мозга и психической деятельности (с 1918) I

Кемпе Петр Альбертович (1852–1921) – тов. прокурора окружных судов: Новгородского (с 1882), Витебского (с 1883), С.-Петербургского (с 1886); прокурор окружных судов: Петрозаводского (1894), Витебского (с 1894); тов. прокурора С.-Петербургской судебной палаты (с 1897); председатель Новгородского окружного суда (1901–1904); тов. обер-прокурора (с 1904), обер-прокурор уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, сенатор (1908–1917) I

Кеннан Джордж (Kennan George; 1845–1924) – американский журналист, писатель; совершил две экспедиции по Сибири (1864–1868, 1885–1886); чл. Общества американских друзей русской свободы; автор кн. «Tent Life in Siberia» (N. Y., 1870; Кочевая жизнь в Сибири. СПб., 1872) и «Siberia and the Exile System» (N. Y., 1891; Сибирь и ссылка. СПб., 1906) I; II

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – министр юстиции, военный и морской, председатель Временного правительства (1917); в эмиграции – во Франции (с 1918), в США (с 1940) I; II

Кёниг Леопольд Егорович (Koenig; 1821–1903) – сахарозаводчик; владелец рафинадных заводов (с 1848); жил в Бонне (с 1867), Каннах (с кон. 1880-х) II

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – ординарный профессор Московского ун-та по кафедре русской истории (1909–1911, 1917–1922); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1906–1918); депутат 2-й Гос. думы (1907); чл.-корреспондент РАН (1917, исключен в 1928); подвергался арестам (1918, 1919, 1921); выслан из России (1922); в эмиграции – в Праге II

Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь – двоюродный брат Николая II; контр-адмирал (1915), командир Гвардейского экипажа (1915–1917); в эмиграции – в Финляндии, Швейцарии, Германии, во Франции; провозгласил себя «императором Всероссийским» (1924) II

Кистяковский Александр Александрович (1874–1923) – предводитель дворянства Переяславского у. Полтавской губ.; в эмиграции – в Греции (с 1919), Югославии I

Кистяковский Александр Федорович (1833–1885) – ординарный профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства Киевского ун-та (с 1870), председатель Киевского юридического общества (с 1879) I

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) – философ, социолог, правовед; учился в ун-тах Киева (1888–1890, исключен), Харькова (1890), Дерпта (1891–1892); арестован (4.7.1892), приговорен к 2 мес. заключения (27.10.1893); жил в Либаве под надзором полиции (1894–1895); продолжил образование в Берлине (с 1895), Париже (с 1897), Страсбурге, Гейдельберге (1901–1906); чл. Союза освобождения с 1903; конституционный демократ с 1905; приват-доцент Московского ун-та (1909–1911), Московского коммерческого ин-та (с 1914), Демидовского юридического лицея, там же профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права (1911–1916); редактор ж. «Критическое обозрение» (1908–1909), «Юридические записки» (1912–1914), «Юридический вестник» (1913–1916); чл. Украинской федеративно-демократической партии, ординарный профессор Киевского ун-та (с 1917); академик Украинской АН (1919) I

Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940) – юрист-цивилист; сын А. Ф. Кистяковского, брат А. А. и Б. А. Кистяковских; приват-доцент Московского ун-та (1903–1911), Московского коммерческого ин-та (1910–1917); гос. секретарь, министр внутренних дел Украинской державы (1918); в эмиграции – в Константинополе (с 1919), Париже (с 1921) I

Клейгельс Николай Васильевич (1850–1916) – генерал от кавалерии (1905); участник Русско-турецкой войны 1877–1878; петербургский градоначальник (1895–1903); киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1903–1905) I; II

Клемансо Жорж (Clemenceau Georges; 1841–1929) – премьер-министр Франции (1906–1909, 1917–1920) II

Клофач Вацлав Ярослав (Klofáč Václav Jaroslav; 1868–1942) – один из основателей Чешской национально-социальной партии (1897), ее председатель (1918–1938); депутат австрийского рейхсрата (1901–1918); зам. председателя Чехословацкого национального комитета (1918); министр национальной обороны (1918–1920); вице-председатель (1920–1938), председатель Сената (1925–1926) I

Клячко Лев Моисеевич (1873–1933) – журналист; сотрудничал в газ. «Биржевые ведомости», «День», «Новая жизнь», «Новости», «Речь» (корреспондент при Гос. думе), «Современное слово», «Утро России»; редактор ж. «Голос фармацевта» (1906); председатель Союза журналистов (1919); владелец изд-ва «Радуга» (1922–1930), выпускавшего детскую литературу; редактор сб. «Еврейская летопись» (1923–1926); мемуарист II

Книжник И. (с 1898 Ветров, Книжник-Ветров Иван Сергеевич,

наст. имя Израиль Самуилович Книжник; 1878–1965) – публицист, историк, библиограф, философ; учился в Киевском ун-те (исключен в 1902, окончил экстерном в 1903); в политэмиграции – в Париже, Лондоне: анархист, чл. редакции газ. «Листки. Хлеб и Воля» (1906–1907); отбывал ссылку в Тобольской губ. (1909–1912); христианский социалист (с 1908), принял православие (1915); чл. Петроградского совета (1917), сотрудник газ. «Правда», чл. президиума ЦК Пролеткульта (1919–1921); директор Ленинградского гос. ин-та книговедения; автор исследований о Парижской коммуне и Первом Интернационале; канд. исторических наук (1945) I

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – ординарный профессор по кафедре гос. права Московского ун-та (1880–1887), Петербургского ун-та (1906–1916); лидер Партии демократических реформ, редактор газ. «Страна» (1906–1907); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл. Гос. совета (1907–1916); профессор (с 1907), зав. кафедрой социологии, декан юридического факультета Психоневрологического ин-та (с 1910); чл. редакции ж. «Вестник Европы» (с 1909); президент Вольного экономического общества (с 1914); чл.-корреспондент (1899), академик Петербургской АН (1914) II

Ковалик Сергей Филиппович (1846–1926) – участник народнического движения; арестован в Самаре (1874) и, заключенный в Петропавловскую крепость (1875), на «процессе 193-х» приговорен к 10 годам каторги (1878): отбывал в Ново-Борисоглебском централе (до 1880), на Каре (с 1882); на поселении – в Якутске (с 1883), Верхоянске и Иркутской губ. (1892–1898); позднее жил в Минске: гл. счетовод, пом. надзирателя акцизных сборов, после революции – председатель губ. земельного комитета, городской голова, тов. председателя гор. думы, зав. пенсионным отделом комиссариата соц. обеспечения, преподаватель Политехнического ин-та, староста Минского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев I

Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) – чл. Рабочего союза Литвы с 1896, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы с 1900; делегат 5-го (Лондонского) съезда РСДРП (1907); присяжный поверенный (с 1908); председатель Выборгской район. думы, чл. ПК РСДРП(б), исполкома Петроградского совета, ЦИК; арестован по делу о гос. измене и шпионаже (6.7.1917); председатель следственной комиссии Петроградского военно-рев. комитета (1917); чл. коллегии Наркомата юстиции РСФСР (1917–1920), его представитель в ВЧК (с 1918); нарком юстиции Литовско-Белорусской республики (1919); председатель Малого

Совнаркома РСФСР (1920–1921); генеральный консул, зам. полпреда РСФСР, СССР в Австрии (1922–1923); гл. юрисконсульт Наркомата путей сообщения СССР (1923–1927) II

Койчу – знакомая В. М. Грабоиса I

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – министр финансов (1896–1902, 1904–1914) и председатель Совета министров (1911–1914); в эмиграции – в Париже (с 1919) II

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – приват-доцент Московского ун-та по кафедре гос. права (1897–1911); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1905–1918); депутат 1-й Гос. думы (1906); редактор газ. «Новь» (1906–1907); преподавал в Московском коммерческом ин-те, Народном ун-те им. А. Л. Шанявского, на Высших женских курсах (1907–1916); председатель Юридического совещания, гос. контролер Временного правительства (1917); заключен в Петропавловскую крепость и, переведенный в Мариинскую тюремную больницу, убит I; II

Колокольников Владимир Васильевич (1871 – ?) – действительный чл., казначей Тобольского губ. музея (1901–1905); лесной ревизор, секретарь правления общества потребителей, председатель правления с.-х. общества в Таре Тобольской губ. (1906–1907); депутат 2-й Гос. думы: чл. народно-социалистической фракции (1907) II

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – командующий Черноморским флотом (1916–1917); военный и морской министр Временного всероссийского правительства, адмирал (1918); Верховный правитель и Верховный главнокомандующий (1918–1920); расстрелян II

Коновалов Иван Андреевич (парт. кличка Николай; 1883–1911) – социалист-революционер с 1902, чл. РСДРП с 1905; учился в Саратовской технической школе для почтово-телеграфных надсмотрщиков; подвергался арестам в Саратове (1902–1904), Уфе (1905); слесарь на Балтийском заводе в Петербурге; чл. ПК РСДРП (1905–1906); сослан в Тобольскую губ. на 3 года (1906); сотрудничал в «Приволжской газете», «Саратовском дневнике»; печатался в ж. «Русское богатство», «Современный мир» (1909–1911); завербован охранкой II

Конский Петр Алексеевич (1870–1942) – историк; преподавал в Александровском лицее, Морском кадетском корпусе (1897–1904), Коммерческом училище В. Ф. Штюрмера; директор Самарского коммерческого училища (1905–1910), Коллегии Павла Галагана в Киеве (1910–1915), Петроградской 11-й гимназии (1915–1918); чл. Учебного бюро при Министерстве народного просвещения, Исторического общества при

Петроградском ун-те; учитель русской словесности б. гимназии К. Мая (с 1918); декан, проректор Гос. ин-та музыкального просвещения (1918–1924) I

Константин I Великий (272–337) – римский император I

Корецкая Роза Давидовна (Розалия-Рейза Менделевна, урожд. Лащовер; 1859 – ?) – участница народовольческих кружков; по обвинению в политической неблагонадежности отбывала вместе с мужем ссылку в Шенкурске (1886–1889); акушерка I

Корецкий Павел (Файвель) Абрамович (1858 – после 1926) – участник народовольческих кружков; окончил Херсонскую гимназию (1880); студент юридического факультета Киевского ун-та, выслан на 2 года в Екатеринослав (1882); арестованный в Одессе, отбывал ссылку в Шенкурске (1886–1889); в эмиграции – в США (1891–1896); сотрудник газ. «Приднепровский край», арестован по обвинению в принадлежности к Екатеринославскому комитету РСДРП (1901); в политэмиграции – в Париже (1903–1905); пом. присяжного поверенного в Екатеринославе (1907–1909); жил в Бердянске (с 1910), Петербурге (с 1912, служил в страховых обществах), Костроме (1918–1921, секретарь редакции ж. «Трудовой путь»); подвергался арестам (1919, 1920); ст. юрисконсульт Северных железных дорог (1922–1924); чл. коллегии защитников в Москве; муж Р. Д. Корецкой I

Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) – приват-доцент (с 1884), экстраординарный (с 1894) и ординарный профессор Петербургского ун-та по кафедре энциклопедии права (1895–1901); преподавал в Александровском лицее (с 1876), Военно-юридической академии (1878–1894); пом. статс-секретаря Гос. совета (1895–1897) I

Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк; комиссар по крестьянским делам в Конском у. Радомской губ. (1887–1891); чиновник для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе (1894–1900); чл. редакции газ. «Восточное обозрение» (1898–1900), редактор газ. «Саратовский дневник» (1901–1902); секретарь ЦК Конституционно-демократической партии (1906–1908, 1915–1917); профессор Политехнического ин-та (1909–1917, 1921–1922); сенатор, чл. Гл. земельного комитета (1917) I; II

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал от инфантерии (1917); верховный главнокомандующий (1917); за выступление против Временного правительства арестован (2.9.1917): содержался в Быхове, откуда бежал (19.11.1917); главнокомандующий Добровольческой армией (с 27.12.1917) I; II

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель

I; II

Косач Лариса Петровна (с 1907 Косач-Квитка; лит. псевдоним Леся Украинка; 1871–1913) – украинская поэтесса, драматург, переводчица I

Косач Ольга Петровна (урожд. Драгоманова; 1849–1930) – мать Л. П. Косач, сестра М. П. Драгоманова; украинская писательница, поэтесса, переводчица; окончила Киевский пансион благородных девиц А. О. Нельговской (1866); сотрудничала в львовском ж. «Зоря» (с 1883); зав. литературным отделом Киевского литературно-артистического товарищества; редактор-издатель ж. «Рідний край» с приложением «Молода Україна» (1906–1914); редактор «Газеты Гадячского земства» (Полтавская губ., 1917–1919); чл.-корреспондент Всеукраинской АН (1925) I

Котельников Артемий Назарович (1859–1910) – журналист; секретарь Астраханского губ. статистического комитета; редактор газ. «Наша жизнь» (1904–1905, совм. с Л. В. Ходским); издатель газ. «Наш день» (1907–1908), ж. «Запросы жизни» (1909–1910, совм. с Р. М. Бланком); редактор-издатель ж. «Жизнь Кавказа» (1910) I; II

Котляревский Михаил Михайлович (1844–1918) – тов. прокурора Киевской судебной палаты; тов. прокурора, прокурор С.-Петербургской судебной палаты; сенатор (1906) I

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – экстраординарный (с 1910), ординарный профессор Московского ун-та по кафедре гос. права (с 1911); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1905); депутат 1-й Гос. думы (1906); тов. обер-прокурора Святейшего синода и министра вероисповеданий Временного правительства (1917); приговорен к расстрелу, замененному условным заключением (1920); профессор 1-го МГУ (1921–1930), Московского промышленного ин-та (1928–1930); пенсионер (с 1931); арестован (17.4.1938), расстрелян (15.4.1939) I; II

Кравчинский Сергей Михайлович (1851–1895) – революционер-народник; писатель, публицист, переводчик I; II

Крамарж Карел (Kramář Karel; 1860–1937) – один из лидеров Младочешской партии в 1890–1918; доктор права; депутат (с 1891), чл. президиума австрийского рейхсрата (с 1897); депутат чешского ландтага (с 1894); организатор Славянских съездов в Праге (1908), Софии (1910), составитель Славянской конституции (1914); арестован (1915), приговорен к смертной казни (1916), замененной 15-летней каторгой (1917); председатель Национального комитета (1918), премьер-министр (1918–1919), депутат Национального собрания Чехословакии (1918–1937);

председатель Национально-демократической партии (1918–1935), партии «Национальное объединение» (1935–1937) I; II

Краснов Андрей Николаевич (1862–1914) – географ, ботаник, почвовед, палеоботаник; окончил физ.-мат. факультет Петербургского ун-та (1885); зав. кафедрой географии, экстраординарный (с 1889), ординарный профессор Харьковского ун-та (1894–1911); основатель и директор Батумского ботанического сада (с 1912) I

Красноперов Иван Маркович (1839–1920) – статистик, этнограф, историк; арестован (1863), приговорен к 8 годам каторжных работ (1864) и, помилованный, освобожден (1867); преподавал в Рославльском ж.-д. техническом училище (1874–1882); зав. статистическим бюро губ. земской управы в Самаре (1883–1893), Твери (1893–1902); секретарь губ. акцизного управления в Вологде (на 1907); мемуарист I; II

Красноперова Ольга Васильевна (1855–1900) – жена И. М. Красноперова (с 1872) I

Кремлев Анатолий Николаевич (1859–1919) – присяжный поверенный (с 1893); режиссер народных театров, актер-любитель, секретарь Всероссийского съезда сценических деятелей; редактор-издатель газ. «Русь» (1897); драматург, критик, поэт, публицист I

Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) – теоретик либерального народничества; журналист; отбывал ссылку в Глазове Вятской губ. (1885–1886), Таре Тобольской губ. (1886–1888) II

Кривошлык Михаил Григорьевич (1864 – после 1918) – пом. редактора (с 1892), редактор «Ведомостей С.-Петербургского градоначальства» (1898–1914) I

Кронаветтер Фердинанд (Кронаветер; Kronawetter Ferdinand; 1838–1913) – лидер Социально-политической партии Австрии с 1897; депутат рейхсрата (1873–1882, 1885–1891, 1892–1901), ландтага Нижней Австрии (1896–1902) I

Крохмаль Виктор Николаевич (1873–1933) – социал-демократ с 1897; агент газ. «Искра» (с 1900); чл. Киевского комитета (1902), ЦК РСДРП (1904–1907), меньшевик с 1903; пом. присяжного поверенного (с 1908), присяжный поверенный (с 1915); тов. председателя Особого совещания по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, чл. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию противозаконных действий представителей царского режима, Следственной комиссии бюро ВЦИК по расследованию июльских событий, Чрезвычайной следственной комиссии по делу ген. Л. Г. Корнилова, чл. ОК и ЦК РСДРП,

президиума Предпарламента (1917); управляющий Петроградской конторой Центросоюза (с 1918), юрисконсульт обл. конторы Всероссийского кооперативного банка (с 1922), Ленинградского управления треста «Совколхозстрой» (1930); подвергался арестам (1920, 1921, 1922, 1925, 1930); пенсионер (с 1930) I; II

Крыжановская Вера Григорьевна (1866–1942) – социал-демократка; дочь генерал-майора, окончила гимназию и женские курсы в Киеве; привлекалась к дознанию за хранение нелегальной литературы (1894); чл. киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; арестованная (12.3.1898), заключена в Лукьяновскую тюрьму, где обвенчалась с П. Л. Тучапским; приговорена к ссылке в Вологодскую губ. на 3 года (22.3.1900); переводчица драм С. Пшибышевского; учительница в Киеве; автор мемуаров «Из моих воспоминаний» (Каторга и ссылка. 1930. № 6. С. 18–49; № 8/9. С. 197–216); перед войной жила в Доме ветеранов революции в Пушкино I

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – правовед; окончил юридический факультет Петербургского ун-та (1885); тов. прокурора окружных судов: Великолуцкого (1891–1893), Рижского (1893–1895), С.-Петербургского (1895–1896); служил в Министерстве внутренних дел: начальник отделения (1896–1899), чиновник для особых поручений (1899–1901), вице-директор хоз. департамента (1901–1904), пом. начальника гл. управления по делам местного хозяйства (1904–1906), тов. министра (1906–1911); сенатор (1907); гос. секретарь (1911–1917); статс-секретарь (1916), чл. Гос. совета (1917); в эмиграции – в Париже (с 1920), редактор альманаха «Русская летопись» (1921–1925); мемуарист I; II

Крыленко Николай Васильевич (парт. кличка Абрам; 1885–1938) – чл. РСДРП с 1904, большевик; окончил историко-филологический факультет Московского ун-та (1909), юридический факультет Харьковского ун-та экстерном (1914); верховный главнокомандующий (1917–1918); чл. коллегии Наркомата юстиции и обвинительной коллегии при Ревтрибунале, Верх. трибунале при ВЦИК (1918–1922); зам. наркома юстиции и ст. помощник прокурора (1922–1928), прокурор Республики (1928–1931); нарком юстиции РСФСР (с 1931), СССР (с 1936); арестован (1.2.1938), расстрелян (29.7.1938) II

Крылов Петр Петрович (1859 – после 1930) – уездный врач Самарского у. (1892); зав. Бактериологическим ин-том Самарского губ. земства (с 1896); врач отряда Красного Креста в Никольске-Уссурийском, Хабаровске (1904–1905); сотрудничал в

ж. «Врач», «Вестник общественной гигиены», «Русское богатство», «Вестник Европы», газ. «Русские ведомости», «Самарский курьер», «Самарская газета»; конституционный демократ, депутат 1-й Гос. думы (1906); во время Первой мировой войны служил в эвакуационном госпитале; директор Самарского НИИ микробиологии (до 1930) I; II

Кувшинская Елена Александровна (урожд. Домонтович; 1868–1928) – учительница Смоленских вечерних технических классов; находилась под особым надзором полиции (с 9.4.1905); в политэмиграции – в Лондоне и Париже; автор кн. по истории рабочего движения в Англии; участница 1-го Всероссийского женского съезда (10–16.12.1908), 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин (26.12.1912–4.1.1913); арестованная по обвинению в принадлежности к Петербургской организации РСДРП (18.2.1914), подчинена гласному надзору на 3 года в своем имении в д. Грязна Городнянского у. Черниговской губ. (с 18.4.1914), затем в Вятке (с авг. 1914); работала в Пермском ун-те (с 1918); учительница ж.-д. школы в Гомеле (1924–1928) I

Кугель Иона Рафаилович (1873–1942) – журналист; редактор газ. «Киевская мысль» (с 1906); редактор-издатель газ. «День» (1912–1918); зав. вечерним выпуском «Красной газеты», сотрудник ж. «Звезда» II

Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – ординарный (с 1895) и заслуженный профессор Александровской военно-юридической академии по кафедре военно-уголовного права (с 1905); генерал-майор (1901); председатель военно-судной комиссии на Дальнем Востоке (1904); чл. центр. бюро Партии демократических реформ (1905–1906); депутат Гос. думы 1–2-го созывов (1906–1907); присяжный поверенный (с 1909); приват-доцент Петербургского ун-та (1908–1915); профессор Высших женских курсов Н. П. Раева (1909–1913); сенатор (1917); чл. Политического совещания при ген. Н. Н. Юдениче (1919); в эмиграции – в Париже (с 1919) II

Кук Джеймс (Cook James; 1728–1779) – английский мореплаватель, картограф I

Куклин Александр Сергеевич (1876–1936) – чл. РСДРП с 1903, большевик; рабочий-металлист; председатель Выборгского райисполкома и зам. председателя Петроградского совета (1918–1919); председатель правления Петроградского губ. союза потребительских обществ (1920–1921), Совета коммунального хозяйства (1921–1922); чл. ЦК (1924–1926), секретарь Ленинградского губкома РКП(б) (1925); участник левой оппозиции (1926–1928); зам. председателя правления «Хлебоцентра» (с 1929), объединения «Союзхлеб» (с 1930);

арестован (14.12.1934), расстрелян (25.8.1936) II

Кулешова Анна (Кулишева, Kuliscioff Anna, наст. имя Анна Моисеевна Розенштейн; 1854–1925) – участница народнических кружков 1873–1877; изучала медицину в Берне (с 1882), Неаполе (с 1884), специализировалась по гинекологии в Турине и Падуе, практиковала в Милане (до 1891); жена народника П. М. Макаревича (с 1873), во втором браке – организатора Итальянской федерации 1-го Интернационала анархиста А. Косты (с 1877), в третьем – социалиста Ф. Турати (с 1885), с которым основала Миланский соц. союз (1885) и редактировала ж. «Critica Sociale» (с 1891); чл. Соц. партии итальянских трудящихся с 1892, Итальянской соц. партии с 1895, Унитарной соц. партии с 1921 I

Кулишер Александр Михайлович (Моисеевич; 1890–1942) – демограф, социолог, публицист; приват-доцент Петроградского ун-та по кафедре гос. права (до 1919); пом. присяжного поверенного (1915–1916); конституционный демократ; в эмиграции – в Берлине (с 1921), Париже (с 1923): сотрудник газ. «Последние новости», лектор русского отделения юридического факультета Сорбонны (1923–1938), Франко-Русского ин-та (1926–1934); погиб в концлагере Дранси II

Кульженко Василий Стефанович (1865–1934) – владелец фотолитотипографии в Киеве; преподавал историю и технику книгопечатания в Художественно-ремесленной учеб. мастерской печатного дела Министерства промышленности и торговли (с 1903); издатель ж. «Искусство и печатное дело» (1909–1910), «Искусство: Живопись. Графика. Художественная печать» (1911–1912), «Искусство в Южной России» (1913–1914); профессор истории, эстетики и техники книгопечатания в Киевской художественной школе (с 1924), на полиграфическом факультете Киевского художественного ин-та (с 1928); сотрудник Украинского науч. ин-та книговедения (1924–1928) I

Кульженко Наталья Николаевна – жена издателя В. С. Кульженко (до 1912); чл. политического Красного Креста; актриса I

Кульженко Стефан Васильевич (1837–1906) – отец В. С. Кульженко; владелец типографии (с 1880), фототипии (с 1886), стереотипии, гальвано-пластиковой мастерской, словолитен в Киеве; соучредитель Художественно-ремесленной учеб. мастерской печатного дела Министерства промышленности и торговли (1903) I

Кун Бела (Kun Bela; 1886–1938) – чл. Социал-демократической партии Венгрии с 1902, РСДРП(б) с 1916; нарком по иностранным делам Венгерской советской республики (1919); секретарь (1921), канд. в чл. (1924–1928), чл. Исполкома

Коминтерна (1928–1936) и ЦК Венгерской компартии (1925–1936); арестован (28.6.1937), расстрелян (29.8.1938) II

Купер Джеймс Фенимор (Cooper James Fenimore; 1789–1851) – американский писатель I

Куперник Лев Абрамович (1845–1905) – присяжный поверенный в Киеве (с 1877), Одессе (с 1891), Киеве (с 1896); журналист, редактор-издатель газ. «Заря» (1885–1886); сотрудничал в газ. «Киевские отклики» (1903–1905) I

Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, в первом браке с 1885 Ювеналиева, в фиктивном с 1894 Кускова; 1869–1958) – публицист; участница народнических кружков с 1891, чл. Союза русских социал-демократов в 1897–1898, Союза освобождения с 1903; издатель и соредактор ж. «Без заглавия» (1906); сотрудничала в газ. «Русские ведомости» (с 1908), ж. «Современник» (с 1912); редактор газ. «Власть народа» (1917–1918); чл. Всероссийского комитета помощи голодающим (1921); выслана с мужем, С. Н. Прокоповичем, за границу; в эмиграции – в Берлине (с 1922), Праге (с 1924), Женеве (1939–1958) I; II

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – директор Департамента окладных сборов Министерства финансов (1899–1904); тов. министра внутренних дел (1904–1905), финансов (1905); главноуправляющий землеустройством и земледелием, чл. Гос. совета (1905–1906); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1907–1917); депутат 2-й (1907), 3-й Гос. думы (1909–1912); председатель совета Съездов представителей промышленности и торговли (1917); подвергался арестам, заключению (6.9.1918–25.5.1919); зав. сметным отделом Народного банка РСФСР (с 1919), зав. эмиссионным отделом, чл. правления Госбанка РСФСР, СССР (1921–1924) II

Лавров Петр Лаврович (1823–1901) – теоретик революционного народничества I

Лаврский Валериан Викторович (1835–1918) – протоиерей (1876); преподавал в духовных семинариях: Самарской (с 1858), Нижегородской (с 1860); священник в Н. Новгороде (1862–1865), Варшаве (1866–1873); законоучитель 1-й Варшавской гимназии (с 1873); ректор Самарской духовной семинарии и редактор газ. «Епархиальные новости» (1876–1885), кафедральный протоиерей (с 1885) I; II

Лагардель Юбер (Лягарделль; Lagardelle Hubert; 1874–1958) – французский синдикалист; редактор ж. «La Jeunesse socialiste» («Социалистическая молодежь») в Тулузе (1895); чл. Французской рабочей партии (Parti Ouvrier Français, с 1896); редактор ж. «Le Mouvement socialiste» («Социалистическое движение», 1899–1914);

муж З. В. Гогунцовой (с 1899); один из лидеров Всероссийской конфедерации трудящихся; перешел на позиции национал-синдикализма, сотрудничал с фашистской организацией Ж. Валуа «Faisceaux» (1925–1928); советник Б. Муссолини; министр труда в коллаборационистском правительстве режима Виши (1942–1943); редактор газ. «La France socialiste» («Социалистическая Франция», с 1943); приговорен к пожизненному заключению (1946), освобожден по возрасту (1949) I

Лаговский Алексей Ефимович (1833 – после 1903) – дипломат; служил в Азиатском департаменте МИД (с 1852), на консульских постах в Персии, Греции и Турции; генеральный консул в Константинополе (до 1903); нумизмат I

Лазаревский Николай Иванович (1868–1921) – соредактор газ. «Право» (с 1898); приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре гос. и полицейского права (с 1905); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов (1906–1916); конституционный демократ; юрисконсульт Министерства финансов (с 1914); и. о. тов. министра финансов Временного правительства, чл. Юридического совещания, сенатор (1917); профессор, пом. ректора (с 1918), секретарь факультета общественных наук (с 1919), проректор Петроградского ун-та (1921); профессор Ин-та народного хозяйства, сотрудник Ин-та эконом. исследований при Наркомате финансов; расстрелян по делу «Петроградской боевой организации» (26.8.1921) I; II

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедрам русской (с 1890), всеобщей истории (с 1907); конституционный демократ с 1906; экстраординарный (1902), ординарный академик (1905), председатель Постоянной исторической комиссии и зав. Нумизматическим кабинетом Петербургской АН (с 1916); председатель Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916–1917); председатель Союза российских архивных деятелей (1917–1919); профессор Петроградского ун-та (1918–1919) II

Лассаль Фердинанд (Lassalle Ferdinand; 1825–1864) – немецкий философ, экономист, публицист; президент Всеобщего германского рабочего союза (с 1863) I; II

Лафон Луи-Эрнест (Lafont Louis-Ernest; 1879–1946) – французский социалист; адвокат Парижского апелляционного суда; мэр Фирмини (деп. Луара; 1912–1919); чл. палаты депутатов от департаментов Луара (1914–1928), Верхние Альпы (1928–1936); чл. Французской компартии в 1920–1923 (исключен), Союза социалистов-коммунистов в 1923–1927, Французской секции Рабочего Интернационала до 1933 (исключен), Соц.

партии Франции – Союза Жана Жореса в 1933–1935, Соц. республиканского союза в 1935–1940; министр здравоохранения (1935–1936); второй муж З. В. Гогунцовой I

Левинсон-Лессинг Варвара Ипполитовна (урожд. Тарновская; 1865 – не ранее 1941) – жена Ф. Ю. Левинсона-Лессинга (с 1892) II

Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (Федор Юрьевич; 1861–1939) – геолог, петрограф; ординарный профессор Дерптского (Юрьевского) ун-та (1898–1902); зав. кафедрой Политехнического ин-та (1902–1930), Высших женских курсов (1902–1920), Петроградского ун-та (с 1920); чл.-корреспондент Петербургской АН (1914), академик (с 1925), руководитель Закавказской комиссии (1926–1932), Азербайджанского и Армянского филиалов АН СССР (1934–1937); директор институтов: Почвенного (1927–1929), Петрографического (1930–1937), НИИ земной коры при ЛГУ (1936–1939) II

Левский Васил (наст. имя Васил Иванов Кунчев; 1837–1873) – участник нац.-освободительного движения в Болгарии; иеродиакон (1859); воевал в составе Первого (1862), Второго (1867–1868) легионов; один из организаторов Болгарского революционного центр. комитета (1869), объявившего себя Временным правительством, и его представитель в Болгарии (с 1872); арестованный турецкой полицией, казнен I

Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – историк; зав. историческим отделом изд-ва М. В. Пирожкова (с 1904), управляющий типографией и кн. складом М. М. Стасюлевича (с 1906); управляющий Экспедицией заготовления гос. бумаг (1917–1918); чл. редколлегии Госиздата (с 1919); редактор ж. «Книга и революция» (1920–1921); чл. РКП(б) с 1922; председатель правления треста «Петропечать» (с 1922) II

Ленин Владимир Ильич (наст. фамилия Ульянов; 1870–1924) – революционный деятель, публицист; чл. ЦК РСДРП (с 1903), РСДРП(б) (с 1912), РКП(б) (с 1918) и Политбюро ЦК (с 1919); председатель Совета народных комиссаров (с 1917) и Совета рабоче-крестьянской обороны (с 1918), Совета труда и обороны РСФСР (с 1920) I; II

Ленотр Жорж (Lenotre Georges, наст. имя Луи Леон Теодор Госселен, Louis-Leon-Theodore Gosselin; 1855–1935) – французский писатель и историк; чл. Французской академии (1932) II

Леонтьевский Петр Михайлович (1853–1917) – врач; окончил С.-Петербургскую медико-хирургическую академию (1879); земский врач Вельского у. Архангельской губ. (1880–1917), зав. земской больницей I

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт I; II

Лесков Николай Семенович (1831–1895) – писатель II

Леся Украинка – см.: Косач Л. П.

Либкнехт Вильгельм (Liebknecht Wilhelm; 1826–1900) – чл. Всеобщего германского рабочего союза с 1863, Саксонской народной партии с 1866, Социал-демократической рабочей партии Германии с 1869, Социалистической рабочей партии Германии с 1875, Социал-демократической партии Германии с 1890; гл. редактор газ. «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический еженедельник», с 1868), «Volksstaat» («Народное государство», 1869–1875), «Vorwärts» («Вперед», 1875–1878, с 1891); депутат северогерманского (1867–1870), имперского рейхстага (с 1874, с перерывами), саксонского ландтага (1879–1892); лексикограф, сост. словаря иностранных слов (1874) I

Лифшиц Яков Борисович (Лившиц; 1881–1942) – журналист; служил в статистическом отделе Гл. управления неокладных сборов (с 1904); секретарь Общества думских журналистов (с 1910); печатался в газ. «День», «Речь», «Русское слово», «Слово», «Современное слово», «Новый восход», «Наш век», «Русские ведомости» и др.; отв. редактор изд-ва «Петроград» (1921–1927) II

Личков Леонид Семенович (1855–1943) – статистик; зав. Рязанским губ. земским статистическим бюро (1880–1882); секретарь Саратовской губ. земской управы (1883–1886); временно причисленный к Министерству гос. имуществ, исследовал землепользование и хоз. быт населения Иркутской и Енисейской губ. (1887–1891); начальник отделения по крестьянским делам канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора (с 1892); служащий Киевского отделения Крестьянского поземельного банка (1898–1916); тов. председателя Киевского общества грамотности; библиотекарь (1915–1918), директор Киевской публичной библиотеки (1919–1920); зав. Киевским гор. статистическим бюро (1920–1930) I

Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd George David; 1863–1945) – премьер-министр Великобритании (1916–1922) II

Лозина-Лозинская Наталья Константиновна (правильно Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская, урожд. Станюкович; 1868–1903) – жена М. А. Любич-Ярмоловича-Лозина-Лозинского (с 1892); певица II

Лозина-Лозинская Ольга Александровна (правильно Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская, урожд. Шмакова) – жена М. А. Любич-Ярмоловича-Лозина-Лозинского во втором браке II

Лозина-Лозинский Михаил Александрович (правильно Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский; 1865–1921) – юрист; пайщик ж. «Северный вестник» (1890–1891); служил в Правительствующем сенате (с 1885), Министерстве внутренних дел (1900–1907): и. о. вице-директора департаментов духовных дел иностранных исповеданий и хозяйственного, управляющий отделом земского хозяйства Гл. управления по делам местного хозяйства; губернатор тифлисской (1907–1911), пермской (1914–1917) губерний I; II

Лозинский Самуил Горациевич (1874–1945) – историк; сотрудник изд-ва Брокгауза – Ефрона (1906–1917); приват-доцент Петроградского ун-та (1917); ректор Еврейского ун-та (1919), Ин-та высших еврейских знаний (1920–1926); редактор сб. «Еврейская летопись» (1923–1926), тов. председателя Еврейского ист.-этн. общества (1923–1931); профессор Белорусского гос. ун-та (1921–1922), Ин-та внешкольного образования (1921–1926), Северо-Кавказского гос. ун-та (1926–1929), Ленинградского культурно-просветительного ин-та им. Н. К. Крупской (1930–1932), ЛИФЛИ (1933–1936), ЛГУ (1936–1938), Педагогического ин-та в Кирове (1941–1944) I

Лопатин Всеволод Александрович (1848–1919) – участник народнических кружков 1870-х; студент медицинского факультета Московского ун-та (1866–1869), выслан в Ставропольскую губ. (освобожден от надзора в 1871); арестованный в Москве (1874), обвинялся в содействии побегу Ф. В. Волховского из тюрьмы; подсудимый на «процессе 193-х» (1877–1878); отбывал ссылку в Вятке: бухгалтер уездной земской управы; пом. контролера Тамбово-Саратовской железной дороги; секретарь, бухгалтер канцелярии Саратовско-Астраханского акцизного управления (1888–1895); мл. ревизор Киевского губ. акцизного управления (с 1896); привлекался к дознанию по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1898), прекращенному по недостаточности улик (1900); позднее – в Вильно I

Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – народоволец;

чл. Генерального совета 1-го Интернационала (1870), переводчик «Капитала» К. Маркса; арестованный в Иркутске (1871), бежал; чл. Распорядительной комиссии «Народной воли» (1884); на «процессе 21-го» приговорен к смертной казни (1887), замененной пожизненной каторгой, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости (до 1905); позднее жил в Вильно, за границей (с 1908) и в Петербурге (с 1913); брат В. А. Лопатина I; II

Лопатина Нина Всеволодовна (1875–1908) – падчерица В. А. Лопатина; окончила гимназию в Саратове, училась в Женеве и Цюрихе (с 1896): студентка политехникума; привлекалась к дознанию по делу киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1898), прекращенному по недостаточности улик (1900) I

Лудмер Яков Иванович (1857 – после 1917) – статистик; высланный в Одессу (1877), оттуда в Пинегу, переведен в Архангельск (1883): секретарь губ. статистического комитета, зав. публичной библиотекой, мировой судья; секретарь Курляндского губ. статистического комитета (1886–1907), редактор неофициальной части газ. «Курляндские губернские ведомости», сост. справочно-адресного издания «Вся Курляндская губерния» (с 1901); сотрудничал в газ. «Русские ведомости», ж. «Юридический вестник», «Осколки», «Будильник», «Стрекоза»; генеалог I

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – социал-демократ с 1895, большевик с 1903; нарком просвещения РСФСР (1917–1929); председатель Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР (1929–1933); академик АН СССР (1930) I; II

Луначарский Василий Федорович – отчим А. В. Луначарского; чл. окружного суда в Полтаве (с 1871); действительный статский советник (1876); владелец имения в д. Супруновке Полтавской губ.; возведен в потомственное дворянство (1899) I

Лункевич Валериан Викторович (1866–1941) – популяризатор естествознания; преподавал в реальном, с.-х. училищах в Тифлисе; социалист-революционер; в политэмиграции (1906–1917) – в Женеве, Риме, Париже; чл. Учредительного собрания, редакции газ. «Дело народа», ЦК ПСР (1917) и его Южного бюро (1918–1919); преподавал в Крымском ун-те (с 1923); профессор, зав. кафедрой общей биологии Крымского гос. педагогического ин-та (с 1925), дарвинизма Московского обл. педагогического ин-та (1933–1940) II

Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918) – ординарный (с 1888) и заслуженный профессор Киевского ун-та по кафедре

всеобщей истории (1899–1909); соучредитель (1872), почетный чл. Исторического общества Нестора-летописца (1894); профессор Высших женских курсов в Киеве (1879–1889, 1904–1905); издатель, соредактор газ. «Киевские отклики» (с 1904), «Свобода и право» (1906); чл. Союза освобождения с 1903, ЦК Конституционно-демократической партии и председатель ее Киевского губ., обл. комитета (с 1906); чл. Союза автономистов-федералистов в 1905; депутат 3-й Гос. думы (1907–1912); чл.-корреспондент Петербургской АН (1908); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, Высших курсов П. Ф. Лесгафта (1909–1917), приват-доцент Петроградского ун-та (1914–1917); чл. Украинской федеративно-демократической партии (с 1917); профессор Киевского ун-та (1918) I; II

Львов Владимир Николаевич (Львов 2-й; 1872–1930) – чл. «Союза 17 октября» с 1905; землевладелец; депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); чл. Временного комитета Гос. думы, обер-прокурор Святейшего синода (1917); за поддержку ген. Л. Г. Корнилова заключен в Петропавловскую крепость; эмигрировал через Японию во Францию (1920); примкнув к «сменовеховцам», вернулся в Россию: управделами обновленческого Высшего церковного управления (1922), Синода (1923); арестованный по делу кооперативного изд-ва «Искра» (2.2.1927), сослан на 3 года в Томск: преподавал на курсах иностранных языков; вновь арестованный (21.2.1930), скончался в тюремной больнице (20.9.1930) II

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь – министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства (1917); в эмиграции – в Париже II

Львов Иван Николаевич (1857–1925) – генерал-майор (1905), генерал-лейтенант (1911); комендант Двинской крепости (1906–1917) II

Львович Григорий Федорович (? – 1911) – переводчик, издатель I

Люблинский Павел Исаакович (Исаевич; 1882–1938) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре уголовного права и судопроизводства (с 1908); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов (1910–1916); соредактор ж. «Вопросы обществоведения» (1908–1911, совм. с М. И. Туган-Барановским); сенатор (1917); профессор ЛГУ (1924–1930); зав. кафедрой Ленинградского юридического ин-та II

Людсканов Александр Кочов (1854–1922) – болгарский политический деятель; учился на юридическом факультете Новороссийского ун-та (1876–1877); служил в дипломатическом представительстве в Константинополе, МИД; окончил Парижский

ун-т (1884); арестованный в Болгарии как русофил (1886), в эмиграции (до 1894) – в Константинополе, Вене, Петербурге; зам. председателя Прогрессивно-либеральной партии; министр торговли и сельского хозяйства (1901), внутренних дел (1902–1903, 1911–1912, 1912–1913), здравоохранения (1912–1913), сельского хозяйства и гос. имущества (1913); чл. Англо-болгарского арбитражного суда (1921) I

Люксембург Роза (Luxemburg Rosa; 1871–1919) – чл. польской Социально-революционной партии «Пролетариат»; в политэмиграции – в Швейцарии (с 1889): доктор гос. права; участвовала в создании Социал-демократии Королевства Польского (1893); после переезда в Германию (1898) – одна из лидеров левого крыла СДПГ, группы «Интернационал» (1914), «Союза Спартака», КПГ (1918); убита (15.1.1919) I

Лягардель Ю. – см.: Лагардель Ю.

Ляпчев Андрей Тасев (1866–1933) – депутат болгарского Народного собрания (с 1908); министр торговли и земледелия (1908–1910), финансов (1910–1911, 1918), военный (1918–1919); отбывал заключение (1922–1923); один из лидеров умеренного крыла партии Демократический сговор (с 1923); премьер-министр Болгарии (1926–1928, 1928–1930, 1930–1931) I

Маджаров Рашко (1874–1943) – болгарский политический деятель; племянник Л. и П. Каравеловых; изучал юриспруденцию в Петербурге, Париже, Лионе; адвокат в Софии (с 1905); муниципальный советник (1908–1911), депутат Народного собрания (1908–1930); министр сельского хозяйства (1918), юстиции (1924), железных дорог, почт и телеграфа (1924–1925, 1928–1930); председатель парламентской фракции партии Демократический сговор (1923–1931) I

Мадлэн Луи (Мадлен; Madelin Louis; 1871–1956) – французский историк; чл. Французской академии (1927) II

Мазараки Вениамин Викторович (Мазаракий; 1855–1904) – присяжный поверенный (с 1882) I

Макаров Степан Осипович (1848–1904) – вице-адмирал (1896); командующий Тихоокеанской эскадрой (с 1904) I

Макдональд Джеймс Рамсей (MacDonald James Ramsey; 1866–1937) – чл. британской Соц.-демократической федерации с 1885, Независимой рабочей партии с 1894 и ее председатель (1906–1909); секретарь Комитета рабочего представительства (1900–1906), Лейбористской партии (с 1906) и председатель ее парламентской фракции (1911–1914), лидер (1922–1931); премьер-министр Великобритании (1924, 1929–1935) I

Македонский – болгарский адвокат I

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – присяжный поверенный (1901–1917); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); депутат Гос. думы 2–4-го созывов (1907–1917); чл. Юридического совещания при Временном правительстве, Предпарламента (1917); посол Временного правительства (1917–1924), председатель Русского эмигрантского комитета во Франции (1924–1942) I; II

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – черниговский губернатор (1909–1912); министр внутренних дел (1912–1915); чл. Гос. совета (1915–1917); брат В. А. Маклакова; арестован, заключен в Петропавловскую крепость и, переведенный в Москву, расстрелян II

Максимович Павел Павлович (1816–1892) – чл. Тверской губ. земской управы (1866–1877); основатель школы для подготовки народных учительниц (1870), названной Тверской женской учительской школой губ. земства им. П. П. Максимовича (1882) I

Малинов Александр Павлов (1867–1938) – болгарский политический деятель; окончил юридический факультет Киевского ун-та (1891); судья, прокурор в Пловдиве, Софии; адвокат; чл. Демократической партии с 1896 и ее председатель (с 1903); депутат (1901, 1908–1934), председатель Народного собрания (1931–1934); премьер-министр Болгарии (1908–1911, 1918, 1931) и министр иностранных дел (1910–1911, 1918, 1931) I

Малых Мария Андреевна (1879–1967) – владелица «Издательства Марии Малых» (с 1901, выпускала также книги под маркой «Издательство Молот») и типографии (с 1906); в политэмиграции – в Швейцарии (1909–1914): издатель ж. «Авангард» (1911–1913); зав. изд-вом Союза городов в Пскове (1916), Временного комитета Гос. думы (1917); зав. лит.-изд. отделом Союза рабочих производственно-трудовых и промысловых кооперативов (1919); работала в ленинградских изд-вах; пенсионер (с 1928) II

Маляревский Иван Васильевич (1846–1915) – детский врач-психиатр; служил в исправительной колонии для малолетних преступников; основатель частного врачебно-воспитательного заведения в Петербурге (1882), детской колонии в д. Сумское Новоладожского у. (1885); писатель I

Манассеин Вячеслав Авксентьевич (Манасеин; 1841–1901) – врач-клиницист; ординарный профессор, зав. кафедрой частной патологии и терапии Медико-хирургической академии (1876–1891); основатель и редактор еженедельника «Врач» (1880–1901) I

Марат Жан-Поль (Marat Jean-Paul; 1743–1793) – деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев I; II

Марголин Арнольд Давидович (1877–1956) – присяжный

поверенный (исключен из сословия в 1913, восстановлен в 1917); чл. Еврейской территориалистской организации в 1906–1913, ТНСП в 1917 и ее ЦК, Украинской партии социалистов-федералистов с 1918; чл. Верховного суда (1917–1918), тов. министра иностранных дел (1918–1919), делегат на Парижской мирной конференции и дипломатический представитель Украинской народной республики в Лондоне (1919–1920); в эмиграции – в США (с 1922): профессор Украинского технического ун-та в Нью-Йорке; мемуарист I; II

Маргулиес Мануил Сергеевич (Эммануил Сигизмундович; 1869–1939) – присяжный поверенный (с 1904); конституционный демократ с 1905; чл. Партии демократических реформ с 1906, редактор-издатель газ. «Радикал» (1906); гласный, тов. председателя С.-Петербургской гор. думы (1910–1916); тов. председателя (с 1915), председатель Центр. военно-промышленного комитета (1917–1918); чл. Предпарламента (1917); министр торговли, промышленности, снабжения и народного здравия в Сев.-Западном правительстве ген. Н. Н. Юденича (1919); в эмиграции – в Париже II

Мардарьев Николай Георгиевич (1863 – после 1916) – отдельный цензор по внутренней цензуре в Киеве (1903), Ростове-на-Дону (1903–1905) I

Марков Дмитрий Андреевич (1864–1938) – деятель галицко-русского движения; униатский священник (1894–1895); депутат австрийского рейхсрата от Русской народной партии (с 1907), Галицкого краевого сейма (с 1913); сторонник присоединения Карпатской и Галицкой Руси к России, чл. Карпато-русского освободительного комитета; приговорен к смертной казни (1914), замененной пожизненным заключением (1915–1918); чл. Народного совета русского Прикарпатья (с 1918), Карпато-русского комитета в Париже (1919); позднее – в Чехословакии I

Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й; 1866–1945) – депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); председатель Гл. совета Союза русского народа (1910–1917); в эмиграции – в Германии: председатель Высшего монархического совета (1921–1927) II

Маркс Карл (Marx Karl; 1818–1883) – немецкий экономист, социолог и философ I; II

Мартьянов Петр Алексеевич (1835–1865) – купец 1-й гильдии; разорившись, служил в пароходном обществе «Кавказ и Меркурий»; после увольнения жил в Лондоне (с 1861), где напечатал в «Колоколе» письмо к Александру II с требованием созыва Земской думы; автор кн. «Народ и государство» (1862), сторонник «народной монархии»; приговорен к ссылке в

каторжные работы на 5 лет (1863); умер в тюремной больнице II

Масарик Алиса (Masaryková, Masaryk Garrigue Alice; 1879–1966) – дочь Т. Г. Масарика; преподаватель Чикагского ун-та, школ в Ческе-Будеевице (1907–1910); организатор социологического факультета Пражского ун-та (1911); арестованная (1915), провела 8 мес. в тюремном заключении; основатель Высшей школы социальной работы в Праге (1918); руководитель Чехословацкого общества Красного Креста (1919–1938); в эмиграции – в США (1938–1945, с 1950) I

Масарик Гарриг Шарлотта (урожд. Гарриг, Masaryk Garrigue Charlotta; 1850–1923) – мать А. Масарик и жена Т. Масарика (с 1878); чл. Чехославянской социал-демократической рабочей партии с 1905 I

Масарик Томаш Гарриг (Masaryk Tomáš Garrigue; 1850–1937) – экстраординарный (1882) и ординарный профессор философии Пражского ун-та (с 1896); депутат австрийского рейхсрата (1891–1893, 1907–1914); основатель Чешской народной партии (1900); председатель Чехословацкого национального совета (с 1915), временного правительства (1918); президент Чехословацкой республики (1918–1935); муж Г. Ш. Масарик, отец А. Масарик I; II

Махно Нестор Иванович (1889–1934) – анархист с 1906; отбывал каторгу в Бутырской тюрьме (1909–1917); командующий повстанческой армией на Украине (1918–1921); в эмиграции – в Румынии (с 1921), Польше (с 1922), во Франции (с 1924) II

Машицкий Александр Александрович (1865–1939) – народоволец с 1884, марксист с 1892, чл. РСДРП с 1898, меньшевик с 1904, большевик с 1914; отбывал ссылки в Архангельской губ. (1887–1892, 1894–1897); чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Екатеринославского комитета РСДРП и редакции газ. «Южный рабочий»; арестован (1900) и, приговоренный к ссылке в Вост. Сибирь, бежал; наборщик типографии газ. «Искра», организатор лаборатории по изготовлению бомб в Женеве (1903–1905); автор повести «В огне» (1904); вел рев. работу на Украине; в политэмиграции (1906–1917) – в Англии, Бельгии, Италии, во Франции; служил в Наркомате по иностранным делам РСФСР: ст. секретарь коллегии, управделами, зав. отделом виз и паспортов, зам. уполномоченного в Белоруссии и Литве, уполномоченный на Украине, зав. шифровальным и секретным отделами (1918–1919); чл. коллегии Отдела внешних сношений Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (1919–1920); зав. адм.-орг. частью, секретарь парторганизации, председатель месткома НКИД (1921–1924); зав. консульской частью полпредств СССР в Греции (с 1924), Финляндии (с 1925), Литве (1929), генеральный консул в

Эстонии (с 1929); пенсионер (с 1932) I

Машицкий Александр Казимирович (1840 – после 1904) – отец А. А. Машицкого; канцелярский служитель Бессарабского обл. уголовного суда; получив звание учителя городского, приходского и начального училища (1880), служил в Кишиневской гимназии; полицейский надзиратель Бельца (с 1886), пристав посада Турлаки Аккерманского у. (с 1887), 2-го стана Бендерского у. Бессарабской губ. (с 1889), пом. пристава Кишинева (1891–1903) I

Маштаков Петр Лазаревич (1872–1942) – филолог; преподавал в гимназиях и институтах благородных девиц (в Смольном в 1899–1905); автор учеб. пособий; ученый корректор Петербургской АН (1912–1915); библиотекарь Горного ин-та (1919–1932) II

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – историк; конституционный демократ с 1906, народный социалист с 1907; председатель правления издательского товарищества «Задруга» (1911–1922); редактор-издатель ж. «Голос минувшего» (1913–1923); тов. председателя ЦК ТНСП, редактор газ. «Народное слово» и ж. «Народный социалист» (1917); по делу «Тактического центра» приговорен к смертной казни (1920), замененной 10 годами заключения, и досрочно освобожден (1921); высланный за границу, в эмиграции – в Берлине (1922–1925), Праге (1925), Париже (с 1926); издавал сб. «На чужой стороне» (1923–1925), ж. «Голос минувшего на чужой стороне» (1926–1928); соредактор ж. «Борьба за Россию» (1926–1931); редактор ж. «Возрождение» (1949–1954), «Российский демократ» (1946–1956) I; II

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель I; II

Мержинский Сергей Константинович (1870–1901) – пом. контролера Либаво-Роменской железной дороги; чл. киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», РСДРП; умер в Минске I

Меринг Франц (Mehring Franz Erdmann; 1846–1919) – немецкий журналист, историк; сотрудник (с 1884), гл. редактор берлинской «Volkszeitung» («Народной газеты», с 1889); чл. СДПГ с 1891; печатался в ж. «Die Neue Zeit» («Новое время», 1891–1913); гл. редактор «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигской народной газеты», 1902–1907); соиздатель газ. «Die Internationale» («Интернационал», 1915); один из лидеров «Союза Спартака» (1916–1917); участник создания Компартии Германии (1918) I

Мигулин Петр Петрович (1870–1948) – доктор финансового права (1901); ординарный профессор Харьковского ун-та (с 1902); входил в «Союз 17 октября»; чл. совета главноуправляющего

землеустройством и земледелием (с 1907), министра финансов (с 1914); ординарный профессор Петербургского ун-та по кафедре фин. права (1911–1917); редактор-издатель ж. «Новый экономист» (1913–1917); в эмиграции – во Франции (с 1920) II

Миклашевский Степан Николаевич (1861 – после 1917) – журналист; отставной поручик, корреспондент газ. «Русские ведомости» в Персии (1889), путешествовал по Турции, Болгарии, Румынии, Китаю; инспектор Русского страхового общества; социалист-революционер; арестованный в Перми (14.12.1905), освобожден под залог (26.7.1906); зав. продовольственным отделением экономического отдела Всероссийского земского союза (на 1916) I; II

Миклашевский-Неведомский – см.: Неведомский М. П.

Милан I Обренович (1854–1901) – князь (с 1868), король Сербии (1882–1889); отрекся от престола в пользу 13-летнего сына Александра; поселившись в Париже, отказался от сербского подданства (1892), продолжая вмешиваться в дела страны; главнокомандующий сербской армией (1898–1899); жил в Вене I

Миллер – врач-сурдолог (нач. 1900-х) I

Миллер Орест Федорович (1833–1889) – историк литературы, фольклорист; ординарный профессор по кафедре русского языка и словесности Петербургского ун-та (1871–1887) I; II

Мильеран Александр (Millerand Alexandre; 1859–1943) – французский политический деятель; министр торговли и промышленности, почт и телеграфов (1899–1902), общественных работ, почт и телеграфов (1909–1910), военный (1912–1913, 1914–1915); верховный комиссар в Эльзас-Лотарингии (1919–1920); председатель совета министров и министр иностранных дел (1920), президент (1920–1924); сенатор (1925–1940) I

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – один из основателей Конституционно-демократической партии и чл. (с 1905), председатель ее ЦК (с 1915); приват-доцент Московского ун-та по кафедре русской истории (1886–1895); зав. кафедрой всеобщей истории Высшего училища в Софии (1897–1898); подвергался арестам (1881, 1901, 1902, 1905); чл. совета Союза освобождения (с 1905); соредактор газ. «Речь» (с 1906); депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); чл. Временного комитета Гос. думы, министр иностранных дел Временного правительства (1917); в эмиграции – в Лондоне (с 1918), Париже (с 1920): редактор газ. «Последние новости» (1921–1940) I; II

Милюкова Анна Сергеевна (урожд. Смирнова; 1861–1935) – жена П. Н. Милюкова (с 1885); одна из основательниц Всероссийского союза равноправия женщин (1905), делегат

Русского женского взаимно-благотворительного общества на конгрессе Международного женского движения в Риме (1914) II

Минейко Герард Иосифович (1832–1889) – ст. учитель (с 1856), инспектор гимназии в Архангельске (с 1876); тов. председателя Архангельского губ. статистического комитета (с 1864) I

Миницкий Николай Васильевич (1862–1919) – секретарь библиотеки (с 1884), пом. библиотекаря (с 1887), секретарь по студенческим делам Киевского ун-та (с 1898); гл. библиотекарь Томского ун-та (1903–1912), чл.-учредитель отделения Союза русского народа и редактор газ. «Время» в Томске (с 1906); библиотекарь Астраханской общественной библиотеки (1914–1918) I

Минор Осип Соломонович (Иосиф; 1861–1934) – народоволец с 1883; отбывал заключение в Ярославской тюрьме (1885–1888), ссылку в Якутии; приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой (до 1895); социалист-революционер с 1902; в политэмиграции – в Женеве (1902–1905), Париже (1907–1908); арестованный (1909), приговорен к 8 годам каторги (1910), которую отбывал в Бутырской тюрьме (до 27.11.1915), Александровском централе; чл. ЦК ПСР, соредактор газ. «Труд», председатель Московской гор. думы (1917); в эмиграции – во Франции (1919) I

Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933) – писатель, библиограф; чиновник по особым поручениям при новгородском губернаторе (1911–1912), Гл. управлении землеустройства и земледелия (с 1913); в эмиграции – в Риге (с 1922) I

Минье Франсуа-Огюст (Mignet François-Auguste; 1796–1884) – французский историк II

Мирабо Оноре Габриель Рикети (Mirabeau Honoré-Gabriel Riqueti; 1749–1791), граф – деятель Великой французской революции, оратор II

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939) – журналист; оперный певец (бас), выступал в Большом театре (1893–1897); издатель ж. «Журнал для всех» (1898–1906), и др.; в политэмиграции – в Париже (1908–1913); редактор «Ежемесячного журнала литературы, науки и общественной жизни» (1914–1917); тов. председателя Общества редакторов петроградских журналов; редактор ж. «Артельное дело» (1921–1925); внештатный науч. сотрудник Публичной библиотеки (1926–1928); редактор изд-ва АН СССР (1931–1932) I; II

Мисецкий – см.: Миницкий Н. В.

Михаил Александрович, великий князь (1878–1919) – брат Николая II; генерал-лейтенант (1916); высланный в Пермь (1918),

расстрелян II

Михайличенко Митрофан Иванович (1871 – после 1917) – чл. РСДРП; шахтер, слесарь на руднике в Бахмутском у.; депутат 1-й Гос. думы (1906); арестованный на Бакинских нефтепромыслах (1912), приговорен к заключению в крепости (1913); участник Гос. совещания в Москве (1917) II

Михайлов Лев Михайлович (наст. фамилия Елинсон; 1872–1928) – чл. РСДРП с 1903, большевик; председатель ПК РСДРП(б) и управы Выборгского р-на (1917); городской голова и зав. отделом коммунального хоз-ва Петрограда (1918–1921); полпред РСФСР в Норвегии (1921–1922); уполномоченный НКИД СССР в Туркестане, чл. Средазбюро ЦК РКП(б) (1923–1924); служил в Госплане СССР; ответственный секретарь Всесоюзного общества старых большевиков (с 1924) II

Михайловский Василий Григорьевич (1871–1926) – зав. статистическим отделом при Московской гор. управе (1897–1917), Моссовете (1917–1922); зав. отделом демографической статистики, чл. коллегии ЦСУ при СНК СССР и директор Центр. статистических курсов I

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, теоретик либерального народничества; редактор ж. «Отечественные записки» (1877–1884), «Русское богатство» (с 1892) I

Михельс Виктор (Michels Victor; 1866–1929) – немецкий лингвист; профессор немецкой филологии и литературы Йенского ун-та (с 1895) I

Молчановский Никандр Васильевич (1856–1905) – историк; учился на историко-филологическом факультете Киевского ун-та (исключен в 1879 и, высланный в Вятскую губ., окончил в 1884); начальник отделения (с 1890), правитель канцелярии киевского генерал-губернатора (с 1902) I

Мономахов Николай Владимирович (1863–1937) – вице-губернатор Вологодской губ. (с 1906), Приморской обл. (с 1910); губернатор Камчатской области (1912–1917); арестован (9.3.1935), выслан из Ленинграда в Карагандинскую обл.; арестован (19.11.1937), расстрелян II

Мор Томас (More Thomas; 1478–1535) – английский философ-гуманист I

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – ординарный профессор Московского ун-та по кафедре римского права (1878–1884); редактор ж. «Юридический вестник» (1879–1892), председатель Московского юридического общества (1880–1899); присяжный поверенный (с 1884), тов. председателя совета присяжных поверенных Московской судебной палаты (1890–

1905); гласный Московской гор. думы (1881–1884, 1889–1893, 1897–1908); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1905); председатель 1-й Гос. думы (1906); сверхштатный профессор кафедры гражданского права Московского ун-та (1906–1910) I; II

Мышкин Ипполит Никитич (1848–1885) – участник народнического движения; в политэмиграции – в Швейцарии (с 1874); вернувшись в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского, арестован в Якутске (1875); заключен в Петропавловскую крепость (1876); на «процессе 193-х» приговорен к 10 годам каторжных работ (1878); бежал с Карийской каторги и, арестованный во Владивостоке (1882), содержался в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях (1883–1884); казнен I

Мягков Александр Геннадьевич (1870–1960) – племянник Н. К. Михайловского; учился в Петербургском технологическом ин-те (1889–1890, исключен), Горном ин-те (1890–1893, не окончил); участвовал в строительстве Транссибирской железной дороги, геологических экспедициях в Сибири, на Чукотке, в Маньчжурии, Абиссинии; в эмиграции – в Польше, откуда выслан, и Чехословакии (с 1921) I

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк; преподавал в Александровском лицее, Александровской военно-юридической академии (1891–1901); чл. редакции ж. «Русское богатство» (с 1904); отбывал ссылку в Валдае Новгородской губ. (1903–1904); чл. Союза освобождения с 1904, ЦК Народно-соц. (трудовой) партии (с 1906); отбывал заключение в Двинской крепости (1911–1912); чл. исполкомов Петроградского совета и Всероссийского совета крестьянских депутатов, председатель ЦК ТНСП, гл. редактор газ. «Народное слово», тов. председателя Особого совещания по выработке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (1917); приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением (1920); высланный за границу, в эмиграции – в Берлине (с 1922), Праге (с 1924), Софии (с 1931); соредактор ист.-лит. сб. «На чужой стороне» (1923–1925), ж. «Голос минувшего на чужой стороне» (1926) I; II

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – профессор, зав. кафедрой уголовного права Училища правоведения (1897–1904); тов. председателя ЦК Конституционно-демократической партии, редактор-издатель ж. «Вестник Партии народной свободы» (1906–1908), соиздатель газ. «Речь» (1908–1914); депутат 1-й Гос. думы (1906); управделами Временного правительства и чл. его Юридического совещания, тов.

председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (1917); министр юстиции Крымского краевого правительства (1918–1919); в эмиграции – в Лондоне (с 1919), Берлине (с 1920); убит при покушении на П. Н. Милюкова II

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) – поэт I

Назаренко Дмитрий Илларионович (1861 – после 1910?) – выпускник учительской семинарии; заведовал лесничествами, лесными промыслами; депутат 1-й Гос. думы, чл. Временного комитета Трудовой группы (1906) II

Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821) – французский император (1804–1815) I; II

Наполеон III, Бонапарт Луи-Наполеон (Napoléon III, Bonaparte Louis-Napoléon; 1808–1873) – президент Второй Французской республики (1848–1852), император 2-й Империи (1852–1870) II

Натансон Марк Андреевич (1850–1919) – чл. общества «Земля и воля» в 1878, Социально-рев. партии «Народное право» в 1893–1894; отбывал заключение (1877–1878), ссылки (1872–1874, 1879–1889, 1895–1902); социалист-революционер с 1902, чл. ЦК ПСР (1906–1909); в политэмиграции – в Швейцарии (1907–1917); чл. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, президиума ВЦИК, чл. ЦК (1917), Заграничной делегации Партии левых соц.-революционеров, ЦК Партии рев. коммунизма (с 1918) I

Науман Фридрих (Naumann Friedrich; 1860–1919) – немецкий политический деятель; евангелический пастор (с 1886); чл. Христианско-социальной партии (Christlichsoziale Partei) в 1890–1896; основатель, совм. с П. Гере, Национал-социальной ассоциации (Nationalsozialer Verein, 1896), влившейся в леволиберальный «Союз свободомыслящих» (Freisinnige Vereinigung, 1903); депутат рейхстага (с 1907); чл. Прогрессивной народной партии (Fortschrittiche Volkspartei) с 1910; председатель Немецкой демократической партии (Deutsche Demokratische Partei), чл. Учредительного собрания Веймарской республики (1918) I; II

Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – филолог, педагог; владелец и директор частной гимназии (с 1905); казначей (1875–1917), фактический руководитель культ.-просвет. организации «Старая громада» (с нач. 1900-х), Киевского общества грамотности (1897–1908), Всеукраинского общества «Просвещение» им. Т. Шевченко («Просвиты», 1906–1910); редактор (1893–1906), издатель ж. «Киевская старина» (с 1902); редактор-издатель газ. «Свобода и право» (1906, совм. с И. В. Лучицким), ж. «Украина» (1906–1907); тов. председателя (с 1906),

председатель Украинского науч. общества (с 1914); конституционный демократ (до 1917); зам., и. о. председателя Украинской Центр. Рады, попечитель Киевского учеб. округа (1917); министр народного просвещения Украинской державы (1918); расстрелян (8.7.1919) I

Наумович Иван Григорьевич (1826–1891) – галицко-русский писатель, один из лидеров русофильской партии в Галиции; униатский священник (до 1867); депутат Галицкого краевого сейма (с 1861), австрийского рейхсрата (с 1873); издатель газ. «Русская рада» (с 1871), ж. «Наука» (1872); преданный суду по обвинению в гос. измене, приговорен к 8 мес. заключения (1882); отлучен папой от церкви, перешел в православие (1885); в эмиграции – в России: сельский священник близ Киева I

Начевич Григорий Димитров (Начович; 1845–1920) – болгарский министр финансов (1879–1880, 1882–1883, 1883–1884, 1886, 1887–1888, 1891–1892), иностранных дел (1879–1880, 1886–1887, 1894–1896), торговли и земледелия (1896–1897, 1899–1900); дипломатический агент в Бухаресте (1885–1886), Вене (1890–1891), Константинополе (1903–1906) I

Неведомский Михаил Петрович (наст. фамилия Миклашевский; 1866–1943) – лит. критик, публицист; сотрудничал в ж. «Начало» (1899), «Мир Божий» (1903–1906), «Современный мир» (1906–1909), «Без заглавия» (1906), «Образование» (1907), «Наша заря» (1910–1912), «Запросы жизни» (1911–1912), «Современник» (1915) и др. I

Нейман – выборщик прусского ландтага от Франкфурта-на-Майне (1898) I

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, журналист I; II

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – конституционный демократ с 1906; и. д. экстраординарного профессора Томского технологического ин-та (1906–1908); депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); министр путей сообщения, тов. министра-председателя и министр финансов Временного правительства, генерал-губернатор Финляндии (1917); служил в советских учреждениях (под фамилией В. А. Голгофский): чл. правления Казанского губ. союза (с 1920), Союза потребительных обществ Татарской республики (1921); чл. правления Центросоюза; арестованный (2.11.1930), приговорен к 10 годам заключения (6.4.1931), которое отбывал на Соловках, Беломорстрое, в Дмитровлаге на строительстве канала Москва – Волга; после досрочного освобождения (28.3.1933) – там же: начальник производственного управления, карьерного хозяйства, работ Калязинского р-на; арестован (13.6.1939), расстрелян

(14.4.1940) II

Неманов Лев Моисеевич (1871–1952) – журналист; доктор права; сотрудничал в газ. «Самарский листок» (1902), «Наша жизнь» (с 1904), «Русь», «Речь» (думский корреспондент), «Русское слово», «Биржевые ведомости»; соредактор газ. «Голос России» в Берлине (1921–1922); позднее – в Париже: зав. иностранным отделом, корреспондент газ. «Paris-Soir» в Лиге Наций (с 1932); участник движения Сопротивления I; II

Немец Антонин (Němec Antonín; 1858–1926) – чешский журналист; редактор ж. «Právo lidu» («Народное право», 1897–1907); лидер (с 1900), председатель Чехославянской социал-демократической рабочей партии (с 1905); депутат рейхсрата (1906–1918), Национального собрания Чехословацкой республики (1918–1925) I

Неовиус Арвид (1861–1916) – финляндский журналист; доктор философии (1891); чл. редакции газ. «Nya Pressen» («Новая пресса», 1894–1900); редактировал в Стокгольме газ. «Fria Ord» («Свободное слово», 1900–1905); депутат сейма (1904–1906); чл. Шведской народной партии с 1907 II

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (Nerō Claudius Caesar Augustus Germanicus; 37–68) – римский император (54–68) II

Нестеров – сын А. В. Нестерова II

Нестеров Александр Васильевич – мастер машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода «Г. А. Лесснер» II

Николай I (Николай Павлович; 1796–1855) – российский император (1825–1855) II

Николай II (Николай Александрович; 1868–1918) – российский император (1894–1917) I; II

Николай Михайлович (1859–1919), великий князь – генерал от инфантерии (1913); дядя Николая II; председатель Русского географического общества (1892–1917), Русского исторического общества (1909–1917), почетный председатель Общества друзей Румянцевского музея (с 1913); расстрелян II

Николай Николаевич (1856–1929), великий князь – генерал от кавалерии (1901); двоюродный дядя Николая II; главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (с 1905); верховный главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1915–1917); в эмиграции – в Италии (с 1919) и во Франции (с 1922) I

Николай —он – см.: Даниельсон Н. Ф.

Никонов Алексей Алексеевич (1888–1959) – сын Алексея Андр. Никонова, родившийся в Шенкурске I

Никонов Алексей Андреевич (1866–1924) – участник народнического кружка, отбывал ссылку в Шенкурске (по 1888); сотрудник ж. «Новое слово» (1894–1897), «Жизнь» (1897–1901); выслан из Петербурга (1901); присяжный поверенный Саратовской судебной палаты; конституционный демократ; позднее – юрисконсульт в Москве I

Никонов Андрей Иванович (1811–1891) – контр-адмирал (1864), вице-адмирал (1873), адмирал (1891); отец Алексея Андр. Никонова I

Никонова Елена Константиновна (урожд. Трубникова; 1865–1926) – жена Алексея Андр. Никонова I

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – экстраординарный (с 1903) и ординарный профессор Московского ун-та по кафедре энциклопедии права и истории философии права (1904–1911, 1917); чл. совета Союза освобождения (с 1904), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); депутат 1-й Гос. думы (1906); преподавал в Московском коммерческом ин-те, его директор (1907–1918); в эмиграции – в Берлине (с 1920), Праге (с 1922) I

Новиков Александр Иванович (1861–1913) – земский начальник (1891–1898), предводитель дворянства Козловского у. Тамбовской губ. (с 1898); городской голова в Баку (1902–1904); прозаик; автор кн. «Записки земского начальника» (1899), «Записки городского головы» (1905); социалист-революционер; сотрудничал в газ. «СПб. ведомости», «Сын Отечества», «Наша жизнь», ж. «Вестник Европы» II

Новиков Николай Николаевич (1864 – после 1917?) – журналист, прозаик; участник народовольческих кружков, сослан в Пелым Туринского у. Тобольской губ.; доктор философии Бернского ун-та; подвергался арестам, ссылке в Вологодскую губ. I

Новицкий Василий Дементьевич (1837–1907) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1887); начальник губ. жандармских управлений: Тамбовского (1874–1878), Киевского (1878–1903); одесский градоначальник (1907) I; II

Новицкий Николай Дементьевич (1833–1906) – генерал от инфантерии (1898), кавалерии (1900); брат В. Д. Новицкого; участник Крымской войны 1853–1856, Русско-турецкой войны 1877–1878; командовал дивизией, армейскими корпусами; чл. Военного совета (1899–1906) I

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – правовед; преподавал в Политехническом ин-те (с 1903), Александровском лицее (с 1908), на Высших женских курсах (1910–1914), в Петроградском ун-те (1917–1919); редактор ж. «Известия

Министерства иностранных дел» (1912–1917), управляющий юрисконсультской частью (1914–1916), директор 2-го департамента МИД (1916–1917); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1916); тов. министра иностранных дел, чл. Юридического совещания Временного правительства, Предпарламента (1917); в эмиграции – во Франции (с 1919): председатель Гл. управления Российского общества Красного Креста (1927–1948); умер в Лозанне II

Ньютон Исаак (Newton Isaac; 1642–1727) – английский физик, математик и астроном I

Овсинский Иван Евгеньевич (1856–1909) – агроном; управляющий имением в с. Гетьмановка Балтского у. Подольской губ. (с 1874); арестован (май 1887), сослан на 5 лет в Архангельскую губ., где жил в Холмогорах, Шенкурске; позднее – на Д. Востоке, в Бессарабии и Подольской губ.; автор кн. «Новая система земледелия» (1899) и др. трудов по обработке почвы, экономике сельского хозяйства I

Овсянников Филипп Васильевич (1827–1906) – ординарный профессор по кафедре анатомии человека и физиологии животных (1863–1883), зав. анатомо-гистологическим кабинетом и заслуженный ординарный профессор по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Петербургского ун-та (1883–1906); ординарный академик Петербургской АН (1864) II

Огановский Николай Петрович (1874–1938) – экономист-аграрник, статистик; один из основателей Всероссийского крестьянского союза, редактор-издатель газ. «Голос деревни», «Народный листок» (1905–1907); зав. библиотекой (1908–1912), приват-доцент Московского коммерческого ин-та (1913–1916); зав. статистическим бюро Всероссийского земского союза (1915–1916); редактор ж. «Новый колос» (1916); чл. ЦК ТНСП, редколлегии газ. «Народное слово» (1917); редактор газ. «Крестьянский союз», чл. совета Гл. земельного комитета Временного правительства, исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Предпарламента, депутат Учредительного собрания (1917); тов. министра земледелия Уфимской директории (1918); председатель земельной комиссии Гос. эконом. совещания при правительстве А. В. Колчака (1919); профессор Омского с.-х. ин-та (1919–1920), Томского ун-та (1920), 1-го МГУ (с 1921); зав. статистическим отделом Наркомата земледелия РСФСР (1921–1924); служил в Наркомате финансов, Наркомате внутренней торговли, ВСНХ, Госплане; арестованный (10.8.1930), приговорен к 5 годам заключения (18.3.1931), которое отбывал в Карагандинской обл. и Башкирии

(1933–1935); позднее – в Уфе II

Одинец Дмитрий Михайлович (1882–1950) – историк права; профессор Психоневрологического ин-та (с 1910); чл. ЦК Трудовой группы, ТНСП и редактор ж. «Трудовая мысль» (1917); зам. генерального секретаря по межнациональным делам Украинской Центр. Рады (1917–1918); председатель Русского нац. совета в Киеве, Южного комитета «Союза возрождения России» (1918–1919); в эмиграции – в Белграде (с 1920), Варшаве (1920–1921), Париже (с 1921): зав. учеб. частью Русского народного ун-та (с 1923), профессор русского отделения Сорбонны (с 1927), генеральный секретарь Русской академической группы во Франции (1927–1930); подвергся интернированию (1941–1942); редактор газ. «Советский патриот» (1945–1948), председатель Союза советских патриотов (1947), Союза советских граждан (1947–1948); выслан из Франции (1948); профессор Казанского гос. ун-та II

Олар Франсуа Виктор Альфонс (Aulard François Victor Alphonse; 1849–1928) – французский историк II

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед-санскритолог; приват-доцент (с 1889), профессор факультета восточных языков Петербургского ун-та (1897–1899); экстраординарный (с 1903), ординарный академик (с 1908), непременный секретарь Петербургской АН (с 1904), РАН (с 1917), АН СССР (1925–1929); чл. Гос. совета (1912–1917); министр просвещения, чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1917); директор Азиатского музея (1916–1930), Ин-та востоковедения АН СССР (1930–1934) I; II

Ольденбург Федор Федорович (1861–1914) – преподаватель педагогики в Тверской женской учительской школе (с 1887); чл. Союза освобождения с 1904, конституционный демократ с 1905; брат С. Ф. Ольденбурга I; II

Ольденбург Федор Федорович (1815–1877) – генерал-майор (1866); служил в Забайкальском казачьем войске (до 1867); вольнослушатель Гейдельбергского ун-та; жил с семьей в Варшаве; отец С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургов I

Ольденбургский Александр Петрович (Александр Константин Фридрих, принц Ольденбургский; 1844–1932) – генерал от инфантерии (1895); участник Русско-турецкой войны 1877–1878; чл. Гос. совета (с 1896); основатель курорта в Гаграх (1901–1903); сенатор (с 1911); верховный начальник санитарной и эвакуационной части (с 1914); в эмиграции – во Франции (с 1918) II

Онипко Федот Михайлович (1880–1938) – социалист-революционер; волостной писарь; депутат 1-й Гос. думы, чл.

Трудовой группы, редактор-издатель газ. «Трудовая Россия» (1906); по делу о восстании в Кронштадте приговорен к ссылке на поселение (17.9.1906); после 13 месяцев предварительного заключения отправлен в Енисейскую губ. (1907), откуда бежал; в политэмиграции – в Париже; комиссар Временного правительства на Балтийском флоте, депутат Учредительного собрания (1917); статистик; чл. Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев II

Ону Александр Михайлович (1865–1935) – историк; чл. (с 1890), секретарь Исторического общества при С.-Петербургском ун-те (с 1897); служащий (с 1889), ст. делопроизводитель канцелярии (с 1899), пом. статс-секретаря Гос. совета (с 1908); делопроизводитель законодательного отдела Гос. думы (1905–1908); преподавал в Александровском лицее (с 1910); приват-доцент Петроградского ун-та по кафедре всеобщей истории (1916–1917); пом. управделами Временного правительства (1917); генеральный консул в Лондоне (1917–1923); преподавал в Кембридже, Лондонском политехническом ин-те, Школе изучения славянства и Вост. Европы (с 1919), Сорбонне (1925–1927) I

Ону Михаил Константинович (1835–1901) – дипломат; служил по ведомству МИД (с 1854); 2-й драгоман (с 1866), ст. секретарь (с 1870), 1-й драгоман (с 1871), советник Миссии в Константинополе (с 1878); чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции (с 1889); отец А. М. Ону I

Осипанов Василий Степанович (1861–1887) – студент Казанского ун-та (с 1881), Петербургского ун-та (с 1886); чл. террористической фракции партии «Народная воля»; участник организации покушения на Александра III; казнен I; II

Осипов Владимир Алексеевич (Осип; 1852 – ?) – участник народнического движения; вел пропаганду в Самарской, Ставропольской, Казанской, Вятской губ.; арестованный (1874), содержался в Петропавловской крепости (1875–1876), Доме предварительного заключения (1876–1877); подсудимый на «процессе 193-х» (засчитано предварительное заключение), выслан в Самару (1878); освобожден от гласного надзора (1880); служил в правлении общества Оренбургской железной дороги (на 1883) I; II

Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург I

Острогорский Моисей Яковлевич (1854–1921) – историк, правовед; служил в Министерстве юстиции (до 1882); редактор-издатель «Юридического календаря» (1876–1917); депутат 1-й Гос. думы (1906); преподавал в Психоневрологическом ин-те (1916–1919), Петроградском ун-те (1919–1921) I

Павел (при рождении Саул, Савл; 5/10–64/67), апостол – римский гражданин; участвовал в преследовании христиан; принял крещение (ок. 34); обезглавлен в Риме I; II

Павел I (1754–1801) – император всероссийский (с 1796) II

Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) – издатель (с 1866) II

Палацкий Франтишек (Palacky František; 1796–1876) – чешский историк; чл. (с 1830), секретарь Королевского чешского общества наук (с 1839); депутат рейхсрата (1848–1849), чешского сейма (с 1861), богемского ландтага (с 1863); основатель Чешской национальной партии с 1860; идеолог австрославизма I

Панина Анастасия Сергеевна (урожд. Мальцова; 1850–1932) – жена графа В. В. Панина (с 1870, скончался в 1872), во втором браке – земца И. И. Петрункевича (с 1882); в эмиграции – в Праге I

Панкеев Константин Матвеевич (1858–1908) – редактор-издатель ж. «Южные записки» (1904–1905); конституционный демократ с 1905; купец 2-й гильдии, гласный Одесской гор. думы (1905–1908) I

Панкратов – см.: Панкратьев П. Э.

Панкратьев Петр Эммануилович (1864–1911) – участник народовольческих кружков; арестованный (1884), отбывал ссылку в Шенкурске (1885–1887); окончил 2-ю С.-Петербургскую воен. гимназию, Археологический ин-т (1889); вольнонаемный сотрудник Петербургского охранного отделения (1891–1902; разоблачен в 1901), канцелярский служитель департамента герольдии Сената (1893–1896), счетный чиновник департамента железнодорожной отчетности Гос. контроля (1896–1899); сотрудничал в газ. «Право», «Северный курьер», «СПб. ведомости», ж. «Жизнь»; чиновник для писем (с 1902), и. д. ст. помощника (с 1906), ст. помощник делопроизводителя Департамента полиции (с 1908) I

Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) – чл. общества «Земля и воля» с 1862; арестован по обвинению в «поддержании польского мятежа» (1864); после годичного тюремного заключения в Вильно приговорен к 6-летней каторге, замененной ссылкой (1866–1874); золотопромышленник; владелец изд-ва науч. литературы (1877–1907); публицист, мемуарист; председатель Литературного фонда (с 1912); председатель Общества памяти декабристов (1917) I; II

Парамонов Елпидифор Трофимович (1842? – 1909) – купец 1-й гильдии; хлеботорговец, владелец мукомольной мельницы, пароходов и барж; председатель биржевого комитета, чл. учетно-

ссудного комитета Ростовской конторы Гос. банка; гласный гор. думы в Ростове-на-Дону (с 1893); благотворитель I

Парамонов Николай Елпидифорович (1876–1951) – издатель; сын Е. Т. Парамонова; учился на юридическом факультете Московского ун-та (исключен в 1897); окончил Киевский ун-т, пом. присяжного поверенного; совладелец «Товарищества Е. Т. Парамонова Сыновья в Ростове-на-Дону», рудников, пароходства; владелец изд-ва «Донская речь» (1903–1907); приговорен к 3 годам заключения (1911), амнистирован (1913); тов. председателя Донского круга, управляющий отделом торговли и промышленности Донского правительства П. Н. Краснова (1918); председатель воен.-промышленного комитета, чл. Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (1919); в эмиграции – в Константинополе (с 1920), Берлине (с 1921): возглавлял изд-во «Слово», книготорговое общество «Логос» (до 1925); после войны – в Байройте (Бавария) I; II

Парвус Александр Львович (наст. имя Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924) – чл. Социал-демократической партии Германии, редактор «Sächsische Arbeiterzeitung» («Саксонской рабочей газеты») в Дрездене (1897), еженедельника «Aus der Weltpolitik» («Из мировой политики») в Мюнхене (1898); сотрудничал в газ. «Neue Zeit», «Vorwärts», «Искра», ж. «Заря»; чл. редакции газ. «Начало», исполкома Петербургского совета (1905); арестован (1906) и, приговоренный к 3 годам ссылки в Туруханский край, бежал; исключен из РСДРП и СДПГ за моральную нечистоплотность (1908); жил в Константинополе (1910–1914); издатель ж. «Die Glocke» («Колокол») в Берлине (с 1915); основатель Американо-Скандинавско-Русского акционерного общества в Копенгагене (1915); организатор возвращения политэмигрантов в Россию через Германию (1917) I

Пергамент Осип Яковлевич (Иосиф; 1868–1909) – пом. присяжного поверенного (с 1894), присяжный поверенный (с 1899), председатель совета присяжных поверенных Одесского округа (с 1905); депутат 2-й и 3-й Гос. дум (1907–1909); кооптирован в ЦК Конституционно-демократической партии (1907) II

Переверзев Павел Николаевич (1871–1944) – присяжный поверенный (1901–1917); социалист-революционер с 1904, позднее народный социалист, чл. Трудовой группы; прокурор Петроградской судебной палаты, министр юстиции и генерал-прокурор Временного правительства (1917); в эмиграции – в Тунисе (с 1920), во Франции (с 1925): генеральный секретарь Федерации русских адвокатских организаций за границей (с

1932) II

Пернерсторфер Энгельберт (Pernerstorfer Engelbert; 1850–1918) – австрийский социал-демократ; редактор ж. «Deutsche Worte» («Немецкое слово», 1881–1904); чл. Социал-демократической немецкой рабочей партии Австрии с 1896 и ее ЦК (с 1897), редактор международного отдела газ. «Wiener Arbeiterzeitung» («Венская рабочая газета», до 1918); депутат (1885–1897, 1901–1918), тов. председателя рейхсрата (1909, 1912) I

Перовская Софья Львовна (1853–1881) – чл. исполнительного комитета партии «Народная воля» (с 1879): руководила покушением на Александра II; казнена I; II

Перцев – см.: Перцов А. Н.

Перцов Александр Николаевич (1865–1930) – техник по гражданским сооружениям Управления по постройке Златоуст-Челябинской и Западно-Сибирской железных дорог в Самаре (1892); инженер путей сообщения; совм. с братьями Николаем (1855–1934) и Петром (1857–1937) занимался строительными подрядами по прокладке железных дорог; владелец доходного дома в Петербурге I; II

Песис Марк Львович (Меер-Хаим Лейбович; 1862–1924) – участник народовольческого кружка в Одессе (с 1881); арестован (10.1.1883) и, приговоренный к ссылке в Зап. Сибирь на 3 года (25.7.1884), отбывал ее в Петропавловске Акмолинской обл., откуда переведен в Тобольскую губ.; жил в Одессе (1887–1888), Петропавловске (1888–1889), Петербурге (с 1889); находился под негласным надзором (до февр. 1894); пом. присяжного поверенного (с 1890); редактировал газ. «Русская жизнь» (до авг. 1894); присяжный поверенный, присяжный стряпчий; в эмиграции – в Германии (до 1933), во Франции I

Пестель Павел Иванович (1793–1826) – полковник, руководитель Южного тайного общества (с 1821); казнен I

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – чл. Революционной украинской партии с 1900, Украинской социал-демократической рабочей партии с 1905; председатель и генеральный секретарь по воен. делам Центр. Рады (1917), командующий войсками (головной атаман, с 1918) и председатель Директории Украинской народной республики (1919–1920); в эмиграции – в Варшаве (с 1920), Париже (с 1924) II

Петр Амьенский (Petrus Ambianensis; ок. 1050 – 1115) – монах-проповедник, которому приписывается организация Первого крестового похода (1096–1099) II

Петров Григорий Спиридонович (1866–1925) – кандидат богословия (1891); законоучитель, настоятель церкви

Михайловского артиллерийского училища (1893–1903); автор кн. «Евангелие как основа жизни» (1899, около 20 переизданий); сотрудник газ. «Русское слово» (1899–1917); редактор газ. «Правда Божия» (1906); депутат 2-й Гос. думы, запрещен к служению (1907), лишен сана (1908); в эмиграции – в Константинополе, Триесте, Софии, Белграде II

Петров Рачо Стоянов (1861–1942) – болгарский политический деятель; полковник (1891), генерал-майор (1896), генерал-лейтенант (1913); окончил Военное училище в Софии (1879), Николаевскую академию Ген. штаба в Петербурге (1885); начальник Ген. штаба (1885–1887, 1887–1894); министр военный (1887, 1894–1896), внутренних (1901–1902), иностранных дел, исповеданий и премьер-министр (1901, 1903–1906); генерал-губернатор Македонской воен. обл. (1915–1916); приговоренный к 75 годам заключения (1920), амнистирован (1924); генерал пехоты (1936) I

Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) – земский деятель; председатель совета Союза освобождения (1904–1905); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл., председатель (1909–1915), почетный председатель ЦК Конституционно-демократической партии (1915–1921); соиздатель газ. «Речь» (1914–1917); в эмиграции – в Афинах (1919), Париже, Женеве (1921–1924), Праге; муж А. С. Паниной (с 1882) I; II

Петрункевич Михаил Ильич (1846–1912) – земский врач; брат И. И. Петрункевича; служил в Тверской губ. земской больнице (с 1874); преподаватель Тверской женской учительской школы (1880–1884); гласный Тверского губ. земства (с 1876), гор. дум – Тверской (с 1890), Петербургской (с 1904); депутат 1-й Гос. думы (1906) I

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Варшавского ун-та (с 1902), Московского ун-та (1906–1911, с 1917); профессор Московского коммерческого ин-та (1909–1914), Петроградского политехнического ин-та (1914–1917); преподавал в Иваново-Вознесенске, Н. Новгороде (1919–1921); профессор (1921–1925), заслуженный профессор (с 1925), зав. кафедрой истории Запада 1-го МГУ (1927–1929); директор Ин-та истории РАНИОН (1921–1929); чл.-корреспондент (1924), академик АН СССР (с 1929) I

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – земский статистик; сотрудник (с 1899), чл. ред. комитета ж. «Русское богатство» (с 1904); редактировал газ. «Революционная Россия» (1900–1902); чл. совета Союза освобождения (1904); соредактор газ. «Сын Отечества» (1905); народный социалист с 1906; чл.

исполкома Петроградского совета, ВЦИК, ЦК ТНСП (вышел в 1925), издатель газ. «Народное слово», министр продовольствия Временного правительства, тов. председателя Предпарламента (1917); служил в ЦСУ УССР, Наркомате земледелия РСФСР; выслан за границу (1922); в эмиграции – в Берлине, Праге, Риге: консультант, зав. экономическим отделом торгпредства СССР в Латвии (с 1927) I; II

Пётр (? – между 61 и 68 до н. э.), апостол – один из двенадцати ближайших учеников Иисуса Христа; распят в Риме II

Пётр I (Петр Алексеевич; 1672–1725) – царь (с 1682), император всероссийский (с 1721) I

Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913) – ординарный профессор Киевского ун-та по кафедре политэкономии и статистики (1888–1901); редактор-издатель газ. «Киевлянин» (1879–1913); чиновник для особых поручений Министерства финансов (1885–1887); председатель Киевского отделения «Союза русского народа» (с 1905), чл.-учредитель Русского окраинного общества (1908); чл. Гос. совета (1907–1913) I

Плансон Виктор Антонович (де Плансон; 1861–1935) – присяжный поверенный (с 1888); юрисконсульт правления Рязанско-Уральской железной дороги; председатель юридического отдела Российского общества защиты женщин; чл. ЦК ТНСП, ЦИК Всероссийского железнодорожного союза (1917); консультант Ленинградского губ. отдела труда (на 1926) II

Пластинин Федор Григорьевич (1846–1919) – житель Шенкурска; купец 2-й гильдии I

Пластинина Авдотья Федоровна (Евдокия; 1852 – ?) – жена Ф. Г. Пластинина I

Платон (427–347 до н. э.) – древнегреческий философ I

Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – ординарный (1899–1912) и заслуженный профессор по кафедре русской истории (1912), декан историко-филологического факультета Петербургского ун-та (1900–1905); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов (1883–1918); чл.-корреспондент (с 1908), академик РАН (с 1920); директор Археологического ин-та и зав. Петроградским отделением Главархива (1918–1923); председатель Археографической комиссии (с 1918), Историко-археографической комиссии (1926–1929) и директор Пушкинского Дома (1925–1929), Библиотеки АН СССР (1925–1928), арестован (12.1.1930) и, осужденный по «Академическому делу» (8.8.1931), умер в ссылке в Самаре II

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – гос. секретарь (1894–1902); министр внутренних дел (1902–1904); убит эсером Е. С. Сазоновым I; II

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – теоретик марксизма; чл. народнических обществ «Земля и воля» (1876–1878), «Черный передел» (1879–1881), организатор группы «Освобождение труда» (1883), «Союза русских социал-демократов за границей» (1894), «Заграничной лиги русской социал-демократии» (1901); участник конгрессов 2-го Интернационала (1889, 1893, 1900, 1904, 1910); чл. редакции газ. «Искра» (1900–1905), ж. «Дневник социал-демократа» (1905–1912); один из лидеров меньшевистской фракции РСДРП; председатель ЦК Всероссийской с.-д. группы «Единство» (с 1917) I; II

Познанский Николай Николаевич (1868 – 1948?) – пом. присяжного поверенного (с 1903), присяжный поверенный; 1-й тов. председателя 2-й Гос. думы (1907); тов. председателя совета присяжных поверенных Харьковского судебного округа (1909–1917); гласный гор. думы (1917), чл. коллегии правозаступников (с 1918), коллегии защитников в Харькове (с 1923) II

Пойдун Кондрат (Кондратий) Кондратович – капитан 14-го саперного батальона в Киеве (на 1908), подполковник 4-й искровой роты (на 1913); сотрудничал в газ. «Киевские отклики» I

Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920) – ординарный профессор, зав. кафедрой римского права (с 1903), декан юридического факультета Петербургского ун-та (1910–1912); преподавал в Московском коммерческом ин-те (с 1913): декан экономического факультета (с 1916); профессор Московского ун-та (с 1917) II

Поливанов Петр Сергеевич (1859–1903) – участник народнических кружков в Саратове в 1874–1877; выслан в Вологодскую губ. (дек. 1878); при попытке устроить побег товарища из саратовской тюрьмы убил стражника (16.8.1881); приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал в Петропавловской, Шлиссельбургской крепостях (до 1902); сосланный в Атбасар Акмолинской обл., бежал за границу (1903); социалист-революционер, чл. Боевой организации ПСР; покончил с собой I

Полинковская Гриня Львовна (наст. имя Рейзя Лейбовна; 1878 – после 1934) – чл. РСДРП с 1901; зав. нелегальной типографией, секретарь Киевского комитета РСДРП (1905–1907); арестованная в Москве (1907), после 3 лет заключения отбывала ссылку в Канском у. Енисейской губ., бежала; в политэмиграции – в Париже (1910–1917); науч. сотрудник Петроградского историко-рев. архива (1918–1924); чл. Общества б. политкаторжан и ссыльнопоселенцев с 1924; служила в Сев.-западной обл. торговой палате (1925–1927); пенсионерка (с 1928); подверглась аресту (2.3–23.7.1931), высылке в Орел (отменена 3.11.1931) II

Пороховщиков Александр Александрович (1833–1918) – редактор-издатель газ. «Русская жизнь» (1890–1895), владелец типографии; гласный Московской гор. думы (1866, 1873, 1885); купец 1-й гильдии, строительный подрядчик I

Португалов Вениамин Осипович (1835–1896) – участник народнического движения; подвергался заключению в Петропавловской крепости (1860, 1862), ссылке в Шадринск Пермской губ. (1863), откуда переведен в Чердынь (1866); врач в Красноуфимске (1868), на Пермских (1869), Уральских горных заводах (1870), в Камышлове (с 1870), Вятке (1874); арестован, находился в заключении в Казани (1874–1875); врач губ. земской больницы в Самаре (с 1876); сотрудничал в ж. «Русское богатство», «Русская мысль», «Медицинский вестник», газ. «Русская жизнь» и др.; отец В. В. Португалова I; II

Португалов Виктор Вениаминович (1873–1930) – журналист; народный социалист с 1908, чл. ТНСП в 1917; в эмиграции – в Варшаве (1920–1929): чл. Русского политического комитета (1920–1921), редактор (1920–1923), чл. редколлегии газ. «За свободу» (1924–1926), руководитель варшавского отделения партии «Крестьянская Россия» I; II

Поссе Владимир Александрович (1864–1840) – журналист; кандидат прав (1888), доктор медицины (1894, Фрайбургский ун-т); возглавлял санитарный отряд Самарского земства по борьбе с холерой (1892); один из учредителей книгоиздательского товарищества «Знание» (1898); редактировал ж. «Жизнь» (1897–1901 в Петербурге, с 1902 в Лондоне), «Трудовой союз» (1906–1907), «Жизнь для всех» (1910–1918); персональный пенсионер РСФСР (с 1930), СССР (с 1934); мемуарист II

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – географ, этнограф, ботаник; сотник Сибирского казачьего войска (1858); вольнослушатель физ.-мат. факультета Петербургского ун-та (1859–1861), после 2 мес. заключения в Петропавловской крепости выслан в Омск (1861); чл. общества «Земля и воля» с 1862; секретарь губ. статистического комитета в Томске (с 1864); арестованный по делу «Общества независимости Сибири» (1865), отбывал каторгу в Свеаборге (с 1868); на поселении – в Вологодской губ. (1871–1874); совершил 5 экспедиций в Монголию, Туву, Китай, Вост. Тибет; правитель Вост.-Сибирского отделения Русского географического общества (1887–1890); председатель Временного сибирского обл. совета (1917) I

Потанина Александра Викторовна (1843–1893) – сестра В. В. Лаврского; воспитательница гор. епархиального училища в Н. Новгороде (с 1866); жена Г. Н. Потанина (с 1874); участница экспедиций в Монголию (1876–1877, 1879–1880), Китай, Тибет

(1884–1886) с переходом через пустыню Гоби (1892–1893); чл.-сотрудник Русского географического общества (с 1887) I

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) – лингвист, фольклорист; ординарный профессор Харьковского ун-та (с 1875); чл.-корреспондент Петербургской АН (1875); председатель Харьковского историко-филологического общества (1878–1890) I

Потемкин Григорий Александрович, князь (1739–1791) – генерал-фельдмаршал (1784); гос. деятель времен царствования Екатерины II I

Потемкин – знакомый В. В. Водовозова I

Потресов Александр Николаевич (1869–1934) – чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1896–1897, один из лидеров меньшевистской фракции РСДРП с 1903; чл. редколлегии газ. «Искра» (1900–1905); фактический редактор газ. «Начало» (1905), ж. «Наша заря» (1910–1914), «Наше дело» (1914–1915), «Дело» (1916–1918); чл. ЦК РСДРП (объединенной); выехал за границу для лечения (1925); жил в Берлине и Париже: редактор ж. «Записки социал-демократа» (1931–1934); лишен советского гражданства (1932) I; II

Потулов Григорий Иванович (1843 – 1903?) – ротмистр (1884), подполковник (1890); пом. начальника Владимирского губ. жандармского управления в Александровском и Переяславском уездах (с 1885); в распоряжении начальника С.-Петербургского губ. жандармского управления (с 1887); пом. начальника губ. жандармских управлений: Симбирского в Сызранском и Сенгилеевском уездах (с 1890), Пермского в Красноуфимском и Кунгурском уездах (с 1895), Витебского в Полоцком, Невельском и Городокском уездах (1896) I

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист-статистик; муж Е. Д. Кусковой (с 1895); чл. совета Союза освобождения (1904–1905), редактор ж. «Без заглавия» (1906), председатель статистико-экономического отделения Вольного экономического общества (1907–1910); преподавал в Народном ун-те им. А. Л. Шанявского (с 1908); председатель совета Всероссийских кооперативных съездов, министр торговли и промышленности, продовольствия Временного правительства (1917); декан юридического факультета (1918), профессор 1-го МГУ (1919–1920); директор Всероссийского кооперативного ин-та (с 1918); зав. кафедрой Петровской с.-х. академии (с 1920); чл. Всероссийского комитета помощи голодающим; арестованный (27.8.1921), отбывал ссылку; выслан из России (1922); жил в Берлине (с 1922), Праге (с 1924), Женеве (с 1939) I; II

Протопопов Всеволод Дмитриевич – присяжный поверенный; пайщик книгоиздательского товарищества «Знание» (до 1902) I

Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934) – издатель; брат В. Д. Протопопова; подвергся высылке в Финляндию (1895–1899); землевладелец, держал суконную фабрику; пайщик товарищества «Знание» (до 1902); чл. Союза освобождения, ЦК Конституционно-демократической партии (кооптирован в 1906) и секретарь ее комитета в Петербурге (с 1907); депутат 1-й Гос. думы (1906); издавал ж. «Земское дело» (1910–1916), газ. «Русская молва» (1912–1913); пом. комиссара Временного правительства по делам Великого княжества Финляндского, чл. Предпарламента (1917); служил в Народном банке, Комитете гос. сооружений; арестованный (30.8.1919), приговорен к расстрелу с заменой условным заключением (20.5.1920); экономист; арестован (21.11.1930), приговорен к 5 годам концлагеря с заменой ссылкой в Свердловск (23.7.1931); получил разрешение на проживание в Ленинграде (22.7.1932) I

Прудон Пьер-Жозеф (Proudhon Pierre-Joseph; 1809–1865) – французский политический деятель, экономист, философ; один из основоположников анархизма I

Пумпянская Аделаида Михайловна (Эйдель Вульфовна; 1854 – после 1934) – участница народнического движения; училась в Повивальном ин-те в Петербурге (с 1874); арестована (13.2.1875), содержалась в Петропавловской крепости (15.3.1875 – 5.1.1876); вновь арестованная (19.12.1876), переведена из Спасской части в Дом предварительного заключения (июль 1877); оправданная на «процессе 193-х» (23.1.1878), выслана этапом в Вильно (окт. 1878); отбывала ссылку в Никольске, Кадникове Вологодской губ. (с 14.4.1879); подчинена гласному надзору на 5 лет (с 9.9.1881); проживала в Цареве (с 1883), Астрахани (с 1885), Казани (с 1886), где сдала экзамен на звание повивальной бабки (1887); опять арестована (12.5.1887) и, освобожденная на поруки (12.9.1887), приговорена к ссылке в Архангельскую губ. на 3 года (15.6.1888): водворена в Холмогорах (окт. 1888), откуда переведена в Шенкурск (июнь 1889); находилась под негласным надзором (1891–1900); выезжала в Самарскую губ. для борьбы с эпидемиями (1892); фельдшерица-акушерка в Ярославской Большой мануфактуре, селах Малоархангельского у. Орловской губ. (с 1894), Рогачеве Дмитровского у. (1901), при суконной фабрике в с. Пирогове Московского у. (с 1902); во время Декабрьского восстания 1905 – в летучем санитарном отряде; служила в страховых обществах в Петербурге (с 1907), детской колонии им. Р. Люксембург; персональная пенсионерка; уехала к сыну в Харбин (1923) I

Пумпянский Николай Петрович (1881–1932) – социалист-революционер с 1901, эсер-максималист с 1906; сын А. М.

Пумпянской и П. С. Поливанова; учился в Александровском реальном училище в Вологде, Петербургской 3-й гимназии, Петербургском ун-те; арестованный в Москве (21.6.1907), приговорен к 12 годам каторги; председатель Читинского и Забайкальского комитетов ПСР, Читинского совета, чл. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, бюро фракции Учредительного собрания (1917); уполномоченный Сибирского правительства (с 1919), представитель Приморской земской обл. управы на Китайско-Восточной железной дороге (с 1920); на советской службе – в Харбине и Мукдене I

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – монархист; тов. председателя гл. совета «Союза русского народа» (1905–1907); депутат Гос. думы 2–4-го созывов (1907–1917); основатель, тов. председателя (с 1908), председатель «Русского народного союза им. Михаила Архангела» (с 1911); уполномоченный Российского общества Красного Креста (1914–1917); присоединился к Добровольческой армии II

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт I; II

Пятковский Александр Петрович (1840–1904) – издатель, журналист, публицист, историк литературы; служил в Гос. канцелярии (1874–1882); редактор-издатель ж. «Наблюдатель» (1882–1904) I

Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – писатель II

Радославов Васил Христов (1854–1929) – болгарский политический деятель; министр юстиции (1884–1886, 1894), общественных работ (1887, 1900–1901, 1913–1915, 1916–1918), народного просвещения (1894), внутренних (1899–1900), иностранных дел и исповеданий (1913–1918), премьер-министр (1886–1887, 1913–1918) I; II

Разин Степан Тимофеевич (1630–1671) – донской казак, предводитель народного восстания 1670–1671 I

Раковский Георгий Стойчев (наст. имя Съби Попович; 1821–1867) – болгарский поэт, публицист, деятель нац.-освободительного движения; организатор тайного общества (1841), приговорен к смертной казни; в политэмиграции – во Франции; руководил антитурецким восстанием в Валахии (1843); вновь арестованный (1845), приговорен к 7 годам заключения, досрочно освобожден (1848); возглавлял повстанческий отряд (1854); жил в Ново-Саде, Кишиневе, Одессе, Бухаресте, Белграде; организатор Первого болгарского легиона (1861–1862); скончался от туберкулеза в Бухаресте I

Рамишвили Исидор Иванович (1859–1937) – меньшевик; учитель; депутат 1-й Гос. думы (1906); делегат 4-го (1906), 5-го

(1907) съездов РСДРП; отбывал ссылки (1908–1911, 1913–1917); чл. исполкома Петроградского совета (1917); чл. Национального совета, Учредительного собрания Грузии и ее посланник в Абхазии (1918–1920); подвергался ссылкам в Архангельскую губ. (1923–1926), Среднюю Азию (1931–1933); жил во Владикавказе; расстрелян в Тбилиси II

Распутин Григорий Ефимович (наст. фамилия Новых; 1869–1916) – крестьянин Тобольской губ., целитель и авантюрист, «святой старец», пользовался доверием царской семьи II

Рассел Бертран (Russell Bertran; 1872–1970) – английский философ, логик, математик; пацифист; посетил Россию и Китай (1920–1921); лауреат Нобелевской премии по литературе (1950) II

Ратнер Марк Борисович (1871–1917) – публицист; пом. присяжного поверенного в Киеве; сотрудничал в ж. «Вестник Европы», «Русское богатство», газ. «Киевские отклики», «Право», «Сын Отечества»; один из лидеров Соц. еврейской рабочей партии (с 1906), которую представлял на Международном соц. конгрессе в Копенгагене (1910); в политэмиграции – в Швейцарии, Вене, Бухаресте, Яссах I; II

Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) – журналистка; комиссар Морского генерального штаба (1919) I

Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – преподаватель Ново-Александрийского ин-та сельского хозяйства и лесоводства (с 1893); экстраординарный профессор, зав. кафедрой гос. права Томского политехнического ин-та (1898–1903); чл. РСДРП с 1905; профессор Высших женских курсов Н. П. Раева (1907–1911), приват-доцент С.-Петербургского ун-та (1907–1918); профессор Московского ун-та (1919–1928); отец Л. М. Рейснер II

Ренан Жозеф Эрнест (Renan Joseph Ernest; 1823–1892) – французский писатель, историк религии II

Ренненкампф Владимир Николаевич (1862–1926) – экстраординарный (1892), ординарный (1907) и заслуженный профессор Новороссийского ун-та по кафедре гос. права (1916); в эмиграции – в Болгарии (с 1919): профессор, зав. кафедрой социологии Софийского ун-та I

Репьева Евгения Ивановна (1862–1939) – педагог; преподавала географию в Царскосельской женской гимназии, Училище ордена св. Екатерины, гимназиях Л. С. Таганцевой, кн. А. А. Оболенской, М. Н. Стоюниной; чл. технической группы Союза освобождения, арестована при перевозке 400 экз. ж. «Освобождение» через границу (2.10.1903); инструктор по внешкольному образованию при культурно-политико-просветительском отделе Всероссийского союза потребительских обществ в Москве (1918); в эмиграции – в Праге (с 1924):

преподаватель Русского педагогического ин-та им. Я. А. Коменского, зав. библиотекой Экономического кабинета С. Н. Прокоповича II

Рессель – см.: Рассел Б.

Ригер Франтишек Ладислав (Rieger František Ladislav; 1818–1903), барон (1898) – чешский идеолог австрославизма; доктор права (1847); депутат рейхсрата (1848–1849, 1879–1891); основатель национальной энциклопедии «Slovnik naučný» (1859–1874); лидер младочехов (с 1860) I

Ризов Димитр Христов (1862–1918) – чл. Болгарского тайного рев. комитета и Временного правительства в Вост. Румелии (1885); редактор газ. «Тырновская конституция» (с 1884), соредактор газ. «Самооборона» (1885), «Македонский голос» (1885, 1887), «Независимость» (1886), «Молодая Болгария» (1895–1896); организовал, совм. с Н. Тюфекчиевым, неудачное покушение на премьер-министра С. Стамболова (1891); торговый агент в Скопье (1897–1899), дипломатический агент в Цетинье (1903–1905), Белграде (1905–1907); посол в Риме (1908–1915), Берлине (1915–1918) I

Робеспьер Максимилиан (Robespierre Maximilien; 1758–1794) – деятель Великой французской революции II

Роджерс Джеймс Эдвин Торолд (Rogers James Edwin Thorold; 1823–1890) – английский экономист, историк; профессор Оксфордского ун-та (с 1862); чл. палаты общин (1880–1886) I

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – чл. ЦК «Союза 17 октября» (с 1905); председатель Екатеринославской губ. земской управы (1901–1906); чл. Гос. совета (1906–1907); депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917), ее председатель (1911–1917), глава Временного комитета (1917); основатель Либерально-республиканской партии (1917); участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода (1918); в эмиграции – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1920) II

Родичев Федор Иванович (1854–1933) – предводитель дворянства (1879–1891), председатель земской управы Весьегонского у. Тверской губ. (с 1897); присяжный поверенный (с 1898); чл. Союза освобождения, Союза земцев-конституционалистов (с 1903), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906); депутат Гос. думы 1–4-го созывов (1906–1917); комиссар Временного правительства по делам Финляндии, чл. Чрезвычайной следственной комиссии, Предпарламента, депутат Учредительного собрания (1917); чл. Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России; в эмиграции – в Париже (с 1920), Лозанне (с 1922) I; II

Рождественский Зиновий Петрович (1848–1909) – вице-адмирал (1904); начальник Гл. морского штаба (с 1903); командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, разгромленной при Цусиме (1905) I

Розен Георг (Rosen Georg; 1820–1891) – немецкий востоковед; драгоман при посланнике Пруссии в Константинополе (с 1844), консул в Иерусалиме (1852–1867), генеральный консул Северо-Германского союза (с 1867), Германской империи в Белграде (1871–1875); чл.-корреспондент Прусской АН (1858) I

Романовы – члены семьи императора Николая II II

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, филолог-классик, археолог; профессор историко-филологического факультета Петербургского ун-та (с 1901); член-корреспондент (с 1908), академик РАН – АН СССР (1917–1928, исключен); в эмиграции (с 1918) – в Англии и США II

Рошфор Анри (де Рошфор-Люсе, Henri de Rochefort-Luçay, 1831–1913), маркиз – французский журналист и писатель II

Русанов Николай Сергеевич (1859–1939) – чл. общества «Земля и воля» с 1877, партии «Народная воля» с 1879, социалист-революционер с 1902; сотрудничал в ж. «Вестник Народной воли» (1883–1886); в политэмиграции – в Париже (1882–1905): организатор «Группы старых народовольцев» (1893), редактор ж. «Вестник русских революционеров» (1901–1905); сотрудник ж. «Русское богатство» (с 1895); чл. редакции газ. «Сын Отечества» (1905), «Дело народа», «Народный вестник», «Голос» (1906); издатель ж. «Русские записки» (1914–1917); чл. редколлегии газ. «Дело народа» (1917); чл. Заграничной делегации ПСР (с 1918); в эмиграции – в Берлине и Берне I; II

Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques; 1712–1778) – французский писатель и философ I

Рутенберг Петр Моисеевич (1878–1942) – социалист-революционер с 1902; окончил Петербургский технологический ин-т, инженер на Путиловском заводе; сопровождал Г. А. Гапона во время шествия к Зимнему дворцу (9.1.1905), уехал с ним за границу и разоблачил его (1906); в политэмиграции – в Германии (с 1906), Италии (1907–1915): инженер-гидротехник; пом. особоуполномоченного Временного правительства по водворению порядка в Петрограде (1917); жил в Палестине (с 1919) II

Рыкачев Андрей Михайлович (1876–1914) – публицист, экономист; окончил юридический факультет Петербургского ун-та (1899); высланный в Саратов, работал в газ. «Саратовский дневник» (1901–1902); печатался в ж. «Мир Божий», «Научное обозрение», «Народное хозяйство»; сотрудник газ. «Наша жизнь» (с 1904), ее воен. корреспондент в Маньчжурии (1905); секретарь

отделения с.-х. статистики и полит. экономии Вольного экономического общества (1906–1910); ст. редактор статистического отдела Петербургской гор. управы (1910–1911); чл. редакции ж. «Русская мысль» (с 1910), газ. «Русская молва» (1912–1913); смертельно раненный под Краковом, умер в полевом госпитале I; II

Рыкачев Михаил Николаевич (1840–1919) – метеоролог; отец А. М. Рыкачева; директор Гл. физической обсерватории (1896–1913); председатель воздухоплавательного отдела Русского технического общества (1881–1884); чл.-корреспондент (1892), экстраординарный (1896) и ординарный академик Петербургской АН (1900); генерал-майор (1895), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (1904), генерал флота (1909) I

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948) – журналист, публицист; конституционный демократ; сотрудничал в газ. «Речь», ж. «Русское богатство»; в эмиграции – в Берлине (с 1919), Париже (с 1920): секретарь редакции газ. «Последние новости» (с 1921), соредактор ж. «Борьба за Россию» (1928–1931) I

Рысс Соломон (Семен) Яковлевич (лит. псевдоним Э. Борецкая; 1876–1908) – социалист-революционер-максималист; сотрудничал в ж. «Вопросы философии и психологии», «Научное обозрение», «Образование»; завербованный киевской охранкой (1906), о чем сообщил руководству максималистов, передал через брата, П. Я. Рысса, информацию о предательстве Е. Ф. Азефа; при подготовке экспроприации арестован в Юзовке (13.4.1907); казнен в Киеве (18.2.1908) I

Рюрик (830–879) – варяг, новгородский князь II

Рязанов Давид Борисович (наст. фамилия Гольденбах; 1870–1938) – социал-демократ с 1889, чл. РСДРП(б) с 1917; чл. Гос. ученого совета, коллегии и зав. Гл. управлением архивным делом Наркомата просвещения РСФСР (1918–1920); директор Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1930); академик АН СССР (1929); отбывал ссылку в Саратове (1931–1934); арестован (23.7.1937), расстрелян (21.1.1938) I; II

Рязанова Анна Львовна (урожд. Брановер; 1878–1971) – жена Д. Б. Рязанова (с 1899); чл. РСДРП с 1899, РСДРП(б) с 1917; секретарь исполкома Петроградского совета профсоюзов (1918); арестованная (25.11.1937), находилась в заключении (до 30.4.1943) II

Савинков Борис Викторович (1879–1925) – социалист-революционер с 1903; зам. руководителя, глава Боевой организации ПСР (1903–1911); журналист, писатель; комиссар армии, Юго-Западного фронта, тов. министра и управляющий Военным министерством (1917); председатель Русского

политического комитета в Варшаве (1920–1921); нелегально перешел границу и, арестованный в Минске (16.8.1924), приговорен к расстрелу, замененному 10-летним заключением; покончил с собой I; II

Савинков Виктор Викторович (1886–1954) – брат Б. В. Савинкова; юрист; социалист-революционер (до 1917); художник, чл. объединения «Бубновый валет»; окончил 7-месячные курсы Константиновского артиллерийского училища (1916); участник Первой мировой войны (1917); воевал на Дону в составе партизанского отряда М. Ф. Семилетова, артдивизиона Сводно-партизанской дивизии Донской армии (с 1918); попал в плен (13.3.1920) и, скрыв фамилию, командовал батареей в Красной армии; перешел линию фронта и, интернированный поляками, участвовал в действиях Русской народной добровольческой армии С. Н. Булак-Балаховича; зав. информбюро при Русском эвакуационном комитете в Варшаве, чл. «Народного союза защиты Родины и свободы» (до 1923); высланный из Польши (1921), жил в Збраславе под Прагой; редактор ж. «Звезда на Востоке» (1926–1927); позднее – в Париже II

Савинкова Вера Николаевна (урожд. Рукина; 1888–1973) – жена В. В. Савинкова (до 1915), во втором браке – А. А. Демьянова, в третьем – чешского адвоката А. Стомпфе (после 1925) II

Савич Константин Иванович (1873–1947) – прокурор Харьковского окружного суда, тов. председателя уголовного отделения С.-Петербургского окружного суда; чл. совета Министерства путей сообщения (1916); инспектор Наркомата гос. контроля (1918–1919); подвергался арестам как заложник (1918, 1919); за попытку пересечь границу на норвежском судне заключен в концлагерь (1920); управделами РАН (1920–1922); арестованный (16.8.1922), приговорен к ссылке в Тюменскую губ. (8.12.1922); в эмиграции (с 1923) – в Берлине, Париже II

Савов Михаил Попов (1857–1928) – болгарский военачальник; окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885); участник Сербско-болгарской войны 1885; воен. министр (1891–1894, 1903–1907); начальник Военного училища в Софии (1897–1903); генерал-лейтенант (1908); пом. главнокомандующего (1912–1913); посол во Франции (1920–1923), в Бельгии (1922–1923) I

Сарафов Борис Петров (1872–1907) – македонский революционер; окончил Военное училище в Софии (1893), поручик; руководитель Мелничского восстания 1895; слушатель Николаевской академии Генерального штаба; чл. тайной рев. организации с 1896, председатель Верховного Македонско-

Одринского комитета (1899–1901); чл. штаба Илинденского восстания 1903 I

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942) – историк, публицист; сотрудничал в ж. «Былое», «Голос минувшего», «Русское богатство», «Современный мир», «Русская мысль»; социал-демократ; пом. присяжного поверенного С.-Петербургской судебной палаты (с 1909); преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах (1915–1917); комиссар Временного правительства по ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции (1917), автор кн. «Русский политический сыск за границей» (1918); тов. управляющего отделом пропаганды Особого совещания при ген. А. И. Деникине (1919); в эмиграции – в Париже (с 1920) I; II

Свешников Митрофан Иванович (1862 – после 1917) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре гос. права (1888–1899); экстраординарный профессор Военно-юридической академии; присяжный поверенный (на 1905) I

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857–1914) – генерал-лейтенант (1901); пензенский (1895–1897), екатеринославский (1897–1900) губернатор; виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1902–1904); тов. министра (1900–1902), министр внутренних дел (1904–1905) I; II

Сегрю Джон Хрисостом (Segrue John Chrysostom; 1884–1942) – корреспондент лондонских газ. «Daily News» (с 1910), «News Chronicle» (с 1930); арестованный в Загребе (1941), депортирован в Германию; скончался в лагере для интернированных (близ Ламсдорфа в Нижней Силезии) II

Седельников Тимофей Иванович (1871–1930) – землемер; депутат 1-й Гос. думы, чл. Трудовой группы (1906); социалист-революционер, затем меньшевик-оборонец; чл. Оренбургской войсковой управы (27.4–28.9.1917), Казачьего отдела ВЦИК (1918–1919); чл. РКП(б) с 1919; уполномоченный ВЦИК в Башкирии (1919–1920), чл. коллегии Наркомата земледелия РСФСР (с 1921), ст. инспектор Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (с 1922) II

Семевский Василий Иванович (1848–1916) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре русской истории (1882–1886), профессор Александровского лицея (1882–1884); второй муж Е. Н. Водовозовой (с 1888); чл. Союза освобождения с 1904; председатель Комитета помощи освобожденным узникам Шлиссельбургской крепости (с 1905); чл. оргкомитета Трудовой (народно-социалистической) партии (с 1906); соредактор ж. «Голос минувшего» (1914–1916) I; II

Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк;

издатель (с 1870), редактор ж. «Русская старина» (с 1877); гласный Петербургской гор. думы (1877–1892), тов. городского головы (1883–1885); пом. статс-секретаря Гос. совета (с 1878); брат В. И. Семевского I

Сени Джованни Батиста (Сений, Seni Giovanni Battista; 1600–1656) – итальянский астролог I

Сергеевский Николай Дмитриевич (1849–1908) – экстраординарный (с 1884), ординарный (с 1888) и заслуженный профессор Петербургского ун-та по кафедре уголовного права (с 1903); ординарный профессор Военно-юридической академии (с 1890); пом. статс-секретаря (с 1893), статс-секретарь Гос. совета и управляющий отделением Свода законов Гос. канцелярии (с 1897); сенатор (с 1904); чл. Гос. совета (с 1906) II

Сергей Александрович (1857–1905), великий князь – генерал-лейтенант (1896); сын Александра II; московский генерал-губернатор (с 1891) и командующий Московским военным округом (с 1896); погиб от бомбы, брошенной эсером И. П. Каляевым I; II

Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860–1901) – совладелец золотых приисков и пароходств; учился на физ.-мат., юридическом факультетах Петербургского ун-та (1880–1885, не окончил); благотворитель; послушник (с 1894), принял постриг (1896); схимонах Свято-Андреевского скита на горе Афон (с 1898) I

Сибиряковы, отец: Михаил Афанасьевич (1815–1874) – иркутский купец 1-й гильдии (1849), золотопромышленник, совладелец Бодайбинской железной дороги и «Компании промышленности в разных местах Восточной Сибири» (с 1865); сыновья: Александр Михайлович (1849–1933) – золотопромышленник, владелец Ленско-Витимского, Ангарского и Амурского пароходств, исследователь Северного морского пути, благотворитель; Константин Михайлович (1854 – после 1908) – золотопромышленник, землевладелец в Самарской губ. и на Черноморском побережье близ Туапсе, соиздатель ж. «Слово» (1878–1881), скульптор, толстовец; Иннокентий Михайлович (см. о нем выше) I

Сидоров Алексей Алексеевич (1864–1931) – отдельный цензор по иностранной цензуре в Киеве (с 1904); председатель Киевского временного комитета (с 1906), Московского комитета по делам печати (1909–1917); чл.-делопроизводитель отдела Русского собрания (с 1905), председатель Клуба русских националистов в Киеве (1908); председатель московского отдела Всероссийского национального союза и отделения Галицко-русского благотворительного общества, тов. председателя

Славянского комитета; автор воспоминаний в ж. «Голос минувшего» (1918, 1923); в эмиграции – в Варшаве, Белграде I

Сильчевский Дмитрий Петрович (1851–1919) – библиограф, публицист; отбывал ссылку в Олонецкой губ. (1877–1879), заключение в Ярославском тюремном замке (1889–1890); служил в Ярославской губ. земской управе (до 1899); сотрудничал в ж. «Былое», «Минувшие годы» (1906–1908), Большой энциклопедии, Энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона; работал в библиотеке Петроградского историко-рев. архива (1918–1919) II

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – министр внутренних дел (1899–1902) I; II

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) – чл. РСДРП с 1903, меньшевик; в политэмиграции – в Вене (с 1907); депутат 4-й Гос. думы (1912–1917); канд. в чл. ЦК РСДРП, тов. председателя Петроградского совета, ЦИК, министр труда Временного правительства, чл. Предпарламента, депутат Учредительного собрания (1917); уполномоченный Наркомата внешней торговли РСФСР во Франции (с 1921); чл. РКП(б) с 1922; председатель секции внешней торговли Госплана СССР (1925–1926), Концессионного комитета РСФСР (1926–1930); гл. энергетик, пом. начальника Магнитостроя (с 1931); инженер НИИ Всесоюзного радиокомитета (с 1936); арестован (19.11.1937), расстрелян (29.7.1938) II

Славинский Максим Антонович (1868–1945) – журналист; сотрудник газ. «Приднепровский край» в Екатеринославе, ж. «Южные записки» в Одессе (1904); редактор газ. «Свобода и право», редактор-издатель газ. «Свободная мысль» в Киеве, ж. «Украинский вестник» в Петербурге (1906); секретарь редакции ж. «Вестник Европы»; тов. председателя ЦК Радикально-демократической партии, чл. исполкома Украинского национального совета и представитель Центр. Рады при Временном правительстве (1917); чл. ЦК Украинской партии социалистов-федералистов, совета МИД Украинской державы и ее представитель на Дону, министр труда (1918); в эмиграции – в Чехословакии: профессор Украинской хоз. академии в Подебрадах; арестован (27.5.1945) и, депортированный в Киев, скончался в тюрьме (23.11.1945) I

Славков Панайот Атанасов (1846–1924) – болгарский политический деятель; председатель Народного собрания (1889–1892), министр юстиции (1892–1893), торговли и земледелия (1893–1894) I

Слонимский Леонид-Людвиг Зиновьевич (1850–1918) – журналист, публицист; работал в редакциях газ. «Русский мир» (1875–1879), ж. «Слово» (1879–1881), газ. «Порядок» (1881–1882),

ж. «Вестник Европы» (с 1883, вел иностранное обозрение), «Малого энциклопедического словаря» Брокгауза – Ефрона (1899–1902); редактор «Политической энциклопедии» (1906–1907) I; II

Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) – чл. Социально-рев. партии «Народное право» с 1893; привлекался к дознанию по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1896); присяжный поверенный с 1904; юрисконсульт с.-д. фракции 3-й Гос. думы (1909–1910); чл. исполкома Петроградского совета, ЦИК, Предпарламента, Чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий б. министров, сенатор (1917); юрисконсульт, чл. Московской губ. коллегии защитников I; II

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт, публицист I

Соловьев Михаил Петрович (1841–1901) – правовед, историк, искусствовед; чл. совета, временный и. д. начальника Гл. управления по делам печати при Министерстве внутренних дел (1896–1899) I

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – ординарный (с 1850), заслуженный профессор по кафедре русской истории (с 1859), декан историко-филологического факультета (1855–1869), ректор Московского ун-та (1871–1877); академик Петербургской АН (с 1872); отец В. С. Соловьева I

Соломко Николай Павлович – уездный исправник в Холмогорах, Шенкурске (с 1889) I

Сомов Николай Арсеньевич (Арсениевич; 1856 – после 1913) – штабс-ротмистр (1888), ротмистр (1890), подполковник (1900), полковник Отдельного корпуса жандармов (1906); адъютант Ярославского губ. жандармского управления (с 1887); пом. начальника губ. жандармских управлений: Архангельского по Шенкурскому у. (с 1889), Киевского (на 1900), Владимирского в Муромском, Меленковском и Судогодском уездах (с 1901), Минского в Пинском, Мозырском и Реченском уездах (1906); начальник губ. жандармских управлений: Волынского (с 1906), Могилевского (с 1910), Псковского (с 1911); уволен в отставку с производством в чин генерал-майора (1913) I

Сонки – см.: Сонни А. И.

Сонни Адольф Израилевич (1861–1922) – приват-доцент (с 1887), экстраординарный (с 1889), ординарный (с 1897) и заслуженный профессор Киевского ун-та по кафедре классической филологии (с 1912); декан историко-филологического отделения, профессор Высших женских кусов в Киеве (1906–1918) I

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – социолог, журналист; социалист-революционер в 1906–1918; чл. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов (1917); приват-

доцент (с 1917), профессор Петроградского ун-та по кафедре социологии (1920–1921); в эмиграции – в Германии (с 1922), Чехословакии, США (с 1923): профессор Гарвардского ун-та (1931–1959), президент Американской социологической ассоциации (1965) II

Спенсер Герберт (Spenser Herbert; 1820–1903) – английский философ и социолог I

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – социалистка-революционерка с 1905; за убийство советника тамбовского губ. правления Г. Н. Луженовского приговорена к повешению, замененному бессрочной каторгой, которую отбывала в Акатуйской и Мальцевской тюрьмах (1906–1917); чл. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Петроградского совета, Предпарламента, Учредительного собрания, президиума ВЦИК и ЦК ПЛСР (1917–1918); за организацию левоэсеровского мятежа приговорена к году тюремного заключения (27.11.1918), амнистирована; неоднократно подвергалась арестам, заключению, ссылкам в Самарканд (с 1925), Ташкент (с 1928), Уфу (с 1931); арестована (8.2.1937) и, приговоренная к 25 годам заключения (7.1.1938), расстреляна (11.9.1941) II

Стамбулов Стефан (Стамболов; 1855–1895) – один из вождей нац.-освободительного движения в Болгарии; лидер Народно-либеральной партии (1887–1895); председатель Народного собрания (с 1884), регентского совета (1886–1887), совета министров (1887–1894) I; II

Стамбулова Поликсена (Стамболова, урожд. Станчева; 1868–1947) – жена С. Стамбулова (с 1888) I

Станкевич Владимир Бенедиктович (Stankevičius Vladas; с 1944 – Stanka; 1884–1968) – пом. присяжного поверенного (с 1908); секретарь фракции Трудовой группы в 3-й Гос. думе (1907–1912); приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре уголовного права и судопроизводства (1914–1916); окончил Павловское воен. училище (1915), поручик; чл. бюро исполкома Петроградского совета, комиссар Временного правительства на Северном фронте, чл. ЦК ТНСП (1917–1918); в эмиграции – в Берлине (с 1919), Каунасе (с 1922), позднее – в Германии (с 1944), США (с 1949) I; II

Станюкович Константин Михайлович (1843–1903) – писатель II

Старицкие, дочери М. П. Старицкого: Мария Михайловна (театр. псевдоним Яворская; 1865–1930) – драматическая актриса, театральный режиссер, профессор Высшего музыкально-драматического ин-та им. М. Лысенко, заслуженная артистка Украинской ССР; Людмила Михайловна (в браке Старицкая-

Черняховская; 1868–1941) – писательница, драматург, поэтесса, сослана в Казахстан и умерла в дороге; Оксана Михайловна (в браке Старицкая-Стешенко; 1875–1942) – детская писательница, сослана в Казахстан; София Михайловна (в браке Русова); Ольга Михайловна – умерла в возрасте 11 лет I

Старицкий Михаил Петрович (1840–1904) – украинский и русский писатель, переводчик; организатор первой национальной театральной труппы (1882, совм. с М. Л. Кропивницким); режиссер и директор театральных трупп I

Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918) – присяжный поверенный (с 1866), председатель совета присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1866, 1906, 1911–1914); участник создания Русского музыкального общества (1859), С.-Петербургской консерватории (1862); чл. оргкомитета Партии демократических реформ (1906) I

Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) – чл. РСДРП с 1898, большевичка с 1903; дочь Д. В. Стасова; канд. в чл. (1914–1917), чл. ЦК РСДРП(б) – РКП(б) (1917–1920) и его ответственный секретарь (1919–1920); работала в Коминтерне (1921–1926), Международной организации помощи борцам революции (1927–1937); чл. ЦКК ВКП(б) (1930–1934), Интернациональной контрольной комиссии (1935–1943); редактор ж. «Интернациональная литература» (1938–1946) I

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – экстраординарный профессор Петербургского ун-та по кафедре всеобщей истории (1858–1861); чл. Ученого комитета Министерства народного просвещения (1862–1866); редактор-издатель ж. «Вестник Европы» (1866–1908), владелец типографии (с 1872), изд-ва и книжного магазина (на 5-й линии Васильевского острова); гласный С.-Петербургской гор. думы (с 1881); чл. оргкомитета Партии демократических реформ (1906) I; II

Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – предводитель дворянства Елецкого у. (1892–1895), Орловской губ. (1896–1908); камергер (с 1899); депутат Гос. думы 1–2-го созывов (1906–1907); чл. ЦК «Союза 17 октября» (1905–1906), Партии мирного обновления (1906–1907), Партии прогрессистов (с 1912); чл. Гос. совета (1907–1917); финляндский генерал-губернатор (1917), посол в Испании (1917); в эмиграции – во Франции I; II

Стеклов Юрий Михайлович (Нахамкис; 1873–1941) – социал-демократ с 1893; отбывал ссылку в Якутии (1895–1899), бежал; в политэмиграции – во Франции, Швейцарии (1900–1905, 1910–1914); пом. присяжного поверенного (1916); чл. исполкома

Петроградского совета (1917); отв. редактор газ. «Известия ВЦИК» (1917–1925), соредактор ж. «Новый мир» (1925), «Красная нива» (1923–1925), редактор ж. «Советское строительство» (1928–1929); историк; зам. председателя Ученого комитета при ЦИК СССР (1929–1935); пенсионер; арестован (3.2.1938) и, приговоренный к 8 годам заключения, умер в Саратовской тюрьме II

Стоилов Константин (1853–1901) – болгарский политический деятель; министр иностранных дел и исповеданий (1882), юстиции (1883, 1886–1887, 1887–1888), председатель совета министров (1887, 1894–1899); основатель и лидер Народной партии (1894–1901) I

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906); смертельно ранен Д. Г. Богровым в Киеве I; II

Стомпфе Алоис (Stompfe Alois; Алексей Лукич; 1868–1944) – чешский юрист; владелец адвокатской конторы (с 1900); председатель Палаты (с 1919), Ассоциации адвокатов Чехословакии (с 1924) и ее представитель в Международном союзе адвокатов (с 1927), его председатель (1936–1937) II

Струве Нина Александровна (Антонина, урожд. Герд; 1868–1943) – жена П. Б. Струве (с 1897); преподавала в вечерней воскресной школе для рабочих, гимназиях княгини А. А. Оболенской, Л. С. Таганцевой, М. Н. Стоюниной, Выборгском коммерческом училище; в эмиграции – в Чехословакии, во Франции, в Югославии I

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – публицист; теоретик «легального марксизма»; чл. редакций ж. «Новое слово» (1897), «Начало» (1899), автор «Манифеста» РСДРП (1898); в политэмиграции – в Германии (1901–1905): редактор ж. «Освобождение» (1902–1905); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1905–1915); редактор ж. «Полярная звезда» (1905–1906); соредактор (с 1906), редактор ж. «Русская мысль» (1911–1918, 1921–1927); депутат 2-й Гос. думы (1907); приват-доцент (1906–1915), экстраординарный профессор Петербургского политехнического ин-та (1915–1917); приват-доцент Петроградского ун-та (1916–1918); академик РАН (с 1917); редактор газ. «Великая Россия», чл. Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (1919–1920); начальник управления внешних сношений в правительстве П. Н. Врангеля (1920); в эмиграции – в Праге (1921–1925), Париже (1925–1928, 1942–1944), Белграде (1928–1942): редактор газ. «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1927–1928), «Россия и славянство» (1928–1934) I; II

Стюарты (с XVI в. Stuart) – династия королей Англии и

Ирландии (с 1603), Великобритании (1707–1714) II

Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937) – издатель газ. «Русь» (1903–1908), «Молва» (1905–1906, 1917), «Новая Русь» (1908–1917), «Маленькая газета» (1914–1917); участник 1-го Кубанского похода; за критику Добровольческой армии изгнан из ее состава (1919); в эмиграции – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Польше (выслан) и во Франции I; II

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – издатель газ. «Новое время» (1876–1912); владелец типографии и книжных магазинов; отец А. А. Суворина I; II

Суриш Лев Моисеевич (псевдоним Лео; 1873 – ?) – журналист, фельетонист; исключен из Харьковского ун-та за участие в студенческих беспорядках (1899) и подчинен негласному надзору с высылкой в Керчь (освобожден в 1900); сотрудничал в газ. «Вестник Юга», «Киевские отклики», «Одесский курьер», «Одесские новости», «Приднепровский край», «Раннее утро»; в советское время – в газ. «Труд» (на 1926) I

Сусанин Иван (1568–1613) – костромской крестьянин, спаситель царя Михаила Романова I

Таганцев Владимир Николаевич (1889–1921) – профессор кафедры географии Петроградского ун-та (с 1919); арестован (31.5.1921), расстрелян (25.8.1921) I

Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – ординарный профессор по кафедре уголовного права Петербургского ун-та (1871–1882); преподавал в Училище правоведения (1867–1907), защитник на «процессе 193-х» (1877–1878); сенатор (с 1887); чл. Гос. совета (1905–1917); почетный чл. РАН (1917); отец В. Н. Таганцева I

Тарле Виктор Евгеньевич (1896–1899) – сын Е. В. Тарле I

Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк; приват-доцент Петербургского ун-та (1903–1913); экстраординарный (с 1913), ординарный профессор Юрьевского ун-та (с 1916); профессор Петроградского ун-та, ЛГУ (1918–1930, 1934–1946), МГУ (1946–1955); чл.-корреспондент (1921), академик АН СССР (1927); арестован (28.11.1930) и, приговоренный к высылке на 5 лет в Алма-Ату (8.8.1931), досрочно освобожден (окт. 1932, судимость снята в марте 1937); лауреат Сталинской премии (1942, 1943, 1945) I; II

Тарле Ольга Григорьевна (урожд. Михайлова; 1874–1955) – жена Е. В. Тарле (с 1893) I

Татаров Николай Юрьевич (1877–1906) – привлекался к дознаниям за издание рев. литературы (1895), по делу Польской соц. партии (1898); один из основателей социал-демократической группы «Рабочее знамя» (1899); арестован (1901), заключен в

Петропавловскую крепость и, приговоренный к 5 годам ссылки в Вост. Сибирь, отбывал ее в Иркутске; печатался в газ. «Восточное обозрение», ж. «Русское богатство»; секретный сотрудник Петербургского охранного отделения (с 1905); кооптированный в ЦК ПСР (1905), выдал ее Боевую организацию; разоблачен, приговорен эсерами к смерти и убит Ф. А. Назаровым (22.3.1906) I

Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906) – публицист, историк; служил по ведомству Министерства иностранных дел (1864–1877): секретарь консульства в Рагузе (Сицилия, с 1865), миссии в Афинах, посольства в Вене (с 1872); участник Русско-турецкой войны 1877–1878; чиновник особых поручений при министре внутренних дел (1881–1883); вел полит. обозрение в ж. «Русский вестник» (1889–1897), сотрудничал в газ. «Новое время»; агент Министерства финансов в Лондоне (с 1898); чл. Совета Гл. управления по делам печати МВД (с 1903), редактор газ. «Правительственный вестник» (1905–1906) I

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – сахарозаводчик, землевладелец, банкир; депутат 4-й Гос. думы (1912–1917); министр финансов, иностранных дел Временного правительства (1917); в эмиграции – в Норвегии, во Франции, в Англии и Монако I; II

Теслер Лев Всеволодович (Либер Зеликов; 1871 – после 1935) – чл. РСДРП в 1898–1918; окончил ун-т в Цюрихе (1892–1896), учился в агрономической, технической школах в Вене (1897); чл. киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», арестован (12.3.1898), заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к ссылке в Вост. Сибирь на 8 лет (22.3.1900); вновь арестованный в Якутске, приговорен к 12 годам каторжных работ (30.7.1904); парторганизатор Нарвского р-на в Петербурге (1905); чл. Одесского комитета РСДРП, секретарь бюро профсоюзов (1906–1907); редактор изд-ва «Освобождение труда» в Одессе (1907–1910); служил в правлении Азовско-Донского коммерческого банка; председатель Центр. правления Всероссийского профсоюза служащих кредитных учреждений (Кредиттруда), чл. Петроградского совета, ЦИК, Предпарламента (1917); тов. председателя Центр. правления Всероссийского профсоюза работников кредитного дела (Банктруда), ЦК Всероссийского профсоюза работников финансового и контрольного дела (Финконтруда), чл. пленума ВЦСПС (1918–1921); инспектор, управделами производственного управления и председатель кооператива ВСНХ (1921–1923); ст. инспектор Промбанка (с 1923), зав. отделом Электробанка (до 1928); пенсионер; инструктор бюро труда (1927–1930), зав. клубом

(1930–1933), управделами Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1934–1935) I

Тилик Фридрих Рейнгольдович (1856–1926) – фармацевт, владелец аптеки в Петербурге (с 1893) II

Тихвинская Афанасия Петровна (1862 – ?) – жена священника Ф. В. ТихвинскогоII

Тихвинский Федор Васильевич (1861 – после 1917) – священник в с. Байса Уржумского у. Вятской губ. (с 1888), настоятель Свято-Троицкого собора в Уржуме (1905), Троицкой церкви в с. Чудиново Орловского у. Вятской губ. (с 1905); депутат 2-й Гос. думы, лишен духовного сана (1907); окончил медицинский факультет Юрьевского ун-та; ст. ординатор, зав. Холмским воен. госпиталем в Ржеве (1917) II

Тойнби Арнольд (Toynbee Arnold; 1852–1883) – английский экономист; филантроп I

Толмачев Иван Николаевич (1861–1931) – генерал-майор (1907), генерал-лейтенант (1911); одесский градоначальник (1907–1911); в эмиграции – в Берлине I; II

Толмачев Иннокентий Павлович (1872–1950) – ученый хранитель (с 1899), ст. ученый хранитель Геологического и минералогического музея (с 1913), ученый секретарь Полярной комиссии Петербургской АН (с 1916); директор Высших географических курсов (1916); руководил экспедициями в Туруханский край (1905), на Чукотку и в Сев.-Вост. Сибирь (1909–1910), на Алтай и в Семиречье (1914–1916), в Енисейскую губ. и Семипалатинскую обл. (1917); уволен из РАН ввиду невозвращения из науч. командировки (20.10.1920); в эмиграции – в США (с 1922): профессор Питтсбургского ун-та II

Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – писатель II

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф – писатель I; II

Толстой Николай Александрович (1849–1900), граф – землевладелец; председатель комитета общественного здравия, земского собрания и предводитель дворянства Самарского у. (1881–1899) I

Тончев Димитрий (1859–1937) – болгарский политический деятель; депутат (1885–1892), председатель Народного собрания (1886–1887); министр юстиции (1886, 1888–1891), торговли и земледелия (1894), общественного строительства, дорог и связи (1899–1900), иностранных дел и вероисповеданий (1900–1901), финансов (1913–1918); лидер Младолиберальной партии с 1904; как ответственный за Вторую национальную катастрофу (вступление Болгарии в мировую войну) приговорен к пожизненному заключению (1919), освобожден по амнистии (1924) I

Трачевский Александр Семенович (1838–1906) – ординарный профессор Новороссийского ун-та по кафедре всеобщей истории (1878–1890); чл. Радикальной партии I

Трозинер Федор Федорович (1866–1919) – журналист, театральный критик, фельетонист I

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь – ординарный профессор Киевского ун-та (с 1897), Московского ун-та по кафедре энциклопедии права и истории философии права (1906–1911, 1917–1918); чл. совета Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (с 1906); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл. Гос. совета (1907–1908, 1915–1917); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (1905), Партии мирного обновления (1906–1907), Партии прогрессистов (1912–1914); редактор-издатель газ. «Московский еженедельник» (1906–1910) I; II

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – приват-доцент Петербургского ун-та по кафедре полит. экономии и статистики (1895–1899, 1906–1913); теоретик «легального марксизма»; муж Л. К. Давыдовой (до 1900); профессор Высших женских курсов (1906–1916), Петроградского политехнического ин-та (1915–1917, преподаватель с 1907); редактор ж. «Вестник кооперации» (1909–1918), «Украинская кооперация» (с 1918); ген. секретарь финансов Украинской народной республики (1917); профессор, декан юридического факультета Киевского ун-та (1918–1919); академик Украинской АН (1918) I; II

Тун Альфонс (Thun Alphons; 1854–1886) – немецкий историк; профессор ун-тов в Базеле (1881–1883), Фрейбурге (1883–1885) I; II

Турати Филиппо (Turati Filippo; 1857–1932) – один из основателей Соц. партии итальянских трудящихся (Partito Socialista dei Lavoratori Italiani, 1892), переименованной в Итальянскую соц. партию (Partito Socialista Italiano, 1895); редактор ж. «Critica Sociale» (с 1891); депутат парламента (с 1896); лидер реформистского крыла ИСП, из которой исключен, и организатор Унитарной соц. партии (Partito Socialista Unitario, 1922); в эмиграции – во Франции (с 1926) I

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель I; II

Тучапская В. Г. – см.: Крыжановская В. Г.

Тучапский Павел Лукич (1869–1922) – социал-демократ; сотрудничал в газ. «Народ», органе Русско-украинской радикальной партии; приговорен к 3 мес. ареста с запрещением педагогической деятельности (27.10.1893); пом. секретаря Полтавской губ. земской управы (с 1895), счетный чиновник гос. контроля Юго-западных железных дорог в Киеве; чл. группы

«Рабочее дело» (с 1896), «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», редакции «Рабочей газеты» (с 1897); делегат 1-го съезда РСДРП, арестован (12.3.1898) и, приговоренный к ссылке в Вологодскую губ., отбывал ее в Тотьме, Яренске, Грязовце (1900–1901), Вологде (1901–1904): земский статистик; муж В. Г. Крыжановской; чл. Украинского с.-д. союза («Спилки») с 1905; жил в Одессе (с 1907): учитель, редактор газ. «Южный рабочий» (1917); председатель Совета старых революционеров при Комиссии по изучению рев. архивов при Одесском губ. юридическом отделе (1921); переводчик работ К. Маркса, А. Менгера, Ф. Меринга; библиотекарь Всеукраинской АН в Киеве (1921–1922); мемуарист I

Тэн Ипполит-Адольф (Taine Hippolyte Adolphe; 1828–1893) – французский историк II

Тюдоры (Tudors) – английская королевская династия, правившая в 1485–1603 II

Ульянов Александр Ильич (1866–1887) – студент физ.-мат. факультета Петербургского ун-та; чл. террористической фракции партии «Народная воля», готовившей покушение на Александра III; казнен I; II

Ульянов Григорий Карпович (1864–1943) – социалист-революционер с 1902, чл. Саратовского комитета (сослан в 1905 в Вост. Сибирь), ЦК ПСР (1906–1910), редактор-издатель газ. «Дело народа» (1906, № 1–9); депутат 1-й Гос. думы (1906); чл. ЦК Трудовой группы (1907); в политэмиграции – в Италии, Париже, Женеве (1907–1917): участник Кинтальской соц. конференции (1916), редактор ж. «На чужбине» (1916–1917); левый эсер в 1917–1918; чл. Учредительного собрания; отв. секретарь ж. «Народное просвещение» (с 1918), зав. мордовским отделом Совета по просвещению нац. меньшинств (1919–1924); пенсионер (с 1926) II

Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943) – социал-демократ, большевик с 1903; подвергался арестам (1897, 1902, 1904); земский врач в Симбирской (1905–1906), Московской (1907–1911), Таврической (с 1911) губ.; ст. ординатор госпиталя в Севастополе (с 1914); чл. Таврического комитета РСДРП(б) (1917); нарком здравоохранения Крымской сов. республики (1919); зам. зав. отделом санитарного просвещения и изд-ва Наркомата здравоохранения РСФСР (с 1921), зав. медико-санитарной частью Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова (с 1925); работал в науч. секторе поликлиники Комиссии содействия ученым при СНК СССР (с 1933) I; II

Ульянова Анна Ильинична (в браке Елизарова; 1864–1935) — участница марксистских кружков с 1894, чл. РСДРП с 1898,

большевичка с 1903; училась на Высших женских (Бестужевских) курсах; чл. Бюро ЦК РСДРП(б), секретарь редакции газ. «Правда» (1917); позднее – в Наркомате соц. обеспечения (1918–1921), Наркомате просвещения РСФСР I; II

Ульянова Мария Александровна (урожд. Бланк; 1835–1916) – мать А. И. Ульяновой-Елизаровой, А. И. Ульянова, В. И. Ульянова-Ленина, О. И. Ульяновой, Д. И. Ульянова, М. И. Ульяновой I; II

Ульянова Мария Ильинична (1878–1937) – чл. РСДРП с 1898, большевичка с 1903; училась на Московских высших женских курсах (1896–1898); агент редакции газ. «Искра» (с 1901); отбывала ссылку в Вологодской губ. (1912–1914); чл. Русского бюро ЦК РСДРП (1917); отв. секретарь, чл. редколлегии газ. «Правда» (1917–1930); чл. президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР (1932–1934), Комиссии советского контроля при СНК СССР (1934–1937) I; II

Ульянова Ольга Ильинична (1871–1891) – выпускница Мариинской женской гимназии в Симбирске (1887); училась на физ.-мат. отделении Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге; умерла от брюшного тифа I; II

Урбанчич Виктор (Urbantschitsch Viktor; 1847–1921) – австрийский врач, основоположник современной отологии; доктор медицины (1870); преподавал в Венском ун-те (с 1873): адъюнкт-профессор (1885), зав. ушной клиникой (с 1907) I

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) – чл. РСДРП с 1903, большевик с 1917; окончил юридический факультет Киевского ун-та (1897); комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания (1917); председатель Петроградской ЧК и комиссар внутренних дел Северной обл.; застрелен Л. И. Каннегисером I

Успенский Виктор Петрович (1869–1919) – социалист-революционер; зав. медико-санитарным бюро при Рязанской губ. земской управе; депутат 2-й Гос. думы (1907); зав. санитарным бюро Московской гор. управы (1912–1917); гласный Московской гор. думы (1917) II

Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – публицист, прозаик I

Ушаков Михаил Андреевич – рабочий-литейщик; сотрудничал с Департаментом полиции (с 1902); организатор С.-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве (1904), С.-Петербургского центр. союза рабочих (1905), Независимой социальной рабочей партии (1905–1906); редактор-издатель «Рабочей газеты» (1906); арестован как провокатор (1917) II

Ушаков Николай Ильич (1857 – после 1929) – чл.

«землевольческого» кружка Г. В. Плеханова (1878); арестованный (1879), отбывал ссылку в Холмогорах Архангельской губ. (с 1880), Нарыме Томской губ. (с 1882), откуда переведен в Барнаул (1884–1885); земский статистик; жил в Новгороде: секретарь губ. земской управы (1890–1916), гласный гор. думы (1910–1917), городской голова (1917–1918); библиотекарь профсоюза строительных рабочих в Новгороде (на 1929) II

Файф Чарльз Алан (Fyffe Charles Alan; 1845–1892) – английский историк I

Феоктистов Евгений Михайлович (1828–1898) – историк, публицист; гл. редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1871); начальник Гл. управления по делам печати при Министерстве внутренних дел (1883–1896); сенатор (1896) I

Фердинанд Кобургский (Фердинанд Максимилиан Карл Леопольд Мария Саксен-Кобург-Готский, Ferdinand Maximilian Karl Leopold Maria von Sachsen-Coburg und Gotha; 1861–1948), принц (до 1887) – князь (1887–1908), царь Болгарии (1908–1918); после отречения от престола жил в Кобурге I

Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – чл. исполкома партии «Народная воля» (1879–1883); приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой (1884): отбывала в Шлиссельбургской крепости; находилась в ссылке (1904–1906), политэмиграции (1906–1915); чл. ПСР в 1907–1909; председатель Комитета помощи освобожденным каторжанам и ссыльным (с 1910); чл. исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, Предпарламента, депутат Учредительного собрания (1917); персональный пенсионер (с 1926); мемуаристка I; II

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – славист, византинист; ординарный профессор (с 1888), декан историко-филологического факультета Киевского ун-та (1890–1905); чл.-корреспондент Петербургской АН (1898); чл.-учредитель Киевского клуба русских националистов (1908); расстрелян I

Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – ординарный (с 1882), заслуженный профессор Петербургского ун-та по кафедре уголовного права и судопроизводства (с 1896, вне штата – с 1898); тов. обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (с 1876), сенатор (с 1900) II

Фольмар Георг (Vollmar Georg von; 1850–1922) – чл. Социалистической рабочей партии Германии с 1876, СДПГ с 1890, один из лидеров ее реформистского крыла и глава баварской организации (1894–1918); депутат рейхстага (1881–1887, 1890–

1918), ландтагов саксонского (1883–1889), баварского (1893–1918) I

Франко Иван Яковлевич (1856–1916) – писатель; один из основателей Русско-украинской радикальной партии (1890) I

Франко Ольга Федоровна (урожд. Хоружинская; 1864–1941) – жена И. Я. Франко (с 1886); из-за душевного расстройства содержалась в психиатрической клинике (с 1913) I

Фрей Вильям (наст. имя Владимир Константинович Гейнс; 1839–1888) – проповедник «религии человечества» О. Конта; окончил Артиллерийскую академию (1860), геодезическое отделение Академии Генерального штаба (1864); прикомандирован к Пулковской обсерватории, капитан; в эмиграции – в США: основатель земледельческих коммун I

Френкель Яков Григорьевич (1861–1936) – народоволец; выпускник штейгерской школы в Лисичанске; заключенный в Петропавловскую крепость по обвинению в изготовлении в Луганске «метательных динамитных снарядов» (1885), на «процессе 21-го» (Г. А. Лопатина, П. Ф. Якубовича и др.) оправдан за недостатком улик (1887); корректор типографии В. С. Кульженко; чл. Киевского комитета РСДРП, арестован (1904); позднее жил в Москве I

Фуллон Иван Александрович (1844–1920) – генерал-адъютант (1904), генерал от инфантерии (1907); петербургский градоначальник (1904–1905) II

Хижняков Василий Васильевич (1871–1949) – публицист; земский врач (1895–1902); чл. совета Союза освобождения с 1904; секретарь, редактор трудов Вольного экономического общества (1903–1910); чл. редакции газ. «Наша жизнь» (1904–1906), «Товарищ» (1906–1907), ж. «Без заглавия» (с 1906); поселившись в Москве (с 1910), служил в губ. земстве, преподавал в Народном ун-те им. А. Л. Шанявского (1911–1917); народный социалист, чл. ТНСП с 1917; тов. министра внутренних дел, председатель правления совета Всероссийских кооперативных съездов (1917); зав. редакционным отделом Всероссийского кооперативного издательского союза (с 1922), редактор-консультант Всесоюзного совета республиканских центров промысловой кооперации (с 1927); библиограф Центр. медицинской библиотеки; пенсионер (с 1936) I; II

Хижняков Василий Михайлович (1842–1917) – земский деятель; отец В. В. Хижнякова; преподаватель гимназии (1866–1879), гласный гор. думы (с 1870), городской голова (1875–1887), председатель губ. земской управы в Чернигове (1886–1896); мемуарист II

Хирьяков Александр Модестович (1863–1940) – журналист; сотрудник газ. «Русская жизнь», изд-ва «Посредник»; редактор эсеровской газ. «Голос» (1906); печатался в ж. «Русское богатство», «Мир Божий», «Вестник Европы»; воен. корреспондент газ. «День»; в эмиграции – в Польше; погиб в Варшаве I; II

Хитов Панайот (1830–1918) – болгарский гайдук (1858–1867); чл. Болгарского революционного центр. комитета (с 1872); участник Сербско-турецкой войны 1876, Русско-турецкой войны 1877–1878; окружной начальник в Куле (1881–1883); мемуарист I

Ходская Ольга Артуровна (урожд. Граббе; 1867–1903) – жена Л. В. Ходского II

Ходский Леонид Владимирович (1854–1919) – приват-доцент (1885–1892), профессор Петербургского лесного ин-та по кафедре полит. экономии и статистики; приват-доцент (1892–1895, 1910–1918), экстраординарный (с 1895) и ординарный профессор по кафедре фин. права Петербургского ун-та (1898–1905, 1918–1919); редактор «Земского ежегодника» (1884–1886); редактор-издатель ж. «Народное хозяйство» (1900–1905); издатель, чл. редакции газ. «Народное хозяйство» (1905–1906), «Наша жизнь» (1904–1906), «Товарищ» (1906–1907), «Столичная почта» (1906–1908), «Наш век» (1908), «Наша газета» (1908–1909), «Правда жизни» (1908–1909), «Голос земли» (1912); учредитель Культурно-просветительного товарищества издательского и печатного дела «Наша жизнь» (1907) I; II

Худынцева Анна – воспитанница Ксениинского института (1898–1905) II

Цадек Игнац (Zadek Ignaz; 1858–1931) – немецкий социал-демократ; председатель Социалистического объединения врачей и депутат гор. собрания Берлина (1892–1911); автор работ по социальной медицине I

Цанков Драган Киряков (1828–1911) – болгарский политический деятель; автор болгарской грамматики, исторических трудов; издатель ж. «Български книжици» (1858), газ. «България» (1859–1863); основатель Либеральной (1879), Прогрессивно-либеральной партии (1884); министр иностранных (1880), внутренних дел (1883–1884), председатель совета министров (1880, 1883–1884); в эмиграции – в России (1886–1895); председатель Народного собрания (1901–1903) I

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – чл. РСДРП с 1903, меньшевик; председатель с.-д. фракции 2-й Гос. думы (1906); отбывал каторгу в Александровском каторжном централе (с 1907), ссылки в Иркутске (1901–1903), Усолье (с 1913); чл. исполкома Петроградского совета, ЦК РСДРП, министр почт и телеграфов, внутренних дел, чл. ЦИК, Учредительного собрания

(1917); один из лидеров Грузинской демократической республики, ее представитель на мирных конференциях в Версале (1919), Сан-Ремо (1920); в эмиграции – во Франции (с 1921), в США (с 1940) II

Цеткин Клара (Zetkin Clara; урожд. Эйснер, Eißner; 1857–1933) – чл. Социал-демократической партии Германии с 1881; редактор газ. «Die Gleichheit» («Равенство», 1891–1917); делегат конгрессов (с 1889), секретарь Международного женского секретариата 2-го Интернационала (с 1907); чл. ЦК Независимой с.-д. партии Германии (1917–1918), ЦК КПГ (1919–1933); депутат рейхстага (1920–1933); руководитель Международного женского секретариата (с 1920), чл. президиума Исполкома Коминтерна (1922–1933); председатель ЦК Международной организации помощи борцам революции (1925–1933) I

Цеткин Осип (Zetkin Ossip; 1850–1889) – гражданский муж К. Цеткин; уроженец Одессы, участник народнического движения; в политэмиграции – в Лейпциге: социал-демократ; высланный из Германии (1880), жил в Париже; умер от туберкулеза I

Цеткин (Zetkin), сыновья: Максим (Maxim; 1883–1965) – врач-хирург; чл. СДПГ с 1902, КПГ с 1919, РКП(б) с 1924, Соц. единой партии Германии с 1946; чл.-корреспондент АН ГДР (1955); Константин (Konstantin; 1885–1980) – врач, участник Первой мировой войны, жил в Германии, СССР, Чехословакии, во Франции, в США, Канаде I

Циглер – см.: Зиглер Т.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – философ, публицист II

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) – участник народнических кружков с 1869, чл. Аграрно-социалистической лиги с 1899, социалист-революционер в 1904–1910, чл. ЦК Трудовой группы, ТНСП (с 1917); в политэмиграции – в США (с 1875), во Франции (с 1878), в Англии (с 1880): основатель Фонда вольной русской прессы (1891); президент Вольного экономического общества (1914–1915); чл. исполкомов Петроградского совета, Всероссийского совета крестьянских депутатов, депутат Учредительного собрания (1917); председатель Верховного управления, Временного правительства Северной обл. (1918–1919); в эмиграции – в Париже, Лондоне I; II

Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – композитор I

Чеботарева Клеопатра Фроловна (1865? – 1890) – дочь генерал-майора, слушательница женских курсов при Московской 3-й мужской гимназии; сослана в Шенкурск (1888); жена С.-А. И. Гриневицкого (с 1889) I

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – экстраординарный (с 1897) и ординарный профессор (с 1904), зав. кафедрой философии и психологии Киевского ун-та (1897–1906); ординарный профессор, зав. кафедрой философии Московского ун-та (с 1907); организатор и директор Психологического ин-та (с 1914); преподавал в 1-м МГУ (уволен в 1923), Гос. академии художественных наук (1921–1930) I

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из основателей партии социалистов-революционеров и чл. ее ЦК (1903–1909, 1917–1920); соредактор газ. «Революционная Россия» (1902–1905), чл. редколлегии газ. «Знамя труда» (1909–1914), ж. «Заветы» (1912–1914); министр земледелия Временного правительства (1917); председатель Учредительного собрания (1917), Комитета членов Учредительного собрания (1918); в эмиграции – в Эстонии (с 1920), Чехословакии (с 1922), во Франции (с 1938), в США (с 1941): чл. Заграничной делегации (с 1920), Заграничного комитета ПСР (с 1926) I; II

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – публицист, журналист, писатель I; II

Черникова Валентина – воспитанница Ксениинского института (на 1905) II

Черникова М. П. – мать В. Черниковой II

Чехов Антон Павлович (1860–1904) – писатель I

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – нарком по иностранным делам РСФСР, СССР (1918–1930) II

Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) – литературный критик, поэт, переводчик II

Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – социал-демократ с 1892, меньшевик с 1903, чл. Грузинской с.-д. партии с 1918; гласный гор. думы в Батуми (1898–1902), Тифлисе (с 1907); депутат Гос. думы 3–4-го созывов (1907–1917); председатель исполкома Петроградского совета (1917), Закавказского сейма, Учредительного собрания Грузии (1918) и ее представитель на Версальской мирной конференции (1919); в эмиграции – во Франции II

Чхеидзе Станислав Николаевич (1902–1917) – сын Н. С. Чхеидзе II

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – писательница II

Шафалович Владимир Николаевич (1849 – после 1907) – штабс-ротмистр (1886), подполковник (1895), полковник Отдельного корпуса жандармов (1899); пом. начальника губ. жандармских управлений: Архангельского по Шенкурскому у. (с

1884), Оренбургского в Троицком и Челябинском уездах (с 1889), Вологодского в Велико-Устюгском у. (с 1893?), Подольского в Винницком у. (с 1898); прикомандирован в распоряжение начальника Киевского губ. жандармского управления (1900–1901); начальник губ. жандармских управлений: Олонецкого (с 1903), Тульского (с 1906); уволен в отставку с производством в чин генерал-майора (1907) I

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939), князь – гласный земских собраний: Весьегонского уездного (с 1885), Ярославского уездного (с 1889) и губернского (с 1895); чл. бюро земских съездов (с 1893); чл. Союза земцев-конституционалистов с 1903; чл. совета Союза освобождения (с 1904), ЦК Конституционно-демократической партии (с 1905); депутат 1-й Гос. думы, ее секретарь (1906); министр гос. призрения Временного правительства (1917); подвергся аресту по делу «Тактического центра» (февр. 1920); служил в Госплане; пенсионер (с 1930); исследователь творчества П. Я. Чаадаева; арестован (26.7.1938), расстрелян (15.4.1939) I; II

Шашков Серафим Серафимович (1841–1882) – этнограф, публицист; вольнослушатель Петербургского ун-та (до 1863); арестован по делу «Общества независимости Сибири» (1865); отбывал ссылку в Шенкурске (1868–1873); позднее – в Боброве, Воронеже, Новгороде I

Шевырев Петр Яковлевич (1863–1887) – студент Петербургского ун-та; чл. террористической фракции партии «Народная воля», готовившей покушение на Александра III; казнен I

Шейдакова Вера Петровна – см.: Водовозова В. П.

Шейдакова Любовь Петровна (в браке Гильгенберг; 1865 – ?) – сестра В. П. Водовозовой; окончила гимназию в Саратове, училась на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге, Лубянских женских курсах в Москве; участница народовольческого кружка, выслана из Москвы в Саратов с подчинением гласному надзору на 2 года (24.10.1885); содержалась под стражей (7.6–25.9.1886, 9.12.1887 – 23.5.1888), находилась под негласным надзором (до марта 1903); жена И. И. Гильгенберга I

Шейдеман Филипп Генрих (Scheidemann Philipp Heinrich; 1865–1939) – чл. Социал-демократической партии Германии с 1883, секретарь ее правления (с 1911), председатель (с 1917); депутат рейхстага (с 1903), сопредседатель фракции СДПГ (с 1913); премьер-министр (рейхсканцлер) Веймарской республики (1919); обер-бургомистр Касселя (1919–1925) I

Шекспир Уильям (Shakespeare William; 1564–1616) –

английский драматург I; II

Шеффле Альберт Эберхард Фридрих (Schäffle Albert Eberhard Friedrich; 1831–1903) – немецко-австрийский экономист, социолог; профессор в ун-тах Тюбингена (1860–1868), Вены (1868–1870), Штутгарта (1871–1903) I

Шиллер Фридрих (Schiller Friedrich; 1759–1805) – немецкий поэт, драматург I; II

Шилов Алексей Алексеевич (1881–1942) – историк, археограф; работал в библиотеке Петербургской АН (с 1904); сотрудник Российской центр. книжной палаты (1917–1918), Петроградского ист.-рев. архива (1918–1923); сост., редактор биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» (1927–1934. Т. 1–3, 5) II

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – земский врач (с 1898), зав. санитарным отделением Воронежской губ. земской управы (1903–1906); редактор газ. «Воронежское слово» (1905–1907); чл. ЦК Конституционно-демократической партии (с 1907); депутат Гос. думы 2–4-го созывов (1907–1917); министр земледелия, финансов Временного правительства (1917); заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости и, переведенный в Мариинскую тюремную больницу, убит там вместе с Ф. Ф. Кокошкиным II

Ширский Павел Семенович (1872–1952) – социалист-революционер; присяжный поверенный в Екатеринодаре; арестован (1896), отбывал ссылку в Архангельской губ.; депутат 2-й Гос. думы (1907); сенатор (1917); в эмиграции – в Париже II

Шишкина-Явейн Поликсена Несторовна (урожд. Шишкина, с 1901 Шишкина-Явейн; 1874–1947) – врач; чл. Конституционно-демократической партии, ТНСП; председатель Всероссийской лиги равноправия женщин (с 1907); организатор 1-го Всероссийского съезда по образованию женщин (1912); в эмиграции – в Эстонии, откуда вернулась в Россию; лаборант детской Очаковской больницы; арестованная (12.4.1924), отбывала 3-летнюю ссылку; блокадница, умерла в Ленинграде II

Шишманов Иван Димитров (1862–1928) – болгарский журналист, литературовед, политический деятель; зять М. П. Драгоманова; один из основателей (1888), профессор кафедры всеобщей литературной и культурной истории Высшего училища (с 1894), Софийского ун-та (с 1904); депутат Народного собрания, министр просвещения (1903–1907); посол на Украине (1918–1919) I

Шпильгаген Фридрих (Spielhagen Friedrich; 1829–1911) – немецкий писатель I; II

Шрейдер Григорий Ильич (1860–1940) – участник

народовольческих кружков с 1880-х, социалист-революционер; журналист; соредактор газ. «Сын Отечества» (1904–1905), издатель «Экономической газеты» (1905); секретарь московского отдела Союза освобождения (до нояб. 1904); в политэмиграции – в Италии (1906–1917); редактор газ. «Самоуправление», городской голова Петрограда, чл. Предпарламента, председатель Комитета общественного спасения (1917); председатель Юго-Восточного комитета членов Учредительного собрания (1918), редактор газ. «Сын Отечества» и «Родная земля» в Екатеринодаре, откуда выслан за границу (1919); в эмиграции – в Италии, Чехословакии, во Франции: чл. Заграничной делегации ПСР (с 1925), редактор ж. «Революционная Россия» (1928–1930) I; II

Штраус Давид Фридрих (Strauß David Friedrich;1808–1874) – немецкий философ, теолог, историк II

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – министр внутренних, иностранных дел и председатель Совета министров (1916); арестованный (1917), умер в тюремной больнице I; II

Шуйский Иван Петрович (? – 1588), князь – боярин (с 1577), наместник и воевода в Пскове (1573, 1577, 1580–1586); сослан в Кирилло-Белозерский монастырь (1588) II

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – депутат Гос. думы 2–4-го созывов (1907–1917), националист-прогрессист; редактор газ. «Киевлянин» (1911–1918, 1919); чл. Временного комитета Гос. думы, принял отречение Николая II (1917); редактор газ. «Россия», чл. Особого совещания при ген. А. И. Деникине (1918–1919); в эмиграции – в Турции (1920–1921), Болгарии (1921), Чехословакии (1921–1922), Германии (1922–1923), во Франции (1923–1924), в Югославии (1924–1944): публицист, мемуарист; депортированный в СССР, приговорен к 25 годам заключения, которое отбывал во Владимирской тюрьме (1945–1956) I

Шухт Аполлон Александрович (1860–1933) – социал-демократ; учился в Николаевском кавалерийском училище (с 1875); за рев. пропаганду сослан в Сибирь (1887); жил в Самаре (с 1890); в политэмиграции – в Швейцарии (1894–1917); чл. РСДРП(б) с 1917; работал в МК РКП(б) I; II

Шэфле – см.: Шеффле А. Э. Ф.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – министр юстиции (1906–1915); сенатор (с 1911); чл. (с 1907), председатель Гос. совета (1917); расстрелян II

Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк; отбывал ссылку в Вологодской губ. (с 1899); соредактор ж. «Былое» (1906–1907), «Минувшие годы» (1908); публикатор воспоминаний

декабристов (1905–1917); чл. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, председатель Особой комиссии по расследованию деятельности Департамента полиции (1917); управляющий I отделением VII Гос. архивного фонда, Петроградским ист.-рев. архивом (1918–1923); чл. коллегии Петроградского отделения Гл. управления архивным делом Наркомата просвещения РСФСР (с 1919); редактор ж. «Былое» (1918–1926) II

Щиглев Владимир Романович (1840–1903) – поэт, драматург I

Эвенсон Моисей Самойлович (Эвензон; 1866 – не ранее 1944) – журналист; окончил реальное училище в Динабурге, учился на философском факультете Венского ун-та (не окончил); наборщик-корректор; за участие в похоронах Н. В. Шелгунова выслан из Петербурга (23.4.1891); проживая в Режице Витебской губ., сотрудничал в газ. «Новости»; корректор типографий В. С. Кульженко (1896) и газ. «Жизнь и искусство» в Киеве (до 1899), секретарь редакции газ. «Волынь» в Житомире; состоял под негласным надзором (до 1904); позднее – в Баку: управделами Азербайджанской торгово-промышленной палаты (на 1924); пенсионер I

Эвенсон Сарра Максимовна (Эвензон Сарра Мордухова, урожд. Магат; 1866–1941) – жена М. С. Эвенсона в первом браке; окончила физ.-мат. факультет Высших женских (Бестужевских) курсов (1885); чл. союза молодежи партии «Народная воля»; подвергалась арестам; сотрудник газ. «Волынь», «Киевские отклики»; переводчица; убита гитлеровцами в Киеве I

Эвенсоны – дети М. С. и С. М. Эвенсон: Илья (1889–1916) – участник Первой мировой войны; Александр (1892–1919) – выпускник юридического факультета Киевского ун-та, шахматист, георгиевский кавалер, во время Гражданской войны – следователь ревтрибунала, расстрелян белыми в Киеве; Семен (? – 1915) – участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, погиб на фронте I

Эйдельман Борис Львович (1867–1939) – социал-демократ; учился на медицинском факультете Киевского ун-та (с 1890, окончил в 1910); чл. с.-д. групп «Рабочее дело» и «Рабочая газета», «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Киеве (1894–1897); делегат I съезда РСДРП (1898); отбывал ссылку в Среднеколымске (с 1900), откуда переведен в Якутск; участник Революции 1905; служил в Наркомате труда РСФСР (с 1918), преподавал в Военной школе им. ВЦИК (с 1919); персональный пенсионер (с 1925); сотрудничал в ж. «Печать и революция»

(1924–1925); автор кн. «Первый съезд РСДРП» (1926) I

Энгельгардт Михаил Александрович (1861–1915) – публицист, лит. критик, переводчик; арестованный (1881), выслан в отцовское имение в Смоленской губ. на 8 лет; адресат неотправленного письма Л. Н. Толстого «О насилии. (О непротивлении злу злом)» (1882); после возвращения в Петербург (1888) – науч. обозреватель газ. «Новости и Биржевая газета», зав. науч. отделом и секретарь редакции ж. «Хозяин»; редактор «Журнала для всех» (1906) I

Энгельс Фридрих (Engels Friedrich; 1820–1895) – немецкий философ, экономист I

Эриксен Альфред (Eriksen Alfred; 1864–1934) – норвежский пастор; викарий (1891–1910), мэр в Карлсёе (Лапландия, 1899–1903); редактор газ. «Nordlys» («Северное сияние», 1902–1911); депутат стортинга (с 1903); чл. Норвежской рабочей партии (до 1912); викарий в Волеренгене (с 1911) II

Эрисман Федор Федорович (наст. имя Фридрих Гульрейх; 1842–1915) – врач-гигиенист; окончил медицинский факультет Цюрихского ун-та (1865); жил в России (1869–1896); участник Русско-турецкой войны 1877–1878; ординарный профессор Московского ун-та по кафедре судебной медицины (1882–1896), директор Гигиенического ин-та (1892–1896), основатель Московского гигиенического общества (1892); зав. санитарной частью гор. управления в Цюрихе (с 1901), чл. Социал-демократической партии Швейцарии I; II

Эттингер Евгения Самойловна (Этингер Женни, в браке Давидсон; ? – 1941) – подданная Германии, преподавала в Киеве немецкий язык; чл. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочая газета» (1896–1898), «Союза русских социал-демократов за границей» (с 1898), «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» (с 1900); сотрудник газ. «Искра» (нач. 1900-х) I

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии (1915); главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта (1919–1920); в эмиграции – во Франции II

Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) – публицист, социолог I; II

Юрицын Сергей Петрович (правильно Юрицин; 1873 – после 1929) – владелец типолитографии (с 1900), редактор-издатель газ. «Южанин» (1900–1901), «Южная Россия» (1901–1904), ж. «Керамическое обозрение» (1901–1905), гласный гор. думы в Николаеве (с 1904); социалист-революционер; редактор-издатель газ. «Сын Отечества», «Наши дни» (1904–1905), ж. «Жупел»

в Петербурге (1905); приговорен к заключению в крепости (1906) и, освобожденный под залог, бежал за границу; в политэмиграции – в Египте: издатель газ. «Моряк», органа заграничного комитета Союза черноморских моряков (1912–1913); комиссар Временного правительства в Херсонской губ., депутат Учредительного собрания (1917); городской комиссар Николаева (1918–1920); в эмиграции – в Египте: работал садовником I; II

Юрковский Владимир Андреевич (1867–1920) – генерал-майор (1913); служил по Военно-морскому судебному ведомству; контр-адмирал Вооруженных сил Юга России II

Юрковский Владимир Иванович (1857–1923) – генерал от инфантерии (1913); окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885); комендант Брест-Литовской крепости (с 1910) II

Юшкевич Павел Соломонович (1873–1945) – чл. РСДРП, меньшевик в 1903–1922; арестованный за участие в марксистском кружке (1892), отбывал трехлетнюю ссылку в Кишиневе; окончил Сорбонну (1902); участник революции 1905; жил в Петрограде (с 1906), Одессе (с 1917), Москве (с 1922): сотрудник Ин-та Маркса и Энгельса (до 1930); публицист, философ, переводчик II

Яблоновский Александр Александрович (наст. фамилия Снадзский; 1870–1934) – фельетонист, прозаик; в эмиграции – в Каире (1920), Берлине (с 1921), Париже (с 1925) II

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894) – публицист; исследователь Сибири; основатель и редактор газ. «Восточное обозрение» (1882–1890) I

Якубович Петр Филиппович (1860–1911) – народоволец (с 1882); руководитель «Молодой партии Народной воли», арестован (1884); заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги (1887), которую отбывал на Каре и в Акатуе (с 1890); на поселении – в Кургане (с 1895); поэт, переводчик, сотрудник редакции ж. «Русское богатство»; автор кн. «В мире отверженных: записки бывшего каторжника» (1896–1899. Т. 1–2) I; II

Янжул Иван Иванович (1846–1914) – ординарный профессор Московского ун-та по кафедре фин. права (1876–1898); инспектор Московского фабричного округа (1882–1887); чл.-корреспондент (1893), академик Петербургской АН (1895) I; II

Янкулио Александр Константинович (1848 – не ранее 1917) – тов. прокурора С.-Петербургского окружного суда (с 1886); делопроизводитель Департамента полиции (1893–1908) I

Ясенева Марья Петровна – см.: Яснева М. П.

Яснева Марья Петровна (1861–1936) – учительница;

участница народнического кружка П. Г. Заичневского в Смоленске (1888–1889); выслана в Самару под гласный надзор (1891); жена В. С. Голубева; чл. РСДРП с 1901, большевичка с 1903; секретарь Саратовского комитета (1903–1904), чл. оргкомитета по созыву III съезда РСДРП (1905), организатор подпольной типографии в Петербурге (1907); позднее – в Центр. совете фабрично-заводских комитетов, Наркомате юстиции, Петроградской ЧК; сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – ВКП(б) (1920–1928); пенсионер (с 1928); чл. президиума Общества старых большевиков I; II

Beaman Ardern George Hulme (1857–1929) – британский дипломат, журналист, писатель; вице-консул в Бейруте, Дамаске, Каире; сотрудник газ. «The Evening Standard» (с 1883), ее корреспондент в Египте, Румынии, Сербии, Болгарии, России, Турции, Австро-Венгрии, во Франции I

Kanner Heinrich – см.: Каннер Г.

Lafond (правильно Lafont) – см.: Лафон Л.-Э.

Lagardelle Hubert – см.: Лагардель Ю.

Lowell Abbott Lawrence (1856–1943) – профессор гос. права (с 1898), президент Гарвардского ун-та (1909–1933); президент Американской ассоциации политических наук (1909) I

Lupton Josepf Hirst (1836–1905) – английский теолог, переводчик I

Luxemburg Rosa – см.: Люксембург Р.

Michels Robert (1876–1936) – немецкий социолог; чл. СДПГ; поселившись в Италии (1907), примыкал к синдикалистскому крылу Итальянской соц. партии; чл. Фашистской партии (1924); профессор ун-та в Перудже (с 1928); принял итальянское гражданство I

Parvus – см.: Парвус А. Л.

Wessely Ignaz Emanuel (1841–1900) – австрийский лексикограф, переводчик I

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Василий Васильевич Водовозов (*ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 181. Л. 8; Д. 260. Л. 1*).

2. Василий Иванович Водовозов. Гравюра Ф. Меркина. 1886 г. (*Из кн.: Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1964. Т. 1*).

3. Елизавета Николаевна Водовозова. 1906 г. (*Из кн.: Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1964. Т. 2*).

4. Николай Васильевич Водовозов. 1897 г. (*ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 49756. Л. 1*).

5. Василий Иванович Семевский (*ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 181. Л. 27*).

6. Вера Петровна Водовозова (урожденная Шейдакова) (*ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 46700. Л. 1*).

7. Д. И. Шаховской и С. Ф. Ольденбург. 1880-е гг. (*ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 181. Л. 3*).

8. Редакция «Нашей газеты» (*НИОР РГБ. Ф. 322. Оп. 3. Д. 24. Л. 2*).

9. Страница дневника В. В. Водовозова (*ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 3190. Л. 3*).

10. Анкета О. А. Водовозовой. Организация защиты интересов русских беженцев в Германии. Берлин, 1924 г. (*ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 29*).

11. Анкета В. В. Водовозова. Организация защиты интересов русских беженцев в Германии. Берлин, 1924 г. (*ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 31*).

12. В. В. Водовозов в группе русских эмигрантов в Збраславе. Вторая половина 1920-х гг. (*ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 5, 6*).

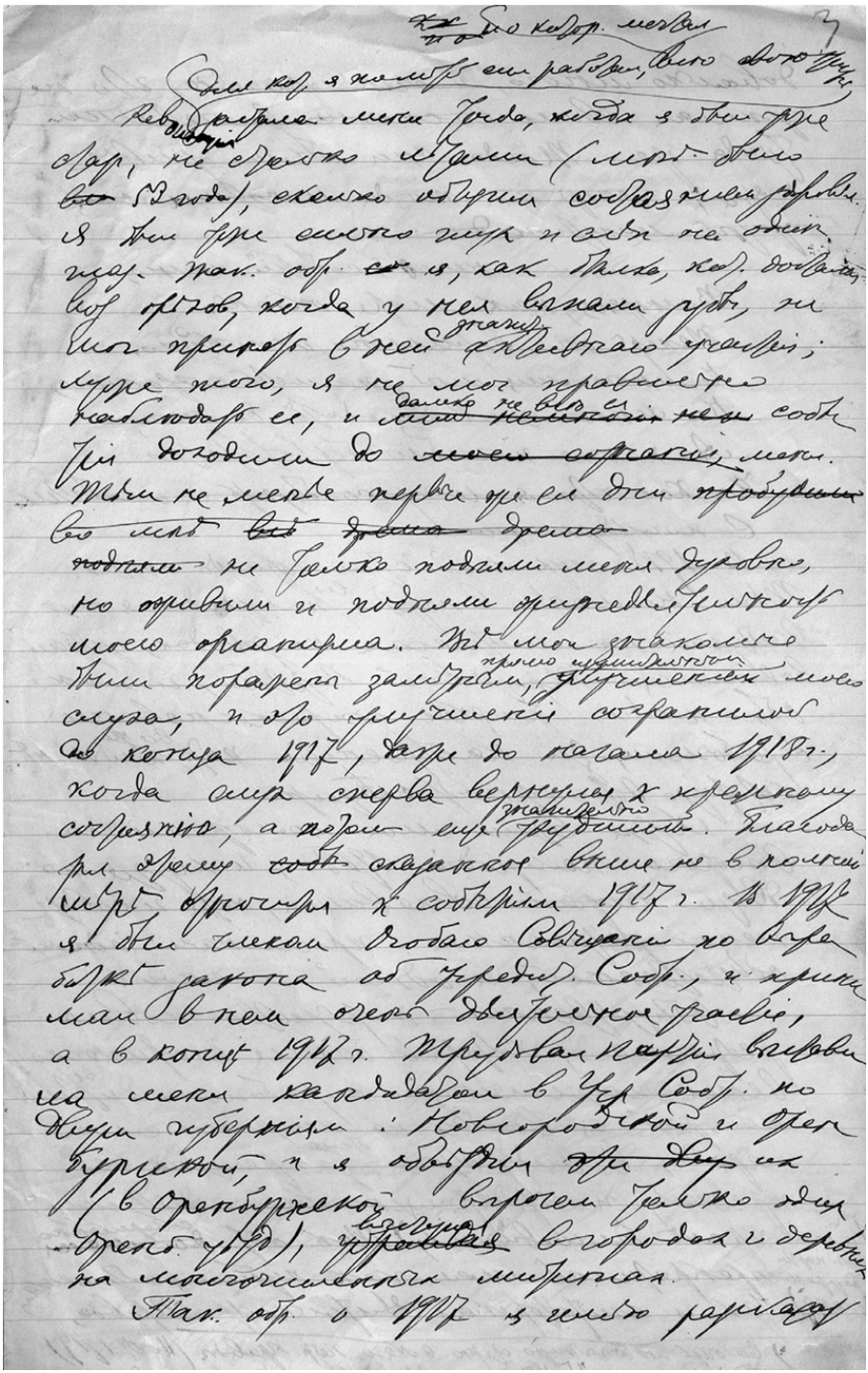
13. Ольга Александровна Водовозова (урожденная Введенская) (*ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 4. Л. 2*).

14. Титульный лист первой части воспоминаний В. В. Водовозова. 1928 г. (*РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. Л. 1*).

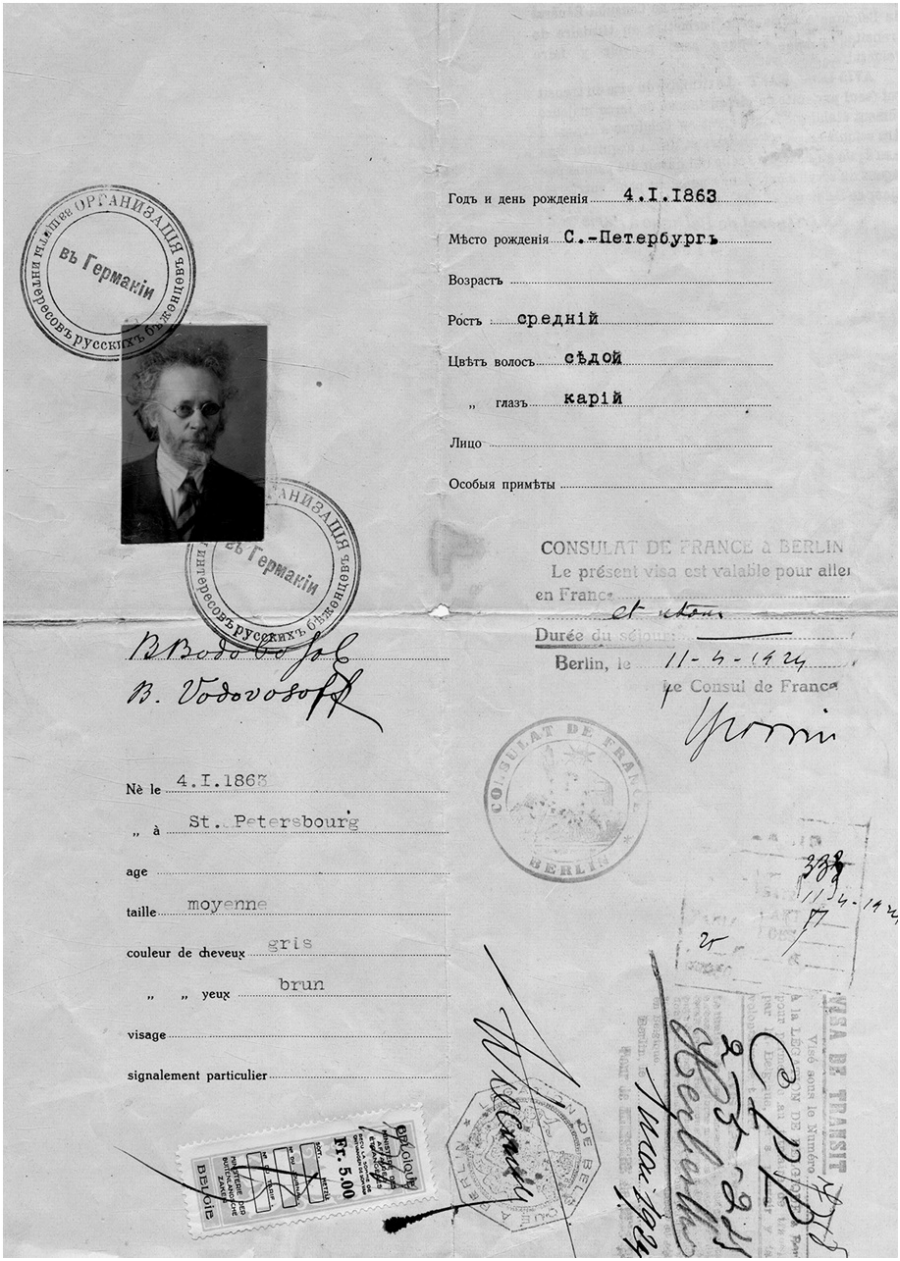
15. Страница рукописи первой части воспоминаний В. В. Водовозова. 1928 г. (*РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. Л. 39*).

16. В. В. Водовозов. Начало 1930-х гг. (*ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 4. Л. 4*).

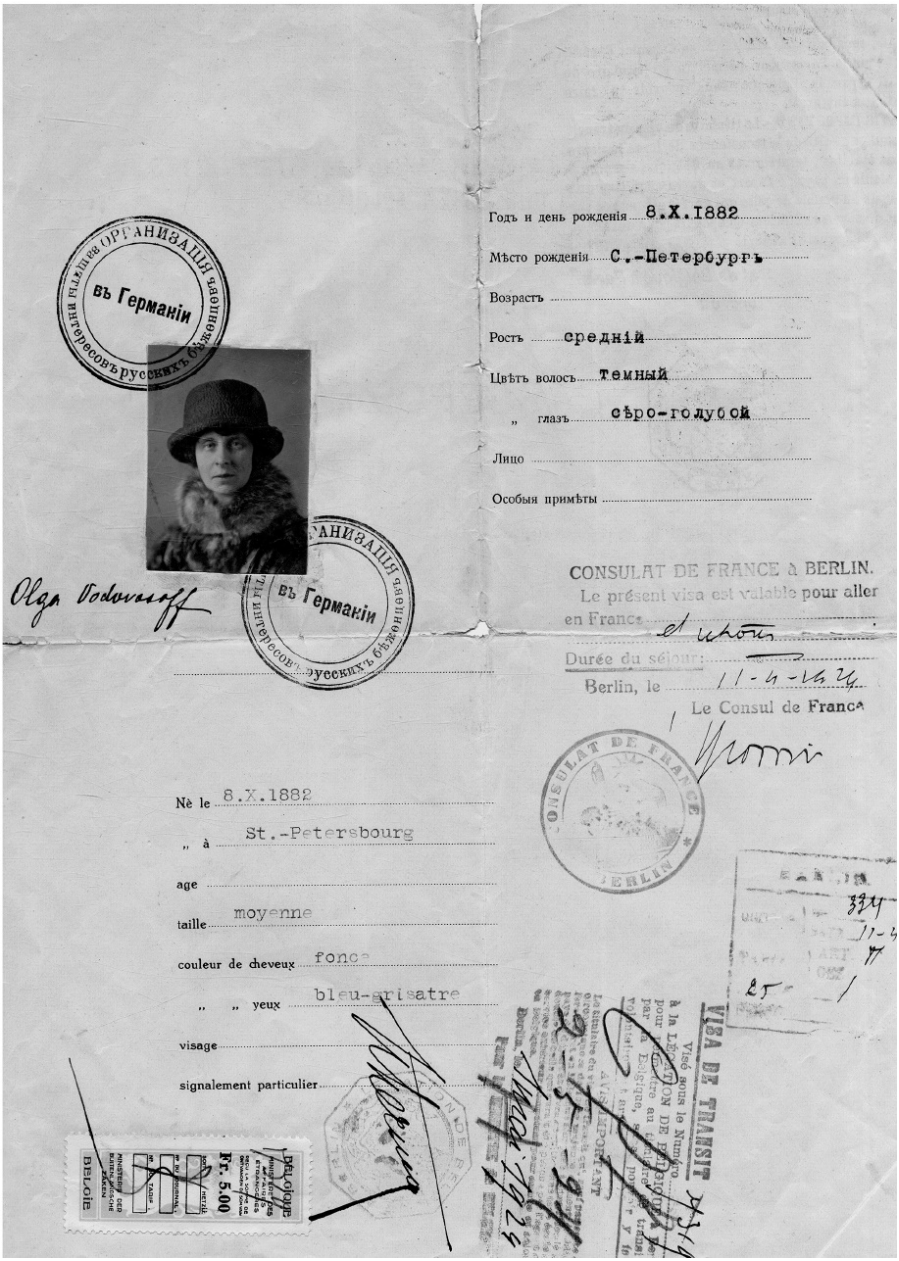
ИЛЛЮСТРАЦИИ



Страница дневника В.В. Водовозова. 13 октября 1919 г.



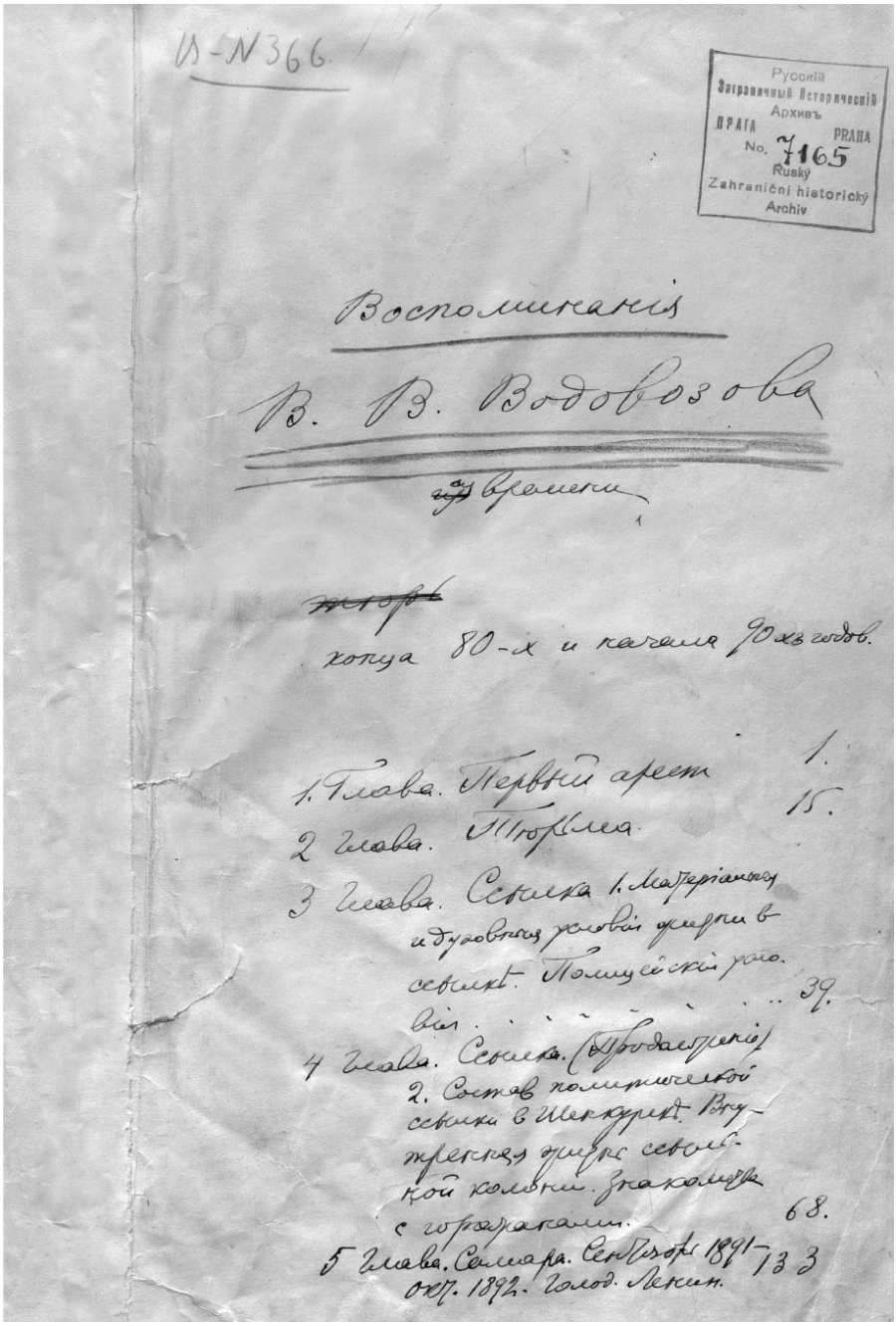
Анкета В.В. Водовозова. Организация защиты интересов русских беженцев в Германии. Берлин. 1924 г.



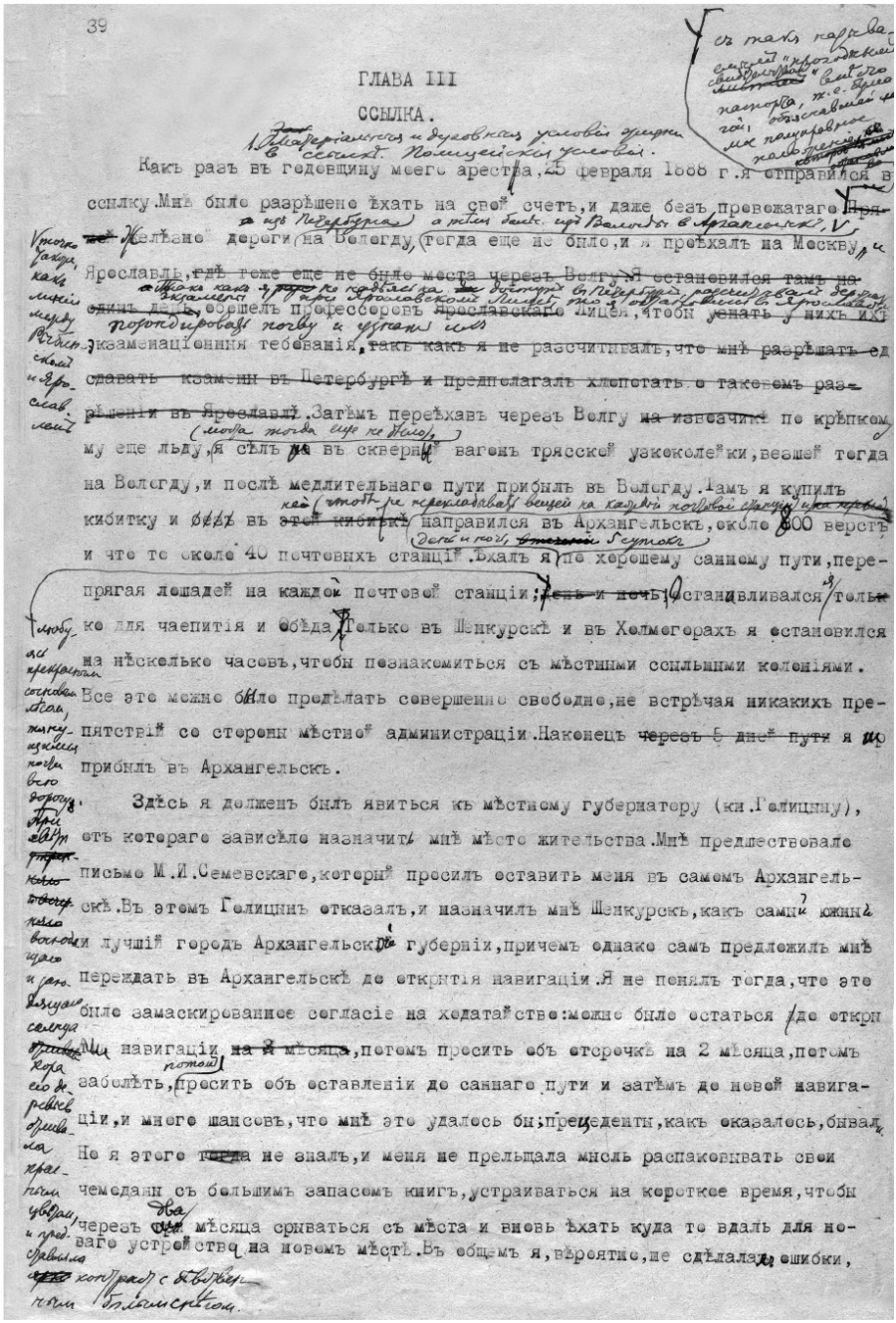
Анкета О.А. Водовозовой. Организация защиты интересов русских беженцев в Германии. Берлин. 1924 г.

В.В. Водовозов (крайний слева в кресле) в группе русских эмигрантов в Збраславе. Вторая половина 1920-х гг.

Ольга Александровна Водовозова (урожденная Введенская)


II-N366
Русскій Заграничный Историческій Архивъ
ПРАГА PRAHA
No. 7165
Ruský Zahraniční historický Archiv
Воспоминания
В. В. Водовозова
времени
конца 80-х и начала 90-хъ годовъ.
1. Глава. Первый арест 1.
2 Глава. Тюрьма 15.
3 Глава. Ссылка 1. Материальная и духовная условія ссыльныхъ в ссылке. Полицейскій надзоръ. 39.
4 Глава. Ссылка. (Продолженіе) 2. Составъ политической ссылки в Шенкурске. Внутренняя жизнь ссыльной колоніи. Знакомство с горожанами. 68.
5 Глава. Самара. Ссылка 1891-1893 окт. 1892. Голод. Лекціи.

Титульный лист первой части воспоминаний В.В. Водовозова. 1928 г.



39

ГЛАВА III

ССЫЛКА.

Какъ разъ въ годовщину моего ареста, 25 февраля 1868 г. я отправился в ссылку. Мнѣ было разрѣшено ѣхать на свой счетъ, и даже безъ провожатаго. Прямого желѣзно дороги на Вологду тогда еще не было, и я проѣхалъ на Москву, Ярославль, гдѣ тоже еще не было моста черезъ Волгу. Я остановился тамъ на одинъ день, чтобы посѣтить профессоровъ Ярославскаго лицея, чтобы узнать у нихъ ихъ экзаменаціонныя требованія, такъ какъ я не разсчитывалъ, что мнѣ разрѣшатъ сдавать экзамены въ Петербургѣ и предполагалъ хлопотать о такомъ разрѣшеніи въ Ярославлѣ. Затѣмъ переѣхавъ черезъ Волгу по крѣпкому еще льду, я сѣлъ въ скверный вагонъ трясской узкоколейки, ведшей тогда на Вологду, и послѣ медленнаго пути прибылъ въ Вологду. Тамъ я купилъ кибитку и направился въ Архангельскъ, около 800 верстъ и что то около 40 почтовыхъ станцій. Ѣхалъ я по хорошему санному пути, перепрягая лошадей на каждой почтовой станціи; день и ночь останавливался только для чаепитія и обѣда. Только въ Шенкурскѣ и въ Холмогорахъ я остановился на нѣсколько часовъ, чтобы познакомиться съ мѣстными ссыльными колоніями. Все это можно было продѣлать совершенно свободно, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны мѣстной администраціи. Наконецъ черезъ 5 дней пути я прибылъ въ Архангельскъ.

Здѣсь я долженъ былъ явиться къ мѣстному губернатору (кн. Голицыну), отъ котораго зависѣло назначить мнѣ мѣсто жительства. Мнѣ предшествовало письмо М.И.Семевскаго, который просилъ оставить меня въ самомъ Архангельскѣ. Въ этомъ Голицынъ отказалъ, и назначилъ мнѣ Шенкурскъ, какъ самый южный и лучшій городъ Архангельской губерніи, причемъ однако самъ предложилъ мнѣ переѣхать въ Архангельскъ до открытія навигаціи. Я не понялъ тогда, что это было замаскированное согласіе на ходатайство: можно было остаться здѣсь до открытія навигаціи, потомъ просить объ отсрочкѣ на 2 мѣсяца, потомъ заболѣть, просить объ оставленіи до саннаго пути и затѣмъ до новой навигаціи, и много шансовъ, что мнѣ это удалось бы; прецеденты, какъ оказалось, бывали. Но я этого тогда не зналъ, и меня не прельщала мысль распаковывать свои чемоданы съ большимъ запасомъ книгъ, устраиваться на короткое время, чтобы черезъ два мѣсяца сниматься съ мѣста и вновь ѣхать куда то вдаль для новаго устройства на новомъ мѣстѣ. Въ общемъ я, вѣроятно, не сдѣлалъ ошибки,

Страница рукописи первой части воспоминаний В.В. Водовозова

В.В. Водовозов. Начало 1930-х гг.

notes

1

Французский журналист Анри Рошфор резко критиковал правительство Наполеона III и, поддержав Парижскую коммуну, был предан военному суду и сослан в Новую Каледонию, откуда в 1874 г. бежал. Он стал сторонником несостоявшегося диктатора генерала Ж. Буланже, а после дела Дрейфуса оказался в «лагере антисемитов, клерикалов и националистов» (*В*[*одовозов*] *В*. Рошфор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 551–552).

2

«властитель наших дум» – выражение из стихотворения «К морю» А. С. Пушкина (1824); поэт имел в виду Наполеона и Байрона.

3

После расстрела 9 января 1905 г. Г. А. Гапон написал послание к солдатам и три послания к рабочим, в последнем из которых говорилось: «Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно хотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царские портреты, простреливали эти портреты и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем! <…> Кто не с народом, тот против народа! Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, своих жен и детей, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит – все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия; не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить десять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады. Громите царские дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицию. Солдатам и офицерам, убившим своих невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа мое пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться своей свободы, – благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народ, – их солдатскую клятву разрешаю» (*Гапон Г. А.* Третье послание к рабочим // Священника Георгия Гапона ко всему крестьянскому люду воззвание. [Б.м.: Издание Партии социалистов-революционеров, 1905]. С. 14–15).

4

С. В. Зубатов, который в 1896–1902 гг. являлся начальником Московского охранного отделения, а в 1902–1903 гг. заведовал Особым отделом Департамента полиции, стремясь отвлечь рабочих от революционного движения, инициировал создание ряда легальных профессиональных организаций. После своей вынужденной отставки он поручил руководство ими священнику Г. А. Гапону, с которым познакомился осенью 1902 г. и который уже в 1904 г. возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга»; см.: *Водовозов В.* С. В. Зубатов // День. 1917. № 4. 9 марта.

5

Предками Г. А. Гапона по мужской линии были запорожские казаки.

6

П. А. Мартьянов, автор письма императору Александру II с призывом созвать Земскую думу (Колокол. 1862. № 132. 15 апр.), ратовал за создание «народной» монархии (см.: *Герцен А. И.* П. А. Мартьянов и земский царь // Герцен А. И. Собр. соч. М., 1959. Т. 18. С. 11–13).

7

С. В. Зубатов убедил члена Бунда М. В. Вильбушевич, арестованную в марте 1900 г., что защиту экономических интересов еврейских рабочих легче осуществить не революционной борьбой, а путем создания их легальной, поддерживаемой властями организации, и в июле 1901 г. в Минске была основана Еврейская независимая рабочая партия, которая, получив разрешение на проведение в сентябре 1902 г. 2-й Всероссийской конференции сионистов, была распущена в июне 1903 г. (см.: *Заславский Д. И.* Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923).

8

Не соглашаясь с термином «полицейский социализм», сам С. В. Зубатов писал, что «с социализмом она [зубатовщина] боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических» (*Зубатов С. В.* Зубатовщина // Былое. 1917. № 4. С. 157–158).

9

Подробнее о «товарищах-провокаторах» см.: *Генис В. Л.* «Человек патологический». Максималист Добковский и провокаторы. М., 2018.

10

Журнал «Русское богатство» выходил под названием «Современные записки», «Современность» в начале 1906 г., «Русские записки» – в 1914–1917 гг.

11

В январе 1905 г. В. Г. Короленко писал, что «замечательную личность» Г. А. Гапона, утвержденного «председателем нового общества рабочих, с его двойственной задачей и со всеми вскрывшимися впоследствии противоречиями разнородных стремлений его “учредителей”…», т. е. полиции, нет ничего легче, как окрасить «каким-нибудь одним простым и слишком определенным цветом», но «нет необходимости непременно отрицать искренность первоначальных намерений, чтобы понять конечные противоречия, залог которых лежал уже в недрах самой организации… Эти противоречия вскрылись, и бурная натура довершила остальное. Св[ященник] Гапон стал отголоском широкого массового движения, увлекающий массу и сам ею увлеченный…» (*Короленко В.* 9 января в Петербурге // Русское богатство. 1905. № 1. С. 170–172).

12

Так называемая «Автобиография» Г. А. Гапона, написанная без его участия британским журналистом Дж. Перрисом и Д. В. Соскисом на основе материалов российской и зарубежной прессы, печаталась в июле – ноябре 1905 г. в журнале «The Strand Magazine», а затем вышла отдельным изданием, см.: *Gapon G.* The Story of My Life. L., 1905 (подробнее: *Кременецкий К. В.* Авторство и цель создания «Истории моей жизни» Г. А. Гапона // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. 2019. Вып. 86. С. 110–125). Рус. перевод: Автобиография отца Гапона // Обновленная Россия. 1905. № 2–5, 7–18, 20–23. 16–19, 23–27, 29, 30 нояб., 1–4, 14, 16–18, 20 дек.; см. также: *Гапон Г. А.* История моей жизни / Ред., вступ. ст. и примеч. А. А. Шилова. Л., 1926.

13

В упомянутых воспоминаниях речь идет не об «автобиографии» Г. А. Гапона, а о сделанном ему предложении американского издателя за гонорар в размере 50 тыс. франков подготовить в течение месяца книгу о «кровавом воскресенье». Но Г. А. Гапон, согласившись поделить обещанный гонорар с социалистами-революционерами, неожиданно потребовал выплатить ему три четверти названной суммы «ввиду, как говорил он, несравненно большего интереса, представляемого его личным рассказом по сравнению с общей частью», касающейся истории рабочего движения в России. Из-за этого было решено «прервать всякие дальнейшие разговоры с человеком, который, очевидно, страдал горделивым помешательством, и распустить комитет по изданию книги» (*Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929. С. 287, 290).

14

См.: *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.) / Ред. и примеч. Б. П. Козьмина. М.; Л., 1929. С. 348–400, 410–415.

15

Неточность: Г. А. Гапон вернулся в Петербург в ноябре в связи с амнистией, объявленной 21 октября 1905 г.

16

Об изменившемся отношении к Г. А. Гапону свидетельствует письмо В. В. Водовозова от 13 февраля 1906 г., адресованное З. В. Лягардель-Гогунцовой в Париж: «Все Ваши корреспонденции получены, и большая их часть напечатана. Некоторые, однако, вызвали сомнение, и мы, после колебаний, печатать их не решились. К таковым принадлежит Ваша корреспонденция о Гапоне. По поводу ее были большие разговоры в нашей редакции, так как я не решился напечатать ее на свою единоличную ответственность. Дело в том, что сомнения в личности Гапона у нас появились уже давно, вскоре после краткого пребывания его в Петербурге в ноябре месяце, когда он был у нас в редакции и произвел на всех нас малоблагоприятное впечатление, – во всяком случае, менее благоприятное, чем в январе прошлого года, когда большая часть из нас была с ним знакома и была в восторге от его личности. В настоящую минуту очень рад, что мы этой корреспонденции не напечатали, да, вероятно, и Вы сами рады этому. Хотя, как мне кажется, лично Гапон задет сравнительно мало разоблачениями, появившимися в последнее время, хотя я думаю, что он действовал bona fide [добросовестно (*фр.*)], но тем не менее как политический деятель он совершил несомненно грубую ошибку, граничащую с преступлением, и защищать его как политического деятеля, а не только как человека (а Ваша корреспонденция делает именно это) мне кажется ошибкой» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2675. Л. 1).

17

Имеется в виду Манифест «об усовершенствовании государственного порядка», подписанный 17 октября 1905 г. императором Николаем II, который под впечатлением Всероссийской политической стачки поручил «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлечь к участию в Государственной думе те классы, которые «совсем лишены избирательных прав», и установить «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы» (Ведомости СПБ. градоначальства. 1905. № 221. 18 окт.).

18

См.: *Рутенберг П. М.* Дело Гапона // Былое. 1909. № 11/12. С. 29–115; 1917. № 2 (24), август. С. 6–67.

19

См. воспоминания М. И. Ганфмана: «Выступил на собрании и В. В. Водовозов. Его, однако, волновал, наряду с предупреждением кровавой расправы, и другой вопрос. А если 9 января будет началом столь долгожданной русской революции? Если рабочая мирная демонстрация превратится в сигнал для этой революции? Будет ли готова русская интеллигенция к этому историческому моменту? Сможет ли она возглавить народное движение, взять его в свои руки и создать необходимую власть? Надо сказать, что при господствовавшем в собрании настроении проблема, так занимавшая В. В., казалась совсем несвоевременной. Мне пришлось сказать это публично В. В., и я подчеркнул ему, что наши души смятены не политическими перспективами и интересами революции, а просто кошмаром предстоящей бойни. Я и тогда видел, что В. В. хорошо это понимал, но он счел долгом своей политической совести сделать это выступление и нисколько не смущался тем, что оно было встречено с недоумением… Кстати, вероятно, выступление В. В. Водовозова послужило основанием для легенды о том, что совещание в “Сыне Отечества” было своего рода “учредительным собранием”, которое выбрало чуть ли не временное правительство на случай победы революции» (*Ганфман М.* Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. 1933. № 280. 10 окт.).

20

Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Беспорядочно выкрикивали фамилии лиц, которые должны были в депутацию войти. Я старался сделаться незаметным, ибо меньше всего улыбалось еще раз сегодня встретиться с Витте, но кто-то назвал мою фамилию, и в ответ раздалось: “Ну, это само собою разумеется”. Потом Водовозов вдруг крикнул: “Господа, нельзя производить выборы так беспорядочно. Мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть”. Замечание не обратило на себя никакого внимания, но имело неожиданные последствия. Выбраны были Анненский, Арсеньев (едва ли не впервые на подобном собрании присутствовавший), Максим Горький, проф. Кареев, гласный гор[одской] думы Кедрин, Мякотин, Пешехонов, проф. Семевский, вращавшийся среди интеллигенции представитель Гапона – рабочий Кузин, оказавшийся провокатором, и я» (*Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 192).

21

Неточность: депутацию приняли С. Ю. Витте и товарищ министра внутренних дел генерал-майор К. Н. Рыдзевский, состоявший заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов.

22

Наушники – часть теплой шапки, закрывающая уши.

23

Согласно «Списку лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года», численность убитых и умерших от ран составила 130 человек, раненых – 299 человек (см.: Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 18. 22 янв.).

24

В рукописи далее зачеркнуто: «Через 10 лет я видел в Сербии одну церковь, через которую пролетел артиллерийский снаряд. В первой стене была небольшая, правильно круглая дыра, очевидно соответствовавшая величине снаряда; в противоположной стене, через которую снаряд пролетел уже с ослабленной силой, отверстие было большое, с диаметром не меньше метра, совершенно неправильной формы; снаружи церкви лежали обломки разбитых кирпичей».

25

Империал – длинная двойная скамья на крыше конки, где пассажиры сидели спинами друг к другу, обращенные лицами к двум противоположным сторонам улицы.

26

Реплика И. П. Шуйского в четвертом действии трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (Вестник Европы. 1868. № 5. С. 98).

27

Ср.: «Уже после того, как арестованного Василия Ивановича повезли в тюрьму, обыск еще долго продолжался в его кабинете. Домашние не могли войти туда, так как каждый из них должен был оставаться в своей комнате под надзором полиции. Только уже под конец обыска моему сыну удалось через толпу “ночных посетителей” прорваться в кабинет, куда и я последовала за ним. Но полицейские уже кончали свое дело и начали прикладывать печать к дверям изнутри. Вместе с ними пришлось выйти и нам» (*Семевская Е.* Василий Иванович Семевский // Голос минувшего. 1917. № 9/10. С. 72). См. также: «Впоследствии я узнал, что обыск был произведен крайне грубо, что ни жену, ни Васю не впустили в это время в мой кабинет, что жену хватали за руки, когда она пыталась идти в мою комнату, что Васю даже оттолкнули, когда он ворвался туда» (*Семевский В. И.* Автобиографические наброски // Там же. С. 40).

28

Ср. с воспоминаниями И. В. Гессена: «Но совсем неожиданным был полицейский визит в ночь с 10 на 11 января: около 4 час. утра целая орава полицейских с понятыми заполонила квартиру, пристав бесцеремонно вошел в нашу спальню, и при нем мы с женой должны были одеться; обыск почти не производился: они, видимо, торопились увезти меня. <…> Лихорадочная тревога завладела мною, ибо я никак не мог объяснить причину ареста, и еще усилилась, когда я увидел, что везут меня не на Литейный проспект в знакомый Дом предварительного заключения, а через Троицкий мост – значит, в Петропавловскую крепость, которая предназначалась для важных государственных преступников и предвещала долговременное заточение. Меньше всего можно было догадаться, что арест вызван упомянутым замечанием Водовозова [«Мы ведь не знаем, какую роль депутации придется сыграть»], которое растерявшаяся власть истолковала как эвентуальное превращение депутации во временное правительство. Если мы – “временное правительство”, то ясно, что меры требуются серьезные и, за исключением Арсеньева (он был старше всех годами и имел титул превосходительства) и Горького, уже скрывшегося из Петербурга, вся депутация была схвачена, а Пешехонова эскортировали казаки с саблями наголо, опасаясь, чтобы население не освободило из рук полиции будущего временного правителя» (*Гессен И. В.* Указ. соч. С. 193). Стоит уточнить, что Горький, которого арестовали 11 апреля в Риге, тоже оказался в Петропавловской крепости; его освободили 14 февраля под залог в 10 тыс. рублей.

29

Неточность: дешевое, выходившее параллельно основному выпуску издание газеты «Биржевые ведомости» появилось в 1893 г. и позволило существенно увеличить ее тираж.

30

Газета «Русь» выходила с декабря 1903 г.

31

См.: «Издание “Нашей жизни” было затеяно исключительно на мои личные трудовые средства, а затем в дело вступило русское общество, которое за три первых месяца дало газете от одной подписки 178 317 р., факт для новой газеты небывалый в истории русской печати. Благодаря такому общественному доверию и поддержке газета только и могла пережить постигший ее на первых же порах кризис, при 3-месячной остановке с 6 февраля 1905 г. по 6 мая» (*Ходский Л.* Как возникла «Наша жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

См.: Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905; Конституция Швейцарии. Перевод текстов Швейцарской конституции и избирательного закона под ред., с предисл. и примеч. В. Водовозова. СПб., 1905; Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905; Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент. Ростов-на-Дону, 1905.

33

Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. [Ростов-на-Дону], [1906]. Т. 1. Пер. с англ. под ред. В. Водовозова.

34

Неточность: издание газеты «Наша жизнь» возобновилось 6 мая 1905 г.

35

Ср. с воспоминаниями П. Н. Милюкова: «Я был в это время в Петербурге и получил от имени Союза освобождения предложение участвовать в первом общественном протесте по поводу поражения при Цусиме. Не согласиться было нельзя, хотя дело шло об одной из “симуляций” революции, для меня малосимпатичных. Было условлено собраться в ближайшие дни “на музыке” в Павловске и там в антракте выставить оратора, который бы объяснил публике значение народного протеста. Оратором согласился быть милейший В. В. Водовозов, всегда готовый к бою. Но демонстрация плачевно провалилась. Часть публики, не успевшая уйти из зала, разбежалась, как только поняла, что ее втягивают в политику. Подоспевшая полиция принялась за работу, и нам едва удалось скрыть в нашей маленькой кучке оратора, слишком выдававшегося своим костюмом, взъерошенной шевелюрой и громадной папахой. На меня эта несерьезная попытка в серьезную минуту произвела самое тяжелое впечатление и навсегда отучила от подобных “симуляций”» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 196).

36

Речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 14–25 июня 1905 г.

37

Имеется в виду корреспондент «The Times» в Петербурге Дадли Дизраэли Брэхэм, высланный из России 28 мая 1903 г. за публикацию «подложного» документа о причастности министра внутренних дел В. К. Плеве к организации погрома в Кишиневе.

38

Неточность: Гарольд Вильямс с лета 1903 г. освещал события в России в качестве специального корреспондента «The Times» в Штутгарте. В декабре 1904 г. он приехал в Петербург, представляя газеты «The Manchester Guardian» (с января 1905 г.), «The Morning Post» (1908–1911) и «The Daily Chronicle» (1914–1918); см. воспоминания его жены: *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М., 2007. С. 170–178. Корреспондентом «The Times» в Петербурге с февраля 1905 г. состоял Роберт Арчибальд Вильтон (Robert Archibald Wilton, 1868–1925), покинувший Россию лишь после разгрома колчаковцев.

39

Вильямс получил докторскую степень в Мюнхенском университете по грамматике одного из филиппинских языков (илокано) в 1903 г.

40

Жена В. В. Водовозова писала ему из тюрьмы: «Дорогой мой Вася, надеюсь, что ты уже в Петербурге; мне было очень неприятно, что ты очень задержался в Киеве; я боялась, что у тебя пропадут железнодорожные билеты и ты пропустишь сроки для написания статьи. Я очень прошу тебя не хлопотать, ничего не предпринимать и, главное, не беспокоиться. Вся русская жизнь – тюрьма, и, в сущности, большой разницы нет, жить ли на Лукьяновке или на Владимирской; здесь, по крайней мере, спокойнее, не чувствуешь себя зверем, за которым охотятся, т. к. являешься их добычей. Ты пока что не приезжай в Киев, не бросай работу и не трать такую кучу денег; приедешь потом, если буду сидеть, хотя я думаю, что вся эта комедия скоро кончится и занавес будет опущен, не доставивши удовольствия ни той, ни другой стороне, а впрочем, это безразлично. Во всяком случае, я прошу тебя: не нарушай порядка своей жизни, работы и т. д.; мне в моем состоянии мудрено помочь…» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27).

41

См. выписку из полученного Департаментом полиции агентурным путем письма от 10 июля 1905 г., которое «Варя» (В. Э. Ваховская, племянница жены А. И. Бонч-Осмоловского) послала В. В. Водовозову в Петербург: «Только что получила письмо от Веры. Представьте, эти мерзавцы до сих пор (две недели) не передали ей книг. В понедельник пойду к ним. Ведь это уже черт знает что такое. Дела они прокурору не передали, и теперь она сидит по распоряжению губернатора. Прокурор советовал мне сходить к нему просить свидания, но он уехал. Приходится опять ждать. Допроса все еще не было. По словам Верочки, она чувствует себя спокойно и “будущее не так страшит ее, как прежде”… Пишу я Вам так мало, потому что от этих чертей ничего не добьешься. <…> Не знаю, могло ли бы помочь Ваше присутствие. Пожалуй, Вы там больше можете узнать, чем здесь. Вот если они найдут наше родство недостаточным, тогда Вам, конечно, необходимо будет приехать, но пока это особенного смысла не имеет. Что же касается заботы о Верусе, то будьте покойны – все, что только возможно, сделаю…» (Там же. Ф. 102. Оп. 231. ОО. 1903. Д. 271. Л. 9). В другом письме Вари говорилось: «Верочку видела. Ее ужасно утомляет жара, чувствует себя скверно. В камере у них страшная духота, т. к. весь день (с 2 до захода) там солнце, а вечером и ночью окна нельзя открыть, потому что во дворе страшная вонь. С ледником ничего не выходит, потому что лед надо покупать каждый день. Завтра попробую отвезти ей мороженое в мороженице со льдом. Надеюсь, что примут. У нее болят глаза, разрешили пригласить специалиста…» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2077. Л. 7).

42

Имеются в виду 40 брошюр В. В. Лункевича, вышедших в 1899–1905 гг. в Петербурге в серии «Научно-популярная библиотека для народа» Ф. Павленкова («Земля», «Небо и звезды», «Жизнь в капле воды», «Как идет жизнь в человеческом теле», «Обезьяны», «Степь и пустыня», «Чудеса науки и техники: Пар и электричество», «Чудеса общежития. Жизнь первобытного человека и современных дикарей» и др.).

43

Далее мемуарист совмещает два свои выступления, состоявшиеся в 1905 г. в киевском Литературно-артистическом обществе: 1 марта, когда В. В. Лункевич рассказывал об «армяно-татарской резне» в Баку на основании собранных им свидетельских показаний, и 14 сентября, когда Водовозов сделал доклад об избирательном законе.

44

Иначе описывал инцидент начальник Киевского губернского жандармского управления, который докладывал, что в помещении Литературно-артистического общества к восьми часам вечера 1 марта собралось неразрешенное «собрание интеллигентной молодежи, до 300–400 человек», главными устроителями которого явились «известные своей политической неблагонадежностью» В. В. Водовозов и Зиновия Адольфовна Зелинская. Перед собравшимися выступил член-корреспондент Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших в Баку во время беспорядков 6–9 февраля, образованного под председательством Тифлисского епархиального начальника, В. В. Лункевич, утверждавший, что «нападение на бакинских армян со стороны магометан устроено местной полицией». После того как его выступление было прервано жандармами, место докладчика занял кандидат в члены правления Литературно-артистического общества Водовозов, который призвал собравшихся прежде, чем разойтись, ибо «мы слабы, чтобы сопротивляться полиции», хотя действия ее незаконны, принять резолюцию. Он, по удостоверению присутствовавших при этом чинов полиции, сказал приблизительно следующее: «Господа! Нам сегодня сообщено очевидцем о бакинской резне – бойне. Считаю не лишним здесь упомянуть и о бывших таких же бойнях в Кишиневе, Гомеле, Петербурге и других местах России. Все это происходит от того, что настоящий наш самодержавный государственный строй подгнил и его необходимо заменить конституционным образом правления, для чего мы все должны сплотиться и продолжать борьбой требовать такого [образа] правления». В ответ из публики раздался крик: «Нам нужна не конституция, а республика. Долой самодержавие!», после чего, как писала газета «Киевлянин», «поднялся истерический гвалт, в котором ничего нельзя было разобрать; молоденькие девицы выхватывали из юбок прокламации и разбрасывали их», а затем «с возмутительными песнями» толпа вышла в переднюю и разошлась, оставив «в зале и на лестнице прокламации, брошюры и рукописи преступного характера». Начальник жандармского управления сетовал, что три его представления к генерал-губернатору Н. В. Клейгельсу о закрытии Литературно-артистического общества, которое «не впервые уже является ареной действий отрицательных в политическом отношении элементов», оставлены без последствий. Но 3 марта власти запретили назначенную на субботу лекцию Водовозова на тему

«Место литературы в жизни», а 4 марта против него ввиду признаков преступления, предусмотренного статьями 128 и 129 Уголовного уложения, было возбуждено формальное дознание (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 202. 7 д-во. 1905. Д. 1116. Л. 3; Ф. 124. Оп. 3. Д. 1434. Л. 1. См. также: К характеристике наших дней // Киевлянин. 1905. № 71. 3 марта).

45

Видимо, мемуариста подвела память, ибо сохранился черновик его письма в редакцию одной из газет по поводу ее корреспонденции из Киева о реферате В. В. Лункевича о бакинских событиях, в котором В. В. Водовозов сообщал: «Лункевич от меня в ночь, последовавшую за рефератом, принужден был переехать на другую квартиру, но через шесть дней он с этой квартиры вернулся ко мне обратно, потом уехал в Петербург, где желал прочитать тот же самый реферат, но где ему это не удалось, и уехал в настоящее время в Москву» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2891. Л. 2). Позднее Водовозов пояснял, что, задержанный с женой на Николаевском вокзале 20–23 декабря 1905 г., Лункевич, просидев два с половиной месяца в Мясницкой части, был выпущен в марте 1906 г. «с условием сейчас же покинуть Россию, в чем взяли подписку» (Там же. Д. 2681. Л. 1).

В. В. Водовозов ошибочно связывает свое решение эмигрировать с выступлениями его и В. В. Лункевича в Киеве 1 марта 1905 г. Он покинул Россию только через шесть месяцев, 1 октября 1905 г., что было вызвано его речью, произнесенной 14 сентября в Киеве, о которой три дня спустя начальник Киевского губернского жандармского управления докладывал в Петербург: «14 сего сентября вечером в помещении Киевского Литературно-артистического общества состоялось, без ведома и разрешения чинов местной полиции, собрание. Прибывший на место собрания пристав Дворцового полицейского г. Киева участка застал около 300 человек, преимущественно учащейся в высших и средних учебных заведениях молодежи, а также евреев обоего пола, рабочих и мастеровых. На расспросы о цели собрания эконом клуба Федорчук сообщил, что ему неизвестно, какой характер имеет собрание, что председателя и членов правления общества за выбытием прежнего состава еще не имеется, что реферат читает член общества В. Водовозов по собственному почину, что распорядительницей является состоящая членом правления Софья Николаевна Зелинская и что публика вошла в помещение собрания без установленной уставом рекомендации кого-либо из членов общества. <…> Чтение Водовозова заключалось в критическом разборе положения об учреждении Государственной думы, причем лектор в резких выражениях говорил об учреждении Думы как об уступке правительства народу, но законодатель обставил положение так, что в Думу не попадут ни представители выдающихся умов социал-либералов, ни тем более представители крестьян-земледельцев и рабочих. Порицая при этом существующий государственный строй, Водовозов заметно возбуждал публику, которая рукоплесканиями выражала ему свое одобрение. Прибывший в собрание киевский полицеймейстер [В. И. Цихоцкий] объявил, что собрание незаконное, и потребовал немедленного прекращения чтения и удаления публики из зала. Но в это время Водовозов, очевидно с целью, вышел в другую комнату и, возвратившись по выходе полицеймейстера, заявил слушателям, что требование полицеймейстера он лично не слыхал, а потому не станет ему подчиняться и будет продолжать чтение. Полицеймейстер, вновь войдя в собрание, обратился уже лично к Водовозову с категорическим требованием о немедленном прекращении чтения. К этому времени собралось уже около 600 человек, которые на требование полицеймейстера ответили криком: “Долой полицию” и настаивали на

продолжении чтения, причем некоторые из них пытались своими речами еще более возбудить толпу. Лектор Водовозов громогласно заявил, что требование полицеймейстера незаконно, так как собрание может быть закрыто только начальником края, и требовал доставить ему письменное распоряжение о закрытии. Затем он поставил на решение толпы следующие два вопроса: следует ли подчиниться незаконному распоряжению полицеймейстера и прекратить чтение с тем, чтобы публика в самой резкой форме выразила свое порицание действиям правительства, или не подчиняться, а, жертвуя жизнью, сию минуту вступить с полицией в кровавую борьбу, памятуя, что понесенные жертвы послужат на пользу святому делу низвержения существующего порядка. Мнение публики по этим вопросам расходились: одни готовы были вступить в борьбу с чинами полиции, а другие настаивали на выражении протеста. Между тем часть публики удалилась, а оставшиеся в помещении собрания кричали: “Долой самодержавие, долой правительство”, при этом особенно выделялись Василий Водовозов, Софья Николаевна Зелинская, Михаил Липницкий, Иван Кириенко <…>. По приказанию полицеймейстера оставшиеся в собрании 255 человек переписаны и, по установлении их личности, освобождены. Толпа оказала противодействие чинам полиции, бросала стульями в городовых, наносила им удары палками и руками, била окна и двери. Такое поведение толпы вынудило городовых обнажить шашки, которые, однако, в действие употреблены не были» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. ОО. 1902. Д. 600. Л. 33–34; см. также: Незаконное собрание // Киевлянин. 1905. № 255. 15 сент.). 16 сентября по распоряжению киевского, волынского и подольского генерал-губернатора Литературно-артистическое общество было закрыто, причем, как указывала столичная пресса, поводом для этого «послужил инцидент, произошедший 14 сентября во время чтения реферата Водовозова о Государственной думе» (Русь. Веч. выпуск. 1905. № 54. 19 сент.).

Так называемая «четыреххвостка» подразумевала всеобщее, равное, прямое и тайное голосование.

48

Мемуарист имеет в виду следующее: воспользовавшись «литературной средой» в Литературно-артистическом обществе (ожидалась лекция помощника присяжного поверенного М. М. Могилянского «О поэзии Огарева», собравшая около полутораста слушателей), устроители ее пригласили гласного черниговского земства В. М. Хижнякова, оказавшегося в Киеве проездом из Петербурга, чтобы он поделился своими впечатлениями о земском съезде, в котором участвовал. Но доклад его, как сообщал корреспондент меньшевистской «Искры», не только сопровождался горячими аплодисментами, но и вызвал бурную полемику:

«Среди публики внезапно вскакивает молодой человек, в статском, на стул и сильно взволнованным голосом заявляет: “Я протестую против рукоплесканий. Земство не заслужило того, чтобы им восхищались. Оно не выполнило очень многого. Вы не должны были расходиться, но ожидать, пока не последует удовлетворение ваших требований! Вы должны были поступить так, как поступили французы в 1789 г. Но этого мало. Вы забыли и ни словом не упомянули о тех, кто является истинным виновником настоящей «весны», вы забыли о рабочем классе и сотнях страдальцев… И о главном вы умолчали. Вопрос о всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании. Земцы далеко не сделали того, что они могли сделать. Вы занимались больше болтовней, чем делом!” (Человек 20, окружавшие оратора, аплодируют, все – социал-демократы, студенты и девицы). <…>

Водовозов (горячо): “Я безусловно протестую против речи недовольного оратора. Пункт седьмой говорит о равенстве личных, общественных и политических прав. Если бы вы были более знакомы с государственной наукой, вы увидели бы, что формула эта разумеет всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! А затем я безусловно протестую против выраженного отношения к земским деятелям. Настоящий момент призывает к единению, а не к борьбе фракций и партий. А вы на это именно и тратите свои силы. К чему вы стремитесь? К изменению политического порядка. Так сосредоточьте свое внимание на этом, а не на подведении старых счетов с союзниками. Подобное отвлечение сил в настоящий момент – огромная тактическая ошибка, больше – это политическое преступление!” (Часть публики аплодирует, в кружке недовольных слышны возгласы протеста).

От редакции: Наш товарищ, конечно, напрасно упрекнул

земцев в “болтовне”: не мешало бы, напротив, если бы они побольше потолковали на съезде о действительных нуждах России. Но он безусловно прав в своих возражениях *по существу*. И именно потому, что он был прав, самого сурового осуждения заслуживает постыдное выступление “демократа” г-на Водовозова. Нападать с тылу на социалистов, когда они, критикуя половинчатость и умеренность земцев, стремятся толкнуть их на путь действительно *демократической* политики, —значит предавать дело демократии, а пользоваться при этом стереотипно пошлыми фразами о всеобщем “единении” – значит для господина, пережившего, как В. В. Водовозов, все перипетии различных “фракционных” раздоров последнего десятилетия, сознательно спекулировать на политической наивности своих слушателей. Мы тоже за “единение”, г-н Водовозов, и первые будем аплодировать г. Хижнякову, когда он формулирует потребности нынешнего дня в терминах нашей программы, то есть в соответствии с интересами тех миллионов крестьян и рабочих, из которых состоит подавляющее большинство населения. Пламенеющий чувством к “умеренным отцам”, г-н Водовозов оказывается “более земцем, чем сами земцы”. Г. Хижняков в ответ на упрек об игнорировании всеобщего избирательного права говорит, что ничто в требованиях 11 пунктов не противоречит этому праву. А г-н Водовозов дерзает заявить, что из § 7 *можно вывести* всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоуверенные ссылки на учебники обманут только самых наивных простаков, а неловкость примененных г-ном Водовозовым софизмов только заставит сознательных рабочих и честных революционеров смотреть в оба за этим, с позволения сказать, демократом, так рано проявляющим свою готовность совершить измену» (Из нашей общественной жизни. Киев // Искра. 1904. № 79. 1 дек.).

49

Шведоманы, или шведская партия, представлявшие национальное меньшинство в сейме Великого княжества Финляндского (шведский считали родным языком более 10% его населения), требуя расширения автономии, находились в легальной оппозиции к российскому правительству.

50

Гангё (*швед.* Hangö), Ханко (*фин.* Hanko, Hankoniemi) – город и порт в Финляндии на северном побережье Финского залива Балтийского моря.

Правильно: Брёггер (Brögger).

52

Имеется в виду Шведско-норвежская уния 1814 г., в результате которой обоими королевствами правил шведский король; расторгнута 26 октября 1905 г., после чего Норвегия обрела независимость и своего короля.

53

Из-за доминирования Дании в Датско-норвежской унии 1536–1814 гг. литературным языком Норвегии до начала XX в. оставался датский.

дельный человек (*нем.*).

55

Стортинг (Stortinget, *букв.* большое собрание) – однопалатный парламент Норвегии, созданный в соответствии с конституцией 1814 г.

Правильно: Эриксен (Eriksen).

57

Имеется в виду Рабочая партия (*норв.* Arbeiderpartiet), основанная в 1887 г.

58

Имеется в виду указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воспоследования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные» от 21 октября 1905 г.

59

Всероссийская политическая стачка 1905 г., начавшаяся 19 сентября в Москве с забастовки типографий, которых поддержали другие предприятия, а 7 октября – железнодорожники, парализовала движение по всей стране и, охватив порядка 2 млн человек, заставила Николая II подписать 17 октября Манифест об усовершенствовании государственной власти.

60

Эйдткунен (Eydtkuhnen) – приграничная железнодорожная станция, с 1946 г. поселок Чернышевское в Калининградской области.

61

Неточность: М. А. Рейснер преподавал в 1893–1896 гг. в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (расположенном в предместье Варшавы и только в 1914 г. эвакуированном в Харьков), причем, согласно автобиографии, стоял тогда на точке зрения «славянофильства». С 1899 г. состоял экстраординарным профессором по кафедре государственного права, которой заведовал, в Томском университете, но после студенческих беспорядков 1903 г. подал в отставку и уехал в Германию, откуда посылал корреспонденции, см., например: *Реус*. Под знаменем капитализма. (Письмо из Германии) // Русское богатство. 1903. № 5/6. С. 156–191; *Он же*. Simplicissimus. (Письмо из Германии) // Там же. 1904. № 5. С. 47–76; *Он же*. Мы, балты. (Письмо из Германии) // Там же. 1906. № 9. С. 42–79, и т. д.

62

Ошибка: в декабре 1909 г. М. А. Рейснер обратился за разъяснениями к В. Л. Бурцеву, который ответил ему: «Я ровно ничего сам не нашел, что бы подкрепляло эти слухи…» Но в том же письме Бурцев передавал слова «очень компетентного» человека, будто Рейснер подавал заявление в Департамент полиции с предложением своих услуг, на которое было решено не отвечать; это, мол, подтверждает и другой «источник», который «то же самое слышал от видного охранника». Отказываясь назвать Рейснеру свои «источники» и замечая, что не может «понять этих известий», Бурцев предлагал ему: «Разберитесь в них Вы!» О дальнейшем Рейснер сообщал Бурцеву: «Письмо Ваше ко мне было прочитано мной в присутствии того лица, которое мне его передало (иначе я не мог поступить, т. к. в таких делах не может быть тайн <…>). И что же, на следующий день лицо, передавшее мне Ваше письмо, дало в газету “Биржевые ведомости” заметку, где между прочим говорилось, что Бурцев “в своих разоблачениях заявил, что профессор Р. имел сношения с департаментом полиции” (№ 11503, 8 января 1910 г.); аналогичная заметка появилась и в “Русском слове” в Москве. За этим последовали и другие аналогичные заметки в разных газетах, и устная клевета получила форму газетной инсинуации по адресу проф. Р.». Желая «снять с себя обвинение, марающее его честь», Рейснер обратился к «ряду особенно авторитетных деятелей науки и культуры»: Н. Ф. Анненскому, К. К. Арсеньеву, М. М. Ковалевскому, В. Д. Набокову и А. С. Пругавину. Собравшись 3 февраля у Ковалевского, они констатировали, что профессор, как только до него дошли позорящие его слухи, принял меры для выяснения их источников, но был, по сути, лишен возможности «действительной самозащиты», ибо обвинения исходили от «анонимных лиц». Признавая это «решительно недопустимым», члены «комиссии» полагали, что «хотя бы и косвенное, в виде передачи слухов, обвинение кого бы то ни было в низких и позорных поступках возможно лишь при том условии, если оно может быть обосновано» и предъявление «конкретных, подлежащих контролю данных» составляет «безусловную нравственную обязанность тех лиц, которые в той или иной форме содействовали распространению слухов или вообще придали им какое-либо значение» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 4–10).

63

В ответ на письмо В. Г. Короленко от 2 мая 1912 г., сообщавшего М. А. Рейснеру о невозможности продолжения его сотрудничества в «Русском богатстве», адресат потребовал извинения «в незаслуженном оскорблении», а 13 мая вызвал редакцию на третейский суд чести, сообщив имена своих арбитров – В. Д. Кузьмина-Караваева и А. С. Зарудного.

64

Ошибка: имеется в виду Александр Сергеевич Зарудный (1890–1918) – младший сын С. С. Зарудного (1866–1898) и полный тезка его брата А. С. Зарудного (1863–1934), эсер, который, являясь с ноября 1917 г. членом ЦК Украинской партии социалистов-революционеров и Центральной рады, а с декабря – генеральным секретарем (министром) по земельным делам Украинской народной республики, был убит в Киеве 26 января 1918 г. Его старший брат Сергей Сергеевич (1888–1939), которого полиция тоже подозревала в принадлежности к эсерам, в январе 1915 г. заверял Департамент, что «никогда не был» их сторонником, причем административная ссылка в Харьковской губернии за участие в студенческой забастовке в 1911 г. была сокращена ему «с 3 лет до 2, а затем и совсем прекращена», и после восстановления в институте он выпускал газету «Политехник» и сборники «Голос политехника», доказывая необходимость «вывести политику из стен высших учебных заведений» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 208. 7 д-во. 1911. Д. 721. Л. 8–9).

в свою защиту (*лат.*).

См.: *Рейснер М. А.* К общественному мнению! (Мое дело с В. Л. Бурцевым). СПб., 1913.

67

В. Л. Бурцев, признавая в 1913 г., что у него «не было и нет достаточных данных ни для обвинения, ни для оправдания Рейснера», оправдывался, что не мог раскрыть ему свой «источник» – бывшего чиновника Департамента полиции Л. П. Меньщикова, имя которого являлось в то время «тайной для всех», а разбор дел такого рода «часто требует соблюдения особых условий конспирации, когда членам суда, т. е. людям, пользующимся общим безусловным доверием, сообщаются имена и документы под условием не делать их известными ни заинтересованной стороне, ни прессе». Комментируя брошюру «К общественному мнению!», Бурцев указывал Рейснеру, что «нельзя третировать, как унижающие его достоинство, суды тех лиц, пробраться в ряды которых и работать с которыми так хотелось», и напоминал: «Рейснер в 1909 г. для всех был ведь Рейснером 1904–1906 гг., а не черносотенцем Рейснером, каким его знали в Александрийском институте или Томском университете, а еще раньше – и в других местах, когда в его формуляре имелся целый ряд очень громких реакционных антисемитских историй. Если бы от предложенного суда чести отказался черносотенец Рейснер, это бы никого не изумило. Но ведь от суда чести отказался совсем иной Рейснер, – Рейснер, добивавшийся в 1905 г. редакторства в с.-р. органе “Сын Отечества” и в с.-д. большевистском органе…» (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 415. Л. 24–34).

Цитируя брошюру М. А. Рейснера, утверждавшего, что ему представилась возможность сделать «дело с Бурцевым предметом третейского разбирательства», но поскольку «из этого суда ничего не вышло», теперь он может представить свое дело «лишь одной высшей инстанции – непосредственно суду общественного мнения», В. В. Водовозов писал: «В действительности в зиму 1912–13 гг. имело место третейское разбирательство между Рейснером и не Бурцевым непосредственно, а редакцией одного уважаемого журнала, которая в письме к Рейснеру упрекнула его за то, что он не принял всех необходимых мер для своей реабилитации, и только это частное обвинение было предметом судебного рассмотрения, а не самый вопрос о непорядочности Рейснера во всем его грозном объеме. Из суда не вовсе “ничего не вышло”, а вышел приговор, вынесенный единогласно всеми пятью судьями, в том числе избранными самим Рейснером, и этот приговор был целиком против Рейснера. Конечно, приговор, даже вынесенный самыми почтенными общественными деятелями, может оказаться ошибочным. Но нельзя говорить, что из суда ничего не вышло, когда суд вынес определенный приговор. Приведенное утверждение Рейснера есть даже не утаивание неприятного факта, а прямая неправда, и эта неправда бросает яркий и очень нехороший свет на всю книжку» (Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1483. Л. 1–2).

69

В. В. Водовозов состоял членом редакции «Современника» в 1911–1913 гг.

70

См.: «Из Москвы приехала Лариса Рейснер, жена известного Раскольникова. Она явилась со специальной целью завербовать Ал. Ал. в члены партии коммунистов и, что называется, его охаживала. Устраивались прогулки верхом, катанье на автомобиле, интересные вечера с угощеньем коньяком и т. д. Ал. Ал. охотно ездил верхом и вообще не без удовольствия проводил время с Ларисой Рейснер, так как она молодая, красивая и интересная женщина, но в партию завербовать ей его все-таки не удалось, и он остался тем, чем был до знакомства с ней» (*Бекетова М. А.* Александр Блок. Пг., 1922).

71

Неточность: речь идет о передовой статье в газете «Народное хозяйство». См.: «Канул в вечность год ужасов. Беспрерывная канонада в Маньчжурии, длившаяся полтора года, жестокая бойня на волнах Великого океана, длившаяся столько же, закончились. Зато началась резня на улицах Петербурга, Тифлиса, Севастополя, лифляндских городов, Москвы. Петербургской бойней открылся 1905 год, канонадой Москвы он закончился. Таким образом – “Старый год грозой ознаменован, / И в крови родился новый год”. Что он нам несет? Прежде всего, вероятно, кровь…» Водовозов писал, что самодержавие, пообещавшее было гражданские свободы и конституционный строй, «уже поспешило все взять назад», ибо опирается не только на штыки и бюрократию, но и на рознь оппозиционных партий, тратящих силы «на взаимное истребление», а надвигающаяся угроза экономического банкротства страны может способствовать «анархии или же чему-нибудь еще неизвестному: быть может, какому-нибудь Наполеону» (1906. № 15. 1 янв.).

72

Имеются в виду книги Э.-Ж. Ренана «Жизнь Иисуса» («Vie de Jésus», 1863) и Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu», 1835).

Упомянуты петербургские библиотеки Академии наук и Императорская Публичная, а также московская библиотека Румянцевского музея.

74

П. Н. Милюков писал, что заходившие в нему друзья рассказывали об уличных проявлениях радости по поводу Манифеста 17 октября и, в частности, как «милейший В. В. Водовозов, взобравшись на бочку, говорил оттуда одушевленную речь» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. С. 211).

75

Проходивший в Москве 12–18 октября 1905 г. первый учредительный съезд Конституционно-демократической партии принял ее устав и программу, см.: «Партия борется за полную свободу личности во всех ее видах, за свободу и самостоятельность национальностей, населяющих Россию, за парламентарный строй, основанный на всеобщем и равном избирательном праве с тайной и прямой подачей голосов; за широкое развитие демократического местного самоуправления, основанного на всеобщей подаче голосов, за развитие прямого обложения на счет косвенного, за увеличение площади крестьянского землевладения государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем выкупа частновладельческих земель по справедливой (не рыночной) оценке; за свободу рабочих союзов и стачек, за развитие фабричного законодательства и 8-часовой рабочий день» (*Водовозов В.* Конституционно-демократическая партия в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1905. Доп. т. 1а. С. 944–945).

Союз союзов, учрежденный на проходившем 8–9 мая 1905 г. съезде представителей 14 общественных и профессиональных союзов, являлся, как определялось в его уставе, органом, объединяющим «на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма»; прекратил свою деятельность в конце 1906 г. В. В. Водовозов состоял членом Особой комиссии при Союзе союзов, созданной для выработки положения о созыве Учредительного собрания.

77

Союз 17 октября, сложившийся из правого крыла либеральных земцев, включал представителей торгово-промышленного и банковского капитала, интеллигенции; после раскола осенью 1906 г. – умеренно правая партия, фактически прекратившая свою деятельность летом 1915 г. Партия правового порядка, сорганизовавшаяся в октябре 1905 г. из представителей дворянства, высших слоев бюрократии и крупного капитала, выступала за сильную государственную власть, единство и неделимость России, предоставление демократических свобод, «устройство» крестьян и рабочих, для которых создала Конституционно-монархическую рабочую партию; распалась в 1907 г. Торгово-промышленная партия, организованная в ноябре 1905 г. в Москве, объединяла большинство крупных заводчиков и предпринимателей Центрально-промышленного района; фактически прекратила существование в конце 1907 г. Прогрессивно-экономическая партия, учрежденная в октябре 1905 г. и действовавшая исключительно в столичном регионе, включая крупных промышленников и банкиров, высокопоставленных чиновников, финансировалась Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов; распалась в 1907 г.

78

Большая советская энциклопедия указывала, что политическая физиономия внепартийной группы «Без заглавия» состояла в «отсутствии определенной позиции»; ее идеал – германская социал-демократия как партия «крайней оппозиции», но «довольно безразлично относящаяся к глубине социалистических убеждений своих членов», ибо «социализм является для них пропагандируемой идеей, миропониманием, в котором по существу дела неизбежны разногласия», т. е. «полное созвучие с берштейнианством»; поэтому, «беспринципные в теории, на практике “беззаглавцы” шли за партией кадетов» и, провозглашая свою приверженность к т. н. «критическому социализму», стояли на «расплывчатой позиции общей социальной справедливости» (*А. Д.* «Без заглавия» // БСЭ. 1927. Т. 5. Стлб. 195–196).

Я, впрочем, не вполне уверен, была ли она помещена в «Нашей жизни» или в «Киевских откликах», с которыми я тоже все время поддерживал отношения.

80

Статья была напечатана в газете «Народное хозяйство»: *Водовозов В.* Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 24, 26, 29. 13, 15, 19 янв.

81

Эпиграф к статье звучал так: «Да не будет раздора между мною и тобою, между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники. Не вся ли земля перед тобою? Отделись же от меня… если ты направо, то я налево»; правильно: «И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево» (Быт. 13: 8–9).

82

Имеется в виду ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Свобода и право», выходившая в Киеве с 3 января по 1 марта 1906 г., одним из двух редакторов-издателей которой состоял И. В. Лучицкий; см. передовые, посвященные «громким, но бездоказательным утверждениям г. Водовозова» (Свобода и право. 1906. № 19, 22. 22, 24 янв.).

Водовозов доказывал, что программа, отрицающая социализм или, по крайней мере, не включающая его, «открывает двери партии для элементов, враждебных социализму и интересам трудящихся масс». Поэтому она «не является демократической партией в полном смысле этого слова», и истинный демократ и социалист входить в нее «не должен, если он не желает поддержать и усилить течение, которое неизбежно в очень недалеком будущем окажется ему враждебным», ибо «уже теперь программа партии с ее отрицанием социализма и республики открыла двери для элементов, являющихся демократами и революционерами в весьма малой степени».

Хотя еще 18 октября 1905 г. кадеты ратовали за созыв учредительного собрания, на их 2-м съезде (5–11 января 1906 г.) «полная победа осталась за флангом умеренным», который увлек за собой даже Милюкова, заявившего: «Вводя термин “учредительное собрание”, мы вовсе не думали об облаченном полнотой суверенной власти собрании. Такое собрание могло бы быть результатом лишь победоносной революции; под учредительным собранием мы понимали лишь собрание народных представителей, облеченное учредительными функциями. Я предлагаю поэтому не вносить в программу никаких изменений». Съезд предоставил местным организациям «свободу в употреблении терминологии», и Водовозов негодовал: «Итак, резолюция 18 октября, которую Милюков 19 ноября 1905 года охотно внес бы в программу, по желанию того же Милюкова 10 января 1906 г. была признана факультативной и истолкована так, что потеряла всякое значение». Резюмируя, он заключал: «Нам, понимающим и признающим, что только социалистическое знамя может сплотить широкие народные массы для энергичной борьбы за лучшее будущее, нам в рядах этой партии делать нечего; но, как арьергард, она в настоящее время все-таки играет положительную роль, закрепляя завоевания революции. Можно и должно выяснять наши взаимные отношения, но вступать с ними в активную борьбу, – это значит тратить даром силы, которые нужно направлять против деспотизма. Мы должны идти своей дорогой, но не мешать и конституционным демократам идти своей; ведь как наша, так и их ближайшая задача состоит в борьбе с самодержавием…» (*Водовозов В.* Конституционно-демократическая партия и трудящиеся массы // Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.).

Не оставив без внимания критику в свой адрес, П. Н.

Милюков в статье «К итогам второго съезда к.-д. партии» доказывал, что, не изменив своих позиций, она не нуждается в одобрении или порицании «от каких-то посторонних ей групп или элементов» (Еженедельник партии Народной Свободы. 1906. № 1. 22 янв.). В свою очередь, А. А. Кауфман прислал в «Нашу жизнь» развернутый ответ своему оппоненту – «Борьба или выяснение отношений. (По поводу статьи В. В. Водовозова)», а член ЦК кадетов историк А. А. Корнилов – статью «Еще о конституционно-демократической партии и трудящихся массах», напечатанные соответственно 29 января (№ 355) и 2 февраля (№ 359).

84

Перефразирована эпиграмма 1824 г. А. С. Пушкина на новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова: «Полу-милорд, полу-купец, / Полу-мудрец, полу-невежда, / Полу-подлец, но есть надежда, / Что будет полным наконец».

85

Выступая в Государственной думе 24 апреля 1908 г., министр финансов В. Н. Коковцов в ответ на предложение о создании парламентской комиссии для обследования положения железнодорожного хозяйства заявил: «У нас парламента, слава Богу, еще нет» (Государственная дума. III созыв. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 2. Стлб. 1995).

Указанная «формула» В. В. Водовозова возникла ранее, применительно к тактике кадетов в связи с роспуском Государственной думы 9 июля 1906 г., см.: «Партия к.-д. есть партия радикальная (в европейском смысле слова) по своим политическим требованиям и демократическая по своим экономическим требованиям, идущая вплоть до принудительного отчуждения почти всей частновладельческой земли. В своей же практической деятельности она пожелала быть партией парламентарной в стране, не имеющей парламента, и партией конституционной в стране, не имеющей конституции, и это характеризует ее гораздо больше, чем вся ее программа. Вся ее тактика состояла в предъявлении правительству требований, опирающихся на бумажные постановления, этим правительством не признаваемые. Когда была [в 1906 г.] распущена дума, то эта партия предложила опубликовать протест, который, однако, действительным протестом не был, т. к. он исходил не от лица думы, а от лица 180 отдельных лиц, бывших членов думы, и т. к. в нем распущение думы признавалось состоявшимся и окончательным. Это коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой определило весь характер партии» (*Водовозов В. В.* Партия мирного обновления // Товарищ. 1906. № 32. 11 авг.).

87

Имеется в виду высочайший Манифест об учреждении законосовещательного представительного органа – Государственной думы и утверждении Положения о выборах, подписанный 6 августа 1905 г.

внезапно (*лат.*).

89

Введение в мае 1849 г. трехклассной, по размеру уплачиваемых налогов, избирательной системы при формировании ландтага свело почти на нет значение голосов наибольшей и наибеднейшей части избирателей, попросту бойкотировавших выборы, из-за чего в них участвовало менее трети населения Пруссии.

90

См.: «В 1863 г. чешская партия решила протестовать против правительства демонстративным удалением из рейхсрата и богемского ландтага и воздержанием от участия в политических выборах; левое крыло партии, впоследствии названное младочешским, было недовольно таким приемом борьбы. В 1878 г. младочехи сумели принудить всю чешскую национальную партию принять участие в выборах в богемский ландтаг, а в 1879 г. и в рейхсрат» (*Водовозов В.* Старочехи // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. 31. С. 456).

91

См., например: *Водовозов В.* Система выборов в государственную думу // Наша жизнь. 1905. № 210, 214, 222, 226, 234. 13, 16, 20, 23, 27 авг.

92

Первый съезд ПСР проходил с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 г.

93

Учредительная конференция Трудовой (народно-социалистической) партии состоялась в ноябре 1906 г. в Финляндии.

94

Имеется в виду высочайший указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений», подписанный 11 декабря 1905 г.

Промысловые свидетельства выдавались на производство мелочной, разносной и развозной торговли; к ним же были отнесены и приказчичьи свидетельства.

96

В рукописи далее зачеркнута фраза: «В Киеве у меня сохранялась квартира, взятая на мое имя, в которой жила моя жена, но я из Киева выбыл уже два года, а закон не удовлетворялся формальным наймом квартиры, но требовал непременно также и проживания».

97

Пассивное и активное избирательное право – право гражданина соответственно быть избранным в состав представительных органов власти и участвовать в выборах их в качестве избирателя.

98

Неточность: в 1906–1911 гг. С. Е. Крыжановский занимал должность товарища министра внутренних дел.

Участник разработки документов, касавшихся учреждения так называемой Булыгинской думы, убежденный монархист С. Е. Крыжановский после манифеста 17 октября получил, как вспоминал, «распоряжение заготовить проект изменения избирательного закона в смысле расширения круга лиц, участвующих в каждой линии выборов, без нарушения, однако, самой их системы» (*Крыжановский С. Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 126).

100

См.: *Водовозов В.* Новый избирательный закон в новую государственную думу // Народное хозяйство. 1905. № 1. 15 дек.

101

Имеется в виду «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

Например, 19 февраля 1906 г. В. В. Водовозов выступил на двух собраниях избирателей – Петербургской стороны (Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.) и Коломенской части, где едва только начал речь об отношении к думе, коснувшись «вопроса о самодержавии и конституции», как присутствовавший в зале пристав «прервал его, заявив, что возбужденный оратором вопрос не подлежит обсуждению». Тогда председательствующий В. К. Агафонов поинтересовался у пристава, о чем в таком случае можно говорить, и получил ответ: «о партиях». Но когда Водовозов заявил, что не все они смогли ознакомить граждан со своими взглядами, ибо власть сковывает свободу слова, пристав потребовал, чтобы оратор вовсе прекратил свое выступление, и, узнав, что Водовозов живет не в Коломенской части, настоял на удалении его из зала (см.: Собрание избирателей Коломенской части // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.). 5 марта Водовозов снова выступил на собрании избирателей Петербургской стороны, 9-го – Рождественской части, 16-го – опять Петербургской стороны (Там же. № 387, 391, 422. 7, 11 марта, 18 апр.) и т. д., причем каждый раз собрания закрывались полицией.

103

См.: *Ленин Н.* Государственная дума и социал-демократическая тактика. СПб., 1906; *Мякотин В. А.* Надо ли идти в государственную думу? СПб., 1906.

104

Ср.: «Новая Дума является несомненно карикатурой на народное представительство. Участие наше в выборах даст народным массам извращенное представление о нашей оценке Думы. Свободы агитации нет. Собрания разгоняются. Делегаты арестовываются. Поддавшись на приманку дубасовского “конституционализма”, мы своего партийного знамени перед массами развернуть не сможем, а свои партийные силы ослабим с малой пользой для дела, ибо “легальное” выступление наших кандидатов даст лишь полиции готовые списки арестуемых. В большинстве мест России кипит гражданская война. Затишье может быть здесь лишь временное. Подготовка вновь и вновь необходима. Нашей партии соединять это с делом выборов по закону 11 декабря и нецелесообразно, и практически неосуществимо» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 12. С. 167).

105

В резолюции «Об отношении к Государственной думе», принятой в Стокгольме делегатами партийного съезда в апреле 1906 г., указывалось, что «всюду, где еще предстоят выборы и где РСДРП может выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу» (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. М., 1959. С. 526), и от Кутаисской губернии в первую думу прошли три социал-демократа, все – меньшевики.

106

См.: *Лассаль Ф.* Речь перед судом присяжных / Пер. под ред. и с предисл. Н. Троцкого. СПб., 1905. С. 60.

107

В. И. Ленин вернулся в Петербург 8 ноября 1905 г., но в апреле 1906 г. выезжал в Стокгольм, где участвовал в IV (Объединительном) съезде РСДРП.

Например, 19 февраля 1906 г. на собрании избирателей Петербургской стороны, отстаивая необходимость участия в выборах, В. В. Водовозов говорил: «У бойкотистов думы есть только один очень сильный аргумент: дума никуда не годится *(смех)*, а, идя в нее, мы ее санкционируем. Я полагаю, однако, что, идя в думу, мы ее не санкционируем. Дума действительно никуда не годится. Из тупика, в который вогнали история и правительство Россию, ее может вывести действительно только учредительное собрание, созванное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Но именно потому, что необходимо учредительное собрание, нельзя отказываться от участия в выборах в думу. Нужно пользоваться всеми способами, чтобы организовать народные силы, а одним из них являются, несомненно, выборы в думу. Не отказывались же адвокаты принять участие в деле Шмидта, хотя суд над ним – такая же пародия на правосудие, как государственная дума – на народное представительство. Идея бойкота думы вносит разлагающее начало в организацию общественных сил». Но В. А. Мякотин доказывал на собрании, что, поскольку народ фактически не участвует в выборах, «никто не имеет права говорить в думе от его имени», и подавляющим большинством, свыше 1000 против 10–20 голосов, собрание высказалось за бойкот (см.: Диспут «бойкотистов» и «анти-бойкотистов» // Наша жизнь. 1906. № 375. 21 февр.). 9 марта В. В. Водовозов снова дебатировал с В. А. Мякотиным на собрании избирателей Рождественской части, которое тоже «большинством всех голосов против 15» приняло резолюцию, что «не признает нужным принять участие в выборах в думу» (Там же. № 391. 11 марта).

109

Неточность: И. А. Коновалов, о котором В. И. Ленин отзывался как о «честном», «умелом и беззаветно преданном своему делу наблюдателе» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 23. С. 270, 272), покончил жизнь самоубийством 28 апреля 1911 г.

110

См.: «Среди других имен провокаторов в бумагах Департамента полиции найдено было указание на провокатора, работавшего под кличкой Фин и осведомлявшего о с.-д. партии и с.-д. фракции Гос. Думы. Предпринято было тщательное расследование для обнаружения, кто именно работал под этой кличкой. В расследовании принимал участие эксперт-графолог Захарьин, изучавший ряд докладов Фина. Установлено, что под этой кличкой состоял на службе в охранном отделении Иван Андреевич Коновалов, член петроградского комитета партии с.-д., большевик, известный под партийной кличкой Николай и сотрудничавший в журналах “Современный мир” и “Русское богатство”. В 1911 году Коновалов покончил жизнь самоубийством» (Провокаторы // День. 1917. № 53. 7 мая). См. также: *Войтинский Вл.* Годы побед и поражений. Берлин; Пб.; М., 1923. Кн. 1. С. 65–66.

111

Со 2 по 7 ноября 1905 г. в Петербурге происходила всеобщая забастовка, а 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая стачка, переросшая в вооруженное восстание.

112

16 декабря 1905 г. исполком Московского совета рабочих депутатов постановил прекратить восстание с 18 декабря.

113

Фамилия Андреева и цифра десятин его земли у меня остались в памяти твердо. Следующие фамилии и цифры я пишу произвольно, но ручаюсь за общий их характер, говорящий о великом земельном изобилии в уезде. Этот Андреев – отец Марии Александровны Андреевой, ученой-византинистки, находящейся ныне (1931 г.) в эмиграции, в Праге.

114

Правильно: Тихвинский Богородичный Успенский православный мужской монастырь, основанный в 1560 г.

115

Цитируется комедия Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 11. С. 116).

116

Временное движение по Петербургско-Вологодской железной дороге было открыто в сентябре 1905 г.

117

В. В. Водовозов был приглашен юридическим обществом при Казанском университете для прочтения публичных лекций – «Всеобщее избирательное право», «О системе выборов в Государственную думу» и «Что такое конституция?», назначенных соответственно на 23, 24 и 25 января 1906 г. Но вторая лекция была сорвана полицией, ибо оратор «блистательно, дельно, оставаясь все время последовательным» критиковал избирательную систему как «неумелый плод бюрократического творчества» (см.: *Б-н Илья*. Вторая лекция В. В. Водовозова. (Письмо в редакцию) // Казанский телеграф. 1906. № 3898. 26 янв.). В «Протоколе о закрытии собрания юридического общества 24 января» указывалось, что Водовозов, читая лекцию «в клубе служащих правительственных и общественных учреждений на публичном платном заседании», назвал Государственную думу «обманом правительства», высказываясь «в оскорбительных тонах против самодержавия», на основании чего по требованию временно исправляющего должность полицеймейстера Казани собрание было «распущено». Протестуя, члены юридического общества указали «г. полицеймейстеру на несоблюдение им закона 12 октября о двукратном предупреждении», которое он должен был сделать лектору, прежде чем закрывать собрание (на что тот ответил: «Незаконно – тем лучше!»), подчеркивая, что «вся лекция г. Водовозова носила характер академический и никаких оскорбительных слов против самодержавия им произнесено не было» (Из зала юридического заседания 24 января // Волжский листок. 1906. № 364. 26 янв.). Поскольку третью лекцию запретили, в тот же день, 25 января, Водовозов покинул Казань (см. также: Из юридического заседания 23 января // Там же. № 363. 25 янв.; 2-я лекция В. Водовозова // Вечернее эхо. 1906. № 30, 31. 26, 27 янв.).

118

Открытие 1-й Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г.

119

Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства – научное общество, учрежденное в 1765 г., которое, согласно уставу 1872 г., включало три отделения: сельскохозяйственное, технических сельскохозяйственных производств и земледельческой техники, политической экономии и сельскохозяйственной статистики; один из центров сплочения либерально-демократической оппозиции; В. В. Водовозов был избран членом ВЭО на его общем собрании 24 февраля 1905 г. (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2114. Л. 8).

120

И. Л. Горемыкин сменил С. Ю. Витте на посту председателя Совета министров 22 апреля 1906 г.

121

Неточность: речь идет о заседании III отделения Вольного экономического общества 24 апреля 1906 г., на котором председательствовал Н. Ф. Анненский и ожидалась дискуссия на тему «Современное положение страны и Государственная дума». Среди публики находилось около 100 депутатов и члены Государственного совета, но «после вступительного слова Н. Ф. Анненского и доклада В. А. Мякотина совершенно неожиданно появился пристав и заявил, что настоящее заседание по распоряжению градоначальника немедленно должно быть закрыто. Председательствующий, обращаясь к приставу, заявляет: “Требование градоначальника незаконно. Мы действуем на основании Высочайше утвержденного устава, по которому никто не имеет права без моего разрешения сюда входить. Вы нарушили устав. Прошу вас оставить зал заседания”. Сказав это, Н. Ф. предоставил слово следующему по списку оратору – В. В. Водовозову. Но не успел еще В. В. взойти на кафедру, как в зал заседания введен был усиленный отряд вооруженных городовых, человек в 100. Публика заволновалась, и некоторые из присутствовавших устремились к выходу. Председатель просит собрание оставаться совершенно спокойно на местах и предоставляет слово президенту Вольного экономического общества, члену государственной думы, гр. Гейдену. Гр. Гейден требует немедленного составления протокола, чтобы иметь, таким образом, возможность обжаловать незаконные действия градоначальника в Сенате. Пристав заявляет, что ничего не имеет против составления протокола, но находит, что публика должна заранее оставить зал заседания. <…> При выходе публике пришлось буквально проходить “сквозь строй” двух рот солдат Измайловского полка, в полной боевой амуниции расположившихся против здания Вольного экономического общества, усиленного наряда конных городовых, вооруженных винтовками, и конных жандармов, оцепивших всю улицу» (Заседание Вольного экономического общества // Речь. 1906. № 57. 25 апр.). На следующем заседании общества 25 апреля снова председательствовал Н. Ф. Анненский, но когда С. Н. Прокопович начал свой доклад по аграрному вопросу, опять «в зал ураганом ворвался отряд городовых, человек в сто, занявших все входы и выходы», а «предводительствовавший им участковый пристав объявил заседание закрытым». Отказавшись подчиниться, Анненский тут же огласил грамоту Екатерины II о предоставлении обществу «известных вольностей»

и подтверждающий их «рескрипт царствующего монарха». На вопрос, продолжает ли пристав настаивать на закрытии заседания, последовал ответ: «Я послан сюда для действия вооруженной силой в случае сопротивления нашим требованиям». Заявив, что «уступает одной только физической силе, против которой собрание бессильно», Анненский попросил публику оставить зал, что было встречено «громкими протестами и резкими возгласами» (В Вольно-экономическом обществе // Там же. № 58. 26 апр.). Вслед за этим на собрании избирателей Коломенского района в Большом зале Дома трудолюбия на трибуне появился «встреченный бурными аплодисментами В. В. Водовозов», начавший свою речь «с рассказа о насилии, только что совершенном над собранием в В[ольно]-э[кономическом] о[бществе]», после чего была единогласно принята резолюция, призывавшая думу «покончить с нынешним режимом, освободить борцов за права народа, утвердить свободы, выработать избирательный закон, обеспечивающий народовластие, вырвать власть из грязных рук бюрократии и предать суду насильников» (*Е. К.* В Коломенском районе // Наша жизнь. 1906. № 431. 28 апр.).

122

Г. К. Ульянов, член Саратовского комитета ПСР, арестованный в сентябре и высланный в декабре 1905 г. в Восточную Сибирь, был возвращен с этапа в связи с избранием 14 апреля 1906 г. в Государственную думу от общего состава выборщиков Саратовского губернского избирательного собрания.

123

Н. А. Гредескул, редактировавший харьковскую газету «Мир», был арестован и сослан на три года в Архангельскую губернию, но освобожден в связи с избранием 21 апреля 1906 г. в Государственную думу от съезда городских избирателей Харькова.

124

С. В. Аникин, подвергавшийся арестам в 1904 и 1905 гг., являясь членом губернского бюро Всероссийского крестьянского союза, был избран в Государственную думу 14 апреля 1906 г. съездом уполномоченных от волостей Саратовской губернии.

125

Т. И. Седельников, землемер, был избран в Государственную думу 20 апреля 1906 г. от общего состава выборщиков Оренбургского губернского избирательного собрания.

126

Независимая социальная рабочая партия (независимцы, ушаковцы) была основана в конце 1905 г. рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг М. А. Ушаковым, пользовавшимся покровительством С. В. Зубатова и С. Ю. Витте; выступала за примирение труда и капитала, невмешательство рабочих в политику; издавала «Рабочую газету» (1906. № 1–46; 1908. № 1–4).

127

В состав 1-й Государственной думы были избрано 23 рабочих (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 2008. С. 447).

128

Социал-демократическая фракция 1-й Государственной думы насчитывала 18 человек.

129

1-я Государственная дума была распущена 9 июля 1906 г., ибо выборные от населения, пенял им Николай II в своем Манифесте, «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашей монаршей волей, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению», из-за чего «смущенное таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. 26. 1906. Отд. I. СПб., 1909. № 28105. С. 738).

130

Воззвание «Народу от народных представителей», принятое 8 июля 1906 г. в Выборге бывшими депутатами 1-й Государственной думы в связи с ее роспуском, содержало призыв к гражданскому неповиновению.

131

12 января 1907 г. судебный следователь 6-го участка г. С.-Петербурга, вследствие предложения прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 31 декабря 1906 г., постановил привлечь в качестве обвиняемых Н. Ф. Анненского, М. В. Бернштама, В. Г. Богораза (Тана), С. Я. Елпатьевского, Ф. Д. Крюкова, В. А. Мякотина, А. В. Пешехонова, В. И. Семевского, В. И. Чарнолусского и др., «предъявив им обвинение в том, что в 1906 г. в г. С.-Петербурге, действуя по предварительному между собой соглашению, они составили сообщество под наименованием “Трудовая (народно-социалистическая) партия”, поставив целью деятельности этого сообщества ниспровержение существующего общественного строя посредством созыва учредительного собрания» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 950. Л. 1).

132

Выступая 16 марта в театре Неметти на собрании с участием около 3 тыс. человек, В. В. Водовозов говорил: «…дума – оппозиционная. Выборы доказали, что у правительства нет сторонников, что нет ни одного класса, ни одной группы населения, на которую оно могло бы опереться. И чиновники, и купцы, и помещики подавали свои голоса за к[а]д[етов] и этим самым подчеркивали свое недоверие правительству. Преступления же военных агентов, избиения, казни, пред которыми бледнеют ужасы французской революции, толкают массы в ряды революционеров. <…> В чем же должна выразиться деятельность думы? Она должна помнить, что не является органом народной воли, а только *органом народного гнева*. Она не должна заниматься положительной работой. Все основные вопросы нашей жизни, аграрный, рабочий и др., может решить только народ в лице его истинных представителей. Поэтому дума должна потребовать учредительного собрания» (цит. по: *Б. Э.* О тактике левых в думе // Наша жизнь. 1906. № 422. 18 апр.).

133

См., например: «Дума народного гнева». Избранные места из речей, произнесенных в Первой русской думе / Сост. Михаил Гурлянд. СПб., 1907.

134

Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1–3.

135

Конституционно-демократическая фракция 1-й Государственной думы оказалась самой многочисленной и к концу сессии объединяла 178 депутатов (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917. С. 283). Но В. В. Водовозов считал, что, поскольку выборы проводились не на основе всеобщего голосования, кадеты, которые из-за тактики бойкота, проводимой левыми партиями, «тщательно остерегались марать себя союзами налево и в то же время делали охотно книксены направо», не имеют «ни малейшего права называть себя избранниками или представителями народа». И далее он писал: «Пусть кадеты исполнят данные ими обещания, или в случае невозможности их исполнить пусть мужественно борются за них в думе и вне думы, и мы, избиратели поневоле, избиравшие их за отсутствием других кандидатов, забудем их ошибки. В таком случае, но только в таком случае, после завоевания всеобщего избирательного права они смогут, может быть, действительно получить свой мандат от народа и обратиться в действительных народных представителей» (*Водовозов В.* Поражение правительства // Наша жизнь. 1906. № 406. 29 марта). На это орган кадетов отвечал: «В “Нашей жизни” г. Водовозов великодушно обещает к.-д. партии забыть ее ошибки, допущенные по отношению к правым и левым, если партия в думе исполнит то, что рекомендует г. Водовозов. Так как указываемые г. Водовозовым ошибки в действительности не имели места, то мы бы могли утешиться тем, что и прощать нечего. Но увы! Нам все-таки не удастся заслужить прощения г. Водовозова, ибо, как бы мы этим ни дорожили, мы предпочтем идти той именно дорогой, по которой г. Водовозов отказался с нами идти» (Печать // Речь. 1906. № 35. 30 марта).

136

См.: *Водовозов В.* Амнистия // Наша жизнь. 1906. № 463, 465. 4, 7 июня; *Он же.* Дума и партии. К вопросу об амнистии // Там же. № 482. 27 июня.

137

В «Приветственном слове его императорского величества государя императора Государственному совету и Государственной думе», в частности, говорилось: «С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. <…> Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права. Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное. <…> Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 5).

138

Ср.: «С раннего утра развели на Неве Дворцовый мост, закрыли Николаевский и прекратили движение пароходов финляндского общества и яликов, и таким образом было произведено разобщение центральных частей от заречных. <…> На площади у Николаевского моста, у Исаакиевского собора и у Государственного совета выстроилась конная полиция. На Васильевском острове внутри многих домов засады из городовых. На набережной – казаки, на мосту – жандармы и полиция. Через мост пропускаются лишь военные и почтальоны» (На улицах // Речь. 1906. № 60. 28 апр.).

139

После середины мая 1906 г. кадетская фракция пополнилась 22 вновь прибывшими депутатами и в нее перешли 12 депутатов из других фракций.

140

Правильно: «Вестник Партии народной свободы».

141

А. Е. Исупов окончил приходское училище.

142

См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Заседание 16. 27 мая 1906 г. С. 702–704.

143

«Архив русской революции» – мемуарно-документальное издание (в 22 т.), выпущенное И. В. Гессеном в Берлине в 1922–1937 гг. Фамилия А. Е. Исупова в издании не упоминается. О его гибели сообщалось в книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России, 1918–1923» (Берлин, 1924), в которой указано, что 2 ноября 1920 г. в «Известиях Архангельского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и губкома РКП (большевиков)» помещен список из 36 человек, расстрелянных «за контрреволюцию и шпионаж» по постановлению Архангельской губернской ЧК, среди которых был и Исупов. Подробнее см.: *Дойков Ю.* Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике. 1920–1923 (документальные материалы). Архангельск, 2022. С. 172.

144

Городской голова Шенкурска в 1917 г. А. Е. Исупов после антисоветского переворота в Архангельске с августа 1918 г. состоял уездным правительственным комиссаром по Шенкурскому уезду и, арестованный 30 июля 1920 г. большевиками, был расстрелян 15 октября.

145

См.: «Д. И. Назаренко. Крестьянин – окончил двухклассное училище и был 20 лет лесником на Кавказе. В период освободительного движения принимал в нем деятельное участие, агитируя среди крестьян Старобельского у.; был заключен в Старобельскую тюрьму и освобожден благодаря получению от Государя благодарности на его имя за адрес от крестьян. Обладает редким ораторским талантом» (Наша жизнь. 1906. № 411. 5 апр.).

146

В рукописи далее зачеркнуто: «После Думы он числился членом редакции “Вестника Европы”, но и тогда, опираясь на свою думскую известность, не смог создать себе сколько-нибудь значительной литературной известности».

147

См. сообщение об утреннем совещании 28 апреля 1906 г., на котором была образована Трудовая группа: В парламентской трудовой группе // Речь. 1906. № 61. 29 апр.

148

1 мая В. В. Водовозов выступил перед депутатами Трудовой группы с докладом «О технике парламентаризма», 2 мая – «О проекте наказа думы» (см.: В парламентской Трудовой группе // Наша жизнь. 1906. № 435. 3 мая), а, например, 11 июня прочел лекцию «об организации местного самоуправления в связи с вопросом о местных комитетах для урегулирования земельного вопроса» (В Трудовой группе // Там же. № 471. 14 июня).

149

Трудовая группа в начале работы 1-й Государственной думы включала около 120 депутатов, а к концу сессии состояла из 110 депутатов, что составляло 23% состава думы (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 625).

150

И. И. Петрункевич говорил: «Долг чести, долг нашей совести повелевает, чтобы первая наша мысль, первое наше свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой нам всем Родины (*гром аплодисментов*). Все тюрьмы в стране переполнены (*продолжительные аплодисменты*), тысячи рук протягиваются к нам с надеждой и мольбой, и я полагаю, что долг нашей совести заставляет нас употребить все усилия, которое дает нам наше положение, чтобы свобода, которую покупает себе Россия, не стоила больше никаких жертв (*продолжительные аплодисменты*)». Свою короткую речь оратор закончил словами: «свободная Россия требует освобождения всех пострадавших…» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Заседание 1. 27 апреля 1906 г. С. 3).

151

Ср. с речью Ф. И. Родичева: «Амнистия и помилование – это прерогативы Монарха, и наше заявление есть заявление потребности, заявление страданий всего народа, обращенное к Монарху. <…> Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны, возьмите на себя почин и щедрою рукой дайте всепрощение. Это акт высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывом обновления, когда страна жаждет успокоиться, прошлое должно быть стерто начисто. Не портите радости народной – скупостью, ограничениями, торгом в милости; милость широка, и прощение награждается народным чувством только тогда, когда оно всеобщее. <…> За все те преступления, мотивами которых было не низменное своекорыстие, а увлечение – для всех для них прощение. Я вам напомню, господа, что один из первых апостолов христианства – апостол Петр – он был преступником против общего права, он отсек ухо; преступление не политическое, но оно было совершено во имя любви, и во имя этой любви все подобные преступления должны быть прощены, хотя бы люди, сделавшие их, не обладали чистотой апостола» (Там же. Заседание 2. 29 апреля 1906 г. С. 24).

152

Неточность: статья была опубликована за полгода до открытия Государственной думы, см.: *Родичев Ф.* Они прощают?! // Право. 1905. № 41. 25 окт. Стлб. 3407–3409.

153

Мемуарист ошибся, так как А. Ф. Аладьин говорил о В. И. Гурко 12 июня, при обсуждении ответа П. А. Столыпина на думский запрос о помощи голодающим из-за неурожая губерниям: «В продовольственный комитет, находившийся под председательством г. Ватаци, поступило предложение начальника земского отдела, действительного статского советника Гурко, лишить всех крестьян, участвовавших в аграрных беспорядках, продовольственной помощи (*аплодисменты слева. Голоса:* Браво! браво!). Комитет этого предложения не принял (даже и комитет не принял!), и тогда действительный статский советник Гурко в порядке подчиненности внес это предложение министру внутренних дел, тайному советнику Дурново. Последний предложил губернаторам не выдавать крестьянам, принимавшим участие в движении, пособий. Необходимо отметить, что действительный статский советник Гурко в настоящее время назначен заведующим всем продовольственным делом в Империи. (*Голоса:* Отставка! Долой! *Председатель звонит*)». Продолжая, Аладьин заявил: «Каждый раз, когда нужны многомиллионные затраты, господа министры являются своевременно [в думу], и мы знаем результаты их появления: три четверти денег остаются в карманах, начиная с министерства и кончая последними… (*взрыв аплодисментов*). Русский народ грабить мы никогда не опаздывали, господа министры!» Аладьин призывал «не дать ни одной копейки министерству, в состав которого входит г. Гурко», которому, подчеркивал он, «мы публично выразили здесь недоверие» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1248–1249). Скандал с так называемой «растратой казенных сумм» произошел уже после роспуска думы, когда заказ на поставку 10 млн пудов ржи, предназначавшихся голодающим, Гурко передал шведскому подданному Э.-Л. И. Лидвалю, а тот, получив от казны задаток в 800 тыс. рублей, не выполнил договорных обязательств. Гурко был уволен 17 сентября 1907 г. по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности» (см.: Доклад комиссии д. т. с. Голубева по делу Гурко – Лидваля [от 22 декабря 1906 г.]. Всеподданнейшее донесение о расследовании Высочайше назначенными лицами обстоятельств дела о сдаче торговой фирме Лидваль поставки хлеба для местностей, пострадавших от неурожая // Речь. 1907. № 5, 6. 6, 7 янв.).

154

Выступая 8 июня 1906 г., А. Ф. Аладьин говорил: «…я расскажу о посещении нашей Думы одним генерал-лейтенантом в прошлое воскресенье. Их превосходительство соблаговолил явиться сюда, в эту залу, причем, обращаясь к сторожу, спросил: “Не будете ли любезны указать, где сидит «этот»?” И потом называет на своем жаргоне меня, и называет мою фамилию. Сторож соглашается и говорит: “Вот, ваше превосходительство…” Затем, наблюдая нашу люстру, которая до известной степени красива, его превосходительство говорит: “Если бы несколько членов Трудовой группы были повешены на эту люстру, как это было бы приятно!” (*Председатель:* “Но кто это сказал?”). Это было сказано здесь, в этой зале, при свидетелях. Если бы это был обыкновенный человек, то за простое название меня таким словом, каким он назвал, а тем более за желание такого украшения нашей люстры я мог бы притянуть его в обыкновенный суд, куда тянут обыкновенного человека, выражающегося на ругательном языке. Эполеты генерал-лейтенанта при современном положении дают ему привилегию и заставляют меня, представителя Думы, когда я оскорблен, просить у министра разрешения преследовать его по суду, иначе я преследовать его по суду не могу» (Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 2. С. 1100–1101).

155

Неточность: на заседании Государственной думы 30 июня 1906 г. было принято решение направить своих представителей в Лондон на XIV межпарламентскую конференцию о международном третейском суде; 3 июля в состав делегации были избраны А. Ф. Аладьин, А. В. Васильев, М. М. Ковалевский, М. Я. Острогорский, Ф. И. Родичев, А. А. Свечин (см.: Там же. С. 1941), которые, за исключением Аладьина, узнав о роспуске думы, вернулись на родину.

156

1-й съезд Трудовой группы состоялся 4–7 октября 1906 г. в Иматре.

157

Ср.: «Время от времени А[ладьин] помещает статьи о русских делах в “Times” и др. английских газетах; в 1907 г. он ездил в Америку, где читал лекции…» (*В[одовозо]в В.* Аладьин Алексей Федорович // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е изд. Т. 2. С. 58–59).

См.: *Аникин С. В.* Мордовские народные сказки. СПб., 1909.

159

Всероссийский крестьянский союз – массовая революционная организация крестьян и сельской интеллигенции, учредительный съезд которой с участием более 100 делегатов из 22 губерний прошел в Москве 31 июля – 1 августа 1905 г.; состоялись еще два съезда, в ноябре 1905 г. и марте 1906 г.; объединяя к концу 1905 г. до 200 тыс. человек только в Европейской России, провел депутатов во 2-ю Государственную думу; прекратил деятельность в 1908 г., возобновив ее ненадолго в 1917 г.; см.: *Водовозов В.* Крестьянский Союз всероссийский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 13.

160

Имеется в виду межпарламентская социалистическая конференция.

161

См.: *Аникин С. В.* Деревенские рассказы. СПб., 1911; *Он же.* Когда откроются райские двери: (Старинное сказание). М., 1912.

162

См.: Стена глухая // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 156–192; На Чардыме // Там же. 1911. № 11. С. 52–90; Бунт // Там же. 1912. № 2. С. 61–73; Фельдфебель // Там же. 1913. № 9. С. 78–115; Безземельный // Там же. 1914. № 5. С. 74–107; № 6. С. 5–44, и др.

163

Неточность: С. В. Аникин вернулся в Россию в 1914 г.

цельный (*нем.*).

165

В книге «Людвиг Берне» (1840) Г. Гейне писал: «“Иудеи” и “христиане”– для меня это слова, совершенно близкие по смыслу, в противоположность слову “эллины”, – именем этим я называю тоже не отдельный народ, но столько же врожденное, сколько и приобретенное развитием направление ума и взгляд на мир. В этом смысле можно бы сказать: все люди – или иудеи, или эллины; или это люди с аскетическими, иконоборческими, спиритуалистическими задатками, или же это люди жизнерадостные, гордящиеся способностью к прогрессу, реалисты по своей природе. Так в немецких пасторских семействах встречались эллины, и были иудеи, родившиеся в Афинах и происходившие, быть может, от Тесея» (*Гейне Г.* Собр. соч. Л., 1958. Т. 7. С. 15–16. Пер. А. Федорова).

166

См.: *Брамсон Л. М.* К истории Трудовой партии. Трудовая группа первой Государственной думы. Пг., 1917.

167

Землепашцы составляли почти половину Трудовой группы – 57 депутатов; в нее также входили 12 учителей начальных школ, 11 земских и частных служащих, 11 адвокатов, 8 рабочих, 4 врача, 4 журналиста, 2 волостных писаря, 1 профессор, 1 преподаватель гимназии и т. д. (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 626).

168

Неточность: П. И. Люблинский, являясь с 1904 г. хранителем кабинета уголовного права юридического факультета С.-Петербургского университета, только в 1907 г. защитил магистерскую диссертацию, после чего с 1908 г. состоял приват-доцентом по кафедре уголовного права и судопроизводства.

169

См.: Работы первой Государственной Думы / По стенографическим отчетам составил И. Бонч-Осмоловский под редакцией С. И. Бондарева, члена Трудовой Группы Государственной Думы первого созыва. СПб., 1906.

В. В. Водовозов, писала кадетская «Речь», пытается «опровергнуть факт, указанный И. И. Петрункевичем, что 40 крестьян-трудовиков и 20 беспартийных накануне роспуска первой Думы подписали протокол об образовании особой крестьянской группы. Г. Водовозов утверждает, что “такого факта никогда не было”. <…> Но как раз пишущий эти строки слышал сам то же сообщение, о котором говорит И. И. Петрункевич, из уст одного крестьянского лидера трудовиков, который, может быть, не откажется от печатного разъяснения, если эти строки попадутся ему на глаза. Называть его имя, к сожалению, мы не уполномочены, но можем уверить г. Водовозова, что дело идет о лице, пользовавшемся не меньшим доверием крестьян, чем интеллигентские лидеры группы. Мы не удивляемся, если от них упомянутый факт сохранялся в глубокой тайне» (Еще о Трудовой группе // Речь. 1907. № 184. 7 (20) авг.). Вслед за этим газета привела «подробный рассказ» упомянутого лица, цитируемый из его «собственноручного» письма: «Незадолго (за 1–2 недели) перед роспуском Думы недовольство тактикой руководителей группы дошло до того, что явилась необходимость или переустройства ее на новых началах (переделка программы), или же образования из нее совершенно отдельной группы. Я стоял за последнее. Для разрешения этих вопросов в течение двух недель перед роспуском собирались мы отдельно от групповых заседаний ежедневно. В этих заседаниях, кроме лиц (членов Думы), фамилии коих позабыл, принимали участие члены Думы Б., Ш., Г., О., К., П., С. и, разумеется, я. <…> За 2–3 дня (до роспуска) было решено окончательно образовать отдельную крестьянскую группу. На заседании этого собрания, 7 июля, было поручено мне составить платформу группы. Это заседание (последнее) было под председательством депутата Т. Участвовало в нем 48 человек. <…> Могу побожиться, что Трудовую группу спас роспуск Думы» (Обломки «революционных иллюзий» // Там же. № 190. 14 (27) авг.).

171

В высочайшем манифесте от 9 июля 1906 г., в частности, говорилось: «Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновение закону и законным властям. Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле. <…> Мы же, распуская нынешний состав Государственной Думы, подтверждаем вместе с тем неизменное намерение наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления и, соответственно с указом нашим Правительствующему сенату, 8-го сего июля данным, назначили время нового ее созыва на 20 февраля 1907 года».

172

В рукописи далее зачеркнуто: «У трудовиков было сделано предложение собраться где-нибудь в городе, открыть заседание и ждать разгона полицейской силой; это предложение вызывало сочувствие у левого фланга, но нельзя было думать, что на него пойдут кадеты. Поэтому трудовики приняли кадетское предложение».

173

В совещании, проходившем в выборгской гостинице «Бельведер» 9–10 июля 1906 г., участвовало 220–230 депутатов из всех фракций, но, по данным следствия, воззвание «Народу от народных представителей» (автором кадетского проекта был П. Н. Милюков, а окончательную редакцию составил М. М. Винавер), призывавшее граждан до созыва народного представительства не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», подписали 100 кадетов, 56 трудовиков, 15 социал-демократов и т. д., всего 180 человек, к которым позднее присоединились еще несколько десятков бывших депутатов (Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 113; см. также: *Соловьев К. А.* Выборгское воззвание: теория и практика пассивного сопротивления. М., 2021).

174

Видимо, автор перефразировал строку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива…», в которой есть слова: «Румяным вечером иль утра в час златой…».

175

Ф. И. Родичев являлся предводителем дворянства Весьегонского уезда Тверской губернии в 1879–1891 гг. и с 1906 г.

176

По делу о Выборгском воззвании были привлечены к суду 169 бывших депутатов 1-й Государственной думы, дело которых разбиралось Особым присутствием С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г.; 155 подсудимых, признанных виновными, приговорили к трем месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав; кассационные жалобы, которые подали 144 осужденных, были отклонены, и основная часть их отбывала наказание в мае – августе 1908 г.

177

Выступая на суде с последним словом, С. А. Муромцев, в частности, говорил: «Когда идет могучий горный поток, то чтобы спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотину, чтобы поток остановить; но кто думает, что поток нельзя остановить, тот ищет другие средства: он стремится прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ. Члены Государственной Думы думали, что правительство отнесется именно так к акту воззвания» (Дело о выборгском воззвании: стенографический отчет о заседаниях особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908. С. 146).

178

Депутат от Ставропольской губернии трудовик Ф. М. Онипко принял участие в Кронштадтском восстании, за что 29 августа 1906 г. был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Туруханский край, но бежал за границу.

великого года (*нем.*).

180

8 июля 1906 г. председателем Совета министров был назначен П. А. Столыпин, сохранивший также пост министра внутренних дел.

181

Имеется в виду высочайший указ «О дополнениях некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., фактически уничтожавший общинную форму землевладения с заменой ее частной собственностью на землю.

Имеется в виду «Сказка о рыбаке и рыбке».

собственную несостоятельность (*перен., лат.*).

похмелье (*нем.*).

185

За откровенные эротические сцены в романе «Санин» (Современный мир. 1907. № 1–5, 9) М. П. Арцыбашева обвиняли в порнографии; основная идея книги: «…желание – это все: когда в человеке умирают желания – умирает и его жизнь, а когда он убивает желания – убивает себя!»

186

Огарок – остаток свечи, в переносном смысле – человек-неудачник (см.: *Скиталец* [*Петров С. Г.*] Огарки // Знание. СПб., 1906. Сб. 10); мемуарист имеет в виду собрания лиг свободной любви, происходившие при тусклом свете огарков (см., например: *Ардов А. С.* О лигах свободной любви: («Огарки»). Николаев. 1908).

187

«Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

188

При абсолютизме династий Тюдоров и Стюартов английский парламент, лишившись права ограничивать королевскую власть, вел борьбу за восстановление своих привилегий, которая привела к революции.

189

В рукописи далее зачеркнуто: «добровольно или, лучше сказать, по личному желанию Л. В. Ходского Ходский пожелал обратить ее в “Товарища” и сам написал передовицу в оправдание этой перемены. Новое название как бы сближало ее внешним образом с двумя социалистическими партиями, в которых это слово было ходовым. Может быть, он рассчитывал этим названием привлечь к газете сочувствие и подписчиков из этих лагерей, может быть, просто вдруг почувствовал демократическую тягу к этому названию, но любопытно, что именно он, стоявший в редакции на крайнем правом фланге, явился больше чем инициатором новой клички: он твердо настоял на ней вопреки ясно выраженному нежеланию всей редакции».

190

Последний, № 494 «Нашей жизни» вышел 11 июля 1906 г. (приговором Петербургской судебной палаты от 17 августа газета была запрещена).

191

Неточность: «Столичная почта» выходила с 1 октября 1906 г. по 4 марта 1908 г.

См.: «В девятом часу вечера 28 февраля наряд чинов полиции в сопровождении ротных городовых и агентов охранного отделения прибыл в д. 32 по Садовой ул. и занял помещение конторы и редакции газеты “Столичная почта”. При обыске в помещении для рукописей было найдено значительное количество нелегальной литературы, запрещенные брошюры Водовозова, Гр. Петрова и мн. др. Ввиду обширности помещения обыск затянулся до глубокой ночи. Приблизительно в четвертом часу утра в помещении одного из редакционных служащих, в сундуке, были неожиданно обнаружены пачки патронов для револьверов системы Маузера. Находка вызвала приезд в редакцию помощника начальника охранного отделения и нескольких жандармских офицеров. При дальнейшем обыске в другом помещении было найдено несколько револьверов системы Маузера и переписка нелегального характера. В пятом часу утра полицией были подвергнуты аресту и препровождены в охранное отделение профессор Л. В. Ходский, издательница газеты Н. Н. Русанова и служащие Петр Баранов, Игнатий и Петр Волнухины. По производстве дознания профессор Ходский в 11 ч. утра 29 февраля был освобожден» (Новое время. 1908. № 11483. 1 марта).

После закрытия «Столичной почты» Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь», которое учредил Л. В. Ходский, стало издавать «Нашу газету», выходившую с 16 по 22 марта 1908 г. (№ 1–6), после чего ее редакция выступила со следующим заявлением: «Представители издательства “Нашей газеты” сообщили нам, что вследствие ряда последовательно пережитых им административных кар и создавшихся материальных затруднений издательство, несмотря на сохраняющийся большой тираж газеты, не в состоянии в настоящий момент продолжать издание. Оповещая о состоявшейся приостановке “Нашей газеты”, редакция принуждена настоящими строками проститься с тем постоянным кругом читателей, который образовался за три с половиной года, со дня выхода в свет газеты “Наша жизнь”, – 6 ноября 1904 года. Члены редакции “Нашей газеты”: В. Богучарский, Р. Бланк, В. Водовозов, Вас. Голубев, И. Жилкин, Е. Кускова, В. Португалов, С. Прокопович, А. Рыкачев, В. Хижняков, Л. Ходский, О. Чюмин[а], А. Яновский. 23 марта 1908 г.» (Письмо в редакцию // Русь. 1908. № 83. 24 марта).

Но уже 26 августа 1908 г., приглашая В. В. Водовозова к сотрудничеству, Л. В. Ходский уведомил его, что предполагает

возобновить издание «Нашей газеты» и «взять на себя инициативу создать внепартийный (конечно, не все-партийный) научный общественно-экономический журнал под названием “Познание России”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2538. Л. 2). На этот раз «Наша газета» продержалась чуть больше трех с половиной месяцев: с 1 января по 19 апреля 1909 г. (№ 1–91). Параллельно Культурно-просветительное товарищество издательского и печатного дела «Наша жизнь» выпускало политическую, литературную и экономическую газету «Правда жизни» (1908. № 1–5. 1–29 дек.; 1909. № 6–22. 5 янв. – 27 апр.), «Иллюстрированный двухнедельник» (1909. № 1–7. 12 янв. – 13 апр.) и ежемесячный литературный и общественно-экономический журнал «Познание России» (1909. Кн. 1–3), официальным редактором которых был Ф. А. Кириллов.

193

Неточность: до мая 1906 г. журнал «Русское богатство» выходил под названиями «Современные записки» (№ 1) и «Современность» (№ 1, март; № 2, апрель), с ноября 1914 г. по март 1917 г. – «Русские записки».

194

Имеется в виду так называемый «Финансовый манифест» – обращение к населению от имени Петербургского совета рабочих депутатов, Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, ЦК и ОК РСДРП, ЦК ПСР и Польской социалистической партии с обвинением царского правительства в доведении страны до финансового и военного банкротства и с призывом «свергнуть его, отнять у него последние силы» – финансовые доходы, отказав ему в казенных платежах, изъяв вклады из сберегательных касс и Государственного банка с требованием уплаты всей суммы золотом; манифест, напечатанный 2 декабря 1905 г. в восьми газетах («Начало», «Наша жизнь», «Новая жизнь», «Русская газета», «Русь», «Свободное слово», «Свободный народ», «Сын Отечества»), издание которых было приостановлено, стал поводом к аресту 3 декабря депутатов Петербургского совета и разгону на следующий день собрания Союза союзов в Вольном экономическом обществе; мемуарист считал, что тем самым «граф Витте окончательно и, наконец, формально объявил гражданскую войну русскому народу», который «принял этот вызов», и «на улицах Москвы загрохотали пушки» (*Водовозов В.* По поводу правительственного сообщения 4 декабря // Народное хозяйство. 1905. № 2. 16 дек.).

в качестве документа (*фр.*).

196

Союз в защиту свободы печати, созданный 16 октября 1905 г. по инициативе редакции газеты «Наша жизнь», объединяя все петербургские издания, предлагал им действовать так, «как если бы они существовали в свободном государстве», а именно «перестали считаться с какими бы то ни было произвольными административными мерами, направленными против свободы слова, высказывая в своих изданиях, по долгу чести и совести, все, что предлагает им к обсуждению текущая жизнь» (см.: *Ганфман М.* Явочный период свободы // Свобода печати при обновленном строе. СПб., 1912. С. 47–48; *Короленко В. Г.* О свободе печати // Русское богатство. 1905. № 11/12. С. 205–206).

197

Ср.: «За напечатание 2 декабря манифеста Совета рабочих депутатов “Н[аша] жизнь” была приостановлена по постановлению судебной палаты впредь до судебного приговора, а редакторы ее преданы суду по обвинению по 129 ст. угол. уложения. 15 дек. “Н[аша] жизнь” возобновилась под именем “Народное хозяйство”, а 22 янв. 1906 г., вскоре после судебного приговора, которым Котельников был оправдан, а Ходский признан виновным только в неосторожности и приговорен к штрафу в 500 руб., вновь стала выходить под прежним именем. Редактором с этих пор подписывался В. В. Водовозов, а Л. В. Ходский – только издателем. Газета не служит органом какой-либо партии; большая часть ее сотрудников ни к какой партии не принадлежит, а являются так называемыми “дикими”. Она стоит за сплочение по возможности всех оппозиционных общественных сил для борьбы за парламентарный строй. По жгучему в начале 1906 г. вопросу о бойкоте выборов в Государственную Думу она стала на сторону противников бойкота, но относится отрицательно к самой Думе, не допуская возможности правильной в ней работы» (*Водовозов В.* Наша жизнь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1906. Доп. т. 2. С. 254–255).

198

Неточность: В. С. Голубев являлся редактором газеты «Народное хозяйство» (№ 1–22), выходившей вместо «Нашей жизни» с 15 декабря 1905 г.; В. В. Водовозов, сменив его, редактировал названное издание с 12 по 21 января 1906 г. (№ 23–31).

199

22 марта 1906 г. приговором 3-го отделения Петербургского окружного суда В. С. Голубев был признан виновным и подлежащим заключению в тюрьму на два месяца за то, что, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 3 статью «Странички жизни» «явно оскорбительного содержания для действовавших при усмирении происходивших в разных частях Российской империи мятежей казачьих войск» (Дело редактора «Народного хозяйства» В. С. Голубева // Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).

200

В. В. Водовозов числился редактором газеты «Наша жизнь» с 22 января по 19 апреля 1906 г.

201

Неточность: В. В. Португалов являлся редактором газеты «Товарищ» с 26 августа 1906 г. по 30 декабря 1907 г. (№ 45–461).

202

10 апреля 1906 г. товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты К. Д. Бендер подписал обвинительный акт, согласно которому В. В. Водовозов обвинялся в том, что, являясь ответственным редактором газеты «Наша жизнь», поместил в ней в № 391 от 11 марта заметку с выдержками из воззвания С.-Петербургского объединенного комитета РСДРП и в № 402 от 24 марта статью «Странички жизни», тем самым распространил сочинения, заведомо для него возбуждавшие в первом случае – «к учинению бунтовщического деяния», а во втором – «к нарушению обязанностей военной службы». 12 апреля Бендер составил второй обвинительный акт, согласно которому Водовозов, являясь редактором газеты «Народное хозяйство», поместил в ее № 29 от 19 января 1906 г. статью «События в Харбине», «заведомо для него возбуждавшую к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы» (см.: Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. 17 августа 1906 года. Речи А. С. Зарудного и В. В. Водовозова. СПб.: Изд. Кн. магазина «Наша жизнь», 1906. С. 10–13).

203

Неточность: 20 апреля 1906 г., с № 424, В. В. Водовозова на посту редактора газеты «Наша жизнь» сменил Д. А. Левин; В. Н. Гордин состоял редактором газеты «Товарищ» с 1 по 30 апреля (№ 1–24) и, после возобновления ее, с 3 по 25 августа 1906 г. (№ 25–44).

204

См.: «Известный пушкинист, П. Е. Щеголев, принадлежит к числу тех литературных мешочников, во главе которых стоит “дедушка русского аванса”, А. Н. Толстой. Это теперь та пара гнедых, на которых в советской Москве возят и воду, и воеводу. <…> Забавнее всего, что ни г. Щеголев, ни его сомешочник, А. Толстой, никогда не были революционерами. Это из буржуев буржуи. Но в советской литературе они считаются “акулами большой воды” и, торгуя всякой революционной дрянью, делают деньги» (Печать // Возрождение. 1928. № 1066. 3 мая. С. 4).

205

Неточность: имеется в виду газета «Голос земли».

206

См.: «…Х[одский] в течение 1906 г. судился три раза в С.-Петербургской палате (первый раз – 500 р. штрафа, второй – оправдание, третий – 6 мес. тюрьмы); первые два приговора были кассированы сенатом» (Ходский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Доп. т. 2а. С. 847).

207

Л. В. Ходский скончался 8 декабря 1919 г. от пневмонии.

Сам Л. В. Ходский передавал этот диалог так: «Вы что же, хотите в Петербурге издавать вторые “Русские ведомости”? – Я не предполагаю копировать какую бы то ни было из существующих газет, в том числе и “Русские ведомости”. По направлению, конечно, моя газета не будет ни “Новым временем”, ни “Гражданином”, но конкурировать по распространению с “Новым временем” не собираюсь. Рассчитываю на средний успех, а потому и большой опасности она не представит» (*Ходский Л.* Как возникла «Наша жизнь» // Товарищ. 1906. № 106. 5 (18) нояб.).

209

Правильно: «Голос земли».

210

В. В. Водовозов считал, что А. С. Суворин всегда «шел за успехом»: «Он выступил либералом, когда либеральные идеи носились в воздухе и всякий молодой, свежий человек неизбежно ими заражался. В 1876–77 году он, в силу того же отсутствия прочных основ в своем миросозерцании, стал сторонником и бардом славянского восстания, а затем покатился вниз по покатой плоскости, сначала через легкое юдофобство к юдофобству ожесточенному и, наконец, к мелочно узкому антисемитизму, национализму, консерватизму, угодничеству перед властями» (*Водовозов В.* Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) // Вятская речь. 1912. № 180. 17 авг.).

211

Имеются в виду сыновья А. С. Суворина: Михаил (1860–1936) – редактор газеты «Новое время» (1903–1916), возобновленной им в Белграде; Алексей (1862–1937) – издатель газет «Русь» (1903–1908), «Новая Русь» (1908–1917) и др.; Борис (1879–1940) – редактор газет «Вечернее время» (1911–1916), возобновленной им в Париже и Шанхае, и «Новое время» (1915–1916).

212

См.: Сборник программ политических партий в России / С предисл. В. В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. 1–6.

213

Судоходный канал между озером Сайма и Выборгским заливом, открытый в 1856 г.

Ср.: «В октябре состоялся на Иматре съезд Т[рудовой] группы, на который съехались бывшие депутаты, оставшиеся на свободе, и некоторые лица, близкие к Трудовой группе; туда же были приглашены представители партий соц.-револ[юционеров], соц.-демокр[атов], нар[одно]-соц[иалистической] и союзов крестьянского, железнодорожного и учительского. На этом съезде было решено, что Т[рудовая] группа должна являться политической организацией, не исключительно парламентской; задачей ее было поставлено объединение элементов, не охватываемых партиями, стоящими налево от к[а]-д[етов]. <…> Правительство относилось к Т[рудовой] группе как к организации революционной; некоторые газеты, напечатавшие ее платформу, были конфискованы, с привлечением редакторов к суду по 129 ст. К февр. 1907 г. в России имелось 32 местных комитета Т[рудовой] группы, со многими тысячами зарегистрированных активных членов. Организовавшись наподобие политической партии, Т[рудовая] группа все-таки дорожила своим названием “группы” и противополагала себя политическим партиям, настаивая на том, что она является политической организацией беспартийных. <…> В области политической платформа Трудовой группы требовала полного “осуществления народовластии” и всенародной Государственной Думы, избранной всеобщим голосованием по семичленной формуле; этой Думе должна принадлежать вся полнота законодательной власти и полнейший контроль над исполнительной властью. Подобные же радикальные требования были выставлены в вопросах административном, финансовом, военном, национальном. По отношению к земельному вопросу платформа выражает свое полное согласие с аграрным проектом 104-х. По отношению к вопросу фабричному платформа выдвигает требование 8-часового рабочего дня, с запрещением труда малолетним до 16 лет, с обязательным еженедельным 42-часовым отдыхом и т. д. Кроме этих практических требований, в платформе выражено стремление опереть Трудовую группу на длящийся союз трех или даже четырех общественных классов (рабочие, крестьянство, служащие в торгово-промышленных и других предприятиях, трудовая интеллигенция), которые вместе составляют “трудовой народ”» (*В[одовозо]в В.* Трудовая группа // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Т. 2а (1907). С. 787–790).

215

26 мая 1906 г. на первом организационном собрании Трудовой (народно-социалистической) партии обсуждался проект ее программы, утвержденный 14 июня, а в состав Организационного комитета в числе прочих вошли члены редакционного комитета журнала «Русское богатство» Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. Б. Петрищев, А. В. Пешехонов. Так как В. И. Семевский на собрании не присутствовал, 20 июня Мякотин информировал его: «“Беззаглавцы” различаются с нами, все – исходными пунктами мировоззрения и многие – аграрной платформой, то есть едва ли с ними можно будет сойтись. Из приглашавшихся на собрания сотрудников “Нашей жизни” бывали только Жилкин и Василий Васильевич [Водовозов]. Жилкин вошел к нам, но Василий Васильевич как раз заявил, что для него является препятствием философское введение [программы], которое он и предлагал выбросить. Для остальных это представлялось неприемлемым, так как партию можно создать только на основе определенного мировоззрения и умолчание о нем могло бы привести только к тому, что внутри самой партии вспыхнул бы вскоре спор двух направлений» (Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 74).

216

См. отчет о беспартийном предвыборном собрании в театре Неметти 6 января 1907 г.: «Не успел оратор и рта открыть, как полицейский чиновник заявил, что г. Водовозов – избиратель не по Петербургской части, а потому и говорить в настоящем собрании права не имеет. Заявив, что он подчиняется насилию, г. Водовозов оставил трибуну. Этот инцидент вызвал шум и крики среди собравшихся. Председателю не удавалось успокоить собрание. В. В. Водовозов снова взошел на трибуну, чтобы просить не “срывать” собрания из-за требования полиции. Но чиновник, не выслушав заявления г. Водовозова, объявил собрание закрытым» (К выборам в Государ[ственную] думу // Речь. 1907. № 6. 7 янв.).

217

17 августа 1906 г. особое присутствие судебной палаты приговорило В. В. Водовозова к заключению в крепости на один год с воспрещением «принимать на себя в течение пяти лет звание редактора или издателя какого бы то ни было повременного издания» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 56).

218

11 января 1907 г. губернская по выборам в Государственную думу комиссия отклонила жалобу В. В. Водовозова, который указывал, что приговорен к тюремному заключению «по статье закона, не лишающей обвиняемого избирательных прав», и просил включить его в списки избирателей Петербурга. Но комиссия «не признала возможным руководствоваться в данном случае приговором суда, ссылаясь на то, что в момент составления списков г. Водовозов привлекался к ответственности по такой статье закона, которая угрожала обвиняемому лишением всех прав» (К выборам в государ[ственную] думу // Речь. 1907. № 12. 9 янв.). Сенат также 26 января отклонил жалобу Водовозова относительно исключения его из списка выборщиков, пояснив, что «изъятию из избирательных списков подлежат все лица, признанные виновными в деяниях, влекущих за собой лишение прав, независимо от степени наказания, примененного судебной инстанцией в каждом отдельном случае» (К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 177. 28 янв.).

219

В отчете о предвыборном собрании, устроенном Партией мирного обновления в помещении Вольного экономического общества 5 января 1907 г., сообщалось: «…когда <…> на трибуне появился В. В. Водовозов и во вступлении к своей речи коснулся положения страны и “победы конституционного нашего правительства, залившего страну кровью и покрывшего ее бесконечным рядом виселиц”, поднялся какой-то штатский господин и, отрекомендовавшись чиновником особых поручений при градоначальнике, потребовал от председателя прекращения этой речи, как “не касающейся разрешенной темы…” В. В. Водовозов заявляет, что подчиняется этому требованию, хотя находит его совершенно произвольным, и переходит к разбору деятельности п[артии] мир[ного] обновления. Деятельность эту оратор намерен иллюстрировать тактикой некоторых из лидеров п[артии] м[ирного] об[новления] в первой государственной думе. “Когда в Первой государственной думе, – начал г. Водовозов, – заговорили о какой-то телеграмме, полученной из одной деревни и сообщавшей о действии присланных туда казаков…” На этих словах оратор вновь был прерван тем же штатским, заявившим, что он не позволит на настоящем собрании касаться деятельности первой государственной думы и заседавших в ней партий. В противном случае он вынужден будет закрыть собрание. В. В. Водовозов недоуменно спрашивает: “Неужели и об этом нельзя говорить?” – и под оглушительными аплодисментами всей залы оставляет кафедру. Слово предоставляется следующему оратору. Но не успел еще последний занять место у кафедры, как показавшийся тут же полицейский офицер заявил, что он закрывает собрание и просит публику оставить зал» («Свобода собраний» // Речь. 1907. № 5. 6 янв.).

Например, 27 декабря 1906 г. в Военно-педагогическом музее в Соляном городке состоялся митинг с участием порядка 800 человек, на котором выступили П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, Н. А. Гредескул, В. С. Войтинский, Н. В. Крыленко, В. А. Мякотин, В. В. Водовозов и др. (см.: *Водовозов В.* К митингу к.-д. 27 декабря // Товарищ. 1906. № 151. 29 дек.; см. также: Избирательное собрание в Соляном городке // Там же. № 150. 28 дек.; Кадетский митинг // Речь. 1906. № 88. 29 дек.; Идеи и настроение // Там же. № 256. 31 дек.). В тот же день начальник столичной охранки полковник А. В. Герасимов уведомил Департамент полиции, что речи Водовозова и Мякотина, которые на избирательном собрании кадетов призывали выбирать в думу «представителей партий, стоящих левее, и вообще не слагать оружия до тех пор, пока народ не добьется полной свободы, хотя бы эта победа стоила очень и очень больших жертв», были настолько «страстны и зажигательны, что даже присутствовавшие октябристы аплодировали». Вызванные 5 февраля 1907 г. на допрос в Петербургское жандармское управление, Водовозов и Мякотин были уведомлены, что «за произнесение речей, возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» привлечены к дознанию в качестве обвиняемых, которое, впрочем, 12 марта было прекращено (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 204. 7 д-во. 1907. Д. 554. Л. 1–7; К выборам в государственную думу // Товарищ. 1907. № 184. 6 февр.).

221

См.: «Партией народной свободы выставляются кандидатами в Государственную думу от г. С.-Петербурга: I. Пять лиц из следующих шести (порядок алфавитный): Гессен И. В., Ковалевский М. М., Кутлер Н. Н., отец Григорий Петров, Родичев Ф. И., Струве П. Б. II. Один рабочий, по указанию выборщиков рабочих» (Речь. 1907. № 26. 1 февр.).

222

«Если небесных богов не склоню – Ахерон всколыхну я» (*лат.; Вергилий*. Энеида. VII, 312), т. е. приведу в движение подземные силы; Ахерон – мифическая река в подземном царстве.

223

4 января 1907 г. В. В. Водовозов, говоря о соглашении на предвыборном собрании в театре Неметти, выражал недовольство тем, что кадеты уступают рабочей курии и левому блоку «лишь два места», возлагая на них ответственность за возможное прохождение в думу «черносотенцев» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 5. 6 янв.). На другом собрании, состоявшемся в Соляном городке 6 января, Водовозов объяснял, что задача Трудовой группы «главным образом объединительная», но это ей удалось только отчасти: «Состоялось соглашение между трудовиками, н[ародными] с[оциалистами] и с[оциалистами]-р[еволюционерами]. Не удалось только пока привлечь две главные партии: к[а]-д[етов] и с[оциал]-д[емократов]. Первые упорно отказываются от соглашения, не желая уступить левому блоку более 2 мест, а с.-д. надеются провести борьбу самостоятельно. Трудовики требуют, чтобы к[а]д[еты] уступили 1 место рабочим, 1 – с.-д. и 1 – [левому] блоку» (Предвыборные собрания // Там же. № 7. 9 янв.). Об этом же Водовозов говорил на собрании беспартийных избирателей 11 января в доме трудолюбия на Никольской площади, требуя немедленного, определенного и точного ответа, быть ли соглашению или нет, и большинство голосов было отдано за соглашение с уступкой кадетам двух мест (Предвыборные собрания // Там же. № 10. 13 янв.).

Неточность: имеется в виду предвыборное собрание не в Калашниковской бирже, а в Соляном городке 27 декабря 1906 г., где В. С. Войтинский, не видевший смысла в «парламентской борьбе», которая, мол, «ни к чему не ведет», заявил, что «дума отточила секиру палача, и тот, кто разогнал думу, не безумец, а умный человек». На это П. Б. Струве ответил, что, по его мнению, «ни один сознательный человек в России не подпишет г. Столыпину диплома, свидетельствующего о его уме, о котором говорил г. Войтинский», а слова «секира палача» есть «прямое оскорбление первому русскому парламенту». Ф. И. Родичев, отвечая на «упрек, который непрестанно ему бросают крайние левые за сказанные им в прошлом году слова, что не будет безумца, который посмеет разогнать думу», заявил: «Да, я говорил: только слепое безумие может посягнуть на думу. Тот, кто это сделает, будет низвергнут в бездну. Относительно безумия – П. Б. Струве уже дал ответ. Я отвечу еще. – Да, я ошибся: министерство роспуска свалилось не в бездну, а в грязь» (Собрание к.-д. // Речь. 1906. № 254. 29 дек.). Неделей позже на очередной упрек В. А. Мякотина, что заверения Ф. И. Родичева, «столь часто повторявшиеся: “клянусь, думу не разгонят!”, были только словами», П. Н. Милюков возразил: «Родичев, если правильно понимать его слова, говорил лишь о том глубоком негодовании, которое охватит народ при разгоне думы. Волны негодования действительно поднялись, но они быстро и упали…» (Собрание к.-д. // Речь. 1907. № 6. 7 янв.). Сам Родичев, выступая 11 января на собрании октябристов в Калашниковской бирже, говорил, что со всех сторон от него требуют ответа за его слова: «Я сказал тогда: “Только слепое безумие может посягнуть на думу. Как нельзя сломать иконостас Казанского собора, хотя для этого немного надо силы, так и думу разогнать нельзя”. – “А дума разогнана”, – злорадствуют справа и слева. На это я отвечу: “Иды Марта еще не миновали”, или напомню слова Бориса Годунова Ивану Грозному: “Еще Кириллин день не миновал”. Вы, избиратели, решите этот вопрос, и я стою перед вами, как истец, и жду вашего решения. Оно будет то, которое я предсказал своим голосованием. Вы покажете, что думу разогнать нельзя. И та дума, которая соберется 20 февраля, будет думой, распущенной 9 июля, без тех или иных лиц, но – та же дума народной свободы» (Предвыборные собрания // Там же. № 13. 10 янв.).

225

Статью «Великая Россия» П. Б. Струве начинает с фразы П. А. Столыпина: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» (Русская мысль. 1908. № 1. Паг. 2. С. 143).

226

См.: «3 февраля я был на митинге, устроенном кадетами в Народном доме Паниной. Против кадетов говорили Мякотин и я. Против нас выступил с речью П. Н. Милюков, очень резко. Публика, которая не забыла Милюкова с его “красной тряпкой”, встретила его раздраженно. После первых решительных нападений на нас Милюкова значительная часть публики (известно, что на митингах, устраиваемых кадетами, три четверти публики оказывается им враждебной) начала шикать, потом свистать. Сначала это были только знаки несочувствия и неодобрения, но скоро к ним присоединились громкие крики: “Долой, довольно”. Защитники Милюкова отвечали громкими аплодисментами, и борьба между двумя составными частями публики приняла характер, при котором митинг не мог продолжаться» ([*Водовозов В.*] Митинги и страсти // Товарищ. 1907. № 185. 7 февр.).

227

Осенью 1903 г. Г. А. Алексинский из Хотина Бессарабской губернии писал В. В. Водовозову: «Милостивый государь Василий Васильевич! Может быть, Вы не забыли, как я был у Вас в январе этого года с запиской от Дим[итрия] Ив. Шах[овского]. Я в течение нескольких лет, живя в Ярославле, работал в “Сев[ерном] крае”, но теперь мне вследствие семейных причин приходится жить на юге. Не поможете ли Вы мне получить работу в новой киевской газете, к[ото]рую, как я слышал и читал в “Русс[ких] вед[омостях]”, будут издавать бр[атья] Александровские. Мой образовательный ценз – семь семестров историко-фил[ологического] ф[акульте]та (Моск[овского] унив[ерситета]) по историч[ескому] отделению. В начале 8-го семестра (за 2 месяца до госуд[арственных] экзаменов (в феврале 1902 г.)) был арестован и уволен, до конца июля этого года лишен был столиц. Теперь срок ограничения кончился. Литературная практика: 3–4 года работы в “Сев[ерном] крае”, где был членом редакц[ионного] совещания и заведовал поочередно иностр[анными] известиями (знаю франц[узский], нем[ецкий], польский и немного новогреч[еский] языки), затем вел обзор печати и внутр[енние] известия. Писал передовицы по иностр[анной] политике два раза в неделю. Кроме заведывания отделом иностр[анных] известий и обзора печати, писал фельетоны на местные и общие темы, под псевдонимом Чужестранец, и литературно-исторические и критические фельетоны (последний из них о Помяловском – в начале октября). Одну зиму (1901 г.) работал в Москве, в “Курьере”, – перестал из-за ареста. В “Курьере” писал фельетоны по очередным вопросам. Теперь работаю в “Сев[ерном] крае” (посылаю статьи) и веду журнальное обозрение в “Южном курьере” (молодая газета в Керчи). Года два тому назад напечатал статью о Щапове в “Русс[кой] мысли”. Знаком и с технической стороной газетного дела, так как приходилось выпускать “номера” в “Сев[ерном] крае”. Кроме Дим. Ив. и других членов редакции “Сев[ерного] края”, отзыв обо мне может дать Евг. Ник. Чириков. Вы меня простите, что я так прямо обращаюсь к Вам с просьбой этой, но когда я уезжал из Ярославля, Дим. Ив. рекомендовал мне Вас как хорошего человека, с которым можно говорить откровенно» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2009. Л. 5–7).

228

Неточность: во 2-й Государственной думе распределение депутатов по названным фракциям было следующим: социал-демократическая фракция – 64, группа социалистов-революционеров – 38, народно-социалистическая фракция – 18, Трудовая группа и фракция Крестьянского союза – 78, конституционно-демократическая фракция – 124 (см.: Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. С. 109–110).

229

Священник К. А. Колокольников входил в конституционно-демократическую фракцию, а его однофамилец В. В. Колокольников, служивший лесным ревизором, – в народно-социалистическую фракцию.

230

Львович А. [Караваев А. Л.] Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, [1906].

231

Неточность: во 2-й Государственной думе первой по численности являлась конституционно-демократическая фракция.

Председателем думы был избран Ф. А. Головин.

233

Статья 87 главы девятой новой редакции «Свода Основных государственных законов Российской империи», утвержденной 23 апреля 1906 г., гласила: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. <…> Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

234

14 апреля 1907 г. А. Л. Караваев, порицаемый за то, что вопреки договоренности «левого блока» содействовал избранию кадета Н. Н. Кутлера на место председателя думской аграрной комиссии, подал заявление о своем выходе из фракции (см.: ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 9. Л. 29).

235

На совещании, вспоминал В. В. Водовозов, «г. Набоков, не отрицая шаткости юридического обоснования отрицательного отношения к проекту трудовиков об амнистии, выдвигал политический мотив. Теперь, говорил он, “звездная палата” (то есть придворная клика. – *В. Г.*) и министерство не в ладах, и это нужно использовать. Проект об амнистии объединит “звездную палату” с Горемыкиным; в этом его страшный дефект. Я же ответил Набокову, что считаю ниже достоинства серьезной партии строить свою политику на внутренних неладах в рядах противников и заменять политическую борьбу политической интригой» (*Водовозов В.* Еще об амнистии // Товарищ. 1907. № 280. 31 мая; см. также: Еще об амнистии // Речь. 1907. № 125. 30 мая). В ответной реплике В. Д. Набоков возражал: «О “звездной палате”, изобретенной в редакции “Товарища”, я вообще не говорил. Я сказал, что с политической точки зрения внести законопроект об амнистии – значит усилить позицию министерства, дав ему возможность в борьбе с Думой выступить защитником прерогативы верховной власти» (*Набоков В.* О «памяти» г. Водовозова // Речь. 1907. № 129. 3 июня).

236

12 мая 1907 г. Синод, отмечая, что некоторые священники, состоящие членами Государственной думы, отсутствовали на ее заседании 7 мая при обсуждении депутатского запроса по поводу заговора на жизнь Николая II, чем «явно уклонились от порицания замыслов цареубийства», и исходя из положения, что «по существу пастырского служения со священным саном неразрывно связано уважение к существующей государственной власти и государственному строю, а тем более уважение и нелицемерная преданность государю императору как помазаннику Божию, на верность которому все священнослужители не только присягают сами, но и обязаны приводить других к присяге», нашел недопустимой принадлежность духовных лиц к «крайним» политическим партиям и поручил митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому Антонию объявить указанным депутатам, что они должны оставить те партии, к которым себя причисляют, о чем сделать публичное заявление, а в случае нежелания исполнить это требование – сложить с себя священный сан как решительно несовместимый с революционными взглядами, причем в случае неповиновения обсуждение их поведения будет передано на усмотрение местных епархиальных начальств, из подчинения коим они, как продолжающие быть священниками, не освобождены и в статусе членов Государственной думы; при этом допускалось участие их во фракциях монархистов, октябристов и беспартийных правых (Постановление Св. синода о депутатах-священниках // Речь. 1907. № 111. 13 мая). 14 мая Антоний вызвал к себе депутатов-священников и, зачитав им указ Синода, предупредил, что если до пятницы, 18 мая, они не дадут удовлетворительного ответа, а формальный выход из фракции при сохранении существующего образа мыслей будет лицемерием и лишь усугубит их вину, то это приведет к лишению их сана (Священники-депутаты // Там же. № 112. 15 мая; см. также: Письма священников митрополиту Антонию // Товарищ. 1907. № 270. 19 мая; Письмо священника Тихвинского митрополиту Антонию // Там же. № 271. 20 мая).

237

Строка из Евангелия от Матфея (Мф. 16: 18).

238

В первоначальной редакции статьи в газете «Столичные отклики», посвященной кончине 2 ноября 1912 г. митрополита Антония, В. В. Водовозов дает более радикальную версию своего ответа Ф. В. Тихвинскому: «Но существует другая церковь, которую врата адовы уже одолели и которая составляет филиальное отделение полицейского участка. Митрополит Антоний принадлежит к этой церкви и только из этой церкви грозит вас выгнать, если вы не перемените, по его приказу, убеждений до пятницы. Я думаю, что он не совсем не прав: в этой церкви есть место ему, а вам в самом деле не место» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1776. Л. 2).

239

Думский запрос, внесенный за подписью 171 депутата и адресованный председателю Совета министров и обер-прокурору Синода, был принят без прений 15 мая 1907 г., и требование о перемене убеждений расценивалось в нем как «грубое нарушение свободы мнений членов Думы», пользующихся «полной свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы», и «ст. 8 закона 8 марта 1906 г., карающего за воспрепятствование угрозами или злоупотреблениями власти члену Думы исполнять его обязанности» (Государственная дума // Речь. 1907. № 111. 13 мая).

240

С. Н. Булгаков писал: «Может быть, <…> духовным лицам совсем не следует давать избирательных прав по закону или избирать их в депутаты, но несомненно, что каждое такое лицо находится под, так сказать, двойной ответственностью: под гражданской как депутат, принимающий обязанности перед своими избирателями, и пред духовной. <…> Вмешательство светской власти в церковный распорядок, давление на церковь, желание присвоить себе права церковной юрисдикции есть застарелое злоупотребление со стороны государства над церковью, и ради достоинства и церкви, и государства путь этот нужно оставить, признав автономию церкви в своих делах. Между тем думский запрос ставит Государственную думу именно на этот путь, заставляет повторить ошибки старого режима». Это происшествие Булгаков считал «глубоко прискорбным», отмечая, что Антоний, угрожая репрессиями священникам-депутатам, «стоит не на почве общеэтических, христианских или даже поместно-церковных воззрений, но на чисто политической почве, на почве даже партийной. Выставляя требование присоединиться к тому, а не иному политическому или социальному мировоззрению, он не может придать им характера церковного, ибо церковь как таковая не имеет определенной, *церковной*, экономической или политической программы и, оставаясь сама собою, не может ее иметь, владея “царством не от мира сего” и давая место в среде своей сторонникам разных общественных мировоззрений». В заключение Булгаков писал: «Церковная власть или должна была своевременно воспрепятствовать включению духовных лиц в число народных представителей, или же должна признать за ними право и обязанность в своей думской деятельности идти путем своего разумения, слушаясь лишь велений своей христианской совести и работая в меру своего понимания» (*Булгаков С.* Св. синод и Государственная Дума // Речь. 1907. № 114. 17 мая).

241

Из Вятки 20 июня 1907 г. Ф. В. Тихвинский написал В. В. Водовозову: «Долго и усердно я обдумывал свое положение и искал достойный выход из затруднения. Наконец, остановился на мысли – поступить для продолжения образования на юридический факультет. Духовную семинарию я окончил со званием студента, т. е. по 1-му разряду, а посему полагаю, что на юридический факультет меня примут без дополнительного экзамена, но так ли это – не уверен, не будете ли любезны, Василий Васильевич, сообщить мне о сем. Средств у меня на год хватит, а дальше Бог да добрые люди не оставят, быть может, найдется для меня стипендия. Лишение священнического сана, а к этому ведет дело наша местная консистория, лишает права проживания в столице, но ныне это право, я думаю, не строго применяется, да и в крайнем случае можно будет перейти в один из провинциальных университетов. Как отнесетесь Вы, Василий Васильевич, к моему желанию, одобрите ли? Я думаю, что моя голова еще не настолько стара, чтобы не осилить юридическую науку (мне 46 лет)» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 5).

Уже 31 июля Водовозов пишет В. И. Вернадскому: «Обращаюсь к тебе с просьбой. Свящ[енник] Тихвинский (член 2-й Думы), лишенный сана, вздумал поступить в унив[ерситет]. Он выбрал Моск[овский] унив[ерситет] и историко-фил[ологический] факультет (хотя его тянет на юрид[ический]), к[а]к наиболее доступный для семинаристов. Но доступ туда все-таки обставлен препятствиями, по кр[айней] м[ере] для людей в его положении: он лишен или будет лишен сана. Я думаю, тебе незачем говорить, что просьба Тихвинского, человека, так жестоко преследуемого судьбой, испытавшего такой тяжелый удар, к[а]к лишение сана (он человек искренне и глубоко верующий), и на старости лет задумавшего начать учиться, заслуживает самого глубокого сочувствия. Уверен, что ты не откажешь Тихвинскому в своем деятельном и энергичном содействии, а также дружески примешь его, когда он к тебе явится. Прошение в университет им подано, но без бумаг: бумаги находятся в Синоде, и получить их пока он не мог» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 353. Л. 9).

Но вятская консистория затянула выдачу необходимых документов, и 2 октября Тихвинский сообщил Водовозову, что намерен в декабре подать прошение в Юрьевский университет, ибо «там прием два раза в год». В конце концов он получил медицинское образование, и в последнем из его писем, от 7

августа 1917 г., из Ржева, куда эвакуировали Холмский военный госпиталь, «доктор» Тихвинский от имени уездной земской управы приглашал Водовозова прочесть «несколько лекций по вопросам текущего момента и главным образом об Учредительном собрании» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1, 3).

242

1 июня 1907 г. состоялось закрытое заседание 2-й Государственной думы, на котором после краткой речи премьер-министра П. А. Столыпина прокурор столичной судебной палаты в течение полутора часов зачитывал постановление следователя по важнейшим делам при С.-Петербургском окружном суде о привлечении к ответственности по 102-й ст. уголовного уложения всех членов социал-демократической фракции 2-й Государственной думы в составе 55 депутатов, испросив также разрешение на арест 16 из них, по обвинению в том, что «образовали преступное сообщество, которое составило заговор для насильственного ниспровержения посредством народного восстания установленного основными законами образа правления, лишения Государя Императора верховной власти и учреждения демократической республики» (Привлечение социал-демократической фракции // Речь. 1907. № 128. 2 июня).

государственный переворот (*фр.*).

244

См.: К роспуску Государственной Думы // Речь. 1907. № 130. 5 июня.

245

В четырех обвинительных актах от 10, 12, 24 апреля и 12 мая 1906 г. упоминались статья «События в Харбине» (Народное хозяйство. 1906. № 29. 19 янв.), заметка в разделе «Выборы и партии» с цитированием воззвания Петербургского объединенного комитета РСДРП (Наша жизнь. 1906. № 391. 11 марта), статья «Странички жизни» (Там же. № 402. 24 марта), письмо Александра Микеладзе в «Отделе писем» с редакционной заметкой «Петиция Грузии» (Там же. № 410. 2 апр.), заметка «К разгрому Ксениинского института» (Там же. № 413. 7 апр.), статьи «Об активном выступлении» (Там же. № 414. 8 апр.) и «К съезду социал-демократической партии. Проекты аграрных реформ» (Там же. № 412. 6 апр.). В. В. Водовозову как ответственному редактору газет «Народное хозяйство» и «Наша жизнь» инкриминировалось распространение сочинений, заведомо для него возбуждавших соответственно «к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы», «учинению бунтовщического деяния», «ложных о деятельности должностных лиц Ксениинского института сведений» и «к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 3–4, 10–22).

246

Речь идет о третьем выпуске «Сборника программ политических партий в России», изданном в мае 1906 г. как № 3 журнала «Вестник свободы» под редакцией В. В. Водовозова. Поскольку законом о печати от 24 ноября 1905 г. периодическим изданиям была предоставлена относительная свобода, а брошюры по-прежнему оставались под гнетом предварительной цензуры, то многие издатели выпускали их в форме номеров журналов, на которые даже не принимали подписку. Так, в апреле 1906 г. под видом № 1 и 2 «фиктивного» журнала «Вестник свободы» вышли два выпуска брошюры Водовозова «Всеобщее избирательное право и его применение в России». Издание третьего выпуска «Сборника…» с публикацией в нем «Программы партии социалистов-революционеров» и «Постановлений делегатского съезда Крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г.» было расценено С.-Петербургской судебной палатой как несколько преступлений: в обвинительном акте от 17 июня 1906 г. Водовозову инкриминировалось распространение «сочинений, заведомо для него возбуждавших к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего в государстве общественного строя, неповиновению и противодействию закону и законному распоряжению власти» (Там же. С. 22–26).

247

Ср.: «22 марта редактор “Народного хозяйства” и “Нашей жизни” В. Водовозов вызывался к судебному следователю для допроса по обвинению в напечатании в названных газетах двух статей. Одна, в № 29 “Народного хозяйства”, представляет перепечатку из газеты “Наш край”, в которой описываются события в Харбине в октябре месяце и между прочим речь полковника Б. к солдатам; в этой речи полковник Б. говорил, что Государь Император Манифестом 17 октября выразил свою волю и что солдаты обязаны повиноваться этой воле, даже если бы какие-либо власти ей противились и давали приказания, явно противные воле Государя; такие приказания не должны быть исполнены. В этом заявлении полковника Б., напечатанном в местной газете и перепечатанном “Народным хозяйством”, прокуратура усмотрела обращенный к войскам призыв к неповиновению законным властям (это – в призыве повиноваться воле Государя) и привлекла за нее Водовозова по 129-й ст., п. 5. Другое обвинение, по п. 1 ст. 129, предъявлено ею за напечатание в № 391 “Нашей жизни” извлечения из обращения комитета с.-д. к рабочим, в котором либеральная буржуазия высмеивается за бумажные протесты против смертной казни и высказывается убеждение, что только борьба народных масс положит конец гнусному издевательству над народом. В этом предсказании прокуратура узрела призыв к бунту. На допросе Водовозов заявил, что первое обвинение он считает прямо смешным, второе немногим лучше. Обвиняемый оставлен на свободе до судебного разбирательства» (Наша жизнь. 1906. № 401. 23 марта).

248

Правильно: «У кого не слабели шаги перед дверью тюрьмы и могилы?» – строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Не рыдай так безумно над ним…» (1868).

249

Правильно: 17 августа 1907 г.

250

Ксениинский институт – институт благородных девиц для обучения и воспитания дочерей генералов, офицеров и гражданских чиновников, личных и потомственных дворян; был учрежден 25 июля 1894 г. в ознаменование бракосочетания дочери императора Александра III великой княжны Ксении Александровны; открыт 25 марта 1895 г.; находился в ведении Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

251

Дискреционная власть – право должностного лица или государственного органа действовать по своему усмотрению.

252

См.: «Расправившись с преподавателями, княгиня Голицына, при благосклонном участии почетного опекуна шталмейстера Трубникова, принялась за воспитанниц, наиболее виновных, по ее мнению, в составлении “дерзких” петиций в октябре прошлого года: истинный педагог не спешит, он тщательно обдумает поход против воспитанниц и обрушится на них, когда они беззащитны и менее всего ожидают удара. В феврале была исключена воспитанница I курса Х[удынцева] за то, что ела колбасу (на первой неделе Великого поста!) в присутствии классной дамы, “демонстративно”, по выражению ее сиятельства. На днях исключены 5 воспитанниц I курса за то, что не пожелали заниматься с г. Сенюхаевым (занявшим бойкотируемое место) в сверхурочное время, после всенощной, накануне Благовещения. Заодно со старшей сестрой исключена из младшего класса одна воспитанница. Никакой жалости не чувствуют разбушевавшиеся на просторе сердца сановитых педагогов: воспитанницы изгоняются немедленно на улицу; не дают им возможности ни проститься с подругами, ни подыскать себе приюта для ночлега, ни запастись какими-нибудь средствами (даже без подушек и белья!). Несчастные сироты! Некому за них заступиться!» ([*Кальварский Е. Д.*] К разгрому Ксениинского института // Наша жизнь. 1906. № 413. 7 апр.).

253

В заявлении, которое воспитанницы Ксениинского института подали в соединенное бюро союза родителей и педагогов еще в декабре 1905 г., говорилось: «В переживаемое нами время, когда общество, ища свободы и правды, разбирает всевозможные вопросы, освещает все темные уголки, следует обратить особенное внимание на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности, мысли и индивидуальности. Мы больше не кисейные барышни, мы сознаем, что учиться и развиваться в таких условиях немыслимо, и всеми силами души протестуем против существующего институтского режима, против отживших традиций и рамок, которые нас душат. На основании всего сказанного мы требуем, наравне с нашими товарищами по другим учебным заведениям, автономии, дающей возможность учащимся нормально развиваться, и надеемся, что союзы учителей и родителей поддержат нас в этом справедливом требовании» (Требования институток // Биржевые ведомости. 1905. № 9110. 16 нояб.). Созванная 18 ноября конференция всего преподавательского и воспитательного персонала профессиональных курсов и общих классов Ксениинского института, посчитав, что «бунт» вызван нервным напряжением и подростковой неуравновешенностью воспитанниц, приняла решение распустить их по домам до 20 января 1906 г. (см.: *Лобок Д. В.* «Мы не кисейные барышни!» (Ксениинский институт в период первой русской революции 1905–1907 гг.) // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. Чебоксары, 2019. С. 224–231).

254

Неточность: 10 декабря 1905 г. в правление Ксениинского института поступили заявления трех преподавателей, в том числе П. Л. Маштакова, о том, что в силу решения «Союза учащих в кредитных учебных заведениях» они примыкают ко всеобщей политической забастовке и прекращают вести занятия, вследствие чего 12 декабря забастовщики были уволены, а 28 декабря – еще один за проявленную солидарность с сослуживцами (см.: *Лобок Д. В.* Указ. соч.).

255

Правильно: М. П. Черниковой.

В. С. Аксаков не был племянником И. С. и К. С. Аксаковых.

257

В качестве свидетелей на суде выступили М. П. Черникова и Н. А. Бойно-Родзевич (старшая сестра двух воспитанниц – Ксении и Анны), а также бывший преподаватель русского языка в Ксениинском институте Н. В. Балаев (см.: Дело В. В. Водовозова // Речь. 1906. № 141. 18 авг.; Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 28–34).

258

Л. В. Ходский показал, что и в печати, и на митингах В. В. Водовозов «в горячих речах» призывал к выборам и «даже подвергался нападкам со стороны газет, которые, как, например, “Сын Отечества”, принадлежали к партии, бойкотировавшей Думу» (Дело В. В. Водовозова… С. 27–28).

259

В. С. Аксаков заявил: «Нет сомнения, что во многих из напечатанных подсудимым статей прямого призыва к бунтовщическим действиям не имеется, но чем умнее автор, тем больше он старается высказываться не прямо, а между строк, и несомненно, что в тех статьях, которые инкриминируются Водовозову, такой призыв к бунтовщическим действиям среди строк имеется. Всего яснее они в статье под названием “Программа партии социалистов-революционеров” и особенно в статье под названием “Постановления делегатского съезда всероссийского крестьянского союза”, напечатанных в 3-м номере “Вестника свободы”. Все эти произведения пропитаны духом социализма, все они восстают против существующего государственного и общественного строя, как строя капиталистического и самодержавного, и призывают к его ниспровержению во имя социализма и демократической республики, путь к которой они указывают через учредительное собрание» (Там же. С. 34–35).

260

Автор неточно цитирует одно из постановлений съезда Крестьянского союза: «Считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в государственную думу» (Там же. С. 46).

261

В рукописи далее зачеркнуто: «Скажите, многие из вас согласятся распространять произведение, в котором вас клеймят таким эпитетом? Наверное, нет. А я это делаю».

262

Неточно цитируются слова Григория Отрепьева из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

263

Свое «последнее слово» В. В. Водовозов завершил так: «Я – на скамье подсудимых за напечатание постановлений крестьянского союза; между тем все газеты, – “Новое время” и другие, печатали те же постановления, и их редакторы не находятся на скамье подсудимых. (*Председатель*: Еще раз запрещаю вам касаться посторонних лиц). Хорошо. Повторяю, я глубоко уважаю скамью подсудимых, которую не раз занимали благороднейшие люди человечества и обращали в трибуну для защиты права, и мне стыдно сидеть на ней по тем смехотворным обвинениям, которые уже так полно оценены моим защитником и которые не дают ни повода, ни материала для такой борьбы. Полгода я уже нахожусь под дамокловым мечом вашего приговора; я знаю, что мне грозит тюрьма, крепость, даже лишение прав состояния и ссылка на поселение, но я все время был совершенно спокоен и буду совершенно спокоен, когда моя судьба скроется на полчаса в тайниках вашей совещательной комнаты, и это потому, что, при всем моем уважении к вашему суду, есть еще другой суд, которым я дорожу гораздо больше, – это суд общественного мнения. Его приговор я на этот раз знаю заранее, – он будет за меня. Тем не менее, дорожа достоинством русского суда, прошу вас, оправдайте меня» (Дело В. В. Водовозова в С.-Петербургской судебной палате по обвинению в девяти литературных преступлениях, совершенных им в качестве редактора «Нашей жизни», «Сборника программ политических партий в России» и др. С. 44–51; см. также: Дело В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 40. 20 авг.).

264

В окончательной форме приговор был объявлен 24 августа (см.: Приговор по делу В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 44. 25 авг.; см. также: *С. И.* Судья от гор. Петербурга // Око. 1906. № 11. 18 авг.; *Горбатов А.* Суды и судьи над печатью // Око. № 15. 23 авг.) и в этой связи отмечались его «логические противоречия». Подсудимый признан виновным за «преступления», совершенные при посредстве газет «Народное хозяйство», «Наша жизнь» и журнала «Вестник свободы», причем за последнее, «самое тяжелое», приговорен к году крепости, а за остальные – к 6 и 3 месяцам тюремного заключения. Хотя его высшее наказание погашает низшее, но «Вестник свободы», за который Водовозов наказан самым суровым образом, «оставлен без всякой кары и по вступлении приговора в законную силу может выходить по-прежнему», а «Наша жизнь» и «Народное хозяйство», за которыми числятся «второстепенные по значению преступления», наказаны «закрытием навсегда» (По поводу процесса В. В. Водовозова // Товарищ. 1906. № 47. 29 авг.).

265

Имеется в виду член Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты – волостной старшина Новосаратовской волости С.-Петербургского уезда С.-Петербургской губернии Бич.

266

Речь идет о А. К. Де-Ливроне и его сыне, мичмане Андрее, который не был убит матросами; он, напротив, отказался в 1905 г. участвовать в подавлении Кронштадтского восстания.

267

Через полторы недели после оглашения приговора Департамент полиции снова напомнил о себе:

«4 сентября, в 9 ч. веч., к литератору В. В. Водовозову на Васильевском острове заявилась полиция с целым отрядом городовых, сыщиков и проч. Не объясняя повода (если не считать ссылки на немотивированное предписание охранного отделения), произвели обыск, длившийся почти до 1 ч. ночи. Сначала было начали отбирать книги, вроде А. Кауфмана о переселениях, Водовозова о всеобщем избирательном праве, но потом, заметив, что у Водовозова имеется целая библиотека, книги оставили в покое, ограничившись захватом нескольких брошюр, купленных в магазинах, и писем, более или менее невинного свойства. Но обратили особенное внимание на портреты писателей и общественных деятелей, изданные В. П. Водовозовой, склад которых находился в той же квартире. Открыли, между прочим, портреты Лопатина, В. Фигнер, Балмашева и т. п. и заявили, что это издания преступные.

– Но все они разрешены, на всех значится цензурное разрешение.

– Ничего не значит. Мало ли что раньше разрешалось. Все подобное конфискуется. Может быть, и цензор, разрешивший это, будет арестован.

– Но это разрешил лично Дурново, до которого доходило дело.

– Ничего не значит. То был Дурново, а теперь – Столыпин, – с чувством глубокого убеждения ответил частный пристав.

Часть склада запечатана впредь до выяснения. Действительный повод к обыску дан, вероятно, состоявшимся в тот же день арестом В. Э. Ваховской, временно гостившей у Водовозова. В ее вещах не найдено ничего» (Товарищ. 1906. № 54. 6 сент.).

268

Ср.: «Пишущий эти строки сам был когда-то учеником Фойницкого, хорошо помнит его лекции <…>. Но, к сожалению, он был также подсудимым по литературному делу (по знаменитой статье 129), по которому Фойницкий в качестве сенатора принимал участие в кассационном рассмотрении, и он, к несчастью, решительно не в состоянии свести воедино своих представлений о Фойницком-профессоре и о Фойницком-судье. Фойницкий-профессор был безусловным сторонником свободы печати, а Фойницкий-судья душил печать. Фойницкий-профессор проводил великие начала судебных уставов, и целый ряд поколений русских юристов именно ему обязан прочным их усвоением, а Фойницкий-судья сам плохо их усвоил и соглашался своим высокоавторитетным именем покрывать ту казуистику, которою сенат снискал себе столь печальную славу» (*Водовозов В.* Иван Яковлевич Фойницкий. 1847–1913 // Современник. 1913. Кн. 10. С. 307–315).

269

В кассационной жалобе, которая слушалась 6 октября 1906 г. во 2-м отделении уголовного кассационного департамента Сената, В. В. Водовозов доказывал, что вопросы были поставлены судом неправильно, а при отсутствии мотивировки это лишает возможности ориентироваться в конкретности приписываемых ему приговором деяний. Суд также превысил свои полномочия, обвинив газету «Наша жизнь» за «вредное направление», которое ей не инкриминировалось ни обвинительными актами, ни прокурором и не служило предметом следствия. Водовозов также указал на «неправильный состав суда», ибо в числе сословных представителей вместо столичного городского головы заседал член управы О. Ф. Оношкович-Яцына, состоящий пятым по старшинству в ряду ее членов, и в деле нет оправдательных документов, объясняющих это замещение. Поскольку сенатор И. Я. Фойницкий поддержал кассатора в отношении того, что по трем обвинениям «действительно не указаны конкретные признаки преступления», резолютивная часть принятого решения гласила: «Обжалованный приговор С.-Петербургской судебной палаты за нарушением ст. 751 и 760 устава уголовного судопроизводства в части, касающейся обвинения Водовозова в распространении трех статей – “События в Харбине”, “Странички жизни” и “К разгрому Ксениинского института”, – отменить и дело для нового рассмотрения в другом составе присутствия возвратить в ту же судебную палату. В прочих же частях жалобу Водовозова оставить без последствий» (Дело «Нашей жизни» в Сенате // Товарищ. 1906. № 81. 7 окт.; см. там же: *Д. Д.* Странный приговор).

Выступая в Сенате, Водовозов, в частности, говорил: «Я обвиняюсь в четырех преступлениях, самое важное из них – четвертое, за которое я присужден к году заключения в крепости. Но лично для меня наиболее тяжелым является обвинение в другом преступлении – напечатании заметки “К разгрому Ксениинского института”. Я осужден за клевету… Легче быть осужденным за политическое преступление, чем за злостную клевету. Для меня как журналиста обвинение в том, что вместо служения правде я прибегаю к клевете, особенно тягостно. <…> Я не считаю себя клеветником. Я поместил в редактируемой мною газете описание порядков в Ксениинском институте и считаю, что все написанное в заметке вполне соответствует истине. Судебное разбирательство это подтвердило. Суд же признал, что это не так. Но благодаря этому обстоятельству юстиция попала в очень затруднительное положение. Автор статьи, Кальварский, не названный мной при следствии, обратился к судебному следователю с требованием привлечь его обвиняемым по этому делу. И тем не менее судебный следователь допросил Кальварского как свидетеля, а не как обвиняемого, объяснив ему, что он не находит в его статье состава клеветы. Оказывается, что суд в лице судебной палаты и юстиция в лице судебного следователя имеют два различных критерия понимания преступления. Я не юрист-практик, но я все же юрист по образованию, и я невольно ищу юридического объяснения для этого странного явления» (Дело В. Водовозова в сенате // Там же. № 82. 8 окт.).

271

17 февраля 1907 г. Особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты заслушало дело по обвинению В. В. Водовозова как бывшего редактора «Нашей жизни» и Е. Д. Кальварского как автора статьи «К разгрому Ксениинского института». Защитниками выступали О. О. Грузенберг и А. С. Зарудный, которые указывали, что если предварительное следствие произведено в отношении одного из подсудимых, то необходимо сделать то же и в отношении его соучастника, а судебный следователь ни разу не допросил Водовозова, который даже не привлечен им в качестве обвиняемого. Предлагалось восстановить законный порядок, признать невозможным слушание дела и вернуть его на доследование, чтобы Водовозов имел возможность предоставить в свое оправдание новые доказательства и новых свидетелей. После продолжительного совещания Особое присутствие согласилось с доводами защиты и отправило дело на доследование (Одно из дел «Нашей жизни» // Товарищ. 1907. № 195. 18 февр.; Судебные вести // Речь. 1907. № 41. 18 февр.).

272

Правильно: осенью 1906 г.

Новое дело В. В. Водовозова рассматривалось в С.-Петербургском окружном суде 24 октября 1906 г., и в обвинительном акте говорилось, что 5 февраля в газете «Наша жизнь» была размещена корреспонденция «Из Царства Польского», касающаяся объявления в крае военного положения. В статье указывалось, что оно ложится тяжелым бременем на местное население, а производимые с разрешения властей неистовства казаков и драгун ослабляют край экономически и нравственно, наносят ему тяжелые раны и, главное, возбуждают в нем «ненависть к правительству». В качестве примера «невозможнейших выходок» солдат приводилось убийство одним из них 18-летнего юноши, сына портного, за напоминание о рубле, взятом в долг, причем убийца при дознании оправдывался, будто жертва хотела «бунтовать народ». Хотя Водовозов, которому инкриминировалось распространение заведомо ложных для него сведений, потребовал вызвать в качестве свидетелей ряд общественных деятелей, живущих частью в Варшаве, частью в столице, а также генерал-губернатора и других высокопоставленных чиновников, суд ему в этом отказал. Защитник О. О. Грузенберг доказывал, что прокуратура не представила никаких данных как в опровержение статьи, так и для доказательства ее заведомой ложности, и суд, удалившись для совещания, «через 5 минут вынес оправдательный приговор» (Дело бывшего редактора «Нашей жизни» В. В. Водовозова с С.-Петербургском окружном суде по обвинению в литературном преступлении // Товарищ. 1906. № 96. 25 окт.).

Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер. О. Крыловой. СПб.: Н. Глаголев, [1906]; *Он же.* История первых веков христианства. СПб.: Н. Глаголев, [1907]. Т. 1–7.

20 сентября 1911 г. С.-Петербургская судебная палата приговорила Н. М. Глаголева к двум годам крепости, но по высочайшему повелению срок был сокращен до полугода; последний его литературный процесс (за издание в 1906 г. «Народной истории Парижской коммуны» А. Арну) состоялся лишь в ноябре 1916 г.

Неточность: этот диалог происходил 17 августа 1907 г., на предыдущем процессе Водовозова. На вопрос А. С. Зарудного, знает ли свидетельница М. П. Черникова, что послужило поводом к исключению ее дочери, последовал ответ: «Мне лично не объяснили, а потребовали, чтобы я ее взяла в 24 минуты». Защитник уточнил: «Вы хотите сказать, в 24 часа?», и Черникова пояснила: «Нет, в разговоре в ответ на мой вопрос: вы хотите, чтобы мы собрались в 24 минуты, почетный опекун А. Н. Трубников прямо сказал: да, в 24 минуты». Защитник спрашивает: «Но вы были предупреждены об исключении вашей дочери?», на что свидетельница отвечает: «Нет, меня призвали для объяснений и только в институте объявили об исключении и необходимости взять дочь в 24 минуты из института» (см.: Дело В. В. Водовозова… С. 28–29).

277

«Издательство З. И. Гржебина», созданное в Петрограде и заключившее в январе 1920 г. договор с Госиздатом (расторгнут в марте 1921 г.) и в июне 1922 г. с торгпредством РСФСР в Германии (расторгнут в 1923 г.), легализовавшись в Берлине, за 1922–1923 гг. издало более 225 названий книг, но из-за запрета ввозить их в Россию обанкротилось и фактически прекратило деятельность в 1924 г.

Энциклопедический словарь Ф. Павленкова – однотомный иллюстрированный энциклопедический словарь (СПб., 1899; неоднократно переиздавался).

279

Это произошло в 1908 г. См. письмо А. М. Бергера от 21 августа 1908 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2046. Л. 3).

280

В грозу: сб. стихов / Собр. Л. М. Василевский. СПб.: Голос, [1906]. 44 с.

281

Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «К Чедаеву» («Любви, надежды, тихой славы…»), написанное в 1818 г., см.: *Пушкин А. С.* К П. Я. Чаадаеву // В грозу. С. 6–7.

282

Неточно цитируется стихотворение Т. Щепкиной-Куперник «На родине» (Там же. С. 11–12). В стихотворении говорится о «солдате-калеке», который, вернувшись домой «от павших твердынь Порт-Артура…», узнает, что в «кровавое воскресенье» жена его «насмерть зарублена шашкой», сын «в Александровском парке был пулею с дерева снят», мать «избита казацкой нагайкой, до ночи едва дожила», а брат, матрос броненосца на Черном море, убит офицером, так как «вступился за правду».

283

Неточно цитируется стихотворение И. Каляева «Моя душа пылает страстью бурной…» (Там же. С. 7).

284

Стихотворение К. Чуковского (начало: «Загорелою толпою…»), опубликованное без названия в сборнике, представляет собой вольный перевод стихотворения У. Уитмена «Пионеры! О пионеры!» (1865); впервые напечатано в журнале «Сигнал» (1905. № 1). В недатированном письме К. И. Чуковского, адресованном составителю антологии «В грозу» Л. М. Василевскому, говорилось: «Пускай защитник Ваш укажет, что “топоры” и всякая такая штука относятся к культурной работе, а отнюдь не к проломлению черепов. Вообще это стихотворение есть обращение к американцам-“пионерам”, которые вырубают леса, и проводят рельсы, и т. д. Потому-то они и “загорелые”. А разве пролетариат – загорелый?» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2781. Л. 1).

285

В сборник «В грозу» были включены стихотворения В. Я. Брюсова, А. С. Рославлева, Скитальца (С. Г. Петрова), Тана (В. Г. Богораза), Тэффи, С. Г. Фруга, О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича и др.

286

В обвинительном акте, составленном 9 октября 1908 г., говорилось, что В. В. Водовозов и А. М. Бергер обвиняются в том, что в феврале 1906 г. распространили сборник «В грозу», в который в числе прочих вошли стихотворения «Пора» и «Буря» Тана, «Загорелою толпою…» К. Чуковского, «Моя душа пылает страстью бурной…» И. Каляева, «Из песен борьбы» Д. Цензора, возбуждающие к «бунтовщическим деяниям, оказанию дерзостного неуважения Верховной Власти и порицанию установленного законами основными порядка правления», причем Водовозов признал, что именно он состоял «юридически ответственным лицом и хозяином» книгоиздательства «Голос» и заказал отпечатать сборник в количестве 5 тыс. экземпляров (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 63–64).

287

В рукописи далее зачеркнуто: «К несчастью для прокурора, на стихотворении не значилось имя американского автора и вообще не был отмечен его переводной характер, да и самый заголовок был выкинут».

288

См.: «В книжке нашли пять стихотворений, которые подали повод к преследованию: два – Тана, одно – Чуковского, одно – Д. Цензора и одно – Каляева. Весь обвинительный акт состоит из выдержек из этих стихотворений, причем обвинение строится следующим образом. Приводится цитата из стихотворения Тана “Пора”: “Что нужно нам сказать? Перед лицом народа / Девиз провозглашен. Он рвется на простор / Долой бесправие! Да здравствует свобода / И учредительный да здравствует собор!” Стихотворение, говорится по этому поводу в обвинительном акте, содержит в себе призыв к введению в России учредительного собрания, то есть возбуждение к бунтовщическому деянию, – п. 1 ст. 129. В стихотворении Цензора преступными оказались такие строчки: “И с народной жизни смоем / Тьму неволи вековой”. Обвинение предъявлено Водовозову по ст. 128 и 129 (призыв к бунтовщическим деяниям). На суде поверенный Водовозова представил доказательства, что из пяти инкриминируемых ему стихотворений три были напечатаны еще до появления сборника, изданного Водовозовым, в начале 1905 г. <…> Это указание, видимо, произвело впечатление на прокурора, и, не отказываясь вполне от обвинения Водовозова за напечатание этих стихотворений, он признавал, что по отношению к ним у защиты есть веские аргументы. Зато в полном объеме он настаивал на обвинении Водовозова за стихотворение Каляева, в котором “проводится мысль о необходимости бросить всем тиранам, не робея, стальной руки неотвратимый взмах”, и за стихотворение Цензора, в котором, кроме приведенных двух строчек, заключается призыв наказать “Волтасаров”, выраженный в таких стихах: “Содрогнитесь, Волтасары! / Скоро в пиршестве ночном / Рок начертит слово кары / Страшным огненным перстом”» ([*Водовозов В. В.*] Литературное утро в зале СПб. судебной палаты // Слово. 1908. № 652. 16 дек.).

289

См.: *Андреевский С. А.* Стихотворения. 1878–1885. СПб., 1886. «Парнасский» стиль, возникший во Франции во второй половине XIX в. в противовес романтизму, выражался в отстраненном изображении холодного идеала красоты и отточенности поэтики.

290

Ср.: «Блестящую речь произнес С. А. Андреевский. Он подверг подробному разбору все стихотворения, указал на то, что ни в одном из них нет призыва. Цензор грозит Волтасарам наказанием судьбы, но никого не приглашает помогать судьбе; Каляев не определяет, о каких тиранах идет речь; Тан приветствует учредительный собор, но вовсе не приглашает к какому-либо действию ради его введения. Наконец, стихотворение Чуковского; Чуковский, сказал Андреевский, пикантный критик, но поэт неважный, его стихотворение блещет грубыми, но малопоэтическими выражениями, вроде: “подымайтесь, собирайтесь, для потехи, для игры! в барабаны застучите, наточите топоры!”, но оно ведь есть перевод с английского и говорит об американских пионерах, расчищающих топорами путь через леса, и в них нет возможности, при мало-мальски беспристрастном взгляде, видеть русских революционеров. К тому же оно, как и стихотворение Тана, пропущено цензурой. Нельзя же теперь карать за то, в чем даже старая цензура не видела повода для придирки! Правда, закончил Андреевский, в сборнике, изданном Водовозовым, есть одно стихотворение, в котором есть прямой призыв к ниспровержению существующего строя, но именно это стихотворение прокуратура и не думает ставить в вину издателю; это стихотворение Пушкина “К Чаадаеву”, в котором поэт выражает уверенность, что Россия воспрянет от сна и на обломках самовластья напишет наши имена» (Литературное утро в зале СПб. судебной палаты).

291

Правильно: Литературное утро в зале СПб. судебной палаты.

292

В. В. Водовозов был привлечен к суду по обвинению в издании книги «Материалы к истории российской контрреволюции. Погромы по официальным документам», снабженной его небольшим предисловием, которая вышла в январе 1908 г. и тотчас же была конфискована по распоряжению столичного градоначальника; издателю инкриминировалось «распространение заведомо ложных слухов о правительственных действиях» (Судебные вести // Слово. 1908. № 590, 594. 15, 19 окт.). Позже, 8 октября 1910 г., рассмотрев дело по обвинению Водовозова в издании первого выпуска «Сборника программ политических партий в России», который вышел в свет еще в декабре 1905 г., но обвинительный акт был составлен только 16 апреля 1910 г., С.-Петербургская судебная палата, не согласившись с аргументами «горячей речи» защитника М. В. Беренштама, осудила издателя, «по совокупности с ранее состоявшимся приговором, к заключению в крепости на один год» (Дело В. В. Водовозова // Русское слово. 1910. № 232. 9 окт.). В еще одном обвинительном акте, составленном уже 20 января 1912 г., Водовозову инкриминировалось издание энциклопедического словаря «Справочная книга социалиста» Гуго (Hugo Lindemann) и Штегмана (Carl Stegmann) в переводе с немецкого под редакцией В. Я. Богучарского и Л. З. Марковича, отпечатанного в типографии «Общественная польза» в январе 1906 г. в количестве 4 тыс. экземпляров (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1211. Л. 65–69).

293

Имеется в виду И. Н. Львов.

294

В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов отбывали заключение в Двинской крепости в 1912 г.

295

Описываемое мемуаристом дело было возбуждено в октябре 1911 г. по поводу издания брошюры Водовозова «Проект избирательных законов в Учредительное собрание и парламент». Хотя книгоиздательство «Донская речь» выпустило ее шесть лет назад, Комитет по делам печати наложил на брошюру арест, утвержденный 13 октября С.-Петербургской судебной палатой, ввиду помещения в ней «суждений, возбуждающих население к созыву, при посредстве временного революционного правительства, Учредительного собрания». Допрошенный 15 декабря в Ростове-на-Дону Н. Е. Парамонов заявил, что брошюра была отпечатана, когда владельцем издательства являлся уже не он, а А. Н. Сурат, который, как и Водовозов, был привлечен к делу согласно постановлению следователя от 14 марта 1912 г. На допросе 16 марта Водовозов, не признав себя виновным, показал, что предложил сам «в чисто научных целях» выпустить инкриминируемую ему брошюру, набранную первоначально в августе 1905 г., но потом несколько переделанную; она вышла в свет как раз перед тем, как полиция опечатала склад издательства, а когда он был распечатан, начались выборы в Государственную думу и интерес к распространению издания пропал. В свою очередь Сурат, повторно допрошенный следователем в Ростове-на-Дону 30 июля 1912 г., в тот же день сообщил Водовозову: «Показание мое очень короткое: я издал полученную от Вас брошюру, но распространения она не получила за опозданием выпуска ее; виновным себя не признаю, потому что не усматриваю в содержании ее ничего преступного, так как в то время подобного содержания статьи свободно печатались во всех периодических изданиях». Определением С.-Петербургской судебной палаты от 26 октября 1912 г. уголовное преследование Водовозова и Сурата было прекращено; арестованные экземпляры брошюры, согласно приговору от 5 ноября, предписывалось «уничтожить» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 49. Д. 659. Л. 2, 4; Ф. 539. Оп. 1. Д. 1216. Л. 4–5, 8–12; Д. 2490. Л. 1).

296

Имеется в виду Указ Сенату, утвержденный императорским манифестом от 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия царствования дома Романовых, в пункте 5-м части XVIII которого предписывалось: «Лиц, учинивших по день 21 февраля 1913 года посредством печати преступные деяния, предусмотренные статьями 128, 129 и 132 уголовного уложения (свод. зак., т. XV, изд. 1909 г.), от суда и наказания освободить» (Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из Правительствующего сената. 21 февраля 1913 г. С. 17).

арест, лишенный признаков бесчестия (*лат.*).

298

Менее чем за три месяца до амнистии, 27 ноября 1912 г., В. В. Водовозов обратился в С.-Петербургскую судебную палату с очередным прошением приостановить обращение к исполнению довлевшего над ним приговора ввиду привлечения его в качестве обвиняемого по делу о составлении книги «Всеобщее избирательное право и применение его в России», вышедшей в свет в 1905 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1213. Л. 14).

299

См.: «Я говорил о слухах об “измене”», неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, “глупость” это “или измена”. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам я не был в нем вполне уверен. <…> Но наиболее сильное, центральное место речи я замаскировал цитатой “Neue Freie Presse”. Там упомянуто было имя императрицы в связи с именами окружавшей ее камарильи. Это спасло речь от ферулы председателя, не понявшего немецкого текста, – но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 445). Речь шла о том, что назначение премьер-министром «немца» Б. В. Штюрмера является «победой придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы» (см.: Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Пг., 1916. Стлб. 35–48).

300

Великая французская революция началась со взятия крепости-тюрьмы Бастилии 14 июля 1789 г.

301

Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение во Франции в 1302–1789 гг., которое с 1614 г. ни разу не собиралось; созванные 24 января 1789 г. королем Людовиком XVI для разрешения финансового кризиса в стране, открылись 5 мая, а 17 июня депутаты третьего сословия, к которым присоединилась часть дворянства и духовенства, провозгласили себя Национальным собранием, и попытка разогнать его привела к революции.

302

Б. В. Штюрмер, председатель Совета министров с 20 января 1916 г. и одновременно, с 7 июля, министр иностранных дел, был отправлен в отставку 10 ноября.

303

Г. Е. Распутина убили 17 декабря 1916 г.

4-ю Государственную думу, заседания пятой сессии которой начались 1 ноября 1916 г., досрочно распустили на каникулы 16 декабря.

305

Цитируется «Послание к римлянам» апостола Павла (Римл. 13: 1).

306

Неточность в датировке. См.: *С. З.* [*Бердяев С. А.*] Философские воззрения Владимира Соловьева: Отчет о лекции проф. С. Н. Булгакова в г. Киеве и стенографическая запись прений // Новый путь. 1903. № 3. С. 71–104.

307

В 1905 г. вместо журнала «Новый путь» выходил журнал «Вопросы жизни».

308

См.: *Ландау Г. А.* Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 12. С. 28–54; *Он же*. Сумерки Европы. Берлин, 1923; *Савин А. Н.* Сумерки Европы // Русские ведомости. 1917. № 277. 2 дек.; *Бердяев Н. А.* Сумерки Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. Последняя книга стихов В. Ф. Ходасевича «Европейская ночь» вошла в его «Собрание стихотворений» (Париж, 1927).

309

Ростовцев М. И. Идея прогресса и ее историческое обоснование: По поводу книги J. B. Bury «The Idea of Progress» (London: Macmillan, 1921) // Современные записки. 1921. Кн. 6. С. 146–166.

310

На вопрос: «Что вы думаете о своем творчестве?», заданный редакцией парижского эмигрантского сборника «Числа», М. А. Алданов ответил: «Я думаю, что так называемая цивилизация, с ее огромными частными достижениями, с ее относительными общими достоинствами, в сущности висит на волоске. Вполне возможно, что дикость, варварство и хамство в мире восторжествуют. Эта мысль сквозит в разных моих книгах и, вероятно, оттого меня часто называют скептиком. Но слово это ничего не значит» (Литературная анкета // Числа. 1931. № 5. С. 286).

311

Государственная дума 3-го созыва работала с 1 ноября 1907 г. по 30 августа 1912 г., 4-го созыва – с 15 ноября 1912 г. до 6 октября 1917 г.

312

Имеется в виду массовый голод 1921–1922 гг. в Поволжье и ряде других областей Европейской части России, вызванный последствиями Гражданской войны, и 1932–1933 гг. на Украине, в Белоруссии и Казахстане, связанный с насильственной коллективизацией.

313

Речь идет о стихотворении в прозе М. Горького «Песня о Буревестнике» (1901).

314

См.: *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine: La Révolution. Paris, 1878–1883. T 1–3. Русские переводы появились позднее: *Тэн И.* Происхождение современной Франции / Пер. с фр. Э. Пименовой. СПб., 1906. Т. 1; *Он же*. Происхождение современной Франции / Пер. с фр. под ред. А. В. Швырова. СПб., 1907. Т. 1–5; *Он же*. История французской революции / Пер. с фр. Н. Шемардина. Харьков, 1906–1913. Ч. 1–6.

315

Неточность. См.: *Ленотр Ж.* Революционный Париж / Пер. Н. Ломакина. М., 1895. Позднее изданы переводы других книг: *Ленотр Ж.* Путешествие на эшафот / Пер. с фр. А. Гр–н. М., 1906; *Он же*. Париж в дни революции / Пер. с фр. Н. Тэффи и Е. Лохвицкой. М., 1913. Книги Л. Мадлена выходили позднее указанного Водовозовым периода: *Madelin L.* La Révolution. Paris, 1911; *Мадлен Л.* Французская революция / Пер. с фр. С. И. Штейна. Берлин, 1922. Т. 1–2.

316

См.: *Кареев Н. И.* Учебная книга новой истории. Изд. 6-е. СПб., 1905 (Гл. VIII. Французская революция. С. 182–215); *Он же*. История Западной Европы в новое время: (Развитие культурных и социальных отношений). Т. 3: Восемнадцатый век и Французская революция. СПб., 1893.

317

См., например: *Минье Ф. О.* История французской революции. СПб., 1866–1867. Т. 1–2; *Блан Л.* История французской революции. СПб., 1907–1909. Т. 1–12; *Олар А.* Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804). М., 1902; *Он же.* Великая французская революция. Внутренняя история. М., 1906; *Он же.* Очерки и лекции по истории Французской революции. СПб., 1908.

318

В рукописи далее зачеркнута фраза: «Во всяком случае, в России с ним несравнима эпоха Николая I, когда при всем деспотизме правительства Россия развивалась не только экономически, но и культурно; едва ли сравнима даже эпоха Павла I».

319

Мф. 6: 9–10.

Например, 9 октября 1916 г. трудовики В. В. Водовозов и А. Ф. Керенский, народные социалисты В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов, меньшевики Б. О. Богданов и О. А. Ерманский, другие представители левой демократической оппозиции обменивались мнениями по текущему политическому моменту в квартире депутата 4-й Государственной думы социал-демократа Н. С. Чхеидзе (см.: *Ирецкий В.* «Охранка». (Страница русской истории) // Речь. 1917. № 82. 9 апр.); на конспиративных совещаниях, проходивших там же в октябре – ноябре, обсуждался вопрос о создании Российской радикально-демократической партии (см.: Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 34).

321

Временный комитет Государственной думы (полное наименование – Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями) был создан 27 февраля 1917 г. под председательством М. В. Родзянко. В воззвании, опубликованном на следующий день, объявлял, что «при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка», и 2 марта сформировал Временное правительство.

322

Неточность: еще 18 (31) августа 1914 г. Николай II подписал высочайшее повеление о переименовании столицы в Петроград.

323

27 февраля 1917 г. состоялось учредительное заседание Петроградского совета рабочих депутатов.

324

В рукописи далее зачеркнуто: «Ярко в памяти стоит одно мелкое, частное, но – увы – характерное событие, связанное с революцией. Утром 28 февраля или 1 марта я был у Введенских (проф. А. И. Введенский). Раздался звонок, и в квартиру входят несколько солдат. “Обыск, ищем оружие!” Никаких мандатов не представляют и требуют, чтобы им показали все шкапы, все ящики в столах, что было сделано. Оружия не нашли. При этом одна из дочек Введенского громко ругала их за беззаконное вторжение в мирную квартиру. Они молчали. В царские времена за такую ругань, конечно, арестовали бы, – теперь это сделано не было, солдаты ушли мирно. Но ничем не мотивированный, совершенный вне всяких легальных форм [обыск] остался первым сильным впечатлением революционного момента. Потом я узнал, что в эти дни подобных обысков были произведены многие сотни, если не тысячи. Каждые два или три солдата считали себя вправе вторгаться в квартиру и производить обыск. В одной моей знакомой семье было несколько обысков в один день, произведенных разными группами солдат, и при одном из них пропали золотые вещи».

Имеется в виду В. И. Юрковский.

326

Правильно: товарищем председателя Петроградского совета рабочих депутатов.

327

Титул – в юриспруденции основание какого-либо права.

328

1 марта 1917 г. в 16 часа 15 минут великий князь Кирилл Владимирович прибыл в Таврический дворец, где имел беседу с председателем Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко.

329

Имеется в виду В. А. Юрковский.

См.: *Лозина-Лозинский М. А.* Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 143–186; *Он же.* Крестьянский двор // Вестник права. 1899. № 3. С. 57–114; № 5. С. 1–64; *Он же.* Административный суд в Австрии // Там же. № 10. С. 2–58; *Он же.* Принятие в русское подданство // Право. 1899. № 1, 2. 3, 10 янв., и др.

331

Неточность: Н. К. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская скончалась в 1903 г. в возрасте 35 лет.

Имеется в виду О. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинская.

333

См.: *Стратонов В. В.* По волнам жизни. М., 2019. Т. 1. С. 463–468, 742.

334

М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был арестован 8 марта 1917 г.

335

5 мая 1917 г. исполком Пермского окружного совета рабочих депутатов получил телеграмму главы Временного правительства князя Г. Е. Львова, запрашивавшего о положении бывшего губернатора, переданную на рассмотрение исполкома гарнизонного собрания и Комитета общественной безопасности, после чего М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский был освобожден из тюрьмы и выехал в Петроград.

На самом деле А. В. Нестеров работал на машиностроительном, чугунолитейном и котельном заводе «Г. А. Лесснер», о чем 4 апреля 1916 г. сам В. В. Водовозов писал П. Н. Милюкову: «По предложению П. В. Мокиевского сообщаю Вам некоторые сведения о мастере завода Лесснера Александре Васильевиче Нестерове (живет по Малой Посадской, д. № 21б, кв. 4), с которым в декабре 1915 г. я сидел в одной камере в Доме предварительного заключения» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2659. Л. 1).

337

См.: «Ослепленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, друг другу вовсе незнакомые, обнимались на улицах и друг друга поздравляли. Зеленщики, продававшие свой товар по домам, поздравляли “с переменою”, подобно тому как они обыкновенно поздравляют с большими праздниками» (Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А. Б. Лобанова-Ростовского // Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 403–404).

338

Слова из стихотворения А. Фета «Только станет смеркаться немножко…» (1856): «Стану слушать те детские грезы, / Для которых все блеск впереди…».

339

Неточность: А. В. Амфитеатров вернулся из эмиграции в 1916 г., но за фельетон в газете «Русская воля» с критикой министра внутренних дел А. Д. Протопопова в феврале 1917 г. был подвергнут высылке в Иркутск, однако из-за падения монархии вернулся с дороги в Петроград.

340

См.: «Встретил вчера в Г[осударственной] Думе А. В. Амфитеатрова. Русский писатель, любящий родину и за эту именно любовь подвергавшийся всяким гонениям, только что вернулся из ссылки, куда торопился в 24 часа отправить его Протопопов. “Что скажете, А. В.?” – говорю ему. “У меня нет слов, – отвечает, – душа рычит от радости”. Какое верное слово! Именно *рычит*. И не одна душа Амфитеатрова, а душа каждого. <…> Рычит от радости душа всего народа русского» (*Тиун* [*Боцяновский В. Ф.*] Душа «рычит» // Петроградский листок. 1917. Экстренный вып. 6 (19) марта).

341

Д. И. Шаховской состоял министром государственного призрения с 5 мая по 2 июля 1917 г.

342

Имеются в виду массовые антиправительственные выступления солдат, матросов и рабочих в Петрограде 3–5 июля 1917 г.

343

Имеется в виду отсутствие какого-либо удостоверения личности (*устар.*).

344

Избирательный ценз, т. е. условия для получения или осуществления избирательного права, в описываемом случае – имущественный.

345

А. Ф. Керенский вспоминал, что осенью 1910 г. к нему обратились глава фракции трудовиков в 1-й Государственной думе Л. М. Брамсон и член ЦК Трудовой группы С. Ф. Знаменский с предложением баллотироваться по ее списку на выборах в 4-ю Государственную думу, что было для него полной неожиданностью. Керенскому сказали, что предполагается расширение фракции трудовиков за счет присоединения к ней других народнических групп, а для избрания депутатом необходимо располагать собственностью, каковую – дом, оцененный в 900 руб., – он приобрел в уездном Вольске Саратовской губернии, где и был избран в 4-ю Государственную думу 20 октября 1912 г. (см.: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 59).

346

Председательство во фракции трудовиков в 4-й Государственной думе фактически в 1913 г., а формально в 1914 г. перешло от В. И. Дзюбинского к его товарищу (заместителю) А. Ф. Керенскому.

См. речь А. Ф. Керенского на «историческом» заседании Государственной думы 26 июля 1914 г.:

«Гг. члены Государственной Думы. Трудовая группа поручила мне огласить следующее заявление:

“Тяжкое испытание пало на родину, и великая скорбь охватила всю страну!

Тысячи и тысячи молодых жизней обречены на нечеловеческое страдание, нищета и голод идут разрушать благосостояние сиротеющих семей трудящихся масс населения.

Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу (*рукоплескания слева, в центре и справа*) и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений! Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России (*рукоплескания слева, в центре и справа*) и родится единая воля – освободить страну от страшных внутренних пут!

Неискупима ответственность правительств всех европейских государств, во имя интересов правящих классов толкнувших свои народы в братоубийственную войну. Социалисты всех ныне воюющих стран – Франции, Англии, Бельгии и Германии – пытались протестовать против разразившейся ныне войны. Мы же – русская демократия – не могли даже в этот последний страшный час вовремя свободно возвысить свой голос против надвигавшейся войны. Но глубоко веруя в единство всех трудящихся классов всех стран, мы шлем свой братский привет всем протестовавшим против подготовлявшейся братоубийственной бойни народов.

Русские граждане! Помните, что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток захвата со стороны враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии – свобода, равенство и братство – руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран.

Между тем власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии боровшимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями государств, все простившими и одушевленно борющимися вместе с нами за общую родину, и вместо того, чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно

на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов.

Крестьяне и рабочие, – все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее.

А вам, нашим братьям, проливающим кровь за родину, низкий поклон и братский привет" (*рукоплескания слева, в центре и на отдельных местах справа*)» (Государственная Дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 18–19).

348

Прогрессивный блок – оппозиционное объединение фракций прогрессистов, октябристов, конституционных демократов, прогрессивных националистов и центра 4-й Государственной думы, включавшее 236 из 397 ее депутатов, которое образовалось 25 августа 1915 г.; председатель бюро – С. И. Шидловский, фактический руководитель – П. Н. Милюков.

349

Фракция трудовиков в 4-й Государственной думе состояла всего из 10 человек, один из которых в 1915 г. умер, но в Трудовую группу вступил беспартийный депутат.

350

Международные антивоенные социалистические конференции в Швейцарии – в Циммервальде 5–8 сентября 1915 г. (38 делегатов из 11 стран) и в Кинтале 24–30 апреля 1916 г. (43 делегата из 8 стран).

351

А. Ф. Керенский вошел в состав Временного правительства 2 марта 1917 г.

352

Ср.: «У Керенского были, как говаривал я, золотые руки, разумея под этим его сверхъестественную энергию, изумительную работоспособность, неистощимый темперамент. Но у Керенского не было ни надлежащей государственной *головы*, ни настоящей политической *школы*. Без этих элементарно необходимых атрибутов незаменимый Керенский издыхающего царизма, монопольный Керенский февральско-мартовских дней никоим образом не мог не шлепнуться со всего размаха и не завязнуть в своем июльско-сентябрьском состоянии, а затем не мог не погрузиться в пооктябрьское небытие, – увы, прихватив с собой огромную долю капитала, приобретенного нами в мартовскую революцию. Но он был действительно незаменим и монополен. Для меня <…> не могло быть сомнения в линии его политического развития. Но также несомненно было для меня, что именно Керенский с его “золотыми руками”, с его взглядами и направлением, с его депутатским положением, с его исключительно широкой популярностью волей судеб назначен быть центральной фигурой революции, по крайней мере, ее начала» (*Суханов Н. Н.* Записки о революции. Пг., 1919. Кн. 1. С. 49).

353

В воскресенье 5 марта 1917 г. газета «День», открывшаяся заголовком «Великая русская революция», вышла под № 1 (предыдущий, № 52, датирован 24 февраля) с текстами отречений Николая II и великого князя Михаила Александровича, а также воззванием нового Временного правительства.

354

После Февральской революции в лекции «Трудовая группа, ее происхождение и деятельность» В. В. Водовозов говорил, что она является теперь «руководительницей» деятельности правительства: ведь именно лидер фракции трудовиков инициировал создание и вошел в состав Временного комитета Государственной думы, а потом в качестве их избранника занял пост министра юстиции, причем выступления А. Ф. Керенского являлись «далеко не его единоличными мнениями», а «были обсуждаемы на заседаниях Трудовой группы, и все члены ее имеют долю участия в его речах» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1707. Л. 26).

355

В ходе выборов ЦК ПСР 1 июня 1917 г. за военного министра А. Ф. Керенского проголосовали лишь 134 делегата, против – 136, и Е. К. Брешко-Брешковская, возмущенная тем, что партийный съезд не удостоил своим доверием «достойнейшего из достойных граждан земли русской», в знак протеста вышла из Центрального комитета (см.: *Колоницкий Б.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 105–106).

В делегацию входили Л. М. Брамсон, В. В. Водовозов и Н. В. Чайковский (см.: Трудовики у А. Ф. Керенского // Русская воля. 1917. № 1. 6 марта).

ad hominem (*лат.*) – здесь: применительно к конкретному человеку.

358

Ср.: «Керенскому в значительной степени принадлежит одна из важнейших заслуг в этой революции, заслуга инициативы заседания Гос. Думы вопреки высочайшему приказу о запрещении ее сессии. Керенский явился одним из наиболее видных вождей восставшего войска и народа; он доказал свою глубокую преданность делу революции и всем ее заветам, и вместе с тем, будучи революционером по своим стремлениям, он обнаружил ту практическую умеренность, которая во имя достижения великих целей охотно уступает в частностях, раз это оказывается необходимым. Привлекши к Временному правительству, состав которого не мог бы сам по себе возбудить всеобщее доверие, поддержку революционно настроенных масс, он сыграл ту примирительную роль между революционными и умеренными элементами движения, которая обеспечивает торжество завоевания революции. Эти его заслуги я высоко ценю; я горжусь тем, что шесть лет тому назад содействовал проведению его в Думу, словно предугадывая ту роль, которую ему суждено сыграть, и горжусь давнишней дружбой с ним <…>» (*Водовозов В.* Объяснение по поводу моего письма к А. Ф. Керенскому // День. 1917. № 3. 8 марта).

359

В передовой статье, появившейся без подписи в газете «День» 5 марта, подчеркивалось, что «постоянная власть может быть установлена только Учредительным собранием, и потому одна из очередных и наиболее настоятельных задач временного правительства – созвать его, чтобы вручить ему свою власть», причем оно «должно быть созвано как можно скорее, в 2–3 месяца», ибо «именно ему, и ему одному, страна может доверить решение своей судьбы, определение формы правления вместе с подробностями конституции, избрание новой власти, решение судьбы Николая, направление политики внутренней и внешней и, главное, окончательное выяснение вопроса о войне и мире» ([*Водовозов В.*] Учредительное собрание // Там же. № 1. 5 марта).

См.: *Водовозов В.* Созыв Учредительного собрания // Там же. № 16. 23 марта.

361

Имеется в виду Юридическое совещание при Временном правительстве (первоначально именовалось «консультацией»), официально учрежденное 22 марта 1917 г. для рассмотрения «вопросов публичного права, возникающих в связи с установлением нового государственного порядка» и составления «предварительных юридических заключений по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов».

362

В постановлении от 25 марта 1917 г. предписывалось «образовать особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание в составе назначаемых Временным правительством председателя и его товарищей и назначаемых или приглашаемых членов» (просуществовало до 23 сентября, когда «ввиду окончания работ» было закрыто), а «в состав совещания назначить специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и других сведущих лиц и пригласить политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России» (Постановление Временного правительства // День. 1917. № 18. 26 марта).

363

15 апреля 1917 г. В. В. Водовозов писал А. Ф. Керенскому: «Дорогой Александр Федорович. Не имея возможности говорить с Вами лично, пишу, чтобы указать Вам на одну не лишенную значения ошибку, кот[орую] Вы, как мне кажется, делаете. Вы выставили Ваше имя в числе ближайших сотрудников газеты “Дело народа”. Между тем по твердо установленным в парламентарных странах обычаям министры не имеют права участвовать в прессе. Клемансо – профессиональный журналист – снял свое имя со своей газеты, вступив в м[инистер]ство. И это понятно: у министров есть слишком достаточно способов сообщать обществу, что они считают нужным. В настоящий момент это совмещение представляет особое неудобство. Министерство – неоднородное. “Дело народа” ведет агитацию против него. Я против этой агитации ничего не имею и даже ей сочувствую. Но не следует, чтобы на этой агитации стоял Ваш штемпель. Говорят беспрестанно: “«Дело народа», в кот[ором] близкое участие принимает м[инистр] юст[иции] К[еренский], говорит о министре ин[остранных] д[ел] Милюкове… говорит о министерстве…” Выходит, что Керенский ведет агитацию против Милюкова и др[угих] своих товарищей. Я очень прошу Вас подумать об этом и снять свое имя с газеты» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 231. Л. 1).

364

Нота министра иностранных дел П. Н. Милюкова от 18 апреля, выражавшая «полную уверенность в победоносном окончании войны, в полном согласии с союзниками», вызвала политический кризис, с массовыми демонстрациями 20–21 апреля, и привела к образованию первого коалиционного кабинета с участием социалистов. В. В. Водовозов считал, что, заявляя о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы», Милюков высказывает личное мнение, «нарочито двусмысленными фразами» полемизируя с правительственным «манифестом» от 27 марта, в котором прямо говорится: «Цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов. Он не ставит себе целью ничьего порабощения и унижения» (*Водовозов В.* Нота министра иностр[анных] дел по поводу войны // День. 1917. № 39. 21 апр.). Но вскоре появилось официальное разъяснение, что нота «была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, причем текст ее принят единогласно», и она, «говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта» (Сообщение Временного правительства // Там же. № 40. 22 апр.). Водовозов писал, что «опасные волнения» в столице вспыхнули стихийно, но, «конечно, благоприятную почву для них создала безразборчивая агитация Ленина». Тем печальнее, что Милюков не учел заранее того «возбуждения», которое вызвала его «нетактичная» нота, но все же «не может быть иной политической дороги, как поддержка Временного правительства, пока оно в общем не уклоняется от принятых перед демократией обязательств» (*Водовозов В.* Разрешение кризиса // Там же. № 41. 23 апр.).

365

А. В. Пешехонов состоял министром продовольствия с 5 мая по 27 августа 1917 г.

366

А. Ф. Керенский занимал пост военного и морского министра с 5 мая по 1 сентября 1917 г., с 7 июля являясь одновременно министром-председателем Временного правительства.

367

Июньское наступление, «наступление Керенского», начавшееся 18 июня 1917 г. на Юго-Западном фронте, захлебнулось уже к началу июля, а контрнаступление противника привело к прорыву линии фронта и отходу русских войск, потерявших убитыми и ранеными до 50 тыс. человек, а пленными и пропавшими без вести – еще более 8 тыс.; без дисциплины армия разлагалась, и наступление, предпринятое в июле на Северном, Западном и Румынском фронтах, тоже потерпело неудачу.

368

Имеется в виду августовский 1917 г. «мятеж» верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова с целью установления в стране военной диктатуры.

369

Пост верховного главнокомандующего был принят А. Ф. Керенским 30 августа 1917 г.

370

В рукописи далее зачеркнуто: «После 1917 г. я виделся с Керенским довольно часто: в Берлине – в 1922 и 1923 гг., я был у него в Париже в 1926 г., он был у меня в Праге, кажется, в 1929 г., а главное, я внимательно следил за его газетой “Дни”, сперва ежедневной, потом двухнедельной; в первой я сам участвовал в качестве сотрудника, хотя более или менее случайного. Одно мое письмо в редакцию вызвало его ответ мне, занявший целый фельетон. Его газета, и особенно его двухнедельник, мне очень нравятся; хотя в них я вижу ошибки, но в целом их позиция мне кажется более или менее правильной. Если я в своих воспоминаниях дойду когда-нибудь до эмигрантского времени, я поговорю об этом подробнее. А главное, мне кажется, что Керенский вырос и умственно, и морально…».

371

См., например: «13 марта вечером в Александровском зале городской думы состоялся многолюдный митинг, устроенный Трудовой группой по вопросам текущего момента. Вступительное слово сказал В. В. Водовозов со свойственными ему мастерством и подъемом. В кратких и выразительных чертах была обрисована история зарождения, развития и нынешнее положение Трудовой группы, ее роль в революционном движении последних дней, так же как и роль выдающегося представителя ее, А. Ф. Керенского» (*П. С.* Митинг трудовиков // День. 1917. № 9. 15 марта). См. также: Митинг Трудовой группы // Там же. № 16. 23 марта; Съезд Трудовой группы // Там же. № 28. 8 апр.; Собрание Трудовой группы // Там же. № 42. 25 апр.; В Трудовой группе // Там же. № 58. 13 мая; Съезд Трудовой группы // Там же. № 91. 22 июня, и т. д.

372

См.: «Кандидат прав В. В. Водовозов назначается членом Юридического совещания при Временном правительстве» (День. 1917. № 19. 25 апр.). Но еще до своего официального назначения Водовозов присутствовал на заседаниях совещания в качестве «особо приглашенного»: например, 5 апреля – при обсуждении «проекта программы вопросов избирательного права», 12, 13 и 14 апреля – проектов постановлений Временного правительства о печати, об упразднении Главного управления по делам печати, Положения о Совете российской печати и надзоре за публичными зрелищами (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1052. Л. 8, 52, 60, 86). Позднее Водовозов был назначен также «членом совета министра юстиции и юрисконсультом министерства с оставлением членом Юридического совещания» (Речь. 1917. № 115. 21 мая).

Указывая, что сторонники двухстепенных выборов, при которой голосуют за выборщиков, избирающих депутата, не доверяют «здравому политическому смыслу» населения, В. В. Водовозов писал: «Двухстепенная система чрезвычайно облегчает и подкуп, и застращивание, и иные способы давления на избирателей. Крайне трудно подкупить 10-тысячную армию избирателей. Гораздо легче подкупить нескольких выборщиков, тем более что относительно выборщиков всегда бывает заранее известно, как они намерены голосовать» (*Водовозов В. В.* Всеобщее избирательное право на Западе. Ростов-на-Дону, 1905. С. 31).

В рецензии на брошюру В. В. Водовозов писал: «На стр. 49 допущены устарелые цифры относительно представительства социал-демократов в Саксонии и сказано: “Вот что значит двустепенные выборы!” Нельзя на одну двустепенность взваливать то, что в гораздо большей степени объясняется имущественным цензом. В 1-м издании автор говорит, что верхние палаты избираются привилегированными группами населения; теперь в примечании он замечает, что бывают, однако, верхние палаты, избранные народом, “но, – прибавляет он, – интересам трудящегося народа наиболее отвечает одна палата, а не две” (стр. 43). Аргументы совершенно отсутствуют» (*В[одовозов В.]* [Рец. на кн.:] *Сватиков С. Г.* Созыв народных представителей. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1905 // Наша жизнь. 1905. № 244. 2 сент.).

См.: *Юшкевич П. С.* Об избирательном праве. СПб., 1905.

О переиздании работы П. С. Юшкевича «Об избирательном праве» сведений не обнаружено.

377

См.: *Ольгович* [*Волькенштейн О. А.*] Всеобщее избирательное право. Выборы в Учредительное собрание. Пг., 1917.

378

Первый номер «Известий Петроградского совета рабочих депутатов» вышел 28 февраля 1917 г.

379

В протоколе заседания Исполнительного комитета Петроградского совета от 5 марта 1917 г. говорилось: «Постановлено воспретить выход в свет всем черносотенным изданиям, как то: “Земщина”, “Голос Руси”, “Гроза”, “Колокол”, “Русское знамя” и др.» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительной комиссии и Бюро И. К. М.; Л., 1925. С. 14–15; см. также: Воспрещение черносотенных изданий // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 9. 8 марта).

Ср.: «<…> Товарищи! Я надеюсь, что вы поверите мне, когда я скажу, что не любовь и не сочувствие к Маркову и Замысловскому, к таким газетам, как “Земщина” и “Русское знамя”, заставляют меня выступать на их защиту. Нет. Моим пером в настоящее время водит чувство оскорбления, которое вы нанесли мне, сравняв меня с этими господами. Я чувствую оскорбление не только за себя. Я чувствую его за всех честных писателей и позволяю себе, хотя и не уполномоченный ими, от их имени выразить протест против вашего поступка. Я, как и все эти сотни и тысячи русских писателей, всю жизнь служили делу русской демократии, не раз за него сиживали по тюрьмам, всю жизнь страдали от цензуры. Не раз приходилось нам обращаться к подпольному или заграничному станку, чтобы иметь возможность высказать то, что лежало у нас на сердце. Многого мы совершенно не могли сказать. В последнее время я каждое утро, просыпаясь, хватался за газету с дрожью нетерпения, прошла ли чрез цензурные тиски моя статья и может ли мой читатель понять мою мысль после того, как над нею прошлась рука с красными чернилами.

Напротив, гг. Марковы и Замысловские не только говорили все, о чем им хотелось, не только пользовались свободой натравливать весь народ на ни в чем неповинных евреев, а власть – на рабочих и крестьян, но пользовались привилегией печатать свои погромные прокламации в казенных типографиях под специальной охраной полицейской власти, получая на них громадные денежные субсидии. Борьба между нами и ими велась неравным оружием. У нас было только убеждение и готовность пострадать за него. У них были казенная субсидия, казенные типографии, казенное содействие и красные чернила в руках дружественных им и нам враждебных цензоров. И тем не менее победа была всегда на нашей стороне. У нас были читатели, у них – только обязательные подписчики.

И вот я дожил до счастливого дня, о котором мечтал всю свою жизнь, для которого по мере своих слабых сил всю жизнь работал и, простите мне это, может быть, хвастливое напоминание о своих старых ранах, за который я пять лет пробыл в ссылке и не раз сидел в различных тюрьмах. 28 февраля, выйдя на улицу, я сразу увидел, что одержана великая победа свободы, а пройдя в Государственную Думу, я узнал, что образовалось временное правительство, что император Николай II фактически уже перестал царствовать, хотя еще от престола не отрекся. <…

>

И вдруг я услышал ужасную весть. Совет рабочих депутатов постановил, что Марковы и Замысловские, “Земщина” и “Русское знамя” поставлены в то положение, в каком я находился всю свою жизнь и в котором находились журналы и газеты, в которых участвовал я. С ними борются уже не убеждением, не словом, наконец, не презрением, а запрещением. Вы запретили выход всех враждебных революции газет! Я почувствовал горькую обиду, и я приношу вам же жалобу на нее. Я не могу чувствовать себя равным Марковым и Замысловским. Товарищи, снимите с меня это поношение, предоставьте Марковым и Замысловским ту же свободу, какую вы завоевали для меня, и знайте, что они этой свободы не выдержат. Совы и филины не любят света. Только в тьме чувствуют они себя превосходно. Лишившись обязательных подписчиков, лишившись субсидии, эти господа не найдут ни одного читателя и в самом непродолжительном времени погибнут. Но погибнут не в честном бою с противником, а благодаря всеобщему презрению. И я умоляю вас: казните их презрением и не удостаивайте их благородной смерти честных журналистов (*Водовозов В.* Свобода слова. Открытое письмо Совету рабочих депутатов // День. 1917. № 1. 5 марта).

381

На заседании исполкома Петроградского совета 6 марта 1917 г. указывалось, что «представители общества журналистов и редакторов возбуждают вопрос о разрешении выпуска в свет всем изданиям, считая принципиально недопустимым какую бы то ни было цензуру»; «обсудив заявление представителей печати, Исполнительный комитет постановил подтвердить свою прежнюю позицию по отношению к этому вопросу, т. е. 1) неразрешение к выпуску контрреволюционных изданий и 2) разрешить к выпуску газету “Новое время”…» – но 10 марта решил, что «все издания могут впредь выходить без предварительной санкции Исполнительного комитета» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. С. 18, 34).

Например, 22 апреля В. В. Водовозов выступил с докладом о созыве Учредительного собрания на общем собрании Трудовой группы в Зале армии и флота (Собрание Трудовой группы // День. 1917. № 42. 25 апр.), 1 мая – на митинге, созванном ЦК трудовиков для обсуждения вопросов «о текущем моменте и коалиционном министерстве» (Там же. № 47. 30 апр.), 6 мая – с лекцией «Народно-социалистическая партия» на Высших женских естественно-научных курсах М. А. Лохвицкой-Скалон (Речь. 1917. № 105. 6 мая), 11 мая – с докладом «О Трудовой группе, ее прошлом и роли в настоящее время» на организационном собрании трудовиков Выборгского района в здании Военно-медицинской академии (В Трудовой группе // День. 1917. № 58. 13 мая), 12 мая – с лекцией «Политические партии вообще, Трудовая группа в частности» в аудитории Высших женских курсов (Там же. № 56. 11 мая), и т. д.

383

Неточная цитата из Евангелия от Луки (Лк. 2: 29–32).

384

В 1917 г. Е. И. Репьева преподавала в Петроградской земской учительской школе и частной женской гимназии М. Н. Стоюниной.

385

Неточно цитируется стихотворение А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом…» (1843).

Левая оппозиция в рядах партии эсеров, оформившаяся уже к июню 1917 г., активно участвовала в Октябрьском перевороте, делегировав своих представителей в состав ВЦИК 2-го созыва, и 27 октября ЦК ПСР постановил исключить из нее «всех принявших участие в большевистской авантюре и не ушедших со съезда Советов»; в декабре была организована самостоятельная Партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов.

387

А. И. Гучков сложил с себя обязанности военного и морского министра 30 апреля, а П. Н. Милюков подал в отставку с поста министра иностранных дел 2 мая 1917 г.

388

См.: *Водовозов В. В.* Война и революция. Речь, произнесенная на Петербургском организационном собрании Трудовой группы. Пг., 1917. С. 14–15, 17–18.

389

Облигации долгосрочного, с погашением в течение 49 лет начиная с 1922 г., внутреннего «Займа свободы 1917 года», постановление о котором было принято Временным правительством 27 марта 1917 г. (с открытием подписки 6 апреля), выпускались достоинством в 50, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 и 25 000 рублей с доходом в 5%, выплачиваемым дважды в год; к моменту большевистского переворота число подписчиков приближалось к 1 млн человек, а сумма подписки превысила 4 млрд рублей.

См.: *Водовозов В. В.* Война и революция. С. 13.

См.: *Водовозов В. В.* Война и революция.

392

Имеется в виду V Всероссийский съезд Трудовой группы, в президиум которого был избран член ее ЦК В. В. Водовозов; доклад его об Учредительном собрании «за недостатком времени не мог быть прочитан на съезде», но он выступал в прениях по вопросу о пересмотре партийной программы, см.: Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы. 7–11 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 38, 60, 62, 63, 72, 73, 136.

393

В трудах съезда доклад о войне и мире не упоминается, но с речью «Война и революция», помещенной в № 26–28 газеты «День» за 6–8 апреля 1917 г. с примечанием: «Эта речь, сказанная по поручению Центрального комитета Трудовой группы, для печати пополнена некоторыми новыми фактами», В. В. Водовозов выступил на ее «организационном собрании» 12 марта.

В. В. Водовозов считал, что до Учредительного собрания «правительство должно вести войну со всей возможной энергией, ни в каком случае не навязывая стране невыгодного мира», и призывал Трудовую группу идти на выборы со следующей программой: «1. Мы стоим за скорейший мир, но не за мир во что бы то ни стало. 2. Полный отказ от всяких завоевательных целей войны, в том числе и по отношению к Константинополю. Мир должен основать новый строй Европы на началах братства народов. Никаких насильственных аннексий, никаких контрибуций. Всякое территориальное изменение должно производиться на основе плебисцита. Россия не должна настаивать на сохранении своей власти над подвластными ей доныне народами. Русской Польше, Литве, Украине, Армении должна быть предоставлена свобода определить свою судьбу» (*Водовозов В. В.* Война и революция. С. 22–23). Цитируя второй пункт, один из делегатов съезда, член 4-й Государственной думы Н. О. Янушкевич, заметил: «Лучше всего наша позиция изложена в брошюре В. В. Водовозова “Война и революция”, и ее заключительные тезисы могли бы служить нам прекрасной платформой мира, чтоб с ней идти на выборы» (Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы. С. 163).

395

От vocabularium (*лат.*) – словарь.

396

Июльские события 1917 г. – массовые антиправительственные демонстрации в Петрограде при участии вооруженных солдат и матросов Балтийского флота под лозунгом «Вся власть Советам!», квалифицированные ВЦИК как «большевистский заговор»; общая численность демонстрантов превышала 400 тыс. человек.

397

В. В. Водовозов жил на Васильевском острове по адресу: Тучкова набережная (угол Биржевой линии), дом № 2/18, квартира 12.

398

Персональный состав Временного правительства был определен 1 марта на расширенном совещании членов Временного комитета Государственной думы (при участии лидеров ее Прогрессивного блока и ЦК Конституционно-демократической партии) и Петроградского совета рабочих депутатов, о чем стало известно на следующий день. В декларации нового правительства, опубликованной в № 4 «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» 3 марта, предусматривалась «немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституции» (см.: От Временного правительства // День. 1917. № 1. 5 марта).

399

В акте с отказом от права престолонаследия от 3 марта 1917 г. Михаил Александрович указывал, что решил «в том лишь случае восприять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»; он просил «всех граждан Державы Российской» подчиниться Временному правительству «впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7; см. также: Отречение великого князя Михаила Александровича // День. 1917. № 1. 5 марта).

400

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. № 71. 30 марта. Ст. 406. С. 604–605.

401

26 марта 1917 г. «сын председателя Совета раб[очих] и солд[атских] деп[утатов], С. Н. Чхеидзе, 15-летний юноша, рассматривая в гостях у своего товарища револьвер, случайно спустил курок. Раздался выстрел, и юноша замертво свалился, смертельно раненный в голову» (Хроника // День. 1917. № 20. 28 марта).

402

Кара-ногайцы – тюркоязычный народ, кочевавший по Караногайской степи к северу от Терека; с 1922 г. жили в Дагестанской АССР, где существовал Караногайский район. Сейчас как самостоятельный этнос не существуют, слившись с другими ногайцами.

403

10 мая 1917 г. Временное правительство постановило: «Принять меры к ускорению того совещания, на которое, согласно опубликованному уже постановлению правительства, возлагается выработка положения о выборах в Учредительное собрание и окончательное образование которого замедлялось тем, что еще не все приглашаемые к участию в нем организации, политические партии и национальные группы наметили своих представителей в нем». Признав ряд лиц вошедшими в состав Особого совещания, правительство назначило первое его заседание на 25 мая.

404

Неточность: М. М. Добраницкий представлял Совет рабочих и солдатских депутатов.

405

Российская (с 1917 г. – Всероссийская) лига равноправия женщин, созданная в Петербурге в марте 1907 г., провела в декабре 1908 г. Первый Всероссийский женский съезд, в мае 1917 г. инициировала создание Республиканского союза демократических женских организаций (всего около 90); распалась после большевистского переворота.

406

Состав Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание см. в: Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание: справочник. 1917 г. Составлен по 30 июня 1917 г. Пг., 1917. С. 25–32.

Конституционная хартия, утвержденная Национальным собранием Чехословацкой республики 29 февраля 1920 г., предусматривала равные права всех граждан «без различия расы, языка или религии»; в частности, пункт 3 параграфа 128 гласил: «Граждане Чехословацкой республики могут в пределах, установленных общими законами, свободно пользоваться всяким языком как в частных или коммерческих сношениях, так и в области религии, печати или публикациях всякого рода или же в публичных собраниях». Закон о языке от 29 февраля 1920 г. определял, что органы власти во всех округах, где не менее 20% населения говорит на ином, не чешском или словацком, языке, обязаны выносить на нем свои решения (в 1926 г. этот порядок стал обязателен лишь для местностей, где национальное меньшинство составляло не менее 2/3 населения). Кроме того, предусматривалось, что подлинным текстом закона, принятым Национальным собранием, считается тот, который опубликован на чешском и словацком языках; кроме того, издается официальный перевод собрания законов и распоряжений Чехословацкого государства на немецком, польском и венгерском языках, а также языке, определяемом сеймом Прикарпатской Руси.

408

См.: «Совет рабочих депутатов образовал комиссию для выработки законопроекта об Учредительном собрании, в которую избрал несколько своих членов и пригласил также несколько лиц со стороны, не принадлежащих к его составу. 27 марта комиссия собралась на свое первое заседание, оказавшееся, в силу некоторых случайностей, довольно малочисленным: присутствовали Л. М. Брамсон, В. В. Водовозов, С. К. Загорский, Н. В. Святицкий, И. В. Чернышев, а также солдатский депутат Борисов, давший разъяснения по некоторым вопросам. Не явились Лурье, Станкевич и некоторые другие. Комиссия избрала председателем Л. М. Брамсона» (Подготовка законопроекта об Учредительном собрании // День. 1917. № 21. 29 марта).

мягко по форме, твердо на деле (*лат.*).

410

См.: Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 68. 26 мая.

411

Неточность: площадь Новой Земли 83 тыс. кв. километров, площадь Чехословакии в то время 140,4 тыс. кв. километров.

См.: *Водовозов В. В.* Пропорциональные выборы или представительство меньшинства. СПб., 1905.

413

Неточность: мажоритарная избирательная система, введенная в Болгарии в 1880 г., была заменена на пропорциональную в 1912 г.

414

См.: *Александров М.* [*Кулишер А. М.*] Близнецы // Последние новости. 1932. 24 апр. № 4051; *Он же*. Совершенная система // Там же. № 4058. 2 мая; *Он же*. Пронунциаменто // Там же. № 4072. 16 мая; *Он же*. Военная партийность // Там же. № 4079. 22 мая; *Он же*. Депутаты // Там же. № 4086. 30 мая, и др.

415

Имеется в виду комиссия о системах избирательного права. В. В. Водовозов являлся членом этой комиссии и комиссии об избирательных списках и их обжаловании, численностью 15 человек, от которой выступил докладчиком на заседании Особого совещания 15 июня (см.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание одиннадцатое. 15 июня 1917 г. Стлб. 689–700).

416

Состоялось не три, а два заседания (см.: Совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 70. 28 мая).

за и против (*лат.*).

418

См.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание пятое. Четверг, 1 июня 1917 г. Стлб. 288–308 (Доклад Н. И. Лазаревского), 308–327 (Доклад В. В. Водовозова).

419

Правильно: «Чисто писано в бумаге, / Да забыли про овраги, / Как по ним ходить» – слова из стихотворения, написанного Л. Н. Толстым во время Крымской войны, при обороне Севастополя, в связи с провалом наступлением на Федюхины высоты 4 августа 1855 г. и ставшего тогда же солдатской песней под названием «Как четвертого числа…».

420

См.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание шестое. Пятница, 2 июня 1917 г. Стлб. 345–349.

421

В своем заключительном слове В. В. Водовозов призывал голосовать «за мажоритарную систему для большей части России», признавая допустимость использования пропорциональной для окраин, и на голосование был поставлен «вопрос о той системе, которая избирается как общее правило» (Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание шестое. Пятница, 2 июня 1917 г. Стлб. 404–409).

А. С. Лаппо-Данилевский состоял товарищем председателя комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права.

423

Ср.: Совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 70. 28 мая; см. также: Против гласности // Русская воля. 1917. № 126. 28 мая.

424

В рукописи далее зачеркнуты слова: «но в данный момент чувствовавшие себя не газетчиками, а законодателями».

425

С учетом мнения большинства членов комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права в выработанном ею проекте от 28 мая 1917 г. говорилось: «Не могут быть избираемы в Учредительное собрание члены царствовавшего в России дома» (Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание третье. Вторник, 30 мая 1917 г. Стлб. 194).

Касаясь содержателей домов терпимости, М. Ю. Козловский сказал, что «раз буржуазное общество допускает существование и даже порождает существование таких учреждений, то будет лицемерием говорить о лишении этих лиц избирательных прав по мотивам позорности их профессии», но он самым решительным образом протестует против предоставления таких прав членам царствовавшего «дома нетерпимости», ибо считает это «величайшим преступлением против революции» и «провокацией, вызовом, брошенным революционному народу» (Там же. Стлб. 162–166).

427

М. М. Добраницкий присоединился к особому мнению М. В. Вишняка, который не присутствовал на третьем заседании Особого совещания 30 мая 1917 г. ввиду отъезда из Петрограда, и заявил: «Я считаю положительно необходимым в законе о выборах в Учредительное собрание специально оговорить, что члены царствовавшего в России дома избираемы в Учредительное собрание быть не могут. Вместе с тем, полагая, что согласно общему правилу не могут пользоваться правом избирать те, кто лишен права быть избранным, я предлагаю ограничить членов царствовавшего в России дома в пользовании и активным избирательным правом и при выборах в Учредительное собрание…» К особому мнению М. В. Вишняка присоединились также еще три члена Особого совещания – Ю. А. Липеровский, А. А. Фролов и Е. Л. Бруевич (Особое мнение члена Особого совещания Вишняка // Там же. Стлб. 196–198; см. также: *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 51–52).

428

Ср.: Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание третье. Вторник, 30 мая 1917 г. Стлб. 148–149.

429

Голосованию подлежал вопрос, «следует ли вносить в закон упоминание о доме Романовых и об ограничении в избирательном праве царствовавшего дома», и в стенографическом отчете заседания говорится: «Предлагается исключить этот п. V из проекта. <…> Большинством против пяти голосов этот пункт исключен» (Там же. Стлб. 188).

430

См.: *Водовозов В.* Письмо в редакцию // Дни. 1923. 29 дек. № 347. С. 1; *Керенский А.* Ответ В. В. Водовозову // Там же. С. 2–3.

431

См.: Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 3. С. 128–137.

432

Вопрос о возрастном цензе обсуждался на заседании Особого совещания 29 мая; большинством 34 против 12 голосов был принят двадцатилетний возраст (см.: Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 71. 30 мая).

433

Учредительное собрание, открывшееся 5 января 1918 г. в Таврическом дворце, большинством голосов, 237 против 146, отказалось от обсуждения ленинской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», после чего в знак протеста большевистская и вслед за ней левоэсеровская фракции покинули заседание; на следующий день депутатов во дворец не пустили, а еще через три дня был опубликован декрет ВЦИК от 6 января о роспуске Учредительного собрания, утвержденный 18 января Третьим Всероссийским съездом Советов.

лучшее – враг хорошего (*фр.*).

435

См.: Особое Совещание по созыву Учредительного собрания // День. 1917. № 58. 15 июня.

436

См.: О выборах и созыве Учредительного собрания. Постановление Временного правительства // День. 1917. № 58. 15 июня.

437

В первое коалиционное правительство, соглашение о создании которого с Петроградским советом было достигнуто 5 мая 1917 г., входили шесть социалистов: военный и морской министр А. Ф. Керенский (эсер), министр юстиции П. Н. Переверзев (трудовик), министр земледелия В. М. Чернов (эсер), министр почт и телеграфов И. Г. Церетели (меньшевик), министр труда М. И. Скобелев (меньшевик), министр продовольствия А. В. Пешехонов (народный социалист).

438

В постановлении «Об отсрочке созыва Учредительного собрания», принятом 9 августа 1917 г., Временное правительство назначило днем выборов 12 ноября, а сроком его созыва – 28 ноября (Известия Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. 1917. № 1. 6 сент.).

439

См.: Особое совещание по делам о выборах в Учредительное собрание // День. 1917. № 99. 2 июля.

440

В состав третьего по счету и второго коалиционного Временного правительства, сформированного 24 июля 1917 г., вошли 8 социалистов: А. Ф. Керенский (министр-председатель, военный и морской министр), Н. Д. Авксентьев (министр внутренних дел), А. С. Зарудный (министр юстиции), С. Н. Прокопович (министр торговли и промышленности), В. М. Чернов (министр земледелия), А. М. Никитин (министр почт и телеграфов), М. И. Скобелев (министр труда), А. В. Пешехонов (министр продовольствия).

441

См.: Положение о выборах в Учредительное собрание. Раздел первый // Вестник Временного правительства. 1917. № 111. 22 июля; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1917. № 169. 22 июля. С. 1649–1658.

442

См.: Арест М. Ю. Козловского // День. 1917. № 103. 7 июля; Устранение Козловского из особого совещания. К аресту М. Ю. Козловского // Там же. № 104. 8 июля.

443

На пленарном заседании Особого совещания 31 мая М. Ю. Козловский категорически высказался против лишения избирательных прав дезертиров, указывая, что дезертирство, которое, мол, «совершается по мотивам политическим», стало «массовым явлением и, следовательно, это не преступление» (Особое совещание об Учредительном собрании // День. 1917. № 73. 1 июня).

лучшее – враг хорошего (*фр.*).

445

Лимитрофы (от *лат.* limitrophus – пограничный) – государства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи после 1917 г.

заимствовали (от *лат.* receptio – принятие).

447

Имеются в виду Российское транспортное и страховое общество и Русское общество пароходства и торговли.

448

Принц А. П. Ольденбургский основал Гагрскую климатическую станцию, открытие которой состоялось 9 января 1903 г.

подсобном помещении (*фр.*).

450

В. Л. Бурцев, арестованный 25 октября 1917 г., был заключен в Петропавловскую крепость, откуда в декабре переведен в «Кресты».

451

См.: «Возобновляется издание журнала “Былое”. Редакторы – В. Л. Бурцев, В. В. Водовозов, П. Е. Щеголев. Издатель – Н. Е. Парамонов. Первая книжка появится, по всей вероятности, в июне» (День. 1917. № 21. 29 марта). № 1 (23) вышел в июле, но участие в нем В. В. Водовозова в 1917–1918 гг. ограничилось рецензией, несколькими публикациями и коротким мемуарным очерком. Ф. М. Лурье сообщает, что, «по утверждению Щеголева, Водовозов в журнале никакой редакционной работы не вел», в конце 1917 г. вышел из состава редакции, но «продолжал еще некоторое время сотрудничать в журнале, писал Щеголеву и предлагал свои услуги, последнее его письмо датировано 7 ноября 1922 года» (*Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 114–115). Позднее в журнале были напечатаны воспоминания Водовозова «Встречи с А. И. Ульяновым» (Былое. 1925. № 6 (34). С. 132–133).

Неточность: 17 июня 1917 г. открылся I Всероссийский съезд народно-социалистической партии, 19 июня – VI Всероссийский съезд Трудовой группы (В. В. Водовозов был избран в его президиум, выступив с обширной речью в защиту ЦК трудовиков, который, в отличие от эсеров, «не выдает дутых векселей в целях привлечения народных масс»). Делегаты съездов приняли решение об объединении, после чего около полуночи 21 июня народные социалисты перешли в актовый зал Военно-медицинской академии, где заседали трудовики, и было объявлено об открытии I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии, на котором В. В. Водовозов, избранный в состав ее ЦК, выступил 23 июня с докладом «информационного характера» о работе Особого совещания (см.: Съезд Трудовой группы // День. 1917. № 89. 20 июня; Всероссийский съезд Трудовой группы. Заседание 19 июня // Там же. № 90. 21 июня; Съезд Трудовой группы. Заседание 20 июня. Заседание 21 июня // Там же. № 91. 22 июня; Съезд Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 92. 23 июня; № 93. 24 июня; Закрытие 1-го всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 94. 25 июня; см. также: Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. М., 2003. С. 278–279).

А. Д. Марголин вспоминал, что, в отличие от народных социалистов, «докладчики на съезде трудовиков (Шаскольский, Булат) и поддерживавшие их тезисы Водовозов и др. настаивали на признании за всеми национальностями, населяющими Российское государство, права на самоопределение вплоть до отделения», из-за чего было принято решение избрать согласительную комиссию из представителей обоих съездов: «Особенную неуступчивость, помнится, проявил в комиссии В. В. Водовозов. На все указания Мякотина о том, что формулой трудовиков немедленно воспользуется Финляндия, Водовозов ответил столь же решительно, как и неубедительно: “Финский народ этого не сделает, ибо финляндцы не так глупы и не так подлы (sic! – *А. М.*), чтобы отделиться от России”. В конце концов состоялось компромиссное соглашение о том, что каждой народности должно быть предоставлено право созыва своего отдельного национального учредительного собрания, но что окончательное решение вопроса о государственном устройстве России все же будет принадлежать Всероссийскому Учредительному собранию» (*Марголин А. Д.* Украина и политика

Антанты: (Записки еврея и гражданина). Берлин, [1922]. С. 36–38).

Ср.: «Ход истории таков, – говорит В. В. Водовозов, – что малым государствам гораздо лучше находиться в федеративном союзе. Была бы Балканская федерация, не было бы кровавой войны. Если Финляндия и Литва отделятся, то они будут жестоко наказаны. Хорошо, если история поведет к созданию всеобщего мира, но ведь возможно, что нынешняя война только приведет к ослаблению милитаризма. Опасность войны останется. Тогда маленькие Литва и Финляндия станут первыми жертвами и им придется завести армию. Но пусть эта война будет последней, милитаризм исчезнет, опасность Литве и Финляндии с этой стороны не угрожает. Но наказаны они все-таки будут. Финляндия поставляет нам молоко и бумагу и нуждается в хлебе. Она нуждается в России больше, чем мы в ней. Если произойдет отделение, то диктовать условия будет Россия. То же относится и к Литве. Даже Польша впоследствии будет жалеть, когда угар пройдет, и, может быть, пожелает отказаться от отделения от России. Но заставить не отделяться мы не имеем права. Свобода разводов уменьшает их число» (Съезд Трудовой группы. Заседание 20 июня // День. 1917. № 91. 22 июня).

453

Неточность: речь идет о II Всероссийском съезде Трудовой народно-социалистической партии, проходившем в Москве 26–28 сентября 1917 г., см.: Второй всероссийский съезд труд. нар.-соц. партии // Народное слово. 1917. № 96–98. 28–30 сент.; Кандидаты нар.-соц. партии. (Из Москвы по телефону) // День. 1917. № 178. 1 окт.; Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы. С. 356–367.

454

Главы VI–X раздела I и раздел II Положения о выборах в Учредительное собрание были утверждены 11 сентября 1917 г. (см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отд. I. 1917. № 251. 10 окт. С. 2963–2982).

455

Подробнее о С. В. Дмитриевском см.: *Генис В. Л.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933): опыт документального исследования. М., 2012. Кн. 2. С. 155–251; *Он же*. Сергей Дмитриевский: «Нам нужен либеральный цезаризм…» // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2007. Т. 8. С. 75–172.

456

Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожных рабочих и служащих, избранный на 1-м Всероссийском учредительном съезде железнодорожников в Москве 25 августа 1917 г., после большевистского переворота, угрожая всеобщей железнодорожной забастовкой, выступил с инициативой о формировании «однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов включительно»; распущен в июне 1918 г.

457

В. А. Плансон входил в делегацию Викжеля, направленную 29 октября к А. Ф. Керенскому для переговоров о формировании «однородного социалистического правительства», см.: «Одним из представителей Викжеля, выступившим с известным своим предложением, был член труд. нар.-соц. партии В. А. Плансон. Как известно, это выступление встречено всеобщим осуждением как с моральной, так и с политической точки зрения. Кроме того, по этому вопросу В. А. Плансоном были нарушены совершенно определенные партийные директивы. В другом случае В. А. Плансоном были нарушены элементарные этические требования. В качестве делегата от Викжеля для переговоров с А. Ф. Керенским в числе прочих был отправлен в Царское Село и В. А. Плансон. По возвращении оттуда он на собрании, на котором присутствовали и большевики, дал характеристику общего положения и настроений на фронте. Таким образом, он для большевиков сыграл, мягко выражаясь, роль лазутчика. Ввиду этих обстоятельств Центральный комитет пригласил в свое заседание В. А. Плансона для дачи объяснений. К назначенному сроку он не явился и единогласным постановлением ЦК исключен из партии. Примерно через три часа по окончании заседания от В. А. Плансона на имя ЦК было получено письмо, в котором он заявляет о своем выходе из партии» (Исключение из партии В. А. Плансона // Народное слово. 1917. № 124. 3 нояб.; см. также: В. А. Плансон // Воля народа. 1917. № 162. 3 нояб.).

458

См.: «Председатель фракции трудовиков в 3 гос. думе А. А. Булат, кандидатура которого Трудовой н.-с. партией выставлена в Учредительное собрание, вступил в партию соц.-рев.» (А. А. Булат // День. 1917. № 181. 5 окт.).

в высшей степени (*фр.*).

460

Указывая, что большинство и в земельной комиссии, и в эсеровской фракции Учредительного собрания принадлежало крестьянским депутатам, стремившимся «воспользоваться революцией, чтобы заполучить без всяких затрат как можно больше земли», Н. П. Огановский характеризовал их как «аморфную, малокультурную массу» во главе с интеллигентом В. М. Черновым, мечтающим «переплюнуть» большевиков, но «власть, опирающаяся на демагогию, не может быть сильной» (*Огановский Н. П.* Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 143–172. С. 146–147).

461

См.: «…мы все – избранники народа, его последняя надежда, – заслужили обвинение нас в лицемерии и трусости и, разбежавшись за своим вождем от угроз зазнавшегося матроса, не докончили даже [принятие] закона о земле, за который клялись лечь костьми <…>» (Там же. С. 161).

462

Не могу удержаться, чтобы не процитировать из «Дневника» Огановского одного пророчества, – меня вообще сильно интересуют пророки и пророчества, начиная с библейских и кончая современными. Огановский пишет в «Дневнике» 7 января 1918 г.: «Большевиков ожидает скорое скончание», – к этому примечание: «Теперь через 3 месяца они как будто укрепляются. Но крестьяне и рабочие уже разбольшевичились в большей части России… Однако большевики могут проскрипеть еще несколько месяцев». Это напечатано в апрельской книжке «Голоса минувшего» за 1918 г.

463

Неточность: речь идет о дневниковой записи от 11 января (см.: Там же. С. 171).

В рукописи зачеркнуто: «Дело в том, что по избирательному закону кандидатуры должны были выдвигаться не менее чем за месяц до дня выборов. За месяц до него эсеры и левые эсеры, несмотря на наметившийся между ними резкий антагонизм, формально оставались в рамках одной партии и кандидатов выставляли сообща. Как всегда в таких случаях бывает, кандидатуры явились в результате упорной внутренней борьбы на почве бесчисленных компромиссов между обоими флангами партии, причем в силу этих компромиссов были выставлены кандидатуры с обоих флангов. Прошло несколько недель, и два фланга единой партии обратились в две враждебные партии, но законный срок для выставления кандидатур уже был упущен, и эсеры должны были на выборах распинаться за ту самую Марусю Спиридонову, за того самого Шрейдера младшего, в которых они уже видели не замечаемое ими раньше гимназическое мировоззрение, как в свою очередь левые эсеры должны были распинаться за Чернова, за Гр[игория] Ил[ьича] Шрейдера и др., которых в других местах они обвиняли в ренегатстве, в продаже своих убеждений буржуазии и тому подобных подвигах».

465

Ср.: «Лучицкий был рожден менее всего политиком, что я решился ему сказать, когда увидел, что он начинал тяготиться деятельностью своею в Думе, скоро перешедшей в полную бездеятельность, и своим положением в партии, с лидерами которой все более и более расходился. По слишком большой субъективности своего характера и нервности темперамента он был мало пригоден к политической деятельности, да и лета уже были не те, чтобы начинать совсем новое дело, бывшее ему знакомым только теоретически, как историку Нового времени на Западе» (*Кареев Н.* Памяти двух историков // Анналы. 1922. № 2. С. 172).

466

Список кандидатов в члены Учредительного собрания от Трудовой народно-социалистической партии см. в: Съезд партии народных социалистов // День. 1917. № 175. 28 сент.

467

В октябре 1905 г. на первом съезде Конституционно-демократической партии при рассмотрении ее программы А. С. Милюкова предложила включить в нее слова «вне зависимости от пола», и большинством всего в два голоса, несмотря на возражения П. Н. Милюкова, было записано, что «народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов, без различия вероисповедания, национальности и пола». Но в примечании к параграфу 14 программы говорилось: «По вопросу о немедленном распространении избирательного права на женщин меньшинство осталось по практическим соображениям при особом мнении, в силу чего съезд признал решение партии по данному вопросу необязательным для меньшинства». В январе 1906 г. второй съезд Конституционно-демократической партии большинством голосов исключил из ее программы эту оговорку (Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920: материалы. М., 1997. Т. 1. С. 36, 158).

Видимо, имеется в виду Всероссийская лига равноправия женщин.

469

Ошибка: П. Н. Шишкина-Явейн входила (на первом месте) в избирательный список № 7 от Всероссийской лиги равноправия женщин по Петрограду, но С. А. Кареевой в нем не было.

В. В. Водовозов тем не менее являлся лектором агитационных курсов Республиканского союза демократических женских организаций при Всероссийской лиге равноправия женщин и оратором на ее митингах, см.: «Всероссийская лига равноправия женщин в театре “Комедия” (Моховая, 33) в воскресенье, 29 октября, в 1 час дня устраивает митинг “Женщина и Учредительное собрание”. С речами выступят Л. И. Аксельрод, В. В. Водовозов <…>, П. Н. Шишкина-Явейн, Е. Н. Щепкина» (Народное слово. 1917. № 123. 29 окт.).

471

В списке кандидатов в Учредительное собрание по Новгородской губернии значились члены ЦК ТНСП В. В. Водовозов, Я. И. Душечкин и Д. М. Одинец, по Оренбургской губернии – В. В. Водовозов и Ф. А. Волькенштейн (Список кандидатов в Учредительное собрание от Трудовой народно-социалистической партии // Там же. № 109. 13 окт.).

472

В 1916 г. председателем губернской земской управы состоял Михаил Алексеевич Прокофьев; речь, видимо, идет о его преемнике – Алексее Алексеевиче Булатове, тогда гласном губернского земского собрания от Валдайского уезда, назначенном в 1917 г. губернским комиссаром Временного правительства.

473

В письме из Старой Руссы от 16 сентября 1917 г. Л. К. Илинчик, находившийся в Новгородской губернии в качестве инструктора от ЦК ТНСП по выборам в Учредительное собрание, приглашая В. В. Водовозова приехать на крестьянский съезд в Валдае, напоминал: «Встречались мы несколько раз в г. Новгороде в начале мая, утром на кварт[ире] у Ушакова, на следующий день после Вашей последней лекции; на губер[нском] съезде, 22 июля, партии в Новгороде или в Старой Руссе на лекции, где Вы еще предлагали мне сопровождать Вас при разъездах по Новгород[ской] губ[ернии]. Фамилия моя Илинчик Леонид Константинович» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2191. Л. 1). Позже, 6 ноября, он писал Водовозову: «Хорошо бы повторить нашу первую поездку: Любань – Чудов – М. Вишера» (Там же. Д. 2190. Л. 1).

Не исключена возможность, что в дате я ошибаюсь и что выехал накануне этого дня. Но кажется, что не ошибаюсь.

475

Неточность: 29 октября 1917 г. был понедельник. Выборы в Новгородской губернии проходили позднее. 6 ноября, сообщая из Валдая о назначенном на 11 ноября митинге в Новгороде и советуя В. В. Водовозову по дороге туда заехать в Любань или Чудов «часа на три, прочитать еще одну лекцию», Л. К. Илинчик писал ему: «10-го буду в Ст[арой] Руссе, 11-го – в Новгороде, а если выборы не состоятся, то 13-го буду в Петрограде. Губ[ернский] комитет отпечатал 20 000 наших избирательных карточек и Ваше воззвание. Все это усиленно раздаю и рассылаю и развожу по местам. <…> За это время удалось побывать в Новгороде, Чудове, Волхове, Бологом, Валдае, а дальше еду в Едрово, Дворец, Ст. Руссу и Новгород. Думаю успеть сделать это до 12 ноября» (Там же).

476

В рукописи зачеркнуто: «с несимпатичной физиономией».

477

8 ноября 1917 г. Оренбургская городская дума организовала Комитет спасения родины и революции, но уже на следующий день в ответ на репрессии началась забастовка местных железнодорожников. 15 ноября Совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, но помещение, где шло заседание, было оцеплено казаками и юнкерами, арестовавшими порядка трех десятков большевиков. В ночь на 13 декабря им удалось бежать из тюрьмы, а 18 января 1918 г. отряды красногвардейцев заняли Оренбург.

См., например: «Без внешних эффектов и картинных выражений лекция В. Водовозова, читанная во вторник в зале 1-й женской гимназии, произвела на слушателей сильное впечатление своей содержательностью и ясностью основных положений. <…> Нам необходимо самое энергичное развитие производительных сил страны, нужен сказочный рост народного хозяйства, чтобы справиться с государственным банкротством, а между тем лектор не видит в стране творческих сил, которые поднимали бы нас из бездны. Напротив, действуют повсюду одни разрушительные силы, которые уничтожают экономические, культурные и правовые ценности. Французская революция обогатила французский народ. Через десять лет со дня революции Франция стала неузнаваемой. Там разрушение старого порядка сопровождалось огромной творческой работой революционного народа. У нас пока, к великому горю для русского народа, творческой работы нет. Может быть, я ошибаюсь, закончил убеленный сединами лектор, может быть, я слишком осторожен в оценке момента и действующих сил русской революции, но: “Старость ходит осторожно / И подозрительно глядит. / Чего нельзя и что возможно, / Еще не вдруг она решит”» (Лекция В. Водовозова // Южный Урал. 1917. № 75. 14 дек.). Лектор цитировал строки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1829).

479

Последователи одного из течений духовного христианства, отделившегося от православия, которые, поклоняясь Богу «в духе и истине», не признают видимых икон и креста, не почитают святых, отрицают необходимость клира, не совершают крестного знамения, не носят нательный крест и не употребляют свинину, спиртное и табак.

Бегуны, странники (Странническое согласие) – последователи одного из беспоповских, т. е. не имеющих духовенства, направлений старообрядчества, которые «спасением души» считали «вечное странство», разрыв с миром, отказ от любых гражданских повинностей и обязанностей.

481

См.: Ис. 1: 21–23.

482

Неточность: в 1894 г. в Берне образовался Союз русских социалистов-революционеров за границей, в 1896 г. в Саратове – Союз социалистов-революционеров, перенесенный в 1897 г. в Москву, а в 1900 г. в Харькове прошел съезд Южной партии социалистов-революционеров, возникшей еще в 1897 г. в Воронеже, и тогда же в Париже организовалась Аграрно-социалистическая лига. Но лишь в декабре 1901 г. представители Союза социалистов-революционеров и Южной партии социалистов-революционеров приняли решение об объединении во всероссийскую Партию социалистов-революционеров; сообщение о ее создании появилось в газете «Революционная Россия» в январе 1902 г., но учредительный съезд эсеров собрался только в декабре 1905 г.

483

Неточность. В Учредительное собрание были избраны два народных социалиста: по Тобольскому избирательному округу прошел бывший трудовик, депутат 4-й Государственной думы и губернский комиссар Временного правительства, журналист А. С. Суханов, по Вятскому избирательному округу – Н. В. Чайковский.

Ныне Ленинградский вокзал.

485

Портплед – мягкая дорожная сумка для постельных принадлежностей и т. п.

486

Арестованные 28 ноября 1917 г. и переведенные 6 января 1918 г. из Петропавловской крепости в Мариинскую тюремную больницу А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были убиты ворвавшимися туда ночью матросами и похоронены 9 января на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

487

«Ледяной», или 1-й Кубанский, поход Добровольческой армии под командованием генерала Л. Г. Корнилова, а после его гибели – А. И. Деникина продолжался с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая) 1918 г.

488

Неточно процитированы слова протопопа Савелия Туберозова, обращенные к жене, из романа-хроники Н. Лескова «Соборяне» (1872): «Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается “житие”».

489

Петроградский историко-революционный архив функционировал в 1918–1927 гг., являясь частью Петроградского отделения Главархива.

490

См., например: «16 марта, в 14 час. дня, в зале Калашниковской хлебной биржи состоится публичное собрание, посвященное годовщине революции. С речами выступят В. А. Базаров, Б. О. Богданов, Л. М. Брамсон, С. Л. Вайнштейн, Звездин, В. Водовозов, Ф. А. Волькенштейн, А. А. Гизетти, В. Я. Гуревич, Ф. И. Дан, А. С. Зарудный, Е. Е. Колосов, Л. Мартов, А. Н. Потресов, Н. И. Ракитников, В. Б. Станкевич, В. Строев, А. А. Трояновский, Вера Фигнер» (Наш век. 1918. № 49. 3 марта). На митинге, организованном Просветительным обществом в память 27 февраля 1917 г. «Культура и свобода» (председатель президиума: М. Горький) в помещении Высших женских (Бестужевских) курсов на Васильевском острове 31 мая 1918 г., В. В. Водовозов произнес речь «Гибель книги – гибель культуры» (см.: Работы книжного отдела «Культуры и свободы» // Вестник культуры и свободы. 1918. № 1. Июль. С. 53).

491

См., например, четыре лекции (12 часов) на тему: «Гражданские свободы (свобода печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности)», которые В. В. Водовозов и Л. М. Брамсон прочитали на открывшихся 25 марта 1918 г. центральных курсах общества «Культура и свобода» в его помещении по адресу: Греческий проспект, 13 (Образовательные политические курсы // Вестник культуры и свободы. 1918. № 2. Август. С. 48).

великий год (*нем.*).

493

Зачеркнуто: «Это, конечно, жаль, – но лес рубят, щепки летят».

494

28 января (10 февраля) 1918 г. нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий, который отстаивал формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем», передал участвовавшим в брестских переговорах делегациям Центральных держав письменное заявление, в котором говорилось, что, «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» (Седьмой экстренный съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1962. С. 246).

495

Неточно процитирован «Борис Годунов» А. С. Пушкина.

496

См. очень любопытную статью в № 230 «Петроградской правды» (11 октября 1919 г.) о «свободе пропаганды» (номер у меня есть, статья помечена мною для рубрики «Свобода»). В этой статье признается, что страх перед большевиками диктует белым меры против свободы пропаганды, и делается вывод, благоприятный для большевизма. А почему газета не делает обратного вывода, что раз страх перед белыми диктует большевикам репрессивные меры, то, следовательно, истина на стороне их врагов?

497

Социо-библиологический институт (Институт социальной библиографии), основанный в октябре 1918 г. в Петрограде, в сентябре 1919 г. был преобразован в Социологический институт и закрыт в 1921 г. (см.: *Ловягин А. М., Вольтер Э. А.* Социо-библиологический институт. Цели и задачи социологической библиологии. Пг., 1918; Деятельность Социо-библиологического института за первый год его существования и преобразование его в Социологический институт. Пг., 1919).

К счастью, это не было осуществлено: формально Публичная библиотека закрыта не была. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

499

Речь идет о «домовом комитете бедноты».

500

Имеется в виду Петроградский историко-революционный архив, в котором В. В. Водовозов служил с 1 октября 1918 г. В «Отчете по I отделению VII секции Единого государственного архивного фонда от начала его существования (июль 1918 г.) по 31 октября 1918 г.» говорилось, что «В. В. Водовозов взял на себя [библиографическое] описание нелегальной литературы до 1878 г. – до образования “Земли и Воли” <…>» (История Государственного архива Российской Федерации. Документы. Статьи. Воспоминания. М., 2010. С. 43).

501

См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Белые подходили все ближе и ближе. На службе только и разговоров было, что об их приближении. И хотя в нашем историко-революционном архиве большая часть служащих была революционная, белых все ждали с удовольствием. “Пусть хоть сам черт придет, только с белой булкой”, – формулировал А. А. Шилов, помощник Щеголева, сильный bolchivisant. Только раз у Ковальской-Маньковской вырвалось: “Да что же мы тогда делать будем? Ведь нас и пайка лишат и со службы погонят!” Но ее тотчас пристыдили. <…> Грохот пушек мы слушали с восторгом и с горячей верой в близкое освобождение. Разъезды белых доходили до самого Петербурга. Гатчина была занята, вот-вот и все кончится. Единственным пессимистом оставался Василий Васильевич. “Ты будешь сомневаться и тогда, когда мимо наших окон пройдет белая конница!” – с негодованием говорила я. “Подойдут и уйдут, как уже не раз было. Революции так просто не кончаются”. И он был прав» («Теперь я пешка, с которой никто не считается»: Воспоминания о В. В. Водовозове О. А. Введенской-Водовозовой. 1933 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 116).

502

Гипсовый бюст А. Н. Радищева, выполненный Л. В. Шервудом и установленный в проломе ограды сквера Зимнего дворца со стороны набережной, был торжественно открыт 22 сентября 1918 г., но, снесенный ветром 19 января 1919 г., упал и разбился.

503

Бюст Софьи Перовской работы итальянского скульптора Орландо Гризелли, выполненный в кубофутуристском стиле и открытый 29 декабря 1918 г., был демонтирован согласно постановлению исполкома Петросовета от 8 апреля 1919 г.

504

Ограда сада Зимнего дворца, изготовленная в 1899 г. по проекту архитектора Р. Ф. Мельцера (в виде узора из стилизованных листьев аканта, окружавших герб империи и вензеля императорской семьи) и удостоенная Гран-при на парижской Всемирной выставке 1900 г., была установлена в 1902 г.

505

Правильно: «Если бы я был царем, – сказал я Фросту, – с армией солдат и полицией за спиною, и если бы тем не менее я не мог спокойно спать из страха перед этими робкими девочками, пока они не высланы куда-нибудь за тысячи миль, – я отказался бы от престола в пользу кого-нибудь более сильного и менее трусливого» (*Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка / Пер. с англ. И. Н. Кашинцева. СПб., 1906. С. 26).

506

1 русский фунт равен 0,41 кг.

507

Лот равен 1/32 фунта или 12,8 грамма.

508

Имеется в виду Петроградский политехнический институт, открытый в 1902 г.

509

Испанская болезнь (испанка) – пандемия гриппа, начавшаяся в 1918 г. в Испании и стремительно распространившаяся по миру; завершилась в 1920 г.

510

См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «После Юденича жизнь стала окончательно невыносимой. Продукты на рынках появились. Но цены на них невероятно быстро росли; помнится, хлеб стоил 200 руб. фунт, масло 1500–2000, а жалованье Василий Васильевич получал около 2000, а я 1200. В комнатах было холодно, запас дров подходил к концу. <…> Электричество не горело, керосину достать было нельзя. Наша старуха-кухарка [Саша] простудилась и отправилась умирать к своим родным, предварительно очистив нашу кухню от излишней утвари. Ввиду моей полной хозяйственной неопытности моя мать предложила нам столоваться у нее» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 116–117).

511

Постановление Наркомата просвещения РСФСР от 17 августа 1919 г. «О преобразовании Петроградских высших учебных заведений» предписывало: «Преобразовать 1-й, 2-й и 3-й Петроградские университеты в единый Петроградский университет с двумя факультетами: общественных наук и физико-математическим» (Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. № 182. 17 авг.).

512

См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Мы прикрепились к бывшей столовой Высших женских курсов, в которой служило много моих знакомых. По приятельству мне наливали вместо 2 тарелок супа (из него и состоял весь обед для нерабочих) тарелок 7–8; дав ему отстояться, я сливала во дворе курсов половину жижи, остальное выпаривала на плите, пока не оставалось тарелки 2 более или менее густого супа. Это был наш обед» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 117).

513

Имеются в виду проф. А. И. Введенский, его жена (с 1881) Мария Ильинична (урожд. Груздева; ? – 1921) и их младшая дочь Зинаида (1888 – не ранее 1959) с мужем Михаилом Алексеевичем Лихаревым (1873–1941).

«Тройки» состояли из руководителей учреждений, партийной ячейки и месткома (местного комитета профсоюзной организации).

515

С 1882 г. семья А. И. Введенского проживала на 9-й линии Васильевского острова в доме № 46.

516

С.-Петербургское общество электрических сооружений (бывш. «Гелиос»), учрежденное в 1900 г., было ликвидировано в 1918 г., а его предприятия национализированы.

517

Правильно: «Петроградской правде».

518

Крещендо (*итал.*) – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

519

Служба в государственном учреждении тоже могла являться основанием для освобождения от военно-коммунистических повинностей; см. удостоверение, выданное Главным управлением архивным делом 19 октября 1918 г.: «Дано сие Вас[илию] Вас[ильевичу] Водовозову в том, что он состоит в должности ст[аршего] архивиста в 1-м отделении VII секции Государственного архивного фонда и, как служащий советского учреждения, несущий ответственные обязанности, которые не могут быть возложены на другое лицо, подлежит освобождению от явки к исполнению как трудовой повинности, так и повинности по всеобщему воинскому обучению, что подписью с приложением печати удостоверяется» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 43).

520

Лесной (Лесной участок, Лесная часть) – пригород Петербурга, названный по расположенному в нем Лесному институту.

521

«Гром победы раздавайся!» – неофициальный русский национальный гимн конца XVII – начала XIX в., слова которого написаны Г. Р. Державиным в 1791 г.

522

Аптека Ф. Р. Тилика располагалась по адресу: Средний проспект, 18.

523

Недели через две фирме удалось добиться, что постановление о ее национализации отменено, и фирма существует и поныне. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

524

Аптека, принадлежавшая с 1858 г. Вильгельму Пелю и его потомкам, учредившим в 1908 г. «Товарищество профессора доктора Пеля и сыновей».

525

Позднее оказалось, что hydrargyri bicyanatum и hydrargyri cyanatum имеют совершенно разное значение и данные мне капли для меня вредны. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

См.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг.: Изд. насл. авт., 1915–1917. Т. 1–8.

527

В 1918 г. государство монополизировало право на издание классиков. После этого Литературно-издательский отдел Наркомпроса в 1919 г. вновь выпустил (с дополнениями) первые 8 томов и стал выпускать последующие, а завершил издание Госиздат. См.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919–1925. Т. 1–22.

528

Имеется в виду здание, построенное в 1902–1904 гг. для компании «Зингер» и расположенное по адресу: Невский проспект, 28. С 1919 г. там находились филиалы различных издательств и редакции газет и журналов.

529

5 августа 1919 г. В. М. Гессен, преподававший в Политехническом институте, но готовившийся к переезду в Иваново-Вознесенск, написал В. В. Водовозову: «Многоуважаемый Василий Васильевич. Мы собираемся уехать из Петрограда во вторник 12 августа. Поэтому в субботу будем так рады повидать Вас. Непременно приезжайте». Но письмо дошло до адресата только 10 сентября, и Водовозов иронизировал, что хранит его «как памятник изумительной аккуратности и быстроты почты» при большевистской власти (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2616. Л. 2).

530

См. воспоминания жены В. В. Водовозова: «Нас в комнате было 6 человек: Эспер Серебряков, [Г. Л.] Полинковская, мальчик лет 16 [Павел], сын историка [Н. Н.] Павлова-Сильванского, одна барышня и мы с Василием Васильевичем. <…> Павлов-Сильванский и барышня писали какие-то карточки; Э. Серебряков и Гр[иния] Полинковская ничего не делали. Они принадлежали к аристократии нашего отдела и “старым революционерам”, которых пригласили на службу, чтобы их устроить, не обязав ничего делать, чем они и пользовались. Кроме этих двух к “старым революционерам” принадлежали [Л. Г.] Дейч, [Н. С.] Тютчев, [О. В.] Аптекман, [Е. Н.] Ковальская-Маньковская. <…> Все они были преисполнены сознанием своего превосходства и значения и были очень мало приятны; исключение составлял простой приветливый старичок Аптекман. Василий Васильевич часто спорил со мной за мои непочтительные отзывы о старых революционерах, но тоже не был от них в восторге и нередко подсмеивался, что Дейч, всегда бывший сателлитом более крупной революционной фигуры, теперь преисполнился такой важностью» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 113–114).

531

Позднее этот паек сильно сокращен; не знаю, с каких пор, но он выдается различным революционерам в разных размерах: революционеры с большими заслугами получают больше, с меньшими – меньше; как и везде при распределении революционных чинов – сплошная несправедливость. (Приписка 10 сентября 1920 г.)

Далее зачеркнуто: «Например, Полинковская; я внимательно пересмотрел все “Былое” и не нашел ни одного упоминания ее имени, а Морозов, Новорусский, если не ошибаюсь, его не получают, не говоря уже о Брешковской».

533

А. А. Шилов являлся помощником управляющего I отделением VII секции Государственного архивного фонда.

534

В настоящее время (10 сентября 1920 г.) там уже очень грязно и обед стал гораздо хуже, несмотря на то что каждый день вывешивается объявление о количестве продуктов, положенных в кушанья, и соли отпускается 1½ фунта на 100 порций, но в действительности…

535

См. удостоверение Философского общества при 1-м Государственном петроградском университете от 11 августа 1919 г. за подписью А. И. Введенского: «Сим удостоверяю, что Ольга Александровна Введенская командирована Философским обществом в Новгород и Старую Руссу на время с 15 августа по 1 сентября с. г. для осмотра философских отделов тамошних библиотек» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 93). Об этой поездке жена В. В. Водовозова писала: «В июле мы получили отпуск на 2 недели и решили провести его в Старой Руссе. <…> Василий Васильевич взял командировку для прочтения лекций в Старой Руссе, я взяла совершенно фиктивную командировку от Философского общества, где мой отец был председателем, для осмотра тамошней библиотеки, и мы поехали не только не в теплушке, а даже в вагоне международного общества. Командировка дала нам право остановиться на одну ночь в гостинице, а там Глинка устроил нас у своей фельдшерицы, прописал ванны, усиленные обеды и прочие блага; на базаре можно было покупать за сравнительно низкую цену молоко, масло, яйца, овощи, и мы недурно отдохнули. Перед отъездом Василий Васильевич прочел лекцию на свою любимую тему об общественных взглядах Пушкина. Лекция понравилась, и местный наробраз просил его приехать еще раз и прочитать две лекции. Василий Васильевич предложил тему “Библия и Евангелие в свете науки”, причем бы лекция сопровождалась прениями. Мы вскоре и приехали опять» («Теперь я пешка, с которой никто не считается». С. 114–115).

536

См.: «Один из наших друзей свел нас со своим товарищем, знавшим адрес перевозчика через польскую границу. Надо было ехать в Жлобин, там отыскать какого-то еврейчика, сдававшего комнату проезжим и служившего посредником при переправе. Из Жлобина ехали до пограничной деревни, переходили пешком нейтральную зону и опять ехали до польского пограничного пункта. Мы решили воспользоваться этим указанием. <…> Запрятав в подкладку шляпы рекомендательные письма к польским деятелям, помощь которых могла нам понадобиться [*нрзб*], тщательно зашив в пальто деньги и золотые вещи, мы в конце апреля сели в поезд. Было немного жутко и грустно. Накануне, любовным взглядом окидывая полки своей библиотеки, Василий Васильевич не раз вздохнул: “Вернусь ли я когда-то к этой библиотеке в эту квартиру?” Мы не сжигали за собой кораблей. Квартира оставалась неразоренной, в ней жила мать Василия Васильевича со своей компаньонкой, несколько месяцев назад поселившаяся с нами. <…> Мы благополучно добрались до Жлобина, отыскали указанного нам еврея и остановились в грязной, с массой перин и насекомых, комнате. Еврей обнадежил нас, обещав не дальше чем через два дня привести перевозчика. Едва мы обосновались, как к нам явились две дамы – одна петербурженка, вдова генерала, убитого во время войны, другая – дочь директора какой-то фабрики, обрусевшая немка. Обе они с той же целью, что и мы, приехали в Жлобин, уже довольно давно живут в нем, имея дело с нашим евреем, который все водит их за нос и до сих пор [не хочет переправить через границу], предпочитая выманивать деньги за содержание <…>. Прожили и мы несколько дней без всякого результата; еврей все обещал устроить дело завтра или послезавтра, и оно не двигалось. От дам мы узнали, что в Жлобине есть врач, старый, почтенный интеллигент, которому можно довериться. Василий Васильевич решил пойти посоветоваться с ним. “Да разве вы не знаете, что начались военные действия с Польшей; теперь никто не возьмется везти вас”. Нам оставалось только вернуться» (Там же. С. 120).

537

«Рассказ о семи повешенных» – повесть Л. Андреева (1908), прототипами героев которой были эсеровские боевики, готовившие покушение на министра юстиции И. Г. Щегловитова; подробнее см.: *Кан Г. С.* Грозя бедой преступной силе… Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). СПб., 2021. Т. 1. С. 7–8, 533–535.

538

1 пуд равен 16,4 кг.

539

Мирный договор между РСФСР и Эстонской республикой был заключен 2 февраля 1920 г. в Тарту, с Финляндской республикой – 14 октября 1920 г. там же.

540

Гипсовый бюст Ф. Лассаля, выполненный скульптором В. А. Синайским, был открыт на Невском проспекте 6 октября 1918 г., демонтирован в 1920 г. и, восстановленный в граните в декабре 1923 г., простоял до 1937 г.

541

Гипсовый памятник В. Володарскому работы скульптора М. Ф. Блоха, открытый на бульваре Профсоюзов (б. Конногвардейском) 22 июня 1919 г., был взорван в мае 1921 г.

542

Имеются в виду реформированные правила правописания, утвержденные декретом Совнаркома «О введении новой орфографии» от 10 октября 1918 г.

543

Фонды Петроградского историко-революционного архива предполагалось вывезти в Москву, ликвидировав его в декабре 1919 г., но он просуществовал до января 1927 г.

544

См. отношение от 3 мая 1920 г.: «Нижепоименованный служащий Историко-революционного архива, проживающий в пределах подрайона (I Василеостровского района), совершенно не имеет обуви, так как бывшая у него пришла в полное разрушение и дальнейшее оставление его в таком положении не только угрожает его здоровью, но и совершенно лишает возможности посещать службу. На обращение Историко-революционного архива в Распределительный отдел Петрокоммуны Отдел заявил, что к 25 мин[у]в[шего] апреля он раздаст по районам полторы тысячи пар обуви, куда и рекомендовал обратиться со ссылкой на Отдел. На обращение Историко-революционного архива в Распределительный отдел рай[онное] бюро направило обратиться в подрайон. Ввиду изложенного Историко-революционный архив просит Первый Василеостровский район об удовлетворении ордером на обувь, т. е. на сапоги и галоши, служащего Василия Васильевича Водовозова в срочном порядке, причем архив удостоверяет, что по району через Д[омовый] К[омитет] Б[едноты] вышеуказанный служащий в истекшем году ордеров ни на сапоги, ни на галоши не получал. Управляющий отделением А. Шилов» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 46). В свою очередь, Училище командного состава флота, в котором Водовозов преподавал, удостоверяя 17 декабря, что он «действительно нуждается в приобретении валенок благодаря преклонному возрасту и невозможности приобрести их помимо Петрокоммуны», ходатайствовало об удовлетворении его просьбы, но, видимо, безуспешно. Во всяком случае, 14 декабря 1921 г. Водовозов снова обращается в Петрокоммуну: «Имея расстроенное здоровье, легко подвергаясь простуде, которая крайне опасна при слабости моих легких, и не имея в настоящее время ни крепких сапог, ни калош, вынужденный ходить в сапогах дырявых, я очень прошу выдать мне сапоги и калоши» (Там же. Л. 24, 61).

545

Петроградская потребительская коммуна (Петрокоммуна), созданная в сентябре 1919 г., ведала заготовкой и распределением продуктов питания и предметов первой необходимости; просуществовала до лета 1921 г.

546

Имеется в виду Дом ученых, открытый 31 января 1920 г. в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта ученых.

547

12 мая 1920 г. в Петроград приехала делегация лейбористской партии и английских тред-юнионов, присутствовавшая в тот же день на пленуме Петроградского губернского совета профсоюзов.

548

20–30 мая 1920 г. в Омске проходил суд над членами правительства А. В. Колчака.

549

Речь идет о военном перевороте в Омске 18 ноября 1918 г., в результате которого Директория (Временное всероссийское правительство) была распущена (часть ее членов, эсеров, арестовали и выслали за границу), а Верховным правителем стал А. В. Колчак, утвердивший постановление совета министров от 30 ноября о введении смертной казни «за посягательство на ниспровержение или изменение» существующего государственного строя.

550

В. В. Водовозов, упоминая об адресованных ему письмах Г. А. Лопатина, замечал: «К сожалению, часть их у меня была отобрана при обыске в начале ноября 1918 г. и, несмотря на просьбу, официально обращенную Революционным архивом в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, до сих пор не возвращена» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1631. Л. 1).

551

На протяжении более сорока лет М. А. Шепельская была «незаменимой помощницей» по книжному складу и ведению дома матери В. В. Водовозова, которая пользовалась ее заботами «до своей смерти и на руках которой она скончалась»; хоронить покойную тоже пришлось «этой самоотверженной спутнице ее жизни» (*Кареев Н. И.* Елизавета Николаевна Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 181–182). Елизавета Николаевна скончалась, когда Водовозов находился за границей, а из семьи другой ее невестки, бывшей издательницы, на похороны, как сообщала ему Шепельская, никто не пришел.

552

См.: *Политикус* [*Михайлов Л. М.*] К морю // Петроградская правда. 1920. № 135, 137, 141. 22, 24, 29 июня.

553

Финикия (от *греч.* Фойнике, *букв.* страна пурпура) – древнее государство на восточном побережье Средиземного моря, достигшее наивысшего расцвета в 1200–800 гг. до н. э.

554

Выборы в Петроградский совет проходили 23–30 июня 1920 г.

555

Имеется в виду машиностроительный завод «Людвиг Нобель», переименованный в 1919 г. в «Русский дизель».

556

Шв. П. [*Федин К. А.*] Про эпидемию чертовщины, о ее распространении, последствиях и единственно возможном лечении // Петроградская правда. 1920. № 150. 9 июля.

в полном составе (*лат.*).

558

Старое рушится, меняется время … старая жизнь расцветает из руин (*нем.*); правильно: «Und neues Leben blüht aus den Ruinen» (*нем.*) – «И новая жизнь расцветает из руин» (слова из драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» (1804)).

559

Видимо, имеется в виду кризис, связанный с территориальной принадлежностью Аландских островов, парламент которых выступал за присоединение их к Швеции; решение о сохранении суверенитета Финляндии над островами было принято Советом Лиги наций в июне 1921 г.

560

Александровск – уездный город Архангельской губернии (с 1899 г.) в Екатерининской гавани на выходе из Кольского залива; с 1939 г. город Полярный.

561

В удостоверении от 23 сентября 1920 г. говорилось: «Предъявитель сего, тов. Водовозов Василий Васильевич, сотрудник Экономического отряда Северной экспедиции Выс[шего] сов[ета] нар[одного] хоз[яйств]а, командируется к месту работ в гор. Александровск на Мурмане. Цель командировки: производство экономических исследований. Срок: по 20 октября с. г.» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2898. Л. 95).

вот где собака зарыта (*нем., букв.*), т. е. в этом заключается суть вопроса.

563

В. М. Бехтерев в июне 1920 г. опубликовал обращение «К русским ученым за границей» (Петроградская правда. 1920. № 137. 24 июня). Ему ответил М. И. Ростовцев: *Rostovtzeff M. I.* Should Scientists Return to Russia: A Reply to Prof. Bekhterev // The New Russia. 1920. Vol. 2. July 22. P. 370–372 (сокр. рус. перевод: Последние новости (Париж). 1920. 23 июля; полный: Должны ли ученые вернуться в Россию: Ответ проф. Бехтереву // Ростовцев М. И. Политические статьи. СПб., 2002. С. 116–120). В письме, озаглавленном «С народом или без народа» (Петроградская правда. 1920. 7 сент.), В. М. Бехтерев писал, что из «Петроградской правды» от 27 августа 1920 г. узнал об ответе Ростовцева на его «призыв русской учащейся молодежи, обращенный к русским ученым, профессорам и преподавателям, находящимся за границей, с приглашением вернуться в Россию», испытывающей «настоятельную потребность в творческих научных силах в настоящий период, переживаемый нашей страной», и указывал на «аполитичность научного труда вообще, что дает возможность квалифицированному научному работнику заниматься своим трудом, не входя в партийную деятельность». Однако Ростовцев «по поводу этого отвечает за себя: “На это я не пойду”. Таким образом, если заявление проф. Ростовцева передано верно в заметке, то выходило бы, что все ученые, остающиеся в России, своею научною работою совершают преступление против родины». Указывая, что «в России ощущается большая надобность в преподавании и научном труде», Бехтерев призывал, «не политиканствуя, работать в качестве ученого или преподавателя у себя на родине вместе со своим народом» и замечал, что Ростовцеву «следовало бы поставить для себя альтернативу: быть ли “с народом” или “без народа”». В ответной реплике от 18 октября 1920 г. Ростовцев выдвигал другую альтернативу: «С большевиками или против них», считая, что оппонент «приспособился» к режиму, и называя его деятельность «и преступлением, и предательством» (*Ростовцев М. И.* Еще один ответ проф. Бехтереву // Последние новости. 1920. 4 нояб.).

564

См.: Ответ Бальфуру. (От Народного комиссариата по иностранным делам) // Красная газета. 1920. № 200. 9 сент. В телеграмме Г. В. Чичерина на имя Л. Б. Каменева, предназначенной для передачи А. Бальфуру, в частности, говорилось: «Бывшие жилища аристократии превращены в большие народные клубы, где трудовые массы наслаждаются жизнью, слушают музыку, смотрят спектакли, участвуют в политических прениях, слушают научные лекции или просто проводят свободное время в дружеском общении».

565

Камча – шелковая цветная ткань, использовавшаяся, в частности, для изготовления чулок.

566

См.: Убийство членов ЦК Финляндской коммунистической партии. Извещение Всероссийской чрезвычайной комиссии // Красная газета. 1920. № 199. 8 сент.

567

Вследствие острого конфликта между верхушкой и оппозиционной группой в Финской компартии 31 августа 1920 г. в помещении ее клуба в Петрограде были застрелены из револьверов 8, в том числе 3 члена ЦК, и ранены 11 работников ее аппарата (подробнее см.: *Измозик В. С.* Дело «красных финнов» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 69–82).

568

Американский президент Вудро Вильсон в своем обращении к конгрессу и народу в сентябре 1919 г. заявил, что «нынешние правители России не имеют мандата от народа и не представляют никого, кроме самих себя»; об этом же говорилось в ноте государственного секретаря Бейнбриджа Колби от 10 августа 1920 г., адресованной европейским правительствам, что нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин в телеграмме, направленной 10 сентября представителям РСФСР за границей, расценивал как «грубые клеветнические обвинения» (см.: *Пушкарев С.* Ленин и США // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 360, 363–364).

569

В радиотелеграмме, направленной В. И. Ленину корреспондентом газеты «Daily News» из Берлина 3 сентября 1920 г., в частности, говорилось: «Отчет британской делегации указывает на суровые преследования всех противников советской системы управления, между тем как рабочие недисциплинированны, а крестьян не удалось привести к признанию нового режима. Бертран Рэссель указывает также на тиранию, которая проводится под вашим управлением. Доклад, опубликованный здесь германским независимым социалистом Дитманом, еще более неблагоприятен для вас. Он указывает, что рабочие, которые отказываются в России работать, расстреливаются. Он указывает, что 75% всего населения России – крестьяне и что они не социалисты и не коммунисты. Дитман говорит, что в России правит милитаризм, что дезертиров расстреливают, а рабочим не позволяют бастовать. Он заявляет, что в русских городах нет ни социализма, ни коммунизма и что вместо диктатуры пролетариата существует только диктатура над пролетариатом. Не можете ли вы послать мне ваши подробные ответы на эти обвинения, которые тем более вредны для вас, что они исходят от известных социалистов. Не угодно ли будет вам ответить также на следующие вопросы: 1) каков ваш ответ на обвинения, которые заключаются в недавней ноте президента Вильсона; 2) появились опять два подробных отчета об убийстве царского семейства, – какие меры приняло советское правительство против убийц?» (Советская Россия и буржуазное общественное мнение. Радиотелеграмма корреспондента лондонской газеты «Дейли Ньюс» на имя тов. Ленина // Известия. 1920. № 202. 12 сент.).

570

Неточность. В. И. Ленин ответил: «[Пусть] к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т. е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал)» (*Ленин В. И.* Ответ корреспонденту газеты «Дейли Ньюс» г. Сегрю // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 41. С. 277–278).

571

Имеется в виду законопроект «о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», принятый Совнаркомом 11 декабря 1920 г. и представленный в президиум ВЦИК для внесения на VIII Всероссийский съезд Советов, см.: Проект земельного закона // Красная газета. 1920. № 282 (863). 15 дек.

Топливный кризис в Петрограде. (Совещание в совнархозе) // Там же.

На Петроградских заводах. Что имеем, не храним // Там же.

Леонтьев А. Заседание на Путиловском заводе. Исполнительный комитет Петроградского совета р.-к. д. 14 декабря // Там же.

575

Имеется в виду декрет «Общие экономические и юридические условия концессий», принятый Совнаркомом РСФСР 23 ноября 1920 г. (Известия ВЦИК Советов. 1920. № 265. 25 нояб.).

Комитет по расширению посевов и улучшению обработки земли (см. постановление VIII Всероссийского съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» от 28 декабря 1920 г.).

577

Правильно: «Инструкцию о порядке выработки плана засева и проведения его в жизнь составить Наркомзему по соглашению с Наркомпродом и представить на утверждение Совета народных комиссаров одновременно с планом обязательного засева» (Декреты Советской власти. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. Т. 12. С. 83). Имеются в виду Народный комиссариат земледелия и Народный комиссариат продовольствия РСФСР.

578

Речь идет о Г. Л. Полинковской, работавшей в Петроградском историко-революционном архиве.

579

См.: *Шагинян М.* Кое-что о русской интеллигенции // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 277 (769). 9 дек. В. Ф. Ходасевич оценивал фельетон как «отвратительнейший донос на интеллигенцию, которая, чтобы насолить большевикам, “сама себя саботирует” – припрятывает продукты, мыло, голодает и вымирает назло большевикам, а могла бы жить припеваючи» (*Ходасевич В.* Избранная проза. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. С. 213).

М. Шагинян писала: «…русский интеллигент предпочитает вовсе не переодевать белья, чем стирать самому; он станет есть из немытой посуды, лишь бы не мыть ее своими руками. У него нет воли к благообразию, инстинкта к преодолению зла. Он непротивленец, непротивленец по природе. Его засидят мухи, загадят мыши, запорошит мусор, – и он все стерпит. <…> Русский интеллигент, как вы видите, саботирует сам себя: разве тут идея или политика? Проистекает это от бедности интеллигентского жизнеощущения, от неуменья его бороться за самого себя и, главное, от полной неспособности к будничному труду» (*Шагинян М.* Указ. соч.).

581

Цитируется стихотворение Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1877).

582

Фараон – презрительное наименование городового.

583

См.: Третья сессия ВЦИК: Народное просвещение. (Доклад т. Луначарского) // Красная газета. 1920. № 216. 28 сент.

584

К-н П. Лечить, а не кончить самоубийством. (О коммунальной пище) // Красная газета. 1920. № 288 (809). 22 дек.

585

Канатная фабрика И. Гота, переименованная в 1920 г. в Петровскую канатную фабрику «Петропенькострой», а в 1922 г. в Петроградскую государственную фабрику «Канат», располагалась в южной части Петровского острова между Малой Невой и Петровским проспектом.

586

Неточность: Школа журнализма, основанная П. Пильским, открылась 10 марта 1918 г. и имела всего один выпуск; мемуарист имеет в виду Институт журнализма при Петроградском отделении РОСТА (с 8-месячным сроком обучения), который открылся 20 декабря 1920 г.

коллоквиум (*лат.*).

588

О праве пользования электрической энергией // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 287 (779). 21 дек.

589

Печатается по: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: сб. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М., 1927. С. 283–287. В примечании к первой публикации воспоминаний (Былое. 1925. № 6 (34). С. 131–132) говорится: «Настоящий рассказ является записью со слов В. В. Водовозова, своевременно им просмотренной и исправленной. *Ред*.».

590

Печатается по: На чужой стороне. 1925. Кн. 12. С. 174–180. Многочисленные сокращения в воспоминаниях раскрыты без оговорок.

591

Ср.: «В центре голодного края, в Самаре, несколько интеллигентских кружков взяло на себя труд – по мере возможности помочь голодающим. Как водится, предполагалось основать комитет. На одно из заседаний явился молодой человек, лет двадцати, ссыльный студент Казанского университета. Он хладнокровно выслушал горячие речи, затем поднялся с места и высказался в кратких словах, не обращая ни малейшего внимания на возгласы возмущения и протеста. Мнение его сводилось к следующему: очень жаль, конечно, что народ мрет с голоду. Но виновником всех народных бедствий является существующий строй. Все частные задачи должны отступить перед основной общей задачей. Голод революционизирует народные массы и облегчает борьбу с самодержавием. Поэтому нелепо и преступно делать то, что намерен делать комитет. Он в этом преступлении участвовать не намерен.

Сказал и ушел.

– Кто такой? – слышались изумленные голоса.

– Владимир Ульянов, брат известного… – отвечали осведомленные.

Это было, собственно, первое политическое выступление Ленина. Оно произвело сенсацию не в одной Самаре. [Н. К.] Михайловский, не называя по имени ссыльного мальчика, уделил ему несколько резких слов» (*Алданов М. А.* Неправдоподобный сценарий // Дни. 1924. № 371. 27 янв.).

592

Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 22–24.

593

В 1895 г. в Петербурге под псевдонимом Н. Бельтов вышла книга Г. В. Плеханова «К вопросу о монистическом взгляде на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп.».

См. примеч. 186 к первой части воспоминаний Водовозова.

595

См.: *Кириллов В. Л.* «Люди одного духовного братства»: Неизвестные письма революционера Г. А. Лопатина к В. В. Водовозову из фондов ГМПИР // Политическая история России. Теория и музейная практика: сб. науч. трудов Государственного музея политической истории России. СПб., 2021. Вып. 11. С. 34–35.

Дело В. В. Водовозова // Русское слово. 1910. № 232. 9 окт.

до греческих календ (*фр*.).

598

С июля 1862 г. по ноябрь 1866 г. Д. И. Писарев отбывал заключение в Петропавловской крепости, где ему разрешили заниматься литературной деятельностью.

599

Боцяновский Владимир Феофилович (1869–1843) – заведующий литературно-критическим отделом редакции газеты «Русь», в котором сотрудничал А. В. Амфитеатров, и официальный редактор первой книжки «Современника».

600

Коялович Михаил Михайлович (1859–1916) – заведующий политическим отделом газеты «Русь».

601

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

Там же. Оп. 2. Д. 235. Л. 1.

603

В состав редакционно-издательского комитета «Современника» первоначально входили А. В. Амфитеатров, В. Ф. Боцяновский, М. М. Коялович, издатель журнала П. И. Певин и В. А. Тихонов.

604

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 247. Л. 1.

605

Ответное письмо М. М. Кояловича (без даты) см.: Там же. Л. 4.

Там же. Д. 235. Л. 1–2.

Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 247.

608

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 235. Л. 3.

609

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 256. Л. 3.

См.: *Водовозов В.* С. А. Муромцев как председатель Государственной думы // Современник. 1911. Кн. 1. С. 282–305.

611

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 235. Л. 3–4.

Литературное наследство. Т. 95. С. 283.

613

Быков Петр Васильевич (1844–1930) – писатель и журналист, официальный редактор журнала «Современник» (1911. № 2 – 1914. № 4).

614

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 58. Л. 3–4. Далее цитируется без ссылок.

615

Обыгрывается название книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (Женева, 1884), посвященной полемике марксистов с народниками.

616

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 4.

617

Там же. Л. 5–7.

618

29 мая 1911 г. В. В. Водовозов пишет А. В. Амфитеатрову: «Очень рад, что все эти слухи оказались более или менее вздором, как я, впрочем, и думал…» (Там же. Л. 11).

619

В тексте ошибочно: «России».

окончено (*нем.*).

621

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 11.

622

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 17–19.

623

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 11–12.

Там же. Л. 14–15.

625

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 48. С. 4–5, 11–12.

627

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 22–23.

628

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 117. Л. 9.

629

Имеется в виду следующая статья: *Водовозов В.* Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента // Современник. 1911. Кн. 5. С. 371–385.

т. е. эсеровским, с.-р.-ым.

631

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2554. Л. 26–27.

632

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 117. Л. 12, 17.

633

Polska Partia Socjalistyczna (PPS) – Польская социалистическая партия, образованная в 1893 г.

634

Имеется в виду политический еженедельник «Без заглавия», в котором сотрудничали В. В. Водовозов, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и др., выходивший в Петербурге в январе – мае 1906 г.

635

Литературное наследство. Т. 95. С. 591.

Водовозов В. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента. С. 383–384, 371–385.

Литературное наследство. Т. 95. С. 316–317.

638

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2002. Т. 9. С. 50.

639

Литературное наследство. Т. 95. С. 320.

640

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 72. Л. 4.

641

Третьего не дано (*лат.*).

642

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 108. Л. 20–21.

643

Там же. Д. 58. Л. 1.

644

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2254. Л. 10.

645

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2060. Л. 10 (Письмо от 28 июня 1911 г.).

резон, смысл (*фр.*).

647

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 2664. Л. 3–4.

648

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 119. Л. 7.

649

Горький М. Письма. Т. 9. С. 73. В объявлении о продолжении подписки на «Современник» указывалось, что журнал выходит «при ближайшем участии: А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова» (Современник. 1911. № 7. С. 2).

650

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 72. Л. 9–12.

651

Горький М. Письма. Т. 9. С. 476.

652

В 1911 г. М. Горький напечатал в «Современнике» рассказы из цикла «Жалобы» (№ 1, 3, 5, 9), часть цикла «Сказки об Италии» (№ 6) и очерк «Писатель» (№ 10).

653

Смесь // Исторический вестник. 1912. Т. 127. С. 412–413. Определением С.-Петербургского особого городского по делам об обществах присутствия от 4 сентября 1912 г. Петербургское общество литераторов и ученых было внесено в реестр обществ гор. С.-Петербурга за № 690.

654

Литературное наследство. Т. 95. С. 496 (Письмо от 3 марта 1912 г.).

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 48. С. 47–48.

656

Горький М. Письма. Т. 9. С. 252 (Около 20 января 1912 г.).

657

4 октября 1912 г. Е. А. Ляцкий известил В. В. Водовозова о результатах переговоров с М. Горьким: «Он согласился принять ближайшее участие в “Современнике”, чему я придаю огромное значение» (РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 8).

Там же. Л. 4–6.

659

Горький М. Письма. М., 2003. Т. 10. С. 116.

См.: *Стан[кевич] В.* Мнимые победы и действительные поражения. По поводу выборов в Государственную думу // Современник. 1912. Кн. 10. С. 305–317; *Водовозов В.* Война. Государственная дума // Там же. С. 337–352.

661

Горький М. Письма. Т. 10. С. 192.

Литературное наследство. Т. 95. С. 283.

663

Горький М. Письма. Т. 10. С. 131.

Литературное наследство. Т. 95. С. 752–753.

665

Горький М. Письма. Т. 10. С. 255.

666

7 сентября 1912 г. Е. А. Ляцкий сообщил В. В. Водовозову: «Наконец, договорился с Амфитеатровым. <…> Самый щекотливый вопрос состоял в том, чтобы внушить ему, что сотрудничество его не связано с положением “ближайшего” сотрудника журнала» (РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 20. Л. 2).

Литературное наследство. Т. 95. С. 516–517.

668

РГАСПИ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

669

См. письмо от 12 сентября 1912 г., в котором В. В. Водовозов обозначил себя «редактирующим общественный отдел в редакции “Современника”, временно заведующим редакцией» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 2300. Л. 1).

Литературное наследство. Т. 95. С. 530, 539.

671

Горький М. Письма. Т. 10. С. 244.

Литературное наследство. Т. 95. С. 645–646.

673

Там же. С. 564, 568–569. В объявлении о подписке на 1914 г. говорилось, что «Современник» издается «при ближайшем участии В. Я. Богучарского, В. В. Водовозова, Е. Д. Кусковой, В. Л. Львова-Рогачевского, Е. А. Ляцкого, М. П. Павловича, С. Н. Прокоповича, В. Б. Станкевича и П. Е. Щеголева» (Современник. 1913. Кн. 12. С. 1).

Современник. 1915. № 1. С. 2 (объявление о продолжении подписки); вышли № 1 (янв.) – 5 (май) и последний № 10 (окт.), после которого журнал прекратил существование.

675

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 3–4.

Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2654. Л. 1.

677

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 128. Л. 5–6.

Там же. Д. 145. Л. 31.

перспективы (*нем.*).

680

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

681

Перельман А. Воспоминания. СПб., 2009. С. 191–192.

682

Об оплате жилых помещений в городе Ленинграде. Обязательное постановление // Вестник Ленинградского Совета. 1924. № 64/65. 16 авг.

683

ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.

684

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 7. (Письмо Павлу Григорьевичу (Мижуеву?) от 21 сентября 1926 г.)

685

Там же. Д. 145. Л. 16, 18, 35, 61.

686

Имеется в виду энциклопедический словарь «Brockhaus Handbuch des Wissens in vier Bänden» («Справочник по различным отраслям знания Брокгауза в 4 томах»), 6-е издание которого вышло в Лейпциге в 1921–1923 гг.

687

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.

688

См.: *Динерштейн Е. А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2015. С. 350, 353.

689

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

690

Водовозов В. Открытое письмо. По поводу статьи М. Осоргина «О прочитанном» // Дни. 1927. 26 нояб.

Он же. Библиография // Дни. 1926. 28 нояб.

Ольденбург С. С. Памяти В. В. Водовозова.

693

Г[ольденвейз]ер А. А. [Рец. на кн.:] Водовозов В. В. Новая Европа // Руль. 1924. № 1223. 10 дек.

694

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

695

Спекторский Е. В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 412, 392.

696

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–2; см. также: Д. 102.

697

См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I: 1919–1929. С. 246, 249, 264, 287, 332; Т. II: 1930–1939. С. 28, 52.

698

ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 33–34.

Národní knihovna České republiky. Slovanská knihovna. T-RZIA. 2–6–142. Č. 1:3. Автор выражает глубокую благодарность директору пражской Славянской библиотеки Лукашу Бабке за предоставленные документальные материалы.

Ibid. 3–2–90. Č. 1:1.

701

ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 33–34.

T-RZIA. 2–5–36. Č. 1:4; 2–5–70. Č. 1:5.

703

ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 23–24.

См.: Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.

705

Правда. 1929. № 272. 22 нояб.

706

ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 107. Л. 5.

Преступление С. Ольденбурга // Руль. 1930. № 2771. 8 янв.

Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова.

709

Slovník národohospodářský, sociální a politický. Praha: Otakar Janáček. Díl I. 1929. 624 s.; Díl II. 1931. 636 s.; Díl. III. 1933. 729 s. (Vodovozov, Vasílij Vasiljevič // Op. cit. Díl. III. 1933. S. 637).

710

См.: Ottův slovník naučný nové doby: dodatky k Velikému Ottovu slovníku naučnému / redakci vede B. Němec. Díl I, sv. 1. 1930; Díl I, sv. 2. 1931; Díl II, sv. 1. 1932.

711

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 38–55.

712

T-RZIA. 6–348. Č. 1:4.

713

ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 17–19.

T-RZIA. 2–5–84. Č. 1:2.

715

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

716

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–2.

Там же. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 17. Л. 25, 30–31.

718

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

719

Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 2. Л. 18, 19.

720

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

721

T-RZIA. 2–5–99. Č. 1:3.

722

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 122. Л. 3–4.

723

См.: *Скартаццини И.* Данте / Пер. О. А. Введенской. Под ред. и со вступ. ст. Д. К. Петрова. СПб., 1905.

См.: *Водовозов В. В.* Царская Россия во время великой войны в изображении французского посла // Былое. 1922. № 20. С. 268–291.

725

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 123. Л. 18.

726

Бельговский К. Последние часы В. В. Водовозова перед самоубийством. (От пражского корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1933. № 283. 13 окт.

727

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.

Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

729

Видимо, имеется в виду книга: «История науки и новый гуманизм» (*Sarton G.* The History of Science and the New Humanism. N. Y., 1931).

730

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–4.

Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. М., 2008. С. 235.

734

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

Лосский Н. О. Указ. соч. С. 236.

736

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

Там же. Д. 7. Л. 55.

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 35.

739

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 40.

Там же. Д. 145. Л. 82.

Там же. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

Там же. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 165. Л. 4, 6.

Там же. Д. 160. Л. 1.

См.: Трагическая смерть В. В. Водовозова // Молва. 1933. № 234. 12 окт.; *Хирьяков А.* Под колесами судьбы. (Памяти В. В. Водовозова) // Там же. № 235. 13 окт.; Трагедия русской эмиграции // Единство (Прага). 1933. № 18 (102). 17 окт.; Самоубийство В. В. Водовозова // Новое русское слово. 1933. 19 окт.; Бросился под поезд В. В. Водовозов // Новая заря (Сан-Франциско). 1933. № 1227. 24 окт.; В. В. Водовозов // Дневник: информационный орган русской колонии в ЧСР. 1933. № 72. 27 окт.; *Ольденбург С. С.* Памяти В. В. Водовозова // Россия и славянство. 1933. № 226. 1 нояб.; Бросился под поезд и погиб В. В. Водовозов; Умер прекрасный представитель старой русской интеллигенции. Памяти В. В. Водовозова // Сегодня. Утр. вып. 1933. № 279. 9 окт.; *В[аршавский] С.* Самоубийство В. В. Водовозова // Возрождение. 1933. № 3052. 10 окт.; см. также: *Варшавский С.* Русская трагедия // Там же. № 3065. 23 окт., и др.

745

Ганфман М. Встречи с В. В. Водовозовым // Сегодня. Утренний выпуск. 1933. № 280. 10 окт.

Кускова Е. Памяти В. В. Водовозова // Последние новости. 1933. № 4585. 11 окт.

747

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

М[ейснер] Д. Памяти В. В. Водовозова. (Письма из Праги) // Последние новости. 1933. № 4614. 9 нояб.

749

ГАРФ. Ф. Р-5907. Оп. 1. Д. 138. Л. 41, 43.

750

Самоубийство О. А. Водовозовой // Последние новости. 1933. № 4623. 18 нояб.

751

Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь. С. 236.

752

Самоубийство О. А. Водовозовой // Последние новости. 1933. № 4623. 18 нояб.; см. также: Самоубийство вдовы В. В. Водовозова // Молва. 1933. № 266. 19 нояб.; Самоубийство О. А. Водовозовой // Единство. 1933. № 104. 17 нояб.

753

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

Там же. Д. 15. Л. 30.

Там же. Л. 8.

Там же. Д. 12. Л. 112.

Там же. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 5–11.

T-RZIA. 2–5–114. Č. 1:3.

759

ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

Там же. Д. 8. Л. 88.

Там же. Д. 2. Л. 33.

762

В. В. Водовозов собрал громадный, но далеко не полный массив своих публикаций, вырезая их из газет и журналов и вклеивая в толстые общие тетради большого формата. По ним атрибутированы не подписанные им статьи (в настоящем списке помечены: Б. п.). Например, одна из таких тетрадей озаглавлена: «1886–[18]99. Статьи из “Недели” и др. газет. Сюда не включены статьи, напечатанные в 1893–1894 в газ. “Русская жизнь”, в 1896 – в “Киевском слове”, в 1897 – в “Руси”, в 1898 – в “Сыне Отечества”» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1772). См. также дела с другими вырезками: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1498, 1604, 1751, 1753–1756, 1759–1778.

Названия книг, написанных или переведенных В. В. Водовозовым, выделены в списке полужирным шрифтом.

В указатель не внесены литературные и мифологические персонажи, а также лица, упомянутые только в комментариях; использованы следующие сокращения: АН – Академия наук, ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), ВСНХ – Высший совет народного хозяйства, ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет, НКИД – Народный комиссариат по иностранным делам, ПК – Петербургский комитет, ПСР – Партия социалистов-революционеров, РАН – Российская академия наук, РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков), РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия, СНК – Совет народных комиссаров, ТНСП – Трудовая народно-социалистическая партия.